РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

АКВИЛОН

МОСКВА

ISTORICHESKAIA GEOGRAFIIA

VOLUME 4

edited by
Irina G. KONOVALOVA

АКВИЛОН

MOSCOW 2019

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

ТОМ 4

Ответственный редактор
И.Г. Коновалова

АКВИЛОН

МОСКВА 2019

УДК 913. 1
ББК 63. 3
И 73

РЕДКОЛЛЕГИЯ

д.и.н. И.Г. Коновалова (отв. ред.),
к.и.н. А.А. Фролов (отв. секретарь),
к.геогр.н. В.Э. Булатов, акад. М.Д. Бухарин,
к.и.н. Т.П. Гусарова, д.и.н. И.Н. Данилевский,
к.и.н. Ф.С. Корандей, д.и.н. Е.А. Мельникова,
д.и.н. М.С. Петрова, д.геогр.н. В.Н. Стрелецкий,
д.и.н. Ар.А. Улунян, к.и.н. А.С. Щавелев

И 73 ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ. Том 4 / Отв. ред. И.Г. Коновалова. — М.: Аквилон, 2019. — 464 с.

В четвертом томе сборника «Историческая география» помещены исследования, посвященные представлениям о северных землях в римской и древнескандинавской геокартографической традиции; географии славянских общностей Восточной Европы; исторической географии Новгородской земли и Белозерского княжества; иностранным свидетельствам о внутрироссийских водных путях XVI–XVII вв.; истории отечественной картографии XVIII в.; вопросам исторической географии Кавказа и Закавказья; роли историко-географических концептов в общественно-политической публицистике второй половины XX в.; феномену города-государства в современном мире; предмету и методам исторической географии.

Издание представляет интерес не только для специалистов по исторической географии как таковой, но предназначено и для историков, географов, страноведов, историков географии и картографии, культурологов.

Научное издание

© И.Г. Коновалова, общая редакция, составление, 2019
© Коллектив авторов, 2019
© Институт всеобщей истории РАН, 2019
© Издательство «Аквилон», 2019

ISSN 2307–8200
Istoričeskaâ geografiâ (Istor. geogr.)

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издательством запрещается

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ ГЕОГРАФИИ И КАРТОГРАФИИ

Е.Е. Рычаловский
Петербургская академия наук в 1779–1780-е гг.
и карты Третьей экспедиции Д. Кука……. 7

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

А.В. Подосинов
Северная Евразия на Певтингеровой карте…… 77

Т.Н. Джаксон
«Он дал имя этой земле и назвал ее Гренландией,
и сказал, что людям скорее захочется туда поехать,
если у страны будет хорошее название»…… 141

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

А.С. Щавелев
«Белые пятна» имажинарной этногеографии «Повести временных лет»: Методологические и полемические заметки о локализации общностей дулебов, дреговичей, радимичей, тиверцев и хорватов 167

А.Л. Грязнов
Северная граница Белозерского княжества
по актам XV–XVI веков…… 199

А.В. Постников
Свидетельства иностранцев о водных путях,
которыми они впервые попали на Русь (XVI – начало XVII в.)….. 236

А.И. Савинова, Ю.В. Степанова
Расселение «зарубежных выходцев» в дворцовых волостях
Деревской и Бежецкой пятин Новгородской земли в XVII веке….. 277

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ КАВКАЗА И ЗАКАВКАЗЬЯ

В.А. Арутюнова-Фиданян
«Северные племена» ранней армянской историографии…….. 297

А.В. Акопян
О локализации некоторых монетных дворов
в Армении и Кавказской Албании (VIII – начало XIV века)…… 326

А.К. Шагинян
Политические и географические границы Южного Кавказа
(Закавказья)……... 351

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ар.А. Улунян
Геоисторические компоненты этнополитических концепций
в идеологических доктринах коммунистических режимов
Румынии, Болгарии и Албании (конец 60-х – 70-е годы XX в.)….... 368

И.Ю. Окунев, Б.А. Барабаш
Город-государство в современном мире:
Отличительные черты, преимущества и проблемы…….. 391

ОБЗОР

А.М. Авраменко
Предмет, проблемы и методы исторической географии
в монографии польского историка Яна Тышкевича……. 416

ХРОНИКА

XIII конференция по цифровым подходам к изучению картографического наследия (Мадрид, 18–20 апреля 2018 года) (*И.Г. Коновалова, А.А. Фролов*)…… 441

XVII Международная конференция по исторической географии (Варшава, 15–20 июля 2018 года) (*А.А. Фролов*)……... 447

СОКРАЩЕНИЯ……... 451
ABSTRACTS…… 452
CONTENTS……... 459
ОБ АВТОРАХ……... 461

Е.Е. Рычаловский

ПЕТЕРБУРГСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК В 1779–1780-Е ГОДЫ И КАРТЫ ТРЕТЬЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ КУКА*

Аннотация: К концу 1770-х гг. Петербургской академией наук был издан ряд карт северной части Тихого океана с прилегающими частями Евразии и Северной Америки, недостатки которых осознавались российскими учеными. Журналы и карты Третьего плавания капитан-командора Джеймса Кука 1776–1779 гг., использовавшего более совершенные приборы и методы съемки, значительно дополнили географические представления об указанном регионе. В статье рассмотрены пути, которыми сведения о плавании Кука достигали Петербурга, характер этих сведений и первые отклики на них членов Академии. Предметом отдельного изучения являются первые карты промышленников и сибирских геодезистов с использованием данных английской экспедиции, в том числе практически неизвестные в историко-географической науке. Поставлена под сомнение возможность передачи какой-либо из карт Третьего плавания с изображением северной части Тихого океана русским офицерам или промышленникам. Немалое место уделено истории изданий Петербургской академии наук — от карты 1781 г. П.С. Палласа до «Новой карты Российской империи» 1786 г., в той или иной степени интерпретировавших данные английского мореплавателя.

Ключевые слова: Третье плавание Джеймса Кука, Академия наук, картография, издания карт.

---

* Статья подготовлена в рамках совместного проекта РГНФ и Национального центра научных исследований Франции № 14-21-17001 «Россия и Западная Европа: пространство европейской культуры (с начала XVIII века до конца 1920-х годов)». Выражаем признательность В.Г. Ченцовой и Н. Хриссидису за предоставленные в наше распоряжение некоторые зарубежные издания и их копии.

Достоверность изображения северной части Тихого океана на академических картах 1770-х годов

Академик Герард Фридрих Миллер, во второй половине XVIII в. являвшийся наиболее авторитетным специалистом в вопросах истории Сибири и русских открытий в северной части Тихого океана, получил письмо руководителя Географического департамента Петербургской академии наук профессора Степана Яковлевича Румовского, датированное 24 января 1779 г. Приведем его текст:

Милостивый Государь.

Небезъизвестно Вашему Высокородию, что г[оспода] Енгель и Вогонди спорят против пространства Азии, в картах российских полагаемаго. Какия притчины побуждают сомневаться г[осподина] Енгеля о наблюдениях, в Камчатке учиненных, мне неизвестно, а г[осподин] Вогонди утверждается на свидетельстве покойнаго Гмелина и неверность наблюдений приписывает тому, что инструменты повреждены были в пути по Лене, что посланной для починок часовой мастер, или художник, был в художестве сем не довольно искусен и что, наконец, отправленной с ними человек на Камчатку претерпел кораблекрушение и едва спас жизнь свою. Хотя сих не точных обстоятельств и не довольно, чтоб зделать сомнительными наблюдения, на Камчатке учиненныя, ибо наблюдения, до отправления на Камчатку и по возвращении оттуда в Якуцк учиненныя, дают ту же долготу Якуцка, какая из новейших наблюдений произходит, однако для большей достоверности покорно прошу принять на себя труд обьяснить, сколь велико было повреждение в инструментах и бывший при експедиции художник в состоянии ли был оное поправить? Из сей достопамятной експедиции вы один остались, которой может решить сие сомнение, бывши самовидцем всех приключений, и я ведаю, сколько вам одолжена География сих мест. Ласкаю себя, что удостоите меня какого-нибудь на сие ответа. В протчем с истинным почтением и преданностию остаюсь

Вашего Высокородия
покорный и верной слуга
Степан Румовской[1].

[1] ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 3. Д. 235. Л. 1. Подлинник.

Речь в письме шла о критике, которой уже длительное время подвергали русские карты швейцарский географ-дилетант ландфогт Самуэль Энгель и французский географ Дидье Робер де Вогонди. Оба были убеждены, что российские ученые и моряки излишне продлили азиатский материк на восток по долготе. Но если Энгель полагал, что Азия удлинена на 30º и видел главную причину того в желании русских властей увеличить протяженность Северо-Восточного прохода и тем самым отпугнуть иностранных мореплавателей, то Вогонди считал это удлинение не столь значительным и связывал его с неточностью астрономических наблюдений[2].

Письмо С.Я. Румовского было, вероятно, вызвано принятым за два месяца до того, 16 ноября 1778 г., решением академической конференции — с целью усовершенствования российской географии назначить наиболее важные места в империи, географическое положение которых подлежало точному определению. Для составления списка мест был создан комитет, куда вошли С.Я. Румовский и адъюнкты А.И. Лексель и П.Б. Иноходцев[3]. В работе комитета участвовали также члены Географического департамента адъюнкты И.Ф. Трускотт и Я.Ф. Шмидт. 3 декабря того же года комитет представил список ряда городов Европейской России и предложил организовать для определения их географических координат две астрономические экспедиции, одну из которых возглавил П.Б. Иноходцев[4].

До 1779 г. Академия наук подготовила и издала одну генеральную карту Российской империи[5] и две карты открытий в Северо-Восточной Азии и северной части Тихого океана: большую карту в 1773 г.[6] и несколько видоизмененную «карточку»[7], при-

---

[2] О взглядах С. Энгеля и Д.Р. де Вогонди и участии их в полемике вокруг русских географических открытий см.: Hoffmann 2013: 105–114.

[3] Протоколы 1900: 388.

[4] Протоколы 1900: 390–391, 393; Материалы для истории экспедиций 1940: 117.

[5] Генеральная карта Российской империи, по новейшим наблюдениям и известиям сочиненная. СПб., [1776]. Вариант на латинском языке: Tabula Geographica Generalis Imperii Russici ad normam novissimarum observationum astronomicarum concinnata a Joh. Trescotio et Jac. Schmidio 1776.

[6] Карта, представляющая изобретения российскими мореплавателями на Северной части Америки с окололежащими местами в разные путешествия учиненныя. СПб., [1773]; вариант на французском языке: Nouvelle Carte

ложенную к статье академика Я. Штелина «Краткое известие о новоизобретенном Северном архипелаге»[8]. И если через два года возникли сомнения в правильности географического положения объектов европейской части России, то тем большие сомнения существовали в отношении координат, особенно долготы, таких отдаленных мест, как Камчатка, Чукотка, Алеутские острова и северо-западный берег Америки, где после Второй Камчатской экспедиции почти не проводились астрономические наблюдения.

Степень неуверенности академиков в правильности изображения этой части земного шара демонстрируют расхождения между картами 1773 и 1774 гг. и картой 1776 г., что было связано с использованием различных, в общем-то случайно попавших в Петербург, карт промышленников. Основанием карт 1773 и 1774 гг. послужили карта Г.Ф. Миллера и И.Ф. Трускотта 1754–1758 гг. и карта писаря Филиппа Вертлюгова 1767 г. Как и на первой карте, шишкообразный «Чукоцкой Нос, о котором не известно, сколь далеко простирается» обозначался пунктиром, на севере доходил до 75º с. ш., на востоке — до 207º д. (от меридиана Ферро). Мыс Сердце-Камень по-прежнему находился примерно под 66º 45´ с. ш. и 205º д., было сохранено положение островов, открытых в плавание В. Беринга и А.И. Чирикова, — между 50 и 54º с. ш. Однако горы Св. Иоанна и Св. Долматия и мыс Св. Ермогена, в 1754–1758 гг. обозначенные на континенте, теперь располагались на островах. В соответствии с картой Верт-

---

des Decouvertes faites par des Vaisseaux Russiens Aux côtes inconnues de l'Amerique Septentrionale Avec les Pais Adiacents. Dressée sur des memoires authentiques de ceux, Qui ont assisté a ces decouvertes, et sur d'autres Connoissances. SPb., 1773.

[7] Карта Новаго Севернаго Архипелага, изобретеннаго Российскими мореплавателями в Камчатском и Анадырском морях. [СПб.], [1774]; вариант на французском языке: Carte du nouvel Archipel du Nord decouvert par les Russes dans la Mer de Kamtschatka et d'Anadir. [SPb.], [1774]. «Географический месяцослов» с картой, подготовленный к печати в конце 1773 г., вышел в свет в январе 1774 г. (см. письма Я. Штелина Г.Ф. Миллеру от 14 января и 17 февраля 1774 г. (ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 3. Д. 269. Л. 358–359, 362–364 об.). П. С. Паллас упоминает, что «Месяцослов» и карта были изданы в 1774 г. (Pallas 1781: 275). Поэтому годом выпуска статьи Я. Штелина и карты мы считаем 1774 год.

[8] Штелин 1774: [29]–[60].

лугова западная оконечность Северной Америки была сдвинута к 223º д.[9], Берингов пролив расширялся до 14º, а в целом расстояние между Азией и Северной Америкой — до 18º. Между двумя материками был помещен большой остров «Алашка» (Аляска) и множество более мелких островов, доходящих до 67º с. ш. Таким образом, вместо одного пролива, соединяющего Тихий и Северный Ледовитый океаны, образовалось два. Впоследствии это ввело в заблуждение Д. Кука и заставило его потратить время на поиски второго пролива — между Аляской и американским материком[10]. В отличие от карты 1773 г., на карте Я. Штелина 1774 г. острова между 50º и 67º с. ш. получили название «Северный Архипелаг» и были разделены на Анадырские, Алеутские (между 56º 30′ и 61º 15′ с. ш.), Олуторские и открытые Берингом и Чириковым, без общего названия.

При составлении генеральной карты 1776 г. были использованы другие картографические материалы, в том числе предоставленные Г.Ф. Миллером[11]. Чукотка изображена на основании «Карты Анадыря с около ее лежащими местами, также землицы Чукоцкой и часть Северной Америки», составленной подполковником Ф. Пленисне́ром, острова к югу и юго-востоку от Чукотки – по журналам плавания И. Синдта, Командорские острова, Ближние Алеутские острова (Атта, Анату), часть Крысьих (Кыска, Четухина) и острова Св. Иулиана (к северо-востоку от о. Атта), Св. Авраамия и Св. Феодора – вероятно, по меркаторской карте адмирала А.И. Нагаева 1767 г.[12], восточные Андреяновские, Четырехсопочные и Лисьи острова (от Умнака до Кигалги) — по меркаторской карте штурманского ученика А. Очередина. Восточная оконечность Азии расположена под 65º 30′ с. ш. и 206º 30′ д., то есть смещена по широте и долготе более чем на градус. Бросается в глаза, что к востоку от Чукотского полуострова вплоть до 227º 40′ д. (до рамки карты с градусным делени-

---

[9] А.Ф. Бюшинг в своей рецензии на карту 1773 г. не совсем точно указал долготу, на которой располагалась на карте западная оконечность Северной Америки, — 224º (Wöchentliche Nachrichten 1773: 215).

[10] Williams 1962: 205.

[11] См.: Рычаловский 2015: 59–99.

[12] На копии карты, хранившейся у Г.Ф. Миллера, обозначены также места зимовок П.К. Креницына и М.Д. Левашова в 1768 г. См.: РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карты Иркутской губернии. № 58.

ем) простирается вода. Тем самым североамериканский континент отодвинут от Азии на неопределенное расстояние к востоку, как минимум на 11º. По свидетельству академика Петера Симона Палласа, составители карты не отважились нанести американский берег, не имея точных данных о его местоположении[13]. Очевидно, Географический департамент Академии наук и в 1776 г. считал ширину пролива между двумя континентами весьма значительной, но на сей раз исключил из него «Алашку» и большинство островов. Часть из них (все, кроме островов Св. Авраамия, Умнака и Уналашки, с измененными названиями) — тремя группами с названиями «Алеутские Ближние», «Лисьи» и «Дальние» — размещены между 52º 40´ и 61º с. ш. Между Крысьими островами (Кыска и Четухина) и одним из восточных Андреяновских (Отхак) на карте образовалось сплошное водное пространство протяженностью почти в 20º. П.С. Паллас уверял натуралиста Т. Пеннанта, что он совершенно может положиться на точность этой карты[14]. Но почти через год он дал высокую оценку карте Очередина, и полагал, что, копируя ее, составители генеральной карты неверно изменили расстояния между Алеутскими островами[15].

«Краткое известие» и карта Я. Штелина, впервые представившие русские открытия, которые произошли после Второй Камчатской экспедиции, вызвали огромный интерес в Европе. Уже в 1774 г. они были переизданы на английском языке под редакцией секретаря Королевского общества д-ра М. Мэти[16]. Однако несмотря на то, что европейские географы и мореплаватели вынужденно полагались на точность этой карты и связывали с нею надежды на успешные поиски Северо-Восточного и Северо-Западного проходов, в Петербургской академии наук осознавали реальное положение дел и отдавали себе отчет, насколько академические карты зависели от недостатка знаний

---

[13] Pallas 1781: 276.

[14] Письмо П.С. Палласа Т. Пеннанту от 13 августа 1778 г. (A naturalist in Russia1967: 28).

[15] Письмо П.С. Палласа Т. Пеннанту от 15 апреля 1779 г. (A naturalist in Russia 1967: 55).

[16] A Map of the Northern Archipelago discovered by the Russians in the Seas of Kamtschatka & Anadir // Stæhlin 1774. См.: The Charts & Coastal Views 1997: XLIX.

русских навигаторов и несовершенства инструментов, используемых ими для определения долгот и широт. Сразу после выхода в свет карты 1774 г. ее, а заодно и карту 1773 г., подверг критическому разбору академик Г.Ф. Миллер[17]. Эта рецензия была опубликована немецким географом А.Ф. Бюшингом. О неудовлетворенности картами тихоокеанского побережья Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки и расположенных между ними островов говорит тот факт, что в октябре 1779 г. П.С. Паллас обращается к карте А.И. Нагаева, совместившей результаты плаваний В. Беринга и А.И. Чирикова в 1728 и 1741 гг. и плаваний некоторых промышленников (С.Т. Пономарева, И. Бечевина). Основываясь на мнении Миллера, Паллас счел правильным расположение Андреяновских островов на этой карте — в виде непрерывной цепи, соединяющей собственно Алеутские и Лисьи острова, — и порядок их следования. Однако ученый нашел сомнительным изображение Аляски в виде части острова, протянувшегося к северу, в сторону Чукотского Носа, и отметил присутствие острова Кадьяк, не упомянутого Миллером. Паллас рассчитывал, что карта Креницына, на тот момент недоступная Академии наук, могла внести коррективы в изображение архипелага. Получив в свое распоряжение копию карты плавания Синдта, он задался вопросом, по какой причине североамериканский берег обозначен на ней напротив Чукотского Носа (как и согласно данным геодезиста М.С. Гвоздева) и действительно ли Синдт достиг Америки?[18] Здесь нам представляется интересным не то, что Палласа, совершенно справедливо, не устраивало положение и очертания Аляски, а то, что он вообще вынужден был обратиться к весьма несовершенным и противоречивым известиям промышленников, отраженным на карте Нагаева.

Первые известия об экспедиции Д. Кука и их резонанс

Третья экспедиция капитан-командора Джеймса Кука, в задачи которой входило, в том числе, прохождение пролива между Азией и Америкой и плавание в арктических морях, должна была, по мнению Палласа, подтвердить правоту русских географов

---

[17] Wöchentliche Nachrichten 1774. St. 16: 121–124; St. 17: 129–132.

[18] Письмо П. С. Палласа Г. Ф. Миллеру от 27 октября 1779 г. (ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 3. Д. 222а. Л. 96 об.– 97).

и опровергнуть измышления С. Энгеля[19]. Еще в апреле 1779 г. в письме Т. Пеннанту Паллас считал безрассудными и обреченными на неудачу попытки плавания к Северному полюсу или же вдоль северного побережья Сибири. И в то же время он испытывал желание узнать результаты экспедиции[20].

Итоги плавания Д. Кука и его преемника Ч. Клерка у Лисьих островов, северо-западных берегов Америки и восточного и северного берегов Чукотки внесли оживление в картографическую деятельность Петербургской академии наук, заставив отчасти вернуться к данным 1730-х – 1740-х годов.

Рассмотрим вначале, каким образом и в какой последовательности попали в Петербург известия об экспедиции Д. Кука и ее материалы.

Первые, еще неясные, сведения о пребывании английских судов у берегов Чукотки были получены от коряцкого старшины Каикипа Ивакина и коряка Теккева Ахиикова командиром Гижигинской крепости капитаном Тимофеем Ивановичем Шмалевым и прибывшим туда для осмотра военной команды атаманом Оренбургского казачьего войска полковником Сидором Фомичом Кирсановым. Коряки узнали об этом от «пеших» чукчей в августе 1778 г., во время своего пребывания в улусах главного чукотского тоёна Амулята Хергинтова, а также позднее от «оленных» чукчей:

> 1779-го году марта 9-го дня корятской старшина Каикип Ивакин и коряка Теккев Ахииков скаскою объявили. Прошлого 778-го году марта 11-го дня по уволению от капитана Шмалева с совету главного коряцкого князца Муйкегъи Эйгелина, старшин и всего корятского общества з бывшими здесь, в Гижигинской крепости, чукоцким главным тоионом Амулятом и другими тоионами, пришедшими в подданство Ея Императорскаго Величества, також и выпущенными чукоцкими пленными по их корятскому обычаю отправились для провожания их в Чукоцкую землю и следовали от Гижигинской крепости до реки Пенжины пятнатцать дней и, перешед оную выше Каменского острожка пять верст, следовали вверх по оной несколко верст, а потом по впадающей в Пенжину Кузминой реке до вершины, с коей чрез вершину

[19] Wendland 1992: 633.
[20] A naturalist in Russia 1967: 55–56.

Майны реки, впадающей в реку Анадырь, и, перешед Онеменской хребет, по реке Онеменю с вершины вниз по течению следовали, а при устье оной перешли чрез Анадырь по лду, на котором тогда еще заберег не было, оттуда вниз по Анадырю до устья, считая от здешней крепости в проезде шездесят дней, во все те дни каждодневно следовали с возможною скоростию, а от устья реки Анадыря продолжали путь подле моря в Чукоцкую землю и, отошед по оной дней з десять, дощли до ближайших чукоцких улусов, где, побыв два дни, разделились надвое. Тоион Амулят пошел подле моря к Чукоцкому Носу, и из них отправились с ним, Амулятом, Теккев с матерью Кытной. А отошед от того места один день, стретил его, Амулята, зять в семи ч[е]л[о]в[е]ках. А как в те числа реки уже вскрылись, и лес листом покрывался, то пришли к реке Ечигивеим, где нашли налетовье чукоч, у коих взяв байдару, чрез оную переправились и чрез несколко дней, а подлинно упомнить не может, пришли в улусы Амулятовы, где и летовали <...> В ту ж ево бытность, как на дереве лист созрел, кое время считать можно августа в первых числах, прибывшия к Амуляту пешия чукчи объявляли, что у урочища, по их званию Янъяней, а по руски — Одинакова Камня, или протянувшагося в море к востоку мыса, прибегали два судна, ис которых первое трех, а другое дву мачтовое, с коих выезжали люди на элботе на берег и у чукоч гуляли и притом дарили их складными ножами и подчивали тертым табаком. Чукчи ж, напротив того, подчивали их своею пищею — китовым, моржовым и тюленьим мясом, но они толко оное нюхали и бросали, а брали малых китов свежее мясо и рыбу да ростущей на берегах лук, и обходились они с чукчами ласково. Разговоров же они, чукчи, никаких не разумели. Оттуда шли показанные суда подле Чукоцкого Носа и проливом в Северное море проходили к западу до острова Кулючина, а побыв у оного немного, возвратились обратно в Восточное море тем же проливом. На обратном же их пути видели те два судна и оленныя многия чукчи. И обратной тех судов путь почитать можно сентября в первых числах, которых людей чукчи по платью и по обхождению почитают за руских. А куда те суда действително пошли или где зазимовали, он, Теккев, знать не может <...>[21].

[21] РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2451. Л. 49–49 об. (сказка Каикипа Ивакина и Теккева Ахиикова, данная С.Ф. Кирсанову 9 марта 1779 г.). См. также копию сказки в «Прибавлении к учиненному в прошлом 778м году прибав-

С.Ф. Кирсанов отправил показания коряков при рапорте в Камчатскую Большерецкую канцелярию и иркутскому губернатору Ф.Н. Кличке. Последний немедленно направил полученные сведения с курьером в Петербург — копию сказки генерал-прокурору Сената князю А.А. Вяземскому и ее изложение в письме статс-секретарю императрицы А.А. Безбородко от 16 июля 1779 г.[22]. В северную столицу донесение и письмо попали, вероятно, в конце сентября или в октябре того же года, а в конце октября князь Г.А. Потемкин пересказал их содержание английскому министру при русском дворе Д. Гаррису. Гаррис безошибочно определил, что речь шла о кораблях Д. Кука, но, полагаясь на пересказ, в письме государственному секретарю Северного департамента лорду Уэймауту от 29 октября / 9 ноября изложил и неверную информацию: якобы об иностранных судах сообщали также побывавшие на Алеутских островах русские промышленники, а тем поведали о том аборигены[23]. Почти месяц спустя, в письме Т. Пеннанту от 25 ноября / 5 декабря, почти те же сведения привел П.С. Паллас[24]. Как будет показано далее, первые известия от промышленников были получены только в июле 1779 г., первоначально на Камчатке, а в Петербург они пришли в январе 1780 года.

лению о пограничных делах до чукоцкого и корятского народов и о протчих произшествиях в Гижигинской крепости», составленном капитаном Т.И. Шмалевым и датированном 2 октября 1779 г. (Там же. Ф. 199. Оп. 2. П. 539. Ч. 2. Д. 6. Л. 48–49).

[22] Там же. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2451. Л. 48–48 об (письмо Ф.Н. Клички А.А. Вяземскому от 16 июля 1779 г.); Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 58. Л. 41–42 (письмо Ф.Н. Клички А.А. Безбородко).

[23] The voyage 1967 (2): 1547. В ноябре Гаррис смог отослать Уэймауту полученный им от Потемкина перевод сокращенного варианта сказки коряков на французский язык (возможно, по письму Ф.Н. Клички А.А. Безбородко), который назван им «рапортом командира Камчатки» (The voyage 1967 (2): 1547–1548). Д. Биглхол повторно опубликовал сокращение сказки в переводе на английский язык с неправильным заголовком: «Экстракт из рапорта командира Гижигинской крепости Т.И. Шмалева. Из копии рапорта главного командира Камчатки премьер-майора Бема» (Cook and the Russians 1973: 4). Я.М. Свет переиздал документ в переводе с французского языка на русский и повторил ошибку в названии (Кук 1971: 572–573). Во французском переводе искажены имена коряков и топонимы.

[24] Wendland 1992: 635.

Однако еще до получения в Лондоне известий о пребывании английских кораблей у Чукотки[25], 18 ноября 1779 г., императрице Екатерине II был представлен доклад по рапорту из Иркутска, вероятно из губернской канцелярии, от 1 сентября 1779 г., где со слов курьера, приехавшего с рапортами с Камчатки, сообщалось о прибытии английских военных кораблей в Петропавловскую гавань и выходе их в дальнейшее плавание в июне того же года[26]. Несколько позднее к А.А. Вяземскому с курьером поступило донесение Ф.Н. Клички от 16 сентября, к которому были приложены рапорт генерал-прокурору временно занявшего место главного камчатского командира капитана В.И. Шмалева от 11 июня, рапорт бывшего правящего должность иркутского губернатора Ф.Г. Немцова и, как сказано, два письма Ч. Клерка английскому посланнику[27]. На самом деле, в пакете Клерка[28], очевидно, находились его письмо секретарю английского Адмиралтейства Ф. Стивенсу от 28 мая / 8 июня[29] из Петропавловской гавани и копия письма Д. Кука тому же секретарю от 9 / 20 октября 1778 г. с Уналашки[30]. Там же, скорее всего, находилось и письмо Д. Кинга в Комиссию долгот (*The Board of Longitude*) от 30 мая / 10 июня 1779 г. с наблюдениями широт и долгот[31], но об этом ничего не говорится. Письма немедленно подверглись перлюстрации, как явствует из записки А.А. Безбородко князю А.А. Вяземскому, датированной 6 декабря 1779 г.:

---

[25] См. записи в журнале Д. Кука от 10 августа и 3 сентября 1778 г. (The voyage 1967 (1): 410–414, 431–432).

[26] РГАДА. Ф. 248. Оп. 80. Д. 6500. Ч. 1. Л. 106. Губернатор Ф.Н. Кличка после 7 августа 1779 г. отправился из Иркутска в Кяхту для «установления порядка» в случае возобновления торговли с Китаем (Там же. Л. 99), и курьера отправили вслед за ним.

[27] Там же. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2529. Л. 1–3 об. Рапорты Немцова, составленные, очевидно, на основании рапортов В.И. Шмалева, в деле отсутствуют.

[28] По словам В.И. Шмалева, главному камчатскому командиру Магнусу Бему был передан «конверт, увязанной тесмою и за печатью в трех местах» (Там же. Л. 5).

[29] Все письма английских офицеров датированы по новому стилю. Даты по старому стилю добавлены нами для сопоставления хронологии событий.

[30] См.: The voyage 1967 (2): 1530–1533, 1535–1540. Получены в Адмиралтействе 10 января 1780 г.

[31] The voyage 1967 (2): 1541–1542.

> Возвращая Вашему Сиятельству писма перлюстрованные известные, имею честь донести о высочайшей воле, чтоб Ваше Сиятельство благоволили послат[ь] их с тем же курьером к г[осподину] Гарису или же с кем разсудите за благо, наказав, чтоб он объявил, что сей курьер приехал вчера в вечеру или ночью, да и о картах сказал бы, что пишет господин Бем, что он их везет с собою <...>[32]

П.С. Паллас, используя свои хорошие отношения с Д. Гаррисом, первым из членов Академии наук познакомился с данными Третьей экспедиции Д. Кука и узнал о гибели капитан-командора. Уже 10 декабря 1779 г. он пишет натуралисту Д. Бэнксу, что читал извлечение из писем Кука и Клерка. Но до того, как Гаррис получил эти письма, о пребывании Кука на о. Уналашке по пути на юг уже стало известно в Петербурге[33]. Тем же днем датировано письмо Палласа А.Ф. Бюшингу, который опубликовал его в своих “Wöchentliche Nachrichten”. Тем самым европейская публика впервые узнала о почти двухлетних странствиях английской экспедиции, начиная с того, как корабли покинули мыс Доброй Надежды, и заканчивая их первым прибытием в Петропавловскую гавань. По словам академика, ему не позволили скопировать письма, и он вынужден был полагаться на свою память[34], однако смог записать некоторые долготы и широты. Ученый сообщил, что англичанам удалось пройти пролив между Азией и Америкой, после чего американский берег поворачивал на северо-восток. Под 70º 45´ с. ш. и 198º в. д. (по Гринвичу) моряки столкнулись с непроходимыми льдами и были вынуждены повернуть на юг. Установленные ими географические координаты о. Уналашки (53º 55´ с. ш., 192º 30´ в. д.) перемещают остров намного южнее и западнее, чем отмечено на академической «Генеральной карте» 1776 г.[35]. Ни Кук, ни Клерк не сообщили широту и долготу непосредственно пролива между двумя континентами, однако это не помешало Палласу утверждать, что их данные опровергают мнение С. Энгеля и оправдывают

---

[32] РГАДА. Ф. 248. Оп. 80. Д. 6500. Ч. 1. Л. 115.

[33] Wendland 1992: 636.

[34] В письме А.Ф. Бюшингу от 15 декабря того же года Паллас заметил, что читал извлечение из писем Кука и Клерка на французском языке: Wöchentliche Nachrichten 1781 (3): 33.

[35] Wöchentliche Nachrichten 1781 (2): 9–12.

российских географов[36]. Через два дня П.С. Паллас поделился полученными известиями и с Г.Ф. Миллером[37].

Вслед за тем А.Ф. Бюшинг опубликовал второе письмо Палласа, от 15 декабря, которое содержало больше подробностей, поскольку Гаррис все же разрешил обстоятельно ознакомиться с донесениями Кука и Клерка. В частности, сообщается, что корабли после неудачи в плавании вдоль северного берега Америки проследовали вдоль чукотского побережья и достигли 68º 55´ с. ш. и 180º 30´ в. д., но не смогли продвинуться далее[38].

Рапорт капитана В.И. Шмалева А.А. Вяземскому от 5 мая 1779 г.[39], в котором описывалась встреча с английскими моряками в Большерецке, лишь спустя месяц после его июньского рапорта дошел до Иркутска, а в Петербург, вместе с донесением Ф.Н. Клички генерал-прокурору от 15 октября 1779 г., попал около 7 января 1780 г.[40]. Рапорт штурманского ученика Г.Г. Измайлова в Контору Охотского порта от 20 апреля 1779 г.[41] вместе с конвертом, полученным им на Уналашке от Д. Кука, проделал еще более долгий путь. В конверте находился подлинник уже упомянутого письма Д. Кука от 20 октября 1778 г., а также карта северо-западного берега Америки, «в спешке скопированная с оригинала того же масштаба»[42]. Измайлов передал бумаги штурманскому ученику П. Зайкову (о его плавании ниже), командовавшему судном «Св. Владимир», и тот доставил их в Охотск

---

[36] См. письма Д. Бэнксу и А.Ф. Бюшингу: Wendland 1992: 636; Wöchentliche Nachrichten 1781 (2): 12.

[37] Письмо П.С. Палласа Г.Ф. Миллеру от 12 декабря 1779 г. (ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 3. Д. 222а. Л. 105–107 об.).

[38] Wöchentliche Nachrichten 1781 (2): 33–38.

[39] РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2529. Л. 32–38. Частично опубликован: Русские экспедиции 1989: 183–186.

[40] Этим числом датирован отпуск письма А.А. Вяземского Ф.Н. Клички (РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2529. Л. 50).

[41] Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 58. Л. 68–69 об.; Русские экспедиции 1989: 181–182 (по копии, присланной П.С. Палласом Г.Ф. Миллеру). В публикации неверно указан адресат рапорта — Контора над Петропавловским портом, тогда как в письме Ф.Н. Клички А.А. Вяземскому ясно сказано, что рапорт был послан в Контору Охотского порта (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 58. Л. 67).

[42] The voyage 1967 (2): 1532.

6 сентября 1779 г.[43]. Об экспедиции Кука Измайлов сообщил также в рапортах Камчатской Большерецкой канцелярии и командиру Петропавловской гавани от 14 октября 1778 г.[44]. Они прибыли с передовщиком судна «Св. Архидиакон Евпл» Я.И. Сапожниковым в июле 1779 г. Д. Кук в своем журнале пишет о том, что поручение доставить его письмо на Камчатку было возложено на Сапожникова[45]. Однако в рапорте Нижнекамчатской приказной избе от 17 июля 1779 г. Сапожников упоминает о прибытии английских кораблей на Уналашку, о своей встрече с Куком и переданном им для камчатского командира свертке (с подзорной трубой) и ничего не говорит о доставленных им рапорте Измайлова и письме Кука[46]. Как видим, Измайлов изменил решение и отправил конверт с бумагами Кука напрямую в Охотск, куда и следовал Зайков. В Иркутске рапорт Измайлова и конверт были получены в конце ноября, а в Петербург, при письме Ф.Н. Клички А.А. Вяземскому от 29 ноября 1779 г.[47], пришли не позднее 16 января 1780 г.[48].

Если конверт с картой Д. Кука и подвергся перлюстрации (а такими сведениями мы не располагаем), то огласке этот факт, разумеется, не предавался. 19 февраля 1780 г. в Петербург прибыл премьер-майор М. Бем[49], который привез с собой ящик с журналом плавания английских кораблей вплоть до захода их

---

[43] См. письмо Ф.Н. Клички А.А. Вяземскому от 29 ноября 1779 г.: «...Сей же Зайков привес с собою и взятыя мореходом Измайловым, которой остался еще в море, от бывших на острове Уналашке агличан комверты, кои при особливом от меня писме к Вашему Сиятелству отправлены» (РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2552. Л. 3).

[44] Там же. Д. 2529. Л. 40–40 об, 41; Кук 1971: 571–572.

[45] The voyage 1967 (1): 457.

[46] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. П. 150. Ч. 5. Д. 21. Л. 23–25 об.

[47] Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 58. Л. 67–67 об.

[48] См. письмо А.А. Вяземского Ф.Н. Кличке от 16 января 1780 г., где говорится о получении письма губернатора, а также о пожаловании П. Зайкова штурманом (Там же. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2552. Л. 4–4 об.). В начале марта копию рапорта Г.Г. Измайлова получил П.С. Паллас (см. его письмо Г.Ф. Миллеру от 4 марта 1780 г. — ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 3. Д. 222а. Л. 115), а с письмом Палласа от 4 мая 1780 г. копия пришла и к Г.Ф. Миллеру (АВПРИ. Ф. 341. Оп. 888. Д. 34. Л. 13–14 об., 16). В британском Адмиралтействе письмо Кука с картой были получены 6 марта 1780 г.: The voyage 1967 (2): 1533.

[49] РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 738. Л. 122 об.

в Петропавловскую гавань, картой северной части Тихого океана с берегами азиатского и североамериканского континентов[50], а также копией таблиц широт и долгот. Нет никаких свидетельств, что русские власти распечатывали ящик, прежде чем передать его английскому посланнику. По словам П.С. Палласа, еще в середине апреля Д. Гаррис не вскрывал ящик, поскольку он был адресован Адмиралтейству[51].

Наконец, рапорты В.И. Шмалева А.А. Вяземскому — два от 1 ноября, от 2, 15 и 19 ноября 1779 г., — в которых сообщалось о смерти Ч. Клерка и вторичном пребывании англичан в Петропавловской гавани в августе — сентябре того же года[52], были отосланы в столицу при письме иркутского губернатора от 29 мая 1780 г.[53] и получены не позднее начала августа[54]. Вместе с ними пришли пакет и два письма, врученные Гором командиру Петропавловской гавани сержанту В. Сургутскому. Видимо, это были письма Гора секретарю Адмиралтейства Ф. Стивенсу и посланнику Д. Гаррису от 24 сентября / 5 октября 1779 г.[55] Постоянный корреспондент Г.Ф. Миллера капитан Т.И. Шмалев известил академика о повторном визите английских кораблей письмом от 6 января 1780 г., к которому приложил копии трех рапортов своего брата, В.И. Шмалева, А.А. Вяземскому[56]. Однако Миллер получил эти бумаги в августе – октябре 1780 г., а письмо с сообщением о первом прибытии Клерка на Камчатку пришло еще позднее. К тому времени ученый «о всем <...> уведомился из С. Петербурга»[57].

---

[50] The voyage 1967 (2): 1540.

[51] Письмо П.С. Палласа Г.Ф. Миллеру от 16 апреля 1780 г. (ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 3. Д. 222а. Л. 119).

[52] РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2529. Л. 53–56 об., 60, 61–62 об. Опубликован первый рапорт В.И. Шмалева от 1 ноября по копии из «портфелей Г.Ф. Миллера» (Русские экспедиции 1989: 186–188).

[53] Письмо Ф.Н. Клички А.А. Вяземскому от 29 мая 1780 г. (РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2529. Л. 51–51 об.).

[54] См.: письмо П.С. Палласа Т. Пеннанту от 6/17 августа 1780 г. (A naturalist in Russia 1967: 131).

[55] The voyage 1967 (2): 1544–1546.

[56] АВПРИ. Ф. 341. Оп. 888. Д. 34. Л. 9–10, 19–20 об., 29–30. Миллер получил копии с двух рапортов от 1 ноября и одного от 15 ноября 1779 г.

[57] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. П. 365. Ч. 2. Д. 26. Л. 1.

Первые карты с использованием материалов плавания Д. Кука

История поступления в Петербург известий об экспедиции Д. Кука и ее материалов показывает, когда, в какой последовательности и какие именно данные о новых открытиях в северной части Тихого океана смогли получить Академия наук и отдельные ее члены к концу 1780 года. В это время Академия, по всей видимости, не планировала создание новых карт означенного региона. Поэтому первые коррективы в географические данные внес академик П.С. Паллас. Еще в конце октября 1779 г. он отправил Т. Пеннанту небольшую карту Алеутских островов, составленную им, по его признанию, «наспех», которую он хотел бы видеть опубликованной на английском языке, но в более аккуратном виде[58]. Полностью доверяя вычислениям Кука, изменившего географическое положение о. Уналашки, Паллас составил новую карту и вложил ее в пакет с письмом Д. Бэнксу от 10 (21) декабря 1779 г. Исправленный вариант предназначался также для Т. Пеннанта[59].

До прибытия в Петербург премьер-майора М. Бема Паллас был вынужден довольствоваться лишь определениями долгот и широт из писем Д. Кука и Ч. Клерка. В историко-географической литературе утвердилось мнение, что во время первого пребывания англичан в Петропавловской гавани Бем получил от них некую карту открытий (или даже «сводную» карту), которую в Иркутске забрал у него губернатор Ф.Н. Кличка[60]. Так, А.В. Постников утверждает, что по пути М. Бема в Петербург «имевшиеся у него *русские и английские карты по итогам экспедиции Кука* (здесь и далее курсив наш. — *Е. Р.*) были оставлены по приказу Ф.Н. Клички в Иркутске»[61]. Сопоставив это высказывание с данными, приведенными другими исследователями, можно прийти к выводу, что Бем привез с собой в Петербург помимо доверен-

---

[58] Письмо П.С. Палласа Т. Пеннанту от 26 октября / 6 ноября 1779 г. (A naturalist in Russia 1967: 108–109). Карта составлена по следам его же очерка плавания русских промышленников к востоку от Камчатки, отосланного в 1777 г. французскому натуралисту Ж.-Л. Леклеру де Бюффону (см.: Wendland 1992: 640–641).

[59] Wendland 1992: 636.

[60] См.: Федорова 1971: 160; Кук 1971: 624; Svet, Fedorova 1978: 10.

[61] Постников 2000: 130.

ного его заботам ящика с материалами экспедиции только гравированные изображения аборигенов Океании и северо-западного побережья Америки, их оружие и предметы обихода[62]. Попробуем прояснить вопрос, какие именно картографические материалы получил М. Бем, а также другие русские моряки от участников экспедиции Д. Кука.

В журнале лейтенанта Д. Кинга имеется запись от 2 (13) мая 1779 г., согласно которой капитан Ч. Клерк, отправляя его в Большерецк, резиденцию главного камчатского командира, послал с ним в качестве подарка М. Бему «набор гравюр и карт прошлого путешествия» (“a set of prints & Maps of the last Voyage”)[63], а также велел показать премьер-майору небольшую карту открытий, совершенных в ходе плавания. Эту карту, несмотря на намек Бема, англичане не разрешили скопировать[64]. Капитан В.И. Шмалев сообщает, что Бему подарили «некоторым вновь обысканным островам карты и з диких людей мужеска и женска пола странных видов патреты»[65]. Уже после отбытия камчатского командира из Петропавловской гавани, где он посещал английских моряков, Клерк послал ему копию плана Авачинской губы и план корабля «Резолюшн»[66]. Таким образом, мы видим, что никакую «сводную» карту М. Бем от англичан не получал. План же Авачинской губы действительно был использован в Иркутске секунд-майором М. Татариновым и под названием «План Петропавловской гавани. По описанию господина капитана камандора Черлеса Клерка в 1779м году, в ширине

---

[62] О привезенных М. Бемом гравированных портретах аборигенов и артефактах, пополнивших затем собрание Кунсткамеры, см.: Кук 1971: 579–594; Svet, Fedorova 1978: 15–19.

[63] Я.М. Свет неточно перевел это выражение следующим образом: «серию печатных карт нашего предыдущего путешествия» (Кук 1971: 499).

[64] The voyage 1967 (1): 667.

[65] Русские экспедиции 1989: 185.

[66] Письмо Ч. Клерка М. Бему от 28 мая (8 июня) 1779 г. Перевод на нем. яз. (РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. П. 539. Ч. 2. Д. 5. Л. 1). О том, что два гардемарина были отправлены для съемки Авачинской губы, поскольку капитан Клерк обещал прислать такую карту Бему, сообщает участник экспедиции хирург Д. Самвелл: The voyage 1967 (2): 1248. Запись датирована 15 (26) мая 1779 г., то есть днем, когда из Петропавловской гавани выехал М. Бем. См. также запись в журнале Д. Кинга того же дня: The voyage 1967 (1): 672–673.

53º 53 ½´, в длине 175º 59´» вошел в качестве вставки в более общую карту 1780 г., хорошо известную исследователям: «Карта меркаторская части Ледовитаго и Тихаго океана с показанием берегов камчацких и частию берегов же Северной Америки по прежним описаниям и вновь англинскаго господина капитана камандора Кука в 1778м и в 1779м годех»[67].

Постараемся теперь решить загадку карт «вновь обысканных островов», тем более что этой фразе в литературе не уделено должного внимания. В лучшем случае эти карты превращаются в некие «английские карты по итогам экспедиции Кука», якобы изъятые иркутским губернатором (см. выше). Данный вопрос тесно связан с историей карты, подаренной штурманскому ученику Г.Г. Измайлову Д. Куком на Уналашке. Как известно, Измайловым вместе с рапортом в Контору Охотского порта была прислана меркаторская карта, «с их (англичан. — *Е. Р.*) назначения сочиненная», а также «карта сверическая <...> с верным положением ихнова плавания»[68]. В письме А.А. Вяземскому от 29 ноября 1779 г. Ф.Н. Кличка сообщает о том, какие бумаги получил из Охотска:

> <...> Каков я ныне получил при репорте ис Канторы Охотского порта присланной во оную от отправленнаго в 776м году на судне тулскаго оружейника Афанасия Орехова С. Павле для промысла на морских островах зверей штурманскаго ученика Измайлова рапорт о бывших прошлаго года сентября 23го числа на Алеуцком острове Уналашке дву аглинских королевских кораблях (о коих я пред сим Вашему Сиятелству имел честь доносить) и о полученных им от командующих теми кораблями *половины сфери южной карте* и для доставления по надписи куда следует комверта, с приложением к Измайлову писанной записки в отбытие ево с тово острова, ис которых с рапорта Измайлова копию, а полученное им писмо с запискою во орегинале, кроме *южной карты*, при сем к Вашему Сиятелству препровождаю. *Присланная ж карта оставлена мною здесь и не послана для того, что таковую ж к Вашему Сиятелству представит*

[67] РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. № 108.

[68] Русские экспедиции 1989: 181. См. также: РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 58. Л. 69–69 об.

от[ъ]ехавшей отсель и бывшей в Камчатке командиром пример маиор Бем...[69].

Из этого письма можно сделать вывод, что речь шла о карте южного полушария, вероятно составленной по итогам второго плавания Д. Кука 1772–1775 годов. Одну копию этой карты капитан-командор лично вручил Измайлову, вторая досталась Бему от Кинга. Не исключено, что у бывшего камчатского командира имелись и карты отдельных островов Океании. О получении меркаторской карты Измайлова губернатор ничего не пишет, и об этом мы скажем ниже.

Письмо капитана В.И. Шмалева брату, Т.И. Шмалеву, от 6 мая 1779 г. позволяет узнать о других особенностях карты. Сообщив о встрече Д. Кука с Измайловым на Уналашке, он пишет далее: «А с Уналашки, быв же до 22го градуса, где их главной камандир капитан камандор Кук дикими народами побит. То то чудныя те народы, у них уж и портреты напечатаны, и Матвею Карповичу, *да и карта по тот 22^{й} градус дали*. А как от 22го градуса к нам в гавань шли, тут не открыли, отзываясь: без королевской апробации смелость не имеют»[70]. Судя по всему, карта южного полушария, подаренная Бему, отличалась от подобной же карты, выгравированной в 1776 г. У. Уайтчерчем и опубликованной в 1777 г. вместе с журналом Второго плавания Д. Кука[71]. Земное пространство на последней не выходит за пределы экватора. Это заставляет предполагать, что В.И. Шмалев писал о какой-то карте, составленной в ходе Третьего плавания, до того, как английские корабли в октябре 1778 г. пришли к Уналашке. Но, во-первых, у участников экспедиции могла быть прежняя карта, включающая широты к северу от экватора. Во-вторых, ни в одном из журналов путешествия не говорится о передаче новых карт Бему. Правда, не исключена и такая возможность: ис-

---

[69] РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 58. Л. 67–67 об.

[70] Там же. Ф. 199. Оп. 2. П. 539. Ч. 2. Д. 6. Л. 54–54 об. Письмо существует в виде извлечения, включенного Т.И. Шмалевым в его «Прибавление к учиненному в прошлом 778^{м} году прибавлению о пограничных делах до чукоцкого и корятского народов и о протчих произшествиях в Гижигинской крепости».

[71] A Chart of the Southern Hemisphere, shewing the Tracks of some of the most distinguished Navigators. By Captain James Cook of his Majesty's Navy // Cook 1777: Pl. I.

пользуя карту Второго плавания, Кук или кто-то из его команды в ходе Третьей экспедиции мог составить новый вариант карты южного полушария с охватом зоны Тихого океана вплоть до Гавайских островов. При этом сразу возникает сомнение в подобной откровенности английских морских офицеров, готовых поделиться сведениями о вновь открытых островах, пусть даже расположенных далеко от российских владений. В любом случае, М. Бем не получал от англичан в качестве подарка карту их открытий у берегов Северной Америки и Чукотки, что подтверждает и последняя фраза в цитированном выше отрывке из письма В.И. Шмалева. Итоговая карта экспедиции, известная под названием “Chart of the NW Coast of America and NE Coast of Asia explored in the Years 1778 and 1779. The unshaded parts of Coast of Asia are taken from a MS Chart received from Russians”, не только не была подарена русским в 1778–1779 гг.[72], но и вышла в таком виде только в 1784 г.[73]. Об этом свидетельствуют некоторые топонимы, измененные или добавленные издателями: *Nothka* вместо *King George Sound, Prince Williams Sound* вместо *Sandwich Sound, Cooks River*. С печатной карты для Адмиралтейской коллегии не ранее 1784 г. были сняты копии, три из которых ныне хранятся в российских хранилищах[74].

Однако из утверждения об отсутствии у премьер-майора английской карты новых открытий не следует, что он не привез с собой в Петербург никакой карты. В упомянутом выше письме В.И. Шмалева брату нами обнаружено сообщение, показывающее, каким образом картографические данные экспедиции Д. Кука попали к камчатским властям:

> Да они ж (англичане. — *Е. Р.*) уверяли меня на прозбу мою, чтоб всему их путешествию и приключениям обещались по прибытии из Лондона все описание и карты прислать, и спрашивали, кому б в Петербурхе я доверил, а я сказал, чтоб они сообщили для пересылки ко мне к господину статскому советнику Миллеру, находящемуся в Москве, которого они из описания доволно знают. *Они и нашу карту и Чукоцкой нос поправили, и теперь у меня г[о]с[по]да ученики под присмотром подштюрмана Кожевина копируют. А господа аг-*

[72] Постников 2000: 133.
[73] The Charts & Coastal Views 1997: 116.
[74] РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. № 107. Л. 1, 2; ГИМ. 57025/ГО-1882/1.

личана со своей карты поправляли ширину и длину градусов своими руками и положения поставили карандашом. А когда сочинитца, тогда и к вам сообщится[75].

Таким образом, как и в случае с меркаторской картой Г.Г. Измайлова, в которую внес исправления Кук[76], английские мореплаватели отредактировали неизвестную нам меркаторскую карту, находившуюся тогда в Большерецке. Карта была составлена в том же мае 1779 г. и имела следующее название: «Карта меркаторска с положением с разных карт описаниев морских афицеров от Охоцкаго порта берег между *Z* и *W* до реки Уди, а от порта к *O* и *N* к Тауйской, Ямской, Инжигинской, Пенжинской губ и до южнаго мыса Камчацкой земли, называемой Курилской Лопатки, берег с падающими со званием рек, а оттоль с приложением прежняго описания к верности обстоятельства положены со званием 18 островов, находился байдарами описанием дворянина Антипина, к тому приложены с печатнаго Российскаго Атласа 3-е острова Матмай и часть Японии, а от Лопатки к северу до гавани С. Петропавловской реки Авачи до Карагинскаго острова описаниев морских же от того острова до Анадырскаго острогу берег положен по доверным быванием том берегом следующих людей обстоятельными известиям, а лежащей во Азии Чукоцкой нос и от него по граничной линии Американская земля положена находящими на двух аглинских королевских кораблях главным командиром капитан командором Кук, капитаном Клерком и капитаном Горком по их обьявлению и поданным от них запискам чрез перевод с их аглинского на российской деалект господином пример маиором и камчацким главным командиром фон Бем; а которыя места или не описаны за какими препядствиями, значит на сей карте. Со оных записок сочинена в Большерецком остроге 1779 года маия ... дня»[77] (Илл. 1–15).

Не вызывает сомнения, что эту карту забрал с собой М. Бем, отбывший с Камчатки после 7 июня 1779 г.[78]. В конце октября

---

[75] РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. П. 539. Ч. 2. Д. 6. Л. 55.

[76] Русские экспедиции 1989: 181.

[77] РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карты Иркутской губернии. № 63. Ч. 1. Копия. Вторая копия карты: Там же. № 63. Ч. 2. Копию ее получил в Гижигинской крепости Т.И. Шмалев (АВПРИ. Ф. 341. Оп. 888. Д. 34. Л. 9).

[78] 7 июня Бем еще был в Большерецке и передал квитанцию Ч. Клерка о приеме скота (РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2529. Л. 5).

того же года он добрался до Иркутска и представил губернатору Ф.Н. Кличке «карту, на которой значитца аглинских королевских военных кораблей капитан командоров Кука и Клерка <...> вояж к северу и его Америки». Далее губернатор пишет:

> Мне хотя не совсем вероятно, что те аглинские путешественники вернейшии примечании северных американских берегов дали маиору Бему прежде, нежели своему правителству, но поелику некоторые несходства с нашими картами оказались, кои примечанию достойны, то я, сняв со оной карты копию, равно по описанию тех агличан вояжа сочиненную приказанием моим находящимся при здешней навигацкой школе маиором Татариновым морскую карту ж, с показанием в той части земнаго шара всех извесных мореходцов, посылаю у сего, в надежде, что Ваше Сиятелство при удобном случае Ея Величеству донесть соизволите[79].

Упомянутая в письме морская карта Татаринова — это уже известная в историко-географической литературе циркумполярная «Карта около Севернаго полюса всему Северному океану с показанием поисков в Ледовитом океане, також в Тихом море господ афицеров морских российских, англинских и гишпанских»[80] (Илл. 16–22). Таким образом, первую русскую карту, включавшую данные Третьей экспедиции Д. Кука, создал Алексей Кожевин, а не Михаил Татаринов. Именно она, а не английская «сводная карта» послужила основой иркутских карт 1779 и 1780 годов. Более того, иркутский губернатор не отбирал карту у Бема. Причина, побудившая исследователей придерживаться такой точки зрения, кроется, скорее всего, в неверно истолкованной фразе из переписки князя А.А. Вяземского и Ф.Н. Клички: «отобрать сведения»[81], означающей всего лишь получение ин-

---

[79] Письмо Ф.Н. Клички А.А. Вяземскому от 1 ноября 1779 г. (Там же. Ф. 248. Оп. 80. Д. 6500. Ч. 1. Л. 117–117 об.).

[80] Там же. Ф. 192. Оп. 1. Карты Архангельской губернии. № 16. Ч. 1. Копия. Вторая копия: Там же. № 16. Ч. 2. О карте см.: Федорова 1971: 160; Svet, Fedorova 1978: 11.

[81] А.А. Вяземский 10 декабря 1779 г. пишет Ф.Н. Кличке: «<...> не оставьте о всех подробностях *отобрать у него* (Бема. — *Е. Р.*) *обстоятельныя сведении* <...>» (РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2529. Л. 30). В экстракте о пребывании английских моряков на Камчатке сообщается: «А от того же 6 ноября губернатор Кличка писал к генерал прокурору: когда Бем прибыл

формации. Мнение Э. Дэвида и присоединившегося к нему А.В. Постникова, что на карте Татаринова 1780 г. береговая линия Аляски нанесена по меркаторской карте Измайлова[82], необоснованно, поскольку эта линия соответствует очертаниям полуострова на карте Кожевина, так же как и контуры прилегающих островов[83]. На английской “Chart of part of the NW Coast of America Explored by Capt. J. Cook in 1778” полуостров выглядит иначе[84].

Карты Кожевина (в копии) и Татаринова были показаны императрице Екатерине II, затем по ее указу с них сняли копии и доставили Ф.И. Соймонову, отдав тем самым должное его заслугам как основателя Иркутской навигацкой школы[85]. По-видимому, от Соймонова эти копии достались его давнему корреспонденту и приятелю Г.Ф. Миллеру. Когда в апреле 1780 г. П.С. Паллас сетовал, что все полученные от участников английской экспедиции материалы М. Бем передал генерал-прокурору и академики менее всего могли надеяться их увидеть, он рассчитывал на одну из карт новых открытий, находившихся у Миллера. Наибольший интерес у него вызвала карта полушария (*das Planisphaerium*), то есть циркумполярная карта Татаринова, которую он обязался быстро вернуть и не передавать другим[86]. Правда, карта не удовлетворила Палласа: в июльском письме он

в Иркуцк, то *отобраны от него сведении* о успехах, какия он против данной ему инструкции произвел <...>» (Там же. Д. 2539. Л. 435 об.).

[82] David 1990: 5; Постников 2000: 133.

[83] Следует, разумеется, учитывать несовершенство тогдашних приемов копирования изображений на картах, чем вызвано неполное совпадение отдельных участков береговой линии Аляски на картах Кожевина и Татаринова.

[84] См.: TNA. MPI 1/83; The Charts & Coastal Views 1997: XCVI, 115.

[85] См.: письмо А.А. Вяземского Ф.И. Соймонову от 21 декабря 1779 г. Отпуск (РГАДА. Ф. 248. Оп. 80. Д. 6500. Ч. 1. Л. 119). Ответное письмо Ф.И. Соймонова от 18 января 1780 г. см.: Там же. Л. 124.

[86] Письмо П.С. Палласа Г.Ф. Миллеру от 16 апреля 1780 г. (ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 3. Д. 222а. Л. 119–119 об.). Надписи, которые приводит Паллас в письме от июля 1780 г., почти совпадают с надписями на карте Татаринова: «Губа Флюс», «Гортенцу» (на карте «Кортенцеу») (Там же. Л. 125). В нашей недавней статье было высказано поспешное предположение, что под *Planisphaerium* подразумевалась «Карта меркаторска...» А. Кожевина (Рычаловский 2015: 88).

сожалел, что английские названия испорчены, а Аляска, по его мнению, нанесена на основании неверных данных экспедиции П.К. Креницына. Такой критический отзыв связан с тем, что к тому времени академик ознакомился с картой Бема: «Согласно замечаниям, лейтенантом Кингом на карте майора Бема сделанным, Аляска доходит до 218º долготы и 55½º широты, и сие лучше согласуется с положением Уналашки, которое приводит карта Кука»[87]. Значение долготы здесь относится к восточной границе полуострова, а широты — к южной оконечности. Нетрудно заметить, что на циркумполярной карте широта почти та же, а долгота отличается и составляет 213º.

Вернемся к меркаторской карте, составленной Г.Г. Измайловым с учетом данных английских мореплавателей. Сам Измайлов в рапорте в Контору Охотского порта указал, что карта охватывала пространство от 15º до 77º долготы от Охотска и от 50º до 71º с. ш., то есть примерно от Авачинской бухты на западе до части американского побережья, открытого А.И. Чириковым, на востоке и от о. Парамушир на юге до северо-восточной оконечности Чукотки на севере. Это в целом согласуется с журналом Кука, где говорится, что на показанной ему Измайловым карте часть американского берега дана до 75º долготы от Охотска. Из журнала можно выяснить еще ряд особенностей: Алеутские острова располагались в интервале между 52º и 55º с. ш., в отличие от прежних карт (в частности, академических) не были нанесены острова Св. Макария, Св. Стефана, Св. Феодора, Св. Авраамия, Обманчивые, ближайшим островом к Медному на востоке являлся Атаку (*Atak'o*, то есть острова Атту и Агатту), обозначен пролив между о. Унимаком и Аляской[88]. Я.М. Свет предположил, что карта Измайлова выглядела наподобие карт В. Шилова 1767 г. и В. Красильникова 1777 г.[89]. Скорее всего, взяв за основу карту, которая была продемонстрирована англичанам, Измайлов составил новую, где были использованы дан-

---

[87] "Nach den auf Major Boehms Carte von den Leutnant King gemachten Bemerkungen komt Aläska auf 218.º der Länge und 55½ der Breite; und das stimt auch besser mit der Lage überein, die Cooks für Unalaschka annimt" (письмо П.С. Палласа Г.Ф. Миллеру от июля 1780 г. — ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 3. Д. 222а. Л. 125).

[88] The voyage 1967 (1): 453–455.

[89] Кук 1971: 617. См.: Атлас 1964: № 153, 164.

ные Кука. До настоящего времени она не сохранилась, но определенную роль в картографии сыграла, о чем мы скажем далее.

Карта П. С. Палласа 1781 года

В июле 1780 г. конректор академической гимназии Ф. Хакман предложил напечатать в «Месяцослове историческом и географическом» на 1781 г. очерк русских открытий в Тихом океане между Азией и Америкой, представлявший собой извлечение из книги английского путешественника У. Кокса “Account of the Russian discoveries between Asia and America” (London, 1780)[90]. Директор Академии наук С.Г. Домашнев, зная о карте, полученной Палласом от Бема, поручил ему составить «карточку» к статье[91]. За основу Паллас взял небольшой набросок, сделанный им «для собственного интереса» (*zu eigner Liebhaberey*). По-видимому, речь шла о карте, отосланной им еще в 1779 г. Т. Пеннанту. Паллас пишет Миллеру в октябре 1780 г.: «Очертания и положение Аляски и берега (Северной Америки. — *Е. Р.*) показал я больше по наброску, лейтенантом Кингом на карте майора Бема сделанному, и по назначенной долготе и широте, нежели по Planisphaerio <...> Алеутские, Андреановские и Лисьи острова взяты с карты адмирала Нагаева, с переменой положения по сведениям Кука»[92]. Обращает на себя внимание то, как особенности карты Бема описаны в письмах Палласа. Если в июльском письме Г.Ф. Миллеру говорится о «замечаниях» (*Bemerkungen*) Кинга на русской карте, то в октябрьском — о «наброске» (*Entwurf*). На первый взгляд, это противоречит надписи на меркаторской карте А. Кожевина: «<...> Чукоцкой нос и

---

[90] Протоколы 1900: 480; ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 3. Д. 222а. Л. 132 об.

[91] Неправильным в этой связи является утверждение А.В. Постникова: «Не вызывает никакого сомнения тот факт, что именно историографу Адмиралтейств-коллегии П.С. Палласу *руководство Военно-морским флотом России* (!) и Академии наук поручило составление этой этапной карты» (Постников 2000: 134–135).

[92] “Mit Aläska u[nd] der ganzen Küste habe ich mich lieber in der Figur und Lage nach dem auf Major Boehms Karte von Leutnant King gemachten Entwurf und angemerkten Längen und Breiten, als nach <...> Planisphaerio richten wollen <...> Die Aleutische, Andreanofsche und Fuchs insuln habe ich, mit Veränderung der Lage nach der Cookschen Angabe, aus des Admirals Nagaëf Carte genommen” (ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 3. Д. 222а. Л. 132 об. –133).

от него по граничной линии Американская земля положена <...> капитан командором Кук, капитаном Клерком и капитаном Горком *по их обьявлению и поданным от них запискам чрез перевод с их аглинского на российской деалект* господином <...> фон Бем». Однако это можно объяснить тем, что набросок лейтенанта Кинга на меркаторской карте имел слишком схематический характер, а затем к Кожевину поступили «записки» с уточнениями, которые он использовал для составления новой редакции карты, возможно только на последнем этапе включившей данные экспедиций к Курильским и Медвежьим островам и некоторые другие сведения. Смущает и то обстоятельство, что среди английских офицеров не назван Кинг. Не исключено, из-за его более низкого ранга: он был лишь первым помощником командира «Резолюшн». Это подводит нас к вопросу, что именно использовал Паллас: карту Кожевина, где Бем показал, какие географические объекты исправлены самим Кингом, или протограф? Ответить на вопрос, как нам кажется, позволяют протоколы Географического департамента. Запись от 20 мая 1780 г. сообщает, что «была окончена морская карта морей и островов, между Камчаткой и Америкой находящихся, на которой знаменитый капитан Кук (!) собственноручно назначил некоторые долготы и широты; оригинальная же карта, которую господин профессор Паллас получил от господина майора Бема, возвращена помянутому господину Палласу»[93]. 30 октября того же года адъюнкт Я.Ф. Шмидт, занимавшийся исправлением Генеральной карты 1776 г., получил устное приказание директора Академии наук С.Г. Домашнева приостановить работу, так как тот собирался «заполучить карту, какую майор Бем представлял Ее Императорскому Величеству, а также господину генерал-прокурору»[94]. В первом из протоколов Д. Кук упомянут по ошибке, поскольку это не согласуется с фра-

[93] “<...> wurde die See Karte von denen Gewässern und Insuln so zwischen Kamtschatka und Amerika befindl[ich], und auf welche der bekante Capitain Cook eigenhändig einige Längen und Breiten aufgeschrieben, ferttig; die Original Karte aber welche h[err] Prof[essor] Pallas vom h[errn] Major Böhm bekom[m]en, wieder an besagten h[errn] Pallas zurück gegeben” (ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 32. Л. 290).

[94] “die Karte anzuschaffen welche der Major Böhme Ihr[o] Kayserlichen M[a]j[estä]t so wohl als dem h[errn] General Procureur praesentiret hatte” (Там же. Л. 295).

зой об оригинальной карте, которая досталась Палласу от Бема. У последнего не могло быть копии меркаторской карты Г.Г. Измайлова с исправлениями Кука, поскольку, как сказано выше, она была доставлена не на Камчатку, а в Охотский порт 6 сентября 1779 года. Второй протокол Географического департамента доказывает, что в Петербург Бем привез две карты — протограф и составленную Кожевиным.

За два месяца до того, как Домашнев собрался просить карту у генерал-прокурора, 31 августа, Паллас уже продемонстрировал Географическому департаменту «Карту новых открытий в Восточном окиане», составленную И.Ф. Трускоттом (Илл. 23–26). Первого сентября геодезисту Ф. Черному поручили изготовить уменьшенный вариант карты для «Месяцослова»[95].

Карта была издана на русском языке, в качестве приложения к очерку Ф. Хакмана «О российских открытиях между Азиею и Америкою»[96], и на немецком — в “Neue Nordische Beyträge” и в “Neues St. Petersburgisches Journal”[97]. Надписи в двух версиях несколько различаются. Сравним их с картой Кожевина. На последней мы находим всего пять топонимов английского происхождения: «бухта Кортенцеу»[98], «м[ыс] Нюнем», «Груса Флюс», «Зенвичь Саун» и «Кинжоршь Саун». Очевидно, во время визита в Большерецк англичане сообщили только их. Часть из них воспроизведена на карте Палласа, видимо с учетом объяснений Бема или протографа карты Кожевина. Взамен искаженных названий

---

[95] Там же. Л. 292 об.

[96] Хакман 1781: 1–150. Геодезист Ф. Черный получил за раскрашивание 300 экземпляров карты 9 рублей (ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 552. Л. 92 об. Запись в журнале комиссии Академии наук от 1 февраля 1781 г.).

[97] Carte der Entdekvngen Zwischen Sibirien und America bis auf das Jahr 1780 // Pallas 1781: 273–313; Hackmann 1781: 3–93 (без примечаний Палласа к карте).

[98] Так на копии карты Кожевина, сделанной в Иркутске, и на циркумполярной карте М. Татаринова. Однако на «Карте меркаторской» Татаринова 1780 г. (отправлена иркутским губернатором, доставлена в Петербург в январе 1781 г.) приведено более близкое к английскому название «Нортенцеу», которое, очевидно, имелось на оригинале кожевинской карты и было искажено при копировании: в первом случае сержантом Михаилом Худяковым, во втором — геодезии сержантом Иваном Бритовым. В то же время на «Карте меркаторской» 1780 г. мы не видим названия «Нюнем». Здесь этот мыс называется «Нюнейс» (РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. № 108).

«Зенвичь Саун» и «Кинжоршь Саун» даны более правильные — «Сандвичь Саунд» и «Кинг Джорже Саунд». В немецком варианте это — *Sandisches Sound* и *King Georges Sound*. Мыс «Нюнем» сохранил свое название (в немецком варианте — *Point Njunem*). Загадочным представляется топоним «Груса Флюс», на циркумполярной карте Татаринова переделанный в более понятный — «Губа Флюс». Если в слове «Флюс» легко увидеть искаженное *floods*, то «Груса», вероятно, появилось в результате ошибочно прочитанной английской или немецкой, в переводе Бема (*Große*?), надписи. В русском варианте залив обозначен как «Флоодс Бай», в немецком — *Tiefe Bucht*. Точно так же дело обстоит и с бухтой «Нортенцеу», возникшей из-за плохо разобранной надписи *Norton Bay* или записанного на слух названия *Norton Sound*. Означенная бухта не показана на карте Палласа. В отличие от карты Кожевина, американский берег в этом месте под углом примерно в 45º идет с северо-запада на юго-восток и намечен пунктиром. Также на «Карте новых открытий» отсутствуют надписи, имеющиеся на карте Кожевина: «Здесь перенята наперво Северная Америка» (под 43º с. ш.); «От ширины 45º 00´ до ширины 47º 00´, длины 253º 30´ за туманом и штормом земли не видали: бухта или что иное»; «От ширины 60º 00´ до ширины 63º 00´ за мелкостию воды проведать было невозможно, а земля кругом видима, а какое место – бухта или река — неизвестно», и другие[99]. Этих надписей не было на протографе, использованном Палласом.

Интересным является замечание академика, будто положение Лисьих островов на «Карте новых открытий» изменено по астрономическим данным Кука[100]. Это может означать, что в протографе рука Кинга не коснулась данной области Тихого океана. Однако на карте Кожевина показано новое положение Уналашки, Умнака и группы безымянных островов между ними, а прежнее намечено пунктиром почти в 7º к западу.

Ко времени выхода в свет «Месяцослова» в июльском номере “The London Magazine” за 1780 г. уже появилась весьма неточная карта открытий Третьей экспедиции Д. Кука во всем Ти-

---

[99] РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карты Иркутской губернии. № 63. Ч. 1.

[100] Ср.: «<...> положение Уналашки принял я по Кукову астрономическому определению» (цит. по: Паллас 1790: 387).

хом океане, с добавлением сведений других европейских мореплавателей[101]. Именно поэтому карта Палласа не нашла особого отклика в Европе. А.Ф. Бюшинг поместил краткое сообщение о ней и о статье, сначала назвав в качестве автора последней адъюнкта И.Г. Штриттера. Он также отметил, что Алеутские острова на карте расположены иначе, чем на лондонской[102].

Первые поступления материалов плавания Д. Кука из Англии и карты Кобелева и Зайкова

Инициатива в том, чтобы представить данные плавания Кука на карте, которая должна была служить иллюстрацией к статье о русских географических открытиях, принадлежала самому П.С. Палласу. В то же время Академия наук приняла меры, чтобы приобрести материалы экспедиции Д. Кука в Англии. В 1780 г. за границу для поправления здоровья был отпущен астроном адъюнкт А.И. Лексель. Одновременно ему поручили посещать наиболее значительные обсерватории в Германии, Франции и Англии, собирать сведения о новых математических и физических инструментах, а также о новых географических картах[103]. В апреле 1781 г. Лексель сообщил директору С.Г. Домашневу, что он приобрел журнал капитан-командора Кука, который, впрочем, не считал особо полезным. Астроном приложил к письму копию части карты, помещенной в издании, а на обороте ее сделал выписки из таблицы долгот и широт[104]. Речь шла об издании Д. Рикмана, в котором была воспроизведена карта

---

[101] A Chart of the Discoveries made by the late Capt. Cook, & other European Navigators, in the great Pacific Ocean between Asia & America. By T. Kitchin Senr. // The London Magazine 1780. July. Повторно, с некоторыми исправлениями, карта была напечатана в декабре (Ibid. December). Источником карты могли служить письмо Кука с Уналашки и его карта “Chart of part of the NW Coast of America” 1778 г., воспроизведенная по памяти (The Charts & Coastal Views 1997: XCVI).

[102] Wöchentliche Nachrichten 1782: 112. В изображении азиатского побережья Тихого океана и Ближних Алеутских островов Т. Китчин явно использовал академическую «Генеральную карту» 1776 года.

[103] Протоколы 1900: 476.

[104] Письмо А.И. Лекселя от 16/27 апреля 1781 г. (Ученая корреспонденция 1937: 355). Зарисовку фрагмента карты см.: ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 65. Л. 185 об.

Т. Китчина[105]. 16 июня того же года издание журнала Кука с картой поступило в Географический департамент[106]. Особого влияния эти материалы на картографические работы в Академии наук не оказали.

В июне 1781 г. в Географический департамент поступили некие материалы, использовавшие данные экспедиции Д. Кука. Секретарь академической Конференции профессор И.А. Эйлер прислал копию небольшой карты «пролива между Чукотским Носом и Америкой, с приложением долгот и широт, предположительно с карты капитана Кука»[107]. С карты была снята копия, оригинал отдали Эйлеру, а географические координаты занесли в каталог департамента. Если судить по хронологии, речь шла не о карте, составленной по описанию и «абрису» казачьего сотника И. Кобелева, которая была отправлена позднее — при письме Ф.Н. Клички к генерал-прокурору А.А. Вяземскому от 15 декабря 1781 г.[108] и, следовательно, поступила в Петербург не ранее февраля 1782 г. Уже к октябрю того же года карту Кобелева передали в Академию наук, так как в журнале комиссии Академии наук под 7 октября 1782 г. записано: «Присланное от его превосходительства иркутскаго губернатора и кавалера Клички... карту, копированную с карты аглинскаго капитана Кука с примечаниями сотника Кобелева, бывшаго в Чукотской земле... сообщить в Академическое ученое собрание»[109]. К публикации карты похода Кобелева Географический департамент приступил только в 1783 году. В протоколах от 21 и 24 июля она значится как «небольшая карта пролива между Америкой и Камчаткой (!), меркаторской

---

[105] Cook 1781.

[106] ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 32. Л. 325.

[107] Протокол Географического департамента от 14 июня 1781 г. (Там же. Л. 304 об.). В оригинале буквально: “eine Copie von der Meer Enge zwischen Zschuktschi Noß und Amerika”.

[108] Федорова 1971: 159–160.

[109] ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 553. Л. 298 об.– 299. Тогда же в Академическое собрание решено было передать присланные тем же Ф.Н. Кличкой «описание Курильских островов, выбранное из журналов бывшаго на тех островах сотника Ивана Черных и отправленных в путешествие к Японии унтер-офицера и японскаго переводчика Очередина и сибирскаго дворянина Ивана Антипина», «лексикон японской», составленный учеником Андреем Татариновым, и «план, как японцы осматривали россиян».

проекции»[110]. Геодезисту Ф. Черному было поручено выгравировать ее для «Месяцослова исторического и географического на 1784 год». В очертаниях Чукотского полуострова и северо-западного берега американского континента использовались данные экспедиции Д. Кука в интерпретации А. Кожевина[111].

Остановимся теперь еще на одной карте, к созданию которой привлекались материалы английских мореплавателей. В марте 1780 г. иркутский губернатор Ф.Н. Кличка отправил в Петербург описание и карту «семилетнему вояжированию в открытом море на партикулярном судне вновь пожалованного штурмана Зайкова, с показанием в них как прежде, так и вновь обысканных островов и части американской твердой земли Алякси»[112]. Как известно, судно «Св. Владимир» компании тульского оружейника А.Г. Орехова и грека Е. Пелопонисова под командой штурманского ученика П. Зайкова и передовщика В. Шошина в 1772 г. вышло из Охотского порта, зиму 1772/73 г. провело на Камчатке, затем отправилось к Лисьим островам, в 1775 г., взяв часть команды судна «Св. Архидиакон Евпл», пристало к о. Унимак. Оттуда Зайков совершал поездки на близлежащие острова, вплоть до Шумагинских[113]. Разрешение императрицы на передачу описания плавания и карты в Академию наук и вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу И.Г. Чернышеву, было получено только 21 декабря 1780 г., после

---

[110] "…eine kleine Karte von der Meerenge zwischen Amerika und Kamtschatka Mercatorischer Projection" (Там же. Оп. 10. Д. 32. Л. 316).

[111] Некоторые надписи с карты А. Кожевина в карте похода Кобелева (точнее, в карте, составленной в Иркутске по наброску Кобелева) были слегка изменены. Ср., например примечания в месте прерывания сплошной береговой линии Северной Америки к северо-востоку от пролива: «От ширины в 68º 00´ до ширины 69º 00´, длины 212º 30´ для тумана и мелкости воды, а за мелкостию ближе итти не смели» (РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карты Иркутской губернии. № 63. Ч. 1) и «От <ш>ирины 68º 00´ до 69º 00´, длины 212º 00´ для тумана и мелкости воды, а за мелкостию ближе итьти не смели» (Там же. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2539. Л. 535а).

[112] Письмо Ф.Н. Клички А.А. Вяземскому от 25 марта 1780 г. (РГАДА. Ф. 248. Оп. 80. Д. 6500. Ч. 1. Л. 174).

[113] См.: Лебедев 1957: 100–101; Макарова 1968: 73–74. Высказывание Р.В. Макаровой, что Зайков совершал поездку на о. Кадьяк, ошибочно. Также заблуждается А.В. Постников, который полагает, что Зайков предпринимал экспедиции «вплоть до Кадьяка» (Постников 2000: 128).

подачи доклада[114]. 15 февраля 1781 г. П.С. Паллас сообщил Г.Ф. Миллеру, что директор Академии получил карту и журнал семилетнего путешествия Зайкова, «которая (карта. — *Е. Р.*), говорят, отличается от карты Кука»[115]. В Академию наук попала хорошо известная «Карта меркаторская, сочиненная от Охоцкаго устья на собственном компанейшиков тульскаго оружейного Орехова с товарищи боте С. Владимире в команде штюрманского ученика Потапа Зайкова с промышленными людми в вояжах бытием на островах для промыслу морских и земляных зверей с 772-го по 779-й год сентября по 6-е число...»[116]. П.С. Паллас, публикуя извлечение из описания плавания Зайкова[117], счел карту «лучшей и наиболее верной» из всех карт русских промышленников в положении и изображении островов. Хотя в конструкции карты содержалась ошибка, связанная, по его мнению, в использовании неверных данных плавания Креницына. В частности, была неправильно определена долгота Аляски и о. Уналашки, поэтому полуостров оказался излишне вытянутым по долготе[118]. 24 сентября 1781 г. Академическая комиссия приняла решение о вырезании карты Зайкова для «Месяцослова исторического и географического на 1782 год» под наблюдением Я.Ф. Шмидта[119]. За вырезание ее на меди «с особливою чистотою и в скорое время» гравировальный ученик Семен Максимов был награжден 10 рублями[120].

Однако исследователям известна не оригинальная карта, составленная самим Зайковым и до настоящего времени не обнаруженная. Все, кто касается истории плавания П. Зайкова, обыч-

---

[114] РГАДА. Ф. 248. Оп. 80. Д. 6500. Ч. 1. Л. 205.

[115] ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 3. Д. 222а. Л. 143 об.

[116] НИОР БАН. Собрание рукописных карт. Осн. оп. № 363; Атлас 1964. № 160. С. 108. А.В. Постников считает ее вариантом карты Зайкова (Постников 2000: 130).

[117] Auszug 1782: 274–288.

[118] Auszug 1782: 274–275.

[119] ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 45. Л. 24.

[120] Запись в журнале комиссии Академии наук от 20 декабря 1781 г. Было также дано распоряжение мастеру Колмовскому напечатать 606 экземпляров «карточки» плавания Зайкова, передать ее в Географический департамент для раскрашивания, а оттуда – в книжную лавку «для приобщения к... Месяцослову и с оным для продажи» (Там же. Оп. 1. Д. 552. Л. 566 об.– 567).

но используют статью, опубликованную в «Месяцослове»[121], и не обращают внимание на рукописное описание, которое было приложено к письму Ф.Н. Клички[122]. Зайков пишет следующее: «от оных же (места проживания аборигенов мыса «Алякса». — *Е. Р.*) по оконечность островов Сеюлатыс[123] матераго берега земля положена пунктиром и отделением желтою краскою на карте чрез известие от лутчих алеут, которыя морем по обоим сторонам в лехких байдарках для промыслов бывали и, точно утверждая, уверяли, что от пролива Исанок и мыса Аляксы на северной стороне матерой земли берег пещаной, отлогой и мелководной, сравнивая разстоянием двух сот верст по остров на южной стороне Сеюлатыс»[124]. Таким образом, на оригинальной карте Зайкова желтой краской и пунктиром обозначалась небольшая часть полуострова, ограниченная долготой о. «Сеюлатыс». В описании упомянуты о. «Кадъек» (Кадьяк) и земли «каняг», «шугачей» и «кинаев»[125], но не сказано, что они «положены на карту». Нам представляется, что ближе к оригиналу «Карта меркоторская с показанием Алеутских островов...», попавшая в Адмиралтейств-коллегию[126]. Хотя на ней отсчет долгот идет от меридиана Ферро, на востоке пространство карты доходит всего лишь до 215º, то есть на полтора градуса дальше долготы о. Сеюлатыс (здесь «Сеюлатых»), а на севере — до 57º с. ш., что примерно соответствует упомянутому выше описанию плавания Зайкова. А.В. Постников, по-видимому, рассматривает ее как точную копию карты Зайкова и полагает, что использование английских данных доказывается присутствием здесь северо-западного побережья Аляски, незнакомого русским мореплавателям[127]. Однако говорить об использовании данных плавания

---

[121] Перечень путешествия 1782: 138–160.

[122] «Описание, учиненное штюрманским учеником Зайковым по бытию на боте С. Владимере тулскаго оружейника Орехова с товарищи по выходе из устья порта Охоцкаго в морской вояж, на каких имянно островах находился и каких народов, там обитающих, видел, и оные обхождение и другие обряды имеют, и о протчем явствует следующее» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 80. Д. 6500. Ч. 1. Л. 175–184).

[123] Возможно, о. Попов Шумагинской группы.

[124] РГАДА. Ф. 248. Оп. 80. Д. 6500. Ч. 1. Л. 181.

[125] Там же. Л. 181–181 об.

[126] Атлас 1964: № 161. С. 108. Копия геодезии сержанта И. Реброва.

[127] Постников 2000: 128.

Д. Кука в первоначальной карте Зайкова довольно сложно. С одной стороны, в названии карты есть указание на английские измерения долготы, напротив восточного мыса Уналашки имеется надпись: «На сем мысу стояли 2 карабля англинска в 1748-м году»[128], а Аляска приобретает форму полуострова. С другой стороны, первоначальная надпись могла быть изменена в Адмиралтейской коллегии[129], координаты Лисьих островов и Аляски у Зайкова отличаются от таковых же как на “Chart of part of the NW Coast of America” 1778 г., так и на картах плавания Креницына и Левашева[130]. С одной из карт этой экспедиции, несомненно, заимствованы очертания Уналашки. Составляя свою карту, Зайков вполне мог обойтись собственными наблюдениями и известиями, полученными от других промышленников и алеутов, а очертания северо-западного побережья Аляски, не исключено, были нанесены им по карте Г.Г. Измайлова, с которым он виделся на Умнаке (находился там с 20 июня 1778 по 19 мая 1779 г.).

Данные экспедиции Д. Кука совершенно точно использовались в «Карте меркаторской» (назовем ее условно «картой Зайкова»), присланной иркутским губернатором, которая охватывает пространство до 59º 35´с. ш. и 66º д. от Охотского порта (или 226,5º от меридиана Ферро), включая мыс Ньюэнхем. Собственно говоря, это вариант не дошедшей до нас карты, вдвое («вполы») уменьшенный и иллюминованный в Иркутске старшим сержантом геодезии А. Беляевым. О сводном характере этой карты говорит то, что на ней обозначен также маршрут плавания судна «Св. Архистратиг Михаил» компании тотемского купца А.Г. Холодилова под командой штурманского ученика Д. Полутова

---

[128] Ошибка в дате (1748 г. вместо 1778-го) принадлежит либо Зайкову, либо сержанту И. Реброву.

[129] Об этом говорит замечание: «...штурманского ученика (что ныне штурманом) Потапа Зайкова».

[130] См.: Атлас 1964: № 151, 152. Так, восточная оконечность Уналашки на карте Зайкова расположена на 3º 40´ западнее, чем на “Chart of part of the NW Coast of America” 1778 г., и на 2º 15´ восточнее, чем на «Карте меркоторской» плавания Креницына и Левашева. Западная конечность о. Унимак находится на 4º 10´ восточнее, чем указанной «Карте меркоторской», и на 2º 10´ западнее, чем на карте Кука (на ней о. Унимак не отделен проливом от оконечности полуострова Аляска, поскольку его первоначально приняли за мыс).

и передовщика Д. Брагина. Скорее всего, о. Кадьяк изображен здесь на основе материалов именно этого плавания.

Одна особенность этой «карты Зайкова» обратила на себя наше внимание. Мыс Ньюэнхем на карте изображен в виде сапожка, обращенного носком на северо-запад. Такую же форму, с поправкой на масштаб, мы встречаем на меркаторской карте Д. Полутова 1786 г.[131]. Именно Полутову, по предположению А.В. Постникова, астроном У. Бейли в конце мая 1779 г., во время стоянки в Петропавловской гавани, передал карту открытий экспедиции у берегов Америки, и тот ее частично использовал[132]. К сожалению, самая восточная часть карты Полутова, на которой были изображены в том числе о. Кадьяк и бухта Сандвич-Саунд, не сохранилась, но и без того она имеет много общего с «картой Зайкова»: отсчет долгот от Охотска, расположение и форма островов Унга, Нагай и Сагукаках у южного берега Аляски, Уналашка, Умнак[133], Атха, Таннах (у Зайкова — Танага), Канага и Адах. Правда, на карте Полутова, начиная с о. Атаку все Алеутские острова смещены к востоку: от 0,5º (о. Таннах) до 1º 50′ (о. Уналашка), а оконечность Аляски — на 2º.

Маршруты плаваний Полутова и Зайкова не пересекались: последний покинул Лисьи острова 19 мая 1779 г., тогда как Полутов подошел к ним только в сентябре того же года. Поэтому Зайков не мог получить от него какие-то известия об Алеутских островах и материковой части Северной Америки. Сводная «карта Зайкова» была составлена задолго до возвращения Полутова на Камчатку. Мы считаем, что ее источником могла служить именно карта Г.Г. Измайлова, который через Зайкова отослал в Контору Охотского порта рапорт, а также английскую карту

---

[131] «Карта меркоторская отправленным из Петропавловской гавани господ компанейшиков тотемских купцов Петра Панова и Арсеньтия Кузнецова на судне бот С. Николае под предводительством морехода и передовщика Охотской команды штурманскаго ученика Дмитрея Полутова с 779го июля месяца до бухты Сандвичь Саун и от толь обратно до Воровскаго устья по 785 года сентября 28 числа, с показанием Алеутских островов и часть Северовосточной Америки. Сочинена 1786 года сентебря 25го дня» (РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карты Иркутской губернии. № 66).

[132] Постников 2000: 123. См. также запись в дневнике хирурга Д. Самвелла от 26 мая (н. ст.) 1779 г.: The voyage 1967 (2): 1248.

[133] Очертания Уналашки и Умнака, в свою очередь, сходны с таковыми же на меркаторской карте плавания Креницына (Атлас 1964: № 152).

южного полушария и меркаторскую карту с исправлениями Кука[134]. Вполне возможно, что оригинальную сводную карту изготовили в Охотске. Остается открытым вопрос — участвовал ли в этом сам Зайков? Установить причины схожести карт «Зайкова» и Полутова мешает ряд обстоятельств. Хранящаяся в РГАДА карта плавания Полутова составлена спустя год после его окончания, но где — неизвестно. Имя автора или копировальщика, вероятно, находилось в нижнем углу несохранившейся правой части. Едва ли перед нами подлинник. Косвенно на это указывает надпись: «По сей карте плавание совершал охотской команды штюрманской ученик Дмитрей Полутов»[135]. В пользу использования здесь карты, переданной Бейли, казалось бы, говорят координаты мыса Ньюэнхем, бухты в северо-восточной части Уналашки, юго-западной оконечности о. Унимак: они весьма близки к таковым же на “Chart of part of the NW Coast of America” Д. Кука 1778 г.[136]. Однако более правдоподобным нам кажется следующее объяснение: Полутов использовал непосредственно карту Измайлова, на которой координаты указанных выше географических объектов были более точны, чем на «карте Зайкова». Как и на карте Измайлова, у Полутова Алеутские острова лежат между 52º и 55º с. ш. То же широтное расположение островов мы видим на обеих картах плавания Зайкова. Но есть и отличия. Так, судя по записи в журнале Д. Кука, о. Амухта (*Amagh’ta*) находился на карте Измайлова под 51º 45´ с. ш.[137], тогда как на всех трех вышеперечисленных он расположен приблизительно под 52º 40´ с.ш.

После уменьшения «карты Зайкова» для «Месяцослова» многие Алеутские острова и частично полуостров Аляска изменили свои очертания. Но при этом пространство карты к северу было расширено примерно до 61º 20´ с. ш., что позволило добавить и другие данные плавания Кука: северо-западный берег Америки к северу от 60-й параллели обозначен пунктиром, а ме-

---

[134] Отсчет долгот на карте Измайлова также шел от Охотска: The voyage 1967 (1): 453.

[135] РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карты Иркутской губернии. № 66.

[136] Широта мыса Ньюэнхем на обеих картах почти совпадает.

[137] The voyage 1967 (1): 455.

жду 44º и 46º долготы (от Охотского порта) отмечены два острова, «открытые Агличанами»[138].

Работа над новыми генеральными картами и Большим Готторпским глобусом

Почти сразу после ознакомления с данными экспедиции Кука была предпринята попытка внести коррективы и в академическую «Генеральную карту» 1776 г. Как явствует из упомянутого выше протокола от 20 мая 1780 г., на основе карты-протографа Бема была изготовлена карта северной части Тихого океана и Алеутских островов. К сожалению, эта карта до сих пор не выявлена, поэтому мы не можем сказать, являлась ли она просто копией или в какой-то степени перерабатывала оригинал. 19 сентября 1780 г. директор Академии наук С.Г. Домашнев, посетив Географический департамент в сопровождении Палласа, поручил Я.Ф. Шмидту исправить восточную часть Генеральной карты 1776 г. в соответствии с данными Кука[139]. В контексте протокола от 20 мая можно почти с полной уверенностью сказать, что речь шла о карте Бема. Второго октября в связи с планируемым выпуском новых экземпляров Генеральной карты Домашнев повторил свое распоряжение. 30 октября Шмидт по приказу директора остановил работу, но успел «вчерне» (*im Schwartzen*) внести изменения в карту[140]. Однако полностью работа не прекратилась, и в протоколе Географического департамента от 30 июня 1781 г. снова говорится об указании, данном адъюнкту Шмидту, «вчерне (*en Brouillon*) нанести вновь открытые острова между Америкой и Камчаткой на новую Генеральную карту Российской империи»[141].

Во второй половине 1783 г., когда должность директора Академии наук уже занимала княгиня Е.Р. Дашкова, Географический департамент был подключен к реализации нового замысла. 31 августа 1783 г. С.Я. Румовский объявил департаменту приказание Дашковой, последовавшее в ответ на указ генерал-

---

[138] Карта принадлежащая к путешествию Штурмана Зайкова // Месяцослов исторической и географической на 1782 год.

[139] ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 32. Л. 293.

[140] Там же. Л. 295.

[141] Там же. Л. 325.

прокурора А.А. Вяземского, изготовить генеральную карту Российской империи, с обозначением приобретений российских монархов начиная с 1692 г. и краткими пояснениями на полях. 21 ноября того же года карту следовало представить императрице. Чертежные работы поручались геодезисту Ф. Черному и ученику А. Вильбрехту (Вильдбрехту). В качестве стимула за напряженный труд назначалось вознаграждение в 200 рублей[142]. Уже в сентябре подготовленную карту отдали вырезать на медных досках[143]. В декабре в департамент поступил ордер о печатании новой карты тиражом в 100 экземпляров и раскрашивании[144], которая вышла под названием «Генеральная карта Российской империи 1783 ноября 24 дня»[145].

Чукотский полуостров здесь изображен по «Генеральной карте» 1776 г. Географические координаты полуострова, определенные в ходе плавания Д. Кука, до 1784 г. были неизвестны в России, а полагаться на карты Бема, Кожевина, Палласа и Кобелева в Академии не сочли нужным. Думается, важную роль сыграл тот факт, что во всех опубликованных на 1783 г. английских картах очертания Чукотки даны именно по русской карте 1776 г.[146] В изображении северо-западной части Америки, в том числе «Американского Носа», составители ориентировались на карту похода Кобелева, однако в точности ее не копировали. Некоторые Андреановские (Танага, Канага, Ситхин) и Лисьи острова (Уналашка), а также о. Семида воспроизведены по карте Зайкова. Ближайший из Алеутских островов — Атту — помещен почти на долготе о. Медный, что в целом соответствует их взаимному положению на карте Палласа, с поправкой на разность проекций. Конструкция карты и многие изображенные на ней объекты вызвали, очевидно, нарекания, так как 31 января 1785 г. в Конференции Академии наук состоялось ее обсуждение ведущими математиками — И.А. Эйлером, С.Я. Румовским, В.Л. Крафтом

---

[142] Там же. Л. 317–317 об.

[143] Там же. Л. 322.

[144] Там же. Л. 326.

[145] См.: РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карты генеральные Российского государства. № 6.

[146] См. прим. 101, 105.

и Н. Фуссом. Для сравнения в качестве образца привлекалась «Генеральная карта» 1776 г.[147].

Вопрос о непосредственном или опосредованном использовании материалов Третьей экспедиции Кука поднимался в том же 1783 г. в связи с восстановлением поверхности Большого Готторпского глобуса. Эту работу вел с 1750 г. И.Ф. Трускотт[148]. 18 мая 1783 г. Е.Р. Дашкова лично осмотрела глобус[149], а 19 мая направила ордер Географическому департаменту и академику А.И Лекселю, которым предписывалось «разсмотреть все принятыя господином Трускотом за основание карты и известия, и ежели что нибудь означено на глобусе по известиям не довольно надежным, то означить и дать наставление, каким образом поправить и обо всем меня отрепортовать; а впредь сего все известия, какия господин Трускот употреблять намерен, представлять ему прежде на общее разсмотрение Географическаго департамента и господина Лекселя»[150].

26 мая собрание Географического департамента рекомендовало Трускотту при изображении западного побережья Америки, включая Калифорнию, до 56º с. ш. использовать испанские карты и опубликованные журналы и карты трех экспедиций Кука. Согласно определениям английского мореплавателя следовало нанести на карту и о. Уналашка. В отношении остальных островов Алеутской гряды было предложено взять за основу печатные карты из «Месяцословов» — Палласа 1781 г. и, особенно, Зайкова[151].

В феврале 1785 г. Е.Р. Дашкова велела секретарю И.А. Эйлеру объявить академической конференции о намерении издать новую генеральную карту, более совершенную, чем предыдущие[152]. Первого февраля 1785 г. в академической канцелярии было постановлено: «В Географическом департаменте без замедления взять меры и приуготовления, чтоб издать Генеральную карту Российской империи с границами вновь учрежденных наместничеств и с точностию астрономических наблюдений долго-

---

[147] Протоколы 1900: 796–798.

[148] Карпеев 2003: 47, 50–51.

[149] ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 32. Л. 309. Дашкова распорядилась снять для нее копии с рисунков каркаса глобуса.

[150] Там же. Л. 310.

[151] Там же. Л. 320–320 об.

[152] Протоколы 1900: 801.

ты и широты, почему и принадлежащую к оной карте картушу сделать заранее, в рисунке представить Ея Сиятельству (Е.Р. Дашковой. — *Е. Р.*) на разсмотрение...»[153] Такая спешка, вероятно, была вызвана тем, что при Сенатской межевой экспедиции уже вышла генеральная карта России, опередив тем самым академическое издание[154]. Географический департамент в двух рапортах академической канцелярии — от 5 и 19 февраля — отмечал, что Генеральная карта «до сего времяни уже была делана» и «уже давно и сочиняется»[155]. Руководил работами астроном Ф.И. Шуберт[156]. Гравирование карты поручили К. Фролову и Е. Худякову[157]. Уже 1 сентября канцелярия распорядилась отпечатать 50 экземпляров вырезанной карты в портретной типографии, затем отдать их для раскрашивания и на продажу[158]. Карта вышла под названием «Новая карта Российской империи, разделенная на наместничества. Сочиненная 1786»[159]. К тому времени Академия наук располагала официальным изданием журналов и карт экспедиции Д. Кука, в том числе помещенной там “Chart of the NW Coast of America and NE Coast of Asia

---

[153] ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 344. Л. 395.

[154] Видимо, речь шла об издании «Генеральная карта Российской империи с разделением на новоучрежденныя губернии и уезды. Сочиненная под особенным распоряжением, попечением и наставлением действительнаго тайнаго советника генерала прокурора и... кавалера князя Александра Алексеевича Вяземского при домовой его чертежной землемером секунд маиором Дмитрием Петиным» (Фель 1960: 198). См. ордер Е.Р. Дашковой С.Я. Румовскому от 29 января 1785 г. о закупке и изучении сенатской карты (ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 344. Л. 393).

[155] ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 344. Л. 396, 398.

[156] Гнучева 1946: 91.

[157] ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 344. Л. 413–413 об.

[158] Журнал канцелярии Академии наук от 1 сентября 1786 г. (Там же. Л. 416).

[159] См.: РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карты генеральные Российского государства. № 7. Ч. 1. Вышла также на латинском языке: Nova Tabula Geographica Imperii Russici in Gubernia divisie edita 1787. Четыре экземпляра этой карты были оклеены лентами, один из них был поднесен императрице, два — великому князю Павлу Петровичу и великой княгине Марии Федоровне, один — директору Академии наук княгине Е. Р. Дашковой (ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 559. Л. 269 об.– 270). В 1787 г. карта была издана во Франции под названием «Carte Générale de L’Empire de Russie» (РГАДА. Ф. 192. Оп. 6. № 7).

explored in the Years 1778 & 1779”[160]. Последняя повлияла на очертания Чукотки и западного берега Северной Америки, но Алеутские острова показаны на основании разных карт русских мореходов. Это вызвано тем, что в материалах английской экспедиции архипелаг представлен лишь отрывочными сведениями, из которых наиболее ценным оказалось положение Уналашки. В представлении, предшествовавшем указу Екатерины II об организации Северо-восточной географической и астрономической экспедиции от 8 августа 1785 г., бывший участник Третьего плавания Д. Кука поручик И. Биллингс справедливо обращает внимание на северное (от устья Колымы) и восточное побережье Сибири, часть западного побережья Северной Америки и большую часть Алеутских островов, которые остались не обследованы англичанами[161]. Однако на фоне достижений последних разрозненные описания и карты этих земель, полученные ранее от русских морских офицеров и промышленников, уже не могли являться для Академии наук надежным источником географических знаний.

***

Даже предварительные результаты Третьей экспедиции Д. Кука внесли заметные коррективы в русскую картографию северо-западной части Североамериканского континента и Чукотки. На первом этапе английские данные были использованы в картах сибирских офицеров (А. Кожевин, М. Татаринов), мореходов (П. Зайков) и казаков (И. Кобелев), а через них — в картографических изданиях Академии наук начала 1780-х годов. Мнение, что какие-то карты открытий англичан в Тихом океане выше 40º северной широты попали непосредственно от них в руки русских, не подтверждается документами. С 1781 по 1786 г. вышел ряд академических картографических изданий, где в разной степени учитывались новые сведения. Выявленная в результате неполнота географических представлений об указанном регионе послужила стимулом к новой экспедиции, организованной на более высоком уровне и оснащенной более совершенными инструментами.

---

[160] Об этом издании см.: The Charts & Coastal Views 1997: XCIV–CI.

[161] Представление Д. Биллингса от февраля 1785 г. (РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 16. Л. 89–89 об.)

БИБЛИОГРАФИЯ

Атлас 1964 — Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII–XVIII вв. / Под ред. и с введ. А. В. Ефимова. М., 1964.

Гнучева 1946 —*Гнучева В.Ф.* Исторический очерк деятельности Географического департамента 1726–1799 гг. // *Гнучева В.Ф.* Географический департамент Академии наук XVIII века / Под ред. А.И. Андреева. М.; Л., 1946. С. 9–99.

Карпеев 2003 — *Карпеев Э.П.* Большой Готторпский глобус. СПб., 2003.

Кук 1971 — [*Кук Д.*] Третье плавание капитана Джемса Кука: Плавание в Тихом океане в 1776–1780 гг. / Пер. с англ., вступит. статья и коммент. Я.М. Света. М., 1971.

Лебедев 1957 — *Лебедев Д.М.* Очерки по истории географии в России XVIII в. (1725–1800 гг.). М., 1957.

Макарова 1968 — *Макарова Р.В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968.

Материалы для истории экспедиций 1940 — Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: Хронологические обзоры и описание архивных материалов / Сост. В.Ф. Гнучева. М.; Л., 1940.

Паллас 1790 — *Паллас П.С.* Примечания // Собрание сочинений, выбранных из месяцословов на разные годы. СПб., 1790. Ч. 4. С. 383–392.

Перечень путешествия 1782 — Перечень путешествия штурмана Зайкова к островам между Азиею и Америкою находящимся на боте Св. Владимира // Месяцослов исторической и географической на 1782 год. СПб., [1781–1782]. С. 138–160.

Постников 2000 — *Постников А.В.* Русская Америка в географических описаниях и на картах. 1741–1867 гг. СПб., 2000.

Протоколы 1900 — Протоколы заседаний конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. СПб., 1900. Т. 3: 1771–1785.

Русские экспедиции 1989 — Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в.: Сборник документов. М., 1989.

Рычаловский 2015 — *Рычаловский Е.Е.* Северо-Восточная Азия и Северо-Западная Америка в географических трудах и переписке Г.Ф. Миллера. 1761–1783 годы // Век Просвещения. М., 2015. Вып. 5: География эпохи Просвещения: между воображением и реальностью. С. 59–99.

Ученая корреспонденция 1937 — Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века: Научное описание. 1766–1782 / Сост. И.И. Любименко; под ред. Г.А. Князева и Л.Б. Модзилевского. М.; Л., 1937.

Федорова 1971 — *Федорова С.Г.* Исследователь Чукотки и Аляски казачий сотник Иван Кобелев // Летопись Севера. М., 1971. Вып. 5. С. 156–172.

Фель 1960 — *Фель С.Е.* Картография России XVIII века. М., 1960.

Хакман 1781 — [*Хакман Ф.*] О российских открытиях между Азиею и Америкою // Месяцослов исторической и географической на 1781 год. СПб., [1780–1781]. С. 1–150.

Штелин 1774 — [*Штелин Я.*] Краткое известие о новоизобретенном Северном архипелаге // Географический месяцослов на 1774 год. [СПб.], [1774].

A naturalist in Russia 1967 — A naturalist in Russia: Letters from Peter Simon Pallas to Thomas Pennant / Ed. by C. Urness. Minneapolis, 1967.

Auszug 1782 — Auszug aus dem Reisebericht des Rußischen Steuermanns Saikof, über eine bis an das feste Land von Amerika geschehenen Schifffahrt // Neue Nordische Beyträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie. SPb.; Leipzig, 1782. Bd. 3. S. 274–288.

Cook 1777 — [*Cook J.*] A Voyage towards the South Pole, and Round the World. Performed in His Majesty's Ships the Resolution and Adventure, In the Years 1772, 1773, 1774, and 1775. Written By James Cook, Commander of the Resolution... London, 1777.

Cook 1781 — [*Cook J.*] Journal of Captain Cook's last voyage to the Pacific Ocean, on Discovery; performed in the Years 1776, 1777, 1778, 1779, illustrated with Cuts, and a Chart, shewing the Tracts of the Ships employed in this Expedition. London, 1781.

Cook and the Russians 1973 — Cook and the Russians. An addendum to the Hakluyt Society's edition of The voyage of the Resolution and Discovery, 1776–1780 / Ed. by J.C. Beaglehole. London, 1973.

David 1990 — *David A.* Russian Charts and Captain Cook's third voyage // The Map Collector. 1990. Autumn. № 52. P. 2–6.

Hackmann 1781 — [*Hackmann F.*] Von den Entdeckungen, welche die Russen in der See zwischen Asien und Amerika gemacht haben. Carte der Entdeckungen Zwischen Sibirien und America bis auf das Jahr 1780 // Neues St. Petersburgisches Journal, vom Jahre 1781. SPb., 1781. Bd. 1. S. 3–93.

Hoffmann 2013 — *Hoffmann P.* Ostsibirien und Nordpazifik in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts: Die Diskussion um die Ausdehnung Asiens. Frankgurt am Main, 2013.

Neue Nordische Beyträge 1781 — Neue Nordische Beyträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie. SPb.; Leipzig, 1781. Bd. 1. St. 2.

Pallas 1781 — *[Pallas P.S.]* Erläuterungen über die im östlichen Ocean zwischen Sibirien und America geschehenen Entdeckungen // Neue Nordische Beyträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie. SPb.; Leipzig, 1781. Bd. 1. St. 2. S. 273–313.

Stæhlin 1774 — [*Stæhlin J.*] An Account of the New Northern Archipelago lately discovered by the Russia in the Seas of Kamtschatka and Anadir. By Mr. J. von Stæhlin... London, 1774.

Svet, Fedorova 1978 — *Svet Y.M., Fedorova S.G.* Captain Cook and the Russians // Pacific Studies. 1978. Fall. Vol. 2. № 1. P. 1–19.

The Charts & Coastal Views 1997 — The Charts & Coastal Views of Captain Cook's Voyages / Chief ed. A. David. London, 1997. Vol. 3: The Voyage of the Resolution and Discovery 1776–1780.

The London Magazine 1780 — The London Magazine: Or, Gentleman's Monthly Intelligencer. 1780. July; December.

The voyage 1967 (1, 2) — The voyage of the Resolution and Discovery, 1776–1780 / Ed. J. C. Beaglehole. Cambridge, 1967. Pt. 1–2.

Wendland 1992 — *Wendland F.* Peter Simon Pallas (1741–1811). Materialien einer Biographie. Berlin; New York, 1992. T. 1.

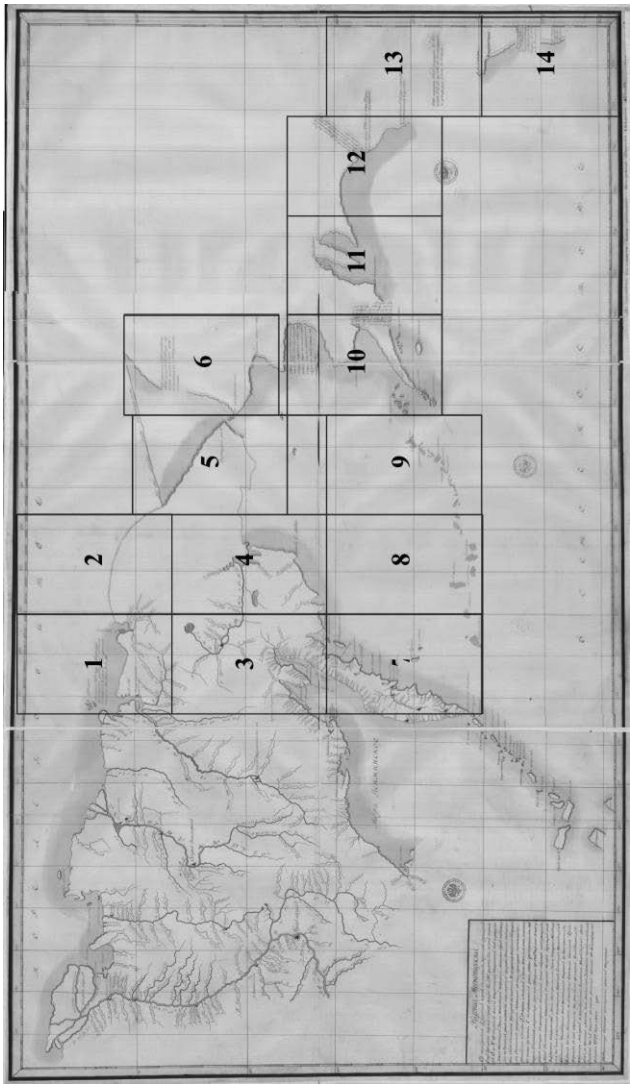
Williams 1962 — *Williams G.* The British Search for the Northwest Passage in the Eighteen Century. 1962.

Wöchentliche Nachrichten 1773 — D. Anton Friedrich Büschings… Wöchentliche Nachrichten von neuen Landcharten, geographischen, statistischen und historischen Büchern und Sachen. Berlin, 1773. Jg. 1. St. 27. 5. Juli.

Wöchentliche Nachrichten 1774 — D. Anton Friedrich Büschings… Wöchentliche Nachrichten von neuen Landcharten, geographischen, statistischen und historischen Büchern und Sachen. Berlin, 1774. Jg. 2. St. 16. 18. April; St. 17. 25. April.

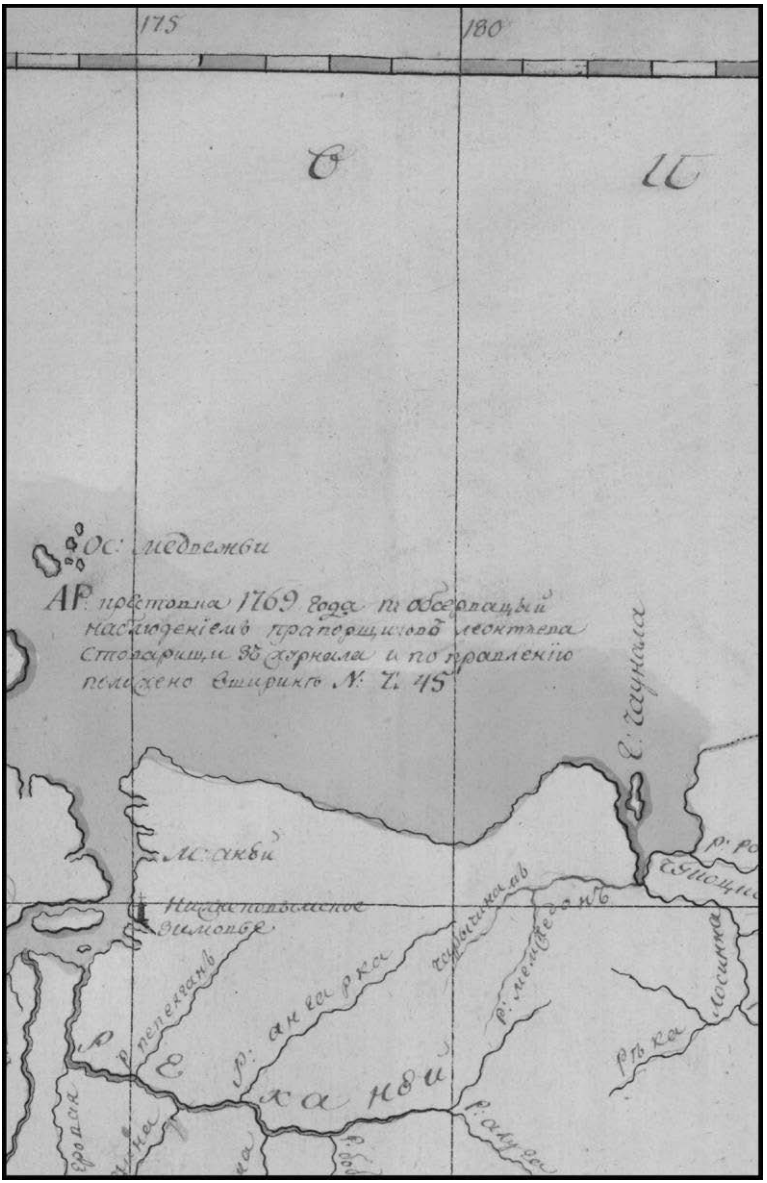
Wöchentliche Nachrichten 1781 (2, 3) — D. Anton Friedrich Büschings… Wöchentliche Nachrichten von neuen Landcharten, geographischen, statistischen und historischen Büchern und Sachen. Berlin, 1781. Jg. 8. St. 2. 10. Januar 1780; St. 3. 17. Januar 1780.

Wöchentliche Nachrichten 1782 — D. Anton Friedrich Büschings… Wöchentliche Nachrichten von neuen Landcharten, geographischen, statistischen und historischen Büchern und Sachen. Berlin, 1782. Jg. 9. St. 14. 2. April 1781.



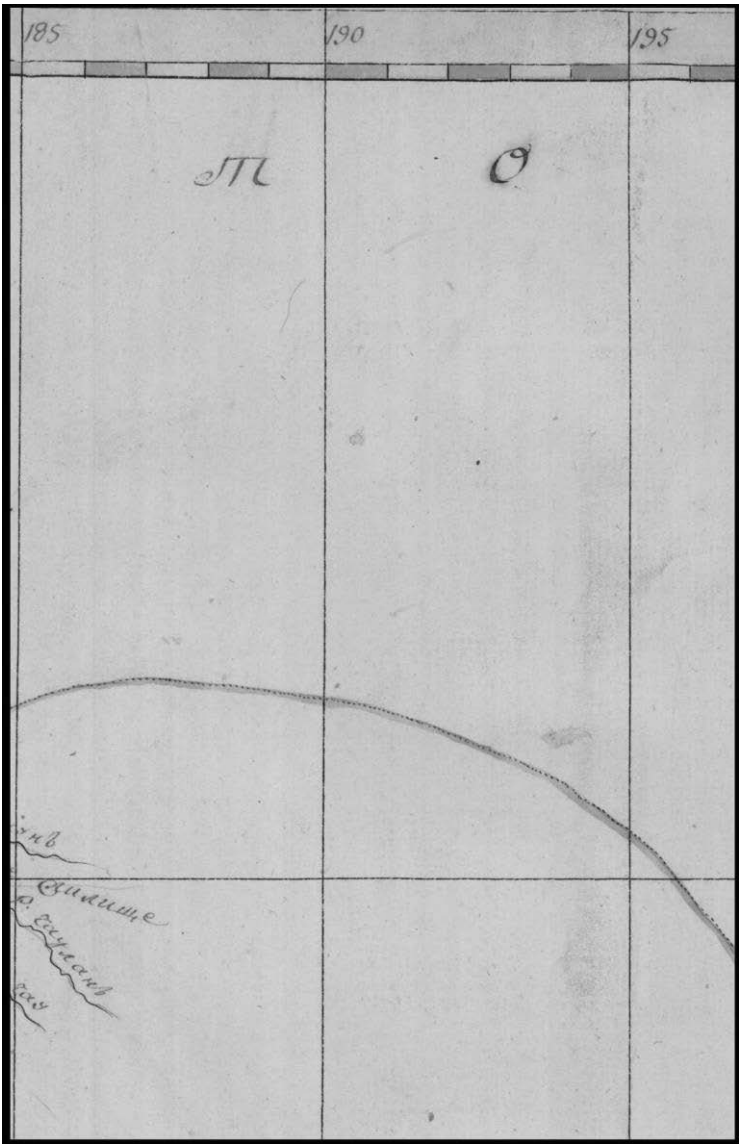
Илл. 1.

Меркаторская карта Северо-Восточной Азии, северо-западной части Северной Америки и части акваторий Северного Ледовитого и Тихого океанов. Подштурман А. Кожевин. 1779 г. Копия. РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карты Иркутской губернии. Ед. хр. 63. Ч. 1.



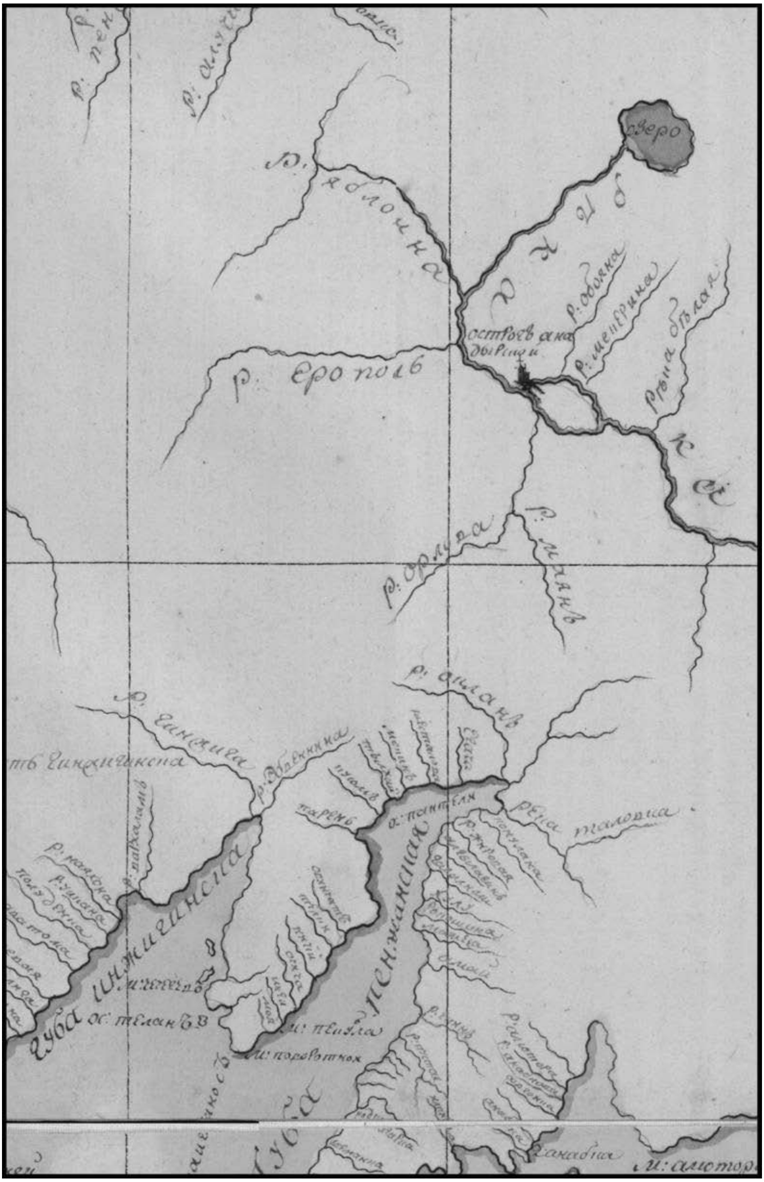
Илл. 2.

Фрагмент № 1 карты Северо-Восточной Азии.



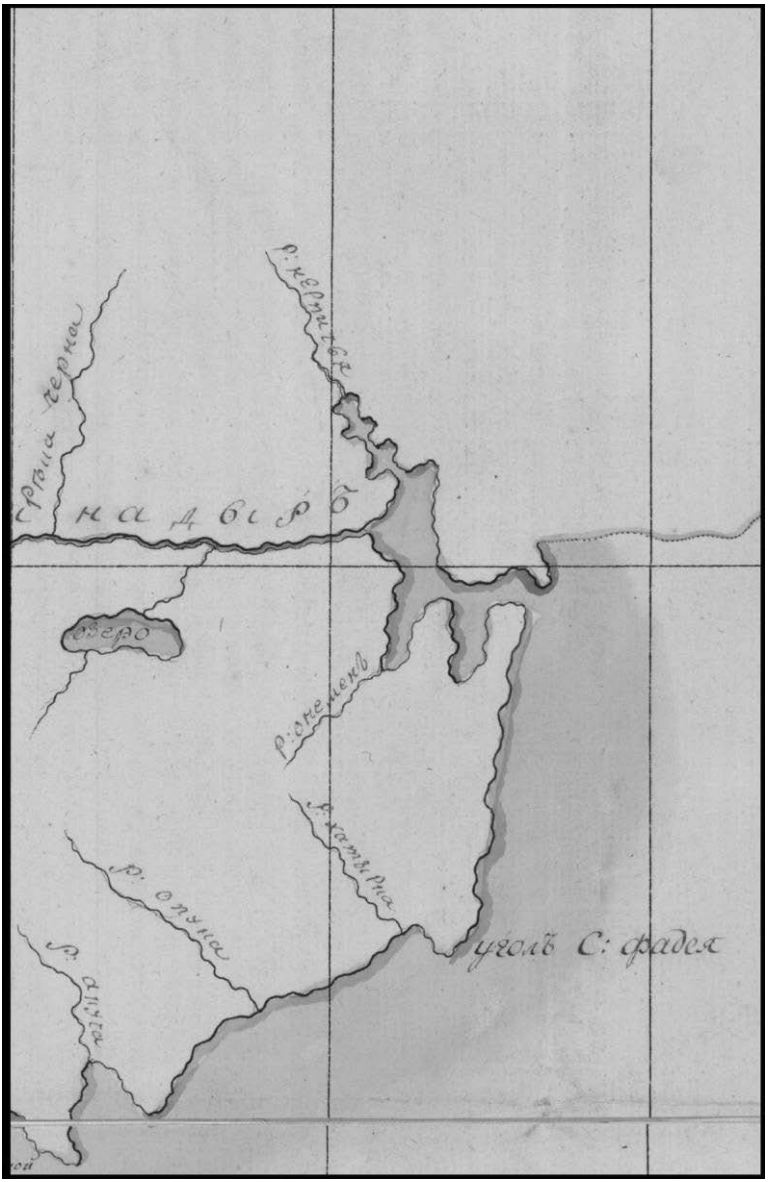
Илл. 3.

Фрагмент № 2 карты Северо-Восточной Азии.



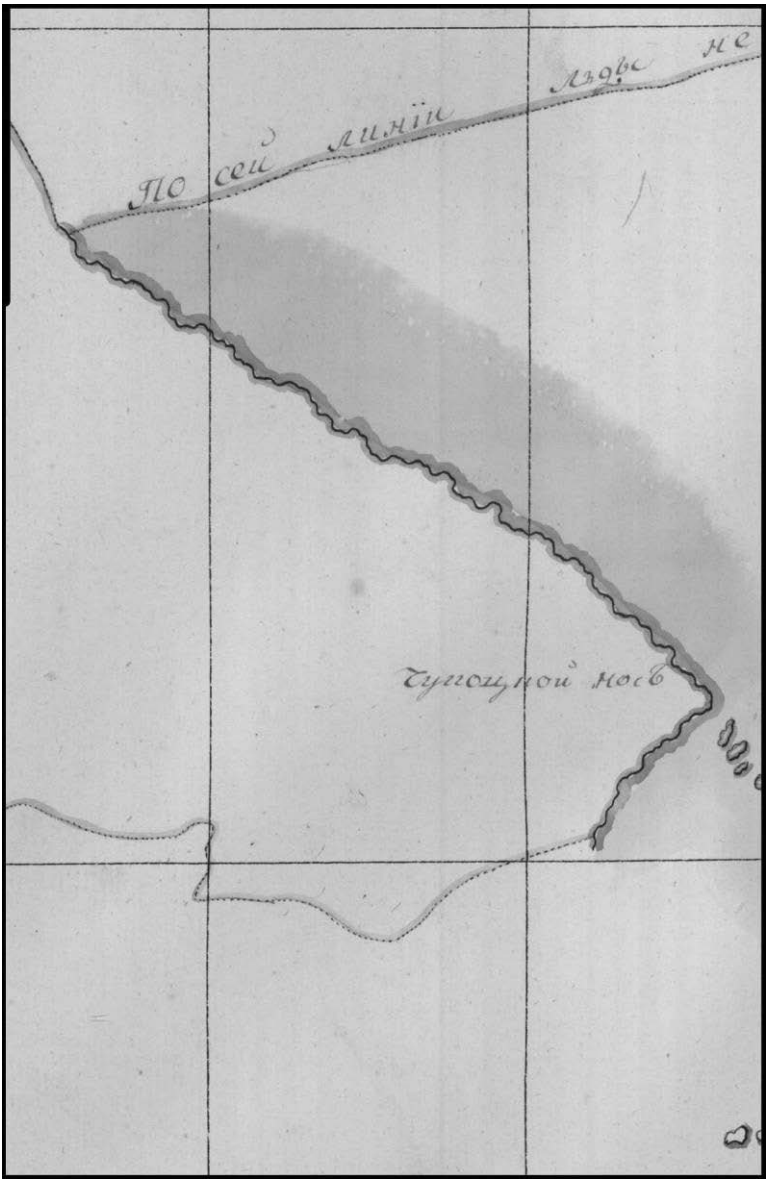
Илл. 4.

Фрагмент № 3 карты Северо-Восточной Азии.



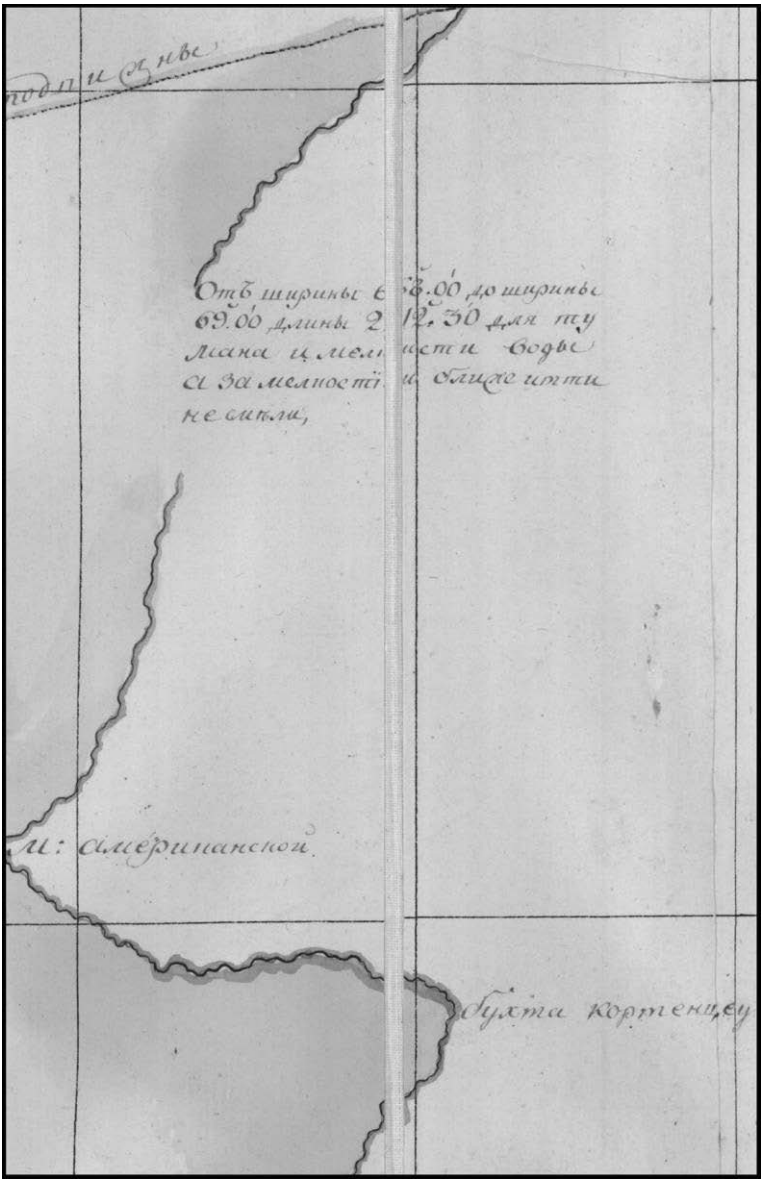
Илл. 5.

Фрагмент № 4 карты Северо-Восточной Азии.



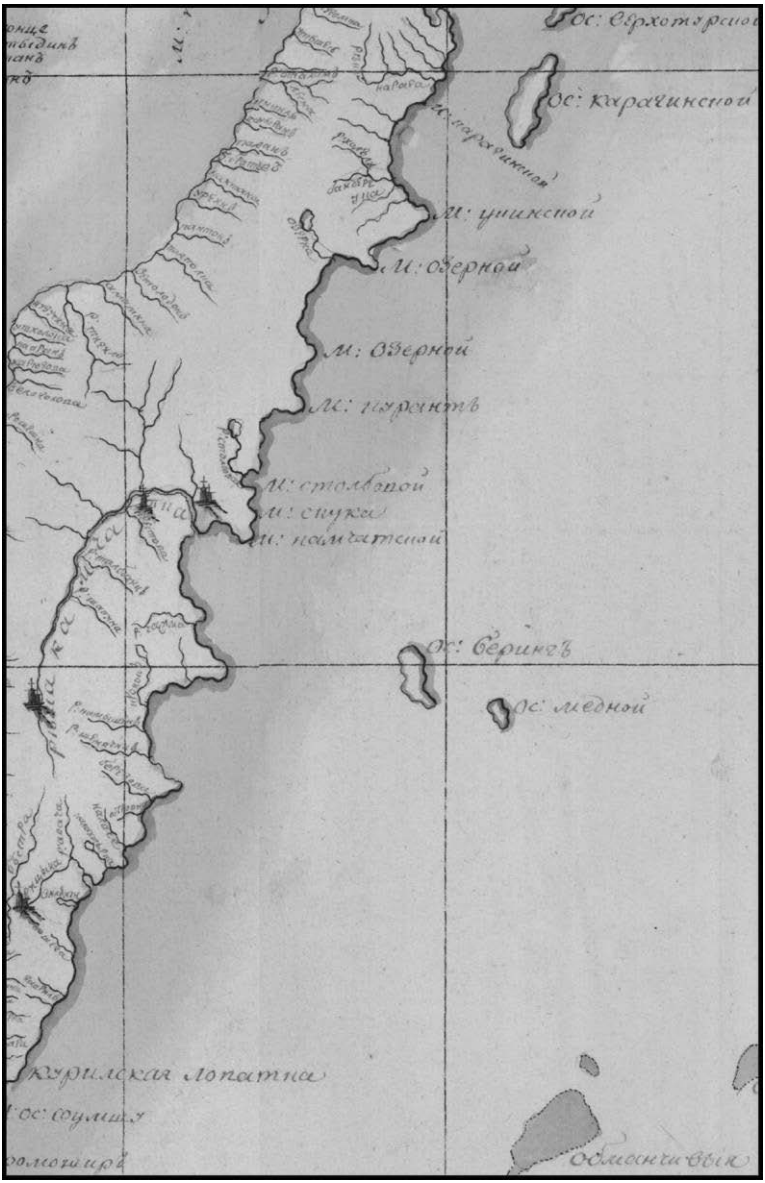
Илл. 6.

Фрагмент № 5 карты Северо-Восточной Азии.



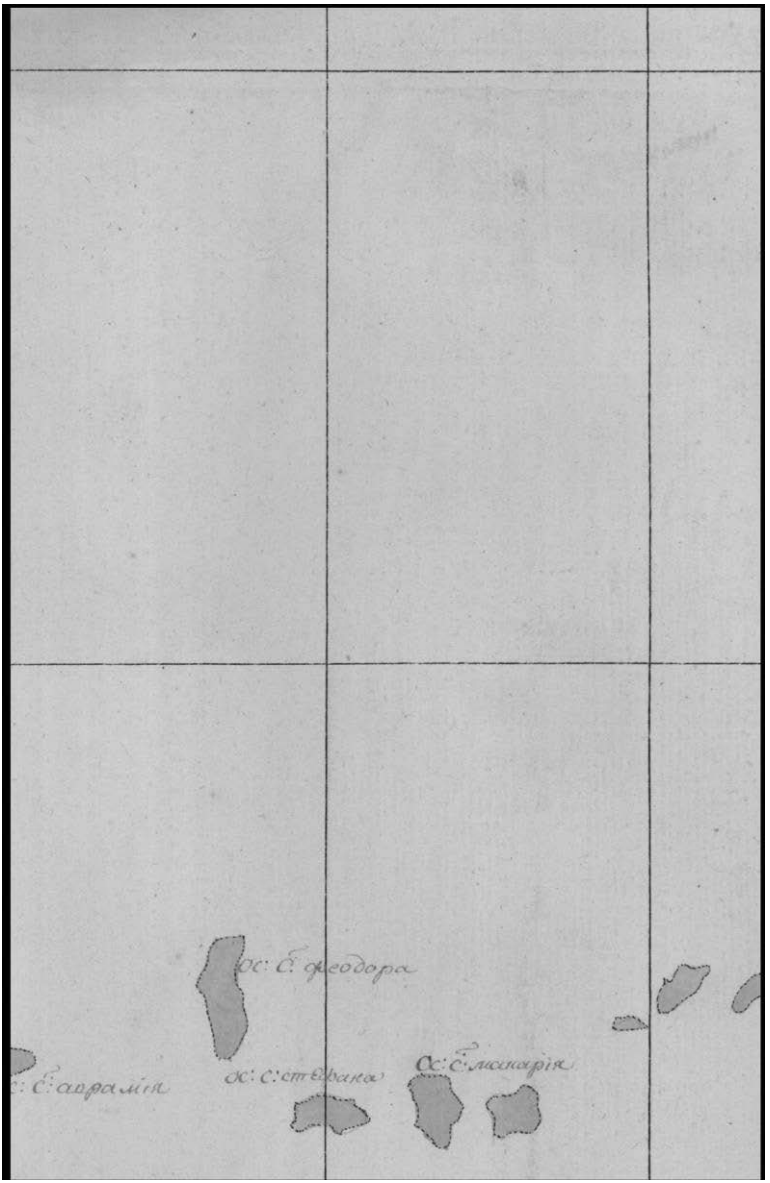
Илл. 7.

Фрагмент № 6 карты Северо-Восточной Азии.



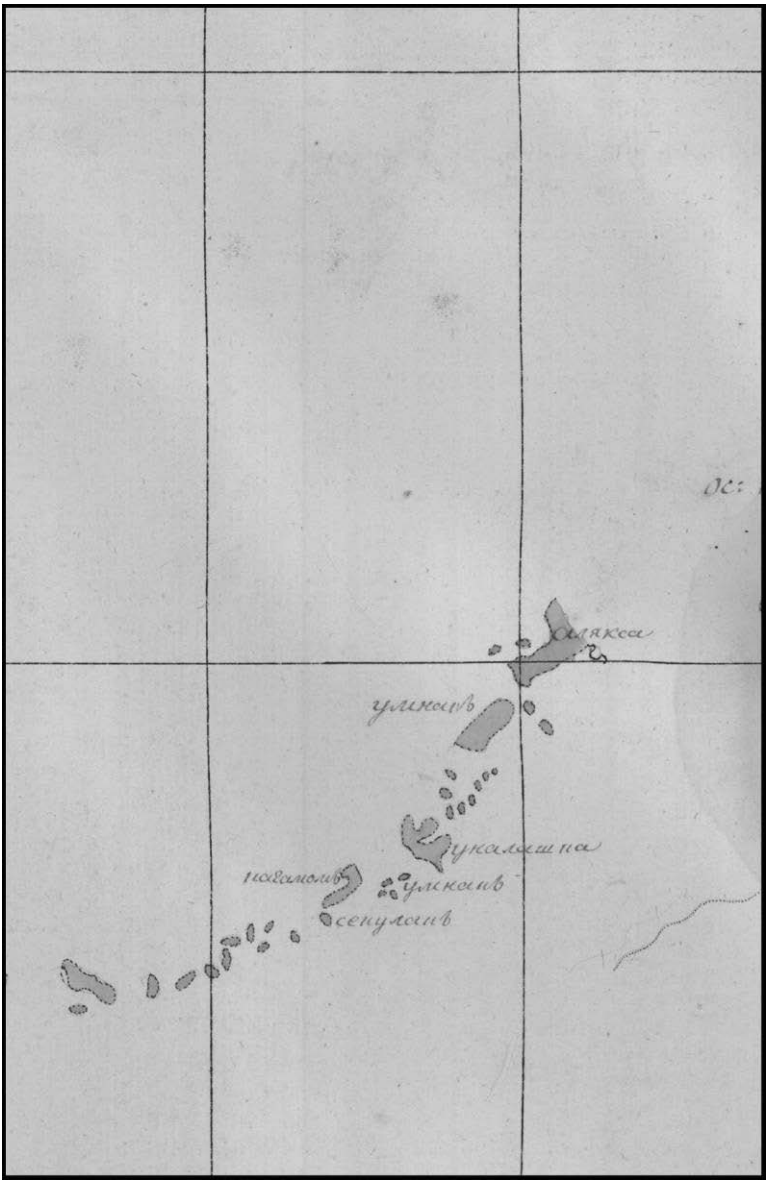
Илл. 8.

Фрагмент № 7 карты Северо-Восточной Азии.



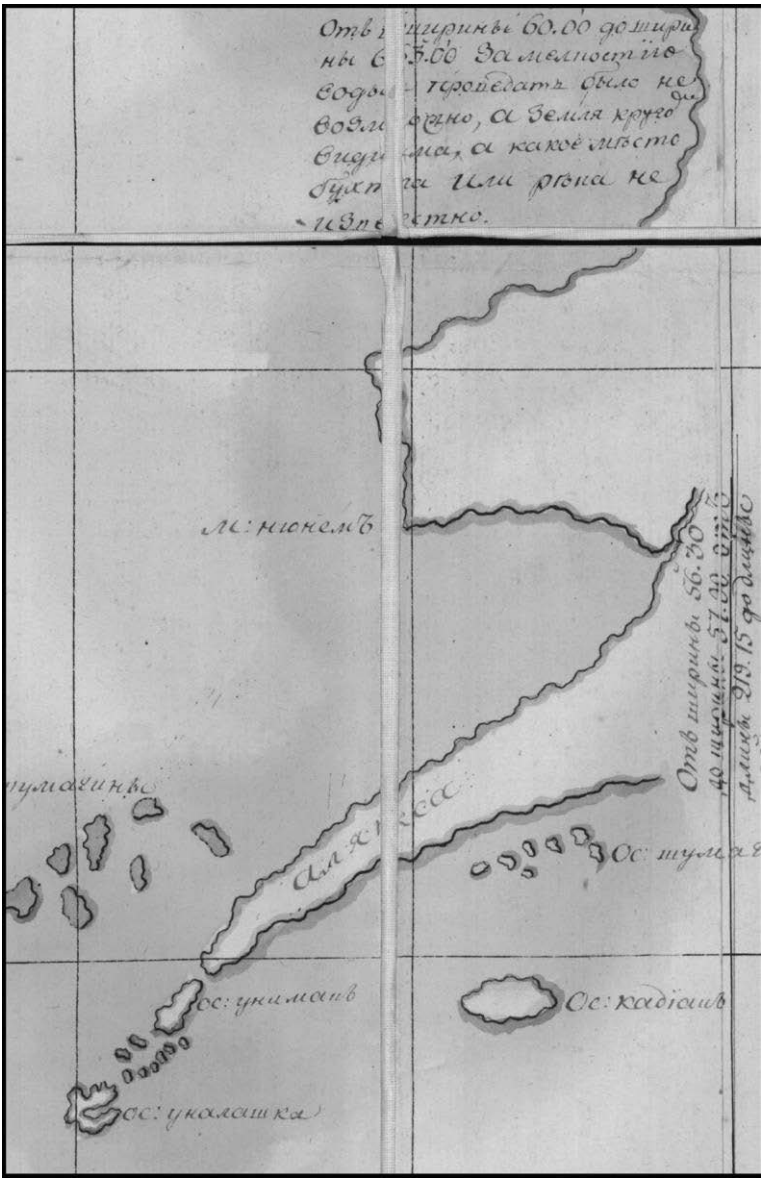
Илл. 9.

Фрагмент № 8 карты Северо-Восточной Азии.



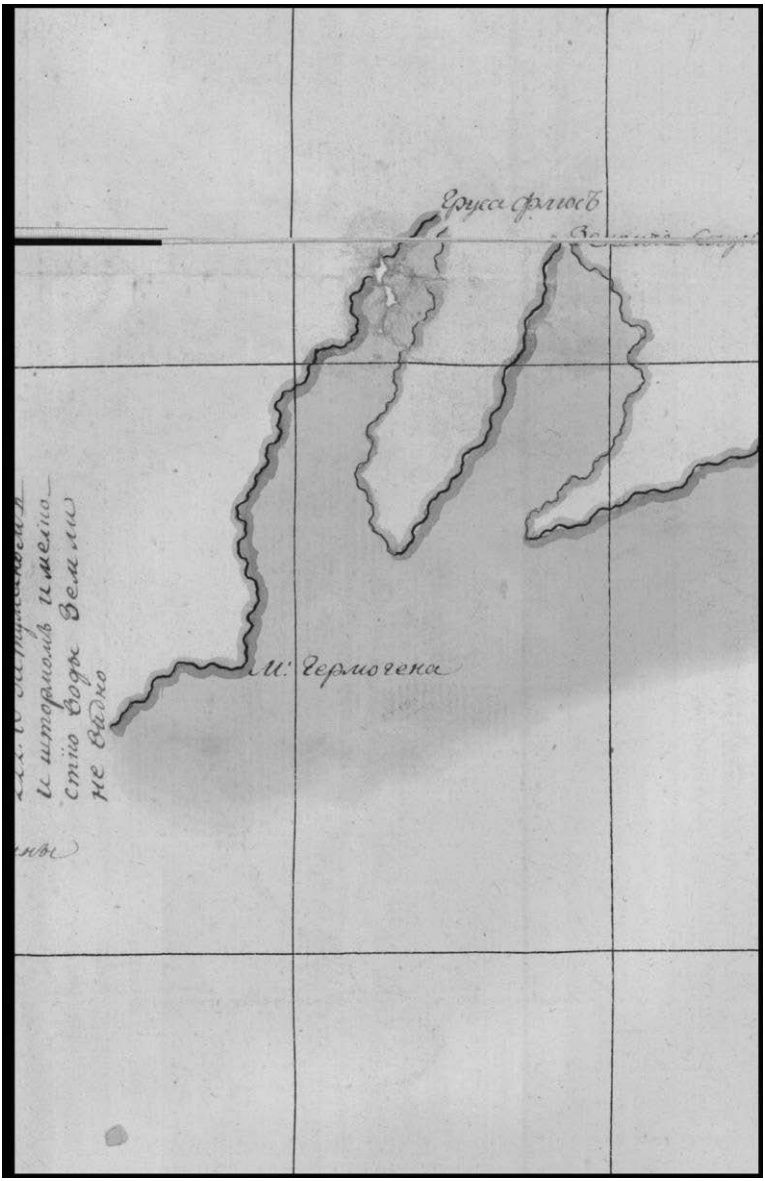
Илл. 10.

Фрагмент № 9 карты Северо-Восточной Азии.



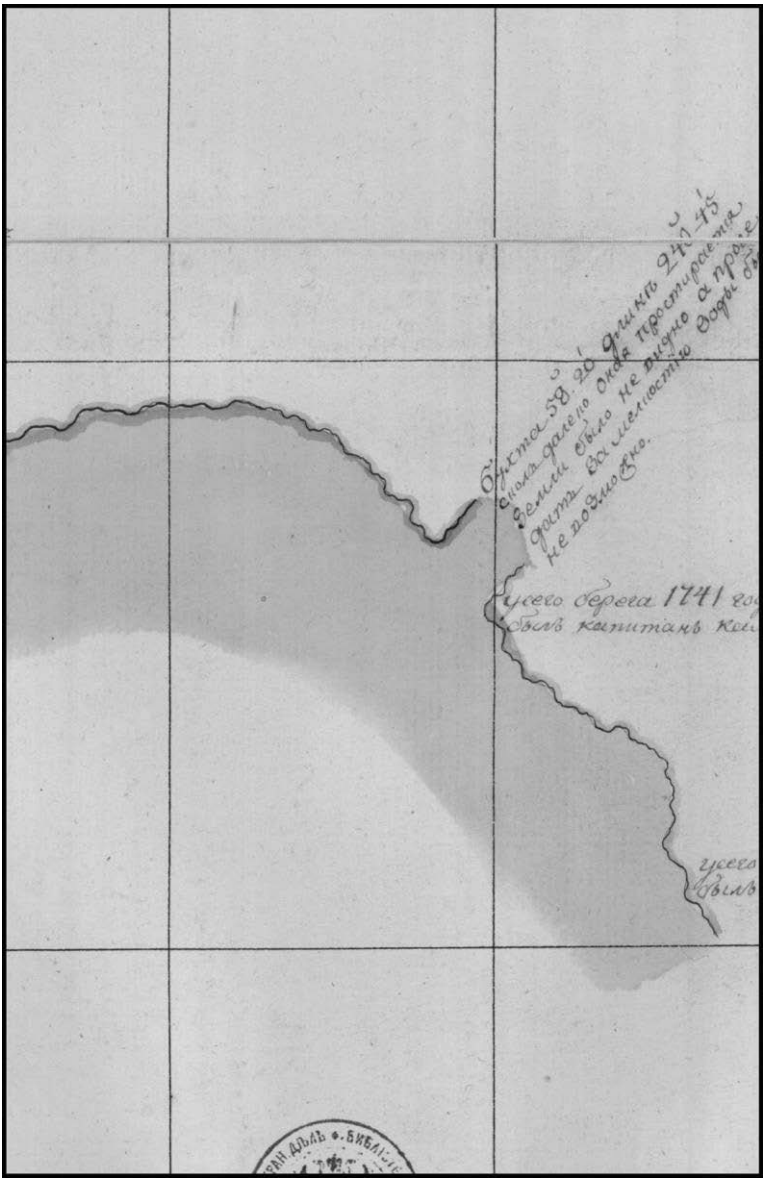
Илл. 11.

Фрагмент № 10 карты Северо-Восточной Азии.



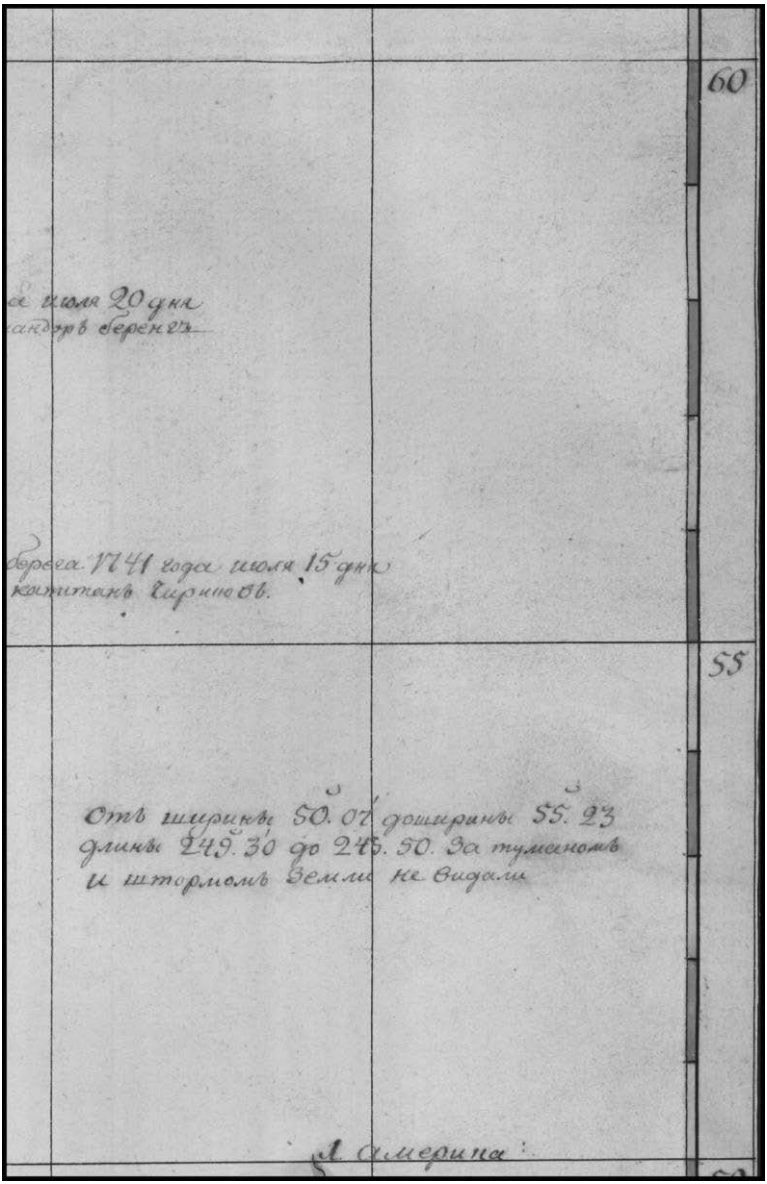
Илл. 12.

Фрагмент № 11 карты Северо-Восточной Азии.



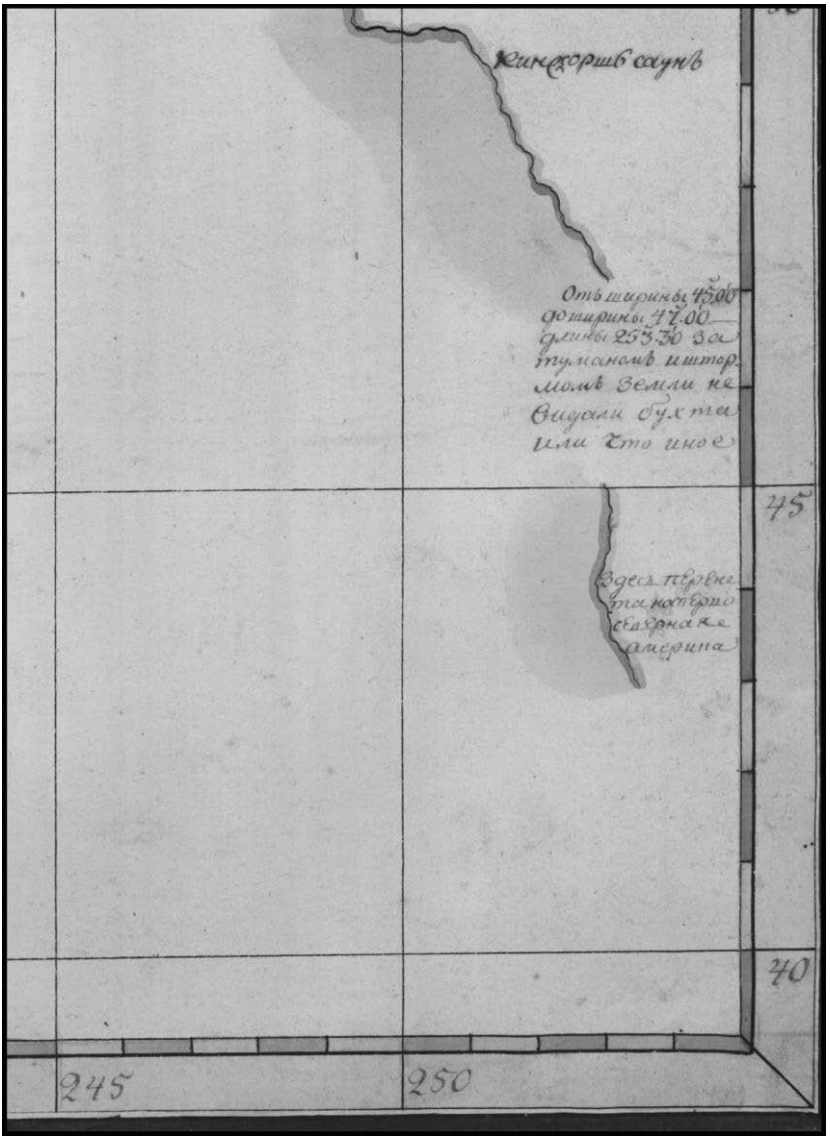
Илл. 13.

Фрагмент № 12 карты Северо-Восточной Азии.



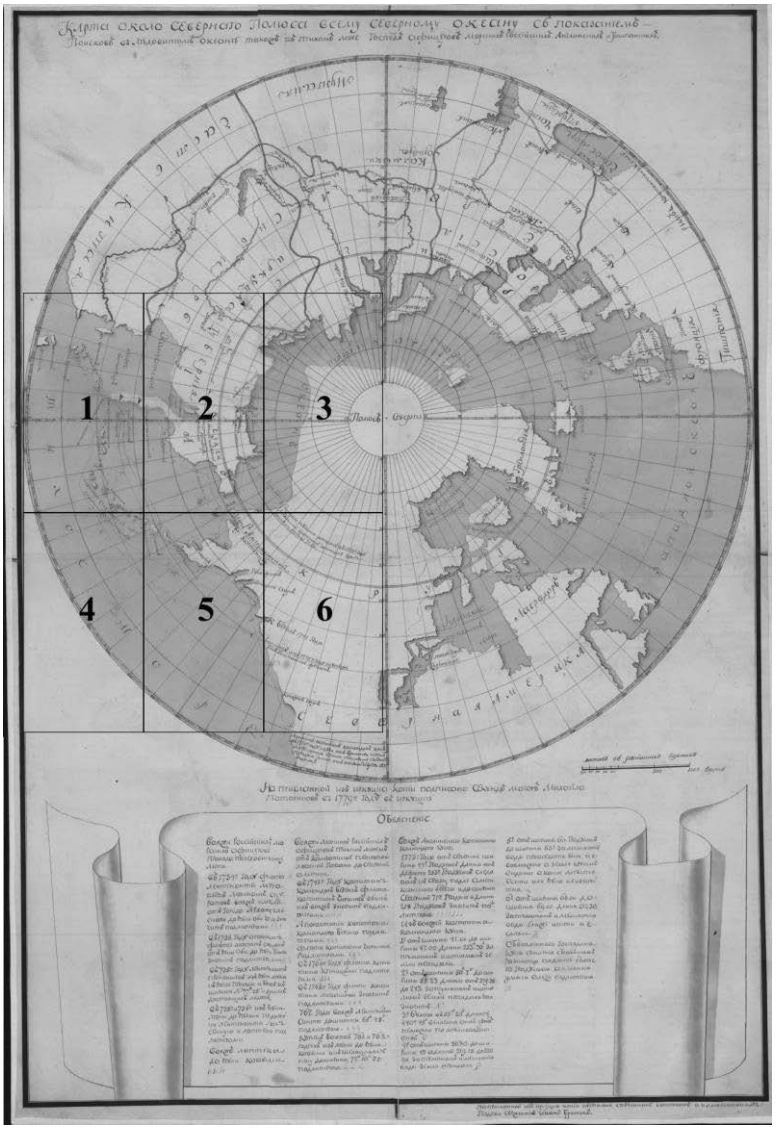
Илл. 14.

Фрагмент № 13 карты Северо-Восточной Азии.



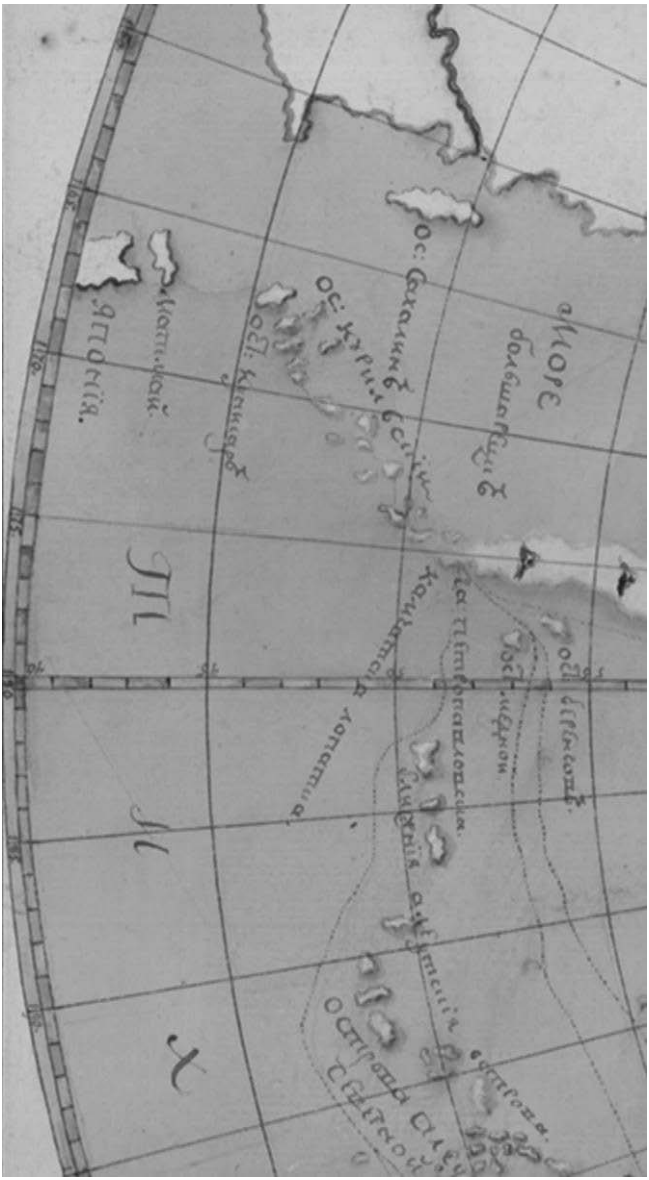
Илл. 15.

Фрагмент № 14 карты Северо-Восточной Азии.



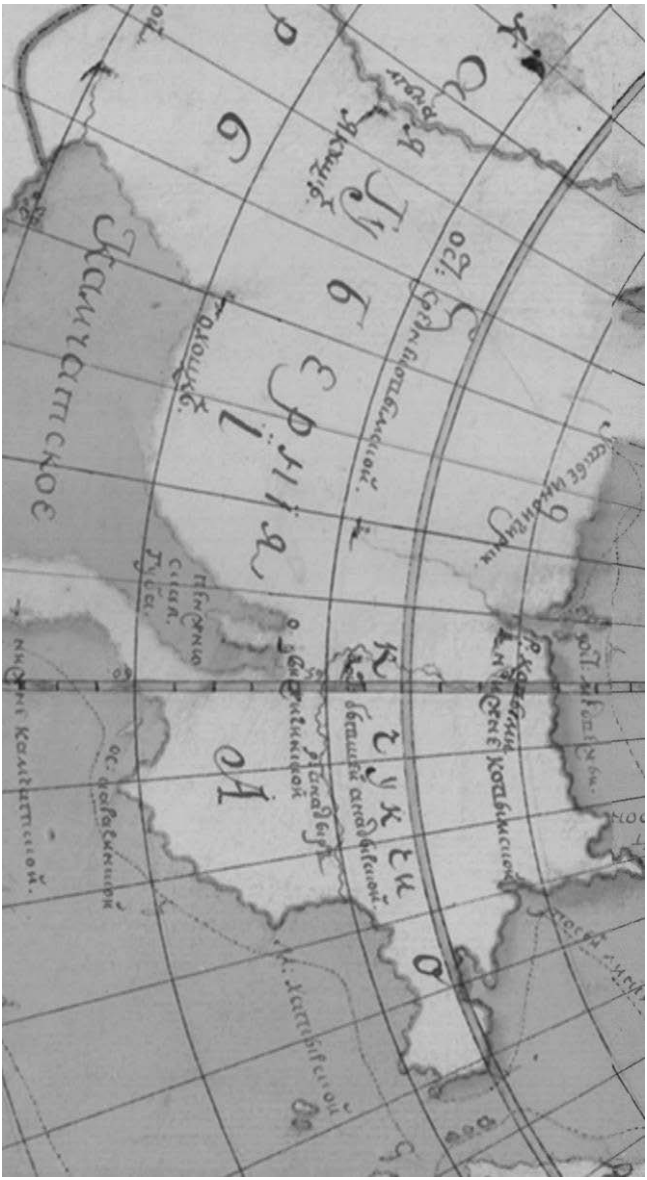
Илл. 16.

«Карта около Севернаго полюса всему Северному океану...» (циркумполярная карта). Секунд-майор М. Татаринов. 1779 г. Копия. РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карты Архангельской губернии. Ед. хр. 16. Ч. 1.



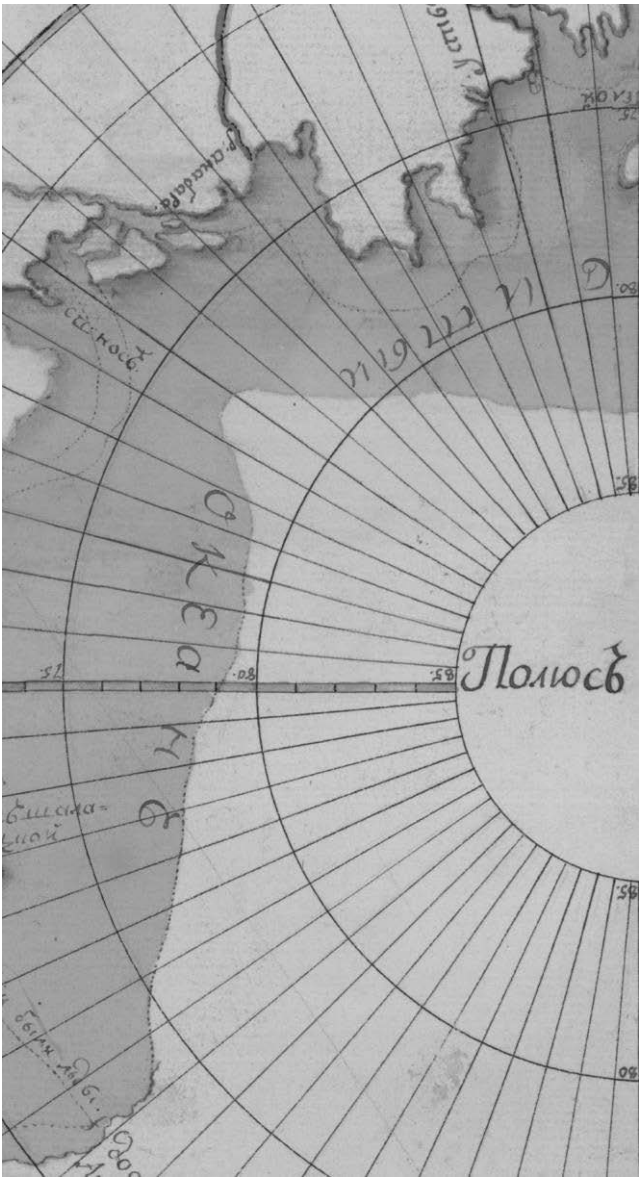
Илл. 17.

Фрагмент № 1 циркумполярной карты.



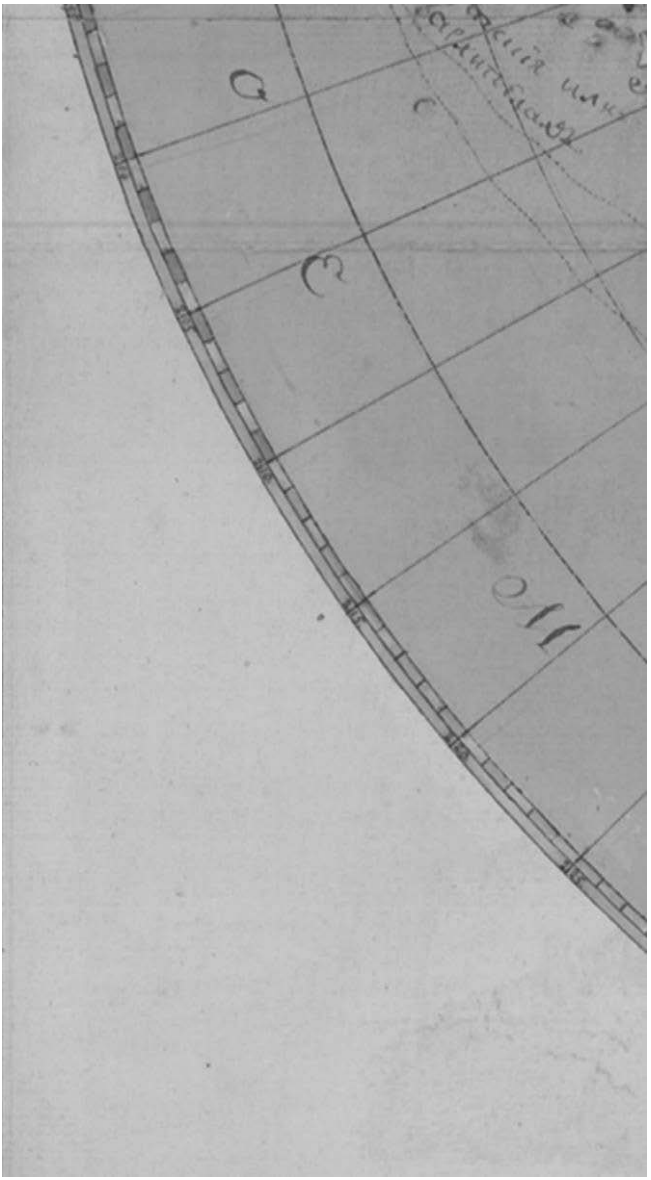
Илл. 18.

Фрагмент № 2 циркумполярной карты.



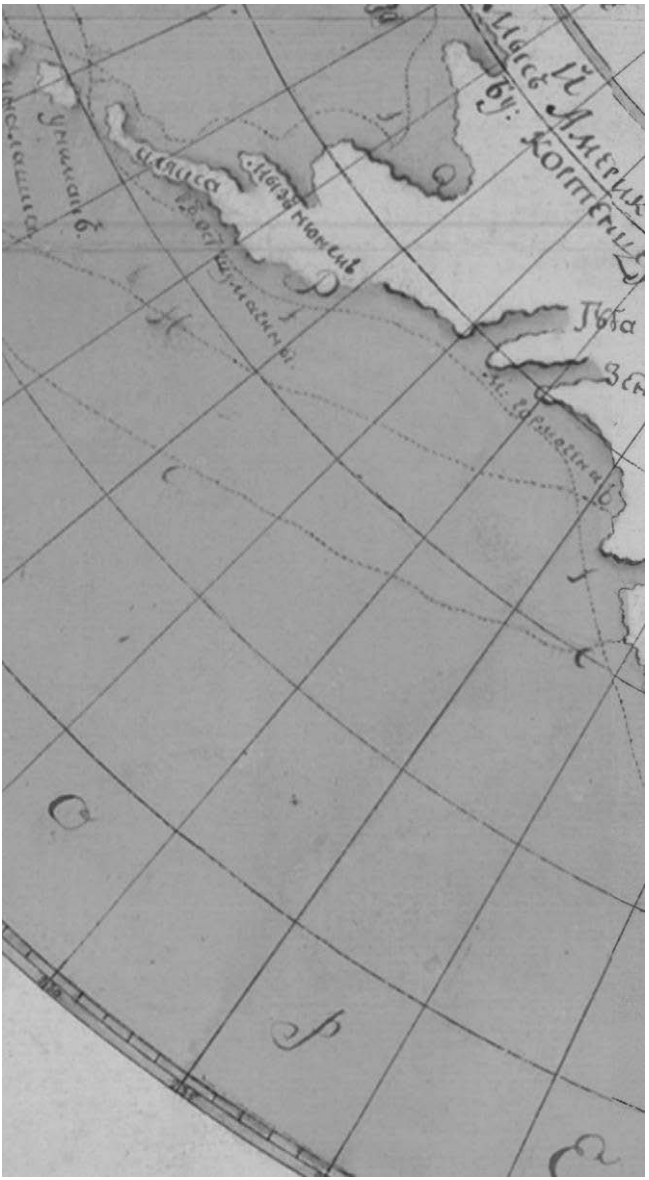
Илл. 19.

Фрагмент № 3 циркумполярной карты.



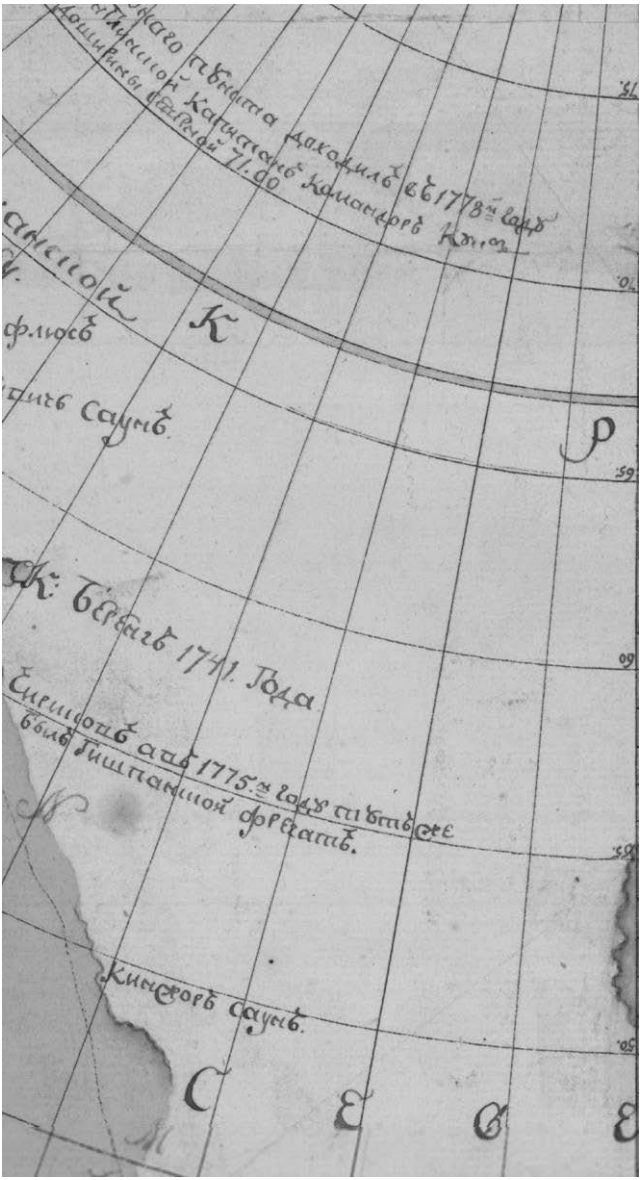
Илл. 20.

Фрагмент № 4 циркумполярной карты.



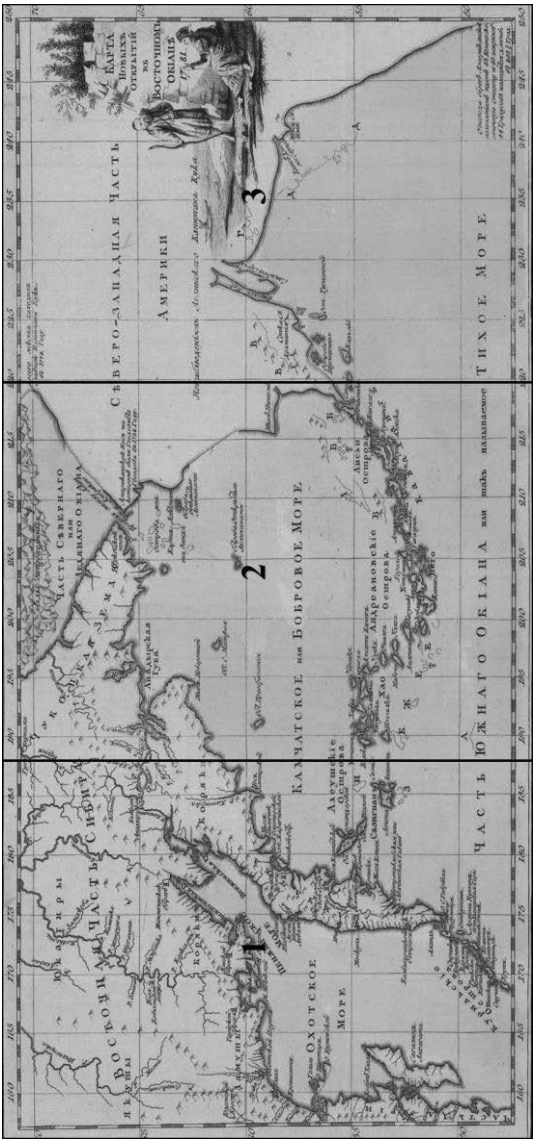
Илл. 21.

Фрагмент № 5 циркумполярной карты.



Илл. 22.

Фрагмент № 6 циркумполярной карты.

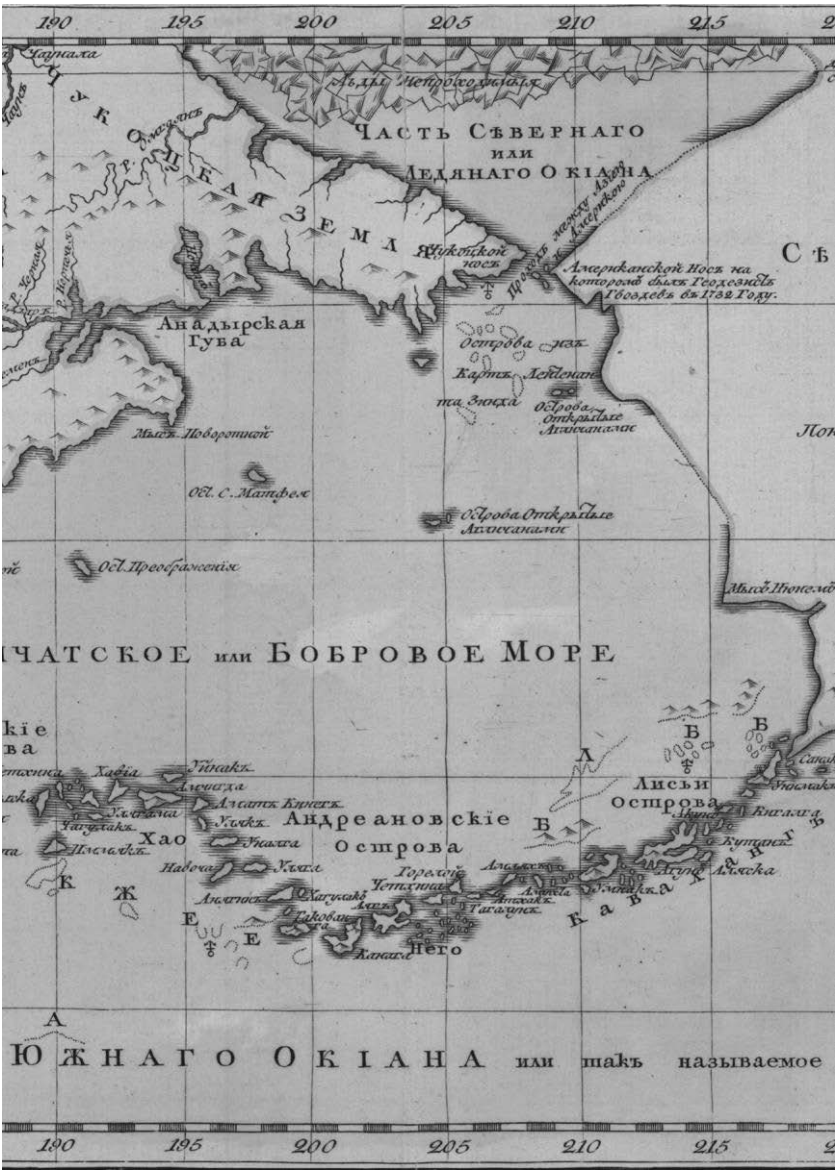


Илл. 23.

«Карта новых открытий в Восточном окиане».
П.С. Паллас, И.Ф. Трускотт. 1780 г. СПб., 1781.
РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карты Иркутской губернии. Ед. хр. 93. Ч. 1.

Илл. 24.

Фрагмент № 1 «Карты новых открытий»,



Илл. 25.

Фрагмент № 2 «Карты новых открытий».

Илл. 26.

Фрагмент № 3 «Карты новых открытий»

А.В. Подосинов

СЕВЕРНАЯ ЕВРАЗИЯ НА ПЕВТИНГЕРОВОЙ КАРТЕ*

Our ignorance of large Greek and Roman maps in general, and of the Peutinger map's original in particular, is so profound that it remains impossible to determine with confidence just how creative a work the latter really was.

Talbert 2010: 162

Аннотация: Речь в статье идет об уникальной латиноязычной карте первых веков н.э. (так называемой Певтингеровой карте), которая охватывает весь известный римлянам мир — от Британии до Восточного океана. Наиболее слабо изучена та часть карты, которая содержит территорию Северной Евразии. Ее изображению на карте и посвящена данная статья. Под Северной Евразией мы понимаем европейскую территорию, находящуюся севернее Рейна и Дуная, Северное Причерноморье и часть Азии, расположенную севернее горного хребта Тавра, тянущегося на карте южнее Каспийского моря через Центральную Азию до Тихого океана. В статье анализируются контуры Северной Евразии на карте и ее содержание — изображение морей, рек, гор, городов, дорог, стран и народов. На карте, которая вытянута в широтном и сужена в долготном отношении, многие топонимы и этнонимы расположены в значительном смещении относительно их реального расположения, что требует анализа картографической техники, использованной в этой карте. Важным является также определение времени появления того или иного ономастического материала на этой карте, что может показать время создания карты или этапы ее редакции. Картогра-

* Работа выполнена при финансовом содействии РНФ (проект № 14-18-02121).

фическая картина Северной Евразии является важным, но мало изученным современной наукой историческим источником. Некоторые сведения карты отражают весьма древнюю географическую традицию, некоторые обязаны своим происхождением совсем недавним событиям. Так, например, помещение восточнее Каспийского моря большого количества «скифских» племен, локализованных в ранней географической традиции в Северном Причерноморье, отражает тот факт, что Великая Скифия пала в III–II вв. до н.э. под ударами сарматских племен и прекратила здесь свое существование. Особая задача – проанализировать сообщения античных авторов об этой же территории (Геродота, Эратосфена, Страбона, Помпония Мелы, Плиния Старшего, Клавдия Птолемея), чтобы определить источники картографической передачи литературных текстов.

Ключевые слова: античная картография, Певтингерова карта, Северная Евразия, природа и население Северной Евразии

В этой работе я хотел бы проанализировать, как Северная Евразия — этот малознакомый античным авторам уголок ойкумены — изображалась на Певтингеровой карте.

Несколько слов о самой карте[1]. Так называемая Певтингерова карта (*Tabula Peutingeriana*, далее — *TP*) — латиноязычная карта мира, которая, судя по палеографическим данным, была изготовлена в конце XII – начале XIII в., хотя по своей форме и содержанию восходит к первым векам нашей эры. Карта размещается на 11 листах пергамена, которые первоначально были склеены друг с другом, образуя узкую длинную ленту длиной 6,75 м и шириной около 34 см, то есть представляли собой *rotulus*.

Карта охватывает весь мир, каким он был известен в позднеантичную эпоху, — от Атлантики на западе до Восточного океана, Цейлона и Индии на востоке, от Северного океана на севере до гор в Южной Африке и океана в Южной Азии. Один или два первых сегмента, на которых изображены бóльшая часть Британии, почти весь Иберийский полуостров и Западная Африка, были утрачены уже к моменту составления дошедшей до нас копии.

Ориентация *TP* — северная. Соотношение ее длины и ширины (примерно 20:1) обусловило сильную растянутость стран и континентов в широтном направлении и, наоборот, их сужение

[1] См. издания карты: Weber 1976; Подосинов 2002: 287–378; Prontera 2003; Rathmann 2016b.

по вертикали север-юг. Основное содержание карты составляют сухопутные дороги, покрывающие своей сетью почти все пространство карты; при этом отмечены не только основные дороги и соединяющие их поперечные пути, но и находящиеся на них крупнейшие города, остановки, узловые пункты, переправы и расстояния между ними. Многие населенные пункты выделены с помощью виньеток — рисунков башен, зданий, гаваней, алтарей, храмов и т.д. (всего 555 виньеток). На карту нанесены также некоторые горы и реки, даются названия народов и провинций (всего *TP* содержит около 3500 наименований).

Сложнейшим вопросом для исторической интерпретации карты является ее датировка. Свидетельством древности архетипа карты является, прежде всего, ее содержание. Карта воспроизводит дорожную сеть, существовавшую в первые века нашей эры в границах Римской империи. Топонимическая номенклатура, границы империи и ее провинций восходят частично ко времени Августа, хотя содержат и более поздние элементы, вплоть до V века.

В настоящее время существуют и горячо дебатируются три гипотезы о времени создания Певтингеровой карты — в эллинистическое время (*'Ur-Tabula'* по Михаэлю Ратманну[2]), в I в. до н.э. при Марке Випсании Агриппе (как настаивает Эккехард Вебер[3]) или во время тетрархии Диоклетиана около 300 г. (как считает Ричард Талберт[4]). Я надеюсь, что этот вопрос будет прояснен в ходе настоящего исследования.

Германские народы в Северно-Западной Европе

Говоря о Северной Европе, находящейся севернее Рейна и Дуная, мы видим, что эта территория представляет собой узкую полосу, ограниченную с севера океаном, с юга — сначала Рейном, затем Дунаем. Обе реки текут в широтном направлении (сжатость карты!), на границе II и III сегментов[5] показаны истоки

---

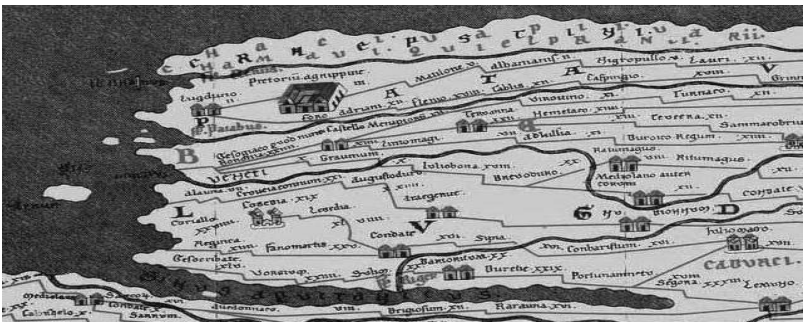
[2] См., например: Rathmann 2011–2012: 83–102; Rathmann 2013: 203–222, Rathmann 2016a: 337–362. Недавно появилась русская версия этой теории: Ратманн 2015: 98–131.

[3] Weber 1989: 113–117; Weber 2012: 209–216; Weber 2016: 229–258.

[4] Talbert 2010.

[5] Номера сегментов указаны по изданию Э. Вебера (Weber 1976).

Рейна и рядом восточнее — истоки Дуная, который затем течет на восток до Черного моря, графически продолжая линию Рейна.



Илл. 1.

Некоторые германские племена на *TP* (Segm. I, 1–3).

Севернее Рейна начиная с I сегмента на западе до границы II и III сегментов присутствуют только названия германских народов и областей и не представлены ни города, ни дороги, ни горы, ни реки (Илл. 1). Названия народов и областей здесь следующие: CHAMAVI, qui et PRANCI (=FRANCI?), HACI, VAPII, VARII, CHREPSTINI[6], FRANCIA, BURCTURI, SVEVIA, ALAMANNIA. Под надписью ALAMANNIA севернее истоков Рейна, протекающего через Бодензее, и истоков Дуная впервые появляются другие названия и объекты: среди изображения гор и деревьев написано SILVA MARCIANA («Марциев лес»)[7], что, по общему мнению, обозначает Шварцвальд (Илл. 2)[8].

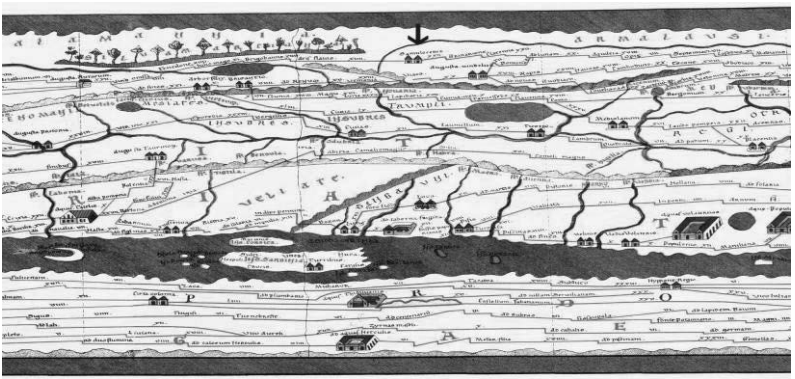
Севернее истоков этих двух рек появляется также отрезок дороги, которая начиналась от Лейдена (*Lugduno*) в низовьях Рейна, шла затем рядом с Рейном вдоль его южного берега через Кельн (*Agrip[p]ina*), Майнц (*Noviomagus*), Страсбург (*Argentorate*), Аугшт (*Augusta Ruracum* = *Rauricorum*). Здесь, перед выходом

[6] Название CHREPSTINI чересполосно пересекается с предшествующими этнонимами.

[7] Это название встречается еще у Аммиана Марцеллина (*silvae Marcianae*) в описании путешествия Юлиана в 361 г. (Ammian. XXI, 8, 2).

[8] Franke 1930: 1504–1505; Weber 2016: 252.

Рейна из Бодензее в районеДунай станции *Tenedone* (*Tenedo, heitige Rheinheim*[9]) через Рейн уходит на север ответвление этой дороги. Через четыре-пять станций этот путь снова уходит на юг, но уже пересекая Дунай в районе станции *Samulocenis* (совр. *Rottenburg*[10]). Далее эта дорога идет на восток вдоль южного берега Дуная через Регенсбург (*Regino*), Вену (*Vindobona*), Будапешт (*Aquinco*), Белград (*Singiduno*), через Дакию и Фракию к городу Томы (*Tomis*), находящемуся на западном побережье Черного моря.



Илл. 2.

Silva Marciana на *TP* (Segm. II,4 – III,1).

Если двигаться от истоков Дуная на восток, мы заметим, что дальнейшее пространство вплоть до середины пятого сегмента снова занимают только названия германских народов и областей: ARMALAUSI, MARCOMANNI, VANDULI, QUADI, IUT[H]U[N]GI, BUR[I]. Здесь, на меридиане, на котором находится Рим, и севернее Паннонии, заканчиваются названия германских народов и начинаются названия сарматов.

* * *

Задавшись вопросом о времени составления *TP*, мы должны попробовать определить «возраст» германских этнонимов и хо-

[9] Miller 1916: 262.
[10] Miller 1916: 263–264.

ронимов, хотя понятно, что время появления того или иного наименования едва ли можно установить с точностью.

Большинство перечисленных названий[11] встречается в «Германии» Тацита[12]. Освященные авторитетом Цезаря, Тита Ливия (он создал недошедший до нас труд о Германии), Плиния и Тацита, эти имена превратились на весь период поздней античности в стандартный набор этнонимов. *Terminus post quem* их появления на *TP*, таким образом, это I в. до н.э. – I в. н.э.

На карте встречаются также некоторые германские этнонимы и хоронимы, которые попали в поле зрения античных авторов и вошли в этногеографический обиход позднее прочих. К таким можно отнести не встречающиеся у Плиния и Тацита названия *Franci, Francia, Alamanni* и *Iuthungi*.

Свебское племя аламаннов впервые зафиксировано в Южной Германии под 213 г. н.э.[13]. Всю вторую половину III в. они, в союзе с родственными им ютунгами, непрерывно атаковали Рейнский лимес, угрожая Галлии и самой Италии[14].

С III в. встречается и имя франков для группы нижнерейнских племен; в середине III в. они распространили свою власть до Среднего Рейна[15].

Этим же временем датируют появление ютунгов на исторической арене[16]; возможно, их упоминание на *TP* является первым в античной географии и истории (Илл. 3).

Таким образом, *terminus post quem* для появления этих этнонимов – III в. н.э., скорее всего, вторая половина века. Конрад Миллер, впрочем, считает, что как устоявшиеся политические образования (царства) Франция, Свевия и Аламанния могли восприниматься лишь в IV в., которым он и датирует составление *TP*[17].

---

[11] Их анализ с параллелями в источниках см.: Miller 1916: 612–616.

[12] Это хавки, вапии, херуски, хамавы, бурктуры, свевы, армалаузы, маркоманны, квады, буры. См. об этих народах у Тацита: Norden 1923; Much 1967; Rives 1999.

[13] См. Dio Cass. LXXVIII,13.

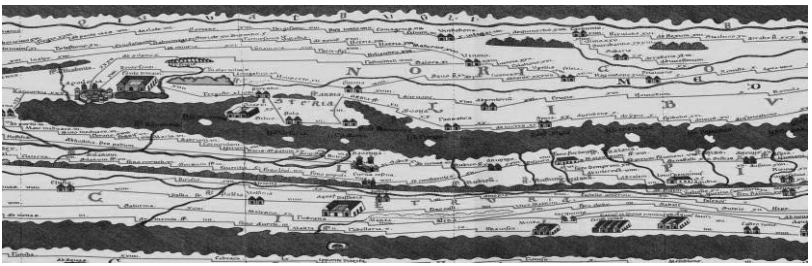
[14] См. Steuer 1973: 137–163; Theune 2004; Geuenich 2005; Drinkwater 2007.

[15] Flav. Vopisc. *Aurel.* VII,1–2. См.: Ihm 1910: 82–87; Peters 2007.

[16] См. Schönfeld 1919: 1347–1348; Saunders 1992: 311–327; Dietz 1999: 109.

[17] Miller 1916: 611–612.

Признавая, что характер и расположение надписей могли изменяться в процессе переработок карты и изготовления копий[18], я все же думаю, что свобода переписчика при внесении поправок и добавлений была ограниченной. По характеру расположения надписи иногда можно судить, была ли она вставлена позже других, «раздвигая» прежние или даже вписываясь, за отсутствием свободного места, чересполосно в уже существующие, либо же она изначально занимала свое место. Следует отметить, что такая чересполосица надписей на *TP* характерна только для Северной Европы.



Илл. 3.

Ютунги и квады на *TP* (Segm. III,5 – IV,2).

Так, например, «новый» этноним *Iuthungi*, как уже отмечалось, вписан в чересполосицу с известными уже Тациту *Quadi* (то же можно сказать и о *Chamavi qui et Pranci*, хотя чересполосица в этих сегментах *TP* характерна и для «старых» имен). Названия же *Francia* и *Alamanni* отделены от соседних имен достаточной дистанцией и выглядят так, будто находятся на своих исконных местах. Впрочем, распределение надписей по верхнему краю карты — в целом равномерное; на этом основании

[18] Rathmann 2016b: 20: “Ferner werden die Namen germanischer Völker an Rhein und Donau zwischen den beiden großen Strömen und dem Nordmeer im Kopierprozess nachgetragen, ohne jedoch deren Siedlungsraum eine Fläche zu geben”.

К. Миллер категорически отвергал возможность поздних средневековых интерполяций в североевропейской ономастике *TP*[19].

Если предполагать эллинистическое происхождение *TP*, то эта часть карты, показывающая сугубо римскую ономастическую номенклатуру, либо была пуста на первоначальной карте и заполнена позже во время романизации эллинистической основы *TP*, либо «устаревшие» названия были заменены на новые.

Следует также учитывать, что эллинистические авторы IV в. до н.э. не знали еще Германии и германцев, само это имя появилось очень поздно, сначала в Риме около 80 г. до н.э.[20]. Так, Тацит пишет в своей «Германии» (2,3): “Germaniae vocabulum recens et nuper additum” («Название Германии недавнее и только что присвоенное»). Эллинистическая география знала в Западной Европе только кельтов, которые граничили на востоке со скифами, см. Strabo I, 2, 28:

> Передает же и Эфор древнее представление об Эфиопии, говоря в описании Европы, что…земли (ойкумены) к востоку занимают инды, к югу — эфиопы, к западу — кельты, к северу — скифы[21].

Как кельты, так и скифы эллинистической географии отсутствуют в Северной Европе на *TP*.

Страбон, один из наших главных источников по эллинистической географии, так оценивал вклад в изучение Европы походов Александра и римлян (I, 2, 1):

> … Ведь многое прибавило к этому [географическому] опыту наших современников владычество римлян и парфян, так же как, по словам Эратосфена[22], и поход Александра — к географическому опыту тех, кто жил после него. Он открыл нам многие части Азии и весь север Европы до Истра, а римляне — весь запад Европы до реки Альбия, делящей пополам Германию.

Итак, эллинистические авторы знали территорию Европы, лежавшую только южнее Истра, а римляне — Западную Европу

---

[19] Miller 1916: XIX–XX.

[20] См. Lund 2001: 30–31 о цезаревом «открытии» Германии и германцев.

[21] Перевод Страбона, где это специально не указано, принадлежит нам.

[22] См. Fr I B 10 Berger.

до Эльбы. Остальная территория севернее Дуная и восточнее Эльбы оставалась *terra incognita*.

Сомнения в достоверности знаний о европейской территории севернее Дуная и Черного моря звучали на протяжении всей античности. Полибий во «Всеобщей истории» (III, 38, 2) в начале II в. до н.э. отмечал:

> … Пространство между Танаисом и Нарбоном, обращенное к северу, неизвестно нам по настоящее время; может быть со временем мы расскажем об этом на основании разысканий. Нужно полагать, что говорящие или пишущие что-либо об этих странах [сами ничего] не знают и рассказывают басни...

Если принять во внимание, что Нарбон — это современный город во Франции, то неизвестной признается огромная территория Европы севернее Дуная от Пиренеев до Урала.

Едва ли на эллинистической карте, которая могла предшествовать *TP*, были с высокой степенью подробности представлены Западная и Северная Европа, коль скоро

> … Тимосфен, Эратосфен и их предшественники совершенно не знали иберийские и кельтские [земли], в тысячу раз хуже — германские и бреттанские, а также [земли] гетов и бастарнов; они обнаруживают в большой степени незнание местностей по Италии, Адрию и Понту и прилегающих к ним северных районов… (Strabo II, 1, 41).

Наконец, это подтверждается ставшим хрестоматийным высказыванием Страбона (VII, 2, 4):

> [Народы] же по ту сторону Альбия у Океана неизвестны нам вовсе. Мы не знаем никого из прежних, кто совершил бы плавание вдоль [этих мест] до восточных частей, то есть до устья Каспийского моря; римляне также еще не достигали заальбийских [областей]. Да и по суше никто не доходил туда[23].

---

[23] Τὰ δὲ πέραν τοῦ Ἄλβιος τὰ πρὸς τῷ ὠκεανῷ παντάπασιν ἄγνωστα ἡμῖν ἐστιν. οὔτε γὰρ **τῶν προτέρων οὐδένας** ἴσμεν τὸν παράπλουν τοῦτον πεποιημένους πρὸς τὰ ἑωθινὰ μέρη τὰ μέχρι τοῦ στόματος τῆς Κασπίας θαλάττης, **οὔθ' οἱ Ῥωμαῖοί πω προῆλθον** εἰς τὰ περαιτέρω τοῦ Ἄλβιος· ὡς δ' αὕτως **οὐδὲ πεζῇ** παρωδεύκασιν οὐδένες. В этих словах Страбона можно видеть парафраз из перечисления Августом своих заслуг в RGDA, 26: Στόλος ἐμὸς διὰ Ὠκεανοῦ ἀπὸ στόματος Ῥήνου ὡς πρὸς ἀνατολὰς μέχρι ἔθνους

Ратманн считает, что на *TP*, если бы она была составлена Марком Агриппой, должно было быть больше информации об августовых завоеваниях в Германии[24]. Ратманн прав в том, что Эльба должна была бы присутствовать на *TP* (см. выше тексты Страбона и Августа), но берег Северного моря представлен на карте так, как если бы это было побережье Северного океана. Отсутствие на *TP* Ютландии (Кимбрского полуострова) объясняется тем, что океаническое побережье здесь и в других частях карты показано как прямая линия. Что же касается Эльбы, то ее отсутствие на карте может объясняться тем, что в процессе продвижения римлян на территорию Германии западнее Рейна до Эльбы при Августе (возможно, только до устья Эльбы) здесь не была окончательно установлена римская власть. Справедливо замечает Э. Вебер, что «как раз в год смерти Агриппы в 12 г. до н.э. Друз впервые предпринял прямые действия в правобережье Рейна»[25]. Не следует и пренебрегать наблюдениями П. Арно о том, что “even if he (Agrippa) probably provides the first notice of the Vistula, his vision of the masses of the Gauls and Germania did not challenge the previous consensual ones” и что Агриппа здесь во многом следует греческой географической традиции[26]. Того же мнения и Э. Вебер, который, отвечая на замечание М. Ратманна о слабой информации о германцах на *TP*, отмечает, что «карта Эратосфена, которая с большой вероятностью была одним из источников карты Агриппы, кажется, не много места уделила для Германии между Рейном и Эльбой».

Κίμβρων διέπλευσεν, οὗ **οὔτε κατὰ γῆν οὔτε κατὰ θάλασσαν Ῥωμαίων τις πρὸ τούτου τοῦ χρόνου προσῆλθεν (**«Мой флот проплыл через океан от устья Рейна до восточных областей вплоть до земли кимбров, **куда ни по суше, ни по морю никто из римлян доныне еще не доходил**»).

[24] Rathmann 2016b: 10: “Schließlich hat Augustus diese Landgewinne in seinem berühmten Tatenbericht ausdrücklich erwähnt. Ebenso hätte man als Basisangaben die Elbe sowie die Nordseeküste oder Jütland zumindest als geographische Fixpunkte ‘im Norden’ auf einer Karte dieser Zeit erwarten dürfen”.

[25] Weber 2016: 254. Вебер, вслед за Detlefsen 1906: 39, приводит также высказывание Плиния (IV, 98), где говорится, что Реция была завоевана только ко времена смерти Агриппы (*circa excessum eius*) и что «Германия спустя много лет еще не вся была известна» (“Germania multis postea annis nec tota percognita est”).

[26] Arnaud 2016: 216.

Сарматские народы Центральной и Восточной Европы

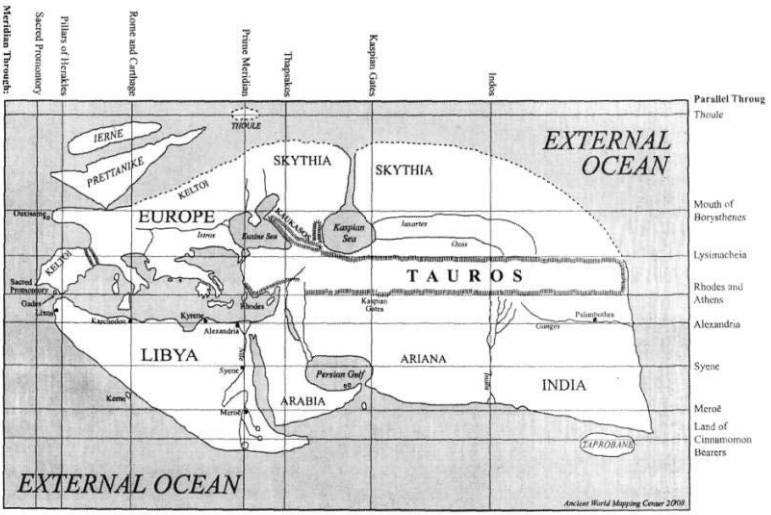
Возвращаясь к «задунайской» территории, идущей к востоку от германских племен, мы обнаруживаем целую череду «сарматских» наименований, следующих одно за другим, чаще всего с неким расширением, до Днепра: это *Sarmate vagi, Solitudines Sarmatarum, Amaxobii Sarmate, Lupiones Sarmate, Venadi Sarmate, Roxulani Sarmate*. Затем, после перерыва в Северном Причерноморье, они снова появляются на Северном Кавказе в виде *Suani Sarmatae* и *Sasone Sarmatae*.

Со времен Гекатея и Геродота вся греческая география, в том числе эллинистического времени, рассматривала скифов как важнейших насельников региона (Илл. 4).

Ко времени продвижения римлян к Дунаю и Черноморскому побережья они столкнулись уже не со скифами, а с сарматами, которые к этому времени обладали огромной территорией от Урала до района Паннонии севернее Дуная, став соседями германских племен. Дело в том, что начиная с III в. до н.э. под натиском новых кочевников с востока — сарматов — реальная территория Скифии постепенно сужается до территории низовьев Днепра и Крыма. Свидетельством этого служат слова Диодора Сицилийского о том, что савроматы (=сарматы) «… много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» (II. 43. 7). Уже ни Страбон, ни Мела, ни Плиний не знают скифов в Восточной Европе; последние постепенно смещаются в Азию, где в конце концов их помещает Птолемей.

Так, Страбон на территории от Дуная до Дона не видел скифов, их место занимают савроматы (=сарматы):

> Эта река (Истр) течет с запада на восток в Эвксинский Понт, налево оставляя всю Германию (которая начинается от Рена), всю страну гетов, область тирагетов, бастарнов и савроматов вплоть до реки Танаиса и Меотийского озера» (II. 5. 30. Пер. Г.А. Стратановского).



Илл. 4.

Реконструкция карты мира Эратосфена.

Немного позже Плиний Старший *verbatim* зафиксировал этот момент перехода от «скифской» этнической номенклатуры к «сарматской» (NH IV. 12. 80–81):

> В целом [к северу] от Истра все племена — скифские, однако места, прилегающие к побережью, заняли разные народы: в одних находятся геты, которых римляне называют даками, в других — сарматы, по-гречески савроматы... От побережья вглубь материка между Данувием и Геркинийским лесом вплоть до Паннонских зимних стоянок в Карнунте и проходящей там границы германцев, поля и равнины [населяют] язиги-сарматы… Название «скифы» постоянно переходило на сарматов и германцев. Это древнее наименование закрепилось только за теми, которые, будучи самыми дальними из этих народов, живут почти неизвестные остальным смертным.

Вся территория Восточной Европы изображена у Птолемея на двух картах — они носят названия Европейской Сарматии и Азиатской Сарматии (см. о границах их III. 5. 1–6 и V. 9. 1–12).

Эти Сарматии простираются от реки Вистула и от Германии на западе до реки Ра (Волга) и Каспийского моря на востоке и от Сарматского океана или неизвестной земли на севере до Дакии и Понта Эвксинского на юге.

Как раз такую ситуацию мы видим на *TP*. Здесь севернее Дуная, сразу после германских племен и вплоть до Каспийского моря перечисляются только сарматские племена с различными эпитетами. Скифы же все отнесены к территории Азии — от Каспийского моря до Восточного океана (см. об этом ниже).

Интересно, что локализация сарматов в Восточной Европе на самом деле была впервые осуществлена Агриппой, который помещает здесь Сарматию и Скифию, ограниченную Таврическим полуостровом, как большой регион[27]. Известно, что многие данные его «Хорографии» получены в результате прямой политической, военной и экономической деятельности римской администрации на северо-востоке империи и содержат немало достоверных и актуальных для того времени сведений о Восточной Европе. «Засилье» сарматов здесь на *TP* подтверждает версию о карте Агриппы как основе *TP*.

Привлекает внимание вторая часть «составных» сарматских названий. Стоит разобрать их подробнее.

Первое название звучит как *Sarmate vagi*. В переводе с латинского это выражение означает «бродячие сарматы», что, по-видимому, отражает их кочевнический уклад. Миллер[28] предполагает, что речь здесь идет о сарматском племени языгов, о которых рассказывают многие римские авторы (см. Plin. NH IV. 80: *Iazyges Sarmatae*; Tacit. Ann. XII. 29: *eques e Sarmatis Iazugibus*, конница из сарматского племени языгов; Hist. III. 5: *principes Sarmatarum Iazugum* «вожди сарматских языгов»; Ptolem. VIII. 6, 2; 10, 2: Ἰάζυγες οἱ Μετανάσται — букв. «языги-переселенцы», Markian. Heracl. Peripl. maris externi II. 38: Ἰάζυγες οἱ Μετανάσται вслед за Птолемеем, ср. также Cod. Theod. VII. 20, 12: *Sarmata*

---

[27] “Sarmatia, Scythia Taurica. Hae finiuntur ab oriente iugis montis Caucasi, ab occidente flumine Borysthene, a septentrione oceano, a meridie provincia Pontica…” (Div. 15; Demens. 9; ср.: Plin. NH IV. 91). «Сарматия, Скифия Таврическая. Они ограничиваются с востока хребтами горы Кавказ, с запада рекой Борисфен, с севера океаном, с юга Понтийской провинцией...»

[28] Miller 1916: 615.

vagus). Уже в начале первого века н.э. языги далее всех сарматских племен продвинулись на запад, дойдя до территории нынешней Венгрии и осев между Дунаем, Тисой и Карпатами. Овидий в своей ссылки в первой декаде I в. н.э. столкнулся с языгами в низовьях Дуная — передовым отрядом сарматских орд[29].

Следующее сарматское название — *Solitudines Sarmatarum* («пустыни сарматов»). Имеются в виду степные просторы, не обжитые оседлым населением. Со ссылкой на Агриппу Плиний помещает *deserta Sarmatiae* где-то в Северо-Западном Причерноморье (NH IV. 81: «Агриппа всю эту область от Истра до Океана определил в 2000 миль в длину и 404 мили в ширину от пустынь Сарматии до реки Вистлы»). «Пустыни Сарматии», вероятно, то же самое, что и «Скифские пустыни», и «Гетские пустыни», неоднократно упоминаемые античными авторами, имевшими в виду степи Северо-Западного Причерноморья (см., например, Ps.-Hippocr. De aere 18 Litré: «Так называемая “Скифская пустыня” (ἡ Σκυθέων ἐρημίη) представляет собою равнину, изобилующую травою, но лишенную деревьев и умеренно орошенную: по ней текут большие реки, которые отводят воду с степей. Здесь-то и живут скифы»; Strabo VII. 3,14: «[На побережье] Понтийского моря от Истра до Тираса лежит также “пустыня гетов” (ἡ τῶν Γετῶν ἐρημία), вся равнинная и безводная» (ср. также VII. 3, 17); Verg. Georg. III. 462: *deserta Sarmatiae*; Curt. VII. 8, 23: *Scytharum solitudines*; Rav. I. 12; IV. 1; IV. 10: *eremosa Scithia*). В Segm. VII, 5 на *TP* упоминается еще *Sors desertus*, также в Северо-Западном Причерноморье. Арриан отмечает в этом месте Черноморского побережья местности «пустынные и безымянные» (PPE 31: ἔρημα καὶ ἀνώνυμα).

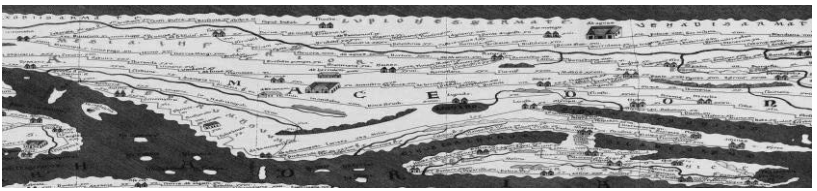
Следующий к востоку сарматский этноним выглядит как *Amaxobii Sarmate*. Эпитет *Amaxobii* происходит от греч. Ἁμαξόβιοι

---

[29] См. Ovid. Ep. I. 2, 77, где геты, савроматы и языги упомянуты в одном предложении ; IV. 7, 9–10, где Овидий обращается к Весталису, недавно побывавшему на Нижнем Дунае:

ipse vides onerata ferox ut ducat Iazyx
per medias Histri plaustra bubulcus aquas.
(Ты сам видишь, как дикий языг-пастух везет
через срединные воды Истра нагруженные повозки).

О сарматах и языгах у Овидия см. Подосинов 1987: 134–141.



Илл. 5.

Некоторые сарматские имена на *TP*.

(букв. «живущие на повозках»). Как раз это отмечает Тацит, описывая сарматов (Germ. 46, 2: “Sarmatae in plaustro equoque viventes”). К сарматам относит амаксобиев и Плиний (NH IV. 80: “Sarmatae, Graecis Sauromatae, eorumque Hamaxobii aut Aorsi…”). Этот этноним/эпитет относился в античности ко многим скифо-сарматским народам Северного Причерноморья, характеризуя их кочевнический образ жизни (Илл. 5).

За амаксобиями следует название *Lupiones Sarmate*. Не имеющий аналогов в других источниках этноним *Lupiones* давно был сопоставлен с именем «лугиев» (Λούγιοι, Λύγιοι, Λοῦγοι, *Lugii, Lugiones*), появившихся в поле зрения античных авторов на рубеже эр примерно в той же части Северной Европы, что и на *TP* (см. Strabo VII. 1, 3: Λού[γ]ιοι, μέγα ἔθνος; Tacit. Germ. 43: “Latissime patet Lugiorum nomen”; ср также Tacit. Annal. XII. 29–30: *Lugii*; Dio Cass. LXVII. 5, 2: Λύγιοι и др.). Таким образом, в слове *Lupiones* предполагается ошибка переписчика.

Следующее к востоку двойное сарматское наименование — *Venadi Sarmate*. Этноним *Venadi* (*Venedi*) дважды встречается на *TP* в районе Восточной Европы (также в Segm.VII, 4). Это имя, которое позже Иордан идентифицировал со славянами (Get. 34 и 119), встречается еще только у Плиния (NH IV. 97: *Venedi*), Тацита (Germ. 46: *Venethi*) и Птолемея (III. 5. 19: Οὐενέδαι), то есть целиком принадлежит римской географической традиции. Судя по расположению на карте, сарматские венеды находились северо-западнее горного массива, который имеет название *Alpes Bastarnice* и представляет Карпаты (см. о них ниже). Многие исследователи считают венедов древнейшим славянским этно-

нимом, появляющимся в I в. н.э.[30]. При многочисленных грубых искажениях этнонимов на *TP*, трудно сказать, имеет ли какое-либо значение написание во втором случае *Venedi* вместо *Venadi*, или это просто ошибка переписчика, что вероятнее, судя по письменной традиции[31].

И, наконец, *Roxulani Sarmate* размещены на карте между реками Гипанис (Южный Буг) и Нусак (Днепр). Роксоланы (Ῥωξολανοί, *Roxolani*) — хорошо известное античным авторам сарматское племя, мигрировавшее в первых веках нашей эры от приазовских степей (где их вместе с языгами и гамаксобиями помещает еще Птолемей — III. 5, 19 и 24–25) на запад, достигнув в своем движении Дакии (см. Rav. I, 12)[32]. Страбон локализует роксоланов «на равнине между Танаисом и Борисфеном» и рассказывает об их военной активности следующее (VII. 3, 17):

> … Роксоланы воевали и против стратегов Митридата Евпатора, будучи под предводительством Тасия. Они пришли на помощь Палаку[33], сыну Скилура, и считалось, что они воинственны; однако против сомкнутой и хорошо вооруженной фаланги варвары совершенно бессильны и слишком легко вооружены. Действительно, они [в количестве] около 50000 [человек] не устояли против 6000, выстроенных Диофантом, полководцем Митридата, и большей частью погибли. Пользуются они шлемами и панцирями из невыделанных бычьих шкур, носят плетеные щиты, а в качестве оружия у них копья, лук и меч.

Интересно отметить, что эти «сарматские» названия, написанные между Дунаем и Северным океаном, вероятно в целях разнообразия и удобства практического использования карты чередовали черный и красный цвета (*Sarmate vagi* надписан черным цветом, *Solitudines Sarmatarum* — красным, *Amaxobii*

---

[30] О венедах и их этнической атрибуции см. подробнее: Подосинов 2002: 321–330.

[31] См. дублеты: *Arsoe* в VIII, 5 и IX, 1; *Beturiges* в I, 2–3 и *Bituriges* в I, 5–II, 1; *Cirrabe Indi* в XI, 4 и *Cirribi Indi* в IX, 4–5; *Divali* в X, 2–3 и *Divali Musetice* в IX, 5; *Insubres* в II, 5 и III, 1; *Suani* в IX, 2 и *Suani Sarmatae* в IX, 3–4; сюда же можно отнести находящиеся неподалеку друг от друга этнонимы *Dacpetoporiani* и *Dagae*, если восстановление последних как *Daci* верно.

[32] Источники о роксоланах см.: Aalto, Pekkanen 1980: II, 59–60.

[33] Палак — царь крымских скифов, воевавший с Диофантом в 110 г. до н.э.

Sarmate — черным, *Lupiones Sarmate* — красным, *Venadi Sarmate* — черным, *Alpes Bastarnice* — красным, *Roxulani Sarmate* — черным, *Venedi* — красным и т.д.). Особенно ярко практическая функция цвета проявились в наложившихся друг на друга названиях двух германских народов — квадов и ютунгов: *qiuatdugii* (Segm. III, 5 – IV, 1). Лишь разница в цвете (*Quadi* — красным, *Iut[h]ugi* — черным) позволяет правильно прочесть оба этнонима.

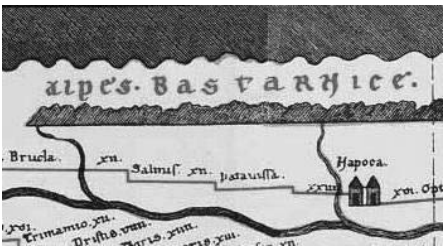
Северо-Западное Причерноморье

В Северо-Западном Причерноморье еще над течением Дуная (Segm. VII, 2) изображены горы, с надписью *Alpes Bastarnice* («Бастарнские Альпы»). Их расположение и их определение как Бастарнских не оставляют сомнения в том, что здесь имеются в виду Карпаты, территория которых связывается с местом обитания бастарнов (Илл. 6)[34]. С Бастарнских гор показаны стекающими пять рек, четыре из которых не названы и впадают в Дунай, пятая, начинаясь с восточного края горного массива, впадает в Черное море и имеет надпись у истоков: *F[lumen] Agalingus* (скорее всего, совр. Днестр, см. ниже). Четыре неназванные реки могут быть Тиса, Олт, Сирет и Прут, если брать самые крупные левые притоки Дуная в районе Карпатских гор.

Восточнее Бастарнских Альп упомянуты *Blastarni* (Segm. VII, 3); под этим названием следует, несомненно, видеть испорченный вариант написания имени бастарнов (Βαστάρνοι, Βαστάρναι, *Bastarni, Bastarnae, Basternae*) — германское, по представлениям античных авторов (см., например: Strabo VII. 3, 17; Tacit. Germ. 46; Plin. IV, 80–81) племя, жившее по течению Прута, между Днестром и Нижним Дунаем. Бастарны были самым восточным ответвлением германского этнического массива. Уже около 233 г. они были зафиксированы в районе греческого города Ольвии в низовьях Южного Буга и Днепра[35].

В междуречье Дуная и Днестра (Агалинга) надписано несколько этнонимов, расположенных рядом друг с другом: *Piti.Gaete.Dagae.Venedi*, а также *Dacpetoporiani*. Об этнониме

[34] Weber 1976: 26.
[35] IOSPE I^2 32.



Илл. 6.

Карпаты *(Alpes Bastarnice)* на *TP* (Segm. VII, 2–3).

Venedi речь шла выше. Относительно *Piti* уже давно высказывалось предположение об их тождестве с гепидами (Γήπυδες, *Gepidi, Gepides*) — германским племенем, до III в. н.э. жившим в Повисленье[36]. Поскольку, как мы видели выше, именно III в. н.э. дает *terminus post quem* появления многих данных на севере Европы на *TP*, связь неизвестного *Piti* с *Gepidi* кажется не столь очевидной[37]. Миллер предлагает читать в *Piti* — *Giti*, сопоставляя это последнее название с *Getho-Githorum* Равеннского Анонима (Rav. IV, 5) и видя, таким образом, здесь гото-гетский этноним[38]. Томашек видит в словосочетании *Piti.Gaete* искаженное *picti Getae*, то есть «геты, разрисовывающие свои тела»[39]. О подобном обычае даков, родственных гетам, рассказывал Плиний (XXII, 2).

Этноним *Gaete* следует, очевидно, отождествлять с гетами (Γέται, *Getae*) — автохтонными фракийскими племенами в треугольнике Карпаты — Днестр — Дунай, хорошо известными античной литературной традиции, начиная с Геродота (IV, 93), как насельники Нижнего Дуная и вошедшими в состав римской провинции Дакия.

Название *Dacpetoporiani* обычно читают раздельно как *Dac[i] Petoporiani* и переводят как «свободные даки», то есть даки горные, не покоренные римлянами в результате дакийских

---

[36] Zeuss 1837: 436; Weber 1976: 65.

[37] Это было мнение Мюлленхоффа (Müllenhoff 1892: 217) и Миллера (Miller 1916: 617).

[38] Miller 1916: 617. Ср. также: Tomaschek 1893: 108. Шнетц читает в этих двух словах один этноним — *Gothorum* (Schnetz 1951: 53).

[39] Tomaschek 1893: 111–118.

войн Траяна, закончившихся в 106 г. (ср. Dio Cass. LXXII. 3, 3)[40]. Томашек этимологизировал название *Petoporiani* как «находящиеся под властью Петопора» — династа горных даков (“Dynast der Gebirgsdaken”) — и видел в них костобоков или карпов (“Kostoboken oder Karpen”)[41]. Даки-петопорианы помещены на карте к востоку от Карпат (Бастарнских Альп) и бастарнов (бластарнов) по течению реки *Agalingus*.

Даки существуют на *TP* (Segm. VII, 4) еще и в виде *Dagae*, которые находятся рядом с *Gaete*. Написание *Dagae* вместо ожидаемого *Dacae* (наряду с более обычным *Daci*) аналогично написанию другого этнонима в Segm. XI, 1 и 4: *Sagae* вместо *Sacae*[42].

С первых веков новой эры «геты» считались греческим названием «даков», известных в таком виде римлянам. Плиний писал, что «гетов римляне называют даками» (NH IV, 80: *Getae, Daci Romanis dicti*); ср. Strabo VII. 3, 12: «Гетами называют тех, которые живут у Понта в восточной части страны, а даками — тех, которые живут в противоположной части, со стороны Германии и истоков Истра»; VII. 3, 13: «Даки и геты говорят на одном языке. У эллинов же больше известны геты». Кажется, Страбон был первым в античной литературе, упомянувший даков. Миллер считал, что уже на карте Агриппы в районе Нижнего Дуная должна была стоять подобная надпись: *Getae.Daci*, коль скоро одна из реплик этой карты — *Demensuratio provinciarum 8* — дает в этом месте надпись *Dacia Getica*[43].

Между нижними течениями Днестра и Южного Буга (Segm. VII, 5) черной краской надписано также *Sors desertus*[44] («Пус-

---

[40] См. Miller 1916: 616–617.

[41] Tomaschek 1893: 108; Tomaschek 1894: 20–21. Томашек указывает на близкое имя костобокского царя Pieporus (*Pie-porus, rex Coisstobocensis*), упомянутое в одной из римских надписей (CIL VI, 1 1801=ILS 854). Замечу, что в этой же надписи встречается имя некоего *Nato-porus*, что может свидетельствовать о распространенности этой части фракийско-дакийских имен.

[42] Это заметил уже Томашек (Tomaschek 1893:101).

[43] Miller 1916: 617.

[44] Здесь — грамматическая неувязка: слово *sors* женского рода определяется прилагательным, стоящим в мужском роде (*desertus*). Все выражение можно, по-видимому, понять как «пустынная, доставшаяся им в удел (*sors*) земля».

тынная местность»). Речь, по-видимому, идет о часто упоминающейся в античной литературе «пустыне» гетов или скифов, или сарматов (подробнее см. выше в анализе *Solitudines Sarmatarum*).

Римские дороги в Дакии

Следует отметить, что гето-дакийская территория оказывается — после короткого «захода» римских дорог в Германии в районе Шварцвальда севернее Рейна и Дуная — единственной, которая захватывает огромную территорию севернее Дуная и размещает там римские дороги[45]. Это связано, очевидно, с войнами, которые вел в конце I – начале II в. н.э. римский император Траян против левобережной Дакии и которые закончились образованием в 106 г. римской провинции Дакия (Илл. 7)[46].

Начиная от станции *Viminatio* (совр. Костолац / Kostolać в Сербии) (Segm. VI, 2) римская дорога, ведущая, как мы видели выше, вдоль южного берега Дуная с запада на восток, разветвляется на три и северное ее ответвление пересекает Дунай в районе станции *Arcidava* (совр. Вэрэдия / Vărădia или Вршац / Vršac). Далее эта дорога идет вдоль северного берега Дуная и заканчивается на четвертой станции *Tivisco* (Tibiscum, совр. Жупа / Jupa) (Segm. VI, 4). Считается, что именно этим путем – от *Viminatio* к *Tibiscum* — продвигалась вглубь Дакии армия императора Траяна в 101 году.

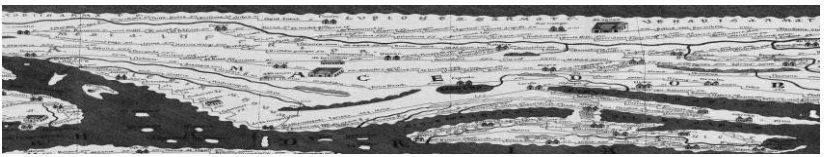
Второе сверху ответвление от *Viminatio* заходит на территорию севернее Дуная на границе Segm. VI, 3–4 в районе станции *Tierna* (Dierna, совр. Оршова / Orşova) и заканчивается на восьмой станции *Sarmategte* (*Sarmizegetusa*[47], расположена в районе впадины Хацега / Depression des Haţeg, в 40 км от Градиштя де

---

[45] Миллер относит изображение траянской Дакии “zu auffälligsten Erscheinungen” in der *TP* (Miller 1916: 539). Локализация и идентификция «дакийских» станций подробно исследованы в следующих трудах: Miller 1916: 539–556; Răilanu 1977: 2228–2251); Benea 2001: 135–149; Fodorean 2016: 83–100; 136–138: см. также: Strobel 2016: 201–223.

[46] О Дакийских войнах Траяна см.: Strobel 1984; Diaconescu 1997: 13–52; Petolescu 2000.

[47] Столица римской Дакии; официальное название: Colonia Ulpia Traiana Augusta Dacica Sarmizegetusa.



Илл. 7.

Римские дороги в Дакии (Segm. VI, 3–5).

Мунте / Grădiştea de Munte) в Segm. VI, 5. После небольшого перерыва (линия дороги не показана, но есть расстояние — XIIII римских миль) дорога начинается вновь со станции *Ad Aquas* (совр. Кэлан / Călan?), выделенной особой виньеткой, означающей наличие термальных вод, и через одиннадцать станций заканчивается на востоке станцией *Porolisso* (*Porolissum*, совр. Мойград / Moigrad). Предполагается, что по этой дороге от *Tierna* до *Tivisco* следовала в I Дакийскую войну армия во главе с Манием Лаберием Максимом, чтобы соединиться с армией Траяна, шедшей по параллельной, более западной (на *TP* — более северной) дороге.

Третье ответвление дороги заходит к северу от Дуная в районе станции *Drubetis* (совр. Дробета-Турну-Северин / Drobeta Turnu Severin) (Segm. VI, 4) и через пятнадцать станций соединяется со станцией *Apula* (*Apulum*, совр. Алба Юлия / Alba Iulia) (Segm. VII, на границе 1 и 2), находящуюся на второй сверху северной дороге, которая идет от *Ad Aquas* до *Porolissum*. Станции *Напока* (*Napoca*, совр. Клуж-Напока / Cluj-Napoca) и *Поролиссум*, как и станции на дороге между ними (*Optatiana, Largiana, Cersiae*) расположены на карте южнее Карпатских гор. Далее на восток от Поролиссума дороги севернее Дуная отсутствуют и появляются названия народов — гетов и даков, о которых мы говорили выше.

Всего, по подсчету Ф.-Г. Фодоряна, севернее Дуная на *TP* указано 48 поселений на дорогах, чья длина составляет 7093 римских мили (1039.385 км)[48].

Надо отметить, что, если до сих пор Дунай тянулся ровной линией вдоль побережья Северного океана, оставляя место толь-

[48] Fodorean 2016: 84.

ко для одной строки названий народов, то именно в районе Дакии Дунай резко сворачивает к югу, чтобы вместить дакийские дороги, станции и города, Карпатские горы и стекающие с них (безымянные) реки — левые притоки Дуная. При вытянутости карты в широтном отношении все дороги показаны как идущие с запада на восток, хотя в действительности они имеют вектором северное направление.

Если учесть, что Дакия стала хорошо известной после походов Траяна в конце I – начале II в. н.э., то следует признать, что сочетание римских дорог здесь и течения Дуная, создающего пространственную нишу, изображено на карте так, чтобы вместить эту «дакийскую» информацию[49]. Других причин для такого изображения трудно себе представить[50]. Поэтому говорить об эллинистическом прототипе этой части карты также затруднительно.

---

[49] Так полагает Э. Вебер (Weber 1976: 26).

[50] В частной беседе М. Ратман предположил, что эта графическая ниша, заполненная римским материалом, могла присутствовать уже на карте эллинистического времени, чтобы показать военные действия здесь Александра Македонского в 335 г. до н.э. Этот довод не кажется убедительным, поскольку Александр в своем походе против трибаллов оперировал в основном южнее Дуная, вынудив трибаллов поселиться между горами Гема и Дунаем. Лишь на короткое время он пересек Дунай в порядке то ли устрашения местных фракийских племен, то ли рекогносцировки, скорее же из любопытства, разрушив на левом его берегу какой-то гетский город и тут же вернувшись обратно (см. Strabo VII. 3,8: «Александр, сын Филиппа, во время похода на фракийцев, живших за Гемом, напав на трибаллов и видя, что они занимают [земли] до Истра и острова Певки, расположенного в нем (при том, что на другой стороне живут геты), говорят, дошел дотуда; на остров же он не мог высадиться…, но, перебравшись в [землю] гетов, захватил их город и быстро возвратился домой, получив дары от племен и от Сирма»; см. также Arrian. Anab. I. 2–4; VII. 9, 2). Тем не менее сам Страбон в целом ограничивает завоевания Александр Дунаем (I. 2, 1): «[Александр] открыл нам многие части Азии и весь север Европы **до Истра**». Странное положение у Страбона острова Певке, находившегося в дельте Дуная, мешает доверчиво воспринять описание этого похода у Географа. К тому же не слишком ли большим совпадением оказывается ниша в течении Дуная, изображенная на эллинистической карте для локализации там похода за Дунай Александра и затем оказавшаяся так кстати для обозначения здесь же на римском варианте карты Дакии?

Поскольку Дакия завоевывалась и дороги там строились век спустя после Агриппы, очевидно, что эта часть *TP* — более позднее добавление[51]. Любопытно, как Страбон, бывший современником Агриппы, описывает левобережье Дуная (II. 5, 30): «Истр течет с запада на восток и к Эвкинскому Понту, оставив слева всю Германию, начинающуюся от Рена, всю гетскую [землю], [земли] тиригетов, бастарнов и савроматов до реки Танаиса и Меотийского озера, справа же — всю Фракию, Иллирию и в конце Элладу…». Итак, за германцами севернее Дуная следуют геты, бастарны и сарматы, что в целом отражает и наша карта.

Черное море

Понятно, что при широтной вытянутости *TP* Черное море, как и другие моря (Средиземное и Адриатическое), превратилось в узкую полоску, сильно вытянутую в длину (оно простирается от Segm. VII, 3 до Segm. IX, 3). Диспропорция доходит до того, что ширина пролива Босфора Фракийского оказывается на карте больше, чем ширина Черного моря (Илл. 8).

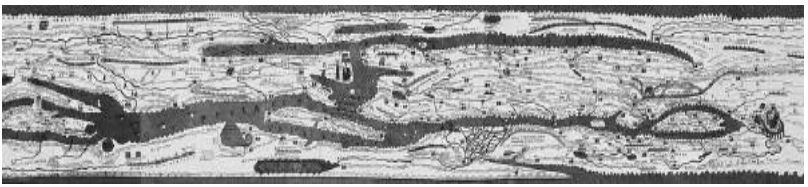
Линия побережья, как и в других морях, изображена волнистой линией, без попыток представить реальную конфигурацию моря. Превращение западного побережья в узкую заостренную точку привело к тому, что Дунай впадает в Черное море на карте практически в Северном Причерноморье, а города Западного Причерноморья, находящиеся на дороге от Дуная до Константинополя идут сначала в западном, затем в восточном направлении (вместо: с севера на юг и затем на восток). Здесь особенно заметна вторичность нанесения римской дорожной сети на карту, которая не была предназначена сначала для такой работы.

Название моря — Понт Эвксинский (*Pontus. Euxinus*) — написано большими буквами прямо по пространству моря (Segm. VIII, 1 – IX, 1) и является традиционным для античности (начиная с Пиндара, Nem. IV, 79) именем Черного моря[52]. Но это не

---

[51] Strobel 2016: 201–202 (о разных пластах дакийской информации *TP* — времени Траяна, Адриана и Севера). Для К. Миллера, который относит составление *TP* к IV в. н.э., когда Дакия уже давно не принадлежала римлянам, подробное изображение задунайской Дакии является, наоборот, слишком «ранним» (Miller 1916: 539).

[52] О восприятии Черного моря в античности см. Burr 1932: 29–36.



Илл. 8.

Черное море на *TP* (Segm. VII, 3 – IX, 3).

единственное обозначение моря: слева и справа от этой надписи есть еще две. Так, в западной части моря читается надпись *Sinus. [E]usin[u]s*, то есть «Эвсинский залив», а в восточной части — *Pontus. Polemoniacus*, «Полемонов Понт». Относительно второго названия немного позже, а про Эвсинский залив можно сказать следующее.

Вполне возможно, что это название представляет собой просто дубль к названию «Понт Эвксинский», так как в античных источниках Черное, как и другие моря, воспринимались как заливы «Нашего» или «Великого» моря. Так, например, обозначал Черное море Равеннский Аноним, использовавший источники, близкие к *TP*: в I, 17 своей «Космографии» он называет Черное море *colfus Ponticus*. Плиний Старший говорит о Черном море как заливе (*sinus*) Европы (NH IV, 75).

С другой стороны, существуют некоторые свидетельства, что Черное море делили в античности на две большие акватории, разделенные линией, идущей от мыса Карамбис на южном побережье к мысу Бараний Лоб на северном. Это расстояние считалось самым коротким между двумя побережьями. Так, Страбон пишет (II. 5, 22): «Это [море] состоит как бы из двух; ибо посередине выступают навстречу [друг другу] два мыса, один из Европы и из северных областей, другой — из Азии, напротив того; они сужают пролив и делают два больших моря». Павел Оросий также выделяет восточную часть Черного моря в отдельное море с названием *mare Cimmericum* (I, 2, 25; 36; 49), именуя западную часть Понтом Эвксинским. Так же на карте, которую описывал Юлий Гонорий, северная четверть ойкумены имела следующие моря: «море Меотида, море Босфор, море Киммерийское, море

Понт, море Босфор Фракийский и т.д.»[53]). Итак, между двумя Босфорами находятся два моря — Киммерийское и Понтийское. Очевидно, под влиянием Оросия многие средневековые карты помещают в восточной части Черного моря такое же название[54]. Возможно, это представление отозвалось эхом в двух названиях Черного моря на *TP*.

А теперь несколько слов о надписи *Pontus Polemoniacus*. На южном побережье Черного моря мы находим три крупных государственных образований — Вифиния (*Bithynia*), Пафлагония (*Paphlagonia*), Полемонов Понт (*Pontus Polemoniacus*). Странно, но надпись *Pontus Polemoniacus* нанесена не на материк, а на море. Здесь возможны два объяснения: первое — картограф не имел достаточно места для этой надписи и поместил название страны на пространстве соседнего моря; второе — слово *Pontus* («Море») в этой надписи могло ввести его в заблуждение и он мог подумать, что это название части Черного моря. В любом случае надпись *Pontus Polemoniacus* свидетельствует, что картограф знал имя этой провинции, которое восходит к первой половине I в. новой эры.

Еще одна интересная особенность *TP* связана с тем, что на карте имеется всего около полутора десятка надписей, сделанных на морском пространстве карты около побережья и несущих названия портов. Пять из них находятся в западном «заливе» Черного моря. Все они с трудом поддаются расшифровке и интерпретации, так как надписаны черными чернилами на темнозеленом фоне моря. Самая удаленная к западу надпись (Segm. VII, 3–4) читается как *port[us] Callire*?, находится около западнопонтийских городов Бизона и Дионисополь и не имеет никаких аналогий в причерноморской ономастике, как не имеют их другие четыре порта — *Port[us] Themomontus*[55], *Boeotorum*[56], *Meomensium*[57], *Helodos*(?)[58].

---

[53] “Mare Maeotis, mare Bosphorum, mare Cimmerium, mare Pontum, mare Bosphorus Thracius…”.

[54] Ernst 1985: 143–145; Chekin 2006: 128, 133, 135, 136, 138–139, 156, 164, 218.

[55] Возможно, в этом названии следует усматривать испорченное название горы Гем (*Haemimons*) во Фракии (совр. Стара Планина в Болгарии), которая упоминается среди прибрежных фракийских городов Одесс и Месембрия Плинием (NH IV, 45: *mons Haemus*) и Страбоном (VII. 6, 1).

Напротив устья Дуная в море (Segm. VII, 5) расположен некий остров с надписью *Ins[ula] Helru* (?), то есть «остров Хелру». Издатели читают это название различно — *Helru, Helous, Hel.v*[59]. Это название из других источников неизвестно. В то же время античные авторы часто помещают в этом месте остров Певку (Πεύκη, *Peuce*)[60]. Возможно, плохо читаемое *Helru* — просто искаженное имя *Peuce*.

На *TP* есть и еще один остров — знаменитый остров Ахилла (в античности Левка, совр. Змеиный), обычно локализуемый античными авторами также недалеко от устья Дуная. На этом острове находился храм Ахилла, будто бы перенесенного сюда своей матерью Фетидой после смерти под Троей[61]. Однако из-за широтной растянутости карты он оказался на карте посреди Черного моря восточнее устья Босфора Фракийского и Меотиды напротив устья малоазийской реки Сангарий. Над островом, изображенным как овал с виньеткой дома внутри, имеется надпись *Ins[ula]. Achillis s[ive] Leuce dicta* — «Остров Ахилла, называемый также Левкой» (Илл. 9).

Несколько слов о зеленом цвете Черного моря и других морей на *TP*. Ратманн называет этот цвет «необычным» (“mehr als ungewöhnliche Farbgebung”), возводит его к египетскому обозначению моря как «великое Зеленое» и делает на этом основании предположение, что *‘Ur-Tabula’* была составлена в египетской Александрии эллинистическими авторами. Между тем обозначение

В “Nomina provinciarum omnium 4” одна из провинций диоцезы «Фракия», наряду с провинциями Фракия, Скифия и Нижняя Мезия, носит название *Haemimontus*.

[56] «Порт беотийцев» из других источников неизвестен. Античные авторы часто пишут о том, кому принадлежала та или иная колония; так, на западном побережье Черного моря называются колонии милетцев, гераклиотов и мегарцев. О колонизационной деятельности беотийцев в Западном Причерноморье сведений не имеется.

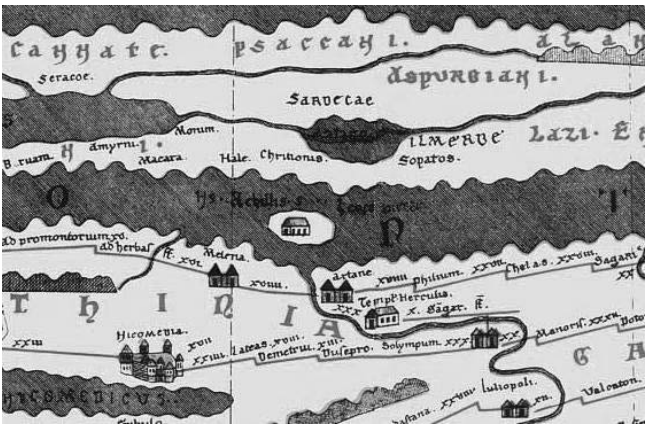
[57] Возможно, здесь мы имеем дело с испорченным названием *Portus Messembriorum* (Порт мессембрийцев).

[58] Это название не читается, поскольку в этом месте в пергамене образовалась дыра.

[59] См. Miller 1916: 606.

[60] См., например: Plin. NH. IV, 79; Ptolem. III. 10, 2.

[61] Подробное описание острова и храма Ахилла оставил Арриан (PPE 32–34).



Илл. 9.

Остров Ахилла на *TP* (Segm. VIII, 3).

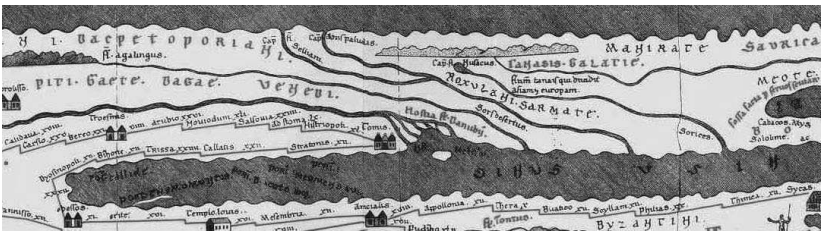
цвета моря как зеленого вовсе не является необычным, напротив, оно свойственно многим культурам и языкам. Цвет морской волны вообще составляет, как известно, смесь зеленого и синего, при этом в некоторых языках (например, в китайском) эти два цвета вообще не различались, обозначаясь одним иероглифом. Мы знаем также, что «цвет морской волны» обозначается в английском как *sea-green*, а в немецком как *seegrün*! Что же тогда необычного в том, что море на *TP* тоже *seegrün*? Поэтому представляется сомнительным, чтобы зеленый цвет моря на *TP* мог указывать на какую-то связь ее непременно с Александрией. Кстати, на карте Черного моря римского легионера из Дура Европос середины III в. н.э. море тоже имеет зеленый цвет, а ведь эта карта едва ли была как-то связана с Александрией!

Реки, озера и горы в Северном Причерноморье

Что касается устья Дуная, следует заметить, что оно обозначено на *TP* как *Hostia fl. Danubii*, то есть в латинском варианте названия (Segm. VII, 5), что также свидетельствует о римском источнике информации. Греки, начиная с Гесиода (Theog. 339), называли эту реки Истром (Ἴστρος, лат. *Ister, Hister*). Цезарь был первым, кто упомянут имя *Danuvius* для Истра (BG VI, 25).

В Северном Причерноморье между Дунаем и Кавказскими горами на *TP* изображены восемь рек, половина из которых поддается отождествлению.

Между Дунаем и Доном (Танаисом) показаны три реки, впадающие в Черное море, и еще одна, представляющая собой приток Южного Буга (Илл. 10).



Илл. 10.
Реки на TP между Дунаем и Доном (Segm. VII,4–VIII,1).

Первая река восточнее Дуная — это *flu[men]. Agalingus*, о которой речь шла выше. Она вытекает с восточных склонов Карпат (Бастарнских Альп) и впадает в Черное море северо-восточнее Дуная (Segm. VII, 4). Это название из других источников неизвестно. Обычно ее отождествляют с Днестром[62], что вполне оправдано расположением на карте рек от Дуная до Дона. Агалингус этимологизируется различно: то как германское (бастарнское) название, то как балтское, то как иллирийское[63]. Возможно, что река, называвшаяся в античности обычно как Тира (Τύρας, Τύρης, *Tyras*), в верхнем своем течении имела другое (вероятно, бастарнское) название.

Следующая к востоку река (Segm. VII, 4) вытекает из Северного океана и впадает как правый приток в реку Гипанис (Южный Буг). Обозначена река как *Cap[ut].fl[uminis].Selliani* («Исток реки Селлиана»). Название из других источников неизвестно. По географическому расположению (связь с Северным океаном и нахождение между Днестром и Южным Бугом) и графическим особенностям имени можно предположить, что изна-

[62] Weber 1976: 26.
[63] Обзор точек зрения см.: Schramm 1973: 222–223.

чально это название писалось как *Vistlae* (то есть речь идет о Висле). Буква *V*, будучи несколько наклоненной верхом влево, с легкостью читается как *S*, как это и имеет место на *TP*; ср. название города *Vindinum* (совр. Le Mans во Франции), которое на *TP* в Segm. I, 3 передано как *Subdinnum*. Группа в три согласные *stl* часто воспринимается на письме как *-lli-*, что могло произойти при копировании *TP* (Vistla > Villi > Silli > Selli > Selliani). Соединение реки с Северным океаном можно в таком случае считать ее устьем, а соединение с Гипанисом — ошибкой переписчика.

Висла (*Vistula*) уже была упомянута в «Хорографии» и, возможно, на карте мира Марка Агриппы. Об этом свидетельствует прямая цитата из Агриппы, которую приводит Плиний и в которой упомянута река Висла[64]. Имя Вислы до Птолемея упоминается только у авторов агрипповой традиции — у Мелы (III. 33: *Vistula*) и Плиния (NH IV. 81: *Vistla*).

Восточнее Селлиана расположена река Гипанис (так назывался в античности Южный Буг), что и отражено в названии — *Cap[ut]. [Hyp]anis paludis* («Исток болота Гипаниса»). Эта река течет «от моря до моря», начинаясь в Северном океане и впадая в Черное море. Надпись расположена у той точки, где Гипанис берет свое начало у моря. Часть названия помещена на одной стороне реки, часть — на другой, поэтому несколько букв, оказавшись «в реке» и к тому же на разрыве пергамена, не читаются. Судя по расположению рек Североного Причерноморья, это действительно должна быть река Гипанис (Ὕπανις, *Hypanis*), хорошо известная античным авторам начиная с Геродота (IV, 17 и др.)[65]. Вместе с тем осмотр карты, произведенный мною в 1999 г., то есть уже после последней реставрации, показал, что теперь (в отличие от факсимильного издания Э. Вебера) отчетливо читается: *Cap.fl.nis paludis*. Это означает, что фразу следует переводить как «Исток реки болота [Гипа]нис» или «Истока реки болота», если буквы *fl.nis* понимать как сокращение одного слова *fluminis*. Второй вариант менее вероятен, если учесть, что во всех

---

[64] Plin. NH IV, 81: «Агриппа сообщает, что вся эта территория простирается от Истра до океана на 1200 миль в длину и от пустынь Сарматии до реки Вистулы на 396 миль в ширину».

[65] Weber 1976: 66.

остальных случаях обозначения реки это слово выглядит всегда как *fl*.

Следующая, ближайшая к Дону-Танаису, река названа Нусаком (*Cap[ut]. fl[uminis]. Nusacus*). Судя по последовательности северочерноморских рек, это должен быть Борисфен-Днепр[66]. Река вытекает из небольшого безымянного озера, расположенного южнее горной цепи, не имеющей названия (с нее вытекает Танаис). Название Нусак в других источниках не встречается. Как и в случае с Агалингом, следует, вероятно, предположить, что название *Nusacus* прилагалось к верхнему течению Днепра и имеет неиранскую этимологию. М. Фасмер предложил готскую этимологию, видя в *Nusacus* готское прилагательное *Nōsags от слова со значением «предгорье» (ср. др.-англ. *nōse*), имея в виду знаменитые днепровские пороги (“Nusacus — als gotische Adjektivbildung *Nosags zu einem Wort für ‘Vorgebirge’, das aengl. nöse f. entsprach — mit Vorbehalt auf die Stromschnellen”[67]). Это толкование принял и развил Г. Шрамм[68].

Таким образом, карта довольно точно отражает количество и расположение рек Северного Причерноморья между Дунаем и Азовским морем, хотя, конечно, истоки этих рек были картографу малоизвестны[69]. Названия рек иногда отличаются от традиционных, известных с Геродота и, возможно, отражают новую политическую ситуацию, сложившуюся здесь после прихода сюда готов.

* * *

Следующие четыре реки впадают в Меотиду (Азовское море) (Илл. 11).

Первая из них — самая западная (Segm. VII, 5) — обозначена у своих истоков так: *flum(en) Tanais qui dividit Asiam et Europam* («Река Танаис, которая делит Азию и Европу»). Танаис (Τάναις, *Tanais*, совр. Дон) течет с каких-гор (вероятно, Рипейских)

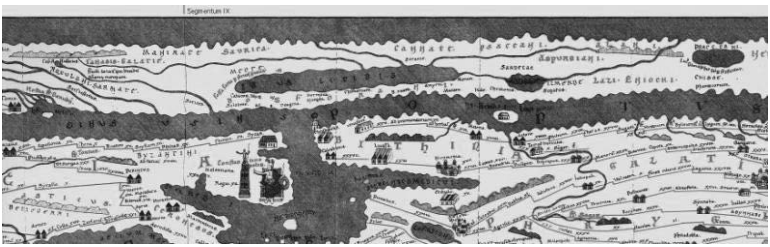
---

[66] Miller 1916: 598.

[67] Vasmer 1971, I, 161.

[68] Schramm 1973: 222.

[69] Ср. Strabo II. 4, 6: «… Тирас, Борисфен и Гипанис, большие реки, текут в Понт в этом промежутке, первая — параллельно Истру, другие — Танаису. Поскольку истоки ни Тираса, ни Борисфена, ни Гипаниса не исследованы, то места севернее них, должны бы быть еще менее известными…».



Илл. 11.

Реки на *TP*, впадающие в Азовское море (Segm. VII, 5 – VIII, 4).

и впадает в северо-восточную часть Азова. Танаис, наряду с Нилом, на протяжении всей античности считался границей между Европой и Азией (“als die Grenze zwischen Europa und Asien”). Таким же топосом является исток Танаиса из Рипейских гор.

Надпись о Танаисе как границе между Азией и Европой не следует воспринимать как непременно наследие эллинистической географии, поскольку эта идея была высказана уже Эсхилом (Prom. Vinct. 707–729) и Геродотом (IV, 45) и стала затем каноничной также и в римских географических представлениях (см., например, Mela I,15: “Europa terminos habet ab oriente Tanain et Maeotida et Pontum…”[70]).

Недалеко от реки есть еще одна надпись — *Tanasis. Galatie*. Э. Вебер считал, что в этом названии (написано красной краской в отличие от предшествующих названий рек, написанных черной краской) следует видеть этноним *Tanaitae* — жителей (города?[71]) Танаиса[72]. Неких танаитов помещал между Днепром и Доном Птолемей (Ptolem. III. 5, 24: Ταναΐται). По поводу странной *Galatie* К. Миллер приводит сравнение с известием *Notitia episcopatuum* (App. 35), что «Меотийское болото теперь [называется] Галацией» (*Maeotis palus quae nunc Galatia*)[73]. Не исключено, что этот топоним отражает присутствие здесь кельтов-

[70] См. также Mela I. 8 и 10; II. 1; Plin. NH III, 3; IV, 121; V, 47; Paulus Orosius I, 4–5.

[71] Танаис мог означать и реку, и город в ее устье.

[72] Weber 1976: 65. К этому же мнению склонялся также К. Миллер (Miller 1916: 617).

[73] Weber 1976: 618.

галатов, имя которых сохранилось в позднем обозначении города Галича и области Галиции[74]. Возможно также, что под названием *Galatie* скрывается имя *Gazarie* (=*Chazariae*; Хазария). Именно так — *Gaz[ar]i* — называет этот народ Равеннский аноним в I, 12 и *Chazari, Chaziri, Chazaria* в IV, 1, локализуя их к востоку от Скифии, что отражает действительное географическое расположение исторических хазар. Первым упоминанием хазар считается как раз сообщение Равеннского Анонима. Тот факт, что хазары впервые появляются на исторической арене только в VII в., ставит под сомнение реальность «хазарской» подоплеки имени *Galatie* на *TP*.

С севера и востока в Меотиду впадают еще три реки, не имеющие названия (Segm. VIII, 2–3). Расположенная далее всех на запад река начинается в Северном океане и впадает восточнее Танаиса в Меотиду рядом с этнонимом *Seracoe*. Вторая начинается в безымянных горах, над которыми надписано название *Alani*, то есть, очевидно, она течет с Кавказских гор и, протекая с северо-востока на юго-восток, впадает в Меотиду несколько восточнее предыдущей. Третья безымянная река, начинаясь в Северном океане, пересекает упомянутые (Аланские = Кавказские) горы и, пройдя через некое озеро, впадает в восточную оконечность Меотиды.

Во всех этих реках можно видеть, вероятно, отголоски представлений о реке Кубань (античный Гипанис), впадавшей частично в Азовское море, частично в Черное, а последняя река может отражать смутные представления о Волге, которая, с одной стороны, считалась вытекающей из Северного океана, поскольку служила проливом, соединяющим океан с Каспийским морем, с другой — впадающей не в Каспийское, а в Азовское море.

Реки, текущие от моря до моря

Итак, четыре реки в Северном Причерноморье текут на *TP* «от моря до моря». Чем объясняется этот странный феномен? Интересно, что в античной картографической традиции мы однажды сталкиваемся с подобным изображением. Так, в IV–V вв. н.э. римский автор Юлий Гонорий, описывая расположение рек

[74] Braun 1899: 172–173.

Роны и Рейна, которые соединяются между собой на карте, сокрушенно отмечает (Cosm. 22A-B): «И где она рождается, и куда течет — в западный океан или в Тирренское море, — нельзя на существующей [карте] увидеть, так как кажется, что она течет от воды до воды (*ab aqua ad aquam videtur currere*)». Гонорий работал с обветшавшей картой, на которой некоторые элементы не читались или были испорчены, и этим, по-видимому, следует объяснять неясность расположения истоков двух рек. Как бы ответом ему звучат рассуждения на этот счет Равеннского Анонима (Rav. I, 6): «Мы утверждаем, что все реки несут свои воды от суши к морю; люди никогда не видели, чтобы от моря к суше, за исключением приливного течения. Это ясно каждому»[75].

С другой стороны, возможно, такое изображение рек от моря до моря как раз в Северном Причерноморье отражает старое представление о связи Черного моря через Азовское море и Дон с Северным океаном[76].

Озера и горы

Продолговатое озеро, через которое протекает последняя река (Segm. VIII, 3), имеет надпись, которая с трудом читается как *Lacus Dor*(?). Рядом с ним обозначены аспургианы (*Aspurgiani*), которые, по свидетельству Страбона (XI. 2, 11), жили на Азиатском Боспоре между Фанагорией и Горгиппией. Можно предположить, что под «озером Дор» скрывается Корокондамитское озеро (Κορακονδαμῖτις где COR = DOR), часто описываемое античными авторами, которое было образовано рукавами нижнего течения Кубани (см. его описание, например: Strabo XI. 2, 9–10).

Еще одно озеро, не связанное ни с какими реками, находится на *TP* восточнее только что описанного (Segm. VIII, 4). Южнее него обозначен город Фанагория, лежащий на Таманском полуострове, севернее — племя *Psacc<c>ani*. С южной стороны озеро опоясано надписью: *Lac[us] salinarum, hic sal per se conficitur* — «Озеро солеварен, здесь соль производится сама по себе». См.

---

[75] “Nos quippe dicimus, quod omnia flumina ex terra in mare sua effundunt fluenta, nam nullo modo de mari in terram ab humanis obtutibus procedere videntur excepto reumaticam accessam, quod omnibus palam est”.

[76] См. подробнее: Подосинов 2005: 192–208.

также надпись о солеварнях: *Saline inmens(a)e qu(a)e cu(m) luna crescunt et decrescunt* — «Огромные солеварни, которые с луной увеличиваются и уменьшаются», которая помещена в Segm. V, 4 в Африке севернее гарамантов и некоего озера. Интересно, что тексты про солеварни встречаются на *TP* только дважды — на крайней северной и крайней южной окраине мира; и там, и там солеварни находятся рядом с озерами. Такое природное явление зафиксировано, в частности, Страбоном, который так описывает малоазийское озеро Татта (XII. 5, 4): «Озеро Татт — это естественная солеварница. Вода в озере так легко кристаллизируется вокруг любого предмета, опущенного в нее, что когда туда бросают кольца, сплетенные из тростника, то извлекают гирлянды соли…». Изображение на *TP* озера с такой надписью в Северном Причерноморье подтверждает широкую известность в античности добычи здесь соли, которая шла также на засолку азовской и черноморской рыбы, высоко ценившейся в Греции и Риме. Страбон упоминает на восточном берегу Азовского моря южнее устья Танаиса так называемые Большой и Малый Ромбиты, где занимались преимущественно ловлей рыбы для ее соления (Strabo XI. 2, 4), а также Диоскуриаду (совр. Сухум) как центр торговли солью (XI. 5, 6).

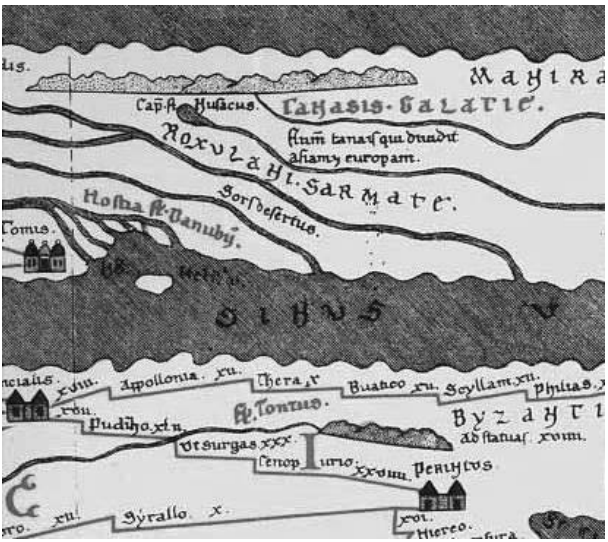
* * *

Что касается гор в Северном Причерноморье (о Карпатах — «Бастарнских Альпах» речь уже шла выше), то первые из них, нарисованные на северо-западе региона как горный хребет (Segm. VII, 4–5), не имеют названия. Но тот факт, что с них берет начало Танаис-Дон, свидетельствует о том, что это могли быть Рипейские горы (Илл. 12).

Следующие на востоке от Меотиды горы (Segm. VIII, 4) также не имеют названия, но поскольку с них берут начало две реки, впадающие в Меотиду, а над самим горами помещены аланы, следует предположить, что это северные отроги Кавказа, где находятся истоки Кубани и где обычно локализовали аланов. Возможно, эти же горы упомянуты Птолемеем в Европейской Сарматии (III. 5, 15) как «гора Алаунская (τὸ Ἀλαῦνον ὄρος)».

Наконец, последние и самые протяженные горы в Северном Причерноморье — это, очевидно, Кавказские горы (VIII, 5 – IX, 2; Илл. 13). Они находятся восточнее «озера солеварен» и обрамле-

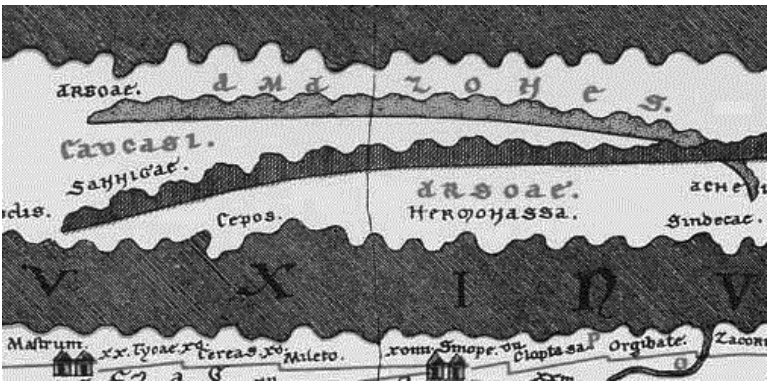
ны тремя крупными надписями: *Amazones, Caucasi* и *Arsoae* (=*Aorsae*).



Илл. 12.

(Рипейские) горы на ТР (Segm. VII,4–5).

Amazones надписаны над северным отрогом гор, отходящим от основного хребта. Здесь следует вспомнить, что часть гор, якобы идущих от Кавказа к Рипейским горам на севере, называлась Амазонскими. Так, например, Помпоний Мела в I, 109 пишет: «Начинающиеся отсюда (от восточного побережья Черного моря. — *А. П.*) горы простираются длинной цепью до соединения с Рифейскими; одной стороной они обращены к Эвксину, Меотиде и Танаису, другой — к Каспийскому морю, и называются Керавнскими, те же [горы] в других местах [называются] Таврическими, Мосхийскими, **Амазонскими,** Каспийскими, Кораксийскими и Кавказскими, в зависимости от названий племен, к которым они прилегают».



Илл. 13.

Кавказские горы на TP (Segm. VIII,5-IX,2).

Что означает *Caucasi*, не ясно — это может быть обозначение насельников Кавказа (кавказцы), а может обозначать сами горы (*Caucasi [montes*]). В любом случае, эта надпись подтверждает, что мы имеем дело с Кавказскими горами. Что касается «этнического» варианта толкования, то и Равеннский аноним также сообщает о «стране кавказцев» (II, 12: *patria Caucusorum*), а Страбон, рассказывая о 70 народах, сходящихся в Диоскуриаду-Сухум, отмечает, что “es sind grüßtenteils Sarmaten und alles Kaukasier” — «в большинстве они сарматы и все — кавказцы (πάντες δὲ Καυκάσιοι)» (XI, 2, 16).

Вместе с тем, поскольку сами эти горы на *TP* не имеют легенды, свойственной многим другим горам и включающей слово *mons*[77], можно предположить, что изначальное название гор (*Caucasi montes*) могло быть переосмыслено составителем карты как название народа. Вообще надо заметить, что Кавказские горы как один большой горный массив отсутствует на *TP*. Вместо него на огромном пространстве, растянутым между Черным и Каспийским морями, изображено семь горных цепей, не свя-

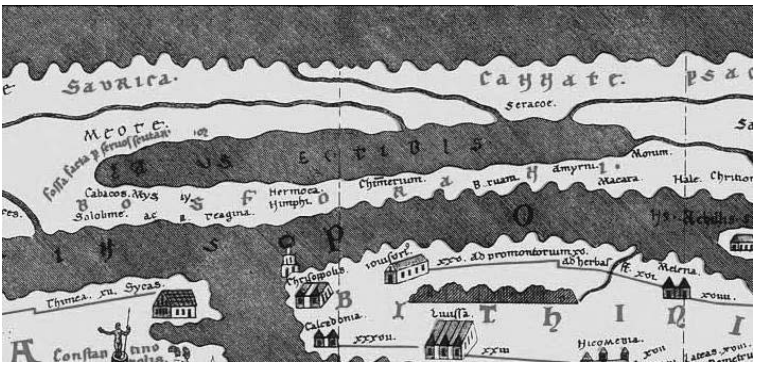
[77] Ср. на TP: “mons Catacas, montes Boecolen, mons Daropanisus, mons Lymodus, mons Feratus, mons Imeus, mons Oliveti, mons Paruerdes, mons Syna, mons Taurus (bis), montes Cyrenei”.

занных друг с другом, но, по-видимому, представляющих части Кавказа.

Аорсы, как мы увидим ниже, также жили между Меотидой и Каспием, севернее Кавказа.

Меотида (Азовское море)

Удивительно, но Меотида на *TP* вообще не соединяется с Черным морем (Илл. 14)!



Илл. 14.

Меотида (Азовское море) на *TP* (Segm. VIII,1–2).

То, что Меотида изображена замкнутым озером, я склонен выводить из картографической аберрации, связанной с названием моря *lacus*, или *paludes*, и думаю, что такое «новшество» могло появиться именно на карте мира Агриппы, которая была изготовлена после его смерти *ex destinatione et commentariis M. Agrippae* (Plin. NH III. 17). Коль скоро в этих *commentarii* речь шла о *lacus M(a)eotidis* (именно это название нанесено на *TP*), не трудно представить, как должен был изобразить его чертежник, рисовавший карту без участия ее инициатора. Замечу, что и на многих средневековых картах Меотида или совсем отсутствует или изображается также как замкнутый бассейн; ср., например, знаменитую псалтырную карту из Лондона 1262 г., где отсутствует Меотида.

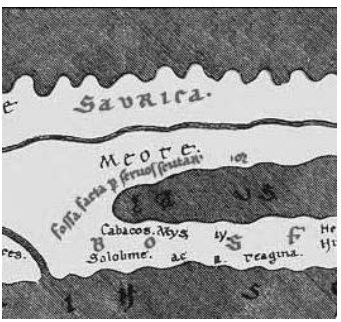
Как и в случае с солеварнями, который помещены на *TP* на крайнем севере и на крайнем юге (см. выше), Меотида упомянута и сравнена с таким же озером в Африке. В Segm. VII, 5 почти на той же долготе, что и Меотида, у самого Южного океана изображено озеро. В нем начинается Нил, о котором сказано, что он «разделяет Азию и Ливию» (*fl. Nilus, qui dividit Asiam et Libiam*). Уже здесь налицо параллелизм севера и юга, так как и про Танаис, впадающий в Меотиду, было сказано то же (*flum. Tanais, qui dividit Asiam et Europam*). Над озером, которое со всех сторон окружено горами и которое носит название *Lacus Nusap[ra]* и там же *Lacus Nilodicus*, читается надпись: *Hij montes subiacent paludi simili meotidi per quem nilus transit* («Эти горы окружают подобное Меотиде болото, через которое проходит Нил»). Так Меотида на севере и Нильское озеро на юге изображены симметрично. Интересно, что если на обоих водоемах надписано *lacus* («озеро»), то в надписи оба озера называются болотами, как это часто встречается в римской географической литературе.

Со времен Геродота греческие авторы называли Азовское море Меотидой (Μαιῶτις) или Меотийским озером (ἡ Μαιῆτις λίμνη — Herod. I. 104 в ионийском варианте и др.). Слово λίμνη означает как «озеро», так и «болото», то есть имеется в виду водоем со стоячей водой, отсюда — «пруд, озеро, болото». Латинское обозначение Азовского моря передает греческое название. Римляне называли это море Меотидой (*Maeotis*), или же как *Lacus Maeoticus* «Меотийское озеро», или как *Paludes Maeoticae* «Меотийские болота», а часто просто *Paludes* «Болота». Таким образом, одно греческое слово λίμνη переводилось двумя словами «озеро» и «болото», которые свободно заменяли друг друга. Так, описывая Северное Причерноморье, римский автор I в. н.э. Помпоний Мела в своей «Хорографии» (I.112) в рамках одной фразы называет Азовское море и Болотом, и Озером: «Затем в сторону уходит не очень широкая область, простирающаяся между Понтом и Болотом (*Paludem* — Азовским морем) до Босфора (совр. Керченского пролива); река Кораканда (совр. р. Кубань), впадая одним руслом в озеро (*in lacum*), а другим в море, превращает ее в полуостров (совр. Таманский полуостров)».

Народы и населенные пункты Северного Причерноморья

Отсутствием пролива между Азовским и Черным морями объясняется и отсутствие на *TP* Крымского полуострова. Все «крымские» топонимы сконцентрированы здесь на узкой полосе суши, разделяющей Азовское и Черное моря. Среди них много хорошо известных из других источников населенных пунктов и народов, иногда немного искаженные копиистами.

Немного выше восточной части Меотиды находится надпись *Saurica*. Поскольку из-за отсутствия Крыма на карте нет также традиционного для него названия *Taurica* (см., например, Plin. NH IV, 85), а с другой стороны, из иных источников нам неизвестна страна под названием *Saurica,* это обстоятельство побудило исследователей прочитывать *Saurica* как *Taurica*78. Такому прочтению благоприятствует близость на *TP* к этому имени таких типично «крымских» реалий, как «рвы, вырытые рабами скифов» (Перекоп на Крымском перешейке), города *Cabacos* и *Salolime,* после которых начинаются имена боспорских городов. С другой стороны, на самой карте ниже *Saurica* есть этноним *Sorices* (=*Saurices*?), сопоставляемый с Σαύαροι Птолемея (III. 5, 10) — племенем севернее Танаиса — и *Suarices* Равеннского Анонима (IV, 4: *patria, que dicitur Roxolanorum, Suaricum, Sauromatum*). Таким образом, возможно, что *Saurica* — не *Taurica*, а название народа, скорее всего сарматского происхождения.



Илл. 15.

Надпись о скифах (Segm. VIII,1).

[78] Miller 1916: 618; Weber 1976: 65; Dillemann 1997: 72.

На северо-западном берегу Меотиды красной краской под названием *Saurica* выполнена надпись *Fossa facta per servos Scutarum* («Рвы, вырытые рабами скифов»). По-видимому, имеется в виду ров с укреплениями на Перекопском перешейке, который с древнейших времен функционировал здесь для защиты от кочевнических вторжений в Крым. По-гречески это место называлось Τάφρος (Τάφραι, лат. *Taphrae*), то есть «ров» (см.: Herod. IV. 3; 20; Strabo VII. 3, 19; Mela II, 4). Следующий рассказ Геродота об обстоятельствах постройки укреплений на Перекопе объясняет всю ситуацию (IV, 1 и 3): «… Жены скифов, когда их мужья долгое время отсутствовали, вступили в связь с рабами… И вот дети, родившиеся от этих-то рабов и жен, достигли юношеского возраста. Узнав обстоятельства своего рождения, они задумали воспротивиться тем, кто возвращался из страны мидийцев. И прежде всего они отрезали страну, вырыв широкий ров (τάφρος), растянувшийся от Таврских гор до Меотийского озера, в том именно месте, где оно шире всего…»[79]. На *TP* мы видим практически цитату из Геродота. И это единственное место, где в Северном Причерноморье на карте говорится о скифах (Илл. 15)!

Далее следует список названий народов и городов, нанесенных на *TP* на северном побережье Черного моря, в порядке их расположения на карте с запада на восток вплоть до Трапезунта, оказавшегося также в Северном Причерноморье (справа дается их обычное латинское написание).

Meote (Segm. VIII, 1) = Maeotae
My[.]ny (Segm. VIII, 1) = Myrmecium
Salolime (Segm. VIII, 1) = Calos limen
Ac[r?]a (Segm. VIII, 1) = Acra
Nimphi (Segm. VIII, 1) = Nymphaeum
Bosforani (Segm. VIII, 1–2) = Bosporani
Seracoe (Segm. VIII, 2) = Siraci
Chimerium (Segm. VIII, 2) = Cimmerium
Psaccani (Segm. VIII, 3) = Psessi, Psechani
Sardetae (Segm. VIII, 3) = Sargetae
Eniochi (Segm. VIII, 3–4) = Heniochi
Phamacorium (Segm. VIII, 4) = Phanagoria
Nerdani (Segm. VIII, 4–5) = Nervani, Neuri
Arsoae (Segm. VIII, 5) = Aorsae

[79] Пер.: Доватур и др. 1982: 99.

Stratoclis (Segm. VIII, 5) = Stratoclia
Sannigae (Segm. VIII, 5) = Sanigae
Cepos (Segm. VIII, 5) = Cepoe
Amazones (Segm. VIII, 5 – IX, 1)
Hermonassa (Segm. IX, 1)
Achei (Segm. IX, 1) = Achaei
Sindecae (Segm. IX, 1) = Sindica
Acheon (Segm. IX, 2) = Achaea
Suani (Segm. IX, 2)

Перечисленные названия городов и народов располагаются на пространстве между западной оконечностью Крыма (*Salolime*) до Кавказских гор (*Suani*). Они были хорошо известны античным авторам или местной эпиграфике (таковы, например, *Psaccani*[80]).

Некоторые из них повторяются дважды (*Psaccani, Arsoe, Achaei, Suani*), с чем мы уже сталкивались ранее (*Sarmate, Venedi, Dagae*). Иногда, как кажется, мы можем объяснить такое повторение действительным проживанием народа в разных местах.

Так, в случае аорсов мы имеем следующий текст Страбона (XI. 5, 8):

> Дальше (к северу от Кавказа. — *А. П.*) следуют уже кочевники, что между Меотидой и Каспием: набианы и пандзаны, и еще племена сираков и аорсов (τὰ τῶν Σιράκων καὶ Ἀόρσων φῦλα). Считается, что эти аорсы и сираки бежали от тех, что [обитают] выше, [при этом] они живут севернее† аорсов. Абеак, царь сираков, когда Фарнак владел Боспором, послал 20 тысяч всадников, Спадин же, царь аорсов, — 200 тысяч, а верхние аорсы — еще больше. Ибо они владели бóльшим количеством земли и господствовали едва ли не над большей частью побережья каспиев, так что привозили на верблюдах индийский и вавилонский товар, получая его от армениев и мидийцев; вследствие своего благосостояния они носили золотые украшения. Аорсы живут у Танаиса, сираки же — у Ахардея, который, вытекая с Кавказа, впадает в Меотиду.

Рассказ Страбона о двух больших группах аорсов («верхних» и «нижних»)[81] может пролить свет на причину появления

---

[80] См. о Ψεχανοί, против которых сражался боспорский царь Савромат I (93–123 гг. н.э.) в КБН (CIRB) 1048, 1240 и др.

[81] Его анализ см.: Olbrycht 2001: 245-450.

двух аорсовых этнонимов на *TP*. Кстати и Птолемей упоминает аорсов на своей карте дважды (III. 5, 22 и VI. 14,10: Ἄορσοι).

Автор *TP* помещает в Причерноморье также аланов и лазов (VIII, 3–4), которые стали известны здесь только в римское время. Иранский народ аланов появился в Северном Причерноморье в I в. н.э.[82]. Римляне встретились с ними впервые в Закавказье во время кампании Помпея против Митридата Евпатора (Lucan. Phars. VIII. 133). Иосиф Флавий упоминает алан около Танаиса и Меотиды (De bello Iud. VII. 7. 4). Плиний Старший (NH IV. 12. 80–81) фиксирует алан уже в Северо-Западном Причерноморье.

Имя *Lazi* встречается впервые у Плиния Старшего (NH VI. 12), затем у Арриана (PPE 11. 2–3: Λαζοί, и у Птолемея (Geogr. V. 10, 5 Stückelberger-Graßhoff). Они занимали прибрежную часть Колхиды. В IV–V вв. н.э. *Lazoi* (*Lazika*) стало названием всей Колхиды.

Также поздно стало известно название *Aspurgiani*. Впервые они упомянуты Страбоном в рассказе о недавних событиях на Боспоре и локализованы на Таманском полуострове (XI,2,11): «К меотам же относятся и аспургиане, живущие на протяжении 500 стадиев между Фанагорией и Горгиппией (τούτων δ' εἰσὶ καὶ οἱ Ἀσπουργιανοὶ μεταξὺ Φαναγορείας οἰκοῦντες καὶ Γοργιπίας). На них попытался напасть царь Полемон под видом заключения дружбы, [но] не [сумевши] скрыть [своего замысла], встретил сопротивление и, захваченный живым, был убит». В XII. 3, 29 говорится о кончине царя Полемона «[в области] так называемых аспургиан, варваров у Синдики». Речь идет о событиях в Боспорском царстве, когда Агриппа в 14 г. до н.э. посадил на боспорский престол понтийского царя Полемона I, который в борьбе с местным боспорским царем Аспургом был убит в 8 году до н.э. В науке до сих пор идет спор, кто такие были аспургианы — военные поселенцы царя Аспурга, или выходцы из сарматской или меотской среды на службе у Аспурга, или племя, из которого происходила мать Динамии, матери Аспурга[83].

---

[82] Об аланах в античных и средневековых источниках см.: Кулаковский 1899; Aalto, Pekkanen 1975: 20–39; Габуев 1999; Алемань 2003.

[83] Gajdukevič 1971: 328–331, 337–339, 362, 471; современную литературу см.: Подосинов 2002: 354.

Как бы там ни было, имя аспургиане встречается во всей античной литературе не так уж часто — в первый раз у Страбона и в последний — на нашей карте! После Страбона и, скорее всего, вслед за ним аспургиан упоминают во II в. н.э. Клавдий Птолемей (V. 9, 17 — в искаженной форме Ἀστουρικανοί) и Элий Геродиан in Pros. cath. VII. 180. 2 Lentz: Ἀσπουργιανοί, ἔθνος τῶν περὶ τὴν Μαιῶτιν λίμνην с прямой и точной отсылкой к тексту Страбона: Στράβων ἑνδεκάτῃ “τούτων δ' εἰσὶ καὶ οἱ Ἀσπουργιανοὶ μεταξὺ Φαναγορείας οἰκοῦντες καὶ Γοργιπίας” (ср. выше текст Страбона), а затем много позже и Стефан Византийский (Steph. Byz. s. v. Ἀσπουργιανοί с абсолютно идентичной Элию Геродиану записью с отсылкой к Страбону). Есть также эпиграфические свидетельства об аспургианах в надписях III в. н.э. из Пантикапея и Танаиса (КБН № 36, 1246, 1248).

* * *

Среди топонимов встречаются гапаксы. Они идут вперемежку с известными топонимами и этнонимами и являются объектом различных спекулятивных построений. К таковым относятся *Manirate* (Segm. VII, 5), *Cabacos* (Segm. VIII, 1), *Teagina* (Segm. VIII, 1), *Hermoca* (Segm. VIII, 1), *Cannate* (Segm. VIII, 2), *B[.]ruani* (Segm. VIII, 2), *Amyrni* (VIII, 2), *Ṃọṇiṃ* (Segm. VIII, 2), *Macara* (Segm. VIII, 2), *Hal[e?]* (Segm. VIII, 2), *Chritionis* (Segm. VIII, 3), *Ilmerde* (Segm. VIII, 3), *Sopatos* (Segm. VIII, 3), *Chisoe* (Segm. VIII, 4), *Chireoe* (Segm. IX, 1), *Phrystanite* (Segm. IX, 1–2), *Colopheni* (IX, 2), *Malichi* (IX, 2). Такое количество неизвестных из других источников названий не встречается, пожалуй, больше нигде на *TP*.

Представляет также интерес плохо сохранившаяся надпись *Ṃọṇiṃ* в Segm. VIII, 2 на самой восточной окраине Меотиды. Миллер предположил, что под этим названием и следующим за ним *Chritionis* может скрываться выражение *Munimentum Brytanis*, то есть «Памятник Британа» (брата Боспорского царя Сатира II), который умер в 309 г. до н.э.[84]. При этом Миллер ссылается на аналогичные памятники, возвигнутые на Боспоре Сатиром II (311/10 – 310/09 гг. до н.э.) и царицей Комосарией (*Komosarye*). Страбон так описывает памятник Сатира (XI. 2, 7–

[84] Miller 1916: 619–620.

8): «Отсюда (от Партения. — *А. П.*) до памятника Сатира (τὸ Σατύρου μνῆμα) 90 стадиев. Это насыпанный на каком-то мысу курган (μνῆμα χωστόν) одного из мужей, славно правивших на Боспоре». Обращает на себя внимание, что «Памятник Сатира» выделен Страбоном в его периэгесе Азиатского Боспора в отдельный пункт перечисления между городами и поселениями и даже с приведением дистанций между «Памятником» и соседними пунктами. Это показывает, что такого рода памятники могли восприниматься как отдельные населенные пункты и таким образом попасть на нашу карту.

Что же касается Комосарии, то одна надпись с высокого берега Ахтанизовского лимана сообщает, что «Комосария, дочь Горгиппа и супруга Перисада, по обету посвятила мощному богу Санергу и Астаре (статуи) при Перисаде, архонте Боспора и Феодосии, царе синдов и всех меотов и фатеев» (IPE 2, 346). Из этой надписи и находки постамента и двух торсов — мужского и женского — явствует, что супруга боспорского царя Перисада I (344/33 – 311/10 гг. до н.э.) поставила на горе две статуи восточным богам[85].

Впрочем, по мнению Т. Пекканена, эта интерпретация Миллера «слишком гипотетична»[86].

* * *

Представляется удивительным, что при таком подробном перечислении народов и поселений на *TP* отсутствуют четыре крупнейших, самых известных в античности города Северного Причерноморья — Тира (*Tyra*), Ольвия (*Olbia*), Херсонес (*Chersonesos*) и Пантикапей (*Panticapaeum*). Отсутствует здесь также Боспор Киммерийский (*Bosporus Cimmericus*) как государственное образование, вместо него мы имеем жителей Боспора (*Bosforani*[87]). Впрочем, К. Миллер считал форму *Bosforani* ошибкой переписчика (“höchstwahrscheinlich das a am Schlusse nur

---

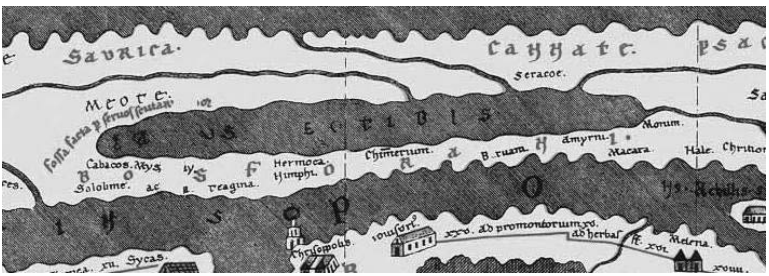
[85] См. подробнее об этом памятнике: Gajdukevič 1971: 214.

[86] Pekkanen 1979: 123.

[87] Написание Βόσφορος, от которого происходит совр. Босфор, заменило собой в средние века античное Βόσπορος (ср. уже у Малалы, Chron. 431, 21).

durch den Abschreiber vergessen worden ist”[88]), и в оригинале должна была быть *Bosforania*, как это имеет место в Rav. в IV, 3, где говорится о *patria Bosforanie*, в которой находятся боспорские города; в IV, 5 упомянута *patria Bosphorana*. В гипотезе Миллера есть резон, так как название *Bosforani*, написанное красной краской и большими буквами, проходит по всей полосе суши, разделяющей Меотиду и Понт Эвксинский (Илл. 16). При этом названия городов и народов Боспорского царства, написанные черные краской и более мелкими буквами, надписаны выше или ниже надписи *Bosforani*, или даже в промежутке между ее буквами.

С другой стороны, античные авторы часто употребляли название «боспоряне» для обозначения жителей Боспора (см., например, Cic. Or. de imp. 9; Pomp. Trog. Prol. 37; Tacit. Ann. XII, 16 и др.). Страбон прямо сообщает, что «будучи подвластны правителям Боспора, они все (народы по обеим сторонам Керченского пролива. — *А. П.*) называются “боспорянами” (Βοσπορανοί)» (XI. 2, 10). Птолемей (V. 9, 24) также считает, что «по обеим сторонам Киммерийского Боспора живут боспоряне (Βοσπορανοί)». Элий Геродиан упоминает имя Βοσποριανός (Pros. cath. VII, 179, 25 Lentz).



Илл. 16.

Надпись BOSFORANI на *TP* (Segm. VIII, 1–2).

Кстати, Кассий Дион и Павел Оросий, рассказавшие о вмешательстве Агриппы в дела Боспора (см. об этом ниже), говорят

[88] Miller 1916: 612.

оба о «боспорянах»: Dio Cass. LIV,24,6: “…als Agrippa nach Sinope kam und einen Feldzug gegen sie plante… so legten dann die Bosporaner (Βοσποραν̓οί) die Waffen nieder”; Oros. VI. 21, 28: “Bosporanos vero Agrippa superavit…” («Боспорян же победил Агриппа»), что может свидетельствовать о влиянии агрипповой традиции и на это обозначение *TP*.

Интересно сопоставить написание *Bosforani* с тем, как картограф изобразил Византий-Константинополь: в Segm. VII, 5–VIII, 1 сам город обозначен как *Constantinopolis*, старое название *Byzantium* отсутствует, зато рядом с городом стоит более крупная надпись, претендующая покрыть весь полуостров — *Byzantini*. Ср. также на *TP* (Segm. IX, 1–3) политоним *Pontici*, который обозначает жителей провинции Понт и надписан на черноморском побережье. Кстати, как и надпись *Bosforani*, эта надпись тоже идет большими красными буквами вдоль многих (12) названий городов и поселений, надписанных черными, более мелкими буквами.

Страбон отмечает, что каррадокийцы, которые жили у Понта Эвксинского, назывались «понтиками» (XI. 8, 4: οὓς Ποντικοὺς νῦν καλοῦσι). Помпоний Мела в I, 14 пишет: «Вокруг Понта (Черного моря. — *А.П.*) в разных местах живут разные народы, но все под одним именем — понтийцы (*Pontici*), у [Меотийского] озера — меотийцы (*Maeotici*), у Танаиса — савроматы».

Проблема Трапезунта

Еще одно обстоятельство, связывающее *TP* с картой Агриппы как своей основой, это расположение известного черноморского города Трапезунта не на юго-восточном побережье Черного моря, где он находился, а на северо-восточном (Илл. 17).

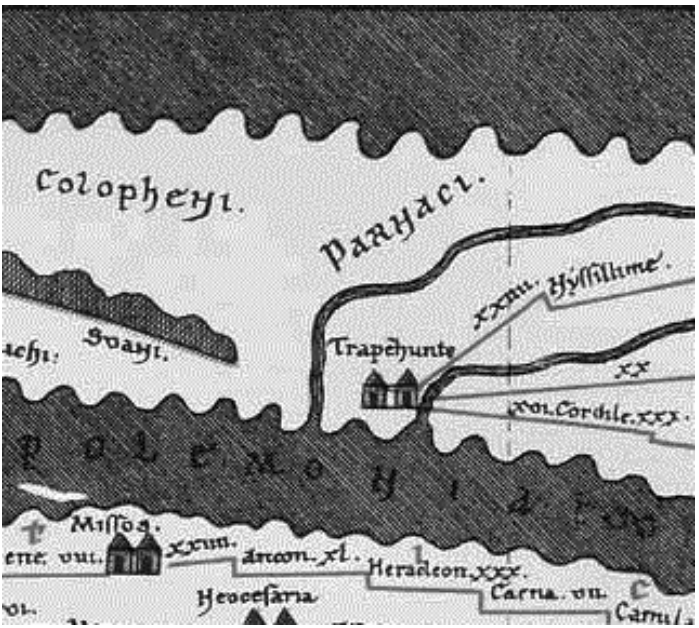
Эта традиция помещения Трапезунта в Северном Причерноморье зафиксирована также на карте из Дура Европос[89], в «Космографии» Равеннского Анонима[90] и в «Гетике» Иорда-

---

[89] См. перечисление городов в Северном Причерноморье: Τύρα, Βορ[υ]σ[θέν]ης, Χερ[σ]όν[ησος], Τραπε[ζοῦς]. Подробнее см.: Подосинов 2002: 85, 90–99.

[90] Cosm. IV. 3: “Boristenida, Olbiapolis, Capolis, Dori, Chersona, Theosiopolis, Careon, Trapezus”. Как известно, «Космография» Равенната имеет массу соответствий с Певтингеровой картой. Так, общими для двух

на[91], то есть только в римской картографической традиции, что позволяет предположить, что появление второго Трапезунта и на *TP* обязано ошибочной локализации на какой-то ранней авторитетной римской карте, которая послужила основой для последующих памятников такого рода. Что же это могла быть за карта?



Илл. 17.

Расположение Трапезунта на *TP*.

памятников являются следующие топонимы Северного Причерноморья: *Bosforania — Bosforani, Ermonassa — Hermonassa, Suppatos — Sopatos, Friciores — Chritionis, Ermogan — Hermoca, Teaginem — Teagina, Acra — Ac[r]a, Nimfa — Nimphi, Abritani — B[i]ruani, Machara — Macara, Chimmerion — Chimmerium, Salonime — Salolime (=Caloslimen), Trapezus — Trapezunte.*

[91] Get. 32: “In eo vero latere, qua Ponticum litus attingit [sc. Scythia], oppidis haut obscuris involvitur, Boristhenide, Olbia, Callipolida, Chersona, Theodosia, Careon, Myrmicion et Trapezunta, quos indomiti Scytharum nationes Graecis permiserunt condere, sibimet commercia prestaturos”.

На мой взгляд, это могла быть именно карта мира Агриппы. Хотя сама карта Агриппы не сохранилась, некоторое представление о ней дают два позднеантичных географических каталога первой половины V в. н.э., которые содержат краткие данные о границах и протяженности каждого из 24 сегментов карты Агриппы. Это “Divisio orbis terrarum” и “Demensuratio provinciarum”[92]. Оба трактата описывают северопонтийский регион одинаково и следующим образом:

> Sarmatia, Scythia Taurica. Hae finiuntur ab oriente iugis montis Caucasi, ab occidente flumine Borysthene, a septentrione oceano, a meridie provincia Pontica…(Div. 15; Demens. 9; ср.: Plin. NH IV. 91).

> «Сарматия, Скифия Таврическая. Они ограничиваются с востока хребтами горы Кавказ, с запада рекой Борисфен, с севера океаном, с юга Понтийской провинцией...».

Итак, южную границу Скифии и Сарматии образует некая «Понтийская провинция» (*provincia Pontica*). И здесь возникает несколько сложных вопросов. С одной стороны, название «Понтийская провинция» может означать только одно — Понтийское царство. С другой стороны, Понтийское царство расположено на южном побережье Черного моря. Как могли Скифия и Сарматия иметь своей южной границей Понтийское царство? Что имел в виду Агриппа?

Я думаю, что как раз для Агриппы (и ни для кого до или после него) такая граница была реальностью. Дело в том, что царем Понта с 37 по 8 г. до н.э. был Полемон I. В 14 г. Полемон присоединил к своей державе Боспорское царство и женился на боспорской царице Динамии. «Так было достигнуто, — пишет Е.С. Голубцова, – впервые после смерти Митридата, объединение Северного и Южного Понта, имевшее для римлян большое стратегическое и экономическое значение»[93]. Самое примечательное в этой истории с «понтизацией» Боспора заключается в том, что все это было задумано и осуществлено верховным

---

[92] Текст и исследование обоих памятников см.: Подосинов 2002: 62–76. Примечательно, что “Divisio” начинается с утверждения, что этот мир (*orbis*) “divus Augustus primus omnium per chorographiam ostendit”.

[93] Голубцова 1951: 90.

правителем восточных областей Римской империи — Марком Випсанием Агриппой![94] Дион Кассий в своей «Римской истории» писал об этом событии (LIV. 24. 5–6): «Как только Агриппа услышал об этом (о беспорядках на Боспоре. — *А. П.),* он послал против него (мятежника Скрибония. — *А. П.)* Полемона, который тогда был царем части Понта, граничащей с Каппадокией... Хотя тот (Полемон. — *А. П.)* и достиг победы, однако окончательно подавить своих противников он смог только тогда, когда Агриппа прибыл в Синопу и собирался пойти на них походом. Тогда только боспоряне сложили оружие и подчинились Полемону. И Динамия стала — конечно, только с согласия Августа — его супругой»[95].

Итак, для Агриппы Боспорское царство и Понтийское царство были единым политическим образованием — *provincia Pontica*. Поэтому и южная граница Скифии и Сарматии проходила в два последние года жизни Агриппы (14–12 гг.), когда он интенсивно работал над своим описанием мира, не случайно по Понтийскому (Боспорскому) царству. Рассмотрение Боспора как части Понта, в котором одним из важнейших городов был Трапезунт, могло явиться причиной «переноса» понтийского Трапезунта в северночерноморский регион.

К этому можно добавить следующее. Известно, что «Объединенные штаты Понта» просуществовали недолго; уже в 8 г. до н.э. они снова распались[96]. Это обстоятельство датирует, таким образом, наше наименование *provincia Pontica* только временем Августа и Агриппы[97].

Итак, северночерноморский Трапезунт мог возникнуть как результат аберрации на карте Агриппы в результате объедине-

---

[94] Об Агриппе и его понтийской акции см.: Roddaz 1984: 463–468.

[95] Ср. также: Jos. Flav. Ant. XVI. 2. 2; Oros. VI. 21. 28: “Bosporanos vero Agrippa superavit...” Об этих событиях на Боспоре см.: Rostovtzeff 1919: 88–109 (особенно с. 99–100); Сапрыкин 2002: 113–124 (с литературой).

[96] См. Olshausen 1980: 910–911.

[97] При обсуждении этого статьи на конференции в Айхштетте проф. Карл Штробель усомнился в том, что термин *provincia* относительно Понта соответствует политической ситуации времени Агриппы. Мы знаем, однако, что *provincia Bithynia et Pontus* как раз в правление Октавиана стала *provincia senatoria*, поэтому было вполне логичным назвать на карте Агриппы Понт как *provincia*.

ния двух царств; благодаря высокому авторитету этой карты он мог стать источником недоразумений для многих последующих веков[98].

Важно отметить, что эта традиция фиксируется только в латиноязычной римской геокартографии. В самом деле, ни один греческий географ не знает ничего о втором севернопонтийском Трапезунте, будь то Страбон или Арриан в своем перипле Черного моря, Птолемей с подробнейшим описанием черноморского побережья, или даже римские авторы Помпоний Мела и Плиний Старший, которые работали, как известно, в основном с греческими источниками.

Заметим также, что эта традиция тесно связана с картографическим изображением. Мы видели Трапезунт на северном побережье Черного моря на карте из Дура Европос и на Певтингеровой карте. «Космография» из Равенны является, как известно, во многих отношениях списком с карты, которая стояла очень близко к Певтингеровой карте[99]. В географических экскурсах Иордана также повсеместно усматривают картографический первоисточник[100].

Северная Азия

В античной географии было принято делить всю Азию на две части — Северную и Южную. Водоразделом этих двух частей был так называемый хребет Тавра, проходивший, по представлениям греческих географов, вдоль главной параллели мира, тянущейся от Гибралтара до Восточного (Тихого) океана. Так, Страбон пишет (II. 5, 14): «Длина [ойкумены] проходит по линии, перпендикулярной той [широтной]. [Эта линия] идет с запада через Столпы (Гибралтар. — *А. П.*) и Сицилийский пролив вплоть до Родоса и Исского залива, проходя вдоль Тавра, разделяя Азию и заканчиваясь у восточного моря между индами

---

[98] При этом сам Агриппа вовсе не несет ответственности за эти деформации, так как карта была изготовлена только после его смерти. Изготовитель карты имел дело лишь с текстами Агриппы, поэтому он мог легко спутать территорию Понта и Боспора.

[99] См. подробнее: Gross 1913: 5ff., 33; Dillemann 1997: 38–40; Подосинов 1989: 248–256.

[100] См., например: Иордан 1960: 201, 208, 209.

и скифами, что за Бактрианой…». Известно, что уже Дикеарх делил всю землю линией от Геракловых столпов до малоазийских Карии, Ликии, Памфилии и далее по Тавру вплоть до горы Имав в Средней Азии (см. Agathem. I, 5). Эратосфен также проводил свою знаменитую «родосскую параллель» через Тавр, который тянется, по его словам, почти прямой линией от Киликии до Индии, разделяя всю Азию на две равные части (см. Strabo II. 1, 1). Описание Тавра, подобное Страбонову, есть у Мелы (I, 81), Плиния (V, 97–99; VI, 36–62), Павла Оросия (I, 36–47) и других античных авторов.

Певтингерова карта также передает эту особенность: в полном соответствии с данными античных географов картограф рисует горную цепь, тянущуюся непрерывно от границы Ликии и Киликии в Малой Азии в IX сегменте до Тихого океана в XI-м. Там, где Тавр проходит южнее Каспийского моря, мы видим надпись *mons Taurus* (X, 5 – XI, 2). Эта же надпись повторяется восточнее, но уже над хребтом (то есть севернее него) в Segm. XI, 1–3.

Пространство между Черным и Каспийским морями оказалось на карте сильно растянутым (Segm. IX, 3 – X, 5). Здесь обозначены несколько римских дорог, на одной из которых есть станция Артаксата, несколько неназванных рек и горных хребтов, а также топонимы *Potamiae* (область в Пафлагонии), *Bechiricae* (область в окрестностях Трапезунта), закавказские Иберия и Албания, и этнонимы: колхи, сваны-сарматы, суеды-иберы, дивали, лупоны, толомены.

Далее следует Каспийское море, которое в картине мира античного человека занимало важное место, маркируя границу известной тогда территории на северо-востоке ойкумены.

Большинство античных авторов считало Каспийское море заливом Северного океана (этой теории придерживались такие крупные географы и историки, как Эратосфен, Посидоний, Диодор Сициийский, Варрон, Агриппа, Страбон, Помпоний Мела, Курций Руф, Плиний Старший, Тацит, Плутарх, Арриан, Дионисий Периэгет и др.)[101]. Волга, таким образом, оказывалась проли-

[101] И.В. Пьянков, правда, считает, что уже в картографической традиции, идущей от Гиппарха через Посидония и Агриппу к Птолемею, Каспий изображался замкнутым бассейном с впадающей в него с севера крупной

вом, соединяющим океан с Каспийским морем. Этот пролив мог рассматриваться как короткий (и тогда он не воспринимался как река) или как длинный и узкий (и тогда его ассоциация с какой-то рекой могла иметь место).

И вот как выглядит типичное описание Каспийского моря как замкнутого бассейна у Помпония Мела (III, 38): «Каспийское море сначала, как река, врывается в сушу сколь узким, столь и длинным проливом[102] и, пройдя прямым руслом, разливается тремя заливами: прямо против устья — Гирканским, налево — Скифским, направо — тем, который называют собственно Каспийским, по имени всего [моря]»[103].

А что же на Певтингеровой карте? В сегменте XI, 1–2 мы видим, что Каспийское море изображено здесь, как и у большинства античных авторов, как залив Северного океана и вытянуто в широтном отношении (Илл. 18). В восточной части акватории Каспия есть надпись *mare Hyrcanium*, в западной — плохо читаемая надпись, в которой угадывается только окончание *-um*, понимаемое как *[mare Casp]ium*.

Очертания Каспийского моря на *TP* похожи на полумесяц или на серп, что напоминает описание этого моря у Плиния (*NH* VI, 38): «Вливается же это море через узкий и очень длинный пролив, и там, где начинает расширяться, оно изгибается в виде рогов полумесяца (*lunatis obliquatur cornibus*), как бы спускаясь от своего устья к Меотийскому озеру, по словам М. Варрона, наподобие серпа». Учитывая, что Плиний цитирует в описании Каспийского моря Агриппу и Варрона, можно предположить, что он видел его очертания на карте Агриппы, который воспроизводил эллинистическую географическую традицию.

рекой (Пьянков 1997: 170–171, 177; ср. то же о Скилаке — с. 17, Ктесии, Эвдоксе, Клитархе и Курции — с. 27). Надо отметить, что, хотя это мнение зиждется на очень гипотетических источниковых основаниях, весьма вероятно, что сведения о великой реке, впадающей с севера в Каспий, все же проникали к грекам, хотя и в неясной форме, с весьма древних времен.

[102] Ср.: Plin. NH VI, 38: “inrumpit autem artis faucibus et in longitudinem spatiosis” («…вливается же это море через узкий и очень длинный пролив»); Страбон также говорит о «довольно узком» проливе (XI. 6, 1).

[103] Ср. подобные описания Каспийского «залива», пролива и окружающих Каспий племен у Страбона (II. 1, 17; II. 5, 18; II. 5, 31; VII. 2, 4; XI. 1, 5; XI. 6, 1).

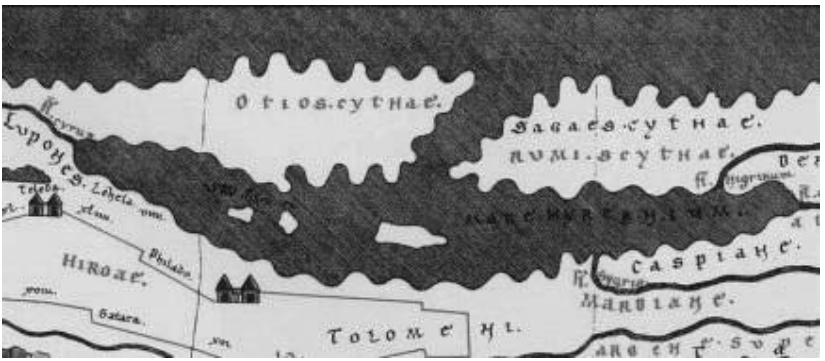


Рис. 18.

Фрагмент Певтингеровой карты с изображением Каспийского моря (Segm. XI, 1-2).

В Каспийском море античные авторы отмечают также наличие нескольких островов. Их упоминают Мела (III, 58: *Talge* и *Scythicae insulae*), Плиний (*NH* VI, 52: *Zazata*), Птолемей (VI. 9, 8: Τάλκη), Равеннский аноним (Cosmogr. V, 19: *Talartica*). На Певтингеровой карте (Segm. XI, 1) также обозначен остров в Каспийском море с надписью *Tal[artica]*.

Что касается рек, впадающих в Каспийское море, то разные авторы в разное время называли много разных рек[104]. Из них на *TP* изображены только река Кирус (*Cyrus*, совр. Кура), впадающая в море с запада, река Сигрис (*Sygris*, из других источников неизвестна), впадающая с юга, реки Окс (*Oxus*, совр. Амударья) и Нигринус (*Nigrinus*, вероятно, идентичен античному Яксарту, совр. Сырдарья).

На карте есть также река Аракс, она вытекает из гор Тавра[105] несколько восточнее Каспийского моря (Segm. X, 5), протекает вдоль его южного берега и затем впадает в Восточный океан, то есть в отличие от обычной ее локализации не связана с Каспийским морем.

Обращает на себя внимание расположение вокруг Каспийского моря большого количества «скифских» имен. Это

[104] См. о них подробнее: Herrmann 1919: 2287–2289.

[105] Ср. Mela III, 40: «Аракс, спускающийся (*demissus*) со склонов Тавра».

Paralocae Scythae, Otio Scythae, Sagae Scythae (bis), Rumi Scythae, Essendones Scythae, Abio Scythae, Xatis Scythae; последние расположены неподалеку от Восточного океана.

Выше мы уже отмечали, что ни Страбон, ни Мела, ни Плиний не знают скифов в Северном Причерноморье, где их традиционно помещали Геродот и эллинистические авторы. Скифов постепенно «смещали» в Азию, где в конце концов их локализует Птолемей (VII. 5, 2), и, как мы видим, Певтингерова карта.

На востоке Азиатская Сарматия граничит в «Географии» Птолемея со Скифией (V. 9, 12 и VII. 5, 2). В соответствии с выше цитированными словами Плиния, что скифское наименование, сменившись на сарматское, «закрепилось только за теми, которые, будучи самыми дальними из этих народов, живут почти неизвестные остальным смертным», Птолемей помещает Скифию в Северную Азию (в современном понимании) от Сарматии и Каспийского моря на западе до Серики (Китая) на востоке. Как и в случае с Сарматией, у Птолемея Скифия делится на две: «Скифия до Имава» и «Скифия за Имавом» (под Имавом понимались, по-видимому, горы Тянь-Шаня).

Так кардинально Птолемей изгнал Скифию из Европы[106]! Но это уже «заслуга» римской географии, а не эллинистической.

Восточнее Каспийского моря в Северной Азии античные авторы помещали скифов и безлюдные местности. Мела так описывает этот регион (III, 59): «От них (островов Каспийского моря. — *А. П.*) береговая линия, изгибаясь, идет к Восточному морю и к побережью, обращенному на восток. Это [побережье] …сначала непроходимо из-за снегов, а затем не возделано из-за дикости ее жителей. Здесь живут скифы — андрофаги и саки, разделенные областью, безлюдной из-за множества диких зверей».

К востоку от Каспия на *ТР* (Илл. 19), кроме упомянутых скифов, локализованы также хорошо известные античным авторам среднеазиатские бактрианы (*Bactrianoe*) и дербики (*Derbicce*), неизвестные из других источников максеры (*Maxere*) и ароты (*Arote*) и у самого Восточного океана некие танхиры (*Tanchire*), возможно, тохары.

---

[106] См. также через два века после Птолемея у Аммиана Марцеллина (XXXI. 2, 13): «Истр со множеством притоков течет мимо [земли] савроматов, простирающейся до реки Танаиса, составляющей границу Азии и Европы».

Любопытная деталь карты — обозначение «Алтарей Александра» (*Ara Alexandri*) между реками Сигрис и Окс (Segm. XI, 2–3). И это тоже дань литературной традиции — так, Плиний сообщает, что в земле согдианов находится город Александрия, основанный Александром Великим во время похода в Азию, и там же «находятся алтари, поставленные Гераклом, и Отцом Либером, а также Киром, Семирамидой и Александром, — конечная цель всех их походов в этой стороне мира» (VI, 49). Более того, у самого восточного края ойкумены на *TP* изображены еще два алтаря с надписью: «Здесь Александр получил ответ: Докуда (ты дойдешь), Александр» (“Hic Alexander responsum accepit. Usque quo, Alexander”).

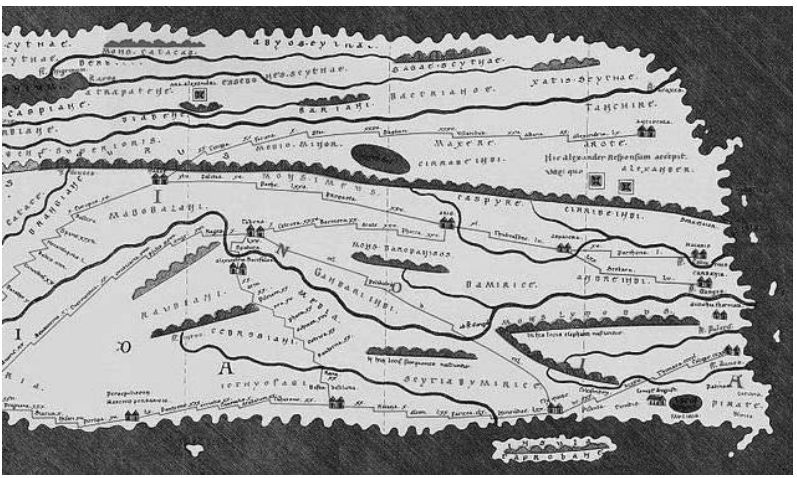


Рис. 19.

Последний, восточный лист Певтингеровой карты

Интересно, что здесь же, поблизости от Восточного океана, заканчивается самая северная в Азии римская дорога, и ее две последние станции — Александрия и Антиохия, причем Александрия имеется в виду Арианская, а Антиохия — Маргианская (см. о них подробнее Strabo XI. 10, 1–2; Plin. *NH* VI, 47). Поскольку Ариана и Маргиана находятся к юго-востоку от Каспий-

ского моря между Гирканией, Парфией и Бактрианой, оказывается, что окончание этой дороги было смещено на нашей карте очень далеко на восток, не исключено, для того, чтобы показать римскую власть над миром максимально обширной.

Мы должны также иметь в виду, что при наложении географической номенклатуры последнего восточного листа *TP* на современную карту мы получаем совсем другую конфигурацию ойкумены, определяемую как уровнем знакомства античных людей с периферией ойкумены, так и с их географическими теориями (см. Илл. 20, где светлым цветом отмечено географическое пространство *TP* на современной карте).

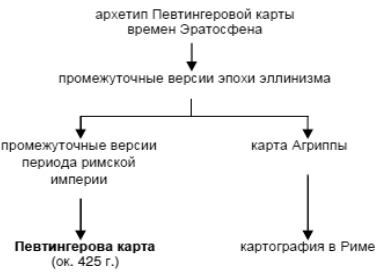
Илл. 20.

Пространство последнего XI листа *TP* на современной карте

Подводя итог, можно констатировать, что Певтингерова карта в своем представлении Северной Азии в основном верно следует античной географической традиции, воспроизводя в картографической технике как ее достижения, так и ее заблуждения. При этом то, что картограф изобразил Северную Азию как омываемую Северным океаном, разместив там (практически на территории современных Сибири и Приморского края) конкретные реки, горы, народы, алтари, дает сложное переплетение реальности и фантазии, фактических данных, помещенных в вымышленное пространство.

Заключение

Таким образом, немногие черты изображения Северной Евразии на *TP* восходят прямо к эллинистическим образцам; вместе с тем здесь содержится много информации, относящейся к римскому времени, а некоторые прямо имеют своим истоком Агриппу и его карту или «Хорографию». В этом вопросе я разделяю мнение Э. Вебера о карте мира Агриппы как архетипе *TP*[107], которое М. Ратманн решительно отбрасывает[108], рисуя следующую стемму карты (Илл. 21):



Илл. 21.

Певтингерова карта и карта Агриппы в историческом контексте

[107] Weber 1976: 22; Weber 1989: 117; Weber 2012: 215. Кроме Вебера этой точки зрения придерживались Kubitschek 1902: 20–96; Gross 1913: 87; Levi 1967; Bosio 1983 и др.

[108] Он утверждает, “dass man von einer Verbindung von Agrippa-Karte und TP ablassen sollte” (Rathmann 2011–2012: 86).

С этой стеммой можно было бы согласиться, если бы в ней было показано, что «карта Агриппы»[109] и «картография в Риме» оказали большое влияние на содержание *TP* (хотя бы в виде стрелок от этих двух позиций схемы к позиции «Певтингерова карта»).

В целом, имея в виду три[110] недавно выдвинутых гипотезы о времени создания Певтингеровой карты — в эллинистическое время (Ратманн), при Агриппе (Вебер) или во время тетрархии Диоклетиана около 300 г. (Талберт) — мне представляется, что все три гипотезы имеют право на существование. В самом деле, никто не будет оспаривать тот факт, что основы геокартографического отображения ойкумены закладывались именно эллинистическими учеными; затем, спустя 300 лет, став общим для греков и римлян достоянием, они отразились в труде Агриппы, который, вероятно, был переработан и дополнен опять же 300 лет спустя при тетрархах.

Ведь когда Э. Вебер пишет: «То, что карта Агриппы со своей стороны основана на эллинистической картографии, само собой разумеется»[111], то я не вижу особенно большой разницы в оценках его и Ратманна, который, явно противореча сам себе, отмечает, что «скорее всего, карта Агриппы стала, по-видимому, первым римским изображением ойкумены, которое, в свою очередь, восходит к картографической традиции эпохи эллинизма»[112]. Исходя из этого, автор предполагает, что «архетип Певтингеровой карты является не только более поздней версией, но был своего рода образцом для карты Агриппы»[113]!

---

[109] Впрочем, существуют большие сомнения в том, что такая карта существовала, см. Arnaud 2016: 220: “It is… impossible to demonstrate the existence of a map in the portico…” (с литературой).

[110] Существует еще четвертая гипотеза, предполагающая создание *TP* в IX в. н.э. в скриптории Райхенау на Бодензее на юге Германии (Albu 2014); обсуждение этой несколько странной гипотезы не входит в задачи настоящей статьи.

[111] Weber 2016: 250. Это признает и Р. Талберт (Talbert 2010:137).

[112] Ратманн 2015: 109. Ср. также Rathmann 2016b: 20: “Warum sollten also nicht auch die Hersteller derr Agrippakarte für sein imperial-römisches Weltbild auf eine hellenistische Karte zurückgegriffen haben?”

[113] Ратманн 2015: 109.

Я думаю, что если даже *TP* не является репликой карты Агриппы[114], то большое количество географических реалий, ставших известными как раз во времена Агриппы, могло отразиться и отразилось на дальнейшей судьбе и содержании *TP*[115]. Как раз изображение Северной Европы, еще мало знакомое эллинистическим авторам, испытало, как мы видели, большое римское влияние.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алемань 2003 — *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.

Браун 1899 — *Браун Ф.* Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899. Т. 1: Готы и их соседи до V века. Первый период: Готы на Висле.

Габуев 1999 — *Габуев Т.А.* Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ, 1999.

Доватур и др. 1982 — *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М., 1982 (Древнейшие источники по истории народов СССР).

Иордан 1960 — *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. Getica / Вступит. статья, пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. М., 1960.

---

[114] В самом деле, то членение карты мира на 24 региона на карте Агриппы, которое запечатлено в “Divisio orbis terrarium” и “Demensuratio provinciarum”, воспроизводивших, на наш взгляд, содержание карты, довольно плохо сочетается с обозначением провинций и стран на *TP*. К тому же обозначение длины и ширины каждого региона никак не могло быть элементом *TP*, коль скоро ширина гигантски вытягивалась, а высота сжималась на нашем *rotulus*. Ср. Strobel 2016: 198: „Die Darstellung [der Agrippa’s Karte] war keinesfalls… eine direkte Vorlage der *Tabula Peutingeriana*, wie ohne wirklich plausiblen Grund immer wieder vermutet wird“ со ссылкой на труды Э. Вебера.

[115] Ср., однако, Rathmann 2016b: 13–14: “Auch die Informationen über den Norden, also den Raum oberhalb von Rhein, Donau und Schwarzem Meer, passen deutlich besser in die Zeit um 200 v. Chr. als in die Epoche des Augustus. Denn zwischen Rhein und Donau sowie dem nördlichen Ozean findet sich lediglich ein schmaler Streifen, der letztlich nur für die Unkenntnis dieser Region stehen kann, darauf jedoch germanische Stammesnamen aus spätantiken Bearbeitungsstufen”.

Кулаковский 1899 — *Кулаковский Ю.К.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.

Подосинов 1989 — *Подосинов А.В.* Традиции античной географии в «Космографии» Равеннского Анонима // ДГ. 1987 г. / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1989. С. 248–256.

Подосинов 2002 — *Подосинов А.В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарии. М., 2002 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

Подосинов 2005 — *Подосинов А.В.* Античные и раннесредневековые представления о речных путях, соединяющих бассейны Балтийского и Черного морей // ДГ. 2003 г.: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах / Отв. ред. Т.Н. Джаксон. М., 2005. С. 192–208.

Подосинов 2016 — *Подосинов А.В.* К вопросу о времени создания «Певтингеровой карты» // ВДИ. 2016. № 4. С. 938–955.

Пьянков 1997 — *Пьянков И.В.* Средняя Азия в античной географической традиции. Источниковедческий анализ. М., 1997.

Ратманн 2015 — *Ратманн М.* Певтингерова карта: состояние вопроса и перспективы дальнейшего исследования // Аристей: Вестник классической филологии и античной истории. 2015. Вып. XII. С. 98–131.

Сапрыкин 2002 — *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.

Aalto, Pekkanen 1980 — *Aalto P., Pekkanen T.* Latin Sources of North-Eastern Eurasia. Wiesbaden, 1980. Part 2 (Asiatische Forschungen 57).

Albu 2014 — *Albu E.* The Medieval Peutinger Map: Imperial Roman Revival in a German Empire. Cambridge; New York, 2014.

Alemany 2000 — *Alemany A.* Sources on the Alans: A Critical Compilation. Leiden, 2000.

Arnaud 2016 — *Arnaud P.* Marcus Vipsanius Agrippa and his Geographical Work // Brill's Companion to Ancient Geographz / Hrsg. S. Bianchetti, M.R. Cataudella, H.-J. Gehrke. Leiden; Boston 2016. S. 206–222.

Benea 2001 — *Benea D.* Dacia pe Tabula Peutingeriana // In memoriam Dumitru Tudor / Ed. D. Benea. Timişoara, 2001. P. 135–149.

Bosio 1983 — *Bosio L.* La Tabula Peutingeriana. Una descrizione pittorica del mondo antico. Rimini, 1983 (I monumenti dell'arte classica 2).

Burr 1932 — *Burr V.* Nostrum mare. Ursprung und Geschichte der Namen des Mittelmeeres und seiner Teilmeere im Altertum. Stuttgart, 1932.

Chekin 2006 — *Chekin L.* Northern Eurasia in Medieval Cartography. Turnhout, 2006.

Detlefsen 1906 — *Detlefsen D.* Ursprung, Einrichtung und Bedeutung der Erdkarte Agrippas. Berlin, 1906 (QFaGG 13).

Diaconescu 1997 — *Diaconescu Al.* Dacia under Trajan. Some observations on Roman tactics and strategy // Acta Musei Napocensis. 1997. Vol. 34 (1). P. 5–44.

Dietz 1999 — *Dietz K.* Iuthungi // Neue Pauli. 1999. Bd. 6. S. 109.

Dillemann 1997 — *Dillemann L.* La Cosmographie du Ravennate. Bruxelles, 1997 (Latomus. Revue d' études latines 235).

Drinkwater 2007 — *Drinkwater J.F.* The Alamanni and Rome (213–496). Oxford, 2007.

Ernst 1985 — *Ernst R.* Cimmericum mare // Glossar zur frühmittelalterlichen Geschichte im östlichen Europa / Hrsg. J. Ferluga et al. Wiesbaden, 1985. Ser. A. Lateinische Namen bis 900. Bd. III (3). S. 143–145.

Franke 1930 — *Franke A.* Marciana silva // RE. 1930. 28. Hlbd. S. 1504–1505.

Fodorean 2016 — *Fodorean F.-G.* Pannonia, Dacia and Moesia in the Ancient Geographucal Sources. Stuttgart, 2016 (Geographica Historica 34).

Gajdukevič 1971 — *Gajdukevič V.F.* Das Bosporanische Reich. Berlin; Amsterdam, 1971.

Gross 1913 — *Gross H.* Zur Entstehungs-Geschichte der Tabula Peutingeriana. Bonn, 1913.

Geuenich 2005 — *Geuenich D.* Geschichte der Alemannen. 2., überarbeitete Aufl. Stuttgart, 2005.

Herrmann 1919 — *Herrmann A.* Kaspisches Meer // RE. 1919. Bd. X (2). S. 2275–2290.

Ihm 1910 — *Ihm M.* Franci // RE. 1910. Bd. VII, 1. S. 82–87.

Kubitschek 1902 — *Kubitschek W.* Eine römische Straßenkarte // Jahreshefte des Österreichischen archäologischen Instituts. Wien, 1902. Bd. V. S. 20–96.

Levi 1967 — *Levi A., Levi V.* Itineraria picta. Contributo allo studio della Tabula Peutingeriana. Roma, 1967.

Lund 2001 — *Lund A.A.* Die Erfindung Germaniens und die Entdeckung Skandinaviens in Antike und Mittelalter // Ultima Thule. Bilder des Nordens von der Antike bis zur Gegenwart. Frankfurt am Main, 2001. S. 29–45.

Miller 1916 — *Miller K.* Itineraria Romana. Römische Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana. 2. Ausg. Stuttgart, 1916.

Much 1967 — *Much R.* Die Germania des Tacitus. 3. Aufl. Heidelberg, 1967.

Müllenhoff 1892 — *Müllenhoff K.* Deutsche Altertumskunde. Berlin, 1892. Bd. III.

Norden 1923 — *Norden E.* Die germanische Urgeschichte in Tacitus Germania. Leipzig; Berlin, 1923.

Olbrycht 2001 — *Olbrycht M.* Die Aorser, die Oberen Aorsen und die Siraker bei Strabon // Klio. 2001. Vol. 83. S. 425–450.

Olshausen 1980 — *Olshausen E.* Pontos und Rom (63 v. Chr. – 64 n. Chr.) // ANRW. 1980. Bd. II, 7, 2. S. 903–912.

Pekkanen 1979 — *Pekkanen T.* The Pontic civitates in the Periplus of the Anonymus Ravennas // Arctos. Acta philologica Fennica. 1979. Vol. 13. P. 111–128.

Peters 2007 — *Peters M.* Geschichte Frankens. Vom Ausgang der Antike bis zum Ende des Alten Reiches. Gernsbach, 2007.

Petolescu 2000 — *Petolescu C.C.* Dacia şi Imperiul Roman. De la Burebista până la sfârşitul antichităţii. Bucarest, 2000.

Podossinov 1987 — *Podossinov A.V.* Ovids Dichtung als Quelle für die Geschichte des Schwarzmeergebiets. Konstanz, 1987 (XENIA. Konstanzer althistorische Vortrage und Forschungen, 19).

Powell 2015 — *Powell L.* Marcus Agrippa: Right-hand man of Caesar Augustus. Barnsley, 2015.

Prontera 2003 — Tabula Peutingeriana: Le antiche vie del mondo / Ed. F. Prontera. Firenze, 2003.

Răilanu 1977 — *Răilanu C.* Tabula Peutingeriana, şi “Tivisco” — Timoşoara // Revista de istorie. 1977. Vol 30 (2). P. 2228–2251.

Rathmann 2011–2012 — *Rathmann M.* Neue Perspektiven zur *Tabula Peutingeriana* // GEOGRAPHIA ANTIQUA. Rivista di geografia storica del mondo antico e di storia della geografia. 2011–2012. Vol. XX–XXI. P. 83–102.

Rathmann 2013 — *Rathmann M.* The Tabula Peutingeriana in the mirror of ancient cartography. Aspects of a reappraisal // Vermessung der Oikumene / Hrsg. K. Geus, M. Rathmann. Berlin; Boston, 2013. P. 203–222 (Topoi. Berlin Studies of the Ancient World 14)..

Rathmann 2016a — *Rathmann M.* The Tabula Peutingeriana and Antique Cartography // Brill’s Companion to Ancient Geography. The Inhabited World in Greek and Roman Tradition / Hrsg. S. Bianchetti, M.R. Cataudella, H.-J. Gehrke. Leiden; Boston, 2016. P. 337–362.

Rathmann 2016b — *Rathmann M.* Tabula Peutingeriana. Die einzige Weltkarte aus der Antike. Eingeleitet und kommentiert von Michael Rathmann. Darmstadt, 2016.

Rives 1999 — [*Rives J.B.*] Tacitus. Germania. Translated with Introduction and Commentary by J.B. Rives. Oxford, 1999.

Roddaz 1984 — *Roddaz J.-M.* Marcus Agrippa. Roma, 1984.

Rostovtzeff 1919 — *Rostovtzeff M.* Queen Dynamis of Bosporos // The Journal of Hellenic Studies. 1919. Vol. 39. P. 88–109.

Roux 1949 — *Roux R.* Le problème des Argonautes. Paris, 1949.

Saunders 1992 — *Saunders R.T.* Aurelian's Two Iuthungian Wars // Historia. 1992. Vol. 41. P. 311–327.

Schnetz 1951 — *Schnetz J.* Ravennas Anonymus: Cosmographia. Eine Erdbeschreibung um das Jahr 700. Zum ersten mal übersetzt von J. Schnetz. Uppsala, 1951 (Nomina Germanica. Arkiv för germansk namnforskning utgivet av J.Sahlgren, 10).

Schönfeld 1919 — *Schönfeld M.* Iuthungi // RE. 1919. 20. Hlbd. S. 1347–1348.

Schramm 1973 — *Schramm G.* Nordpontische Ströme. Namenphilologische Zugänge zur Frühzeit des europäischen Ostens. Göttingen, 1973.

Steuer 1973 — *Steuer H.* Alemannen // Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Berlin; New York, 1973. S. 137–163.

Strobel 1984 — *Strobel K.* Untersuchungen zu den Dakerkriegen Trajans: Studien zur Geschichte des mittleren und unteren Donauraumes in der hohen Kaiserzeit. Bonn, 1984.

Strobel 2016 — *Strobel K.* Das Bild Dakiens in der antiken Geographie und der Untere Donauraum in der Kartographie des Ptolemaios zwischen Aktualität und Antiquiertheit // Orbis terrarum: Internationale Zeitschrift für historische Geographie der Alten Welt. 2016. Bd. 14. S. 194–228.

Talbert 2010 — *Talbert R.J.A.* Rome's World: The Peutinger Map Reconsidered. New York, 2010.

Theune 2004 — *Theine C.* Germanen und Romanen in der Alamannia. Strukturveränderungen aufgrund der archäologischen Quellen vom 3. bis zum 7. Jahrhundert. Berlin, 2004.

Tomaschek 1893 — *Tomaschek W.* Die alten Thraker. Eine ethnologische Untersuchung. Wien, 1893. Bd. I.

Tomaschek 1894 — *Tomaschek W.* Die alten Thraker. Eine ethnologische Untersuchung. Wien, 1894. Bd. II, 2.

Vasmer 1971 — *Vasmer M.* Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. Berlin, 1971. Bd. I–II.

Weber 1976 — *Weber W.* Tabula Peutingeriana. Codex Vindobonensis 324, vollständige Faksimile-Ausgabe im Originalformat. Graz, 1976.

Weber 1989 — *Weber W.* Zur Datierung der Tabula Peutingeriana // Labor omnium unus. Festschtift G. Walser. Stuttgart; Wiesbaden, 1989. S. 113–117.

Weber 2012 — *Weber W.* Ein neues Buch und das Datierungsproblem der Tabula Peutingeriana // TYCHE. Beiträge zur Alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik. 2012. Bd. 27. S. 209–216.

Weber 2016 — *Weber W.* Die Datierungen des antiken Originals der *Tabula Peutingeriana* // Orbis terrarum: Internationale Zeitschrift für historische Geographie der Alten Welt. 2016. Bd. 14. S. 229–258.

Zeuss 1837 — *Zeuss K.* Die Deutschen und die Nachbarstämme. München, 1837.

Т.Н. Джаксон

«ОН ДАЛ ИМЯ ЭТОЙ ЗЕМЛЕ И НАЗВАЛ ЕЕ ГРЕНЛАНДИЕЙ, И СКАЗАЛ, ЧТО ЛЮДЯМ СКОРЕЕ ЗАХОЧЕТСЯ ТУДА ПОЕХАТЬ, ЕСЛИ У ЗЕМЛИ БУДЕТ ХОРОШЕЕ НАЗВАНИЕ»*

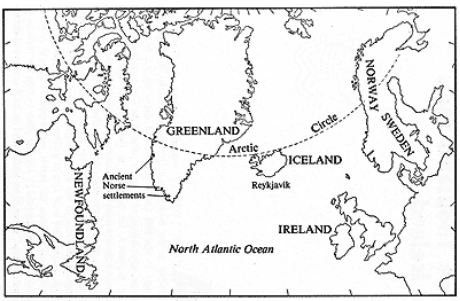
Аннотация: В статье рассматриваются представления о Гренландии, нашедшие отражение в большом числе памятников древнескандинавской письменности. Разделяя мнение исландского исследователя Гисли Сигурдссона, что в сагах мы имеем дело не с непрерывной устной традицией о Гренландии, а с отражением в текстах местных локальных знаний, относящихся к разным периодам времени и имеющих разные источники, автор демонстрирует, что в исландской коллективной памяти всё же имеются два момента, связанных с Гренландией. Во-первых, это представление о том, что остров был открыт Эйриком Торвальдссоном (более известен как Эйрик Рыжий) за четырнадцать или пятнадцать лет до христианизации Исландии. Во-вторых, это географическая идея, связанная с пространственным положением Гренландии на крайнем севере ойкумены: Гренландия видится не островом, а частью Европейского материка, протянувшейся через открытые скандинавами северо-американские земли вплоть до Африки.

Ключевые слова: Гренландия, Адам Бременский, «История Норвегии», Ари Мудрый, исландские саги, географические представления.

Гренландия — крупнейший остров на Земле. Для примера, Великобританию он превосходит по площади в десять раз. Однако из 2 130 800 квадратных километров его площади 1 833 900 (то есть около 80% территории) занимает Гренландский ледяной

* Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 14-18-02121.

щит, расположенный в центре острова и отделенный от окружающих морей прибрежными полосами, сильно изрезанными глубокими и длинными фьордами. Остров вытянулся с юга на север примерно от 59 до 84 градуса северной широты, далеко выходя за северный полярный круг. Восточное побережье острова омывается холодным Восточно-Гренландским течением Северного Ледовитого океана и почти на протяжении всего года блокировано плавучими льдами, приносимыми из его центральной части, а юго-западное побережье — теплыми водами Западно-Гренландского течения Атлантического океана, и потому более доступно с моря. Соответственно, наиболее удобной для жизни всегда была прибрежная полоса юга и юго-запада острова.



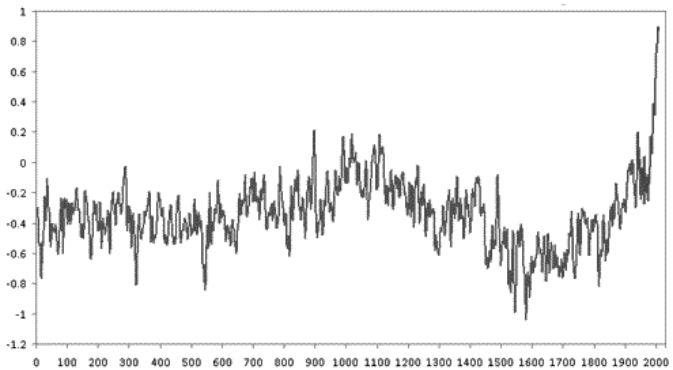
Илл. 1

Гренландия

Согласно древнескандинавским источникам, Гренландия была заселена из Исландии в конце X – начале XI в., что приходится на период малого климатического оптимума. Как полагают исследователи, «в то время температура на побережье Гренландии в июле-августе достигала, по-видимому, около 9° С, в январе -7° С»[1]. В начале XIV в. началось похолодание; так называемый малый ледниковый период достиг своего пика в Гренландии приблизительно в 1420-х годах[2].

---

[1] Борисенков, Пасецкий 1988.
[2] Vikings 2000: 330.



Илл. 2

Температуры Северного полушария, усредненные по 5 лет.
По вертикальной оси — изменения температур (°C),
по горизонтальной — годы н.э.
(по: Moberg et al. 2005)

Возникшая здесь норманнская колония обосновалась на южной части западного побережья острова, а два основных поселения получили названия *Austri bygð* («Более восточное поселение») и *Vestri bygð* («Более западное поселение»), что легко объясняется с точки зрения соотнесенности их географических долгот[3]. Западное поселение к тому же находилось где-то на 500 км севернее восточного, что могло бы привести к именованию поселений «Северным» и «Южным», соответственно. Но этого не случилось, видимо, вследствие подмеченной Э. Барраклау особенности ментальной карты средневековых исландцев, на которой явно прослеживается географическая ось восток-запад, маркирующая движение от знакомой территории к чужой и дикой местности на западе[4]. Эта скандинавская колония просуществовала на Гренландии четыре с половиной столетия[5]. При нынешнем уровне знаний об истории Гренландии разумнее всего

[3] Barraclough 2009: 100 (“in terms of their relative longitudinal locations”).

[4] Barraclough 2009: 100 (“an east-to-west geographical axis emerges, moving from cultural familiarity to exotic western wildernesses”).

[5] В англоязычной литературе ее именуют “Norse Greenland”.

предположить, что гренландские колонии вымерли не по какой-то одной причине, а в силу целого комплекса обстоятельств. Среди них можно назвать, как минимум, удаленность и изоляцию Гренландии от Европы, безразличие скандинавских стран к судьбе гренландской колонии, упадок торговли, прекращение притока свежей крови в гренландские поселения, значительное похолодание и, наконец, расселение в Гренландии эскимосов. Тайна ее исчезновения по-прежнему волнует исследователей, и поток научной литературы не иссякает[6]. Наряду с разработкой новых методов геологии, биологии, палеоклиматологического анализа, с расширением археологической базы, не прекращается обращение исследователей к давно известному в науке кругу скандинавских письменных памятников[7] с целью получить от них ответы на совершенно иной, чем в предыдущие века, круг вопросов.

Самым ранним древнеисландским источником, сообщающим об открытии и заселении Гренландии, является «Книга об исландцах» (*Íslendingabók*) священника Ари Торгильссона Мудрого, написанная им на родном языке между 1122 и 1133 годами. Подробнее об этом повествуют «Книга о занятии земли» (*Landnámabók*, около 1275–1280 гг.) и так называемые «винландские саги» начала XIII в. — «Сага об Эйрике Рыжем» (*Eiríks saga rauða*) и «Сага о гренландцах» (*Grœnlendinga saga*). Достаточно много говорит о Гренландии «Сага о названых братьях» (*Fóstbræðra saga*, вскоре после 1200 г.). Есть информация и еще в ряде родовых саг и прядей: «Пряди об Аудуне с Западных Фьордов» (*Auðunar þáttr vestfirska*, начало XIII в.), «Саге о людях с Песчаного Берега» (*Eyrbyggja saga*, первая половина XIII в.), «Саге о людях из Флои» (*Flóamanna saga*, около 1300 г.), «Саге о Барде, асе со Снежной Горы» (*Bárðar saga Snæfellsáss*, начало XIV в.), «Саге о Реве Плуте» (*Króka-Refs saga*, 1350–1400 гг.), «Пряди о гренландцах» (*Grœnlendinga þáttr*, XIV в.), «Пряди о Йокуле, сыне Буи» (*Jökuls*

---

[6] См. избранные работы за последние двадцать лет: Barlow et al. 1997; Orri Vésteinsson et al. 2002; Slack 2002; Moberg et al. 2005; Dugmore et al. 2007; Perdikaris, McGovern 2008; Norse Greenland 2009; Dugmore et al. 2013; Hartman 2017 (с весьма внушительной библиографией).

[7] Grönlands historiske Mindesmærker 1845.

þáttr Búasonar, конец XIV или XV в.), «Саге о Гуннаре Дурне с Болотной Вершины» (*Gunnars saga Keldugnúpsfífls*, XV в.). О крещении Гренландии знает не назвавший своего имени скальд XII в., автор «Драпы об Олаве Трюггвасоне» (*Óláfs drápa Tryggvasonar*)[8]. Королевские саги XIII в. — «Сага об Олаве Трюггвасоне» и «Сага о Хаконе Хаконарсоне» — касаются Гренландии, соответственно, в связи с ее крещением и присоединением к Норвегии. Хорошим и многосторонним знанием о Гренландии обладает автор «Королевского зерцала» (*Konungs skuggsjá*, или *Speculum regale*), философско-дидактического сочинения, написанного в Норвегии около 1250 г. в качестве поучения для сына короля Хакона Хаконарсона. Около пятидесяти раз — на отрезке времени с 976 по 1410 г. — упоминается Гренландия в исландских анналах.

Помимо выяснения конкретных исторических подробностей открытия, заселения и христианизации Гренландии, топографии и топонимии острова, помимо установления образа жизни и экономики поселенцев на острове и тех трудностей, с которыми столкнулись в определенный момент его обитатели[9], современные саговеды исследуют (в меру предоставляемых источниками возможностей) проблемы историко-антропологического круга — какой виделась Гренландия составителям саг и их исландской аудитории, какое место занимала Гренландия на ментальной карте средневековых исландцев, как они осмысляли плавание в западном направлении, какими каналами поступала информация о Гренландии в Исландию и как формировались сведения об этом острове, проникавшие в саги[10]. Гисли Сигурдссон, задавшись вопросом о том, была ли Гренландия частью общей культурной памяти людей, как, скажем, Британские острова, или информация о ней приходила вместе с купцами и мореплавателями, заключает, что каждая сага отражала индивидуальный опыт посещения различных мест на этом острове и никакой коллективной памяти о Гренландии не существовало, поскольку остров оставался в пределах досягаемости, когда создавались практиче-

---

[8] Heslop 2012: 1044.

[9] См., например: Finnur Jónsson 1898; Ólafur Halldórsson 1978; Örnólfur Thórsson 1990.

[10] Barraclough 2009; Grove 2009; Gísli Sigurðsson 2011; Barraclough 2012.

ски все (кроме самых поздних) тексты[11]. Полностью соглашаясь с Гисли, что мы имеем дело не с непрерывной устной традицией о Гренландии, как полагает Дж. Гроув, а с отражением в текстах местных локальных знаний, относящихся к разным отрезкам времени, я все же склонна считать, что в исландской коллективной памяти имеются (как исключение) два момента, связанных с Гренландией. Это — представление о том, что остров был открыт Эйриком Торвальдссоном (более известен, как Эйрик Рыжий) за четырнадцать или пятнадцать лет до христианизации Исландии, и географическая идея, связанная с пространственным положением этой земли на крайнем севере ойкумены, о чем и пойдет далее речь в статье.

Открытие Гренландии

«Книга об исландцах» Ари Мудрого, представляющая собой краткую историю Исландии со времени ее заселения около 870 г. до 1120 г., включает в себя небольшую главку «О заселении Гренландии». Приведем ее полностью и отметим, что именно из нее взяты (выделенные курсивом) слова в заглавие данной статьи:

> Та земля, что зовется Гренландией, была открыта и заселена из Исландии. Эйриком Рыжим звали человека из Брейдафьорда, который отправился туда из Исландии и взял землю там, где с тех пор зовется Эйриксфьорд. *Он дал имя этой земле и назвал ее Гренландией (*то есть Зеленой Землей. — *Т. Д.), и сказал, что людям скорее захочется туда поехать, если у земли будет хорошее название*. Они нашли следы жилья и на востоке, и на западе земли, а также обломки лодок и каменные орудия, из чего можно заключить, что там проплывали люди из того народа, который заселил Винланд и который гренландцы называли скрелингами. А было то, что он поселился в этой земле, на четырнадцать или пятнадцать зим раньше того, как сюда в Исландию пришло христианство, потому что так рассказывал Торкелю, сыну Геллира, в Гренландии тот, кто сам последовал из Исландии за Эйриком Рыжим[12].

---

[11] Gísli Sigurðsson 2011.

[12] Íslendingabók 1969: 13–14: “Land þat, es kallat es Grœnland, fannsk ok byggðisk af Íslandi. Eiríkr enn rauði hét maðr breiðfirzkr, es fór út heðan þangat

Ари Мудрый записывает эти сведения менее чем через 30 лет после того, как все произошло. Он называет своего информатора: это его родственник, точнее — родной дядя (брат его отца) Торкель, сын Геллира, получивший информацию в Гренландии от непосредственного очевидца и попутчика Эйрика Рыжего, то есть от участника описанных событий. Такого рода информация представляется весьма достойной внимания. Несколько смущает отсутствие имени того человека, который якобы обо всем поведал Торкелю, но, может быть, оно было вытеснено из исторической памяти контекстуальным соседством в рассказе двух имен — этого безымянного соратника и самого Эйрика Рыжего, — дабы «не затмевать» первенства последнего.

Видимо, Эйрик не был первым исландцем, открывшим Гренландию. Надо сказать, что исландцы долго оставались народом мореплавателей и продолжали исследовать водные пространства и открывать новые земли. Гренландия находилась в пределах досягаемости, и рано или поздно какой-нибудь мореплаватель, направившийся на запад от Исландии, должен был попасть на этот гигантский остров. Считается, что первым увидел этот остров Гуннбьёрн, сын Ульва Вороны. «Книга о занятии земли» сообщает, что, когда объявленный вне закона за несколько убийств в Норвегии и Исландии Эйрик Рыжий отправлялся в плавание, он сказал своим товарищам, что собирается искать землю, которую видел Гуннбьёрн, когда его унесло на запад от Исландии и он нашел Гуннбьёрновы шхеры[13]. Ивар Бардарсон, составивший в середине XIV в. описание Гренландии, сообщает, что эти острова лежат на полпути между Исландией и Гренландией[14], но современные исследователи соотносят их с небольши-

---

ok nam þar land, es síðan es kallaðr Eiríksfjǫrðr. Hann gaf nafn landinu ok kallaði Grœnland ok kvað menn þat mundu fýsa þangat farar, at landit ætti nafn gótt. Þeir fundu þar manna vistir bæði austr ok vestr á landi ok keiplabrot ok steinsmíði þat es af því má skilja, at þar hafði þess konar þjóð farit, es Vínland hefir byggt ok Grœnlendingar kalla Skrælinga. En þat vas, es hann tók byggva landit, fjórtán vetrum eða fimmtán fyrr en kristni kvæmi hér á Ísland, at því es sá talði fyrir Þorkeli Gellissyni á Grœnlandi, es sjalfr fylgði Eiríki enum rauða út".

13 Landnámabók 1969: 131 ("hann ætlaði at leita lands þess, er Gunnbjǫrn son Úlfs kráku sá, er hann rak vestr um Ísland, þá er hann fann Gunnbjarnarsker").

14 Ivar Baardsön 1845: 259 ("Gunbjernerschier rett paa Mittveyen emellum Grönland och Island").

ми островками, расположенными к востоку от Ангмагссалика. Информацию о Гуннбьёрне заимствуют из «Книги о занятии земли» две саги — «Саге об Эйрике Рыжем» и «Саге о гренландцах».

Илл. 3.

Памятник Эйрику Рыжему в Кассиарсуке на Гренландии, в том месте, где находилось его поместье Братталид (https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/eric-the-red)

И хотя Олавур Халлдорссон приводит аргументы, согласно которым Гренландия была заселена позднее, чем это утверждает Ари[15], эту дату мы обнаруживаем практически во всех исландских анналах: «986. Эйрик Рыжий поселился на Гренландии» (впрочем, чаще в безличной фразе «Заселение Гренландии» без упоминания Эйрика)[16]. Снорри Стурлусон в «Круге земном» называет Лейва Счастливого «сыном Эйрика Рыжего, который первым поселился на Гренландии»[17]. «Сага о людях с Песчаного Берега» знает об объявлении Эйрика вне закона, о его плавании,

[15] Ólafur Halldórsson 1981: 204–205.

[16] Islandske annaler 1888: 104 (“Eirikr rávði byggði Grönlannd”, то же: с. 464); ср. 16: “Byggving Grenlandz” (то же: с. 48, 178, 249, 315).

[17] Hkr 1941: 334 (“Leifr, sonr Eiríks rauða, þess er fyrstr byggði Grœnland”).

в котором он открыл Гренландию, знает, что он провел там три года, затем вернулся в Исландию и провел там одну зиму, прежде чем отправился обживать Гренландию, и было это четырнадцатью годами раньше, чем христианство было принято в Исландии[18]. «Сага о людях из Флои» упоминает Эйрика, называя его и первооткрывателем, и первопоселенцем Гренландии[19]. Знает его в этом качестве и «Сага о Барде, асе со Снежной Горы»[20]. На мой взгляд, такая распространенность означенной информации позволяет утверждать о ее принадлежности коллективной памяти.

Гренландия между Европой и Африкой

Известно, что впервые Гренландия упоминается в булле папы римского Льва IX от 6 января 1053 г., адресованной гамбург-бременскому архиепископу Адальберту (1043–1072) и содержащей назначение архиепископа папским легатом на север Европы — «среди всех народов шведов, датчан, норвежцев, исландцев, скридефинов, гренландцев и всех северных народов, а также северной части славян» (“in omnibus gentibus Sueonum seu Danorum, Noruuechorum, Islant, Scrideuuinnum, Gronlant et uniuersarum septentrionalium nationum nec non eciam in illis partibus Sclauorum”)[21].

Близкий Адальберту хронист Адам Бременский писал в 1070-х гг. в «Деяниях архиепископов Гамбургской церкви» (*Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum*), что «его заслугами скромный городок Бремен прославился, подобно Риму, [и в него] стали с благочестивыми намерениями стекаться [люди] со всех краев земли, больше [же всего] ото всех северных народов. Самыми далекими из них были исландцы, гренландцы и посланники с Оркад; они просили, чтобы [архиепископ] отправил в их

[18] Eyrbyggja saga 1946: k. 24 (“Í þeiri ferð fann Eiríkr rauði Grænland ok var þar þrjá vetr ok fór síðan til Íslands ok var þar einn vetr, áðr hann fór at byggja Grænland. En þat var fjórtán vetrum fyrir kristni lögtekna á Íslandi”).

[19] Flóamanna saga 1946: k. 15 (“Þá var og með Hákoni jarli Eiríkur rauði, íslenskur maður, er síðan fann og byggði Grænland”).

[20] Bárðar saga 1946: k. 5 (“Þá bjó í Brattahlíð Eiríkr rauði Þorvaldsson... Þá hafði Eiríkr einum vetri áðr byggt Grænland”).

[21] Diplomatarium Islandicum 1857–76. No. 18.

страны проповедников, что он и сделал»[22]. Надо думать, Адаму было кое-что известно о Гренландии от его покровителя. Кроме того, Адам имел беседы относительно северных регионов со «сведущим королем данов» (Adam IV.21) Свеном Эстридсеном (1047–1076), с которым он встречался лично во время поездки в Данию. Адам дважды упоминает Гренландию, причем в таком контексте, который дает возможность составить представление о его взглядах на ее географическое положение.

Описывая в IV.10 «Западный океан», «тот, что римские [писатели] называют Британским» (а мы сегодня назвали бы Северным морем и северной Атлантикой), Адам утверждает, что на западе он омывает Британию, на юге Фризию и часть Саксонии, а на востоке Данию. Также к востоку от него лежат «устье Балтийского моря» и те области «норманнов, которые обитают за Данией».

> На севере же этот океан омывает Оркадские острова, [а] дальше (то есть в северном направлении. — *Т. Д.*) окружает земной мир бескрайними просторами, [так что] в левой его части расположена родина скотов Хиберния, которую ныне именуют Ирландией, [а] справа [лежат] утесы Норманнии, дальше же (то есть еще севернее. — *Т. Д.*) — [находятся] острова Исландия и Гренландия. Там начинается океан, называемый Сумрачным[23].

---

[22] Adam III.24: “…parvula Brema ex illius virtute instar Romae divulgata ab omnibus terrarum partibus devote peteretur, maxime ab omnibus aquilonis populis. Inter quos extremi venerant Islani, Gronlani et Orchadum legati, petentes, ut praedicatores illuc dirigeret; quod et fecit” (перевод: Рыбаков 2012: 386–387). Любопытно, что практически дословно Адам повторяет этот же пассаж в III.73: “…parvula Brema ex illius magnitudine instar Romae divulgata ab omnibus terrarum partibus catervatim peteretur, maxime a septentrionalibus populis. Inter quos extremi venerant Islani, Gronlani Gothorumque et Orchadum legati, petentes, ut illuc praedicatores dirigeret; quod et statim fecit” (перевод: Рыбаков 2012: 386–387).

[23] Adam IV.10: “A solis ortu habet Danos ostiumque Baltici maris et Nordmannos, qui ultra Daniam consistent. Ab aquilone vero idem occeanus insulas preterlabitur Orchadas, deinde infinitis orbem terrae spaciis ambit, sinistrorsum habens Hyberniam, Scothorum patriam, quae nunc Irland dicitur, dextrorsum vero scopulos Nortmanniae, ulterius autem insulas Island, Gronland. Ibi terminat occeanus, qui dicitur caligans” (перевод: Рыбаков 2012: 426).

В этом фрагменте Исландия и Гренландия — как и на современной карте — помещаются севернее Ирландии и побережья Норвегии, на границе Атлантического и Северного Ледовитого («Западного» и «Сумрачного») океанов. Единственное прямое указание на знакомство автора с римской традицией — это именование Атлантического океана «Британским», а вся остальная географическая информация в целом современна хронисту. Правда, для понимания того, что Гренландия — остров, географических знаний в ту пору не хватало, и мы должны согласиться с Л.С. Чекиным, что «островное положение Гренландии у Адама — результат его чисто теоретических предпосылок», его стремления вписать «результаты скандинавского опыта в структуру эсхатологической географии западноевропейского средневековья»[24].

Местоположение Исландии и Гренландии намечено схематично, но в основном верно. Однако ниже в той же книге — после базирующегося на античных и раннесредневековых свидетельствах пространного описания «острова Фула», который «теперь называется Исландией» и который «бесконечно отнесен от прочих [и] расположен далеко в середине океана» (IV.36), — Адам сообщает следующее:

> В океане есть также много других островов, среди которых немалый [остров] Гренландия, лежащий еще глубже в океане против гор Сведии, или Рифейских хребтов. Говорят, что от берегов Норманнии до этого острова, как и до Исландии, идти под парусами V или VII дней. Люди там под действием моря зеленые, отсюда и получила имя эта страна. Они ведут такую же жизнь, как исландцы, за исключением того, что отличаются большей жестокостью и угрожают проплывающим пиратским разбоем. Сообщают, что недавно к ним тоже пришло христианство[25].

---

[24] Чекин 2002. С. 41.

[25] Adam IV.37: “Sunt autem plures aliae in oceano insulae, quarum non minima [est] Gronland, profundius in oceano sita contra montes Suediae vel Riphea iuga. Ad quam ferunt insulam a littore Nortmannorum vela pandi V aut VII diebus, quemadmodum ad Island. Homines ibi a salo cerulei, unde et regio illa nomen accepit. Qui similem Islanis vitam agunt, excepto quod crudeliores sunt raptuque pyratico remigantibus infesti. Ad eos etiam sermo est nuper christianitatem pervolasse” (перевод: Рыбаков 2012: 444).

Адам преподносит читателю компиляцию из того, что король данов на основании личного опыта поведал ему про Свеонию и Норманнию («две обширнейших северных страны, в мире нашем до сих пор почти неизвестные»), и того, что он почерпнул из «древних авторов», в частности Солина и Орозия.[26] Описанная здесь картина уже другая: Исландия и Гренландия равно удалены от Норвегии, и если первый остров расположен «далеко в середине океана», то второй лежит напротив… гор Швеции или Рифейских хребтов.

Естественно возникает вопрос о том, как в сознании Адама Бременского Рифейские горы соединились со *Suedia* (Швецией). В.В. Рыбаков посвятил специальное исследование собственным именам «Швеция» и «шведы» у Адама и выяснил, что *Sueonia* и *Suedia* — это два варианта наименования Швеции: «заимствованное из книжной традиции» (в частности, из «Жития св. Ансгария» Римберта) и «известное ему по устному употреблению»[27]. Автор установил известную логику в употреблении хронистом того или иного варианта топонима, но выделил как особый именно интересующий нас случай. Он предположил, «что в языке Адама или его информаторов наличествовало некое устойчивое сочетание (слово-композит) для обозначения гор на территории Швеции», переводя которое на латинский язык, он «быстрее вспоминал именно те формы, корень которых был похож на соответствующий корень в его собственном языке»[28]. Из этого, однако, не следует ответа на интересующий нас вопрос, и мне представляется целесообразным взглянуть на выражение “Suediae montes vel Riphea iuga”, учитывая не только информаторов-современников Адама, но и его книжные познания.

В другом месте Адам сам демонстрирует, чт*о* стало основой для его умозаключений: «О Свеонии также пишут древние авторы Солин и Орозий. Они сообщают, что большую часть Германии занимают свевы, а ее нагорья тянутся вплоть до

[26] Рыбаков 2012: 432.
[27] Рыбаков 2008: 168.
[28] Рыбаков 2008: 172, 179.

Рифейских гор»[29]. Солин, правда, не знает свевов: как отметил издатель хроники Б. Шмайдлер[30], Адам, скорее всего, неверно истолковал слова Солина о столь же гигантской, как Рифеи, горе Сево, с которой начинается Германия[31]. Впрочем, как пояснял в VII в. Исидор Севильский, «считается, что свевы названы от горы Свевус, которая ограничивает с востока Германию, территорию которой они населяют»[32]. И хотя античные географы называли эту легендарную гору *Saevo* и сравнивали ее по размерам с Рифеями, со времен Исидора ее имя соединилось с этнонимом *suebi/suevi*, в результате чего и гора стала обозначаться как *mons Suevus* («Свевская гора»). В такой форме она обнаруживается на псалтырной карте Вестминстерского аббатства (вторая половина XIII в.), помещенная на северо-западном побережье океана по соседству с Рифейскими горами, и на Херефордской карте (около 1290 г.)[33]. Что касается Орозия, то он, действительно, пишет о Германии и свевах, но не соединяет их непосредственно с Рифейскими горами — они лишь соседствуют в его описании Европы[34]. И наконец, *свевы* и *Свеония* — это далеко не одно и то же. Однако, как выявил Л.С. Чекин, в средние века имя земли древних свевов, *Suevia* (Швабия), стало порой прочитываться как обозначение Швеции[35], *Suevia* и *Sueonia* тем самым стали восприниматься как синонимы, а, соответственно, Адам как бы и не ошибся, посчитав, что и Солин и Орозий имели в виду Швецию. Итак, при помощи фигурирующих в одной фразе у Солина и сравниваемых им горы Сево и Рифеев, а также упоминающихся у Орозия в одном абзаце, содержащем описание Европы, Рифейских гор и свевов Адам выстраивает с древнейших времен

---

[29] Adam IV.21: “De Sueonia vero non tacent antiqui auctores, Solinus et Orosius, qui dicunt, plurimam partem Germaniae Suevos tenere necnon montana eius usque ad Ripheos montes extendi” (перевод: Рыбаков 2012: 432).

[30] Adam 1917: 250, n. 3.

[31] Solin. XX.1: “*Mons Saeuo* ipse ingens nec *Riphaeis* minor collibus initium Germaniae facit”.

[32] Isidor. IX.2.98: « Dicti autem *Suevi* putantur a *monte Suevo*, qui ab ortu initium Germaniae facit, cuius loca incoluerunt » (перевод А.В. Подосинова).

[33] Чекин 1999: 131/132, 155/157.

[34] Orosius I.2.52–53 (перевод — Орозий 2001: 149–150) .

[35] Чекин 1999: 223.

привычный для географической науки образ Рифейских гор, замыкающих на крайнем севере (где-то за Свеонией и Норманнией) ойкумену. А поскольку, в его представлении нагорья Германии, где обитают свевы (или, как он думает, Свеония), «тянутся вплоть до Рифейских гор», то он и остров Гренландию помещает «в океане против гор Сведии, или *Рифейских хребтов*».

Как видим, хорошо знакомый с трудами античных авторов, сформировавшими многие его географические образы и представления, Адам соединил в своей хронике знание древнее и современное. Вместе с тем существует мнение, что внесенной им в вопрос о Гренландии «изрядной путанице» «суждено было оставить свой след в картографии: «именно эти два несовместимых утверждения Адама» (в IV.10, где Гренландии определенно отводится место где-то далеко в океане, и в IV.37, где Адам связывает ее с «горами Сведи, или Рифейскими хребтами») «привели в период позднего средневековья к мысли, что Гренландия — это полуостров Европы или район, связанный с Европой длинным мостом суши»[36]. Иное мнение сводится к тому, что представление о Гренландии как о полуострове, отходящем в западном направлении от крайнего севера Евразии, восходит «в своей основе к скандинавским первооткрывателям Гренландии»[37].

Не все тексты из сочинений древнескандинавской письменности, повествующие о Гренландии, фиксируют свое внимание на ее положении в пространстве, а только те, авторы которых смотрят на нее как бы извне, оценивающим взглядом.

Прежде всего, это латиноязычная хроника «История Норвегии» (*Historia Norwegie*, третья четверть XII в.), анонимный автор которой в качестве основного источника, как установлено, использовал труд Адама Бременского[38]. В характеристику географического положения Норвегии и ее северо-восточной оконечности включен небезынтересный рассказ о каких-то мореплавателях, записанный, как дает понять автор, с их собственных слов:

---

[36] Ramsey 1972; русский перевод: Рамсей 1982: 203.
[37] Чекин 2002: 41.
[38] Ellehøj 1965; Mortensen 2003.

> Окруженная с запада и севера волнами океана, [Норвегия] имеет с юга Дакию и Балтийское море, с востока же Светию, Гаутонию, Ангарию, Ямтонию. Эти земли — слава Богу — населяют нынче христианские народы. К северу же за Норвегией с восточной стороны простираются многочисленные племена, преданные — о ужас! — язычеству, а именно: кирьялы и квены, рогатые финны, и те и другие бьярмоны. Какие же племена обитают за этими, мы точно не знаем. Однако когда какие-то мореплаватели вознамерились проплыть от Ледяного Острова к Норвегии и встречными бурями были отброшены в зимнюю область, они прибились к берегу между вириденами и бьярмонами. Там, по их свидетельству, обретались люди удивительной величины и Земля Дев (которые, как говорят, зачинают, выпив воды). От них же Зеленая Земля отделяется скалами, покрытыми льдом. Эта страна, открытая и заселенная тиленами и укрепленная католической верой, является западной границей Европы и почти доходит до Африканских островов, где вторгаются океанские приливы[39].

Итак, на северо-восток от Норвегии проживают многочисленные языческие народы, и в частности «бьярмоны» (*Biarmones*). Ничто не мешает видеть в них «беормов» (*Beormas*) норвежского путешественника конца IX в. Охтхере, поведавшего о своих странствиях англо-саксонскому королю Альфреду, и «бьярмийцев» (*Bjarmar*) скальдических стихов и большого числа исландских саг, а значит, жителей Беломорья[40].

---

[39] HN I. 5–11: “Circumsepta quidem ex occasu et aquilone refluentis Occeani, a meredie uero Daciam et Balticum Mare habet, sed de sole Swethiam, Gautoniam, Angariam, Iamtoniam. Quas nunc partes — Deo gratias — gentes colunt christiane. Versus uero septemtrionem gentes perplures paganismo — proh dolor — inseruientes trans Norwegiam ab oriente extenduntur, scilicet Kyriali et Kweni, Cornuti Finni ac utrique Biarmones. Sed que gentes post istos habitent, nihil certum habemus. Quidam tamen naute cum de Glaciali Insula ad Norwegiam remeare studuissent et a contrariis uentorum turbinibus in brumalem plagam propulsi, inter Viridenses et Biarmones tandem applicuerunt, ubi homines mire magnitudinis et Virginum Terram (que gustu aque concipere dicuntur) se reperisse protestati sunt. Ab istis uero Viridis Terra congelatis scopulis dirimitur. Que patria a Telensibus reperta et inhabitata ac fide catholica roborata terminus est ad occasum Europe, fere contingens Affricanas insulas, ubi inundant occeani refluenta” (P. 52, 54; перевод А.В. Подосинова).

[40] См.: Jackson 2002.

Мореплаватели, о которых ведется рассказ, направлялись в Норвегию от «Ледяного острова» (*Glaciali Insula*). Надо думать, аноним решил не транслитерировать, а перевести на латынь древнеисландский топоним *Ísland* («Ледяная земля»). Речь идет о достаточно часто используемом маршруте от Исландии до Норвегии. Впрочем, и на нем порой случались ветра и бури, и путешественников могло принести к каким-то совсем неожиданным берегам. В данном случае их прибило в страну великанов и амазонок, лежащую между Беломорьем и «вириденами» (*Viridenses*), то есть зелеными людьми. Ясно, что речь идет о жителях Гренландии — неясно только, имеем ли мы вновь дело с переводом (ведь ниже автор хроники вместо *Grœnland* употребит *Viridis Terra*, «Зеленая земля»), либо с аллюзией на характеристику гренландцев у Адама Бременского (см. выше). Далее автор сообщает, что от названных выше диковинных стран «Зеленая Земля» (Гренландия), открытая «тиленами» (*a Telensibus* — жителями Туле/Тиле, то есть исландцами)[41], отделяется покрытыми льдом скалами. Не остается никаких сомнений, что, в глазах анонимного норвежского автора, Гренландия представляет собой сильно вытянутую откуда-то из района Кольского полуострова (попытки уточнения локализации совершенно бессмысленны) часть материка, которая доходит «до Африканских островов».

То же представление о Гренландии как о «мосте суши», соединяющем то, что мы сегодня называем Северной Европой и Северной Америкой, отразилось в трех исландских географических сочинениях — «Описании Земли I» последней четверти XII в. (пергаменные рукописи AM 736 I 4°, около 1300–1325 гг., и AM 194 8°, 1387 г.) созданном не ранее середины XIII в. «Описании Земли II» (пергамен AM 764 4°, 1360–1380 гг.) и составленной не позднее XIV в. небольшой заметке «Грипла» (бумажные списки AM 208 и AM 115, XVII в.)[42]. Автор первого трактата, рассказав о Норвегии с ее границами, главными городами и местами упокоения святых, упомянув области

---

[41] См.: Джаксон 2003.

[42] Условные названия первых двух трактатов принадлежат Е.А. Мельниковой. См. о них и их датировках, в частности: Мельникова 1986: 72–84, 84–92, 157–160.

Швеции и назвав крупнейшие острова Дании с их столицами и святыми местами, помещает вот такой текст:

> Ближайшая к Данмарку — Малая Свитьод, затем лежит Эйланд, затем Готланд, затем Хельсингаланд, затем Вермаланд, затем два Квенланда, и расположены они к северу от Бьярмаланда. От Бьярмаланда тянутся через северную область незаселенные земли, пока не дойдут до Гренланда. К югу от Гренланда лежит Хеллуланд, затем Маркланд, там недалеко до Винланда Доброго, который, как полагают некоторые люди, тянется от Африки, и если это так, то вход из внешнего моря должен находиться между Винландом и Маркландом. Говорят, что Торфидр Карлсефни срубил резную мачту и отправился затем искать Винланд Добрый, и приплыл туда, где они думали та земля находится, и нечего там было обследовать, не нашли они никаких преимуществ той земли. Винланд первым обнаружил Лейв Счастливый, и тогда встретил он в море купцов в бедственном положении, и спас им жизнь из божьего милосердия. И принес он христианство на Гренланд, и так оно там привилось (букв.: выросло), что было основано епископство там, где зовется в Гардах»[43].

Дания (упомянутая в этом описании Европы уже третий раз) выступает как отправная точка, далее следуют неизвестная другим источникам Малая Свитьод, два острова в Балтийском море, две области Швеции (одна прибрежная, другая внутренняя), «два Квенланда» (этнонимом «квены» обозначались в средневековых источниках финны северной оконечности Ботнического залива), и завершается этот странный перечень утверждением, что лежат «они» (надо понимать, «два Квенланда») к северу от (весьма размыто локализуемого в Беломорье) Бьярмаланда. Но при этом

---

[43] Alfræði Íslenzk 1908: 12: “Nêst Danmork er Suidiod en [minn]i, þa er Ey-land, þa er Got-land, þa Helsing[a-land], þa Vermaland, þa K[v]enlond ii, ok ero þau [no]rdr fra Biarmalandi. [Af] Biarmalandi ganga lond óbygd of nordr-êtt, unz vidtekr Grenland. Sudr fra Grenlandi er Hellu-land, þa er Markland, þ[a] er eigi langt til Vinlandz ens goda, er sumir menn êtla at g[an]gi af Affrika, ok ef sva er, þa er úthaf innfallanda á milli Vinlandz ok Marklandz. Þat er sagt, ath Þorfidr karls-efni hioꝺi husa-snotro tre ok fêri sidan ath leita Vinlandz ens goda ok kiêmi þar er þeir êtludu þat land ok nadu eigi ath kanna ok eingum landz-kostum. Leifr hinn hepni fann fystr Vinland, ok þa fann hann kaupmenn i hafinu illa stadda ok gaf þeim lif med guds miskunn. Ok hann kom kristni ꝑa Grenland, ok ox þar sva, ath þar var byskups-stoll settr, þar er i Gôrdum heitir”.

от того же Бьярмаланда через опять же «северную область» (*norðr-átt*) тянутся незаселенные земли вплоть до Гренландии. Сумбур в последовательности описания земель, ведущих в сторону Гренландии, выдает, как мне кажется, неуверенность автора в расположении начального отрезка этого «моста суши». Перечислив примыкающие к Гренландии три земли, открытые викингами на североамериканском континенте (Хеллуланд, Маркланд, Винланд), он со ссылкой на чужое мнение («как полагают некоторые люди») указывает, что третья из этих земель «тянется от Африки», и это отсылает нас к утверждению «Истории Норвегии», что Гренландия «почти доходит до Африканских островов». Автор географического трактата весьма непосредственно присовокупляет к этому свое личное рассуждение («и если это так, то…») относительно того, где же в таком случае имеется разрыв в суше и выход во внешний океан. Рассказ об открытии Винланда начинается с распространенной в древнеисландских текстах ссылки на устную традицию — формулы *svá er sagt* (букв.: «так говорится»). При этом автор ошибочно называет Торфинна Карлсевни Торфидром, «отправляет» его на поиски Винланда раньше, чем тот был открыт Лейвом Счастливым, а его рассказ о том, как Лейв спас в море купцов, потерпевших кораблекрушение, и принес христианство в Гренландию, перекликается с тем, что пишет несколькими десятилетиями позднее Снорри Стурлусон в гл. 96 «Саги об Олаве Трюггвасоне» в «Круге земном»[44]. Все это в совокупности, как кажется, указывает на устный источник информации.

Автор второго трактата дословно копирует весь этот фрагмент из «Описания Земли I» за исключением первой (географически нелогичной) фразы. Вместо нее читаем: «К северу от Норвегии лежит Финнмарк; оттуда земля поворачивает на северо-восток, пока не доходит до Бьярмаланда»[45]. Далее, впрочем, все следует без изменений.

В третьем тексте содержится большое число деталей, выдающих его позднее происхождение, — упоминание епископства, основанного в Гардаре в 1126 г., находившейся там церкви

---

[44] Hkr 1941: 347.

[45] Antiquités russes 1852: 445 (“Fyrir norðan Noregh er Finnmörk; þaðan víkr landinu til lannorþrs, áðr komi til Bjarmalands”).

св. Николая, указание на количество церквей в двух (более восточном и более западном) поселениях. Пространственные представления, отразившиеся здесь, — те же, но более детализированные:

> На север от Бьярмаланда лежат незаселенные земли вплоть до той, которая зовется Гренландией… Но там начинаются бухты, и земля поворачивает на юго-запад, там есть ледники и фьорды, острова лежат в море перед ледниками; у одного ледника ничего не обследовано, до другого полмесяца пути, до третьего неделя пути; он ближе всего к поселению; там называется Хвитсерк: там земля поворачивает к северу; и тот, кто не хочет пропустить жилые места, пусть направляется на юго-запад. Гардами называется епископство в заливе на Эйриксфьорде; там есть церковь, посвященная св. Николаю; на Гренланде есть 12 церквей в более восточном поселении и четыре в более западном поселении. Теперь надо сказать, какие [земли] идут навстречу Гренланду от тех бухт, которые были упомянуты раньше; Фурдустрандир называется земля, там такой сильный мороз, что она необитаема, как известно людям; к югу оттуда находится Хеллуланд, который зовется Скрэлингьяланд; там недалеко до Винланда Доброго, который, как полагают некоторые люди, тянется от Африки; между Винландом и Гренландом лежит Гиннунгагап, оно выходит из того моря, что зовется Морем-океаном и окружает весь мир[46].

Фритьоф Нансен писал по поводу первой части этого текста, что, если не принимать во внимание указанной продолжительно-

---

[46] Antiquitates Americana 1837: 293–296 (“Frá Bjarmalandi liggja óbygðir norðr allt til þess, er Grænland kallast… Enn botnar gánga þar fyrir, ok víkr landinu til útsuðrs, eru jöklar ok firðir, eyjar liggja úti fyrir jöklunum; fyrir einn jökulinn geta þeir ekki ransakað, fyrir annann er hálfs mánaðar ferð, fyrír þriðja vikuferð; er sá næstr bygðinni; þar heitir Hvítserkr: þá víkr landinu til norðrs; en sá eigi vill missa bygðina, stefni hann í útsuðr. Garðar heita biskupsstóll í botninum, á Eiríksfirði; þar er kirkja vígð hinum helga Nicholao; XII kirkjur eru á Grænlandi í hinni eystri bygð, IIIIar í vestri bygð. Nú er at segja, hvat til móts við Grænaland gengr úr þeim botnum, sem fyrr eru nefndir; Furðustrandir heitir land, þar eru frost mikil, svâ ekki er byggjanda, svâ menn viti; suðr frá er Helluland, þat er kallat Skrælíngialand; þá er skamt til Vínlands hins góða, er sumir menn ætla at gángi af Affríca; milli Vínlands ok Grænlands er Ginnúngagap, þat géngr úr hafi því, er Mare oceanum heitir, þar hverfr um allan heim”).

сти плаваний, мы имеем дело с «вызывающим восхищение описанием Восточной Гренландии от 69° с.ш. и далее на юг». Под ледниками здесь явно понимаются массивы внутриостровного льда, что является «самой примечательной чертой этого побережья»[47]. Топоним *Hvítserkr*, как полагает исследователь, появился в более поздних текстах на замену *Bláserkr* («Синяя Рубашка»)[48]. Заключительная часть текста, в отличие от двух описаний Земли, не называет Маркланда, заменяя его на упоминаемые в «Саге об Эйрике Рыжем» *Furðustrandir* («Удивительные Берега»), и дает Хеллуланду второе имя — *Skrælingjaland* («Земля скрэлингов»), что тоже неудивительно в свете винландских саг. В целом же картина остается прежней — непрерывная череда земель тянется от Бьярмаланда до Африки. Атлантический океан, который для древних авторов был внешним Океаном, для средневековых скандинавских авторов оказался морем внутренним (Илл. 4), и им потребовалось где-то обозначить выход из него в окружающий сушу Океан.

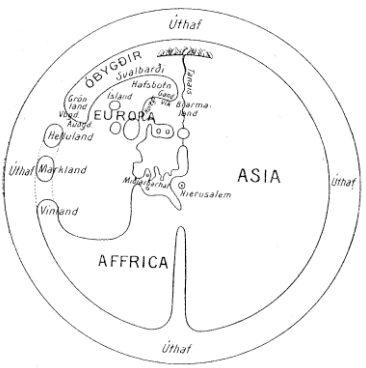


Рис. 4.

Север в представлении древнескандинавских авторов
(по Bjørnbo 1909: 231)

---

[47] Nansen 1911: 288.

[48] Nansen 1911: 291–296. См. в Landnámabók 1969: 131–132 (“Eiríkr sigldi undan Snæfellsnesi, en hann kom útan at Miðjǫkli, þar sem Bláserkr heitir”; «Эйрик отплыл от мыса Снэфель и пристал возле ледника Мидёкуль, там где зовется Бласерк»).

Эту задачу пытались решить по-своему разные авторы. Если, по мнению автора «Истории Норвегии», как мы видели выше, океанические воды вливаются в районе «Африканских островов», а составитель «Описания Земли I» и вслед за ним автор «Описания Земли II» помещают вход из внешнего моря между Маркландом и Винландом, то автор «Гриплы» располагает его где-то между Винландом и Гренландом и дает ему имя мировой бездны скандинавской мифологии — «Гиннунгагап». Г. Сторм усматривает полное совпадение древнескандинавских и европейских представлений в том, что названием *Ginnungagap* («мировая бездна, хаос») обозначен пролив, ведущий из внешнего хаоса к обитаемому миру и связанный с широко распространенным греко-римским концептом *Okeanos*[49].

Еще один вариант соединения внешнего океана и внутреннего моря предлагает автор «Королевского зерцала», заявляя о Гренландии две вещи. Во-первых, утверждает он, «все полагают, что она должна быть материком, к тому же соединенным с другими материками»[50]. Во-вторых, от лица отца, поучающего сына, он сообщает следующее:

> Так говорят люди с уверенностью, что Грёналанд лежит на самой дальней стороне земли в северном направлении, и я полагаю, что ни одна земля не выступает за Грёналанд из круга земель, а только огромное море, что со всех сторон окружает землю; и так говорят люди, которые весьма знающи, что тот залив прорезает Грёналанд, через который только море устремляется в земной разлом, разделяясь затем на фьорды и морские бухты посреди всех земель, там где у него есть возможность проникнуть вглубь земного круга[51].

Как можем видеть, в представлении автора «Королевского зерцала», вход из океана во внутреннее море представляет собой

---

[49] Storm 1890: 344–347.

[50] Konungs-skuggsjá 1848: 42 (“allir geta þess, at þat sé meginland ok áfast við önnur meginlönd”) (k. XVII).

[51] Konungs-skuggsjá 1848: 46 (“Þat mæla menn ok víst, at Grœnland liggi á yztu síðu heimsins til norðrs, ok ætla ek ekki land út or kringlu heimsins frá Grœnalandi, nema hafit mikla, þat er umhverfis rennr heiminn; ok þat mæla menn, þeir sem fróðir eru, at þat sund skerisk íhjá Grœnalandi, er hit tóma haf steypisk inn í landaklofa, ok síðan skiptisk þat með fjörðum ok hafsbotnum allra landa millum, þar sem þat náir at renna inn í kringlu heimsins”) (k. XIX).

некую протоку, ведущую непосредственно через Гренландию. Любопытны содержащиеся в его описании две ссылки на устную традицию — «þat mæla menn», — которые еще усиливаются утверждением, что люди говорят «с уверенностью», и характеристикой этих людей как *fródir* «много знающих, ученых».

Итак, четыре различных логических умозаключения относительно «канала связи» античного моря-океана и в достаточной мере известных на практике северных регионов Атлантического океана возникают не на пустом месте, а на существующем в коллективном сознании представлении о вхождении Гренландии в некий «пояс земель», протянувшийся от Европы до Африки. Не случайно, отголоски географической идеи о присоединенности Гренландии к Европейскому материку встречаем в поздней рыцарской «Саге о Самсоне Прекрасном» (*Samsons saga fagra*, конец XIV или начало XV в.), где при описании владений легендарного конунга Годмунда в населенных великанами районах крайнего северо-востока Европы упоминается, что «оттуда навстречу незаселенным землям Гренланда протянулась та земля, что зовется Свальбарди»[52], и в сохранившемся в записи XVII в. рассказе о Халлуре Козе, который пришел пешком из Гренландии в Норвегию, путешествуя вместе с козой, чьим молоком он питался в дороге, почему и получил такое прозвище[53]. Вновь присутствие интересующей нас информации в непосредственно не связанных между собой памятниках позволяет утверждать о ее принадлежности коллективной памяти.

---

[52] «Он имел владения на востоке в Глэсисвеллир. Это к востоку от Рисаланда. Рисаланд лежит к востоку и северу от Восточных путей и к северо-востоку оттуда. Там лежит та земля, что зовется Ётунхейм, и где живут тролли и злые духи. А оттуда навстречу незаселенным землям Гренланда протянулась та земля, что зовется Свальбарди. Ее населяют различные народы» («Hann átti að ráða fyrir austur á Glæsivöllum. Það er austarliga fyrir Risalandi. Risaland liggur til austurs og norðurs af Austurveginum og þaðan til landnorðurs. Þá liggur það land er Jötunheimar heita og búa tröll og óvættir. En þaðan til móz við Grænlanz óbygðir geingur það land er Svalbarði heitir. Það byggja ýmisar þjóðir” (Lockley 1979: 17).

[53] Ólafur Halldórsson 1978: 52.

БИБЛИОГРАФИЯ

Борисенков, Пасецкий 1988 — *Борисенко Е.П., Пасецкий В.М.* Тысячелетняя летопись необычных явлений природы. М., 1988.

Джаксон 2003 — *Джаксон Т.Н. Ultima Thule* в западноевропейской и исландской традициях // ДГ. 2003 год: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах / Отв. ред. Т.Н. Джаксон. М., 2005. С. 63–72.

Мельникова 1986 — *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. М., 1986 (Древнейшие источники по истории народов СССР).

Орозий 2001 — *Павел Орозий*. История против язычников. Книги I–III / Пер. В.М. Тюленева. СПб., 2001.

Рамсей 1982 — *Рамсей Р.* Открытия, которых никогда не было / Пер. с англ. Г.М. Улицкой под ред. А.И. Соловьева. М., 1982.

Рыбаков 2008 — *Рыбаков В.В.* Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии. М., 2008.

Рыбаков 2012 — *Адам Бременский.* Деяния архиепископов гамбургской церкви / Пер. В.В. Рыбакова // Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. М., 2012. С. 297–449.

Чекин 1999 — *Чекин Л.С.* Картография христианского средневековья VIII–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1999 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

Чекин 2002 — *Чекин Л.С.* Образ Севера в картографии европейского средневековья. Автореферат дисс. … уч. степ. докт. геогр. наук. М., 2002.

Adam 1917 — Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum / B. Schmeidler // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. Hannover; Leipzig, 1917.

Alfræði Íslenzk 1908 — Alfræði Íslenzk. Islandsk encyclopædisk litteratur / Kr. Kålund (Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur. 37). København, 1908. B. I.

Antiquités russes 1852 — Antiquités russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves / C.C. Rafn. Copenhague, 1852. B. II.

Antiqvitates Americanæ 1837 — Antiqvitates Americanæ sive Scriptores Septentrionales Rerum Ante-Columbianarum in America / C.C. Rafn. Hafniæ, 1837.

Bárðar saga 1946 — Bárðar saga Snæfellsáss // Íslendinga sögur / Guðni Jónsson. Reykjavík, 1946. B. III (at URL: http://heimskringla.no/wiki/

B%C3%A1r%C3%B0ar_sagaSn%C3%A6fells%C3%A1ss) (дата обращения — 15.10.2018).

Barlow et al. 1997 — *Barllow L.K., Sadler J.P., Ogilvie A.E.J., Buckland P.C., Amorosi T., Ingimundarson Jón Haukur, Skidmore P., Dugmore A.J., McGovern T.H.* Interdisciplinary investigations of the end of the Norse Western Settlement in Greenland // The Holocene. 1997. Vol. 7. P. 489–499.

Barraclough 2009 — *Barraclough E.R.* The World West of Iceland in Medieval Icelandic Oral Tradition // Á austrvega. Saga and East Scandinavia. Preprint papers of The 14th International Saga Conference. Uppsala, 9th–15th August 2009 / A. Ney, H. Williams, F.Ch. Ljungqvist. Gävle, 2009. Vol. 1. P. 99–105.

Barraclough 2012 — *Barraclough E.R.* Sailing the Saga Seas: Narrative, Cultural, and Geographical Perspectives in the North Atlantic Voyages of the *Íslendingasögur* // Journal of the North Atlantic. 2012. No. 18. P. 1–12.

Bjørnbo 1909 — *Bjørnbo A.A.* Adam af Bremens Nordensopfattelse // Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie. 1909. R. II. B. 24.

Diplomatarium Islandicum 1857–76 — Diplomatarium Islandicum. Íslenzkt fornbrèfasafn / Jón Sigurðsson. Kaupmannahöfn, 1857–76. B. I.

Dugmore et al. 2007 — *Dugmore A.J., Keller Chr., McGovern T.H.* Norse Greenland Settlement: Reflections on Climate Change, Trade, and The Contrasting Fates of Human Settlements in the North Atlantic Islands // Arctic Anthropology. 2007. Vol. 44. No. 1. P. 12–36.

Dugmore et al. 2013 — *Dugmore A.J., Keller Chr., McGovern T.H.* ‘Clumsy solutions’ and ‘elegant failures’: Lessons on climate change adaptation from the settlement the North Atlantic Islands // A Changing Environment for Human Security / J. Wolf, K. O’Brien, L. Sygna. London, 2013. P. 435–451.

Ellehøj 1965 — *Ellehøj S.* Studier over den ældste norrøne historieskrivning // BiblAM. 1965. Vol. XXVI.

Eyrbyggja saga 1946 — Eyrbyggja saga // Íslendinga sögur / Guðni Jónsson. Reykjavík, 1946. B. III (at URL: http://heimskringla.no/wiki/Eyrbyggja_saga) (дата обращения — 15.10.2018).

Finnur Jónsson 1898 — Finnur Jónsson. Grønlands gamle Topografi efter Kilderne // Meddelelser om Grønland. Kjøbenhavn, 1898. B. 20. S. 265–329.

Flóamanna saga 1946 — Flóamanna saga // Íslendinga sögur / Guðni Jónsson. Reykjavík, 1946. B. III (at URL: http://heimskringla.no/wiki/Fl%C3%B3amanna_saga) (дата обращения — 15.10.2018).

Gísli Sigurðsson 2011 — Greenland in the Sagas of Icelanders: What Did the Writers Know — And How Did They Know It? // Висы дружбы. Сборник статей в честь Т.Н. Джаксон. М., 2011. С. 83–100.

Grove 2009 — *Grove J.* The place of Greenland in medieval Icelandic saga narrative // Norse Greenland: Selected Papers from the Hvalsey Conference 2008 // Journal of the North Atlantic. 2009. Special Volume 2. P. 30–51.

Grönlands historiske Mindesmærker 1845 — Grönlands historiske Mindesmærker / Udg. av Det Kongelige Nordiske Oldskrift-Selskab. Kjøbenhavn, 1845. B. 3.

Hartman 2017 — *Hartman S., Ogilvie A.E.J., Ingimundarson Jón Haukur, Dugmore A.J., Hambrecht G., McGovern T.H.* Medieval Iceland, Greenland, and the New Human Condition: A case study in integrated environmental humanities // Global and Planetary Change. 2017. Vol. 156. P. 123–139.

Heslop 2012 — *Heslop K.* Anonymous Óláfs drápa Tryggvasonar // Poetry from the Kings' Sagas 1: From Mythical Times to c. 1035. Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages 1 / Ed. by D. Whaley. Turnhout, 2012. P. 1031–1059.

Hkr 1941 — *Snorri Sturluson*. Heimskringla 1 / Bjarni Aðalbjarnarson. Reykjavík, 1941 (Íslenzk fornrit XXVI).

HN 2003 — Historia Norwegie / Ed. by I. Ekrem, L.B. Mortensen. Tr. by P. Fisher. Copenhagen, 2003. P. 8–47.

Islandske annaler 1888 — Islandske annaler indtil 1578 / G. Storm. Christiania, 1888.

Íslendingabók 1969 — Íslendingabók / Jakob Benediktsson. Reykjavík, 1969. Bls. 1–28 (Íslenzk fornrit I).

Ivar Baardsön 1845 — Grønlands Beskrivelse ved Ivar Baardsön // Grønlands Historiske Mindesmærker / Finnur Magnússon, C.C. Rafn. Kjøbenhavn, 1845. B. III., S. 248–260.

Jackson 2002 — *Jackson T.N. Bjarmaland* Revisited // Acta Borealia. 2002. Nr. 2. P. 165–179.

Konungs-skuggsjá 1848 — Speculum Regale. Konungs-skuggsjá. Konge-speilet / R. Keyser. Christiania, 1848.

Landnámabók 1969 — Landnámabók / Jakob Benediktsson (Íslenzk fornrit I). Reykjavík, 1969. Bls. 29–397.

Lockley 1979 — *Lockley M.L.R.* An edition of Samsons Saga Fagra. Submitted for the degree of Ph.D. Department of English. Faculty of Arts. Birmingham University, 1979 (at URL: https://ethos.bl.uk/OrderDetails.do?uin=uk.bl.ethos.463494) (дата обращения — 15.10.2018).

Moberg et al. 2005 — *Moberg A., Sonechkin D.M., Holmgren K., Datsenko N.M., Karlén W.* Highly variable Northern Hemisphere temperatures reconstructed from low- and high-resolution proxy data // Nature. 2005. Vol. 433, No. 7026. P. 613–617.

Mortensen 2003 — *Mortensen L.B.* Introduction // Historia Norwegie / Ed. by I. Ekrem, L.B. Mortensen. Tr. by P. Fisher. Copenhagen, 2003. P. 8–47.

Nansen 1911 — *Nansen F.* In Northern Mists. Arctic Exploration in Early Times / Transl. by A.G. Chater. New York, 1911. Vol. 1.

Norse Greenland 2009 — Norse Greenland: Selected Papers from the Hvalsey Conference 2008 // Journal of the North Atlantic. 2009. Special Volume 2.

Ólafur Halldórsson 1978 — *Ólafur Halldórsson.* Grænland í miðaldaritum. Reykjavík, 1978.

Ólafur Halldórsson 1981 — *Ólafur Halldórsson.* The Conversion of Greenland in Written Sources // Proceedings of the Eighth Viking Congress / H. Bekker-Nielsen, P. Foote, O. Olsen, Odense, 1981. P. 203–216.

Orri Vésteinsson et al. 2002 — *Orri Vésteinsson, McGovern T.H., Keller Chr*. Enduring Impacts: Social and Environmental Aspects of Viking Age Settlement in Iceland and Greenland // Archaeologia Islandica. 2002. Vol. 2. P. 98–136.

Perdikaris, McGovern 2008 — *Perdikaris S., McGovern T.H.* Codfish and Kings, Seals and Subsistence: Norse Marine Resource Use in the North Atlantic // Human Impacts on Ancient Marine Ecosystems: A Global Perspective / T.C. Rick, J.M. Erlandson. Berkeley, 2008. P. 187–214.

Ramsey 1972 — *Ramsey R.H.* No Longer on the Map: Discovering Places That Never Were. New York, 1972.

Simek 1993 — *Simek R.* Samsons saga fagra // Mediaeval Scandinavia. An Encyclopedia / Ph. Pulsiano et al. New York; London, 1993. P. 565–566.

Slack 2002 — *Slack A.* Why did Norse Greenland fail as a colony? // York Medieval Yearbook. 2002. No. 1 (at URL: https://www.york.ac.uk/teaching/history/pjpg/Greenland.pdf) (дата обращения — 15.10.2018).

Storm 1890 — *Storm G.* Ginnungagap i Mythologien og i Geografien // Arkiv för nordisk filologi. 1890. B. VI. S. 340–350.

Vikings 2000 — Vikings: the North Atlantic saga / W.W. Fitzhugh, E.I. Ward. Washington, 2000.

Örnólfur Thórsson 1990 — *Örnólfur Thórsson.* “Leitin að landinu fagra”: Hugleiðing um rannsóknir á íslenskum fornbókmenntum // Skáldskaparmál. 1990. B. 1. Bls. 28–53.

А.С. Щавелев

«БЕЛЫЕ ПЯТНА» ИМАЖИНАРНОЙ ЭТНОГЕОГРАФИИ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ЛОКАЛИЗАЦИИ ОБЩНОСТЕЙ ДУЛЕБОВ, ДРЕГОВИЧЕЙ, РАДИМИЧЕЙ, ТИВЕРЦЕВ И ХОРВАТОВ

Аннотация: В статье поставлена задача проанализировать сложные случаи локализации отдельных славянских общностей X века. В большинстве случаев эта сложность обусловлена дефицитом информации, невозможностью реконструировать изначальный текст того или иного известия и сложностями интерпретации и отождествления ономастических единиц, которые являются географическими маркерами. В статье обосновывается невозможность точной локализации *дреговичей*, *радимичей* и *тиверцев*. Упоминания *дулебов* в «Повести временных лет» является анахронизмом, эта общность уже не существовала в X веке. Общности хорватов на границах Руси никогда не было, а князь Владимир Святославич ходил походом на Хорватию на Балканах.

Ключевые слова: история, историческая география, археология, локализация, Восточная Европа, раннее средневековье, общности славян, X век.

Исследование любой «бесписьменной» общности или политии раннего Средневековья Евразии почти всегда производится в условиях острого дефицита информации. Причем, как мы уже неоднократно отмечали, это не просто *количественный дефицит* «битов» информации как таковых, это, прежде всего, — нехватка *данных первичных*, прошедших источниковедческую проверку на

оригинальность или вымышленность, а в еще большей степени это — недостаток *верифицируемых данных*, совпадающих в разных независимых текстах, никак не связанных между собой. Учет этого *тройного дефицита* особенно актуален для историко-географических реконструкций, прежде всего, для попыток локализации места обитания и границ расселения отдельных общностей и политий по географическим ориентирам в письменных источниках.

Очевидно, что имеющиеся в текстах географические ориентиры нужно анализировать и проверять, а не просто использовать как готовые указания для размещения древней или средневековой общности на современной карте. Именно в историко-географических реконструкциях, как это ни странно, наиболее сильна тенденция прямолинейного прочтения текстов, попыток обязательного размещения на географической карте всех до одного этниконов и бесконечной «иммунизации» собственных или просто утвердившихся в историографии теорий о том, как нужно рисовать ту или иную этнополитическую карту[1]. Тезис о том, что мы должны отказываться от инерционно-искусственных локализаций и идентификаций средневековых общностей и политий, теоретически почти всеми признается, но очень медленно усваивается на практике. До сих пор преобладает желание «рисовать» «старые добрые» карты расселения славян, ссылаясь на существующую историографическую традицию, восходящую к XIX веку[2]. Необходимость элиминирования откровенно недостоверных данных вполне осознано историками-медиевистами, однако, требование сомневаться в неверифицируемых данных с трудом понимается и принимается историками, географами и археологами.

Еще меньше исследователи задумываются над эпистемологическими проблемами *имажинарной географии*[3]. Между тем, обращение к проблеме конструирования географических образов, которые являются не столько отражением, сколько «прелом-

---

[1] О проблеме бесконечной «иммунизации теорий» см.: Albert 1967; Поппер 2014.

[2] Обычно они строятся на фундаментальной монографии, в которой исторической географии славянских общностей уделено особое внимание: Седов 1982.

[3] Замятин 2007; Коновалова 2012а.

лением» и «переосмыслением» реальной географии и топографии, позволяет разрешить многие загадки ранней истории Восточной Европы. Образцовым примером из истории ранней руси здесь может служить объяснение концепта «острова русов» средневековой арабо-персидской традиции как собирательного географического образа, который в силу своей виртуальной природы не поддается четкому помещению на карту мира[4].

Следует в полной мере учитывать опасность *иллюзии полноты нашего знания*, которая мешает объективному исследованию порой даже больше, чем отсутствие необходимого количества фактических данных. Стоит вспомнить знаменитый призыв медиевиста Ж. Стенжера, который блестяще подчеркнул роль «белых пятен» исторического знания, обратившись к практике географов XVIII в., которые стали оставлять на картах пустые пространства вместо того, чтобы вслед за своими предшественниками заполнять их от края до края фантастическими топонимами, мифологическими этнонимами и яркими картинками[5].

Применительно к ранней летописной традиции древней Руси наличие добротных классических изданий заставляет многих современных исследователей забывать, что текст «Повести временных лет» (далее — ПВЛ) начала XII в. — это обоснованная реконструкция на основе сравнения суммы списков, а не готовый к извлечению нужной информации текст, и еще в большей степени это касается более ранних летописных сводов XI века, которые являются гипотетическими реконструкциями «первого приближения»[6]. Поскольку ономастические единицы наиболее часто подвержены искажениям при копировании средневековых текстов, для темы поиска географических маркеров в раннем летописании методический вопрос о принципах выбора «первоначальных чтений», которые были в архетипе, имеет первостепенное значение[7]. Не менее важно, что убедительность текстологи-

---

[4] Коновалова 2002, 2012б.

[5] Stengers 2004: 764. Эту статью 1963 г. цитировали текстолог Я.С. Лурье (Лурье 1997: 30) и археолог А.А. Формозов (Формозов 2005: 218), формулируя на разных материалах тот же самый постулат необходимости самоограничения наших исторических реконструкций.

[6] Схему развития раннего древнерусского летописания середины XI – начала XII вв. см.: Гиппиус 2012; Gippius 2014; Гимон 2017.

[7] PVL 2003: XV–LXV; Ostrowski 2005; Müller 2006; Gippius 2014.

ческой реконструкции или лингвистическая корректность восстановленной фразы — не абсолютная гарантия ее совпадения с изначальным текстом известия.

Анализ информации древнерусских летописных текстов середины XI – начала XII в., других письменных источников, данных археологии и ономастики (прежде всего, топонимики и гидронимики) позволяет локализовать с разной степенью точности только часть общностей славян Восточной Европы: *полянлендзян*, *уличей, северян*, *древлян*, *вятичей, кривичей и словен*[8]. Остальные случаи требуют специального рассмотрения для поиска достоверной локации или признания, что информации для таковой не достаточно.

Название общности *дулебов* попало в ПВЛ либо из славянской мифоэпической традиции[9], либо из греческой или старославянской книжности[10]. Их упоминания в летописном тексте начала XII в. в связи с событиями X в. представляют собой явный анахронизм. Кроме того, ареал предполагаемого обитания дулебов находится гораздо западнее от территорий деятельности первых князей Рюриковичей и находится вне территории будущей Руси. В космографическом введении ПВЛ рассказ о покорении дулебов обрами вообще не содержит внятных географических привязок[11]. Только короткая ремарка в том же космографическом введении: «…Дулѣби живяху по Бугу, къде ньнѣ Велыняне…»[12], указывает явно на Западный Буг и область Волынь. При этом там же есть еще одно указание на географическое размещение волынян: «Бужанѣ зане сѣдоша по Бугу послѣ же Велыняне…». Однако из этих текстов никак не вытекает, что дулебы хоть как-то этногенетически были связаны хоть с одной общностью, существовавшей в X в. — бужанами или волынянами. Это указание говорит только о том, что дулебы жили на реке Западный Буг, где в современности летописца живут волыняне. Очевидно, что создавать на этой шаткой основе целую концепцию «дулебской» ветви славянства невозможно.

---

[8] Щавелев 2015; Щавелев 2017; Щавелев 2018в.
[9] Мельникова 1999: 155; Петрухин, Раевский 2004: 177–179, 236.
[10] Кибинь 2014, 2017.
[11] ПСРЛ I: 11–12; ПСРЛ II: 9.
[12] ПСРЛ I: 12–13; ПСРЛ II: 9.

Еще более проблематично упоминание похожего этникона в трактате арабского историка Абу-л-Хасана ал-Ма‘суди (ум. в 956 г.) «Золотые копи и россыпи самоцветов», датированное 332 г. хиджры (4 сентября 943 г. – 23 августа 944 г.). Отождествление неясного арабского этникона *dūl āba (ср. другие варианты прочтений-реконструкций: *dūlāna, *d.w.lāba, *d.lāw.na) с «дулебами», во-первых, — результат конъектуры. Во-вторых, речь в этом пассаже, судя по набору идентифицируемых этниконов, идет только о немецко-полабско-чешском регионе. В-третьих, не ясно, насколько этот этникон актуальный или антикварный для X в., поскольку в этом компилятивном известии присутствует очевидный легендарный пласт[13]. Если принять традиционную интерпретацию этникона как дулебы, а имени их правителя как Вячеслав (лат. *Wenceslaus*, убит 28 сентября 935 г.), то нет внятного ответа на вопрос, почему дулебами названы в данном случае *чехи*. Судя по разночтениям в арабских рукописях, это вполне может быть искаженный этникон *полабы* (лат. *Polabi*, *Polabingi*)[14], которые размещались как раз рядом с упоминаемыми ранее в этом тексте *стодоранами* и с упоминаемыми позже — *немцами*[15]. У этих полабов вполне мог быть свой князь Вячеслав. На всех этих основаниях дулебов следует сразу исключить из рассмотрения общностей славян X века[16].

Следующий очевидно проблемный случай — *дреговичи*. Общность Δρουγουβῖται впервые упоминается в трактате византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» (написан между 952 и 959 гг.[17]) в качестве пактиотов живущей в Киеве руси. В космографическом Введении ПВЛ они названы группой славян, поселившихся «межу Припетью и Двиною», затем в списке славянских общностей, имевших «свое княженье» и, наконец, в этнолингвистическом перечне «словѣньскии языкъ въ Руси». Есть еще два летописных известия XII в.: в 6624 л. г. (события происходили, видимо, зимой 1115 г.)

---

[13] Мишин 2002: 62–74; Michalski, Stephan 2013: 285; Кибинь 2017: 144.

[14] Lübke 1987: 27–28, 298–299.

[15] Michalski, Stephan 2013: 285.

[16] Хабургаев 1979: 202.

[17] DAI-I: 62; О дате трактата см.: Щавелев 2018а.

князь Глеб Всеславич «воевалъ Дреговичи и Случескъ пожегъ», в 6657 л. г. (события происходят в конце августа – осенью 1149 г.) при раздаче владений князем Юрием Владимировичем упоминаются «Слоучьскъ и Кльчьскъ и вси Дрегвичи»[18].

По географическим маркерам космографического введения ПВЛ очерчивается огромный географический ареал между реками Припять и Западная Двина. Из совокупности летописных известий ясно, что дреговичи, вопреки историографическому стереотипу, ни в одном источнике никогда не были связаны с г. Туровом. Исходя из поздних известий, и по аналогии с территориальной структурой *древлян* и *северян*[19] можно было бы локализовать их на притоках Припяти — реках Случь и Лань и считать их центрами Клеческ (совр. Клецк) и Случеск (совр. Слуцк). Однако эти города как укрепленные поселения возникли не ранее начала XI в.[20], поэтому признаков типичной территориальной структуры славянской политии здесь в X в. не обнаруживается. Сравнив карту В.В. Седова[21] с огромной территорией, указанной в ПВЛ, видим, что ни одна изопрагма не совпадает с летописными географическими маркерами. Для наиболее часто используемого в исследованиях якобы «дреговичского» признака — крупных металлических бус, покрытых зернью, — никак не доказан их семиотический статус идентификатора женщины этой общности. Этноним дреговичи происходит от апеллятива *дрягва* («болото», «болотистая местность»), поэтому отделить топонимы, связанные с характером ландшафта и связанные собственно с общностью дреговичей, невозможно, следовательно, и этот путь ничего не дает.

Первый вариант решения проблемы был предложен Е.А. Шинаковым, который предположил, что дреговичи были сетью очень небольших акефальных общин X в., живших на притоках Припяти в неукрепленных поселениях (археологически почти неуловимый микро-денотат)[22]. Можно предположить второй вариант, что это был экзоэтноним «люди / дети болот», отра-

---

[18] ПСРЛ II: 282, 384.
[19] Щавелев 2015.
[20] Алексеев 2006: 172–176; Пазнякоў 2008.
[21] Седов 1982: 115.
[22] Шинаков 1999.

жающий особенности ландшафта их расселения (размытый условный денотат). Поскольку и трактат «Об управлении империей», и ПВЛ отражают «русский» (киево-центричный) взгляд на них, это вполне оправданная версия.

Однако, следует учесть, что текст ПВЛ сообщает, что у дреговичей было «свое княжение», хотя найти его следы в X в. нельзя. Выход из этого противоречия видится лишь один — совсем не обязательно, что княжение было у дреговичей *изначально*. Вероятно, что дреговичи были действительно сетью акефальных общин в X веке. Затем русь из Киева выступила на этой территории колонизатором-культуртрегером, сама создав в ходе сбора полюдья во второй половине X–XI вв. опорную территориально-политическую инфраструктуру «княжения дреговичей». Собственно города Случеск и Клечск, укрепления которых датируются XI в., и стали центрами их «княжения» уже после присоединения этих территорий к владениям Рюриковичей. Создание укрепленных «дреговических» городов Случеска и Клеческа произошло уже в XI в. — это были опорные древнерусские города на территории дреговичей. В любом случае у нас нет данных для точной локализации и более точного определения типа идентичности общности дреговичей в X веке. Как мы уже неоднократно писали, совершенно не обязательно считать, что общности славян Восточной Европы возникали в глубокой древности, гораздо вероятней ожидать, что они возникали в X–XI вв. как результат воздействия державы Рюриковичей и других агрессивных соседей, а также — как результат активизации в это время трансконтинентальной торговли. Отметим, что общность Δρουγουβῖται не названа в числе славянских общностей, которые поставляли лодки в Киев, а также не фигурирует в качестве общности-пактиота в главе 37[23], которая отражает реалии Восточной Европы начала X века[24]. Вероятно, что эта территория была присоединена к «державе Рюриковичей» только к середине X в. или даже непосредственно в 950-е годы.

Общность *радимичей* не поддается даже приблизительной локализации[25]. Это — единственная общность, подвергшаяся

[23] DAI-I: 168.
[24] Щавелев 2015: 106, 110.
[25] См. нашу предварительную публикацию: Щавелев 2016.

прямой агрессии киевских князей Рюриковичей в X в., которая не упоминается ни в одном источнике вне древнерусской летописной традиции середины XI – начала XII века. Новгородская первая летопись младшего извода, отражающая текст Начального свода 90-х годов XI в., знает только поход на радимичей князя Владимира Святославича первой половины 80-х годов X века[26]. Этот же поход упоминается в перечне деяний Владимира Святославича в «Памяти и похвале» Иакова Мниха[27]. Единственный географический маркер этого известия — река Пищань. Очевидная этимология этого гидронима: «песчаная». Учитывая чрезвычайную распространенность гидронимов, производных от слова «песок», никакой возможности найти эту реку нет. Общеизвестно, что топонимы и гидронимы, производные от слова «песок», «богато представлены на восточнославянской территории»[28]. Мы не знаем, ни стартовой точки похода воеводы Волчьего хвоста на радимичей, ни его направления, ни траектории движения войск, ни места битвы.

В ПВЛ есть три известия о радимичах, но два из них не дают никакой географической информации. В третьем, в космографическом Введении ПВЛ, есть указание на некую реку, на которой поселился родоначальник-эпоним радимичей Радим[29]. Однако с реконструкцией названия этой реки есть серьезная текстологическая проблема, поскольку разные списки ПВЛ лет дают различные чтения. В Лаврентьевском, Троицком, Радзивиловском и Московском-Академическом списках читаем: «…Радимъ на Съжу»; а в Ипатьевском: «Радимъ на Ръжю». В Хлебниковском списке лист с известием о радимичах отсутствует. В варианте космографического Введения из летописей Новгородско-Софийской группы предок-эпоним Радим сел «на Рсьшю»[30].

Из шести полных списков ПВЛ отдельную ветвь представляет Лаврентьевский и Троицкий и отдельную Ипатьевский и Хлебниковский. Таким образом, в идеальном случае формула восстановления изначального чтения должна быть «(Лавр. +

---

[26] ПСРЛ III: 131.
[27] Срезневский 1893: 28; Зимин 1963: 71.
[28] Нерознак 1983: 145.
[29] ПСРЛ I: 12; ПСРЛ II: 9.
[30] ПСРЛ VI (1): 7; ПСРЛ IV (1): 6; ПСРЛ XLII: 23.

Троиц.) = (Ип. + Хлеб.)» или как минимум «Лавр. ∨ Троиц. = Ип. ∨ Хлеб.». Радзивиловский и Московский-Академический списки контаминированы между лаврентьевским и ипатьевским вариантами, зоны переключения между обращением к разным источникам достоверно пока не выявлены, их использовать для выявления изначального текста пока слишком рискованно. При таком раскладе вариантов в списках считать, что именно чтение Лаврентьевского, Московского-Академического и Троицкого списков отражает текст протографа ПВЛ мы, конечно, уверенно не можем. Кроме того, в данном случае, строго говоря, мы не знаем какое чтение было даже в архетипе Ипатьевского и Хлебниковского списков (и соответственно — в Киевском своде 1198 г.).

Все приведенные выше варианты, которые мы находим в списках ПВЛ, могут отражать разные из реально существующих гидронимов: *Сож, Орша, Оршица* и *Рось*. Гидроним **Ръжа* (*Ржавица, Ржавка*) также распространен, в частности, от него происходит название города Ржев. Есть также гидроним *Рожая*[31], кстати, на р. Рожая в Московской области выявлены славянские материалы Роменской культуры. Нельзя забывать о р. Сожица, на которой 25 августа 1078 г. состоялась битва Всеволода Ярославича с Олегом Святославичем и Борисом Вячеславичем[32]. Судя по контексту этого известия, в котором князья Олег и Борис с половцами шли на Чернигов *с юга*, а князь Всеволод вышел им на встречу как раз из Чернигова. Эту Сожицу нельзя однозначно отождествить с известным нам Сожем, поскольку устье Сожа находится *севернее* Чернигова. Получается, что у нас есть два почти идентичных гидронима домонгольского времени, полный и диминутивный, на каком из них поселился Радим, уверенно сказать нельзя. Тем более, что полные названия (в данном случае — Сож) и их диминутивы (Сожица) при обозначении гидронимов могли в разных древнерусских текстах взаимно заменяться.

В итоге у нас есть несколько гипотетических вариантов названия реки, на которой поселился Радим: *Сож, Сожица, Ржава, Рожая, Орша, Оршица* или, что менее вероятно, но не совсем невозможно, *Рось*. Выбрать один из них не представляется возможным без очевидных натяжек и фантазий.

---

[31] Поспелов 2008: 459.
[32] ПСРЛ I: 200; ПСРЛ II: 191.

Наша предыдущая работа о проблеме локализации радимичей вызвала критику со стороны М.И. Жиха, который попытался показать, что традиционная локация радимичей верна[33]. Его работа — яркий пример «подгонки» системы доказательств под готовый ответ сомнительными методами. Основная часть его статьи представляет собой пересказ историографии и хрестоматийных тезисов, которые сводятся к тому, что радимичи — мощное племя славян, жившее на реке Сож. Нельзя не отметить, что М.И. Жих с удивительной легкостью заимствует из нашей статьи некоторые наблюдения, не утруждая себя ссылками на нас. Например, наше острожное сопоставление имени «прародителя» радимичей Радима с западнославянскими именами Радим и Бесприм, а также с именем новгородского князя Вадим из «Никоновской летописи» XVI в. М.И. Жих повторяет в упрощенном виде как свое собственное. Он, ничтоже сумняшеся, воспроизводит интерпретацию этникона *пищанцы* как экзоэтнонима из нашей работы без ссылки на нее, более того, даже подчеркнув, что это — «его собственный взгляд». Наряду с заимствованиями в статье М.И. Жиха есть и откровенные фантазии: он считает исходной точкой похода князя Владимира и воеводы Волчьего хвоста на радимичей именно Киев, хотя ясно, что любой укрепленный пункт «державы Рюриковичей» мог быть плацдармом для выброски войск. Произвольность этого допущения полностью дезавуирует любые его дальнейшие догадки о локализации р. Пищань.

Если отвлечься от компилятивной части статьи, в работе М.И. Жиха наличествуют две относительно плодотворные идеи. Первая заключается в том, что в трактате «Об управлении империей» *лендзянами* названа общность *радимичей*, которые в раннем летописании названы происходящими «от ляхов». Это внешне логичное рассуждение было предложено Г.А. Ильинским[34], и в принципе оно могло бы быть стать хорошей гипотезой. Однако в 37 главе византийского трактата «Об управлении империей» общность названа пограничной с печенегами фемы Иавдиертим (Ἰαβδιερτίμ). Для радимичей, которых сам М.И. Жих размещает на р. Сож, это условие не выполняется. Только когда М.И. Жих

[33] Жих 2017.
[34] Ильинский 1926.

найдет следы обитания печенегов хотя бы у места впадения Сожа в Днепр, его версия будет иметь право на существование.

Вторая идея М.И. Жиха заключается в попытке оспорить наши сомнения в том, что мы можем быть уверены, что в оригинале ПВЛ в качестве ориентира поселения прародителя Радима фигурировала именно р. Сож. Для этого М.И. Жих проделывает «фронтальное рассмотрение всех летописей» из «Полного собрания русских летописей»[35], собрав из всех томов разные прочтения спорного гидронима и разместив их в некой последовательности, которая, по его мнению, привела к искажению изначального чтения переписчиками. Как это ни странно звучит, М.И. Жих, кажется, даже не понимает, что любой том «Полного собрания русских летописей», например, «Ипатьевская летопись», это только аппроксимация близких по каким-то параметрам списков, а не «текст-источник» как таковой. Действительно радимичи упоминаются в «Холмогоровской летописи» середины XVI в., но что это нам дает, если не доказано текстологически, что в ней отразился некий древний летописный текст? Еще хуже у М.И. Жиха обстоит дело с пониманием методов палеографии. Он строит последовательность выбранных вариантов написания гидронима: от «на Съжю» до «на Рсьшю», якобы восстанавливая цепочку искажений протографа. Очевидно, что исходный и конечный варианты написания спорного гидронима можно поменять местами, получив столь же «убедительную» противоположную цепочку искажений, а это сразу же девальвирует этот якобы «палеографический» аргумент.

В итоге, не имея возможности идентифицировать реку, на которую помещал радимичей автор ПВЛ, мы не можем присваивать название «радимичи» или «радимичский» ни одной изопрагме археологических памятников или артефактов. Это в свою очередь заставляет нас отказаться от попыток даже приблизительно определить масштаб и тип ее идентичности радимичей. Несколько утрируя ситуацию, можно сказать, что археологические памятники на реке Сож, куда обычно помещают радимичей археологи, могут принадлежать некой гипотетической общности **сожичей*, название которых по каким-то причинам не попало в летописные известия. Радимичи вполне могли быть небольшой

[35] Жих 2017: 28.

группой населения, описание похода на которых сохранилось в летописи благодаря популярности поговорки («пищанцы волчьего хвоста бегают») или значимости фигуры воеводы Волчьего хвоста, который дважды был упомянут в Начальном своде 1090-х годов[36] или еще по каким-то иным причинам. Если мы сравним перечень походов первых Рюриковичей X – первой половины XI в. с масштабом их политии при князе Ярославе Владимировиче в середине XI в., то станет очевидно, что лишь малая часть их военных операций по покорению разных территорий нашла свое отражение в ранних летописных текстах.

Следующий сложный случай представляют собой *тиверцы*, которые упомянуты четыре раза в космографическом Введении и ранних известиях ПВЛ[37]. Ни в одном другом источнике этот этникон не упоминается. Попытки связать с тиверцами два неясных этнонима «Баварского географа» сугубо гипотетичны, даже если хоть один из этих этнонимов скрывает искаженный этноним тиверцы, никакой дополнительной информации об этом этнониме и общности-денотате мы от этого не получаем[38]. Догадка Р.А. Рабиновича о том, что тиверцы как-то связаны со славянской общностью тервуниотов на Балканах не базируется ни на одном доказательстве или хоть каком-то косвенном аргументе, а только на общих рассуждениях, что такое в принципе возможно[39]. Название области Τερβουνία и название ее жителей Τερβουνιῶτοι (ср. совр. Требинье) имеет вполне достоверную славянскую этимологию от слав. *трѣбити — «корчевать», «расчищать», «чистить»[40], ни фонетической, ни семантической связи с этнонимом *тиверцы* здесь нет и не может быть.

---

[36] ПСРЛ III: 131, 175.

[37] ПСРЛ I: 13, 24, 29, 45; ПСРЛ II: 9–10, 17, 21, 34. См. исчерпывающий историографический обзор: Рабинович 2005. См. также последнюю специальную статью с попыткой интерпретировать этниконы «уличи» и «тиверцы» как разные названия одной общности (Казанский, Цукерман 2017). В этой статье рассмотрены все летописные известия об уличах и тиверцах, однако, тезис об их тождестве не доказан аргументами необходимой степенью весомости. Впрочем, это тема требует отдельной разработки.

[38] Назаренко 1993: 29–31.

[39] Рабинович 2011.

[40] Loma 2000: 97.

Этникон тиверцы — по форманту славянский, а этимологически — тюркский. Первая тюркская этимология была предложена И.Г. Добродомовым и поддержанна Г.А. Хабургаевым: от диалектного тюркского варианта самоназвания türk — «представитель народа тюрков». Эту этимологию попыталась уточнить А.В. Дыбо, которая считает праформой этникона тиверцы «незафиксированный булгарский рефлекс этнонима “тюрк”», который «мог иметь в булгарском форму *tivərk»[41]. Однако, в ПВЛ есть ремарка, объясняющая смысл названия тиверцы: «яже соуть толковины». Это пояснение говорит в пользу другой тюркской этимологии: от тюркского слова «tiv-är / tiv-är-i», которое и значит «человек говорения», «переводчик», «толмач»[42]. Б. Струминский считает этот этноним непосредственной передачей тюркского слова *tevirči — «переводчики»[43]. Следовательно, летописная ремарка является переводом тюрко-славянского этникона на славянский язык[44]. Этникон толковины есть в «Слово о полку Игореве» в описании сна киевского князя Святослава Всеволодовича: «…сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ великый женчюгь на лоно, и нѣгуютъ мя…»[45]. При всей неясности «мутного сна» князя в его конце возникает образ «синего моря», что перекликается с летописной фразой, что тиверцы «сидят» «оли до моря».

Оставляя в стороне многоаспектный вопрос о характере общности тиверцев, остановимся только на анализе этих географических маркеров места обитания этой общности. Такие указания, позволяющие локализовать общность тиверцев, есть только в одном из известий космографического введения ПВЛ. Однако, именно в этом известии летописные списки расходятся при определении рек, на которых располагалась эта общность[46].

Первый вариант представлен в Лаврентьевском и Троицком списках: «…а оулучи тиверцы *седяху бо по Днестру*, приседяху к

---

[41] Добродомов 1970; Хабургаев 1979: 153–157; ПВЛ 2012: 266.

[42] Менгес 1979: 146–150.

[43] Strumiński 1996: 162.

[44] См. другие предложенные варианты этимологии: ЭСПИ-5: 127–128; СССПИ-6: 40–42.

[45] Горский 2002: 87.

[46] PVL 2003: 65–66.

Дунаеви. Бе множество ихъ, *седяху бо по Днестру* оли до моря и суть гради ихъ и до сего дне, да то ся зваху от грек Великая Скуфь…». Данное известие помещает тиверцев на Днестр и в сторону к Дунаю. Они также привязаны к побережью Черного моря.

В Ипатьевском списке дан иной вариант: ««…а оулици тиверцы *седяху по Бугу и по Днепру*, приседяху к Дунаеви и бе множество ихъ *седяху бо по Бугу и по Днепру* оли до моря и суть городи ихъ и до сего дне, да то ся зовяху от грек Великая Скуфь». В Хлебниковском списке в нужном месте нет листа. Радзивиловский и Московский-Академический списки дают то же чтение, что и Ипатьевский список, что позволяет осторожно предполагать, что в варианте ПВЛ Киевского свода 1198 г. было именно чтение «по Бугу и по Днепру».

Общие соображения говорят скорее в пользу того, что первичное, более достоверное чтение, сохранилось в Лаврентьевском и Троицком списках «*по Днестру*», соответственно тиверцев скорее нужно разместить на Днестре[47]. Добавим, что в космографическом Введении ПВЛ есть еще одно упоминание Дуная, Днестра и Днепра в связи с Черным морем: «…до Понетьского моря на полунощныя страны Дунаи Днѣпръ и Кавкаисинския горы рекше Оугорьския и оттудѣ доже и до Днѣпра и прочая рѣки…»[48]. Из всех списков только в Лаврентьевском «Днепр» заменен на «Днестр»: «…до Понетьского моря на полунощныя страны Дунаи Днѣстръ и Кавкаисинския горы…». Текстологически лаврентьевский вариант должен считаться вторичным, однако, географическая логика диктует нам выбор именно этого варианта: «…до Черного моря на северной стороне Дунай, Днестр и Кавкасинские горы, то есть Угорские, и оттуда до Днепра…». Перечисление Дуная и Днепра с последующим указанием «до Днепра» маловероятно, тем более что тогда Днепр оказывается между Дунаем и Карпатами. Взаимная мена названий Днепра и Днестра встречается достаточно часто и в Киевском своде 1198 г., и в Галицко-Волынской летописи[49].

Однако, известие Начального свода 1090-х гг. размещает

---

[47] Казанский, Цукерман 2017: 14–16.
[48] PVL 2003. 11–12.
[49] См. в указателе Ипатьевской летописи: ПСРЛ II: XXXVII.

уличей на Днепре южнее Киева, а затем описывает их переселение «межи Бъгъ и Днѣстръ»[50]. Вероятно, что вариант локализации уличей и тиверцев «по Бугу и по Днепру» в ПВЛ является производным от локализации уличей в предшествующим Начальном своде. Опять же, две общности можно соотнести с двумя реками: уличей — с Днепром, а тиверцев — с Южным Бугом.

В результате, однозначно выбрать между локализацией уличей и тиверцев на Днестре или на «Днепре и Буге» на строгих текстологических основаниях нельзя. Оба варианты имеют аргументы «за» и «против».

Наконец, главная странность текста этого летописного известия заключается в упоминании уличей и тиверцев без союза «и» в начале этого летописного пассажа: «… А *оуличи тиверцы* седяху …». Вполне очевидна некая синтаксическая аномалия. Очевидно, что речь идет о вставке-пояснении, внесенной позднее в основной текст. Еще А.И. Соболевский вполне обосновано заметил, что в пассаж ПВЛ о расселении славян был осложнен несколькими вставками[51]. Он считал, что вставкой является именно слово *уличи*: «Дулѣби живяху по Бугу, {къде ньнѣ Велыняне}, а {оуличи} тиверьци сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху бо къ Дунаеви. Бѣ множьство ихъ {сѣдяху бо по Днѣстру} оли и до моря…», изначальный текст дословно можно понять следующим образом: «…Дулебы жили по реке Буг, тиверцы селились по реке Днестр, селились в сторону Дуная, было их множество аж до моря…». Таким образом, если принять этот вариант, то к пассажу о тиверцах была сделана маргиналия «уличи», которая потом была внесена в основной текст.

М. Казанский и К. Цукерман, напротив, считают, что слово «тиверцы» являются припиской-разъяснением к слову «уличи» которые, таким образом, локализуются им на реке Днестр[52]. Они полагают, что тиверцы — более позднее название общности уличей.

Однако, сочетание «уличи тиверцы» без соединительного союза «и» не может, конечно, трактоваться как «уличи дополнительно определяемые как тиверцы», как считают М. Казанский и

---

[50] ПСРЛ III: 109.
[51] Соболевский 2006: 174–175.
[52] Казанский, Цукерман 2017: 16–17, 24, 32.

К. Цукерман. Во всех остальных случаях в космографическом Введении ПВЛ и первых статьях погодного изложения такие «этногенетические» отождествления и разъяснения приводятся в качестве вполне внятных придаточных предложений: «Нарци еже суть Словѣне», «отъ Скуфъ рекше отъ Хазаръ, рекомии Болгаре», «Дулѣбы сущая Словѣны», «Къ Варягомъ къ Руси сице бо ся звахуть и варязи суть», «Ноугородьци отъ рода Варяжска преже бо бѣша Словѣне», «Поляне яже нынѣ зовомая Русь», «отъ варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша Словене, аще и Поляне звахуся, но Словеньская рѣчь бѣ. Полями же прозвани быши зани в поли седяху, а языкъ Словеньски бысть имъ единъ», «Тиверци, яже суть Толковины»[53]. Кроме того, во всех остальных случаях парные этниконы в Космографическом Введении ПВЛ разделяются союзом «и». На фоне таких кристально ясных пояснений во всех остальных случаях два этникона подряд в начале очередной синтагмы текста выглядят как явная механическая сшивка.

Таким образом, либо этникон «уличи», либо этникон «тиверцы» является вставкой. Решить эти дилемму, исходя из имеющегося летописного текста, кажется, не представляется возможным.

Мы предлагаем еще один вариант решения проблемы — внесение конъектуры: *«А **оу луцѣ* (= Мест. пад. «въ луцѣ») тиверьци сѣдяху, присѣдяху къ Дунаеви, бѣ множьство ихъ сѣдяху оли до моря, и суть городи их и до сего дьне…». В Киевском своде 1198 г. есть необходимая аналогия такого географического ориентира: «…Но Богъ молитвую отца его избави от смѣрти (князя Михалка Юрьевича. — *А. Щ.*), якоже преже *в луцѣ моря* бьяхуся с ними крѣпко»[54]. Примеры замены «въ» на «оу» также легко найти в Киевском своде 1198 года: «И тако умре Ярославъ единъ *оу толцѣ силѣ* вои за великую гордость его», «священна бысть цьркови *оу Бѣлѣгородѣ* святыхъ апостоловъ», «умре Святославъ сынъ Ярославль *оу Муромѣ*», «оже Дюрги *оу Городци* оуже», «сташа *оу Мелтековѣ селѣ*», «И тогда придоша *оу Стародубѣ*», «а всимъ ся сняти *оу Смоленьскѣ*», «оже Олегъ уже *оу Черниговѣ*»[55].

---

[53] ПСРЛ I: Стб. 5, 11–12, 19–20, 25–26, 28–29.
[54] ПСРЛ II: Стб. 558.
[55] ПСРЛ II: Стб. 287, 314, 318, 331, 342, 368, 416, 523.

Таким образом, этот пассаж ПВЛ с учетом такой конъектуры должен быть переведен: «а у луки (залива моря) тиверцы сидят по Днестру, сидят почти вплоть до Дуная, так как множество их, аж до моря…». Иными словами, появление здесь этнонима уличи — результат неправильного прочтения топографического ориентира, который, кстати, вполне мог быть изначально плохо читаемой маргиналией к фразе «оли до моря», поскольку слово «лоука» было стандартным обозначением приморских территорий в древнерусском узусе. В Успенском сборнике находим рассказ о том как орел привел монаха Агапия на берег моря «и доведе и орьлъ морьскыя лоукы… бяше бо и звѣрь лютъ въ лоукахъ морьскыихъ»[56].

Исходя из данного известия ПВЛ, в зависимости от разных реконструкций, тиверцы могут быть локализированы на побережье Черного моря в районе Дуная («*оу луцѣ… присѣдяху къ Дунаеви…сѣдяху оли до моря»), на Днестре и от Днестра до Дуная («*по Днѣстру, присѣдяху бо къ Дунаеви…»), по Бугу и по Днепру вплоть до моря («…седяху бо по Бугу и по Днепру оли до моря…). Абсолютно достоверной локализации тиверцев нет и не может быть, есть только практически равновероятные варианты, связанные с югом Восточной Европы.

Отдельно следует рассмотреть попытку М. Казанского найти археологические памятники, которые можно соотнести с общностью «уличей-тиверцев»[57]. Это — хороший пример прямолинейного сопоставления данных письменных источников и археологии с помощью «сверх-интерпретаций». М. Казанским был сделан компактный обзор «славянских древностей» юга Восточной Европы. Такого очерка явно не хватало в историографии. Однако, эти данные не имеют к обсуждаемым проблемам локализации уличей и тиверцев практически никакого отношения. М. Казанский попытался очертить границу уличей, используя принятую в археологической литературе локализацию полян, хотя у нас нет в письменных источниках никаких данных о границах расселения полян вне Киева, и это М. Казанский вполне понимает. После этой оговорки, М. Казанский, ссылаясь на монографию В.В. Седова, начинает оперировать такими искусственными по-

[56] УС 1971: 467.

[57] Казанский, Цукерман 2017: 26–32.

нятиями как «южный рубеж земли полян» и «традиционная полянская территория»[58]. Если же посмотреть на карту № 14 этой монографии, то эта «традиционная полянская территория» занимает все Среднее Поднепровье, доходя вплоть до Чернигова[59]. В.В. Седов, очерчивая границы полян, исходит из отождествления полян и руси и глубокой древности поляно-русского народа, восходящего к VI веку[60]. Разделяет ли М. Казанский все эти идеи? Надеемся, что все-таки нет. «Традиционная полянская территория» В.В. Седова — часть целостной концепции ранней истории древнего могучего народа полян-руси, выбрать из нее «удобную» для своей концепции деталь, игнорируя все остальное, совершенно некорректно. Риторически М. Казанский называет эту южную границу полян «гипотетической», правильней было бы сразу написать, что эта граница «фантастическая». В итоге очевидно, что способов аргументировано очертить границы уличей-тиверцев по археологическим данным М. Казанский не нашел.

«Славянские древности» описываемого региона могут принадлежать равным образом и уличам, и тиверцам (тождество которых с уличами теоретически возможно, но не доказано), и другим, не идентифицированным еще (один «Баварский географ» 900 г. дает их целый набор!) или вообще безымянным для нас, славянскими группами. Доказать, что те или иные археологические памятники именно уличам-тиверцам или только тиверцам нельзя.

Далее М. Казанский иронически комментирует нашу локализацию города Пересечена, он предлагает нам найти вокруг городища Монастырек, который мы отождествляем с летописным Пересеченым, 318 городов уличей, которые им приписывает латинский трактат «Баварский географ», написанный около 900 года[61]. Однако, это обоюдоострый аргумент. Он точно также де-

---

[58] Казанский, Цукерман 2017. 26–27, 31.

[59] Седов 1979: 109.

[60] Седов 1979: 111–113.

[61] В статье М. Казанского и К. Цукермана дана критика нашей локализации уличей и города Пересечен, однако, мы считаем, ее неубедительной и местами совершенно некорректной, но это особая проблема, которую мы предполагаем рассмотреть отдельно. О дате «Баварского географа» «между 890 и 910 г.» см.: Щавелев 2018в.

завуирует попытку К. Цукермана и М. Казанского разместить уличей на Южном Буге, Днестре и Пруте. Сам М. Казанский находит на этих территориях 24 укрепленных и девять открытых поселений и еще 23 в соседнем регионе. А где же тогда оставшиеся более чем 250 городов? Поэтому, мы в свою очередь предлагаем М. Казанскому сначала самому найти хотя бы 300 городищ «Баварского географа» на Южном Буге, Днестре и Пруте, а уже после этого локализовать там огромную общность уличей-тиверцев. При прочих равных условиях, мы готовы рассмотреть в качестве аргумента хотя бы 100 найденных городищ. Кроме того, предлагаем М. Казанскому задуматься, как с общностью, населявшей 318 городищ, успешно воевали первые киевские князья, которые контролировали только очень скромный территориальный анклав вокруг Киева. Как бы там ни было, 318 городов уличей «Баварского географа» нуждаются в объяснении, самое экономное из которых — ошибка или преувеличение.

В итоге, необходимо констатировать, что археологические данные без наличия четких указаний письменных текстов о том, где искать ту или иную общность, не могут «обрести решающее значение» для локализации тиверцев, как это декларируют М. Казанский и К. Цукерман[62]. Финальные заявления авторов статьи являются лишь очередным примером смешанной аргументации (“die vermischte Argumentation”[63]), когда противоречивость исторической информации «умножается» на неопределенность интерпретации археологических материалов.

Очевидный случай историографической сверхинтепретации летописных текстов — локализация *хорватов* на западных границах Руси. Есть три оригинальных летописных известия о хорватах — два из них повествуют о походе на них князя Владимира Святославича. Еще раз подчеркнем, что упоминания хорватов в списках войск русских князей Олега и Игоря Рюриковича, нападавших на Византию, мы не учитываем. Эти списки механически сконструированы из этниконов, упомянутых в Начальном своде и ПВЛ. Обратим внимание, что поход князя Владимира на хорватов не упомянут в перечне походов из списка «Памяти

[62] Казанский, Цукерман 2017: 33.
[63] Hachman 1970: 473; Pohl 1988: 14, 337–338.

и похвалы» Иакова Мниха[64].

В Начальном своде 1090-х гг. есть известие 6501 летописного года (в зависимости от типа датировки это может быть промежуток между 992 и 994 гг.) о походе на хорватов князя Владимира Святославича: «Иде Володимеръ на хорваты»[65]. По относительной хронологии Начального свода это происходит после крещения Владимира, закладки Десятинной церкви и основания Белгорода.

Это известие воспроизведено в ПВЛ: «Иде Володимиръ на Хорваты, пришедшю бо ему с воины хорватьскыи и се печенѣзи придоша…»[66]. В Лаврентьевском списке известие помещено под 6500 г., в остальных списках ПВЛ — под 6501 г., в некоторых летописях Новгородско-Софийской группы — под 6499 годом[67].

В Космографическом Введении ПВЛ хорваты в числе общностей Восточной Европы упоминаются один раз в перечне: «…И живяху въ мирѣ поляне и древляне и сѣверъ и радимичи и вятичи и хорвате. Дулѣби живяху по Б(уг)у… а оулучи тиверьци сѣдяху по Днѣстру…»[68]. Строго говоря, в этом перечислении хорваты находятся в перечне восточных общностей славян после вятичей. Вполне очевидно, что именно на востоке Руси, в районе рек Дон, Ока и Волга, они и должны быть локализованы, исходя из этого списка. Однозначно, связать этих хорватов с западными границами Руси нельзя. Не исключено, что это неудачно вставленная глосса с полей рукописи, которая относилась как раз к западным общностям — дулебам, волынянам и др., но это слишком шаткое основание, чтобы изобретать такую новую общность и уверенно ее локализовать где-либо. В итоге никаких данных о локализации хорватов у нас нет. Исходя из списка общностей славян космографического Введения ПВЛ, хорватов можно соотнести как с западными границами Руси, так и с восточными. Сообщения же о походе Владимира Святославича вообще не содержат даже косвенных ориентиров направления этой экспедиции.

В историографии, тем не менее, закрепилась устойчивая

---

[64] Милютенко 2008: 60–62.
[65] ПСРЛ III: 165.
[66] ПСРЛ I: 122; ПСРЛ II: 106.
[67] ПСРЛ XLII: 55; ПСРЛ IV: 91.
[68] ПСРЛ I: 12 –13; ПСРЛ II: 9.

идея о существовании некой особой общности хорватов на западных границах Руси[69]. Эту идею развил А.Н. Назаренко, который связал с датой похода на них Владимира Святославича неявку польского князя Болеслава I на войну германского короля Оттона III с гаволянами в 991 году[70]. Однако, доказательств именно западной локализации хорватов он не приводит, воспринимая ее как историографическую данность. Апелляция А.Н. Назаренко к «археологической карте»[71] не является аргументом, поскольку, построена на явном недопонимании карты В.В. Седова № 20, на которую он ссылается. Во-первых, А.Н. Назаренко оперирует устаревшим и совершенно не корректным понятием «северянские древности», при этом он ссылается на карту распространения памятников Роменско-Боршевской (Роменской) археологической культуры. Как нам уже приходилось писать, Роменская культура не тождественна этнополитической общности северян (северъ). В ареале Роменской культуры есть как минимум три общности — вятичи на Оке, северяне на Десне, Сейме и Суле, и радимичи еще где-то (см. выше)[72]. Есть современные карты, которые хорошо показывают территорию расселения общности именно северян[73]. Однако, уже из карт В.В. Седова, которые использовал А.Н. Назаренко, ясно, что территория северян (карта № 19) гораздо у́же, чем территория распространения памятников Роменской культуры (карта № 20). А.Н. Назаренко, уверенно констатируя, что восточней общности северян нет славянских памятников, не увидел на карте № 20 славянские городища на Дону, среди них такие, как Нижний Воргол, Титчиха, два городища у с. Боршево, эпонимного для Роменско-Боршевской культуры (см. номера памятников 65–74). Сейчас этот район исследован еще лучше, но уже карты В.В. Седова хватает, чтобы понять, что восточней северян и юго-восточней вятичей есть славянский эксклав, который вполне мог носить название «хорваты». А.Н. Назаренко не смутило даже то, что В.В. Седов написал *отдельные разделы* «Северяне» и «Славяне на Дону», уже из этого

[69] Седов 1982: 123–125; Хабургаев 1979: 201–202.
[70] Назаренко 2016: 625–626.
[71] Назаренко 2001: 443; Назаренко 2016: 624–625.
[72] Щавелев 2015: 105–106.
[73] Щавелев 2014; Моргунов 2014.

ясно, что славянские древности на Дону В.В. Седов не относил к «северянским»[74]. Вообще же, на Левобережье Днепра можно найти еще достаточно областей распространения славянских древностей, которые не связаны с территориями «летописных» северян или вятичей, и которые тоже вполне могли называться «хорватами» или как-то еще. Наконец, никто не запрещает считать, что хорваты были «суб-группой» («малым племенем») тех же северян или вятичей, на которую напал Владимир Святославич. Добавим, что хотя мы не разделяем иранскую этимологию этникона «северъ», и у нас есть сомнения в иранской этимологии этникона «хорваты», именно эти два этникона считались многими лингвистами «иранскими»[75].

Странным образом не получила развития самая естественная и «экономная» версия о том, что князь Владимир Святославич ходил походом на хорватов на Балканах — собственно в Хорватию. Экспедиция в земли балканских *хорватов* по расстоянию и сложности логистики вполне сопоставим с его походами на *ятвягов*, *хазар* или волжских («серебряных») *булгар*, а также на *византийский Херсон*. Вообще следует обратить внимание, что Владимир проводил далекие военно-грабительские рейды точно также как и его отец Святослав Игоревич, причем, в тех же самых направлениях.

Ситуация в Хорватии в последнем десятилетии X столетия и начале XI в. как раз была не стабильной. Примерная последовательность правления хорватских королей в конце X – начале XI в. нам известна из грамоты 1066/67 г. короля Петра Крешимира IV, в которой названы его предшественники: Дирзислав (*Dirzislau*), его сын Святослав (*Suataslau*) и его братья Кресимир (*Kresimir*) и Гоислав (*Goyslau*) и сын Святослава Стефан (*Stephan*) — отец Крешимира IV[76]. В историографии принята следующая реконструкции генеалогической последовательности: «основатель династии» Держислав, его старший сын Святослав и его братья Крешимир и Гоислав, а у Святослава — сын Стефан и внук Креши-

---

[74] Седов 1982: 133–140 и 140–143.

[75] Хабургаев 1979: 210. Сам А.В. Назаренко как раз разделяет иранские этимологии: Назаренко 1993: 26.

[76] CDRCDS I: 106.

мир IV[77]. Следует учитывать, что исходя из этого текста, можно полагать, что Крешимир и Гоислав — братья Держислава, а чьим сыном является Стефан — вообще не ясно[78]. Еще известна надпись «дукса хорватов» Держислава (DIRZISCLV)[79]. В первой части надписи не сохранилось имя, которое тоже оканчивалось на "…SLV", очевидно, что это тоже было имя Держислава, такие тавтологии в лапидарных надписях весьма распространены. Таким образом, первая надпись гласила: «Дирзислав дукс хроатов», а вторая: «Во время Дирзислава дукса великого». Видеть в первой надписи имена сына Держислава Святослава или еще кого-нибудь из его родственников, совершенно не обязательно. Держислав упоминается в грамотах от 9 февраля 994 г. и от 1 августа 1000 г., хотя эти грамоты могут быть поздними фальсификатами[80]. В основном источнике по событиям этого времени в Хорватии — «Венецианской хронике» — имя правителя хорватов не названо. Сложности не вызывает даже грамота, датированная 1000 годом, поскольку экспедиция по «принуждению к миру» Хорватии венецианцев теоретически могла завершиться и осенью (см. ниже).

Основная канва событий этого времени известна из «Венецианской хроники» Иоанна Диакона, доведенной автором до 1008 г., а написанной до 1018 года[81]. В ней рассказывается, что дожем Венеции в 991 г. становится Пьетро Орсеоло II, также из хроники очевидно, что ее автор Иоанн Диакон был дипломатом и конфидентом этого дожа. Дож Пьетро Орсеоло II заключил союз с византийским императором Василием II Болгаробойцей и отказался платить дань хорватам. Затем в ходе перечисления деяний дожа есть упоминание о посольстве от него к королю Оттону III в марте 996 г., как раз накануне того как Оттон III принял титул императора в Риме 21 мая 996 г., а затем речь идет о перемещениях в июле-августе Оттона III по Италии. Именно этим временем, то есть летом 996 г. датируется нападение «правителя хорватов» (*iudex* — дословно «судьи») на владения Венеции и с требо-

---

[77] Klaić 1975: 316 – 334.
[78] Šišić 1914: 65–88.
[79] Delonga 1996: 108; Klaić 1975: 324–326.
[80] CDRCDS I: 46–48.
[81] MGH 1826: 29–33: См. подробней: Nickol 1988: 39–49.

ванием возобновить выплату дани. Затем излагаются события вплоть до апреля 998 года. Хронист констатирует, что в эти времена вожди хорватов нападали на венецианцев. 26 мая 998 г. морская экспедиция дожа Пьетро II стартовала. Судя по внутренней хронологии хроники, в июне король хорватов начинает переговоры с Пьетро II. Именно в это время к нему прибывает «брат короля» хорватов по имени *Surigna*, который «немного ранее» был обманут «братским коварством» и лишен королевской диадемы. Этот *Surigna* отдает в заложники своего сына Стефана, который получил в жены дочь Пьетро Орсеоло II. Экспедиция закончилась, судя по всему, около 1000 г. триумфом дожа и захватом приморских городов. Не исключено, что вся экспедиция происходила не около трех лет, а только весной и летом 1000 г.[82], но наиболее аккуратной будет датировка — «между 998 и 1000 гг.».

Дополнительно «История архиепископов Салоны и Сплита» XIII в. Фомы Сплитского сообщает, что после Держислава короли хорватов были союзниками Византии, и что они носили титулы «эпарха» и «патрикия»[83]. Наконец, в византийской хронике Иоанна Скилицы сообщается, что после того как император Василий II Болгаробойца подчинил себе Болгарию, то «два брата» архонты хорватов тоже ему подчинились, это происходит после 1018/1019 года[84]. Уже в 1024 г. независимость Хорватии от Византии была окончательно ликвидирована катепаном Южной Италии[85]. Из текста Иоанна Скилицы вполне понятно, что хорваты выступали союзниками болгар против византийцев. Основным противником Василия II были болгары во главе с царем Самуилом, логично, что союзники Византии, венецианцы и русские, воевали с хорватами, которые были на стороне болгар[86].

Исходя из этих данных, можно считать, один из сыновей или братьев короля Хорватии Держислава был лишен престола, поэтому он присоединился к венецианскому войску дожа Пьетро Орсеоло II. Проще всего отождествить этого *Surigna* с сыном

---

[82] Nickol 1988: 43.

[83] Archdeacon Thomas of Split 2006: 60.

[84] IS 1726: 365.

[85] von Falkenhausen 2003: 149–150; Caldellis 2017: 137–138.

[86] Stephenson 2003: 11–65; Holmes 2005: 48–50, 52, 494–500; Hupchic 2017: XXVII–XXXI, 274–307, 318.

Дерджислава Святославом — *Suataslau*, но самое главное не конкретное отождествление изгнанного правителя, а то, что в Хорватии в это время произошла междоусобица, которая и позволила совершить победоносный поход венецианцев. Причем, в качестве подготовки к этому походу дож Пьетро Орсеоло II заключил союз с византийским императором Василием II, который был покровителем хорватских вождей. Очевидно, что свержение хорватского правителя *Surigna* развязывало руки венецианцам для войны с Хорватией. Поздний хронист дож Венеции Андреа Дандоло (1306–1354), использовавший разнообразные венецианские нарративные источники и документы, прямо пишет, что поход состоялся с разрешения императоров Василия II и Константина VIII (“cum permissione Baxilii et Constantini imperatorum constantinopolitanorum”), тем самым подчеркивая подчиненность хорватов византийцам[87]. Андреа Дандоло, рассказывая об этих событиях, говорит, что излагаемую историю он почерпнул в древних греческих и венецианских рукописях (“in antiquissimis grecorum et venetorum codi[ci]bus”).

Все изложенное позволяет полагать, что шурин императора Василия II Болгаробойцы князь Владимир Святославич в качестве прокси-союзника византийцев участвовал в походе венецианцев на Хорватию 998–1000 гг., который состоялся по соглашению с византийцами. Так, нет нужды изобретать еще одних хорватов на западе или на востоке Руси, проще считать, что Владимир напал на хорватов, живших как раз на территории современной Хорватии.

Такая датировка идеально объясняет странный факт отсутствия упоминания похода на хорватов в «Памяти и похвале» Иакова Мниха. В этом памятнике отразились сведения о походах и деяниях Владимира Святославича, зафиксированные неким источником, связанным с Десятинной церковью: Т.В. Гимон полагает, что это была «царская надпись» о деяниях или краткий исторический обзор достижений крещеного князя Владимира[88]. Связь этого гипотетического источника с Десятинной церковью признается почти всеми исследователями, а эта церковь была достроена и освящена 12 мая 996 года. Как раз после этого и со-

[87] RIS XII: 196–197. См.: Klaić 1975: 328.
[88] Гимон 2018: 84.

стоялся поход на хорватов между 998 и 1000 годами, поэтому логично, что он и не попал в «царскую надпись» или «первоначальный обзор деяний». Появление лапидарной записи об этом походе соответствует и гипотезе о том, что «обзор деяний» Владимира Святославича в Десятинной церкви был продолжен короткими анналами[89]. Дата Начального свода 1090-х гг. 6501 «ѯѳа» вполне могла возникнуть как искажение одной последней буквы в дате 6508 «ѯѳи» из этих перво-анналов. Приписка хорватов к рассмотренному выше известию космографического введения ПВЛ — вторичная попытка либо автора этого текста, либо более позднего глоссатора, найти хоть какое-то место для хорватов среди восточно-славянских общностей.

В итоге констатируем, что имеющиеся в нашем распоряжении отрывочные и противоречивые данные не позволяют достоверно определить локализацию *дреговичей*, *радимичей* и *тиверцев*. Следует также наконец-то перестать искать локацию, по сути, мифических для X в. *дулебов*. Нет нужды изобретать еще одну общность *хорватов*, хоть на западе, хоть на востоке Руси. Признание этих фактов «разгружает» историческую географию Восточной Европы от целой группы общностей-фантомов и открывает новые возможности для более адекватного сравнения «летописной географии» и современной «археологической карты» памятников X–XI веков.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеев 2006 — *Алексеев Л.В.* Западные земли домонгольской Руси. Очерки истории, археологии и культуры. М., 2006. Кн. 1.

Гимон 2017 — *Гимон Т.В.* К проблеме зарождения историописания в Древней Руси // ДГ 2013: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья / Отв. ред. Д.Д. Беляев, Т.В. Гимон. М., 2016. С. 748–800.

Гимон 2018 — *Гимон Т.В.* Исторические заметки из «Памяти и похвалы» Иакова Мниха и зарождение древнерусского летописания // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь А.В. Назаренко. М., 2018. С. 73–89.

[89] Гимон 2018: 85.

Гиппиус 2012 — *Гиппиус А.А.* До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда, 2012. С. 37–62.

Горский 2002 — *Горский А.А.* «Слово и полку Игоревѣ, Игоря, сына Святославля, внука Ольгова / Вступ. ст., подг. текста., пер. с древнерусского, комм. и прилож. А. А. Горского. М., 2002.

Добродомов 1970 — *Добродомов И.Г.* Два булгаризма в древнерусской этнонимии (тиверцы, толковины) / Этнонимы. М., 1970. С. 160–163.

Жих 2017 — *Жих М.И.* Радимичи (локализация, происхождение, социально-политическая история) // Исторический формат. 2017. № 1–2. С. 12–63.

Замятин 2007 — *Замятин Д.Н.* Имажинальная (образная) география. Материалы к словарю гуманитарной географии // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. М., 2007. Вып. 4. С. 291–296.

Зимин 1963 — *Зимин А.А.* Память и похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. 1963. № 37. С. 66–75.

Ильинский 1926 — *Ильинский Г.А.* Кто были Λενζανῆνοι Константина Багрянородного? // Slavia. 1925–1926. Praha, 1926. T. IV. C. 314–319.

Казанский, Цукерман 2017 — *Казанский М., Цукерман К.* Уличи // Palaeoslavica. 2017. T. XXV. № 2. C. 1–37.

Кибинь 2014 — *Кибинь А.С.* Дулебы и обры (авары) Повести временных лет // Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории. 2017. № 3 (15). С. 141–161.

Кибинь 2017 — *Кибинь А.С.* Дулебы в поставарском историко-политическом контексте (новые направления в историографии) // Ладога в контексте исто- рии и археологии Северной Евразии. Сб. ст. памяти Д.А. Мачинского. СПб., 2014. С. 157–165.

Коновалова 2001 — *Коновалова И. Г.* Состав рассказа об «острове русов» в сочинениях арабо-персидских авторов X–XVI вв. // ДГ 1999: Восточная и Северная Европа в средневековье / Отв. ред. Г.В. Глазырина. М., 2001. С. 169–189.

Коновалова 2012а — *Коновалова И.Г.* «Остров русов» как географический образ // Исторический вестник. 2012. № 1. С. 42–53.

Коновалова 2012б — *Коновалова И. Г.* Историческая география на междисциплинарных перекрестках // Историческая география / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2012. Т. 1. С. 8–19.

Лурье 1997 — *Лурье Я.С.* История России в летописании и в восприятии Нового времени // *Лурье Я.С.* Россия древняя и Россия новая (Избранное). СПб., 1997. С. 11–172.

Мельникова 1999 — *Мельникова Е.А.* Устная традиция в Повести временных лет: к вопросу о типах устных преданий // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто / Под ред. Т.Н. Джаксон, Е.А. Мельниковой. М., 1999. С. 153–165.

Менгес 1979 — *Менгес К.Х.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.

Милютенко 2008 — *Милютенко Н.И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники. СПб., 2008.

Мишин 2002 — *Мишин Д.Е. Сакалиба* (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002.

Моргунов 2014 — *Моргунов Ю.Ю.* Еще раз о северянских «протогородах» // Міста Давньої Русі. Збірка наукових праць пам'яті А.В. Кузи. Київ, 2014. С. 116–131.

Назаренко 1993 — *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. Тексты, перевод, комментарий. М., 1993 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

Назаренко 2001 — *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей XI–XII веков. М., 2001.

Назаренко 2016 — *Назаренко А.В.* Достоверные годовые даты в раннем летописании и их значение для изучения древнерусской историографии // ДГ 2013: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья / Отв. ред. Д.Д. Беляев, Т.В. Гимон. М., 2016. С. 593–654.

Нерознак 1983 — *Нерознак В.И.* Названия древнерусских городов. М., 1983.

Пазнякоў 2008 — *Пазнякоў В.С.* Клецк X–XVIII стст.: матэрыяльна і духоўна культура беларускаго феадальнаго горада. Мінск, 2008.

ПВЛ 2012 — Повесть временных лет / Комм. А.Г. Боброва, С.Л. Николаева, А.Ю. Чернова. СПб., 2012.

Петрухин, Раевский 2004 — *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 2004.

Поппер 2014 — *Поппер К.* Неоконченный поиск. Интеллектуальная биография / Пер. А. Карташова. М., 2014.

Поспелов 2008 — *Поспелов Е.М.* Географические названия Московской области. Топонимический словарь. М., 2008.

ПСРЛ I — ПСРЛ. М., 1997. Т. I: Лаврентьевская летопись.

ПСРЛ II — ПСРЛ. М., 1998. Т. II: Ипатьевская летопись. М., 1998.

ПСРЛ XLII — ПСРЛ. СПб., 2002. Т. XLII: Новгородская Карамзинская летопись.

ПСРЛ III — ПСРЛ. М., 2000. Т. III: Новгородская первая летопись Старшего и Младшего и изводов.

ПСРЛ IV (1) — ПСРЛ. М., 2000. Т. IV. Вып. 1: Новгородская четвертая летопись.

ПСРЛ VI (1) — ПСРЛ. М., 2000. Т. VI. Вып. 1: Софийская летопись старшего извода.

Рабинович 2005 — *Рабинович Р.А.* Уличи и тиверцы в оценках историографии // Stratum Plus. 2003–2004. № 5. С. 440–484.

Рабинович 2011 — *Рабинович Р.А.* «Поганые толковины». О происхождении тиверцев // Stratum Plus. 2011. № 5. С. 89–106.

Седов 1982 — *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1982 (Археология СССР).

Соболевский 2006 — *Соболевский А.И.* Несколько мест Начальной летописи // *Соболевский А.И.* Труды по истории русского языка. М., 2006. Т. 2: Статьи и рецензии / Сост. и подг. текста В.Б. Крысько. С. 171–183.

Срезневский 1893 — *Срезневский В.И.* Мусин-Пушкинский сборник 1414 года в копии начала XIX века / Приложение к LXXII тому Записок Императорской Академии наук № 5. СПб., 1893.

СССПИ-6 — Толковин // Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». В 6-ти выпусках / Сост. В.Л. Виноградова. М.; Л., 1984. Вып. 6. Т-Я и дополнения. С. 40–42.

УС 1971 — Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подг. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон. М., 1971.

Формозов 2005 — *Формозов А.А.* Человек и наука. Из записей археолога. М., 2005.

Хабургаев 1979 — *Хабургаев Г.А.* Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979.

Шинаков 1999 — *Шинаков Е.А.* Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования древнерусского государства // Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, ис-

торическая динамика. СПб., 2000. С. 303–347.

Щавелев 2014 — *Щавелев А.С.* Племя северян и хазарские крепости: еще раз о геополитике юга Восточной Европы первой половины IX века // Книга картины земли. Сб. статей в честь И.Г. Коноваловой / Под. ред. Т.Н. Джаксон, А.В. Подосинова. М.,2014. С. 323–329.

Щавелев 2015 — *Щавелев А.С.* Славянские «племена» Восточной Европы X – первой половины XI века: аутентификация, локализация и хронология // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana / Петербургские славянские и балканские исследования. 2015. № 2 (18). С. 99–133.

Щавелев 2016 — *Щавелев А.С.* Еще раз о радимичах и пищанцах: анализ письменных текстов и интерпретация археологических источников // Русский сборник. Брянск, 2016. № 8. Ч. 2. С. 190–195.

Щавелев 2017 — *Щавелев А.С.* К интерпретации древнерусских летописных известий о славянских общностях Восточной Европы // ВЕДС XXIX: Античные и средневековые общности. М., 2017. С. 259–267.

Щавелев 2018а — *Щавелев А.С.* Трактат византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей»: о датировках оригинала рукописи и его копии XI в. писца Михаила Роизаита (Paris. gr. 2009) // Палеография, кодикология, дипломатика: Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. Материалы Международной науч. конф. в честь 80-летия Б.Л. Фонкича. Москва, 27–28 февраля 2018 г. / Отв. ред. И.Г. Коновалова, сост. М.А. Курышева. М., 2018. С. 296–310.

Щавелев 2018б — *Щавелев А.С.* К идентификации названия «eptaradici» в «Описании городов и областей к северу от Дуная» («Баварском географе») // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь А.В. Назаренко. М., 2018. С. 529–535.

Щавелев 2018в — *Щавелев А.С.* Узлы трансконтинентальных магистралей и общности славян Восточной Европы X–XI вв. (словене и кривичи) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana / Петербургские славянские и балканские исследования. 2018. № 2 (в печати).

ЭСПИ-5 — *Салмина М.А.* Толковин // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». В пяти томах. СПб., 1995. Т. 5. Слово Даниила Заточника — Я. Дополнения. Карты. Указатели. С. 126–128.

Albert 1967 — *Albert H.* Marktsoziologie und Entscheidungslogik. Zur

Kritik der reinen Ökonomik. Neuwied; Berlin, 1967.

Archdeacon Thomas of Split 2006 — Archdeacon Thomas of Split. History of Salona and Split / Latin text by O. Perić; ed., trans. & annot. by D. Karbić, M.M. Socol, J.R. Sweeney. Budapest; New York, 2006.

Caldellis 2017 — *Caldellis A.* Streams of Gold, Rivers of Blood. The Rise and Fall of Byzantium, 995 A.D. to the First Crusade. Oxford, 2017.

CDRCDS 1 — Codex Diplomaticus Regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae. Zagreb, 1967. Sv. 1.

DAI-I — *Constantine Porphyrogenitus*. De Administrando Imperio. Washington, 1967. Vol. I: Greek Text and English Translation / Ed. by R.G.H. Jenkins & Gy. Moravcsik.

Delonga 1996 — *Delonga V.* Latinski epigrafički spomenici u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj. Split, 1996.

Gippius 2014 — *Gippius A.* Reconstructing the Original of the Povest' Vremennyx Let: A Contribution to the Debate // Russian Linguistics. 2014. № 38. P. 341–366.

Hachman 1970 — *Hachman R.* Die Goten und Skandinavien / Quellen and Forschungen zur Sprach- und Kulturgeschichte der germanischen Völker. Berlin, 1970.

Holmes 2005 — *Holmes C.* Basil II and the Governace of Empire (976–1025). Oxford, 2005.

Hupchic 2017 — *Hupchic D.P.* The Bulgarian-Byzantine Wars for Early Medieval Balcan Hegemony. Silver-Lined Sculls and Blinded Armies. Cham, 2017.

IS 1973 — Ioannis Scylitzae. Synopsis Historiarum / Ed. I. Thurn. Berlin; New York, 1973.

Klaić 1975 — *Klaić N.* Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. Zagreb, 1975.

Loma 2000 — *Loma A.* Serbisches und kroatisches Sprachgut bei Konstantin Porphyrogennetos // Зборник радова Византолошкого института. 1999–2000. № 38. S. 87–161.

Lübke 1987 — *Lübke C.* Regesten zur geschichte der Slaven an Elbe und Oder (vom Jahr 900 an). Berlin, 1987. T. IV. Regesten 1013–1057.

MGH 1826 — Monumenta Germaniae Historica. Hannover, 1826. Ser. Scriptorum. T. I / Ed. G.H. Pertz.

Michalski, Stephan 2013 — *Michalski M., Stephan J.* Noch einmal zum 34.Kapitel der *Goldwiesen* al-Mas'ūdīs über die Slawen // Folia Orientalia. 2013. T. 50. S. 283–299.

Müller 2006 — *Müller L.* К критике текста, к тексту и переводу Повести временных лет // Russian Linguistics. 2006. № 30 (3). С. 401–436.

Nickol 1988 — *Nickol D. M.* Byzantium and Venice. A Study in Diplomatic and Cultural Relations. Cambridge, 1988.

Ostrowski 2005 — *Ostrowski D.* Scribal Practices and Copying Probabilities in the Transmission of the Text of the Povest' vremennykh let // Palaeoslavica. 2005. 13 (2). P. 48–77.

Pohl 1988 — *Pohl W.* Ein Steppenvolk in Mitteleuropa. 567–822 n. Chr. München, 1988.

PVL 2003 — The Pověst Vremennych lět. An Interlinear Collation and Paradosis / Comp. & ed. by D. Ostrowski. Harvard, 2003. Pt. 1.

RIS XII — Rerum italicarum scriptores / Ord. da L.A. Muratori. T. XII. Mediolani, 1728.

Šišić 1911 — *Šišić F.* Genealoški prilozi o hrvatskoj narodnoj dinastiji // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. 1914. Sv. 13. Br. 1. S. 1–93.

Stengers 2004 — *Stengers J.* Unité ou diversité de la critique historique // Revue belge de philologie et d'histoire. 2004. T. 82. Fasc. 1–2. P. 105–122.

Stephenson 2003 — *Stephenson P.* The Legend of Basil the Bulgar-Slayer. Cambridge, 2003.

Strumiński 1996 — *Strumiński B.* Linguistic Interrelations in Early Rus'. Northmen, Finns, and Early Slavs (Ninth to Eleventh Centuries). Edmonton; Toronto, 1996.

von Falkenhausen 2003 — *von Falkenhausen V.* Between Two Empires: Southern Italy in the Reign of Basil II / Byzantium in the Year 1000 / Ed. by P. Magdalino. Leiden, 2003. P. 135–159.

А.Л. Грязнов

СЕВЕРНАЯ ГРАНИЦА БЕЛОЗЕРСКОГО КНЯЖЕСТВА ПО АКТАМ XV–XVI ВЕКОВ*

Аннотация: В статье анализируются сведения источников о политической и епархиальной принадлежности территорий и отдельных пунктов на севере Белозерья. Уточнение епархиальных границ и выяснение их изменений на протяжении XVI–XVII вв. позволяют выявить следы колонизационных волн из Ростовской и Новгородской земель в древнерусский период и определить новгородско-белозерскую границу в XIII–XIV веках. Систематизация сведений об административной структуре Чарондской округи и о пересечении церковной юрисдикции на ее территории показывает, что положения Яжелбицкого договора об отказе новгородцев от приобретений на Белоозере были связаны с проникновением новгородских землевладельцев на Белоозеро, которое к середине XV в. стало вполне ощутимым. Источники дают возможность раскрыть механизм, форму и географию таких приобретений. Расположение административных и политических границ на севере Белозерья связано с историей освоения региона и формированием транспортных артерий еще в древнерусский период. Несмотря на относительную стабильность границ, наблюдаются их подвижки на локальном уровне, что было связано как с политической ситуацией, так и с успехами одной из сторон в хозяйственной сфере.

Ключевые слова: административная система, территориальные юрисдикции, Белозерье, Новгород, Каргополь, Чаронда.

Богатейшее документальное наследие Кирилло-Белозерского монастыря позволяет детально изучить эволюцию феодального землевладения, историю черносошной волости, генеалогию вольных слуг местных князей, слободское освоение периферийных территорий и множество других аспектов социально-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-01-00073 «Родовое землевладение Белозерских князей в XV–XVI вв.»).

экономической и политической истории Белозерского региона XIV–XVI веков. Так или иначе, разработка всех этих вопросов связана с пространственной локализацией географических объектов, упомянутых в источниках XIV–XVII веков. Вполне понятно, что в историографии первоочередное внимание уделяется крупным политическим и административным объектам, в частности, княжествам и волостям. Выяснение состава территории и границ княжеств в разные периоды необходимо для определения их экономической мощи, политического значения, военного потенциала. Причем, выявление более достоверных географических сведений о каком-либо из княжеств позволяет скорректировать представления и о его непосредственных соседях.

Применительно к Белозерскому княжеству XIV–XV вв. уточнение его территории и границ позволяет ответить на несколько взаимосвязанных вопросов. Это принципы его политического дробления, состав владений удельных князей, расположение и размеры боярского землевладения, принадлежность Белозерскому княжеству ряда пограничных территорий, например, Водоги, Чаронды, Каргополя. Это возможно выяснить как благодаря прямым указаниям синхронных источников, так и с использованием метода ретроспекции. Настоящее исследование посвящено спорным вопросам изучения северных территорий Белозерского княжества и реконструкции границ в этом районе[1].

М.К. Любавский довольно подробно описывал территорию и границы Белозерского княжества по актам XV–XVI веков. На северной окраине Белозерья ему были известны владения князей Кемских по р. Кеме, а также располагавшиеся по восточному берегу Белого оз. волости Вашкуй, Киуй, Липник, Марозеро, Вашпан и Шубач. В соответствии с этим он и проводил границу Белозерья[2].

А.И. Копанев полагал, что в XIII в. территория Белозерского княжества охватывала весь бассейн Белого озера, все течение Шексны и Кубенское озеро, но в XIV в. Заозерье и Кубена уже не входили в его состав. На XVI в., опираясь на исследование Любавского и ретроспективные данные писцовых описаний первой

---

[1] Ранее были рассмотрены границы Белозерья в районе Рукиной Слободки и Сизьмы (Грязнов, Черкасова 2012), на юге региона (Грязнов 2018) и география белозерских слободок XIV–XV вв. (Грязнов 2016а).

[2] Любавский 1929: 79.

трети XVII в., в состав Белозерья он включал течения Ковжи, Кемы и Ухты, озера Воже и Лаче (см. его карты землевладения Белозерского края конца XV века, середины XVI в. и начала XVII в.)[3]. По Копаневу, северо-западная граница Белозерья шла от Тумбажского озера между Вытегрой и Ковжей, охватывая течение Кемы, Кемское озеро и впадающую в него Сойду. Крайней северной точкой княжества на карте показано Сойдозеро и южный берег оз. Лаче, а на северо-востоке — оз. Воже и впадающая в него Вожега. Восточная граница Белозерья, по мнению Копанева, шла по Порозобице и Сусле.

В вышедшей фактически одновременно с исследованием Копанева монографии А.Н. Насонова северная граница Белозерья определяется иначе. В состав Белозерья Насонов включил Ковжское озеро, оставив за его пределами Кемское озеро и р. Сойда. Озеро Лаче Насонов считал полностью входящим в состав Белозерья, а восточную границу последнего провел по Уфтюге и северному берегу Кубенского озера (см. его карты Новгородской и Ростово-Суздальской земель второй половины XII – начала XIII в.)[4].

М.Н. Тихомиров, в связи с вопросом о владельческой принадлежности Каргополья изучая запись одного из каргопольских синодиков с поминанием великих князей, сопоставил ее с фактом бегства в Каргополь в 1447 г. Дмитрия Шемяки и предположил, что в XV в. Каргополь принадлежал Юрию Дмитриевичу Звенигородскому и его сыновьям[5].

Развитием и хронологическим продолжением монографии Насонова стало исследование В.А. Кучкина о формировании государственной территории Северо-Восточной Руси. Что касается северной границы Белозерского княжества, то Ковжское озеро и половину течения Ковжи Кучкин отнес к территории Новгородской земли, сдвинул на юг границу по Кеме, а территорию вокруг оз. Лаче включил в состав Белозерского княжества, опираясь на летописное известие о заключении по приказу Дмитрия Донского на оз. Лаче попа, ранее служившего у сына московского тысяцкого Ивана Васильевича Вельяминова[6]. Восточная граница

---

[3] Копанев 1951: 6–8.
[4] Насонов 1951: Вклейки между с. 96–97 и 184–185.
[5] Тихомиров 1955: 485–486.
[6] Кучкин 1984: 307, 313.

Белозерья, по мнению Кучкина, охватывала только верхнее течение Уфтюги и выходила к Порозобице.

К.А. Аверьянов, не касаясь конкретных границ Белозерского княжества в XIV в., тем не менее, существенно расширил его территорию. По мнению исследователя, в состав Белозерского княжества входили Каргополь и его округа. Владели этой территорией представители особой ветви Белозерских князей — князья Каргопольские. Заключая реконструкцию истории Каргопольского княжества, Аверьянов предположил, что в XIII–XIV вв. Каргополь представлял сместное владение Новгорода и Каргопольских князей[7].

С.А. Шаров-Делоне в работе, посвященной новгородским владениям в Заволочье и Подвинье, высказал гипотезу о том, что к белозерским владениям относилась часть волостей в округе Каргополя (в основном располагавшихся по берегам оз. Лаче). Эта гипотеза базируется на нескольких соображениях. Первое — это то, что «белозерщин» не было в Подвинье и единственным перспективным районом их поиска является Каргополье. Второе — сообщение Устюжской летописи о двух городка на Белоозере (Карголоме и Каргополе), которые входили в состав белозерского великого княжения, завещанного Дмитрием Донским своему сыну Андрею. Третье — информация Езовой книги 1585 г. о рыбных ловлях белозерцев на оз. Лаче, в реках, в него впадавших, и по верхнему течению Онеги. Это позволило Шарову-Делоне отнести волости по берегам оз. Лаче к белозерской доле в Каргополье. Несомненным плюсом этого исследования является картографирование предполагаемых белозерской и новгородской долей в округе Каргополя[8].

Более детальную разработку вопрос о границах Белозерского княжества получил в специализированных исторических атласах. Одной из карт, входящих в составленный В.Н. Темушевым Атлас Московской Руси, была карта Белозерского княжества

---

[7] Аверьянов 2001: 137–153.

[8] Шаров-Делоне 2005: 35, 37, 45–47. Гипотеза Шарова-Делоне о структуре княжеского землевладения в Заволочье была принята А.А. Фроловым (Фролов 2012: 129), а территория Каргополья отнесена к числу совместных владений Новгорода и князей Северо-Восточной Руси (Карта 2).

в 80 е гг. XIV века[9]. Эту карту отличает сравнительно высокая детализация, а благодаря реконструкции владений князей Кемских и учету наработок А.И. Копанева, северная граница княжества была проведена более точно, чем у предшественников. В территорию Белозерья включены Ковжское озеро и течение р. Ковжи, Соедозеро, южный берег оз. Лаче и течение р. Вожеги. Каргопольские земли отнесены к новгородским владениям.

В Атласе Русского Севера Д.Л. Семушина территория Белозерья показана более схематично, но граница в целом повторяет границы на картах Копанева и Темушева (с небольшими отличиями). Более детально проработаны карты Каргопольского уезда и дана отдельная карта Чарондской округи[10].

Как видим, уточнение северных границ Белозерья следует вести по двум направлениям. Первое связано с границами в районе Ковжского озера, Кемы и оз. Воже. Второе — с вхождением в состав Белозерского княжества Каргополя и его округи. Поскольку уточнение границ княжества невозможно без решения вопроса о включении в состав Белозерья Каргополя, то сначала целесообразнее разобрать эту проблему.

Как правило, версия о вхождении Каргополя и его округи в состав Белозерского княжества базируется на летописном сообщении о ссылке на оз. Лаче некоего попа в 1378 г. и упоминании в «Сказании о Мамаевом побоище» в числе белозерских князей Глеба Каргопольского[11]. Разбор дискуссии о достоверности и времени создания «Сказания о Мамаевом побоище» находится за рамками данной работы, но необходимо отметить, что нет каких-либо серьезных доводов в пользу большей достоверности «Сказания» по сравнению с «Задонщиной» и летописной «Повестью о Куликовской битве». Поэтому не представляется возможным принять упоминание Глеба Каргопольского за свидетельство реального существования Каргопольского княжества в конце

---

[9] Атлас В.Н. Темушева так и не был издан, но его отдельные листы были опубликованы. — Электронный ресурс [режим доступа: http://www.hist-geo.net/index.php?p=67&more=1&c=1&tb=1&pb=1, дата обращения — 01.12.2019].

[10] Семушин 2010: 79, 50, 52, 85.

[11] Памятники Куликовского цикла 1998: 231, 264, 318, 351.

XIV века[12]. Теоретически, более сильным аргументом о включенности каргопольской округи в состав Белозерского княжества является известие о ссылке попа на оз. Лаче[13]. Правда, тут необходимо учитывать то, что в летописях место ссылки не связывается собственно с Белозерьем. К тому же летописцу осталось неизвестно название населенного пункта, бывшего местом ссылки. Как ссылку в Каргополь это известие позднее интерпретировал составитель Устюжского летописного свода[14], но, судя по всему, собственно города Каргополя в это время еще не было, хотя какое-то поселение на его месте уже могло существовать[15].

Не менее важно и то, что, по крайней мере, до своей гибели в 1380 г. на Белоозере правил князь Федор Романович[16], а значит, контроль великого князя над какой-либо территорией в 1378 г., скорее всего, исключает возможность ее вхождения в состав Белозерья. С другой стороны, с судьбой попа, сосланного на Лаче, перекликается история, произошедшая через четыре года с митрополитом Пименом. В начале 1382 г. Пимен вернулся на Русь как избранный митрополит после смерти Митяя. Однако Дмитрий Донской «не всхоте его приятии» и отправил в заключение. Прибывшего из Константинополя митрополита встретили на Коломне «и послаша… в изгнание и в заточение». Путь арестованного Пимена пролегал из Коломны в подмосковную волость Во-

---

[12] Скорее всего, упоминание о князьях Каргопольских появилось в «Сказании о Мамаевом побоище» из-за искажения фамилии князей Каргаломских, владевших одноименной волостью в предместьях города Белоозеро. В XVI в. эта небольшая волость за пределами Белозерья не была известна и в массовом сознании смешалась с созвучным Каргополем, который вырос в довольно значительный экономический центр и был известен далеко за пределами региона. Стоит отметить, что по странному стечению обстоятельств в «Сказании» оказались не упомянуты княжеские фамилии, реально существовавшие в XV–XVI вв. (Согорские, Дябринские, Шелешпальские, Белосельские), что довольно красноречиво свидетельствует о слабой достоверности этого произведения, как минимум, в части относящейся к Белозерью.

[13] ПСРЛ 1910: 124; ПСРЛ 1922: 135–136; ПСРЛ 1949: 200.

[14] ПСРЛ 1982: 76.

[15] Подробнее об обследовании раннего культурного слоя в Каргополе см.: Суворов 1996: 40–59.

[16] Он упоминается как один из союзников Дмитрия Донского в 1375 и 1380 гг., с доклада ему была оформлена купчая на с. Вашкуй в 1370-е годы.

хна, затем через Переяславль, Ростов, Кострому и Галич его доставили на Чухлому. «И тамо пребысть в оземьствовании лето едино, ни и от Чюхломы веден бысть на Тверь»[17]. Осенью 1382 г. Пимен был вывезен в Москву и вновь возведен в сан митрополита: «князь великии Дмитрии Иванович послал по Пумина по митрополита и приведе его из заточениа к себе на Москву…»[18].

В этом сюжете для нас важны два момента. Первое — это подтверждение практики заключения духовных лиц и ссылки их в отдаленные уголки Северо-Восточной Руси по приказу Дмитрия Донского. Второе — место ссылки не всегда является владением великого князя. Во всяком случае, к таковым нельзя отнести Тверь. Значит, далеко не факт, что и район Каргополя в 1378 г. входил в состав владений великого князя, тем более что в великокняжеской духовной он ни в каком качестве не упоминается.

Таким образом, ссылка некоего попа на оз. Лаче не дает нам достаточных оснований ни для включения этого района в состав Белозерья, ни для исключения этой возможности.

Еще один раз Каргополь связывается с Белозерьем составителем Устюжского летописного свода в сообщении о распределении княжеских столов после смерти Дмитрия Донского. По сведениям летописца, великий князь «третьему сыну своему князю Андрею дасть город Можаеск, а на Белеозере два городка: Каргалом да Каргополь, а преже того было Белозерское княжение»[19]. Пояснение, раскрывающее названия двух белозерских городков, уникально. Например, в летописных сводах 1493 и 1495 г. говорится о том, что Андрею Дмитриевичу было дано «на Белеозере два города с всеми пошлинами, а неколи бысть Белозерское княжение великое…»[20], а в других летописях идет речь просто о Белоозере[21]. В самой духовной Дмитрия Донского тоже о двух бело-

---

[17] ПСРЛ 1922: 132; ПСРЛ 1913: 125; ПСРЛ 1897: 41. А.В. Кузьмин интерпретировал это летописное сообщение несколько иначе, предположив, что Пимен содержался под стражей последовательно в Вохне, Переяславле, Ростове, Галиче, Чухломе и Твери (Кузьмин 2015: 21–23).

[18] ПСРЛ 1922: 147.

[19] ПСРЛ 1982: 37.

[20] ПСРЛ 2007: 257, 335.

[21] ПСРЛ 1910: 131; ПСРЛ 1921: 158; ПСРЛ 1949: 216.

зерских городках ничего не говорится, а делается акцент на пунктах на границе с ярославскими землями (села Вольское и Шаготь)[22].

Существование на Белоозере в конце XIV – первой половине XV в. двух городков подтверждает «Список русских городов дальних и ближних», но не указывает их названий[23]. Более конкретно сообщение Новгородской первой летописи о походе новгородцев на Двину в 1398 году. Первым районом, подвергнувшимся нападению новгородского войска, было Белозерье, а именно два городка: «поидоша на князя великаго волости на Белоозеро, и взяша белозерскыи волости на щит, повоевав, и пожгоша, и старыи городок Белозерьскыи пожгоша, а из нового городка вышедши князи белозерскыи и воеводы князя великаго, и добише чолом воеводам новгородчкым и всем воем»[24]. Судя по этим данным, белозерские городки имели название «старый» и «новый». Еще раз «старый» и «новый» города на Белоозере упоминаются в Никоновской летописи под 1488 г. в сообщении о строительстве крепости: «поставиша град нов на Белеозере в Каргаломе, а от старого города за 10 верст»[25]. Здесь «новый» городок локализуется в Карголоме, а «старый» в десяти верстах от него. Местоположение Карголомы известно — на южном берегу Белого озера, именно здесь располагался город Белоозеро в XVI–XVIII вв. (с 1777 г. — Белозерск). Следовательно, под «старым» городком никак нельзя понимать Каргополь, который удален от Белозерска почти на 200 км. В действительности, местоположение «старого» города Белоозера давно известно и изучено. Оно находилось вблизи шекснинского устья[26]. Сведения о старом городе сохранялись в памяти жителей Белоозера на протяжении всего последующего времени[27], а на его месте располагались сенокосные угодья горожан[28] и часовня. Следовательно,

---

[22] ДДГ 1950: 34.

[23] Тихомиров 1979: 96. В историографии утвердилась датировка «Списка русских городов дальних и ближних» концом XIV в. (Дедук 2014), однако, В.А. Кучкин предлагает датировать его 1430–1451 г. (Кучкин 2015).

[24] НПЛ 1950: 392.

[25] ПСРЛ 1901: 219.

[26] Голубева 1973; Захаров 2004.

[27] Летописец Усть-Шехонского монастыря 1994; Макаров, Захаров, Бужилова 2001: 181–183.

[28] Дозорная книга Белоозера 1994: 70–71.

сообщение Устюжского летописного свода, раскрывающее названия двух белозерских городков, оказывается не вполне достоверным. «Новый» городок действительно находился на территории волости Карголома и в конце XV в. фигурировал в летописях под таким названием[29], а вот отождествление Каргополя с одним из белозерских городков XIV в. ошибочно. Судя по всему, в данном случае мы имеем дело с характерной для составителя Устюжского летописного свода манерой дополнения и пояснения более ранних текстов информацией, не имеющей опоры в предшествующей летописной традиции[30].

Есть ли более конкретные и достоверные сведения о политической и административной принадлежности Каргополя в XIV–XV веках? Составитель духовной грамоты Ивана III включил Каргополь в состав Заволочья: «Да сыну же своему Василью даю Заволотцкую землю всю, Онего, и Каргополе, и все Поонежье, и Двину, и Вагу, и Кокшенгу, и Велской погост, и Колмогоры, и всю Двинскую и Заволотцкую землю»[31], тем самым демонстрируя единство всей этой обширной территории, не так давно входившей в состав новгородских владений. Сомнения в правильности отнесения Каргополя и его округи к новгородским владениям развеивают сохранившиеся кадастры XVI века. По ним еще в середине XVI в. в Каргопольском уезде сохранялись классические следы новгородского владычества. Это и измерение крестьянских наделов в обжах, и разделение на «волостки (причем для двух из них имеется прямое указание на то, что раньше они были в разных боярщинах»), и отсутствие частного землевладения московских служилых людей[32]. В этом плане Каргополье принципиально отличалось от соседних белозерских во-

---

[29] Например, за год до строительства крепости «на Белоозеро в Карголом» (то есть в «Новый» городок) были сосланы мать и «братия» бывшего казанского хана Алегама, который сам в это время находился в заточении в Вологде (ПСРЛ 1913: 272; ПСРЛ 1921: 205; ПСРЛ 1901: 219).

[30] Лурье 1997: 64–65.

[31] ДДГ 1950: 357.

[32] Каргопольская платежница 1972: 253–290; Каргопольские сотные 1972: 300–475 (о боярщинах в окологородных волостках Волковской и Павловской см.: Каргопольская платежница 1972: 254, 255; Каргопольские сотные 1972: 346).

лостей и, скорее всего, в XV в. территория будущего Каргопольского уезда входила в состав владений Великого Новгорода.

Не менее однозначные сведения об административной принадлежности земель в районе Каргополя и Чаронды в первой половине – середине XV в. можно обнаружить в Житии Александра Ошевенского. По словам агиографа[33], преподобный родился в 1427 г. в районе Вещеозеро, находящемся западнее оз. Воже в «области же убо славнаго града Белаезера» «при державе… великого князя Василия Василиевича всея Росии, при великом князе белозерском Андрее Димитреевиче»[34]. Следовательно, в 1420-х гг. территория вблизи Чаронды входила в состав Белозерского княжества[35]. Интересна и дальнейшая судьба семьи Александра Ошевенского. В 1440-х гг. отец Александра Никифор со всей семьей переселился в Каргополь, а затем в одно из пригородных сел. Прожив несколько лет в этом селе, Никифор подыскал неподалеку место, подходящее для поселения, отправился в Новгород и испросил у боярина Ивана Григорьевича слободскую грамоту «слобода копити, жильцов называти и дворы ставити»[36]. Позднее Александр Ошевенский основал свой монастырь вблизи отцовской слободы, а вдова боярина Ивана Григорьевича Анастасия вместе с сыном Юрием дала ему четыре грамоты на земли и леса вокруг монастыря[37]. Показательно, что

---

[33] Автор жития Феодосий, игумен Ошевенского монастыря, черпал информацию о преподобном из рассказов родственников и современников Александра (Дмитриев 1989: 462–464).

[34] РГБ. Ф. 304. Оп. 1. Д. 694. Л. 200 об., 203.

[35] Волость на берегах Вещеозера была одной из двух наиболее близких к Чаронде. Подтверждает достоверность жития и указание на церковь, в которой Александр услышал глас Божий. Согласно житию, она была посвящена Успению Богородицы. По окладным книгам Вологодской епархии, одним из храмов Вещеозерской волости в 1676/77 г. была церковь Успения Богородицы (Окладные книги 2016: 630). На карте, прилагающейся к данной статье, Успенская церковь отмечена под № 7.

[36] РГБ. 304. Оп. 1. Д. 694. Л. 221–221 об., 231.

[37] РГБ. 304. Оп. 1. Д. 694. Л. 237–240. Одна из грамот запрещала обояривать и продавать землю, данную Настасьей в монастырь. Во второй фиксировалось освобождение призванных в монастырскую вотчину поселенцев от платежей в пользу боярыни: «наших пошлин никоторых, ни нашим пошлинником». По третьей грамоте производилась передача монастырю наволоков и запрещалось вступать в них боярскому ключнику Лытке. Иван Гри-

сам Александр Ошевенский и его преемники получали ставленые грамоты от новгородских архиепископов и в XV в., и в XVI веке. В этих сведениях видим подтверждение белозерской принадлежности земель вблизи оз. Воже и новгородской юрисдикции в районе Каргополя в середине XV века.

Со сведениями Жития Александра Ошевенского о распространении юрисдикции новгородских архиепископов на каргопольскую округу перекликаются слова жития еще одного каргопольского святого — Кирилла Челмогорского. В его житии, составленном местным священником во второй половине XVII в., говорится о том, что Кирилл пришел на р. Лекшму в 1315/16 г. будучи постриженикомъ новгородского Антониева монастыря[38]. Новгородская церковная юрисдикция на храмы в других каргопольских волостях сохраняется во второй половине XVII – начале XVIII века[39].

Сотные на каргопольские волости 1561/62 г. позволяют локализовать самые южные волости Каргопольского уезда и тем самым определить границу между Каргопольским и Белозерским уездами в середине XVI века[40]. На юго-западном берегу оз. Лаче по течению р. Тихменги и ее притоков располагалась волость Тихменга[41]. На крайней юго-восточной оконечности оз. Лаче, между реками Кинема и Ковжа локализуется волостка Нокола[42]. Рядом с Ноколой располагались небольшие волостки Замошье и Олга[43]. Все они граничили с волостями позднейшей Чаронд-

---

горьевич происходил из клана «Прусских» бояр и приходился правнуком посаднику Есифу Захарьиничу. Он упоминается в Списке Двинских волостей (АСЭИ 1964: 33. № 16). Скончался Иван Григорьевич 7 октября 1467 г. (ПСРЛ 1889: 221), а его землями вплоть до 1484 г. владела «славная и богатая Настасья» (ПСРЛ 1853: 236). Настасья вместе с сыном Юрием упоминаются в одной из грамот Вяжищского монастыря (ГВНП 1949: 304–305. № 314). Подробнее об этой семье см.: Янин 1981: 127–130; Янин 1991: 196, 258, 264.

[38] Новый Олонецкий патерик 2013: 325, 334.

[39] Старицын 2011: 264–267, 288, 292–293, 296, 304, 306.

[40] Расположение центров каргопольских волостей, упомянутых в сотных и границы Каргопольского уезда в XVI–XVII вв. см.: Тормосова 2013: 21.

[41] Каргопольские сотные 1972: 361–371.

[42] Каргопольские сотные 1972: 371–373.

[43] Каргопольские сотные 1972: 374–378.

ской округи и Белозерского уезда[44]. На западе Окологородного стана Каргопольского уезда располагалась волость Лекшемозерская и Долгоозерская, а по течению реки Лекшмы — волость Лядина[45]. Они граничили с владениями князей Кемских, располагавшихся по течению реки Сойды и ее притоков (см. ниже). Эта граница зафиксирована в Атласе Российской империи 1745 года[46]. По этой карте северная граница Белозерского уезда проходит в районе Сойдозера и идет на восток к южному берегу оз. Лаче (выходит к нему в районе впадения р. Ухты). Далее граница идет по р. Ковже (на ее северном берегу каргопольская волость Нокола) в сторону Важского уезда (к верховьям р. Вель).

Северо-восточную границу Белозерья также можно уточнить, опираясь на определение территории соседних княжеств (а позднее уездов). Для земель в верховьях р. Вель это упоминаемые в списке Двинских волостей 1471 г. владения князя Ивана Александровича Ростовского[47]. Для более южных территорий — владения представителей старшей линии ярославских князей (в XV в. это князья Федор Васильевич, Александр Федорович и Данило Александрович Пенко, а в XVI в. — князья Пенковы)[48]. Владения ростовских князей, в том числе и Ивана Александровича, не так давно картографированы[49], владения же ярославских князей удается проследить не только по актам XV–XVI вв.[50], но и по окладным книгам церквей Вологодской епархии[51]. Окладные

---

[44] О структуре расселения и расположении погостов с белозерской стороны границы наиболее точное представление можно получить по карте, составленной А.И. Копаневым на начало XVII в. (Копанев 1951: Карта 3).

[45] Каргопольские сотные 1972: 378–385.

[46] «Атлас Российский, состоящий из 19 специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями ... с приложеной притом генеральною картою великия сея империи». СПб., Академия наук, 1745 г. // НИА СПбИИ РАН. Ф. 220. Оп. 1. Ед. хр. 210. Карта 2. При привлечении карт первой половины XVIII в. для определения уездных границ, необходимо учитывать характерную для них приблизительность уездных границ, представленных как общий контур, которым обводилась совокупность поселений уезда (см.: Хитров 2017: 149).

[47] АСЭИ 1964: 32. № 16.

[48] АСЭИ 1964: 280–287. № 263–265, 267, 271–272.

[49] Семушин 2010: 14; Грязнов 2015: 28.

[50] Черкасова 2004: 46–105; Назаров 2015: 51–80; Грязнов 2016б: 179–192.

[51] Грязнов 2016в.

книги позволяют локализовать церкви, относившиеся к Вологодской епархии, и сопоставить административные границы с епархиальными. В ряде случаев они не совпадали. В частности, храмы Раменской, Угольской и Южской волостей вплоть до 1670-х гг. относились к Ростовской епархии, хотя сами волости были включены в состав Вологодского уезда не позднее второй половины XVI в. (переданы из состава Белозерского уезда)[52]. В районе границы Вологодского уезда с Чарондской округой видим совпадение епархиальных и административных границ[53], а значит, по крайней мере, в XVII в. административные границы здесь не менялись. Кроме того, в случае с северо-восточной границей Белозерья ее реконструкция также подтверждается Атласом 1745 г. — в частности, прохождение границы в районе верховьев Вели, Вожеги, Уфтюги и оз. Перешного. Тождество границ Чарондской округи XVII и XVIII вв. на основе сопоставления переписной книги 1646 г. и карты лесов Белозерского уезда и Чарондской округи 1751 г. установил Я.Е. Водарский[54]. Однако для более раннего периода ситуация несколько иная.

В архиве Спасо-Прилуцкого монастыря сохранилось несколько грамот, касающихся землевладения на севере Вологодского уезда, где у монастыря была вотчина с. Глубокое. Часть этих документов была связана с конфликтами монастыря и крестьян соседней Ваденской волости в 1591/92, 1602/3, 1604/5 и 1658/59 годах[55]. Примечательно, что по грамотам конца XVI – начала XVII в. Ваденская волость относилась к Белозерскому уезду, а по грамоте 1658/59 г. — к Каргопольскому. Около 1664/65 г. Мунская и Роксомская волости Чарондской округи были переведены в разряд дворцовых и переподчинены белозерскому воеводе[56]. Налицо изменение административных границ

---

[52] Башнин, Грязнов 2016: 18.

[53] Поселения и приходские храмы волости Уфтюга Вологодского уезда располагались не только на всем протяжении р. Уфтюги, но и по ее правым притокам, а значит, белозерские земли Уфтюгу не охватывали.

[54] Водарский 1978: 80–82.

[55] Одна грамота сохранилась текстуально (Бараева 2012: 197–198), а остальные известны по упоминанию в переписной книге Спасо-Прилуцкого монастыря 1688 г. (Переписные книги вологодских монастырей 2011: 83–84).

[56] Васильев 1994: 141–143.

в первой половине – середине XVII в.[57], что свидетельствует о возможности несовпадения административных границ XVI в. с таковыми, отраженными на картах XVIII века.

Сведения об изменении административных границ земель на запад от оз. Воже удается обнаружить и за XVI век. На восточном берегу Белого озера находилось несколько микрорегионов (Вашкуй, Липник Боярский, Муньга, Ухтома), которые первоначально принадлежали потомкам белозерского боярина Ильи Краковля[58]. Локализация этих волостей и определение их границ по актам XVI в. позволяет выяснить административную принадлежность в XV в. обширной территории вокруг озера Воже — Чарондской округи, существовавшей как обособленная в административном плане территория с конца XVI века. Оказывается, что часть земель Чарондской округи первоначально входила в состав вотчин Ильиных и только в правление Ивана Грозного была приписана к Чаронде, причем в это время Чаронда находилась под юрисдикцией белозерских губного старосты, городовых приказчиков и целовальника[59]. Около 1500 г. небольшую часть древней вотчины Ильиных приобрел местный землевладелец Михаил Гневаш Стогинин[60]. В 1545/46 г. его дети Юрий и Яков передали ее в Кирилло-Белозерский монастырь[61]. В это время административно бывшая вотчина Гневашевых относилась к волости Вашпан. В мае 1546 г. монастырские власти получили на нее тарханную грамоту[62]. В первой половине 1560-х гг. у монастыря возник спор с крестьянами соседней Шубацкой волости, который был урегулирован в 1564/65 г., но уже в 1566 г. эта вотчина была отписана у монастыря и включена в состав земель опричного села Чаронды[63].

---

[57] Н.И. Тормосова неверно локализовала Ваденскую волость, поместив ее рядом с каргопольской волостью Окштомой и тем самым включив в состав Каргопольского уезда XVI в. (Тормосова 2013: 21, 23).

[58] Подробнее о ранней истории этого владельческого комплекса см.: Грязнов 2011: 37–38; Грязнов 2012: 35–49; Грязнов 2019: 63–80.

[59] РГАДА. Ф. 281. № 817; ОР РНБ. СПб. ДА AI/16. Л. 1090–1091 об.; Садиков 1950: 172.

[60] АСЭИ 1958: 259. № 303.

[61] ОР РНБ. СПБДА AI/16. Л. 1086 об.–1087.

[62] ОР РНБ. СПБДА AI/16. Л. 1087–1088.

[63] НИА СПБИИ РАН. Собрание Никольского. № 27; ОР РНБ. СПБДА AI/16. Л. 1089–1090; РГАДА. Ф. 281. № 817; Садиков 1940: 199–200.

Подтверждает связь Чарондской округи с Белозерьем и вклад в Кирилло-Белозерский монастырь Есипа Окишева. В конце XV в. он передал монастырю свою вотчину — село на Чаронде[64]. Сам Есип принадлежал к обеспеченному белозерскому роду, владевшему вотчинами в нескольких районах Белозерья, а послухами в его грамоте выступили другие белозерские землевладельцы, очевидно, соседи Есипа. В 1524/25 г. племянники Есипа продали кн. Матвею Григорьевичу Кемскому свою вотчину Китлу[65]. Ее можно локализовать по течению одноименной речки и, следовательно, она располагалась на границе между родовыми вотчинами князей Кемских (в районе р. Индоман) и волостями Чарондской округи (Шалга Захарьина).

Таким образом, видно, что в XV–XVI вв. округа Чаронды была связана с Белозерьем (и в административной сфере, и в области землевладения). Следовательно, скорее всего, и в XIV в. территория вокруг оз. Воже входила в состав Белозерского княжества. Район же Каргополя в XV в. входил в состав новгородских земель и относился к Заволочью[66]. Приведенные сведения теоретически дают возможность сравнительно точно провести границу между Каргопольским уездом, с одной стороны, и Чарондской округой и Белозерским уездом — с другой, и на основе этого реконструировать границу между Новгородскими владениями в Заволочье и Белозерским княжеством в XIV–XV веках. Однако некоторые сомнения в корректности реконструкции границы возникают из-за текста Яжелбицкого договора (1456 г.). Точнее, из-за дважды повторенного пункта в московском противне, по которому новгородцы должны были отказаться от приобретений, сделанных в ростовских и белозерских землях: «А что земли ростовские и белозерские, что покупили наши новогородци, а тых земль князем великим съступилися и грамоты подавали». И далее: «Что наши братиа новогородци покупили земли

---

[64] АСЭИ 1964: 457. № 474. Археологическое обследование Чаронды выявило влажный культурный слой XVI–XVIII вв. мощностью 1–1,5 м (общей мощностью до 2 м). Нижние культурные напластования на Чаронде сформировались не позднее первой половины XVI в., а находки имеют аналогии с изделиями, обнаруженными в Вологде в слоях XV–XVI вв. (Андрианова, Васильева 2017: 240–241).

[65] ОР РНБ. СПБДА. AI/16. Л. 932 об.–933.

[66] О термине Заволочье см.: Васильев 2013: 80–85; Черкасова 2017.

ростовские и белозерские или даром поимали, и нам тых земль, обыскав, отступитися вам, великим князем, по крестному целованию; а хто которои земли запритца, тому суд и исправа, по крьстному целованию»[67]. В данном случае имеются в виду не только мирные приобретения, оформленные документально, но и, судя по всему, захваты. О том, где располагались белозерские волости, ранее приобретенные новгородцами, Яжелбицкий договор не уточняет. В литературе этот вопрос, как правило, тоже обходится стороной. Исключение составляет работа Шарова-Делоне, в которой высказывается гипотеза о том, что к белозерским владениям относилась часть волостей на юг от Каргополя[68].

Прямым свидетельством приобретения новгородскими боярами земель на Белоозере является купчая Андреяна Захарьинича. В 1380-х гг. этот новгородский посадник приобрел у вдовой белозерской княгини Федосьи пустошь Кичивинскую на Волоке Славенском[69]. Других подобных актов не сохранилось, а сама эта сделка не могла иметься в виду при составлении Яжелбицкого договора, поскольку пустошь, купленная Андреем Захарьиничем, еще при игумене Христофоре (1428–1434) вошла в состав владений Кирилло-Белозерского монастыря[70].

Если сравнительно кратковременное владение (как в случае с пустошью Кичивинской) могло и не оставить зримых следов новгородского присутствия, то в других случаях мы можем надеяться, что такие следы могли бы сохраниться. Ведь пункт о возвращении новгородских приобретений на Белоозере был включен и в договор 1471 г.[71], а значит, ситуация с новгородскими приобретениями была актуальна несколько десятилетий. Как представляется, непосредственным следом такой экспансии в районе Чаронды можно считать сохранение еще в XVII в. юрисдикции новгородских митрополитов на ряд храмов в Чарондской округе. В одном из разделов окладной книги храмов Вологодской епар-

---

[67] ГВНП 1950: 42. № 23. Схожий пункт содержится в Коростынском договоре 1471 г. (ГВНП 1950: 49. № 27).

[68] Шаров-Делоне 2005: 35, 37, 45–47.

[69] АСЭИ 1958: 15. № 1; Об этой купчей см.: Грязнов 2008: 24. Грязнов 2019: 80–85. Карта расположения пустоши и тянувших к ней угодий см.: Макаров 1997: 166; Грязнов 2019 84.

[70] АСЭИ 1958: 39. № 59.

[71] ДДГ 1950: 49.

хии 1676/77 г. содержится описание четырех приходов Чарондской округи, которые ранее, до указа 1675 г., платили церковную дань и другие пошлины в казну Новгородской митрополии, а по этому указу перешли под юрисдикцию вологодского архиерея (другие храмы Чарондской округи к тому времени уже несколько лет относились к вологодской архиепископии)[72]. В данном случае мы имеем прямое свидетельство новгородской церковной юрисдикции в пограничном регионе. С другой стороны, небольшое число таких храмов по сравнению с общим числом церквей в Чарондской округе (4 из 36) свидетельствует именно об инородности новгородской церковной организации в Чаронде.

Находились эти храмы в одном районе — в волостях, расположенных на северных берегах оз. Воже. Два храма в Свидской волости (Никольский в погосте на р. Свиде и Петропавловский в свидской выставке в Кирюге на берегу озера) и два храма в Печенгской волости на северо-западном берегу оз. Воже.

Обращение к писцовым книгам XVII в. позволяет зафиксировать еще один элемент былого новгородского влияния. В административном плане в XVII в. Чарондская округа состояла из посада, пристани, 23 волостей, трех улусцев, двух слободок и пяти волосток. Волостки — прямая отсылка к новгородскому административному делению, но еще более примечательно то, что эти волостки располагались или внутри волостей, в которых были храмы с новгородской церковной юрисдикцией, или по соседству с ними.

В писцовой книге Чаронды 1616–1620 гг. названа волостка Нярнема у Вожеозера[73], а вместе с ней в одном разделе описана волостка Кирюга[74]. Волостки Куконца[75] и Шалошка Малая[76] записаны в составе волости Чепца, а волостка Волохтома в составе

---

[72] Окладные книги 2016: 647–649.

[73] НИА СПБИИ. Колл. 2. Д. 45. Л. 258.

[74] НИА СПБИИ. Колл. 2. Д. 45. Л. 259.

[75] НИА СПБИИ. Колл. 2. Д. 45. Л. 265 об.

[76] НИА СПБИИ. Колл. 2. Д. 45. Л. 267. Непосредственно в заголовке раздела Шалошка названа волостью, но это, очевидно, описка, поскольку сам формат записи деревень Шалошки тождественен формату записи деревень других волосток в составе волостей. Например, как волостка Шалошка Малая описана в чарондской писцовой книге 1624–1625 гг. (Колесников 1971: 116) и в писцовой 1670–1671 гг. (Анкудинов 1992: 61).

волости Свидь[77]. Хотя в самой ранней сохранившейся чарондской писцовой книге (1615 г.) термин «волостка» не употребляется, но сами эти пять микрорегионов, как и во всех последующих кадастрах, выделены в отдельные разделы внутри волостей[78]. Еще одно отличие писцовой 1615 г. от книги 1616–1620 гг. состоит в том, что волостки Нярнема и Кирюга записаны внутри волости Свидь, тем самым, составляя вместе с Нярнемой единый комплекс.

Все вместе (волости с новгородскими храмами и волостки) образовывали единый массив на северных берегах оз. Воже и по р. Свидь, соединяющей озера Воже и Лача. Показателен в этом плане пример Кирюги, которая одновременно была и волосткой и приходом под юрисдикцией новгородского владыки. Скорее всего, именно эта группа волостей (Свидь, Чепца и Печенга) с тянувшими к ним волостками (Волохтомой, Кирюгом, Нярнемой, Куконцем и Шалошкой) составляла белозерские владения новгородских бояр, от которых они должны были отказаться по Яжелбицкому миру[79].

Окладные книги церквей Вологодского архиерейского дома 1676/77 г. фиксируют определенный итог преобразований в сфере церковной юрисдикции в Белозерско-Вологодском регионе. В предыдущий год границы епархий были скорректированы в сторону соответствия уездным границам. Как показано выше, такая корректировка привела к переподчинению нескольких храмов в Чарондской округе Вологодско-Белозерской епархии. Кроме того, как оказывается, в Каргопольско-Чарондском регионе в это время произошли и другие изменения. Со всей наглядностью это демонстрирует окладная книга церквей Вологодско-Белозерской епархии 1667/68 года. Вполне естественно, что в ней отсутствует описание четырех храмов (в Свидской и Печенгской волостях), еще относившихся в тот момент к Новгородской епархии. Важней другое отличие от окладной книги 1676/77 года. Среди храмов Чарондской округи перечислено четыре церкви,

---

[77] НИА СПБИИ. Колл. 2. Д. 45. Л. 283 об.

[78] НИА СПБИИ. Колл. 2. Д. 81. Л. 281 об., 282, 282 об., 287, 288.

[79] Примечательно местное предание, сохранившее среди жителей бывшей Чепецкой волости о том, что деревни Чепецкой волости были основаны новгородскими переселенцами (Есакова 2011).

находящиеся в Каргопольском уезде[80]. Епархиальная принадлежность одной из них — Никольского храма в Ваденской волости — не вызывает вопросов, поскольку, как показано выше, в XVI – начале XVII в. эта волость входила в состав Белозерского уезда. Еще три храма — Вознесенский в волости Олга, Никольский в дворцовом селе Надпорожском и Преображенский в Олохове (тоже на территории дворцовой Надпорожской волости) — располагались в волостях, которые по Платежной книге 1555/56 г. и по писцовой книге 1561–1564 г. относились к Каргопольскому уезду. Поскольку Белозерская и Чарондская десятины Ростовской митрополии вошли в состав Вологодской епархии только в 1657/58 г.[81], то в XVI – первой половине XVII в., а возможно и ранее, в XIV–XV вв., эти храмы входили в Ростовскую епархию.

По предположению А.И. Побежимова, погост в волостке Олга служил религиозным центром всего восточного берега оз. Лаче (объединяя волостки Олга, Нокола и Замошье), а наличие или отсутствие в них погоста можно, соответственно, считать признаком раннего или более позднего освоения территории[82]. Судя по всему, это предположение вполне оправдано, и погост в Олге маркировал первоначальное ядро, вокруг которого происходило дальнейшее хозяйственное освоение берегов оз. Лаче. Картографирование храмов по Платежной книге Каргопольского уезда 1555/56 г. показывает определенную закономерность — «ростовские» храмы вклиниваются в Каргопольскую территорию с юга и составляют единый массив.

Скорее всего, принадлежность нескольких каргопольских храмов к Ростовской епархии свидетельствует о политической или административной включенности соответствующих волостей в состав владений князей Ростовского дома в момент строительства этих храмов. Учитывая оторванность Олги и села Над-

---

[80] ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 42. Л. 20 об., 21, 21 об. Эти четыре храма Каргопольского уезда также упомянуты в опубликованной Ю.С. Васильевым записной книге монастырям и пустыням Белозерского уезда и Чарондской округи (Васильев 2007). Хотя записная книга не датирована, но, судя по всему, она была составлена между 1664–1676 годами. В ней в качестве попов упомянуты священники, которых по окладной 1676/77 г. уже сменили их сыновья, а правящим вологодским архиереем назван Симон (1664–1684).

[81] ААЭ 1836: 147–149.

[82] Побежимов 2017: 38–39.

порожского от других владений собственно ростовских князей и их близость к белозерским землям, вероятно тяготение этих территорий в более раннее время к Белозерью (входившему с самого начала в Ростовскую епархию и до 1380 г. управлявшемуся князьями Ростовского дома). В этом же аспекте можно рассматривать информацию Езовой книги 1585 г. о рыбных ловлях крестьян трех белозерских волостей, расположенных на южном берегу оз. Лаче. По ней крестьяне Ухоцкой, Хотетовской и Волжавской волостей имели право осуществлять лов рыбы не только в ближайших реках Белозерского уезда и Чарондской округи (Ковже, Устье, Ухте, Петеньге) и в оз. Лаче, но и в реках Каргопольского уезда, впадающих в Лаче (Киснеме, Олге, Тихменьге, Лекшме), и в верховьях Онеги[83]. Обширность перечня промысловых угодий белозерских крестьян по берегам оз. Лаче свидетельствует не об индивидуальных покупках, а о возникновении владельческих прав в ходе хозяйственного освоения региона. Н.А. Макаров полагает, что такая система использования промысловых угодий «могла сложиться лишь на ранних этапах освоения Лачеозерского бассейна»[84]. Археологические материалы подтверждают это предположение. Многочисленные и разнообразные находки свидетельствуют, что освоение берегов оз. Лаче произошло уже в древнерусское время (X–XIII вв.). Здесь обнаружены стационарные поселения и могильники этого периода, хозяйственный инвентарь, украшения и монеты[85]. Ближайшие подобные очаги заселения, располагавшиеся в районе оз. Воже, показывают, что приток поселенцев на Лаче шел именно из Белозерского региона, а сама эта территория входила в зону ростово-суздальской колонизации. О включенности округи оз. Лаче

---

[83] Езовая книга 1984: 171. Карту этих рыболовецких угодий см.: Макаров 1997: 165. Более подробное описание рыболовецких угодий в Чарондской округе и Каргопольском уезде на 1674 г. имеется в одном из сборников XVII в., содержащих материалы по Чаронде (ОР ГИМ. Собр. Черткова. № 323. Л. 507–620; Об этом сборнике см.: Васильев 1994: 142).

[84] Макаров 1997: 164. По мнению С.А. Шарова-Делоне, распространение владельческих прав белозерских рыболовов на реки, впадающие в оз. Лаче, свидетельствует о существовании у Каргополя статуса совладения Новгорода и Белоозера и о принадлежности волостей по берегам Лаче к белозерской доле Каргополья (Шаров-Делоне 2005: 46–47).

[85] Макаров 1997: 24, 28, 32, 33, 35, 36, 38, 41–44.

в древнерусский культурный ареал недвусмысленно свидетельствует и «Моление Даниила Заточника», в котором в одной фразе объединены Белоозеро, Лаче и Новгород.

Все эти данные в своей совокупности дают основания предполагать, что берега оз. Лаче первоначально входили в состав Ростово-Суздальской земли, а впоследствии, после образования Белозерского княжества, относились к Белозерью. Новый поселенческий импульс, связанный с новгородской колонизацией, к середине XV в. перекрыл прежнюю административную структуру и, судя по всему, сдвинул новгородско-белозерскую границу к югу[86]. Причем, на протяжении первой половины – середины XV в. новгородское давление продолжалось и затронуло внутренние районы пограничных белозерских территорий.

Из сообщения о ссылке попа на оз. Лаче в 1378 г. можно сделать вывод, что в 70-е гг. XIV в. эта территория еще контролировалась союзником великого князя белозерским князем Федором Романовичем. В летописном рассказе о событиях 1447/48 г. уже говорится непосредственно о Каргополе[87], а то, что Дмитрий Шемяка со своим двором задержался здесь на некоторое время, свидетельствует о том, что к этому времени Каргополь уже был довольно значительным пунктом. Возможно, для Дмитрия Шемяки немаловажное значение в выборе именно Каргополя в качестве своей базы сыграло его пограничное положение и неясный статус. Во всяком случае, в 1440-е гг. отец Александра Ошевенского, спасаясь «от насильства и несправедливости» и уходя из владений Андрея Дмитриевича Можайского, прибывает в Каргополь, на который, таким образом, власть правителя Белозерья в это время уже не распространяется, а активную роль в заселении и эксплуатации региона играют новгородские бояре. Скорее всего, по аналогии с новгородскими захватами ростовских владений в Подвинье, основной объем приобретений новгородских

---

[86] Такой вывод делаем на основании характерных для всего Каргопольского уезда XVI в. следов новгородской хозяйственной системы (волосток и обежного счета), того, что к моменту заключения Яжелбицкого договора белозерские земли уже были приобретены новгородцами, а также сохранения новгородского присутствия в белозерских землях до падения новгородской независимости.

[87] ПСРЛ 1949: 269; ПСРЛ 1901: 73.

бояр в районе оз. Лаче и Воже приходился на первую половину XV в. (в 1456 г. такие приобретения уже были и, по крайней мере, с этого времени со стороны великокняжеской власти прослеживается стремление противодействовать их дальнейшему существованию). Однако первые успешные действия такого рода могли быть осуществлены в 1380-е гг., после гибели белозерского князя Федора Романовича и включения Белозерья в состав великокняжеских владений, в рамках которых будущее Каргополье было далекой периферией[88], а возможности вооруженной защиты даже центрального Белозерья были весьма ограничены[89].

Еще больше актового материала XV–XVI вв. сохранилось по северо-западной границе Белозерья. Здесь по течению р. Кемы и ее притоков располагались обширные родовые вотчины князей Кемских. В составе архива Кирилло-Белозерского монастыря имеются владельческие архивы нескольких представителей рода Кемских, включающие более 60 актов XV–XVI веков. Эти документы дают возможность надежно локализовать княжеские вотчины и определить их границы. История землевладения князей Кемских уже подробно изучена, а вотчины картографированы[90]. Это избавляет от необходимости локализовать все упоминаемые в актах топонимы и позволяет остановиться только на сведениях, относящихся к границам Белозерья.

В первой деловой князей Кемских (1470-х гг.) говорится о предварительном разделе Кемы на две части (Ильинскую и Никольскую стороны). Граница Ильинской половины Кемы выходила «к рубежу ко княж Михайлову»[91], то есть к владениям белозерского князя Михаила Андреевича. Значит, в районе верховьев р. Индоман, где проходила северная граница между Ильинской и Никольской сторонами, располагались земли, находившиеся под юрисдикцией князя Михаила Андреевича. Точнее опреде-

---

[88] В этом плане показательно, что за XV в. со стороны правителей Белозерья не прослеживается попыток каким-нибудь образом укрепить белозерскую границу в данном районе — в отличие от соседних: в районе р. Вожега было две слободки, а в районе Волока Славенского — три (Грязнов 2016а: 17).

[89] НПЛ 1950: 392.

[90] Копанев 1951: 157–165. О границах владений князей Кемских в XV–XVI вв. см.: Грязнов 2006. Реконструкцию состава и судьбу владельческих архивов Кемских см.: Грязнов 2019: 176–199.

[91] АСЭИ 1958: 148. № 227а.

лить, что это были за земли, помогают позднейшие деловые князей Кемских на родовую вотчину. Центром владений скончавшегося в 1547 г. князя Михаила Ивановича Нащокина-Кемского было село Успенское на Кемозере. В состав этого владельческого комплекса входили микрорегионы Поржала, Вокштома, Суед, Суедозеро, Маткозеро и Заячьеозеро[92]. Все эти местности можно обнаружить на карте, а в деловой на эту вотчину указаны ее подробные границы. Из документа следует, что на востоке вотчина охватывала р. Поршту до ее верховьев (впадает в Сойду немного севернее Кемозера), болото Яковлевское (в верховьях Поршты) и идет в верховьях р. Чемсоры «до Ухоцкие межи»[93]. Таким образом, «рубеж княж Михайлов» 1470-х гг. можно отождествить с «Ухоцкой межой» 1550-х гг., а саму эту территорию с Ухоцкой волостью, располагавшейся по теченью р. Ухты и граничащей на севере с Каргопольскими волостями Тихменьгой и Ягремой.

Крайним северным пунктом владений князей Кемских было Соедозеро, из которого берет начало р. Сойда. Впервые Соедозеро упомянуто в деловой детей князя Давыда Семеновича в 1470-х годах. Вместе с Кемозером оно отошло к князю Ивану Давыдовичу[94]. При разделе этой вотчины в 1550-х гг. упоминаются «жеребеи около Соедоозера деревня церковь Никола Чюдотворец» и около «Заечозера церковь Живоначальная Троица»[95]. Немного южнее Заечозера (к западу от Кемозера) Кемским принадлежали земли у Гусозера, Черного озера и Мурдозера «до Андомсково рубежа»[96]. Здесь в XVII в. возникла Спасо-Маткоозерская пустыня, относившаяся к Вологодско-Белозерской епархии[97]. К 1541/42 г. относится мировая запись между приказчиком князя Михаила Нащокина-Кемского и крестьянами Андомской волости Новго-

---

[92] АЮ 1838: 272–273. № 259.

[93] ОР РНБ. СПБДА. AI/16. Л. 894 об.

[94] ОР РНБ. СПБДА. AI/16. Л. 883 об.–884.

[95] ОР РНБ. СПБДА. AI/16. Л. 894. Оба храма как приходские продолжали функционировать еще в начале XX в. (Церковно-исторический атлас 2007: 52). Сохранилась ставленая грамота вологодского архиепископа Маркела священнику ц. Николая Чудотворца в Сойдозерской волости от 1 декабря 1659 г.: НИА СПБИИ РАН. Колл. 117 (Савваитова). № 482.

[96] ОР РНБ. СПБДА. AI/16. Л. 894–894 об.

[97] Амвросий 1813: 54–55; Зверинский 1892: 326; Гераклитов 1914: 19. № XIII; Македонская 2012.

родского уезда. Спор возник из-за четырех починков, которые андомские крестьяне поставили на княжеской земле в районе Маткоозера[98]. Обе стороны конфликта в своих земельных притязаниях опирались на писцовые книги, но, как выяснилось, «писцы новгородцкие писали по старым книгам новгородцким… белозерские писцы писали по старым же книгам по белозерским… а писцы с писцы в том не обсылались»[99]. Конфликт был решен мирным способом, но для нас важнее сведения о том, что в первой половине XVI в. владения князей Кемских вплотную выходили к р. Андоме и включали несколько озер и рек, относящихся к ее бассейну[100].

В другой деловой князей Кемских (1545/46 г.) упоминается «Ковжеозерский рубеж»[101]. К этому району относилась р. Ньюкша и Шавкозеро (локализуются на восточном берегу Ковжского оз.). К юго-восточному берегу Ковжского озера подходили владения Кемских на Миткоозере и Сырозере, из которых вытекала р. Самболка[102]. Южнее Ковжского озера владения Кемских выходили к р. Ковже и граничили в этом районе с Бадожской волостью Белозерского уезда[103]. Покосы на р. Ужле (южнее Ковжского оз.) были спорными между княжескими крестьянами и крестьянами Бадожской волости[104]. Судя по сохранившимся документам XVI в., территория черносошной Бадожской волости охватывала Ковжское озеро и р. Ковжу и граничила с Заонежскими погостами Новгородской земли. В устье р. Курьдюг располагался волостной монастырек, во владении которого была р. Удаж[105]. На границе Бадожской волости находился волок, соединяющий бассейны Онежского и Белого озер. Он упомянут в писцовой книге Обо-

---

[98] ОР РНБ. СПБДА. AI/16. Л. 938–940 об.

[99] ОР РНБ. СПБДА. AI/16. Л. 939.

[100] Таким образом, во владениях князей Кемских находились два волока, связывавших бассейн Онежского озера с бассейном оз. Лаче (через волок между Андомой и Сойдой и через второй волок между Сойдой и Ухтой). Подробнее об этой волоковой системе, вероятно действовавшей еще в древнерусское время, см.: Макаров 1997: 97.

[101] ОР РНБ. СПБДА. AI/16. Л. 943.

[102] ОР РНБ. СПБДА. AI/16. Л. 885–889.

[103] ОР РНБ. СПБДА. AI/16. Л. 930 об.

[104] ОР РНБ. СПБДА. AI/16. Л. 940 об.

[105] Подробнее об этом монастыре см.: Гневашев 2007.

нежской пятины 1563 г.[106] и в Езовой книге 1585 г.: «Бадожские волости крестьяне возят гостей с товаром от вытегорского рубежа через Бадожскую волость, волок до реки до Ковжи, а от Ковжи реки возят гостей и до вытегорского рубежа»[107].

Западнее Бадожской волости, по течению впадающей в Ковжу р. Тумбаж, располагалась Тумбажская волость Белозерского уезда. Эти две волости (Тумбажская и Бадожская) вместе с Кемой находились на северо-западной границе Белозерского уезда. Сама граница, судя по всему, в основном проходила по водоразделу между бассейнами Ковжи и Кемы, с одной стороны, и реками, впадавшими в Онежское озеро, — с другой. Правда, в некоторых местах белозерские земли выходили к верховьям Андомы и Мегры. Эта же ситуация зафиксирована и в Атласе 1745 года[108].

Судя по сведениям сохранившихся источников, границы Белозерского уезда конца XVII в. нашли довольно точное отражение на картах XVIII в., однако, прямая преемственность между северными границами Белозерского княжества XV в. и границами Белозерского уезда XVI–XVII вв. существовала не все это время. Первоначально формирование новгородско-белозерской границы было связано с пересечением новгородского и ростово-суздальского колонизационных потоков, причем в середине XII – начале XIII в. в Белозерье и Каргополье в материальной культуре прослеживается усиление ростово-суздальской колонизационной волны и спад новгородского влияния[109]. Включение района оз. Лаче в состав Ростовской земли, а затем Белозерья маркируется проникновением в этот район ростовской церковной организации, следы которой сохранялись до второй половины XVII века.

Как выясняется, за положениями Яжелбицкого договора об отказе новгородцами от приобретений на Белоозере стояли конкретные обстоятельства, и проникновение новгородских землевладельцев на Белоозеро к середине XV в. было вполне ощути-

---

[106] Писцовые книги Обонежской Пятины 1930: 211.

[107] Езовая книга 1984: 175.

[108] «Атлас Российский … 1745 г. // НИА СПбИИ РАН. Ф. 220. Оп. 1. Ед. хр. 210. Карта 2. На ландкарте Каргопольского уезда из Атласа Всероссийской империи И.К. Кириллова, составленной в 1728 г., показано прохождение северной границы Белозерского уезда через оз. Межевое, которое на современных картах обозначено в 4-х км севернее Сойдозера (Л. Р37–87–88).

[109] Макаров 1997:166–167.

мым. Купчая посадника Андреяна Захарьинича на пустошь Кичивинскую раскрывает механизм, форму и географию таких приобретений. Покупается пустошка с прилегающими землями, не очень конкретное описание границ которых позволяет надеяться на значительное расширение владений в ходе дальнейшего заселения и освоения вотчины. Покупка располагается на некотором удалении от границы княжества, но непосредственно на одном из важнейших торговых путей региона. Аналогично расположение предполагаемых новгородских владений и в районе Чаронды. Они находились на важном речном пути, на небольшом удалении от новгородских владений. Немаловажно, что такие приобретения создавали угрозу изменения политических границ, как это, судя по всему, произошло с районом Каргополя.

На примере Ошевенской слободы мы видим, что колонизационные усилия отдельных новгородских бояр имели вполне ощутимый успех, в том числе, и за счет притока населения с территории подконтрольной великому князю. Поэтому понятно стремление московских князей противодействовать этой экспансии и восстановить *status quo*, нарушенный приобретениями частных лиц (следом за которыми на белозерские земли шло и внедрение новгородской церковной организации).

Несмотря на то, что для противодействия новгородской экспансии в каргопольско-чарондском регионе пришлось прибегать к дипломатическим усилиям, проблема, судя по всему, была решена только после ликвидации новгородской независимости. Совершенно иную картину мы видим на участке новгородско-белозерской границы, проходившей во владениях князей Кемских. Каких-либо следов новгородской экспансии здесь не обнаруживается и, вероятнее всего, их и не было. Князья Кемские, благодаря своей высокой материальной обеспеченности, не нуждались в продаже частей своих владений (и даже наоборот, начиная с основателя рода, князя Давыда Семеновича, приобретали новые вотчины за пределами родового гнезда). Насильственных захватов в районе Кемы также, видимо, удалось избежать, поскольку Давыд Семенович и, тем более его отец, могли дать захватчикам вооруженный отпор, обладая значительным, по местным меркам, военным контингентом[110].

[110] Грязнов 2017: 157.

Реконструкция белозерской границы позволяет говорить об одной особенности. По большей части граница Белозерья проходит по водоразделу, отделяющему бассейн Шексны от других водных систем (иногда незначительно отклоняясь в ту или иную сторону). Однако для двух регионов этот принцип не работает. Чарондская округа и Волок Славенский с Рукиной Слободкой располагаются за пределами бассейна Шексны, но, тем не менее, они входили в состав Белозерского княжества XV в. и Белозерского уезда XVI веке. Археологические данные по этим регионам свидетельствуют, что тяготение к Белоозеру территории, границей которой на севере были берега оз. Лаче, а на юго-востоке — правый берег р. Порозобицы, прослеживается уже в древнерусское время[111], причем волоки Белозерья и Поонежья оказались более удобны для первоначального проникновения в Северодвинский бассейн, чем волоки Волжско-Сухонского водораздела[112]. Вне зависимости от владельческой принадлежности Чаронды и Волока Славенского в XII–XIII вв. можно уверенно утверждать, что принадлежность этих территорий Белозерскому княжеству в XIV–XV вв. позволяла белозерским князьям контролировать основные пути в Заволочье и в Сухоно-Двинский регион[113].

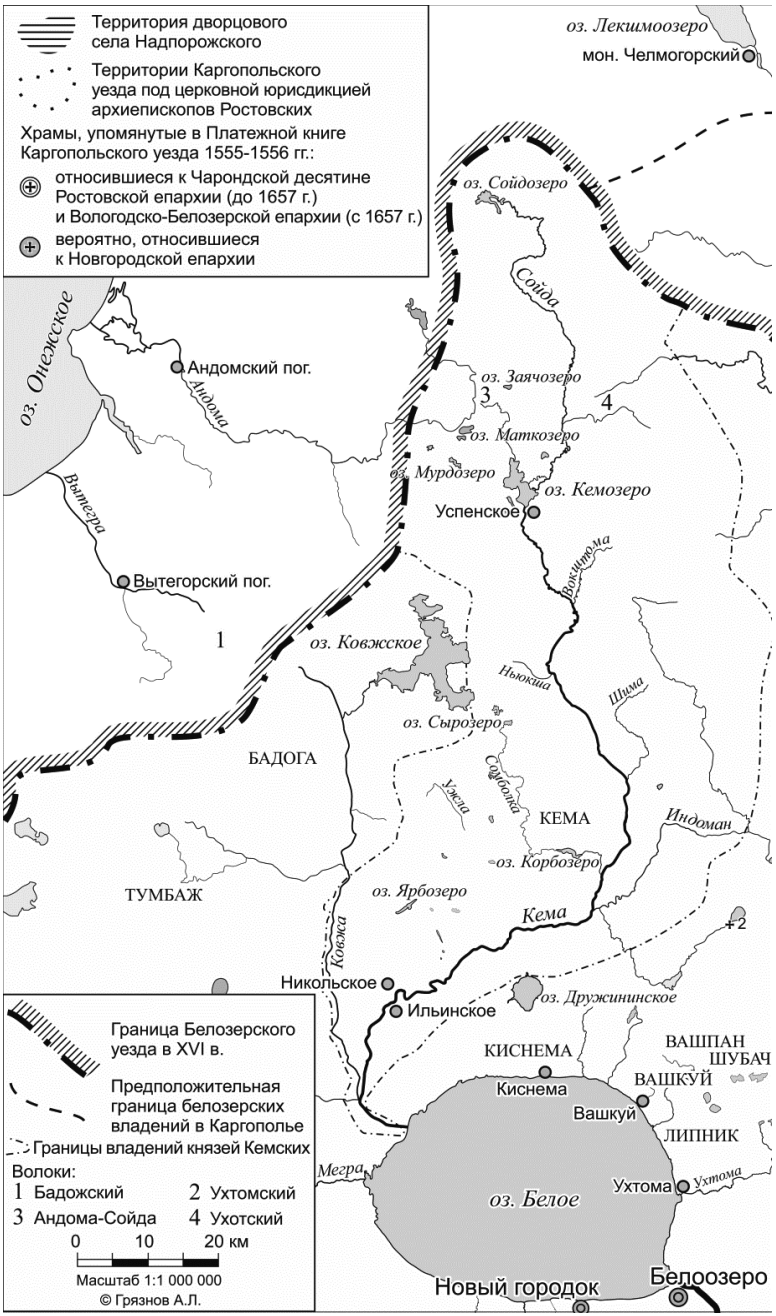
Таким образом, расположение административных и политических границ Белозерья связано с историей освоения региона и формированием транспортных артерий еще в древнерусский период. Несмотря на относительную стабильность границ, на локальном уровне они менялись, что было связано как с политической ситуацией, так и с успехами одной из сторон в хозяйственной сфере.

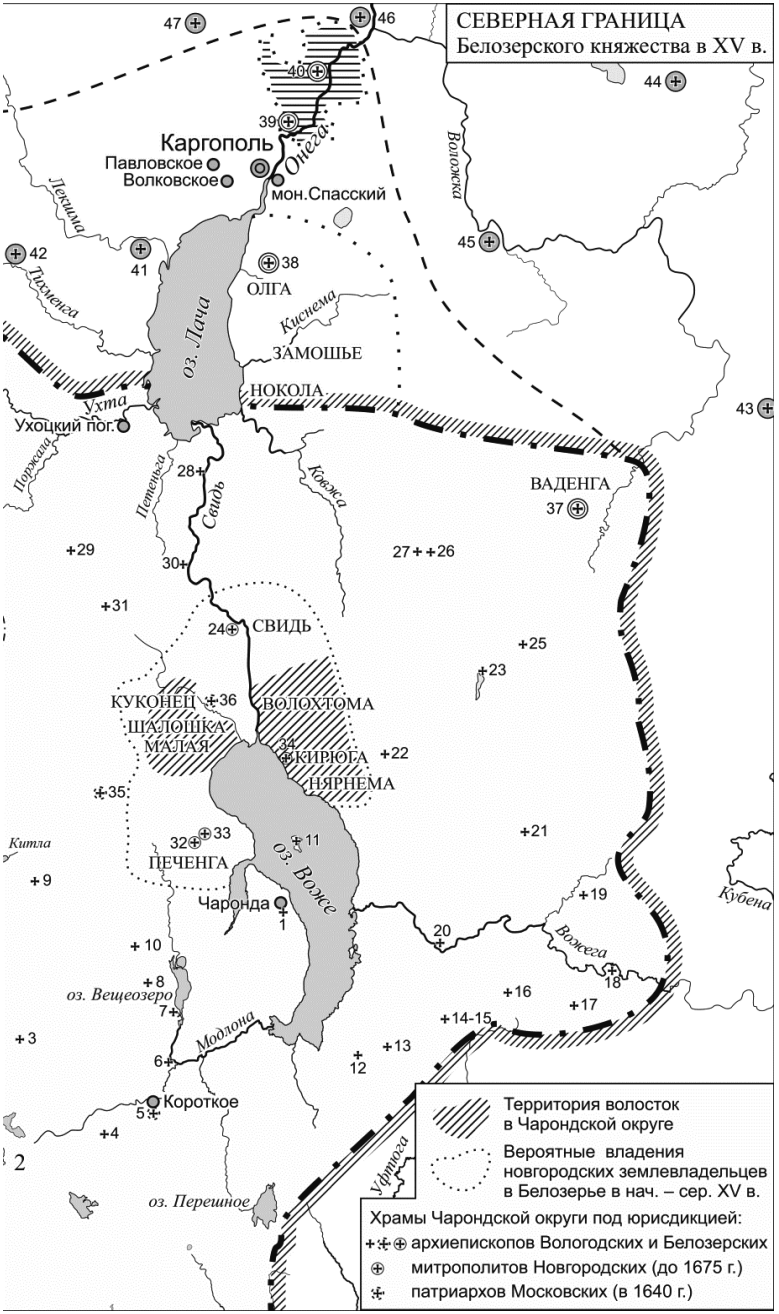
---

[111] Макаров 1997: 22–47. О включенности этих окраинных земель в ментальное пространство древнерусского книжника свидетельствует и «Моление Даниила Заточника», упоминающее и Белоозеро и озеро Лаче.

[112] Макаров 1997: 104.

[113] Макаров 1997: 104, 167–168 и др. «Дверьми в Заволочье» назвал Ухтомский и Славенский волоки еще З. Ходаковский (Ходаковский 1837: 28–29). Именно с ключевым положением города Белоозеро на перекрестке торговых путей, очевидно, связан его опережающий по сравнению с сельской округой рост в XI–XIII веках. Упадок же города, вероятно, был вызван увеличением в жизни региона аграрной составляющей, которое прослеживается по археологическим данным с конца XIII–XIV в. (Макаров, Захаров, Бужилова 2001: 225–226). О возможной роли слободок в укреплении белозерских границ в районе волоков см.: Грязнов 2016а: 10–18.


Территория дворцового села Надпорожского
Территории Каргопольского уезда под церковной юрисдикцией архиепископов Ростовских
Храмы, упомянутые в Платежной книге Каргопольского уезда 1555-1556 гг.:
относившиеся к Чарондской десятине Ростовской епархии (до 1657 г.) и Вологодско-Белозерской епархии (с 1657 г.)
вероятно, относившиеся к Новгородской епархии
оз. Лекшмоозеро
мон. Челмогорский
оз. Сойдозеро
Сойда
оз. Онежское
Андомский пог.
Андома
оз. Заячозеро
3
4
оз. Маткозеро
оз. Мурдозеро
оз. Кемозеро
Успенское
Вытегра
Вокшома
Вытегорский пог.
1
оз. Ковжское
Ньюкша
Шима
оз. Сырозеро
БАДОГА
Содбожка
Ужела
КЕМА
Индоман
оз. Корбозеро
ТУМБАЖ
оз. Ярбозеро
Кема
+2
Ковжа
Никольское
Ильинское
оз. Дружининское
КИСНЕМА
ВАШПАН
ШУБАЧ
ВАШКУЙ
Киснема
Вашкуй
ЛИПНИК
Мегра
Ухтома
оз. Белое
Новый городок
Белоозеро
Граница Белозерского уезда в XVI в.
Предположительная граница белозерских владений в Каргополье
Границы владений князей Кемских
Волоки:
1 Бадожский
2 Ухтомский
3 Андома-Сойда
4 Ухотский
0 10 20 км
Масштаб 1:1 000 000
© Грязнов А.Л.


СЕВЕРНАЯ ГРАНИЦА
Белозерского княжества в XV в.
Каргополь
Павловское
Волковское
мон.Спасский
Онега
Лекшма
Плоснега
Воложка
оз. Лача
ОЛГА
Кинема
ЗАМОШЬЕ
НОКОЛА
Ухта
Ухоцкий пог.
Поржма
Петеньга
Свидь
Ковжа
ВАДЕНГА
СВИДЬ
КУКОНЕЦ
ШАЛОШКА МАЛАЯ
ВОЛОХТОМА
КИРЮГА
НЯРНЕМА
Китла
ПЕЧЕНГА
оз. Вожге
Чаронда
Вожега
Кубена
оз. Вещеозеро
Модлона
Короткое
Удрюга
оз. Перешное
Территория волосток в Чарондской округе
Вероятные владения новгородских землевладельцев в Белозерье в нач. – сер. XV в.
Храмы Чарондской округи под юрисдикцией:
архиепископов Вологодских и Белозерских
митрополитов Новгородских (до 1675 г.)
патриархов Московских (в 1640 г.)

Цифрами на карте обозначены храмы Чарондской округи и Каргопольского уезда XVI–XVII вв.:

1 Иоанна Златоустаго на Чаронде на посаде; **2** Успения Богородицы на Пушторе; **3** Пустыня на Важбахте, в ней храм великомученицы Парасковии нарицаемой Пятницы; **4** Преображения Господня в Шалге Бодунове; **5** Илии Пророка в Коротинской волости; **6** Воскресения Христова в Вещезенской волости; **7** Успения Богородицы в Вещезерской волости; **8** святых апостолов Петра и Павла в Вещезерской волости; **9** Николая Чудотворца Шалги Захарьины, а Кемская то же; **10** Рождества Христова в Вещезерской волости; **11** Монастырь Спасский на Чаронде на Воже озере на острове; **12** Воскресения Христова в Пунемской волости; **13** Пресвятой Богородицы в Каликинской волости; **14** Преображения Господня в Липинской волости; **15** святые мученицы Парасковии нарицаемой Пятницы в Липинской же волости новой выставки; **16** Николая Чудотворца на Коргозере; **17** Николая Чудотворца в Долгозерской волости; **18** Николая Чудотворца в Тигине слободе; **19** великомученицы Варвары в Чюжемской волости; **20** Николая Чудотворца на Вожеге; **21** Успения Пресвятой Богородицы в Тавенской волости; **22** Николая Чудотворца в Ковженской волости; **23** Введения Пресвятой Богородицы в Родковской волости; **24** Николая Чудотворца в Свидцкой волости; **25** Пресвятой Троицы в Родковской волости; **26** Рождества Богородицы на Кленове; **27** Рождества Иоанна Предтечи на Кленове; **28** Рождества Пресвятой Богородицы в Хотеновской волости; **29** Илии Пророка в Шильской волости на Шилде; **30** великомученика Георгия в Боровской волости; **31** Рождества Богородицы в Шалге Большой; **32** Благовещения Пресвятой Богородицы в Печенской волости; **33** Воздвижения Честного Креста Господня в Печенской же волости; **34** святых апостолов Петра и Павла в Свитцкой волости в Кирюге выставка; **35** святого мученика Георгия в Пончинской волости; **36** Воскресения Христова в Чепетцкой волости; **37** святого Николая Чудотворца в Каргопольском уезде в Вадинской волости; **38** Вознесения Господня в Каргопольском уезде в Волской [в Олгской] волости; **39** Николая Чудотворца в Каргопольском уезде в Надпорожской волости; **40** Преображения Господня в Каргопольском уезде в Олховской волости; **41** святых апостолов Петра и Павла в Каргопольском уезде в Лекшмоозерской волости; **42** Рождества Богородицы в Каргопольском уезде в волости Ягрема; **43** Николая Чудотворца в Каргопольском уезде в волостке Охтомица; **44** Благовещения Пресвятой Богородицы в Каргопольском уезде в Нименской волости; **45** Николая Чудотворца в Каргопольском уезде в волостке Рягово; **46** Илии Пророка в Каргопольском уезде в Усть-Волежской волости; **47** Преображения Господня в Каргопольском уезде на Верхнем Чурьюге.

БИБЛИОГРАФИЯ

ААЭ 1836 — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею. СПб., 1836. Т. I.

Аверьянов 2001 — *Аверьянов К.А.* Купли Ивана Калиты. М., 2001.

Амвросий 1813 — *Амвросий.* История российской иерархии… М., 1813. Ч. V.

Андрианова, Васильева 2017 — *Андрианова Л.С., Васильева Н.Б.* Археологическое изучение Чаронды // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле — Белокурихе: сборник научных статей / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул, 2017. Т. II. С. 239–241.

Анкудинов 1992 — *Анкудинов И.Ю.* Писцовая книга Чаронды 1670-1671 гг. Описание рукописи // Тезисы докладов и сообщений V Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко–географических источников (Новгород, 1–3 сентября 1992 г.) / Отв. редю В.Л. Янин. Новгород, 1992. С. 59–61.

АСЭИ 1958 — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. М., 1958. Т. II.

АСЭИ 1964 — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. М., 1964. Т. III.

АЮ 1838 — Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.

Бараева 2012 — *Бараева Н.А.* Обзор документов по истории Белозерья конца XVI–XVII в. в фондах Государственного архива Вологодской области // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: Сборник материалов международной научной конференции. Вологда — Кириллов — Белозерск, 6–8 июня 2012 г. Вологда, 2012. С. 193–198.

Башнин, Грязнов 2016 — *Башнин Н.В., Грязнов А.Л.* Карта храмов Вологодского уезда 1628–29 г. // Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церквей Вологодской епархии. XVII – начало XVIII в. М.; СПб., 2016. С. 16–20.

Васильев 1994 — Вотчинные переписные книги дворцовых Мунской и Роксомской волостей Чарондской округи переписи П.И. Юрлова / Публ. Ю.С. Васильева // Культура Русского Севера. Вологда, 1994. С. 141–182.

Васильев 2007 — *Васильев Ю.С.* Две переписные («записные») книги Белозерского уезда и Чарондской округи // Белозерье. Краеведческий альманах. Вологда, 2007. Вып. 3. С. 115–140.

Васильев 2013 — *Васильев Ю.С.* Избранные труды по истории Европейского Севера России XII–XVII веков. Вологда, 2013.

Водарский 1978 — *Водарский Я.Е.* Карты первой половины XVIII века как источник для реконструкции уездных границ XVII века (на примере Чаронды) // Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР. Северный археографический сборник. Вологда, 1978. Вып. VI. С. 80–82.

ГВНП 1949 — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Гераклитов 1914 — *Гераклитов А.А.* Акты и грамоты Кирилло-Белозерского монастыря. (Из архива Саратовской архивной комиссии) // Труды Саратовской губернской ученой архивной комиссии. Саратов, 1914. Вып. 31. № 6. С. 3–27.

Гневашев 2007 — *Гневашев Д.Е.* Николаевский Курьюжский монастырь в XVI–XVII веках // Белозерье. Краеведческий альманах. Вологда, 2007. Вып. 3. С. 98–115.

Голубева 1973 — *Голубева Л.А.* Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М., 1973.

Грязнов 2006 — *Грязнов А.Л.* Землевладение князей Кемских в XV–XVI вв. // Исследования по истории средневековой Руси. СПб., 2006. С. 273–298.

Грязнов 2008 — *Грязнов А.Л.* Княгиня Федорова Федосья // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2008. М., 2008. С. 23–38.

Грязнов 2011 — *Грязнов А.Л.* Древнейший частный акт Северо-Восточной Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 3. С. 37–38.

Грязнов 2012 — *Грязнов А.Л.* Купчая Павла Харитонова: землевладение на Белоозере в эпоху Куликовской битвы // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 2. С. 35–49.

Грязнов 2015 — *Грязнов А.Л.* Княжеские владения XV в. и волости XVII в. // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 18–19 декабря 2014 г. М., 2015. С. 11–32.

Грязнов 2016а — *Грязнов А.Л.* Белозерские слободы XIV–XV вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016 год: Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв. М.; Уфа, 2016. С. 10–18.

Грязнов 2016б — *Грязнов А.Л.* Расположение и границы северных владений ярославских князей // Эпоха князя Владимира и развитие Российской государственности: Материалы всероссийской научно-практической конференции 26 июня 2015 г. Ярославль, 2016. С. 179–192.

Грязнов 2016в — *Грязнов А.Л.* Храмы в Вологодском уезде по окладной книге г. Вологды и Вологодского уезда 1628/29 г. [Карта] // Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церквей Вологодской епархии. XVII – начало XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М.; СПб., 2016. Илл. 1–9.

Грязнов 2017 — *Грязнов А.Л.* Белозерские князья в годы правления Ивана III // Великое Стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта – 1 апреля 2017 г., Калуга) / Отв. Ред. И.Н. Берговская, В.Д. Назаров. Калуга, 2017. С. 135–166.

Грязнов 2018 — *Грязнов А.Л.* Южная граница Белозерского княжества // Российская государственность и Русская Православная церковь: эволюция институтов светской и духовной власти. Материалы Международной научно-практической конференции 22 мая 2017 г. Ярославль, 2018. С. 188–209.

Грязнов 2019 — *Грязнов* А.Л. Белозерские акты XIV–XVI вв.: Исследование и перечень. Вологда, 2019.

Грязнов, Черкасова 2012 — *Грязнов А.Л., Черкасова М.С.* О формировании межуездных границ на Русском Севере в XV–XVI вв.: Белоозеро — Вологда — Устюг // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: Сборник материалов международной научной конференции. Вологда — Кириллов — Белозерск, 6–8 июня 2012 г. Вологда, 2012. С. 178–192.

ДДГ 1950 — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М., 1950.

Дедук 2014 — *Дедук А. В.* «Список русских городов дальних и ближних»: история изучения // Русский книжник. 2014. М., 2015. С. 129–141.

Дмитриев 1989 — *Дмитриев Л.А.* Феодосий, автор Жития Александра Ошевенского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 462–464.

Дозорная книга Белоозера 1994 — Дозорная книга города Белоозера «письма и дозору» Г.И. Квашнина и подьячего П. Дементьева /

Публ. Ю.С. Васильева // Белозерье: Историко-литературный альманах. Вологда, 1994. Вып. 1. С. 37–75.

Езовая книга 1984 — Писцовая книга езовых дворцовых волостей и государевых оброчных угодий Белозерского уезда 1585 года. М.; Л., 1984.

Есакова 2011 — *Есакова С.* Деревня которой больше нет. — Электронный ресурс [режим доступа: http://patriot-pomor.ru/index.php/novosti/3141-issledovatelskaya-rabota-derevnya-kotoroj-bolshe-net, дата обращения 15.10.2018].

Захаров 2004 — *Захаров С.Д.* Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.

Зверинский 1892 — *Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. СПб.,1892.

Каргопольская платежница 1972 — Платежная книга Каргопольского уезда 1555–1556 гг. // Северный археографический сборник. Вологда, 1972. Вып. 2. С. 253–290.

Каргопольские сотные 1972 — Сотные на волости Каргопольского уезда 1561–1562 гг. // Северный археографический сборник. Вологда, 1972. Вып. 2. С. 300–475.

Колесников 1971 — *Колесников П.А.* Северная Русь (Архивные источники по истории крестьянства и сельского хозяйства XVII в.). Вологда, 1971.

Копанев 1951 — *Копанев А.И.* История землевладения. Белозерского края XV–XVI вв. М., 1951.

Кузьмин 2015 — *Кузьмин А.В.* На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. М., 2015. Т. II.

Кучкин 1984 — *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Кучкин 2015 — *Кучкин В.А.* Датировка списка «А се имена градом всем рускым далним и ближним» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3. С. 70–72.

Летописец Усть-Шехонского монастыря 1994 — Летописец Троицкого Устьшехонского монастыря / Публ. Ю.С. Васильева // Белозерье: Историко-литературный альманах. Вологда, 1994. Вып. 1. С. 86–92.

Лурье 1997 — *Лурье Я.С.* История России в летописании и восприятии Нового Времени // Россия Древняя и Россия Новая: (избранное). СПб., 1997. С. 13–171.

Любавский 1929 — *Любавский М.К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929.

Макаров 1997 — *Макаров Н.А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М., 1997.

Макаров, Захаров, Бужилова 2001 — *Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П.* Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.

Македонская 2012 — *Македонская Н.М.* Спасо-Маткозерская мужская пустынь // *Македонская Н.М.* Дополнения к Церковно-историческому атласу Вологодской области. — Электронный ресурс [режим доступа: http://parishes.mrezha.ru/library.php?id=281, дата обращения 15.10.2018].

Назаров 2015 — *Назаров В.Д.* О включении Ярославского княжения в состав Российского государства // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Четвертые чтения памяти акад. РАН Л.В. Милова. М., 2015. Вып. 4. С. 51–80.

Насонов 1951 — *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М., 1951.

Новый Олонецкий патерик 2013 — Новый Олонецкий патерик / Сост., отв. ред. и автор предисл. А.В. Пигин. СПб., 2013.

НПЛ 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Окладные книги 2016 — Окладные книги церквей Вологды, Вологодского, Белозерского уездов и Чарондской округи Вологодского архиерейского дома св. Софии // Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церквей Вологодской епархии. XVII – начало XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М.; СПб., 2016. С. 551–654.

Памятники Куликовского цикла 1998 — Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998.

Переписные книги вологодских монастырей 2011 — Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: исследование и тексты. Вологда, 2011.

Писцовые книги Обонежской Пятины 1930 — Писцовые книги Обонежской Пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.

Побежимов 2017 — *Побежимов А.И.* Историческая география Каргопольского уезда середины XVI – первой четверти XVII вв. // Вестник НВГУ. 2017. № 2. С. 37–44.

ПСРЛ 1853 — Полное собрание русских летописей. СПб., 1853. Т. 6.

ПСРЛ 1889 — Полное собрание русских летописей. СПб., 1889. Т. 16.

ПСРЛ 1897 — Полное собрание русских летописей. СПб., 1897. Т. 11.

ПСРЛ 1901 — Полное собрание русских летописей. СПб., 1901. Т. 12.

ПСРЛ 1910 — Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т. 23.

ПСРЛ 1913 — Полное собрание русских летописей. СПб., 1913. Т. 18.

ПСРЛ 1921 — Полное собрание русских летописей. Пг., 1921. Т. 24.

ПСРЛ 1922 — Полное собрание русских летописей. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1.

ПСРЛ 1949 — Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1949. Т. 25.

ПСРЛ 1982 — Полное собрание русских летописей. Л., 1982. Т. 37.

ПСРЛ 2005 — Полное собрание русских летописей. М., 2005. Т. 27.

Садиков 1940 — *Садиков П.А.* Из истории опричнины XVI в. // Исторический архив. 1940. № 3. С. 113–303.

Садиков 1950 — *Садиков П.А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950.

Семушин 2010 — *Семушин Д.Л.* Русский Север. Пространство и время. Архангельск, 2010.

Старицын 2011 — *Старицын А.Н.* Уникальный источник по истории сельских приходов Каргопольского уезда // Вестник церковной истории. 2011. № 3/4 (23/24). С. 261–308.

Суворов 1996 — *Суворов А.В.* Археологические исследования сезона 1995 года на Соборной площади города Каргополя // Каргополь. Историческое и культурное наследие. Каргополь, 1996. С. 40–59.

Тихомиров 1955 — *Тихомиров М.Н.* Каргопольские рукописи // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 480–486.

Тихомиров 1979 — *Тихомиров М.Н.* «Список русских городов дальних и ближних» // *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 83–137, 357–361.

Тормосова 2011 — *Тормосова Н.И.* Каргополье: история исчезнувших волостей. Каргополь, 2011.

Фролов 2012 — *Фролов А.А.* Административная система центральных районов Новгородской земли в X – начале XVII века (в контексте истории территориальных юрисдикций) // Историческая география / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2012. Т. 1. С. 110–154.

Хитров 2017 — *Хитров Д.А.* Границы уездов на русских крупномасштабных картах XVIII века // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Пятые чтения памяти акад. РАН Л.В. Милова. М., 2017. Вып. 5. С. 148–150.

Ходаковский 1837 — *Ходаковский З.* Пути сообщения в Древней России // Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских. М., 1837. Т. 1. Кн. 1. С. 1–50.

Церковно-исторический атлас 2007 — Церковно-исторический атлас Вологодской области. М.; Вологда, 2007. Т. I.

Черкасова 2004 — *Черкасова М.С.* Кубено-Заозерский край в XIV–XV вв. // Харовск: Краеведческий альманах. Вологда, 2004. С. 46–105.

Черкасова 2017 — *Черкасова М.С.* Заволочье: К расширению и обновлению понятия // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Пятые чтения памяти акад. РАН Л.В. Милова. М., 2017. Вып. 5. С. 142–147.

Шаров-Делоне 2005 — *Шаров-Делоне С.А.* К вопросу об историческом контексте формирования культуры Русского Севера // Иконы Русского Севера. Двинская земля, Онега, Каргополье, Поморье. Статьи и материалы. М., 2005. С. 33–47.

Янин 1981 — *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). М., 1981.

Янин 1991 — *Янин В.Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.

А.В. Постников

СВИДЕТЕЛЬСТВА ИНОСТРАНЦЕВ О ВОДНЫХ ПУТЯХ, КОТОРЫМИ ОНИ ВПЕРВЫЕ ПОПАЛИ НА РУСЬ

XVI – НАЧАЛО XVII ВЕКА

Аннотация: Статья посвящена анализу сообщений иностранных путешественников XVI – начала XVII в., прибывавших на Русь водными путями. Записки этих путешественников, а также составленные ими карты являются ценным источником не только по истории географических знаний и картографии, но и по истории освоения внутренних водных путей Русского государства — важнейших транспортных артерий, соединявших бассейны Белого и Балтийского морей с акваторией Каспийского моря. В статье рассматриваются данные о путешествиях в Московию в XVI в. представителей английской «Московской компании» — Ричарда Ченслера, братьев Боро, Томаса Соутэма, Джона Спарка, Этнони Дженкинсона, — которые внесли большой вклад в географическое описание и картографирование Восточной Европы. Исследуются свидетельства о деятельности голландских купцов и мореходов, путешествовавших на Русь в XVI в. — Симона ван Салингена и Корнелия де Мейера, — а также карта Балтийского моря Корнелиуса Дутса 1589 года. Подробно анализируется географическая информация, содержащаяся в «Записках о Московии» Генриха фон Штадена (вторая половина XVI века). «Чертеж украинским и черкасским городам от Москвы до Крыма» (первая половина XVII в.), на котором представлена гидрография южной части Русского государства, рассматривается в контексте работы по картографированию русских земель, проводившейся на Руси во второй половине XVI – начале XVII века.

Ключевые слова: внутренние водные пути, Русское государство, XVI–XVII века, иностранные путешественники, международная торговля, картография.

Представляемая вниманию читателей работа является результатом многолетних камеральных и полевых экспедиционных исследований автора, посвященных истории внутренних водных путей России, соединяющих акваторию Каспийского моря с бассейнами Балтийского и Белого морей. В современной историографии уделяется значительное внимание истории гидрографических систем различных стран, их освоения и антропогенной трансформации, приводившей подчас к серьезным негативным экологическим последствиям. Удачным обзором некоторых из значимых работ такой направленности является обзор Ф.С. Корандея «Историческая география рек».[1] Как это ни покажется странным, но в этой серьезной историографической работе не нашлось места для анализа отечественных исследований, в частности, проводимых Отделом истории наук о Земле Института истории естествознания и техники РАН с 2003 г., по инициативе автора настоящей статьи, комплексных историко-географических работ, результаты которых нашли отражение в ряде монографий и статей, а также отмечены Премией Русского географического общества 2016 г. «Хрустальный компас»[2].

Великие реки были существенным фактором в деле зарождения и развития древних культур, которые всегда расцветали по течению речных систем, так что с этой точки зрения совершенно бесспорна связь истории цивилизации отдельных стран с их гидрографическими условиями. Великие реки сплачивают между собой разрозненные народы их побережий, являются стимулом их солидарности и соединения их труда, что служит источником благоговения, уважения, почитания и даже их антропоморфизации со стороны обитателей великих речных систем[3].

---

[1] Корандей 2014: 468–483.

[2] См., в частности: Низовцев и др. 2009. Премией РГО 2016 года в номинации «Путешествия и экспедиции» был награжден ИИЕТ РАН за комплексную экспедицию по изучению исторических водных путей (научные руководители — А.В. Постников, В.А. Снытко, И.Н. Юркин; начальник экспедиции — В.А. Широкова). См. также: Postnikov 1975; Истомина, Постников 1981: 55–77.

[3] Мечников 1899: 128, 142–146, 171, 287–288. См. также работы В.А. Широковой, которая посвятила целый ряд своих трудов роли воды, рек, озер, океанов и морей в истории человечества и развитии общества,

В течение многовековой истории Российского государства водные пути были главными средствами коммуникации для внутренней и международной торговли, развития промыслов и производства, духовного общения, формирования национального самосознания русского народа и становления единого государства. Особое значение имели связи земледельческих районов Киевской Руси с Новгородскими и Московскими землями, богатыми лесом, промысловыми животными и рыбой.

Американский историк картографии Чет Ван Дузер привлек анимание исследователей к свидетельствам неизвестных авторов XV – начала XVI вв., содержащихся в текстах на «Морской карте» Мартина Вальдзеемюллера 1516 года[4]. В своей работе Ван Дузер приводит эти тексты на латыни и в переводе на русский язык. Надписи свидетельствуют о том, что они опираются на различные, иногда противоречивые свидетельства, содержащие, в том числе, сведения о гидрографической сети Московии, которые, возможно, были известны авторам этих сообщений не только по описаниям, но и на основании собственного опыта. Так, на ка карте Вальдзеемюллера нанесено озеро *Lacus Albus*, а к нему дан текст: «У этого озера встречаются белые медведи». Чет Ван Дузер вполне обосновано полагает, что *Lacus Albus* — это перевод русского названия «Белое озеро», а идентификация топонима подтверждается присутствием города Каргополь (*Kargopolis*) к северу от озера и города Белоозеро (*Beloser*)[5]. На карту нанесены также река Москва, в качестве притока реки Волги (*Volga fl.*), текущей на запад и впадающей в Нарву. Две другие «Волги» — *Rha fl.* и *Tanais fl. sive Bulga* (в этом случае, по-видимому, перепутаны Волга и Дон) — текут на юг. У западного края листа третьей карты Вальдзеемюллера изображен город на берегу озера (Ильмень?), через которое протекает река (*Volga fl.*), являющяяся, на самом деле, Волховом[6].

особенно в нашей стране: Широкова 2001; Фролова, Широкова 2002; Широкова, Фролова 2012.

[4] Ван Дузер 2014.

[5] Ван Дузер 2014: 245.

[6] Ван Дузер 2014: 246–248.

Одним из самых ранних документальных подтверждений достоверности знаний новгородцев о Белом море является знаменитая Карта Европы 1544 г. на 15 листах великого голландского картографа Герарда Меркатора (1512–1594), на листе которой, посвященном Швеции, Норвегии и другим странам севера (Илл. 1), про сведения о Белом море сказано, что они были получены картографом от беломорских поморов[7].

Илл. 1

Скандинавский полуостров на карте Меркатора

Детальные документальные свидетельства активного освоения этих путей русскими людьми имеются в материалах коммерческих агентов английской торговой организации «Московская компания» (*Muscovy Company*). Московская компания (называвшаяся также Русской компанией) представляла собой объеди-

[7] Иванов 1967: 97–99.

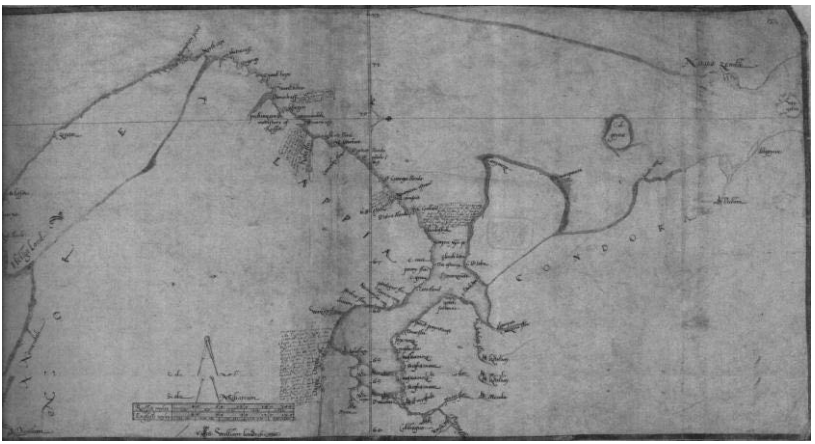
нение английских купцов, торговавших с Московией (Русским государством). Компания была организована в 1555 г. английским мореплавателем, исследователем и картографом Себастьяном Кэботом (*Sebastian Cabot*) (1476–1557) и несколькими лондонскими купцами, получив монополию на англо-русскую торговлю. Это была первая английская компания с объединенным капиталом (*joint-stock company*), который непрерывно использовался, вместо того, чтобы пополняться после каждого плавания. Первоначальной целью Московской компании было развитие торговых связей с Русским государством, а также продолжение поисков Северо-восточного прохода. Экспорт в Московию включал шерстяную одежду, металлы и средиземноморские товары; английские купцы привозили через Архангельск пеньку, стеарин, канаты (такелаж) и другие русские товары. Хотя царь Алексей Михайлович отменил в 1698 г. привилегии компании, и в Англии она потеряла монополию на российскую торговлю, компания осталась влиятельной организацией в лондонском Сити и в XVIII в. участвовала в оживлении англо-русской торговли.

В 1553 г. Сэр Хью Уиллоуби (*Sir Hugh Willoughby*, ум. 1554) и Ричард Ченслер (Ченслор) (*Richard Chancellor*, ок. 1521–1556) отправились на поиски Северо-Восточного прохода в Китай и «Восточную Индию» (Индонезийский архипелаг — «острова специй»). Корабль Уиллоуби погиб, а корабль Ченслера «Эдуард Бонавентюр» (*Edward Bonaventure*), пройдя вдоль берегов Кольского полуострова, вошел в Белое море и бросил якорь в устье Северной Двины, близ Архангельска (в то время Михаило-Архангельский монастырь)[8]. Так произошло открытие Белого моря западноевропейскими мореплавателями XVI века. Кораблем Ченслера командовал капитан Стивен Боро (*Stephen Borough*, 1525–1584). Вторично этот капитан побывал в Белом море в 1557 году.

---

[8] Михаило-Архангельский монастырь — православный монастырь, основанный в XII в. новгородским архиепископом Иоанном в устье Северной Двины и первоначально находившийся на мысе Пур-Наволок. В 1419 г. был разорен норвежцами, но затем восстановлен на прежнем месте и на протяжении двухсот лет был одним из центров Русского Севера. В 1584 г. по указу царя Ивана Грозного воеводы Нащокин и Залешанин построили вокруг монастыря деревянную крепость, названную Новые Холмогоры, которая и дала начало Архангельску (Суворов 2001).

В результате плаваний Ченслера и Боро, примерно в 1558 г. появилась рукописная карта берегов Северной Европы (масштаб 1:5800000) (Илл. 2). Ее составил младший брат Стивена Боро, Уильям, который сопровождал своего брата-капитана в обоих плаваниях. Своими знаниями берегов Кольского полуострова У. Боро



Илл. 2

Карта Уильяма Боро
Borough, William (1536–1599) Sailing plat MS 1560. London, BM, Royal MSS
(по: Ericsson, Häkli, Nurminen 1992: 16)

был обязан русским поморам[9]. В дневнике плавания 1556 г. упомянуты поморы Гаврила и Кирилл. Из 29 географических названий на Кольском полуострове авторству Боро можно приписать только десять, все остальные — русские. На карте нет Кандалакшского залива и Онежского полуострова, четко отделяющего Онежскую губу от Двинской. Белое море не имеет названия, но в дневниках плаваний Стивена Боро его называют заливом Св. Николая (по монастырю в устье Северной Двины). Карта Бо-

[9] Подробное изложение истории этих плаваний см.: Hakluyt 1589.

ро послужила основой изображения Белого моря на европейских картах этого периода[10].

Во время своего второго визита в Московию Ричард Ченслер прибыл в устье Северной Двины 23 июня 1555 г. и со всеми своими товарами отправился на барках вверх по рекам Северной Двине, Сухоне и Вологде в город Вологду, а оттуда по суше — в Москву, куда англичане прибыли 4 октября[11]. Таким образом, русские впервые показали англичанам один из древних путей, соединявших Беломорье с Москвой.

Одни из первых торговых агентов Московской компании Томас Соутэм (*Thomas Southam*) и Джон Спарк (*John Sparke*) в своем описании водного пути от села Сорока (совр. Беломорск) на побережье Белого моря до Повенца на берегу Онежского озера, по которому 367 лет спустя пролегла трасса Беломорско-Балтийского канала, документально подтверждают, насколько этот путь был хорошо известен и широко использовался русскими людьми[12]. В 1566 г. англичане на трех лодках с двенадцатью гребцами прошли весь путь от Сороки до Новгорода за один месяц[13]. Яркое описание этого путешествия — «Путь водою, от-

---

[10] Впервые опубликована: Кордт 1906. Карта XI. Фрагмент карты см. Вальдман 1973. Рис. 4.

[11] England and Russia 1854: 137 (впервые опубликована под названием: Tradescant der Aeltere 1618 in Russland. Der Handelsverkehr zwischen England und Russland in seiner Entstehung. Rückblick auf einige der älteren Reisen im Norden. St. Petersburg; Leipzig, 1847).

[12] Впервые это описание было опубликовано английским клириком и историком географических открытий Ричардом Хаклюйтом (*Richard Hakluyt*, 1553–1616) в 1589 г. в книге «Основные плавания, путешествия и открытия Английской Нации» (Hakluyt 1589). В 1598–1600 гг. вышло в свет значительно обновленное и расширенное издание этого труда в трех томах *in folio* (Hakluyt 1598–1600). Публикации редких печатных и рукописных материалов географических исследований и открытий различных народов продолжаются до настоящего времени силами лондонского Хаклюйтского общества, основанного в 1846 году. Достойное место в ряду этих публикаций занимают российские географические исследования и открытия. Автор настоящей работы имеет честь быть Почетным членом Хаклюйтского общества и представителем России в его редакционной коллегии.

[13] Впервые описание этого пути на русском языке было опубликовано, в переводе с издания Р. Хаклюйта, академиком Ю.В. Готье (Английские

крытый Томасом Соутэмом и Джоном Спарком из города Колмогор по западной оконечности Залива Св. Николая[14] в город Новгород в России...» — свидетельствует не о том, что его авторы, как они утверждают «открыли» этот путь, а о его давнем освоении и использовании русскими людьми для коммуникации и торговли между Беломорьем, Новгородом и Балтийским морем. В организации и обеспечении сообщений по этому пути с давних пор основную роль играли поморы и северные монастыри (особенно — Соловецкий) и принадлежавшие им крестьяне, в чем с первых дней своего путешествия и убедились англичане.

Плавание из Холмогор по Северной Двине и далее по Белому морю через Соловки до Сороки путешественники успешно совершили на ладье водоизмещением около 25 тонн с командой поморов, а обеспечение перехода по рекам от Белого моря до Онежского озера взяло на себя руководство Соловецкого монастыря, для которого этот путь был давно освоен и активно использовался, в частности, для торговли солью.

По пути на Соловки путешественники пережидали неблагоприятную погоду в недавно основанной английской торговой фактории на Розовом острове[15] напротив монастыря Св. Николая[16].

путешественники 1937: 81–88). В нашей работе мы, учитывая это издание и, в частности, используя примечания Готье, опираемся на современную австралийскую *web*-публикацию оригинала Ричарда Хаклюйта — Электронный ресурс [режим доступа: https://ebooks.adelaide.edu.au/h/hakluyt/voyages/, дата обращения — 15.10.2019].

[14] Под западной оконечностью залива Св. Николая авторы, судя по всему, имеют в виду Онежскую губу Белого моря.

[15] Лежавший напротив Николо-Карельского монастыря остров, расположенный между Пудожемским и Никольским устьями Северной Двины, по документам известен с 1501 года. Этот остров, относящийся к числу древнейших новгородских владений, в описаниях и на картах XVI–XVII вв. назывался по-разному: Ягры, Ягорский остров, Агры — Большие или Никольские. В XVI в. остров имел большое торговое значение и его можно назвать первым торговым портом России. После поездки Ричарда Ченслера в Москву в 1553 г. Иван Грозный выдал англичанам грамоту, в которой позволил им торговать «безданно, беспошлинно» по всему русскому царству и разрешил основать торговую пристань в устье Северной Двины. Они облюбовали остров Ягры и в 1555 г. построили на этом острове пристань,

На Соловках англичане не застали настоятеля монастыря, Преподобного Филиппа, оставившего заметный след не только в истории монастыря, но и всего Московского государства. За десять дней до их прибытия он был вызван Иваном Грозным и назначен Митрополитом Московским, как потом оказалось, на свою погибель[17]. Тем не менее, монахи радушно приняли иностранных гостей и сразу продемонстрировали англичанам, насколько хорошо им был знаком и освоен путь, по которому они хотели пройти. Англичанам выдали «лист за печатью монастыря и одного из слуг, чтобы благополучно проводить» их по «опасной реке Выг». В листе было сказано, что монастырские крестьяне, обитающие там, должны были оказывать путешественникам «помощь во всех опасных местах и, где необходимо, перетаскивать их суда и товары волоком, что они действительно делали». Из дальнейшего повествования становится ясно, что для этих монастырских крестьян обслуживание пути к Онежскому озеру было, скорее всего, одной из основных работ, в которой они достигли вполне ощутимой квалификации.

В местечке Кекевич (*Quequenich*) на Выг озере служащий Соловецкого монастыря, сопровождавший англичан, расстался с ними, но не прежде чем нанял для них лодки и записал имена людей, которые должны были далее доставить путешественников в Повенец. Следует добавить, что служащий не взял с англичан никакой платы за свои труды, потому что так ему было приказано монахами.

В Повенце у англичан также не возникло затруднений с наймом мореходных лодок с экипажем для прохода Онежским озером, краткое и реалистичное описание которого приведено ими на

торговый дом, амбары, а остров прозвали «Розовым», так как он был покрыт зарослями цветущего шиповника.

[16] Николо-Карельский монастырь, где впоследствии был основан город Северодвинск.

[17] Св. Филипп (в миру — Федор Степанович Колычев, 1507–1569), игумен Соловецкого монастыря в 1548–1566 годах. В 1566 г. был вызван в Москву и возведен в сан митрополита; за противодействие жестокости и насилиям опричников и самого царя, в 1568 г. был низложен по приказу Ивана Грозного и заточен в тверской Отроч Успенский монастырь, где был убит Малютой Скуратовым в 1569 году. В конце XVI в. был причислен к лику святых.

основании их собственных наблюдений и сведений, полученных у местных жителей. По Онежскому озеру путешественники прошли с остановками для ночевок и ожидания попутных ветров в Толвуе и на островах Саласальми, Вороний и Большой Клименецкий, завершив переход в месте истока реки Свири из Онежского озера, у монастыря Вознесения Христова (совр. село Вознесение). Пройдя с двумя ночевками (в Вассиане и Селюкаксе, локализация которых на современной местности неясна), англичане вышли в Ладожское озеро, достигли устья реки Волхов и, с ночевками в Николо-Медведском монастыре, Гостинополье (Гостинопольском Никольском монастыре), Мыслове, Грузино и погосте Петровском, пришли в Великий Новгород. Повторим, что на весь путь от Холмогор до Новгорода англичане потратили всего один месяц, а перечисление пунктов остановок на этом пути, в которые уверенно приводили их русские кормчие и матросы, свидетельствует о давнем освоении ими этого маршрута, а также о значении монастырей в обеспечении приютом и продовольствием путешествующих. Заметим, что для самих монастырей поддержание функционирования пути, соединяющего их с основными старинными земледельческими и торговыми центрами Руси, было неотъемлемым элементом их существования как отдаленных духовных форпостов православия, проводящих миссионерскую деятельность и являющихся притягательными святыми местами для паломников со всех концов Руси. Большое значение этот путь имел также для хозяйственной деятельности как монастырей, так и страны в целом, получавшей соль, главным образом, с Белого моря. Об объеме таких перевозок свидетельствует тот факт, что, по записанному англичанами свидетельству русских, только зимою в них использовалось до 2000 санных подвод. Рассказывая об особенностях зимнего перехода по льду Ладожского и Онежского озер, англичане, насколько нам известно, впервые приводят данные о сроках вскрытия льда на озерах, замечая для будущих торговцев, которые пожелают воспользоваться этим путем, что «ваши товары лучше всего послать из Новгорода до шестого января, так, чтобы они были в Сумах к Сретенью (2/15 февраля) или вскоре после него, потому что, если ваши товары задержатся в пути до 15 февраля, когда солнце набирает силу, это опасно, так как солнечное тепло в этот день приводит к трещинам на глубоких озерах Ладожском и, особен-

но Онежском, и, если в этом случае, происходит внезапная оттепель, как часто бывает в это время года, тогда эти озера вскрываются и [лед] ломается, в результате чего гибнет много людей, так как тонет много как людей, так и лошадей, хотя многие реки еще долго остаются после того замерзшими».

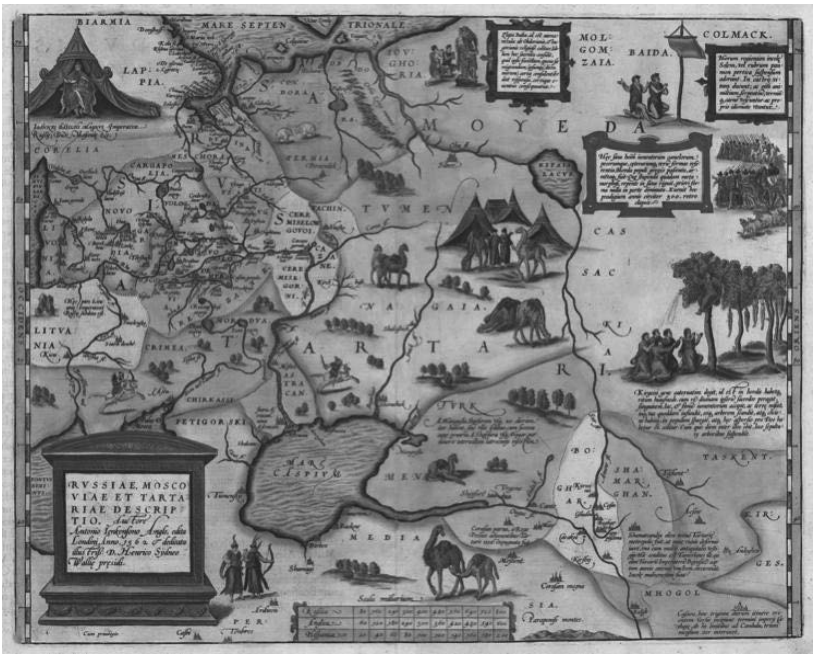
Следующим представителем Московской компании, побывавшим в Русском государстве и оставившим значительный след в историографии и картографии нашей страны, был Энтони Дженкинсон (*Anthony Jenkinson*, 1529–1611)[18]— английский дипломат и путешественник, первый полномочный посол Англии в Российском государстве. Он четырежды, с 1557 по 1571 год, побывал в Московии в качестве посла английских государей и представителя Московской компании.

После гибели первого посланника британской короны в Российском государстве капитана Ричарда Ченслера осенью 1556 г. королева Мария Тюдор направила Дженкинсона в качестве официального посла в Москву. А в следующем, 1557 году, именно Дженкинсон на борту своего корабля «Примроуз» (*The Primrose*) доставил в Россию Осипа Григорьевича Непею, первого московского посланника, побывавшего на Британских островах. В 1557–1561 годах, когда переговоры с царем Иваном IV велись уже от имени королевы Елизаветы I, главной задачей Дженкинсона было получить охранные грамоты и право на беспрепятственный проход по Волге до Каспийского моря. Путь Дженкинсона по России пролегал по уже освоенному англичанами маршруту из устья Северной Двины через Вологду, Москву, Рязань, Муром, Нижний Новгород, Казань и Астрахань. Этот отрезок пути имеет протяженность около 4 000 км.

Дженкинсон оказался первым западноевропейским путешественником, описавшим побережье Каспийского моря и Среднюю Азию во время своей экспедиции в Бухару в 1558–1560 годах. Результатом наблюдений Дженкинсона во время его путешествий стали не только официальные отчеты, но и самая подробная на тот момент карта России, Каспийского моря и Средней Азии,

---

[18] Подробнее см.: Early voyages and travels 1967: 167–176. Впервые на русском языке описание первого путешествия Дженкинсона в Россию было опубликовано в переводе Ю.В. Готье (Английские путешественники 1937).

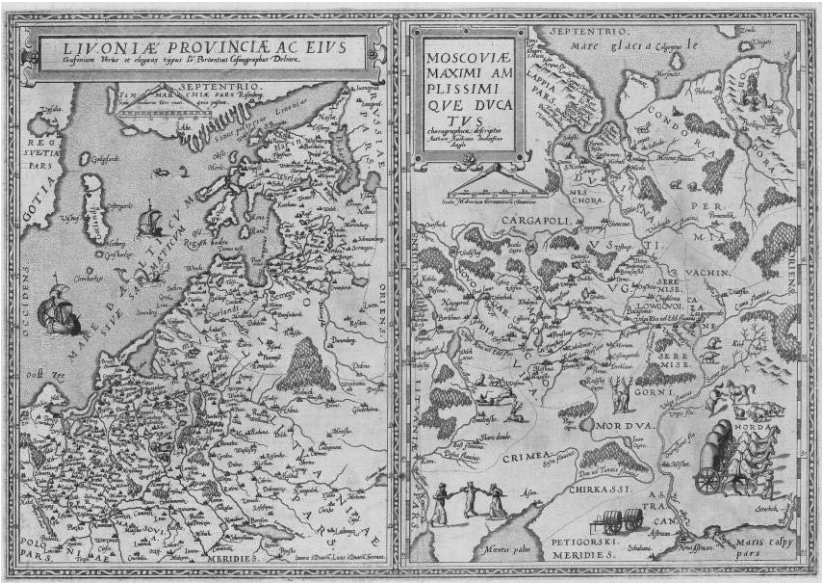


Илл. 3

Карта России из Атласа Абрахама Ортелия.
Копия любезно предоставлена автору
Отделом картографических изданий РГБ

изданная в Лондоне в 1562 г. под названием «Описание Московии, России и Тартарии», пролившая свет на почти недоступные для европейцев области в сердце Евразии. Эта карта России 1562 г. до недавнего времени была известна по двум основным копиям из атласов Абрахама Ортелия (*Theatrum Orbis Terrarum*), гравированного Францем Хогенбергом (Илл. 3), и Герарда де Йоде (*Speculum Orbis Terrarum*), гравированного Иоганнесом и Лукасом Ван Деутекум (Илл. 4).

Оригинал карты *Nova absolutaque Russiae, Moscoviae et Tartariae Descriptio. Authore Antonio Jenkinsono Anglo, Clemente Adamo Edita et a Nicolas Reinoldo Londinensi, aeri insculpta. Anno*

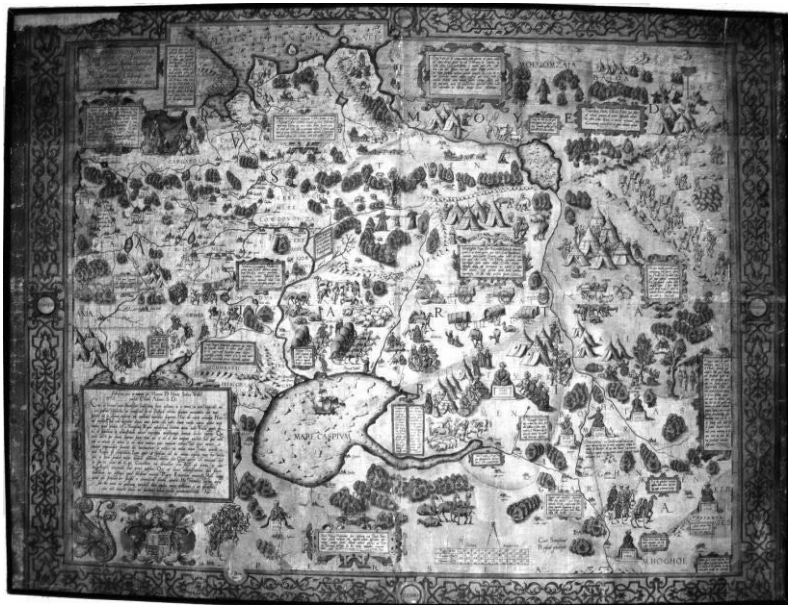


Илл. 4

Карта России из Атласа Герарда де Йоде.
Копия любезно предоставлена автору
Отделом картографических изданий РГБ

salutis, 1562 был обнаружен польской исследовательницей, руководившей картографическим отделом Библиотеки Вроцлавского Университета, Кристиной Шикулой, которая описала историю обнаружения, атрибутирования и приобретения оригинальной карты в своих работах, иллюстрированных копиями карты полностью, в уменьшенном виде (Илл. 5)[19].

[19] Szykuła 2000 (Fig. 2); Szykuła 2007: 15. Фрагменты карты: Szykuła, 2004. Илл. 6, 7 между с. 154–155; Szykula 2005: 60–61, 65. Наиболее детальное современное исследование карты Дженкинсона (включающее практически исчерпывающую историографию и археографию) проведено И.А. Осиповым (Осипов 2008). См. также: Baron 1993: 54.



Илл. 5

Подлинная карта Антония Дженкинсона,
обнаруженная Кристиной Шикулой
(по: http://belgeo.revues.org/docannexe/image/8827/img-1.jpg)

При изображении Белого моря Дженкинсон использовал карту Уильяма Боро[20]. Британский исследователь различных вариантов карты Дженкинсона Самуэль Бэрон, не отрицая в целом использования при ее составлении каких-то несохранившихся русских источников, подчеркивает очевидную и «вопиющую», по его мнению, неточность в том, что на карте Дженкинсона показано огромное несуществующее *Lake Volok* (озеро Волок) в качестве истока Северной Двины, Днепра и Волги. Однако, следует подчеркнуть, что, хотя в этом регионе и не существует такого обширного единого водного пространства, здесь имелось множество волоков (соединявших, в частности бассейны указан-

[20] Подробнее об этом см: Baron 1989; Baron 1991; Baron 1993.

ных рек), а также значительные озера (в частности, озеро Селигер), входившие в системы водно-сухопутных сообщений северо-восточной Руси.

В 1570-х годах в этих районах с англичанами стали конкурировать голландские купцы и мореходы, среди которых наиболее активен был Симон ван Салинген (*Simon von Saling*), посетивший и исследовавший многие районы Беломорья и пути, связывавшие его с Москвой и Новгородом[21].

В 1565 году для торговли с северными странами и, особенно с Московией, была создана голландская компания «Иоганн ван-Рейде, Корнелий де Мейер Симонсен и К°». Эта компания в следующем, 1566 году, отправила в Монкфорт и Мальмус Симона ван Салингена (служившего бухгалтером компании) с двумя судами для ведения торговли внутри страны. Симон ван Салинген благополучно прибыл той же весной в Монкфорт и вытребовал туда и то судно, которое оставлено было Корнелием де Мейером, так как в Мальмусе в ту пору грузить было нечего. Затем Симон ван Салинген нагрузил все три судна в Монкфорте и Киберге (*Keerwagh*)[22] рыбой, ворванью, и другими товарами, а также зафрахтовал у монахов еще две ладьи для перевозки остальных товаров в Мальмус, куда и прибыл благополучно. Вскоре после его прибытия в Мальмус, Корнелий де Мейер вернулся из своей неудачной московской поездки: он был остановлен в Новгороде, так как в «его свидетельстве титул Великого Князя [Ивана Грозного] был прописан недостаточно полно», но Корнелию де Мейеру сообщили, что посадник (*der Oberiste*) новгородский был подкуплен английской компанией, для того чтобы его не пропускать и не допустить конкуренции англичанам в их торговле у Св.

---

[21] Данков, Попова 2007: 263–267. «Сообщение о земле Лопии» Симона ван Салингена в переводе А.М. Филиппова см.: Русские в Лапландии 1901; Державин 2006: 72–87; Ушаков 1994; Разин 1996.

[22] Киберг, мыс с губою того же названия, лежащий в одной географической миле от Варде и ограничивающий вход в Варангер-фиорд с запада, находится в настоящее время на норвежской территории. Губу Киберг русские поморы называли «Под Биркой» и посещали ее весной для промыслов настолько охотно, что здесь содержался отдел русского Красного Креста с фельдшером и сестрой милосердия, для оказания врачебной помощи промышленникам. Островский 1898: 110.

Николая, начатой, как было отмечено выше, на острове Ягры (Розовом) в 1555 году. Когда Корнелий де Мейер приехал к Симону ван Салингену, они, переодевшись в русскую одежду и наняв несколько человек русской прислуги, отправились на лодке в Кандалакшу, а затем, на морской шлюпке морем через Керет (*Keretti*),[23] Кемь (*Kieni*)[24] и Шую (*Zuyen*),[25] пришли в реку Онегу (*On*), а затем Каргопольским трактом добрались до Москвы, где они явились к Степану Твердикову, который бывал у них в Антверпене по поручению Ивана Грозного[26]. Это было в самом начале опричнины (*Ufrissung*), когда во всей Московской и Новгородской области царила тирания. Твердиков объяснил Корнелию де Мейеру и Симону ван Салингену, что им нехорошо (и опасно) было бы излагать свое дело Ивану IV при таких обстоятельствах,

---

[23] Керет в настоящее время крупный административный центр Карелии. В русских летописях упоминается, как погост, в 1542 г. по случаю бывшего в том году землетрясения, охватившего территорию от Керети до Умбы (Островский 1898: 77).

[24] Кемь — город в Карелии, расположенный на р. Кемь недалеко от ее впадения в Белое море; в XV в. Кемь была волостью Марфы Борецкой, а потом Соловецкого монастыря (Островский 1898: 74).

[25] Шуя — старинное село Карелии, история существования которого насчитывает более 500 лет. Оно образовано в период освоения Новгородским княжеством земель, прилегающих к Онежскому озеру. В Шуйской церковной летописи сказано: «Сам приход со селом получил свое название от реки Шуи. Самое же слово ШУЯ есть переделка финско-карельскаго SUO, что означает болото». И действительно, Шуя окружена болотами, стоит на низком месте, как бы в котловине. Многочисленные археологические исследования, проведенные на территории Шуи и ее окрестностей в 1979–2012 гг., подтверждают образование здесь первых русских поселений еще в X–XII веках. Самое раннее письменное упоминание о Шуе находится в одной из берестяных грамот XIV в., найденных во время раскопок в самом Новгороде. Оно повествует о сборе дани. Подробнее см. — Электронный ресурс [режим доступа: http://tourism.karelia.ru/useful/villages/Selo_shyja.html, дата обращения — 15.10.2019].

[26] На другой год после свидания с Симонсеном и Салингеном, Степан Твердиков, как человек известный иностранным купцам, был послан Иваном Грозным вместе с другим купцом, Федором Погорелым, в Лондон, с поручением поменять пушнину на драгоценные камни и другие предметы роскоши для царской казны (Гамель 1865: 80–81, где помещен текст грамоты, которой были снабжены эти первые русские купцы, повидавшие Лондон).

равно как и потому, что они приехали, никого не предупредив, тайным путем и в русской одежде. Поэтому они принуждены были удалиться из Москвы в Новгород. Де Мейер с доктором Адрианом Блоккеном из *Leuens Pass* выехал из Новгорода в Нарву, а Симон ван Салинген занялся в Новгороде торговлей жемчугом, драгоценностями и деньгами, которые он привез с собою, и уговорил многих торговцев воском, льном, кожей и юфтью (*Bockleder*) привезти ему эти товары в Суму (*Soema*) и Шую (*Zityen*), а сам почтовым трактом вернулся в Мальмус забрать все свои ткани, перец, оловянные изделия и прочие товары и привезти их новгородским купцам, что и было сделано.

Таким образом, Салинген в 1566–1570 гг. путешествовал по северу Московии, осенью и весной на лодках, зимою — на санях, запряженных в Лапландии оленями, а в Карелии и Московии лошадьми. В публикации сообщения Симона ван Салингена говорится, в частности, что «...в 1570 г. на энкгюйзенском судне прибыли итальянцы, а кроме того суда из разных мест. Симон же ван Салинген с одним судном и Мартин Клауссен из Энкгюйзена в первый раз плавали в Карельское море к Соловкам, Кузову, Шуе (*Suyen*) и Суме (*Soenna*). Итальянцы прибыли в Соловки со многими ремесленниками, художниками и проч., оттуда отправились в Онегу, а затем выехали в Москву. Когда Симон ван Салинген совершал первую поездку из Сумы с Карельской стороны в лодке вдоль берега и кругом Лапландии, он во всех гаванях измерил глубины, поставил вехи, определил расстояние мест по их широте и долготе, определил высоты полюса, он измерял глубины гаваней и определял течения до Онеги исследуя вдоль Сумы, Шуи, Кеми (*Krem*), Керсти, Ковды (*Kaudaka*), Порьи-губы[27], Умбы Кашкаранцев (*Kasseranzi*)[28], Варзуги, Лесного или Крестового острова (*Holz- oder Cross-Eiland*)[29], Терского Носа (?) (*Trehe Ness*), Трех островов (*Trehe-Oeyne*), Орлова Носа (*Adeler-Ness*), Святого

[27] Порья-губа расположена на Терском берегу Белого моря

[28] Кашкаранцы были вотчиной Марфы Посадницы (Борецкой), которая подарила ее в 1470 г. преподобному Зосиме Соловецкому (Ключевский 1866–1867: 552).

[29] Остров Сосновец; название *Cross-Island* было дано ему Стефаном Бурро (Hakluyt 1598–1600, vol. 3: 153).

Носа (*Hilgen-Ness*), Иванова мыса (*Sanct Jans Ness*), Нокуева (*Nokoy*), Семи островов[30] и проч. до Кильдина и оттуда до Мальмуса и проч. Всякий год земли все гуще заселялись, мореплавание также развивалось, отчего все товары вздорожали, и Симон ван Салинген занялся торговлей в Карельском море, а также в Варзуге, Умбе, гавани Терского носа, Нокусеве и других местах...». Труды голландских мореходов не пропали даром, и в 1589 г. их соотечественником Корнелисом Дутсом была напечатана «Гидрографическая карта, содержащая описание навигации как по Балтийскому морю, так и по Северному океану». Оригинал карты не сохранился и она известна по амстердамскому изданию 1610 г. (Илл. 6).

Особое место в ряду карт Белого моря XVI–XVII вв. занимает рукописная карта самой северной части Европы Симона ван Салингена (1601 г., масштаб около 1:2800000)[31].

Используемые русскими водные пути из центральных регионов Московии в Белое и Балтийское моря, «открытые» для Европы англичанами и голландцами, с самого начала их освоения иностранцами рассматривались последними как относительно простые и безопасные коммуникации Русского государства с северными странами. Есть основание полагать, что сами иностранные путешественники и купцы с началом использования этих путей хорошо поняли их возможности не только для развития торговли, но и для интервенции в русские земли с Севера.

Первым такое понимание весьма прямолинейно и недвусмысленно выразил вестфалец Генрих фон Штаден (*Heinrich von Staden*; 1542 – после 1579 г.), немецкий авантюрист, опричник царя Ивана Грозного, автор нескольких сочинений, посвященных России. Эти сочинения были впервые введены в научный оборот Максом Бером, опубликовавшим в 1917 г. статью под названием “Eine bisher unbekannte Beschreibung Rußlands durch Heinrich von Staden” («Неизвестное ранее описание России Генриха Штадена»), где были даны некоторые выдержки из его рукописи «Записки о Московии», а также вкратце излагалась история самой

---

[30] Все это — пункты, имеющиеся и на нынешних картах Мурманского и Терского берегов Лапландии.

[31] Прорисовку карты см.: Вальдман 1973. Рис. 7б; Вальдман 1984.

C(ORNELIS) D(OEDES), CHART FOR THE NORTHERN NAVIGATION, 1610
REISSUE OF THE LOST ORIGINAL DATING BEFORE 1599

Илл. 6.

Гидрографическая карта К. Дутса[32] 1589 г. (уменьшено)
(по: Monumenta Cartographica 1925: 6).
Копия любезно предоставлена нам заведующим Отделом картографии
Британской библиотеки, проф. Питером Барбером.

[32] Дутс был чертежником карт и работал под руководством знаменитого составителя морских карт Луки Вагенара.

рукописи[33]. Впервые в России сочинения Штадена были переведены и опубликованы И.И. Поросиным в 1925 году[34]. Недавно осуществлено фундаментальное издание материалов Генриха Штадена в двух томах[35].

Писания этого авантюриста и проходимца оставили весьма заметный, хотя и противоречивый, след в историографии Московской Руси XVI века, в связи с чем позволим себе несколько отвлечься для рассказа о бурной жизни и деятельности Генриха Штадена, основываясь на его собственных свидетельствах. Родившись в семье бургера в городе Ален близ Мюнстера, Штаден готовился стать священником, но уже в период обучения в гимназии, проявился его необузданный нрав: во время ссоры с другим гимназистом он ранил его шилом и, опасаясь уголовного преследования, переехал в Любек к двоюродному брату. Там Штаден работал над строительством городского вала, затем занимался тем же в Риге, которой угрожали войска Ивана Грозного. Желая найти себе более выгодное дело, Штаден служил нескольким помещикам в разных областях Ливонии, в ходе войны уже распавшейся на части, без особого успеха занимался торговлей, в 1564 г. под Вольмаром ненадолго присоединился к польскому отряду, совершавшему набеги на занятый русскими войсками Юрьевский уезд. Не поделив добычу после одной вылазки, Штаден попал в тюрьму; выйдя на свободу, принял решение перебраться в Русское царство. Через Дерпт Штаден попал в Москву.

В царстве Ивана Грозного, по свидетельству самого вестфальца, отношение к иностранцам было в высшей степени благожелательным, поэтому ему сразу предоставили широкие возможности для хорошего обустройства и карьерного роста. Сначала Генрих Штаден был принят толмачом в Посольский приказ, затем ему пожалован двор на «земщине» с правом курить вино, варить пиво и ставить мёд (делать медовуху). Заметим, что русским в земщине такие занятия были запрещены. Вскоре владения Штадена были выделены в опричнину, а сам он, найдя себе влиятельных друзей и покровителей, был поставлен во главе неболь-

[33] Bär 1917.
[34] Штаден 1925.
[35] Штаден 2008–2009.

шого отряда-дружины. Вместе с другими опричниками он участвовал в походе на Новгород зимой 1569/70 г. и вернулся с огромной добычей, совершив немало набегов на сёла и монастыри. Штадену было жаловано имя Андрея Володимировича (его отца звали Вальтер), он построил себе в столице новые палаты и увеличил владения под Москвой. После нападения хана Крыма Девлета I Гирея на Москву (1572), при пересмотре поместных и вотчинных дач, Штаден лишился своих имений. Он покинул столицу, завел мельницу в Рыбной слободе на Волге (современный город Рыбинск), а затем перебрался в Поморье (1574–1575); здесь он жил в северорусских городах, занимаясь выгодной меховой торговлей и, несомненно, побывал в Вологде, Белоозере, Каргополе и Коле. В 1576 г., на борту голландского судна, Штаден покинул Россию и пришел в Голландию. Всего он прожил в Русском государстве около 12 лет (с 1564 по 1576 год).

Вернувшись в Европу, Штаден побывал в Германии и Швеции, наконец, явился в Вогезы, в Люцельштейн, резиденцию пфальцграфа Георга Ганса Вельденцского. Представленный пфальцграфу Штаден очень заинтересовал его своими рассказами и по его поручению составил описание Московии (конец 1577–1578 г.) под названием «Страна и правление московитов, описанные Генрихом фон Штаденом» (“Moscowiter Land und Regierung Beschriben durch Henrichen von Staden”). Это сочинение большинством историков признается ценным и во многом уникальным описанием России XVI века. Однако автор в описаниях Московской Руси достаточно пристрастен и, как истинный протестант, считает московитов нехристями. К сочинению был приложен проект военной оккупации Московии от Колы и Онеги, послуживший в 1578–1579 гг. предметом оживленной дипломатической переписки пфальцграфа. В качестве его дипломатического агента Штаден принимал участие в посольствах к гроссмейстеру Тевтонского ордена Генриху, к польскому королю Стефану Баторию и к императору Рудольфу II (сентябрь 1578 – январь 1579 г.). Император также заинтересовался проектом «обращения Московии в имперскую провинцию»; по его просьбе Штаден заново отредактировал описание страны, сам проект и автобиографию

и преподнес ее в виде единой рукописи. Так же он пытался продать свой проект королю Швеции. После этого следы Штадена теряются[36].

Достоверность записок Штадена не принимается безоговорочно и до сих пор служит предметом научных дискуссий. Обстоятельный историографический обзор разных оценок его материалов приведен в статье Л.Н. Пресняковой «Дискуссия о достоверности “Записок” Генриха Штадена в отечественной историографии[37]. Преснякова обоснованно выделяет два направления в отечественной историографии, касающихся изучения достоверности сообщений Штадена. Такие историки, как С.В. Бахрушин, А.А. Зимин, Р.Г. Скрынников, В.Б. Кобрин, А.Л. Хорошкевич, Б.Н. Флоря, Д.М. Володихин, склонны доверять «Запискам» вестфальского авантюриста, не оспаривая достоверности этого памятника[38]. Другую точку зрения представляет Д.Н. Альшиц, который категорически отвергает достоверность «Записок». В какой-то степени и С.Б. Веселовского можно отнести к сторонникам второй позиции, поскольку он высказывал критические оценки в адрес достоверности «Записок» Штадена[39].

Практически все зарубежные исследователи рассматривают материалы Штадена, как ценные и достоверные исторические источники. Показательна в этом отношении фундаментальная публикация и исследование источников по истории Русского государства Томаса Риха «Чтения по русской цивилизации. Том I. Россия до Петра Великого, 900–1700 гг.», в которой о Штадене говорится, в частности, следующее: «... работа Генриха Штадена... смело может быть названа первоклассным документом по истории Московии и Московского государства шестидесятых – семидесятых годов шестнадцатого столетия. Необходимо, однако, приспособиться к изучению этого своеобразного памятника прошлого, в котором меткие наблюдения, ум, поразительные и живые

---

[36] С использованием интернет-ресурса [режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Штаден,_Генрих_фон, дата обращения — 15.10.2019].

[37] Преснякова 2014: 351–355.

[38] См.: Бахрушин 1945; Зимин 1964; Скрынников 1992; Кобрин 2008; Хорошкевич 2008; Флоря 1999; Володихин 2010.

[39] Альшиц 1988; Веселовский 1999.

описания переплетены с циничными признаниями автора по поводу его собственного мерзкого поведения. В целом этот немец, Штаден, создает ужасное впечатление о личности, одаренной блестящими талантами, и, в то же время, очевидно порочной и криминальной»[40].

К приведенной оценке достоверности писаний и личности Штадена полностью присоединяется В.Б. Кобрин, отмечая, в частности, следующее: «К числу положительных качеств его записок как источника относится то, что их автор настолько лишен морали, что не стыдится никаких, самых мерзких своих поступков, не пытается как-то себя приукрасить. Отсюда редкая достоверность его воспоминаний»[41].

Мы склонны присоединиться к мнению историков, положительно оценивающих достоверность материалов Генриха Штадена. Основанием для этого служит наш анализ географических сведений, приведенных в записках Штадена и, особенно, его описаний водных и сухопутных путей от Белого моря к Москве, которыми он пользовался в своих странствованиях по стране. Прежде всего, эти описания полностью подтверждают рассмотренные нами выше сведения англичан и голландцев об освоенности этих путей русскими людьми. В качестве примера, приведем описание Штаденом пути из Белого моря в Центральную Россию, который он советует использовать для завоевания Русского государства .

> Соловки — монастырь; лежит в море на острове, омываемом кругом со всех сторон, так что можно подойти на кораблях и объехать кругом этот маленький остров. Шесть русских князей отдались под покровительство этого монастыря со всеми их деньгами и добром.
>
> Сума — река и незащищенный посад; принадлежит Соловецкому же монастырю. Торгуют разного рода товарами и топят ворвань.
>
> Нименга — посад на реке того же имени (*an dieser Rever ein Fleck*). Жители вываривают из моря соль. Далее течет река Онега. За ней — Золотица и монастырь св. Николая.

---

[40] Readings 2009: 106.
[41] Кобрин 2008: 15.

Двина — река. На этой реке у Поморья лежит посад по названию Холмогоры. Сюда приезжают англичане (*die Engelischen*). Это — компания, которая здесь торгует. В компании около 50 богатейших купцов; королева также [состоит] в компании. От великого князя у них грамоты (*Brife*), что один раз в году они могут приезжать к этому месту на семи кораблях. Кроме них, никто не может плавать к этому месту.

Далее лежит *Una Nunnuy*; на море — семь островов, по ним бродят олени. Далее течет река Мезень. За ней лежит Лампожня, [далее] река Цильма (*der Bach aus Silma*). Здесь пластами выходит наружу серебряная руда.

Далее лежит Пустоозеро. Здесь встречаются и торгуют самоеды с русскими. Русские выменивают у самоедов соболей на сукно, котлы, сало, масло, кольчуги и толокно. До этих мест заходят русские торговые люди. Дальше [Пустоозера] у великого князя нет уже власти, так как русские не ходят в море; у них нет кораблей и морем они не пользуются — ни Западным, ни Восточным, ни Черным, ни Каспийским[42]. А земля великого князя тянется (*strecket sich an*) до всех этих четырех морей[43].

Если кто хочет проникнуть в страну [великого князя], надо использовать реку Онегу. Перед устьем ее на море лежит остров, омываемый морем кругом со всех сторон, по названию Кий-остров. Онега — залив и река. Первое село на этой реке на русском языке называется Пречистое. От этого села вверх по реке по обоим ее берегам живут торговые люди и крестьяне — до Турчасова.

Турчасов — большой незащищенный посад. Здесь в первый раз (*zum ersten alle*) взвешивается соль, которую вываривают из моря. Дальше по Онеге соль доставляется в Каргополь.

Каргополь — незащищенный город, без стен; лежит на перевале (*uf dem hochsten Grad*) у стоячего озера, из которого вытекает названная река Онега. Здесь склад соли, которая

---

[42] Здесь Штаден явно переборщил, ибо ниже он сам противоречит этому утверждению, говоря о русских стругах и ладьях, а также — об их дальних плаваниях.

[43] Автор — точнее, переписчик его «Записок» — ошибочно протягивает границы Московского государства XVI в. до Черного моря: черноморское побережье было закреплено за Россией по договорам 1774, 1783 и 1791 годов (примеч. И.И. Полосина).

вываривается из этого озера[44]. В городе и уезде живут только торговые люди и крестьяне; ежегодно они платят в казну то, что с них причитается. Но до войны им нет никакого дела, никакой заботы.

В полумили [?!] от этого стоячего озера лежит еще одно стоячее озеро по названию Белоозеро. На нем лежит город, по озеру названный Белоозером. Стены и укрепления деревянной постройки. В этой местности лежит еще мужской монастырь, по названию Кириллов монастырь. В полумили[45] от него лежит женский монастырь, в котором живут княгини великого князя и его сына.[46] Говорят, что в этом городе и монастыре хранится много казны великого князя. В этих местностях живут торговые люди и крестьяне.

От этого монастыря до города Вологды 16 миль пути. Город начат постройкой; половина стены из камня, другая — из дерева. Здесь в этом городе выстроены каменные палаты (*Palast*); в них лежат серебряные и золотые деньги (*Dennmge*), драгоценности и соболя, ибо здесь — склад соболей, которые приходят от самоедов и из Сибири. Здесь лежит также около 300 штук пушек, недавно отлитых в Москве, лежат они в куче. В этом уезде живут торговые люди и кре-

---

[44] Здесь Штаден ошибается, так как озеро Лаче, о котором он говорит — пресноводное.

[45] Судя по всему, Штаден приводит расстояния в германских милях (одна германская миля = 7422 м). Таким образом, приведенное им расстояние от Кириллова до Горицкого Воскресенского женского монастыря вдвое меньше реального (7 км).

[46] В Горицком монастыре в 1575 г. Иван Грозный заточил под именем Дарья свою четвертую жену, Анну Колтовскую. Есть сведения, что часть своего более чем пятидесятилетнего монашества она провела в Горицах. Неясно, кого имеет в виду Штаден, говоря о «княгине его сына». Скорее всего, здесь речь идет о другой знаменитой монахине — основательнице монастыря (1544 г.), Ефросиньи Андреевне Старицкой, вдове удельного князя Андрея Ивановича Старицкого, родного дяди царя Ивана Грозного. В 1563 г. Ефросинья была заточена Иваном IV в основанной ею обители. Вместе с ней в монастыре под именем Александра жила Иулиания Дмитриевна, урожденная княгиня Палецкая, жена князя Юрия Васильевича, родного брата царя Ивана Васильевича. В 1569 г., вслед за расправой над князьями Старицкими, по приказу царя, Ефросинья была убита вместе с сопровождавшим ее монахинями и слугами. Подробнее см.: Раков 1995.

стьяне. Во время опричнины в этом городе день и ночь держали стражу 500 стрельцов.

Итак, до этой страны, во-первых, можно плыть по морю из Испании, Франции, Германии, от Гамбурга, Эмдена, Бремена, из Голландии, Зеландии, Антверпена. Затем по реке Онеге и Двине по воде и по суше можно дойти до этих четырех городов. Также водой можно итти и дальше до Москвы: от Белоозера по реке Шексне, которая вытекает из Белоозера, этого стоячего озера, и впадает в большую реку Волгу. По реке Шексне нет городов или замков, но по дну забиты забои из бревен: на них ловится осетр, который идет из Каспийского моря и направляется к Белоозеру. Осетр этот поедается при дворе великого князя. Там, где река Шексна впадает в Волгу, лежит на мысу незащищенный посад по названию Устье; вверх по Волге (!)[47] лежит еще один большой посад по названию Холопий,[48] где круглый год бывал обычно торг; на нем встречались турки, персы, армяне, бухарцы, шемаханцы, кизильбаши, сибирцы, нагаи, черкасы, немецкие и польские торговые люди. Из 70 городов русские торговые люди были приписаны к этой ярмарке и должны были приходить к ней ежегодно. Здесь великий князь собирал из года в год большие таможенные доходы; теперь же этот посад совсем запустел. Далее водой можно дойти до города Углича; город совсем пуст. Далее лежит город Дмитров; и этот город также пуст. До сих пор можно плыть по воде. А там до Москвы остается еще 12 миль.

Сухопутный тракт от этих четырех городов: от Вологды на Ростов. Ростов [Ростов Великий] — город, а в нем монастырь. Когда крымский царь жег Москву, великий князь скрылся [именно] в этот монастырь, так как монахи отыскали в своих писаниях, что ни один неверный враг, который не верует во Христа, не придет на это место. Потом — на Ярославль; Ярославль — город и кремль деревянный, без артиллерии. Дальше лежит Переяславль Залесский: город и кремль достаточно запустели. Далее лежит Александрова слобода;

---

[47] Правильнее — «по Мологе» (примеч. И.И. Полосина).

[48] Холопий городок, Старый Холопий или просто Холопий — древнерусский торговый город (XIV–XVI вв.) на реке Мологе, позднее село Старое Холопье, Борисоглебское; затоплено при строительстве Рыбинского водохранилища в 1941–1947 гг. См.: Бережков 1890.

срублена она так: стены сложены из бревен, врезанных одно в другое и доверху засыпанных землей. Снаружи поверх бревен во избежание пожара выложена стена толщиной в один кирпич — от земли до стрельниц. Здесь лежит много денег и добра, что награбил великий князь по городам: в Твери, в Торжке, Великом Новгороде и Пскове. Дальше лежит монастырь, наибогатейший монастырь по всей стране, по названию Троица. Дальше лежит город Москва. Она теперь отстроена так: ворота, как и цитадель, сделаны из бревен и снаружи вокруг обложены землей и дерном; между воротами проложен вал в три сажени ширины.[49] Перед валом снаружи рва нету. В городе живут только торговые люди, набранные из других городов; самые богатые противу их воли должны были пустить свои деньги в постройку домов и дворов. На восток течет река [Москва], впадающая в Оку; Ока впадает в Волгу; Волга — в Каспийское море. По другую сторону Яузы на Болванке живут все немецкие воинские люди, которыми великий князь пользуется против крымского царя.

На юге лежит выжженный Девичий монастырь. На западе — живут охотники и конюхи. На севере — немецкие стрелки и русские стрельцы. В городе у речки Неглинной, бывшей пограничной черты между земщиной и опричниной, живет большая часть немецких торговых людей, которые были вывезены из городов Лифляндии.[50]

Развивая далее свои планы завоевания Московии, Штаден называет необхолимые для этого силы и средства и несколько детализирует описание пути, в частности, на участке от Соловков до Вологды: Далее с отрядом в 500 человек — половина мореходцев — следует занять Соловецкий монастырь. Пленных, взятых с оружием в руках, надо увезти в империю на тех же кораблях. Они должны быть закованы в кандалы и заключены по тюрьмам в замках и городах; их можно будет отпускать и на работу, но не иначе, как в железных кандалах, залитых у ног свинцом: за то, что наших пленных они продают турку. Так следует держать их до тех

---

[49] Земляной вал, шедший при Иване Грозном по линии теперешних бульваров, составлял третью внешнюю линию укреплений Москвы; следующие, внутренние линии составляли стены Китай-города и Кремля (примеч. И.И. Полосина).

[50] Штаден 1925: 64–67.

пор, пока не будет взята вся земля. Что с ними будет после — это будет изложено ниже.

Здесь [в Соловецком монастыре] можно устроить складочный пункт.

Далее у Поморья на реке Двине лежат Холмогоры — незащищенный город. Сюда приезжают англичане. Холмогоры можно занять и укрепить с отрядом в 800 человек.

Затем отряд в 1000 человек должен занять и укрепить остров в устье реки Онеги — по названию Кий-остров или первое вверх по Онеге село Пречистое — в 1 миле от морского побережья. Для блокады Поморья половина воинских людей должна быть из мореходцев.

С захватом названных пунктов будет занято свыше 300 миль пути вдоль по морскому берегу и вглубь материка. В Поморье следует назначить комиссаров, которые следили бы за доставкой на кораблях различных товаров и в страну, и из страны и быстро доставляли бы в Каргополь на перевал все, что ни потребовалось бы военачальнику. Тогда ежегодно можно будет получать достаточные подкрепления из христианского мира. А великий князь ни откуда не получит подкреплений, разве только привлечет он к войне своих крестьян, у которых — не то, что у крестьян христианских стран! — нет вооружения и которые ничего не знают о войне.

Дальше надо итти в стругах (*mit Strusen*) и лодьях или — если угодно — сушей. На реке Онеге будет Порог-Холм; река идет там порогами; до них доходит с моря семга за пресной водой. Этот Порог надо занять и укрепить с отрядом [...] наполовину конным, наполовину пешим.

Убивать не надо никого, кроме тех, кого захватят с оружием в руках. *Здесь живут только крестьяне и торговые люди; раньше в этих местах и войны то никогда не бывало; никто не имеет здесь и оружия* (Выделено мною. — *А. П.*).

Отсюда до московского дворца — 300 миль пути.

К каждому укреплению необходимо приписывать крестьян и торговых людей — на 10 или 20 миль вокруг, — с тем, чтобы они выплачивали жалованье воинским людям и доставляли бы все необходимое.

А начальные люди должны хорошо смотреть за тем, чтобы все укрепления были достаточно обеспечены хлебом, солью, мясом и рыбой.

У русских надо будет отобрать, прежде всего, их лучших лошадей, а затем все наличные струги и лодьи — маленькие

корабли — и свезти их к укреплениям, чтобы при случае защитить их артиллерией.

Далее подходят к Турчасову, где впервые взвешивается соль, идущая с Поморья. Этот незащищенный город или посад надо занять и укрепить с отрядом в 1000 человек.

Отсюда быстро доходят до незащищенного города Каргополя — на высоком перевале. Пушки и все, что нужно для войны, можно везти с собой на кораблях до реки Онеги, по Онеге до Каргополя**.** *В мирное время русские ходят обычно стругами от города Каргополя вниз по реке до Норвегии или Финмаркена и обратно вверх — в стругах же — до Каргополя.* (Выделено мною. — *А. П.*) И в этот город надо назначить комиссара, который будет отпускать товары в Поморье и получать оттуда все, что потребует для войны военачальник. Этот город должен быть занят и укреплен отрядом в 3000 человек. До сих пор можно не бояться появления врага.

Далее следует итти под Вологду, где хранится казна. Если будет невозможно быстро захватить город, то пусть останется под ним одна треть воинских людей: они смогут взять и занять город, защитить все, что занято и укреплено, так, чтобы с тылу, с Поморья, русские не смогли взять обратно ни одного укрепления и чтобы проезд из страны и в страну для нас не был закрыт.

Надо распорядиться насчет казны, которая хранится там в каменных палатах: как бы поступить с нею так, чтобы из нее ничего не исчезло.

Монастыри и церкви должны быть закрыты. Города и деревни должны стать свободной добычей воинских людей [...].

Устье — посад,[51] который лежит на мысу там, где река Шексна впадает в Волгу; его следует также укрепить: здесь сливаются течения трех рек (Волги, Мологи и Шексны — *А. П.*) и, укрепив это место, можно легко перехватить всякое движение вниз или вверх по Волге. — Занимай его отрядом в 2000 человек! Отправляйся дальше и грабь Александрову слободу, заняв ее с отрядом в 2000 человек! За ней грабь Троицкий монастырь! Его занять надо отрядом в 1000 человек, наполовину пеших, наполовину конных...[52].

---

[51] По-видимому, это город Молога, затопленный в 1941–1947 гг. в процессе заполнения Рыбинского водохранилища.

[52] Штаден 1925: 70–72.

Лихой план вестфальского авантюриста в то время не взялись выполнять ни император Священной Римской империи, ни шведский король. Однако, после смерти Ивана Грозного в 1584 г. нестабильность в правящих кругах Русского государства, переросшая, с кончиной Федора I Иоановича в 1598 г., в Смутное время, продолжавшееся до прихода к власти династии Романовых в 1613 г., привела к тому, что планы Штадена, казалось бы, начали осуществляться. Этот период в истории нашего государства был ознаменован стихийными бедствиями, польско-шведской интервенцией, тяжелейшим государственно-политическим и социально-экономическим кризисом. Такая ситуация нестабильности выходившая на Севере за хронологические рамки Смуты, как-будто бы способствовала осуществлению планов вестфальского авантюриста.

С 1590 по 1593 год Россия вела войну со Швецией за выход к Балтийскому морю. Одним из театров войны стало Беломорье. Шведы сделали отчаянную попытку захватить единственный морской путь, по которому Россия торговала с Европой.

В течение трех лет с помощью Москвы пришлось северянам вести тяжелую борьбу не с отдельными отрядами иностранных грабителей, а с войсками королевских воевод.

Шведское правительство разработало (возможно с использованием рекомендаций Штадена) подробную программу разорения и порабощения нашего Севера, которую с циничной откровенностью изложил король Иоанн III в инструкции начальнику похода Петру Багге от 18 июля 1590 года[53]. Королевский указ предписывал жечь и опустошать русскую землю, а население, скот и и другую добычу доставлять в Кексгольмский уезд.

Конечная цель Швеции сводилась к тому, чтобы овладеть Беломорьем и Кольским полуостровом с его незамерзающим океаническим побережьем, отрезать Россию от северных морей. Совершенно очевидно, какие бедствия сулило русскому народу осуществление этих планов.

На долгие полтора столетия, до начала XVIII в., Беломорье становится ареной непрекращающейся военной интервенции со стороны скандинавских и западноевропейских государств. Не слу-

[53] ЧОИДР 1894: 13–14.

чайно этот период в истории Русского Севера был отмечен современниками как «лихолетье и время мятежное». Тысячи убитых, сожженные села, уничтоженные промыслы. Соловецкий монастырь, Кола, Кемь, Сумский Посад, Онега, Архангельск, Новодвинск — эти и другие поморские поселения стали неприступными крепостями в северных пределах Русского государства, обеспечив сохранность побережья, Новоземельских проливов и островов вдоль Северного морского пути в Сибирь. Именно тогда поморы предопределили будущий статус России как великой морской державы[54]. Грамота 1646 года опять напоминала Соловецкому монастырю, что следует жить «не оплошно» и уметь вовремя и на расстоянии встретить врагов, чтобы они к монастырю и к Сумскому острогу «безвестно не пришли и дурна никоторого не учинили». Соловецким властям давался совет запастись хлебом «перед прошлыми годы с большею прибавкою, чтоб… в монастыре и в Сумском остроге для всякого времени хлебных и всяких запасов было слишком»[55].

Отдельные грамоты вменяли в обязанность монастырю и воеводам патрулирование по берегам Белого моря и вдоль финской границы. Даже приказные соловецкие старцы, управлявшие усольями в поморских местах и монастырскими делами во всех вотчинных волостях, должны были следить за границей и о замеченных важных происшествиях доносить через гонцов царю или местному воеводе. Эти меры предосторожности должны были, по мнению властей, предупредить внезапное нападение. Чтобы прекратить «озорничество» иностранцев и не дать им возможности тайно проходить в Двину «заповедным Березовским устьем», правительство в 1646 г. распорядилось поставить каменные башни по обе стороны реки и тяжелыми железными цепями, способными «большие корабли удержать», перегородить Березовское устье Северной Двины.[56]

В дни русско-шведской войны 1656–1658 гг. Московское правительство повелело построить новый острог в Кеми, «смотря

---

[54] Подробнее об этом см: Фруменков 1975.
[55] Досифей 1853, ч. 3, № 49: 143.
[56] ДАИ 1848: 61.

по людям, небольшой», и снабдить его ядрами, зельем[57] и свинцом из монастырских запасов. Указ был прислан в 1657 году.[58] В данном случае рекомендации правительства, как показали последующие события, были разумными и своевременными. Кемская волость являлась уязвимым звеном в системе обороны Севера. «Свейские немцы» [шведы] обычно вторгались в Поморье на мелких судах по рекам Кемь и Ковда. Это был их излюбленный и кратчайший маршрут. Рекою Кемь шведы приходили под Сумский острог на девятый день. Поэтому в Кеми, как издевательски советовали интервенты в годы Смуты, хотя бы «для прилики и славы» Русского царства нужно было иметь острог[59]. Следует подчеркнуть, что совет этот к тому времени уже весьма устарел: русские поморы и другие обитатели севера Московии были вынуждены, под давлением интервенций своих западноевропейских соседей, отказаться от того мирного образа жизни, который презрительно отмечал Генрих Штаден, и, по примеру своих «просвещенных» западных соседей, взяться за оружие и отстоять свою землю от любителей легкой наживы. Центрами сопротивления иностранной интервенции стали монастыри и, прежде всего Соловецкая обитель[60].

Окончание Смутного времени и избрание Земским собором на царство в 1613 г. первого представителя династии Романовых, Михаила Федоровича (1596–1645), привело к улучшению ситуации в стране и прекращению войны со Швецией (Столбовский мир 1617 г., по которому России были возвращены Новгородские земли), и Речью Посполитой (1634 г.). Для определения размера налогов по всей стране была произведена точная опись всех поместных земель, что, по сути дела, было серьезным шагом к совершенствованию общего описания государства и его карты, которые к тому времени на Руси уже были. В конце XVI в. (в 1598 г.?) в Разрядном приказе был составлен Большой чертеж «всего Московского государства по все соседние государства». История со-

---

[57] В это время на Руси зельем назывался порох, изготовлявшийся на зелейных (пороховых) заводах в Москве.

[58] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Ч. 2. № 1707. Приложение. Лл. 13–13.

[59] Акты 1836: № 196.

[60] Подробнее об этом см.: Фруменков 1975; Савицкая 2005.

хранила для нас имя автора-составителя чертежа: им был «чертёжщик» Афанасий Мезенцов. В 1618 г. Афанасий Мезенцов и Федор Наквасин составили в Разрядном приказе еще какие-то чертежи Русского государства, за что им было выдано десять рублей государева жалования «в приказ» (то есть в виде премии за службу)[61]. Эти картографические работы Мезенцова и Наквасина, видимо, были связаны с мерами по ликвидации последствий польско-шведской интервенции[62].

В мае 1626 г. в Москве произошел большой пожар, в результате которого погибло много ценных документов, среди них, видимо, и карты, составленные Мезенцовым и Наквасиным в 1618 году. В Разрядном приказе после пожара проводилась большая работа по восстановлению утраченных документов и при этом выяснилось, что хотя Большой чертеж от пожара уцелел, но стал «…ветх, впредь по нем урочищ смотреть не можно, избился весь и развалился — сделан был тот чертеж давно при прежних Государях. И в Розряд дьяки думной Федор Лихачев да Михало Данилов велели, примеряся к тому старому чертежу, в тоеж меру сделать новой чертеж всему Московскому государству, по все окрестные государства»[63]. Новый Большой чертеж был составлен в 1627 году, в том же году к нему в качестве дополения был составлен «Чертеж полю до перекопи» — путям из Москвы в Крым. Замечательный русский историк картографии Лев (Лео) Семенович Багров (1881–1957)[64] обнаружил в Национальном архиве Швеции «Чертеж украинским и черкасским городам от Москвы до Крыма» (Илл. 7), который он убедительно ассоциирует с «Чертежом полю до перекопи». Впоследствии мнение Л.С. Багрова полностью разделяли К.А. Салищев[65] и М.С. Боднарский[66]. С этим мнением, однако, не соглашались К.Н. Сербина, Ф.А. Шиба-

---

[61] РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ, столбцы севского стола. № 2. 1618–1619 гг. Л. 179.

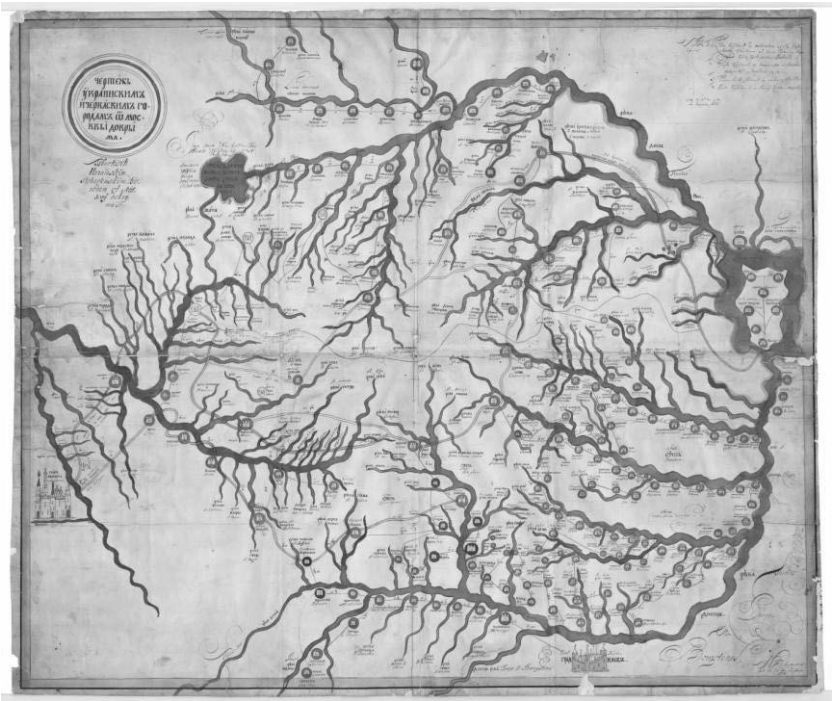
[62] Ураносов 1962: 272–275.

[63] Цит. по: Багров 1923: 30–31.

[64] О Л.С. Багрове см: Hefferman, Delano-Smith 2014.

[65] Салищев 1943: 128 (2-е изд. — М., 1948: 123). В этом труде впервые в СССР были опубликованы черно-белые копии чертежа).

[66] Боднарский 1947.



Илл. 7

Чертеж украинским и черкасским городам от Москвы до Крыма.
National Archives, Sweden, Department Marieberg: *Lantmäterietstyrelsens leverans 1850 nr 322 Södra Ryssland från Moksva mellan Don och Dnjepr*
Фотограф: Emre Olgun
Копия любезно предоставлена автору
Национальным архивом Швеции с правом публикации

нов и А.И. Андреев[67]. Мы склонны поддержать точку зрения Л.С. Багрова и его последователей, хотя вполне признаем убедительность доводов ее противников. Следует подчеркнуть, что для нашей темы имеет значение только то, что этот чертеж относится к пер-

[67] Книга Большому Чертежу 1950; Шибанов 1952а: 93–95; Шибанов 1952б: 313–315; Андреев 1960.

вой половине XVII в. и отображает, главным образом, представления о гидрографии южной части Русского государства, не противоречащие данным «Книги Большому чертежу».

Есть все основания полагать, что «Чертеж украинским и черкасским городам…» по оформлению и содержанию был близок к несохранившемуся «Большому чертежу» и, прежде всего потому, что основным содержанием обеих карт была гидрография. «Чертеж Украинским и Черкасским городам» охватывает бассейны восточных притоков Днепра, западных притоков Дона и верховья Оки. На этой карте нанесены все важнейшие притоки этих рек и важнейшие дороги — шляхи. Из шляхов мы видим здесь Муравский шлях, проходящий по водоразделу бассейнов Днепра и Дона («дорога степная от Тулы до Крыма»). Большая дорога — «посольская дорога в Крым» — пролегала через бассейн Дона. Это Калмиусский шлях. Видим здесь Чумацкий шлях и некоторые второстепенные пути вдоль притоков Днепра.

Расстояния между населенными пунктами и урочищами указаны вдоль дорог в верстах. Населенные пункты нанесены лишь те, которые находятся на главных грунтовых или водных путях. Судя по датам первого упоминания в летописях, большинство из отображенных поселений существовало ранее XVII века, а некоторые пункты упоминаются даже в X–XI веках. Чуть ли не самым «молодым» является Кайдак, построенный в 1635 г. французским инженером Бопланом и впоследствии перенесенный и переименованный в Екатеринослав.

Возвращаясь к вопросу о времени составления рассматриваемого чертежа мы должны подчеркнуть, что упомянутая постройка Кайдака в 1635 г. указывает на то, что этот Чертеж не является в действительности тем подлинником, который был составлен в 1627 г., а, скорее всего, был результатом дополнений и изменений двух-трех последующий десятилетий[68].

---

[68] Багров 1923: 35.

БИБЛИОГРАФИЯ

Акты 1836 — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. СПб., 1836. Т. 1.

Альшиц 1988 — *Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России: государство Ивана Грозного. Л., 1988.

Английские путешественники 1937 — Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Отв. ред. Н.Л. Рубинштейн. Пер. с англ. Ю.В. Готье. М., 1937.

Андреев 1960 — *Андреев А.И.* Чертежи и карты России XVII века, найденные в послевоенные годы // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII веков. М.;Л., 1960 (Труды Ленинградского отделения Института истории АН СССР, вып. 2).

Багров 1923 — *Багров Л.С.* Чертеж украинским и черкасским городам XVII века // Сборник Академической группы в Берлине / Под ред. проф. А.И. Каминка. Берлин, 1923.

Бахрушин 1945 — *Бахрушин С.В.* Иван Грозный. М., 1945.

Бережков 1890 — *Бережков М.Н.* Старый Холопий городок на Мологе и его ярмарка // Труды VII Археологического съезда. М., 1890. Т. I. С. 40–53.

Боднарский 1947 — *Боднарский М.С.* Очерки по истории русского землеведения. М., 1947. Ч. 1.

Вальдман 1973 — *Вальдман К.Н.* Об изображении Белого моря на картах XV–XVII вв. // История географических знаний и открытий на Севере Европы. Л., 1973. С. 88–108.

Вальдман 1984 — *Вальдман К.Н.* Изображение Кольского полуострова на карте Северных Земель Европы Симона Ван Салингена (1601 год) // География России XV–XVIII вв. (по сведениям иностранцев / Отв. ред. И.П. Шаскольский. Л., 1984. С. 17–33.

Ван Дузер 2014 — *Ван Дузер Ч.* Тексты о России на «Морской карте» Мартина Вальдзеемюллера 1516 года // Историческая география / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2014. Т. 2. С. 236–267.

Веселовский 1999 — *Веселовский С.Б.* Царь Иван Грозный в работах писателей и историков. Три статьи. М., 1999.

Володихин 2010 — *Володихин Д.М.* Когда была отменена опричнина? // Вестник МГУ. Сер. 8 «История». 2010. № 5. С. 3–13.

Гамель 1865 — *Гамель И.Х.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях. Статья 1. СПб., 1865.

Данков 2007 — *Данков М.Ю., Попова Л.Д.* Голландцы на Русском Севере в XVI–XX веках: Биобиблиографический справочник. Архангельск, 2007.

Державин 2006 — *Державин В.Л.* Северный Мурман в XVI–XVII вв. (к истории русско-европейских связей на Кольском полуострове). М., 2006.

ДАИ 1848 — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1848. Т. 3.

Досифей 1853 — *Досифей*. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. Изд. 2-е. М., 1853. Ч. 1–3.

Зимин 1964 — *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.

Иванов 1967 — *Иванов Б.П.* К истории картографии Русского Севера // Бюллетень Харьковского университета. Геолого-географическая сер. 1967. Вып. 2. № 25.

Истомина, Постников 1981 — *Истомина Э.Г., Постников А.В.* Географические карты XVIII–XIX вв. как источники для изучения изменения малых рек европейской территории России // Вопросы географии. М., 1981. Сб. 118: Малые реки. С. 55–77.

Ключевский 1866–1867 — *Ключевский В.О.* Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае // Московские Университетские Известия. 1866–1987. № 7. С. 541–574.

Книга Большому Чертежу 1950 — Книга Большому Чертежу / Под ред. К.Н. Сербиной. М., Л., 1950.

Кобрин 2008 — *Кобрин В.Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. М., 2008.

Корандей 2014 — *Корандей Ф.С.* Историческая география рек // Историческая география / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2014. Т. 2. С. 468–483.

Кордт 1906 — *Кордт В*. Материалы по истории русской картографии. Киев. 1906. Сер. 2. Вып. 1.

Мечников 1899 — *Мечников Л.И.* Цивилизация и великие исторические реки. СПб., 1899.

Низовцев и др. 2009 — *Низовцев В.А., Постников А.В., Снытко В.А., Фролова Н.Л., Чеснов В.М., Широков Р.С., Широкова В.А.* Исторические водные пути Севера России (XVII–XX вв.) и их

роль в изменении экологической обстановки. Экспедиционные исследования: состояние, итоги, перспективы. М., 2009.

Осипов 2008 — *Осипов И.А.* Антоний Дженкинсон и карта России 1562 года. Сыктывкар, 2008 — Электронный ресурс [режим доступа: www.kolamap.ru/library/txts/osipov.html, дата обращения — 15.10.2019].

Разин 1996 — *Разин Е.* Купец имел и другие цели // Мурманский вестник. 1996. 30 марта.

Раков 1995 — *Раков Э.* Монастырь опальных княгинь. СПб., 1995.

Островский 1898 — *Островский Д.Н.* Путеводитель по Северу России (Архангельск, Белое море, Соловецкий монастырь, Мурманский берег, Новая Земля, Печора). СПб., 1898.

Преснякова 2014 — *Преснякова Л.Н.* Дискуссия о достоверности «Записок» Генриха Штадена в отечественной историографии // Научный потенциал: работы молодых ученых. 2014. № 2. С. 351–355.

Русские в Лапландии 1901 — Русские в Лапландии в XVI веке. СПб., 1901 (Литературный вестник. Т. I. Кн. III) — Электронный ресурс [режим доступа: http://www.kolamap.ru/library/1901_filippov.html, дата обращения — 15.10.2019].

Савицкая 2005 — *Савицкая О.Д.* Соловецкая крепость. Архангельск, 2005.

Салищев 1943 — *Салищев К.А.* Основы картоведения. Историческая часть. М., 1943.

Скрынников 1992 — *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992.

Суворов 2001 — *Суворов В.И.* Архангельский во имя Архангела Михаила мужской монастырь // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. II. С. 487–489.

Ураносов 1962 — *Ураносов А.А.* К истории картографических работ в Русском государстве в начале XVII в. // Труды Института истории естествознания и техники АН СССР. М., 1962. Т. 42. Вып. 3. С. 272–275.

Ушаков 1994 — *Ушаков И.* Голоса истории // Мурманский вестник. 1994. 19 февраля.

Флоря 1999 — *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М., 1999.

Фролова, Широкова 2002 — *Фролова Н.Л., Широкова В.А.* Реки и озера. М., 2002.

Фруменков 1975 — *Фруменков Г.Г.* Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI–XIX вв. Архангельск, 1975.

Хорошкевич 2008 — *Хорошкевич А.Л.* Вступление // Штаден 2008. С. 3–42.

ЧОИДР 1894 — Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1894. Кн. 3 (170). Раздел 4. С. 13–14.

Шибанов 1952а — *Шибанов Ф.А.* Чертеж украинским и черкасским городам от Москвы до Крыма // Известия Всесоюзного географического общества. 1952. Т. 84. Вып. 1. С. 93–95.

Шибанов 1952б — *Шибанов Ф.А.* Некоторые соображения о русской картографии XVII в. // Известия Всесоюзного географического общества. 1952. Т. 84. Вып. 3. С. 313–315.

Широкова 2002 — *Широкова В.А.* Вода. М., 2001.

Широкова, Фролова 2012 — *Широкова В.А., Фролова Н.Л.* Вода: Океаны и моря, реки и озера. М., 2012.

Штаден 1925 — *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного (Записки немца-опричника) / Перевод и вступительная статья И.И. Полосина. Л., 1925.

Штаден 2008–2009 — *Штаден Г.* Записки о Московии / Отв. ред. А.Л. Хорошкевич. М., 2008. Т. 1: Публикация; М., 2009. Т. 2: Статьи и комментарии.

Anecdota 1908 — Anecdota cartographica septentrionalia / Ed. Axel Anthon Bjørnbo & Carl S. Petersen. Hauniae, 1908.

Bär 1917 — *Bär M.* Eine bisher unbekannte Beschreibung Russlands durch Heinrich von Staden // Historische Zeitschrift. 1917. Bd. 117. S. 229–252.

Baron 1989 — *Baron S.H.* William Borough and the Jenkinson Map of Russia, 1562 // Cartographica. 1989. Vol. 26. No. 2. P. 72–85.

Baron 1991 — *Baron S.H.* Explorations in Moscovite History. Hampshire, 1991.

Baron 1993 — *Baron S.H.* The Lost Jenkinson Map of Russia (1562) Recovered, Redated, and Retitled // Terrae incognitae. 1993. Vol. 25. P. 53–65.

Early voyages and travels 1967 — Early voyages and travels to Russia and Persia, by Anthony Jenkinson and other Englishmen, with some account of the first intercourse of the English with Russia and Central Asia by the way of the Caspian Sea / Ed. by E. Delmar Morgan and C.H. Coote. New York, 1967.

England and Russia 1854 — England and Russia; comprising the voyages of John Tradescant the Elder, Sir Hugh Willoughby, Richard Chancellor, Nelson, and others, to the White Sea, etc. by Dr. J. Hamel, transl. by John Studdy Leigh. London, 1854.

Ericsson, Häkli, Nurminen 1992 — *Ericsson C., Häkli E., Nurminen J.* The Northeast Passage from the Vikings to Nordenskiöld. Helsinki, 1992.

Hakluyt 1589 — *Hakluyt R.* The Principall Navigations, Voiages, and Discoveries of the English Nation. London, 1589.

Hakluyt 1598–1600 — *Hakluyt R.* The Principal Navigations, Voiages, Traffiques, and Discoveries of the English Nation. London, 1598–1600. Vol. 1–3.

Hefferman, Delano-Smith 2014 — *Hefferman M., Delano-Smith C.* A Life in Maps: Leo Bagrow, Imago Mundi, and History of Cartography in the Early Twentieth Century // Imago Mundi. 2014. Vol. 66, Supplement. P. 44–69.

Monumenta cartographica 1925 — Monumenta Cartographica: reproductions of unique and rare maps, plans and views in the actual size of the originals; accompanied by cartographical monographs / Ed. by Dr. F.C. Wieder. The Hague, 1925. Vol. 1.

Postnikov 1975 — *Postnikov A.V.* The Study and Mapping of the Rivers of European Russia in the First Half of the 18th Century // VI International Conference on the History of Cartography: Summaries of Papers Offered for Presentation. Greenwich, 1975. P. 11.

Readings 2009 — Readings in Russian Civilization. Chicago, 2009. Vol. 1: Russia Before Peter the Great, 900–1700 / Ed. by Thomas Riha.

Szykuła 2000 — *Szykuła K.* Mapa Rosji Jenkinsona (1562) — kolejne podsumowanie wyników badań // Czasopismo Geograficzne. Wrocław, 2000. T. 71. Z. 1. S. 67–97.

Szykuła 2007 — Szykuła K. Anthony Jenkinson's unique wall map of Russia (1562) and its influence on European cartography // Formatinf Europe — Mapping a Continent: Proceedings of the Sixth International BIMCC Conference at the Royal Library of Belgium, Brussels 16 November 2007. Brussels, 2007. P. 13–16.

Szykuła 2004 — *Szykuła K.* Historyczne podstawy kartograficznej kolekcji Biblioteki Uniwersyteckiej we Wrocławiu Udostępnianie zbiorów // Rocznik Biblioteki Narodowej. 2004. T. XXXVI. S. 155–170.

Szykuła 2005 — *Szykula K.* The Jenkinson Map of Russia (1562). A Research Summary // Polish Libraries today. Foreign Collections in Polish Libraries. Biblioteka Narodowa. Warszawa, 2005. Vol. 6. P. 57–69.

А.И. Савинова, Ю.В. Степанова

РАССЕЛЕНИЕ «ЗАРУБЕЖНЫХ ВЫХОДЦЕВ» В ДВОРЦОВЫХ ВОЛОСТЯХ ДЕРЕВСКОЙ И БЕЖЕЦКОЙ ПЯТИН НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ В XVII ВЕКЕ[1]

Аннотация: Статья посвящена проблеме миграции населения из отошедших к Шведскому государству территорий после окончания Смутного времени в центральные районы Российского государства. Рассматривается расселение «корелян» на дворцовых землях в Деревской и Бежецкой пятинах Новгородской земли по данным переписной книги 1668 г. из РГАДА. Анализ текста переписной книги с применением компьютерных технологий позволил определить территориальное происхождение групп «зарубежных выходцев» и сопоставить их с погостами Деревской и Бежецкой пятин. Дворцовые земли, полученные на оброк «корелянами» в Бежецкой пятине, локализуются в ее южной части: в бассейне рек Волчина, Тихвинка, Ворожба (в общей сложности в 20 погостах). Обособленным анклавом является Заборовский погост Деревской пятины. Выяснено, что оброчные пустоши в этих микрорегионах получили группы выходцев из Корельского уезда и Шелонской пятины, а также погостов северной части Бежецкой пятины. На основании исследованных источников можно заключить, что процесс заселения «корелянами» рассмотренных дворцовых волостей начался в конце 1650-х годов, а наиболее масштабным стало переселение в конце 1660-х годов. Переселение шло поэтапно, включая временное размещение в центральных и восточных частях Новгородской земли, в том числе в окрестностях Валдая и Тихвина.

Ключевые слова: расселение, «кореляне», «зарубежные выходцы», дворцовая волость, пятина, погост, пустошь, XVII век.

---

[1] Исследование проведено при поддержке РФФИ, проект № 17-01-00429.

История процесса перемещения населения из отошедших к Швеции после окончания Смутного времени территорий в центральные районы Российского государства неоднократно оказывалась в поле зрения исследователей. Субэтническая группа, сформировавшаяся в бассейне Верхней Волги в результате этого перемещения, в историографии получила наименование «тверских карел». Ко второй половине XIX в. эта группа достигла максимальной численности в крупных компактных областях проживания на территории Тверской губернии[2]. Основным признаком субэтноса исследователи называют тверской диалект карельского языка[3]. Выделяются также специфические черты семейно-брачных отношений[4], ведения хозяйства, некоторые особенности духовной и материальной культуры[5]. До настоящего времени в среде уже немногочисленной диаспоры тверских карел бытует самоназвание «корелянин» и «кореляк».

Наиболее сложным и спорным аспектом в историографии истории тверских карел является процесс перемещения и расселения «зарубежных выходцев» на территории Верхневолжья: начало и этапы этого процесса, последовательность формирования компактных анклавов, а также определение мест исхода переселенцев, составивших в дальнейшем субэтническую группу на территории Верхневолжья.

Сложность изучения этих вопросов объясняется обилием письменных источников, многие из которых до сих пор не введены в научный оборот. Процесс формирования субэтнической группы «тверских карел» зафиксирован многочисленными материалами писцового дела XVII в., выполнявшимися с различными целями. Это переписные, даточные, вывозные книги дворцовых волостей, территорий поместного и монастырского землевладения. Территориально материалы писцового дела, соотносящиеся с областью расселения тверских карел, относятся к Бежецкому Верху (с 1670-х гг. — к Бежецкому уезду), Угличскому, Тверскому, Зубцовскому и Новоторжскому уездам, Деревской и Бежецкой пятинам Новгородской земли XVII века.

---

[2] Об этом см.: Кеппен 1852; Рихтер 1904; Вершинский 1935: 73–105.
[3] Пунжина 2001.
[4] Дементьева 1996: 28–30.
[5] Фишман 1990: 158–163; Фишман 2003: 260–262.

Если описания поместных и монастырских земель содержат разрозненные сведения о «корелянах» и «зарубежных выходцах», то материалы переписей дворцовых волостей составлялись целенаправленно в ходе планирования переселения или описания хозяйства. Они являются наиболее информативными источниками для изучения процесса расселения «зарубежных выходцев» и формирования компактных территорий в Верхневолжье, заселенных «корелянами».

Переписные книги привлекались исследователями в изучении расселения «выходцев из-за шведского рубежа». Наиболее обстоятельно эта тема изучалась Ю.В. Готье в рамках исследования населения уездов и волостей Замосковного края XVII века[6]. Ю.В. Готье определил размещение дворцовых волостей, заселенных «зарубежными выходцами», а также обратил внимание на то, что кореляне проживали не только на дворцовых, но и на поместных и монастырских землях. Исследователь впервые указал на переписные книги поместных и монастырских земель Бежецкого Верха и Новоторжского уезда 1640-х гг. как на наиболее ранние источники по истории расселения верхневолжских карел. Ю.В. Готье датировал начало массового переселения «корелян» в Верхневолжье 1630–1640-ми годами. На основе изучения переписных книг дворцовых волостей, заселенных «корелянами», ученый сделал предположение о численности переселенцев, которая, по его мнению, существенно занижена в материалах переписей[7]. Исследователь перечислил анклавы, возникшие на дворцовых землях в Бежецком Верхе, Бежецкой пятине, Новоторжском уезде, но детально их размещение, время и особенности процесса заселения не рассматривал.

А.С. Жербин в монографии, посвященной переселению карел в центральные районы Московского государства после Смутного времени, уделил внимание переходу карел в Бежецкий Верх на поместные, монастырские и дворцовые земли. Исследователь выявил места исхода карел, выходивших в Бежецкий Верх в 1650–1660-х гг., — такие как Соломенский, Иломанский, Сердобольский, Кирьяжский, Городенский, Равдужский и другие погосты Корельского уезда; выделил крупные анклавы карель-

[6] Готье 1906.
[7] Готье 1906: 305.

ского расселения, в частности, на землях Троице-Сергиева монастыря в Бежецком Верхе[8].

Финский историк В. Салохеймо выделил три этапа расселения карел: 1618–1630, 1631–1655 и 1656–1660 годы. Он выявил данные о карелах, вышедших из Кексгольмского (Корельского) уезда с 1618 по 1660 г., и пришел к выводу о том, что большинство семей переселились в Бежецкий Верх[9]. Траектории перемещения, в том числе переходы карел в Бежецкий Верх и Бежецкую пятину из различных районов Новгородской земли, например, округи Валдая и Заонежья, остались за рамками его исследования.

Населению и хозяйству карельских дворцовых волостей Бежецкого и Угличского уездов в 1660-х гг. – начале XVIII в. посвящены исследования Н.Ю. Болотиной, А.И. Комиссаренко и А.Ю. Кононовой[10].

А.А. Бландов в исследовании по истории формирования карельской диаспоры Валдайского и Тихвинского уездов, приводит сведения из актов Иверского монастыря о переходах монастырских «корелян» в Заборовскую волость Деревской пятины[11].

Таким образом, наиболее детальное освещение в исследованиях получили дворцовые волости Бежецкого Верха и Угличского уезда, заселенные «корелянами» во второй половине XVII в., их местоположение и хозяйство. Практически неизученными остаются дворцовые волости Деревской и Бежецкой пятин, заселенные «зарубежными выходцами» в XVII веке. В XVIII–XIX вв. эти территории стали, наряду с анклавами в Бежецком уезде, крупнейшими районами компактного проживания тверских карел.

Одним из источников, отражающих процесс формирования дворцовых карельских территорий, является переписная книга дворцовых земель новопорядных крестьян «зарубежных выходцев» Деревской и Бежецкой пятин переписи подьячих Ивана Козырева и Михаила Колуженинова 1668 года. Документ сохранил-

---

[8] Жербин 1956.

[9] Saloheimo 1976; Saloheimo 2010.

[10] Болотина, Комиссаренко, Кононова 2013: 380–386; Болотина, Комиссаренко, Кононова 2015: 373–379.

[11] Бландов 2014: 20–30.

ся в списках, изученных М.Ю. Зенченко[12]. В деле 986 указывается на помету в подлиннике дьяка Василия Михайлова. Имеются скрепы подьячего Василья Зесекина и Гришки Трофимова[13].

Перепись составлялась с целью выявить «зарубежных выходцев», досмотреть «у них льготных порядных памятей» и «положить в вытное тягло». В 1669 г. подьячим Яковом Кононовым было проведено дообследование погостов, не описанных И. Козыревым и М. Колужениным[14].

Книга включает описание населенных пунктов в погостах Деревской и Бежецкой пятин, а также «список с росписи Бежецкие и Деревские пятины оброчным пустошам, которые стоят за дворцовыми крестьяны за выходцы»[15]. Именно список содержит данные о распределении земель Бежецкой и Деревской пятин между группами «выходцев» и указания на места их исхода.

Рубрики списка сформированы по отдельным людям или группам людей, получивших оброчные пустоши. Внутри рубрик списки пустошей даны по погостам. Однако этот порядок соблюдается не во всем тексте. В некоторых случаях ведется описание пустошей одного погоста, которые переданы разным людям. Это осложняет понимание текста и локализацию как отдельных населенных пунктов, так и погостов, а также соотнесение их с группами «корельских выходцев».

В основном дается только топонимическая информация — названия пустошей, например, Алешиха, Мошниково, Луковниково и т.п. Некоторые названия имеют топографический характер — «на реке на Желке от Тихвине реки блиско, за той же рекою», «идучи от Козлова к деревни Микулину», «по дороге к Тихминеву, да от Тихминева по дороге х Козлову», «Бесетниково по дороге к Парфеньеву, да по той же дороге адворок Ябниково, а Горка тож». Некоторые объекты не имеют названия: «имени неведомо, а признака на ней два погреба». Присутствуют также упоминания дорог, в частности, Заклинской дороги, дороги к Ривице и др.

---

[12] Писцовые книги Новгородской земли 2004: 544–547.
[13] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1, ч. 1. № 986. Л. 186.
[14] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1, ч. 3. № 168. Л. 79–80.
[15] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1, ч. 1. № 986. Л. 165.

Помимо названий и характеристик местоположения пустошей имеются указания на передачу на оброк сенокосных, лесных и рыболовных угодий: «Крикуново на реки на Тифине с сенными покосы, в ней по ручьи рыбные ловли», «в том же угодье лес сечь»[16].

Получатели оброчных пустошей характеризуются следующим образом. Это группы крестьян или отдельные крестьяне «зарубежные выходцы», например: «дано на оброк зарубежским выходцом Онишке Иванову с товарыщи»[17]. Указывается место исхода «зарубежных выходцев». Однако построение текста в некоторых случаях не позволяет однозначно определить, идет ли речь о происхождении крестьян или о местонахождении полученных пустошей в определенном погосте. Так, под заголовком «Дано на оброк дворцовые волости Локотцкого погоста старосты Иванику Федорову с товарыщи» следует описание пустошей в Петровском погосте, расположенном рядом с Васильевским в Заклинье и Михайловским Трестенским погостами[18]. Таким образом, в данном случае речь идет о крестьянах из Локоцкого погоста Деревской пятины, получивших пустоши в Петровском погосте Бежецкой пятины (Тверской половины).

Первоочередной задачей настоящей работы являлась локализация погостов и находящихся в них оброчных пустошей, а также мест исхода «зарубежных выходцев». Эта работа была проведена с использованием баз данных и ГИС-технологий, программных продуктов *QGIS* и *MS Access*. Локализация топонимов Заборовского погоста Деревской пятины производилась на основе данных исторического атласа Деревской пятины Новгородской земли А.А. Фролова и Н.В. Пиотух[19]. Большая часть топонимической информации списка относится к Бежецкой пятине, которая исследована гораздо слабее. Историческая география Бежецкой пятины изучалась К.А. Неволиным[20]. Результаты локализации погостов Бежецкой церковной десятины, почти полностью соответствующей территории Бежецкой пятины, пред-

---

[16] Там же. Л. 168.
[17] Там же. Л. 168об.
[18] Там же. Л. 184об.–185.
[19] Фролов, Пиотух 2008.
[20] Неволин 1853.

ставлены также в издании приходной книги Новгородского дома Святой Софии[21]. В работе использовались данные веб-ГИС, разработанной А.А. Фроловым и А.А. Голубинским на основании писцовых описаний XVII в. Бежецкого уезда, смежного с рассматриваемой территорией Бежецкой пятины[22].

Локализация производилась с использованием дополнительных источников XIX в.: списка населенных мест Тверской губернии 1859 г.[23] и топографического межевого атласа А.И. Менде, составленного в 1840–1850-х годах[24]. В работе использовался электронный ресурс «Архивные карты. Обработка и представление архивных карт», разработанный под руководством В.Г. Щекотилова, включающий совместное представление архивных и современных карт[25].

Итогом работы с применением компьютерных технологий стало соотнесение элементов структуры источника с конкретными географическими данными и выяснение соотношения данных о людях и о топонимах.

Наиболее полно локализованными стали пустоши Заборовского погоста Деревской пятины. Гораздо слабее результаты локализации топонимов Бежецкой пятины. Оставалось неизвестным местоположение не только пустошей, но и некоторых погостов, в частности, Покровского Полянского, Петровского и некоторых других, которые в середине XIX в. уже не существовали. Однако в результате локализации установлено расположение всех погостов, значащихся в источнике. Определена также и их примерная территория.

Пустоши передавались, как правило, группам крестьян, что выражается в источнике формулой «со товарищи». В общей сложности в списке значатся 28 групп крестьян. В документ включены также данные о трех священнослужителях, получивших оброчные пустоши, однако не ясно, можно ли отнести их

---

[21] Приходная книга 2011: 100–119.

[22] Фролов, Голубинский 2016: 440–455.

[23] Списки населенных мест Российской империи 1862.

[24] Топографический межевой атлас Тверской губернии 1853.

[25] Архивные карты. Обработка и представление архивных карт. — Электронный ресурс [режим доступа: http:// boxpis.ru/svg/, (дата обращения — 12.06.2018]

к «зарубежным выходцам». Из документов Валдайского Иверского монастыря известно о выборе корелянами священнослужителей из своей среды[26]. Возможно, в источнике по Бежецкой пятине идет речь о такой же практике.

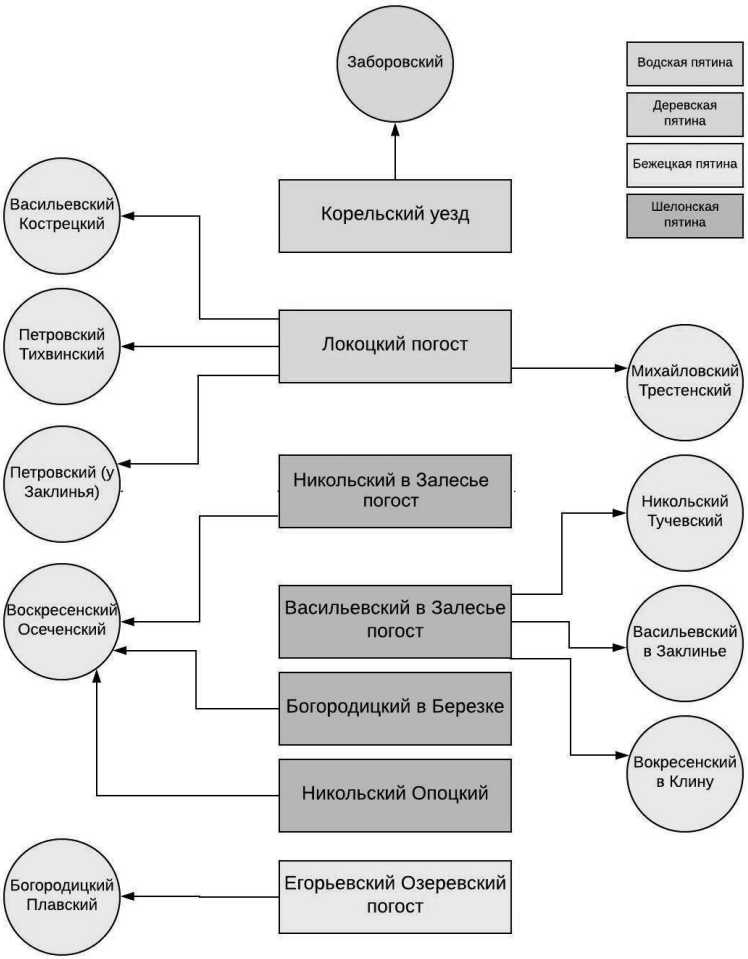
Из 28 групп получателей оброчных пустошей лишь в девяти случаях в списке указано их происхождение. Это погосты Бежецкой, Деревской, Шелонской и Водской пятин Новгородской земли. Благодаря компьютерной обработке данных списка и локализации в геоинформационной системе определено соотношение групп «зарубежных выходцев» различного происхождения с местоположением оброчных пустошей (Илл. 1).

Так, например, староста Локоцкого погоста Деревской пятины Иваник Федоров «с товарищи» получил пустоши в Михайловском Трестенском, Васильевском Кострицком и Петровском погостах Тверской половины Бежецкой пятины. Размещение перебежчиков в Локоцком погосте происходило в конце 1650-х годов[27]. Среди них было значительное число выходцев из Кидецкого погоста Корельского уезда[28].

Онишка Иванов «с товарищи» из Васильевского погоста в Залесье Шелонской пятины получили оброчные пустоши в Никольском Тучевском погосте на границе с Тверским уездом, Воскресенском в Клину и Васильевском в Заклинье погостах. Крестьяне из Богородицкого в Березке, Никольского Опоцкого и Никольского в Залесье погостов Шелонской пятины — земли в Осеченском Воскресенском погосте.

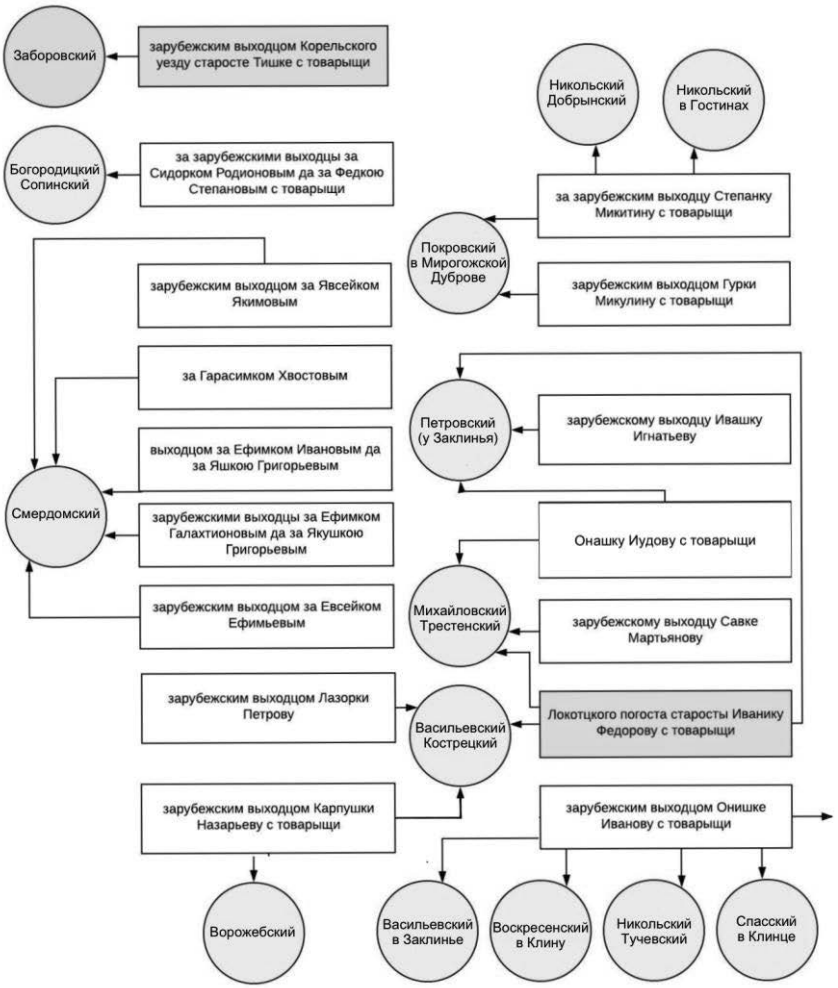
Как видим, в Заборовском погосте земли были переданы одной группе крестьян, выходцев из Корельского уезда. Отмечены переходы из Шелонской пятины в Бежецкую пятину. Выявлены также передачи территорий внутри Бежецкой пятины Новгородской земли, из ее северных территорий в южные. Эти данные характеризуют миграцию жителей территорий, оказавшихся в составе Шведского государства после Смутного времени, в центральные районы Русского государства как долговременный и поэтапный процесс. Расселение происходило постепенно, а его траектории могли быть различными — как непосредственно «из-за

[26] Подробнее об этом см. Тимошенкова 1996: 474–493.
[27] Селин 2015: 204.
[28] Бландов 2014: 24.



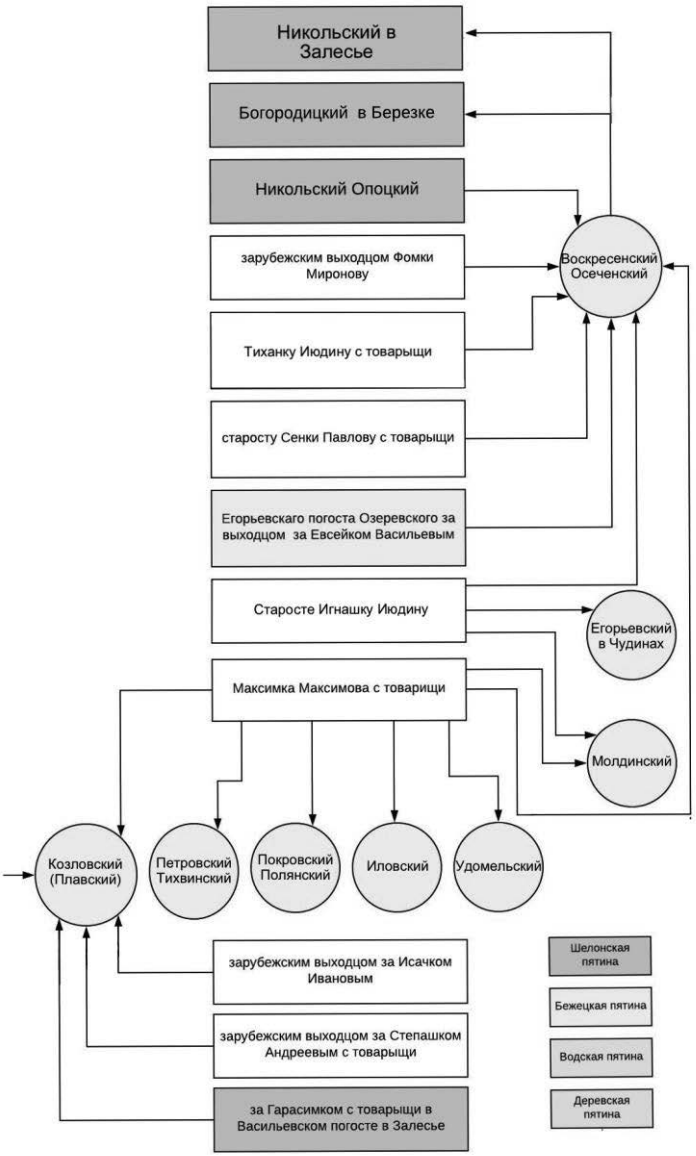
Илл. 1

Соотношение мест исхода «зарубежных выходцев» и местоположения оброчных пустошей Деревской и Бежецкой пятин Новгородской земли по данным переписной книги 1668 г.



Илл. 2

Соотношение групп «зарубежных выходцев» и территорий в погостах Деревской и Бежецкой пятин по данным переписной книги 1668 г.


Никольский в Залесье
Богородицкий в Березке
Никольский Опоцкий
зарубежским выходцом Фомки Миронову
Воскресенский Осеченский
Тиханку Июдину с товарыщи
старосту Сенки Павлову с товарыщи
Егорьевскаго погоста Озеревского за выходцом за Евсейком Васильевым
Старосте Игнашку Июдину
Егорьевский в Чудинах
Максимка Максимова с товарищи
Молдинский
Козловский (Плавский)
Петровский Тихвинский
Покровский Полянский
Иловский
Удомельский
зарубежским выходцом за Исачком Ивановым
зарубежским выходцом за Степашком Андреевым с товарыщи
за Гарасимком с товарыщи в Васильевском погосте в Залесье
Шелонская пятина
Бежецкая пятина
Водская пятина
Деревская пятина

шведского рубежа», так и в различные районы Новгородской земли, а затем в Верхневолжье.

Компьютерный анализ других данных источника показывает размещение и объем оброчных территорий, полученных группами переселенцев (Илл. 2).

Локализация оброчных пустошей и погостов Деревской и Бежецкой пятин позволяет детально охарактеризовать процесс расселения «зарубежных выходцев» на этой территории (Илл. 3).

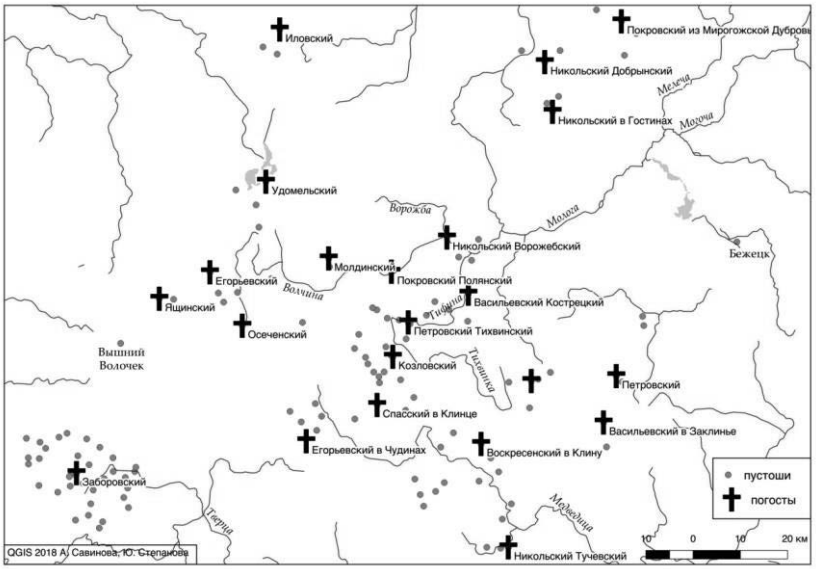
Как уже отмечалось, одна из крупнейших карельских дворцовых волостей образовалась на территории Заборовского погоста, расположенного на юго-востоке Деревской пятины Новгородской земли. Начало его формирования относится, вероятно, к концу 1550-х – началу 1660-х годов. Известно также о том, что население Заборовской волости пополнялось «корелянами» за счет крестьян, «выбежавших» из владений Иверского монастыря. Об этом свидетельствуют документы монастыря 1650–1680-х годов: переписка архимандрита Иверского монастыря с подворьем монастыря в Новгороде, описания дворов и имущества, документы о сыске беглых корелян.

Уход крестьян из монастырских деревень в смежные земли Заборовского погоста, вероятно, был массовым. Так, в 1683 г. архимандрит сообщал, что «с корелов се число денег собрать не змочно, что многие розбежались…»[29]. Из описаний известно, что в Заборовский погост из монастырских земель переходили «корелы» из Соломенского, Угнемского, Сустомского погостов Корельского уезда[30].

Территория Заборовского погоста оставалась обособленным анклавом карельского населения до начала XX века.

Освоение погостов Бежецкой пятины «зарубежными выходцами» было более масштабным. Земли, полученные одной группой переселенцев, иногда находились в разных погостах и на значительном удалении друг от друга (до 40 км). Например, Максимка Максимов «с товарищи» получили оброчные пустоши в Воскресенском Осеченском, Удомельском, Молдинском, Иловском, Покровском Полянском, Петровском Тихвинском и Козловском Плавском погостах Бежецкой пятины. Это смежные

[29] Архив СПБИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. № 3228 (1). Л. 9.
[30] Там же. № 1214. Л. 6–7, 17, 24.



Илл. 3.

Территории, заселенные «зарубежными выходцами», в южной части Бежецкой и Деревской пятины по данным переписной книги 1668 г.

погосты, расположенные в бассейнах рек Волчина, Ворожба, Тифина, Тихвинка, отнсящихся к бассейну Мологи (левый приток Волги). Старосте Локоцкого погоста Деревской пятины Иванику Федорову «с товарищи» были даны пустоши в Васильевском Кострицком, Михайловском Трестенском и Петровском погостах — также смежных друг с другом. Еще одна группа переселенцев получила земли в Никольском Тучевском, Спасском в Клинце, Воскресенском в Клину и Васильевском в Заклинье погостах. Эти территории занимают южную часть Бежецкой пятины на границе с Тверским уездом.

Сведения источников отражают характер перемещения переселенцев — скорее всего, большими группами, — а также то,

что переселенцы сохраняли взаимосвязь, выплачивая единый оброк с этих территорий. По-видимому, это обстоятельство способствовало сохранению как территориальной, так и общекультурной целостности диаспоры «корелян», а затем тверских карел вплоть до XX века.

Наибольшее количество групп переселенцев получило земли в Осеченском Воскресенском погосте (в общей сложности восемь групп выходцев из Шелонской и Бежецкой пятин). Пять разных групп соотносится с пустошами в Смердомском погосте, еще четыре группы — в Козловском погосте и смежной с ним Толмачевской слободе.

Имеются и случаи, когда одна группа переселенцев имела земли в одном погосте. Например, выходцы из Васильевского погоста в Залесье Шелонской пятины перешли в Козловский погост, Богородицкого в Березке, Никольского Опоцкого погостов Шелонской пятины — в Осеченский Воскресенский погост Бежецкой пятины.

По количеству пустошей и по площади, переданной «корелянам», наиболее крупными стали территории в Осеченском Воскресенском (102 пустоши), Козловском и примыкающей к нему Толмачевской слободы (74 пустоши) погостах (Табл. 1). Заселение этих дворцовых волостей «зарубежскими выходцами» началось еще в 1650-х годах. Известно о побегах корелян в Осеченский Воскресенский и Толмачевский погосты из земель Валдайского Иверского монастыря. Так, в 1657 и 1658 гг. из монастырской вотчины в Осеченскую волость бежали шесть семей[31]. В 1667 г. несколько корелян бежали в Толмачевский погост[32].

Значительные территории имелись также в Михайловском Трестенском (45 пустошей), Никольском Тучевском (40 пустошей), Покровском Мирогожской Дубровы (40 пустошей) погостах. Несколько меньшими по размерам были территории в Спасском в Клинце, Смердомском, Егорьевском в Чудинах, Петровском (у Заклинья), Ворожебском, Петровском Тихвинском, Никольском Добрынском Васильевском в Заклинье и Удомельском погостах. Наименьшие по размерам анклавы зафиксированы

[31] Акты Иверского Святоозерского монастыря 1878: 312–314.
[32] Архив СПБИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. № 1214. Л. 19–20.

в Васильевском Кострицком, Богородицком Сопинском, Молдинском, Никольском в Гостинах и Ящинском погостах.

Таблица 1

Количество оброчных пустошей в погостах Деревской и Бежецкой пятин, заселенных «корелянами», по данным переписной книги 1668 года

№	*Погост*	*Количество пустошей*
1	Заборовский	125
2	Осеченский Воскресенский	102
3	Козловский	71
4	Толмачевская слобода	3
5	Трестенский	45
6	Никольский Тучевский	40
7	Покровский из Мирогожской Дубровы	40
8	Спасский в Клинце	33
9	Смердомский погост	33
10	Егорьевский в Чудинах	32
11	Петровский (у Заклинья)	30
12	Ворожебский	24
13	Петровский Тихвинский	22
14	Васильевский в Заклинье	16
15	Никольский Добрынский	16
16	Удомельский	12
17	Васильевский Кострицкий	8
18	Богородицкий Сопинский	6
19	Ящинский	5
20	Молдинский	3
21	Никольский в Гостинах	2

Размещение локализованных погостов, населенных пунктов и пустошей показывает, что в результате передачи «зарубежным выходцам» на оброк земель в Тверской половине Бежецкой пятины образовался освоенный ими крупный анклав на юге пятины, включающий смежные земли от Ящинского и Осеченского

Воскресенского погостов на западе до Петровского (у Заклинья) и Васильевского в Заклинье погостов на востоке и от Никольского Удомельского погоста на севере до Никольского Тучевского погоста на юге. Это территория в бассейне рек Волчина, Тихвинка, Ворожба, Ривица, относящихся к течению Мологи (левый приток р. Волга) и озер, относящихся к бассейнам р. Волга и р. Мста.

Локализованные территории дворцовых волостей южной части Тверской половины Бежецкой пятины в XVIII в. составили единое пространство с обширной территорией Ивицкой, Прудовской, Медвежьегорской волостей в Бежецком уезде с селом Прудово, в котором размещалось «правление корелян»[33]. С юга к этому микрорегиону примыкала территория Новоторжского уезда. В XVIII–XIX вв. там располагалась заселенная «корелянами» Дорская дворцовая волость, время возникновения которой пока остается неясным. «Кореляне» же впервые зафиксированы в Новоторжском уезде в переписях 1640-х годов на поместных землях[34].

Обособленно располагается небольшой анклав, образованный Никольским в Гостинах, Покровским Мирогожской Дубровы и Никольским Добрынским погостами. Он примыкает к территориям, заселенным «корелянами» в Бежецком уезде в бассейнах рек Мелеча и Могоча[35], и составляет единое пространство с территориями северной части Бежецкого уезда, которые оставались «карельскими» и в XVIII–XIX веках.

Результаты изучения переписных книг XVII в. в настоящее время позволяют говорить о массовом обосновании «зарубежных выходцев» в Бежецком Верхе и Новоторжском уезде в 1640-х годах. Здесь «кореляне» первоначально поселялись на землях помещиков и монастырей. В 1650-х–1660-х годах происходит формирование дворцовых волостей, в которые государство целенаправленно переселяло «зарубежных выходцев», в том числе рассмотренных выше волостей в Бежецкой и Деревской пятинах. Однако значительная часть их оставалась за монастырями и помещиками вплоть до второй половины XVIII века. В 1670-х го-

---

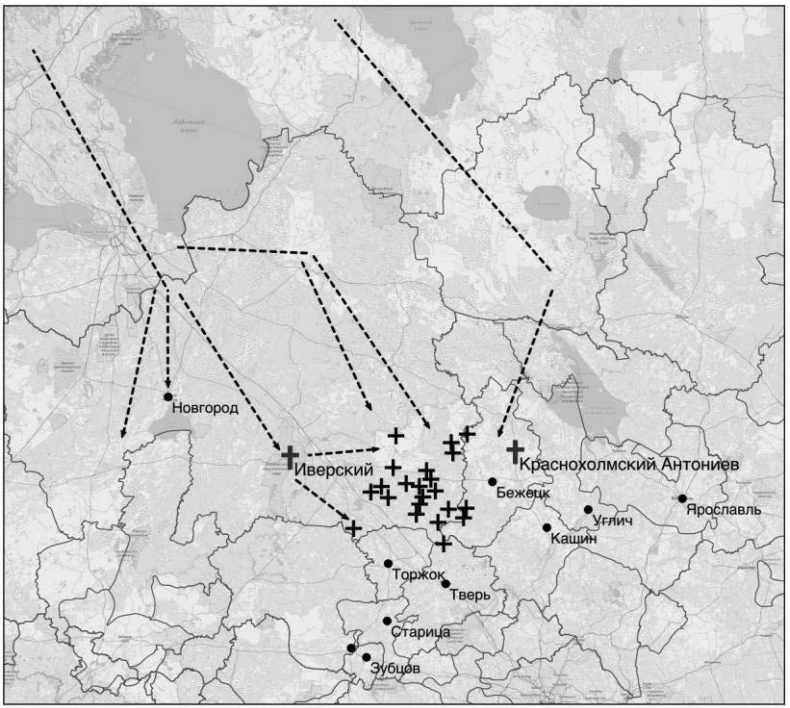
[33] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 2. Л. 25. Подробнее об этом: Савинова, Степанова 2017.

[34] Готье 1906: 299.

[35] Савинова, Степанова 2017.

дах «кореляне» массово расселяются на территории Бежецкого уезда и на севере и юге Тверского уезда[36].

Выявленные места исхода «зарубежных выходцев» свидетельствуют о том, что процесс переселения был поэтапным и мог включать несколько промежуточных фаз. Выходцы из Карелии перемещались в Заонежье, центральные районы Новгородской земли, а затем только в Верхневолжье (Илл. 4).



Илл. 4.

Возможные маршруты перемещения «зарубежных выходцев» на территорию Деревской и Бежецкой пятин Новгородской земли в 1640–1660-х годах

[36] Савинова, Степанова 2018.

В ряде выявленных на основании переписной книги 1668 г. территорий, заселенных «корелянами», носители тверского диалекта карельского языка проживают и в настоящее время. В частности, это земли Никольского Тучевского, Козловского, Толмачевского, Михайловского Трестенского погостов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Акты Иверского Святоозерского монастыря 1878 — Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706), собранные о. Архимандритом Леонидом // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПБ., 1878. Т. 5.

Бландов 2014 — *Бландов А.А.* Валдайские карелы в XVII – начале XVIII веков // Финно-угроведение. 2014. № 2. С. 20–30.

Болотина, Комиссаренко, Кононова 2013 — *Болотина Н.Ю., Комиссаренко А.И., Кононова А.Ю.* Сведения о пахотных землях карельских дворцовых крестьян в писцовых книгах карельских дворцовых вотчин во второй половине XVII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2013. Вып. 3: Третьи чтения памяти акад. РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции (Москва, 21–23 ноября 2013 г.). С. 380–386.

Болотина, Комиссаренко, Кононова 2015 — *Болотина Н.Ю., Комиссаренко А.И., Кононова А.Ю.* Хозяйство карельских дворцовых крестьян в начале XVIII в. (по данным «свывозной и селитебной» книги стольника И.И. Сумарокова 1702 г.) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2015. Вып. 4: Четвертые чтения памяти акад. РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции (Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г.). С. 373–379.

Вершинский 1935 — *Вершинский А.Н.* Очерки истории верхневолжских карел в XVI–XIX вв. // Исторический сборник. М., 1935. Т. 4. С. 73–105.

Готье 1906 — *Готье Ю.В.* Замосковный край в XVII веке: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906.

Дементьева 1996 — *Дементьева Л.А.* Брачно-семейные традиции тверских карелов во второй половине XIX века // Карельский этнос: история и перспективы развития. Тезисы научной конференции (Олонец, 8–9 октября 1996 г.). Олонец, 1996. С. 28–30.

Жербин 1956 — *Жербин А.С.* Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956.

Кеппен 1852 — *Кеппен П.И.* Об этнографической карте Европейской России Петра Кеппена, изданной Русским географическим обществом. СПб., 1852.

Неволин 1853 — *Неволин К.А.* О пятинах и гостах новгородских в XVI веке. СПб., 1853.

Писцовые книги Новгородской земли 2004 — Писцовые книги Новгородской земли / Сост. М.Ю. Зенченко (отв. сост.), В.Ю. Беликов, Г.А. Иванова. М., 2004.

Приходная книга 2011 — Приходная книга новгородского Дома Святой Софии 1576/77 г. («Книга записи софийской пошлины» / Сост. И.Ю. Анкудинов, А.А. Фролов. М.; СПБ., 2011.

Пунжина 2001 — *Пунжина А.В.* Слушаю карельский говор. Петрозаводск, 2001.

Рихтер 1904 — *Рихтер Д.И.* Заметки о [тверских] карелах. СПб., 1904.

Савинова, Степанова 2017 — *Савинова А.И., Степанова Ю.В.* Расселение тверских карел в XVII–XIX вв: Опыт изучения с применением ГИС-технологий // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 7 (61). [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: https://history.jes.su/s207987840001952-6-1/

Савинова, Степанова 2018 — *Савинова А.И., Степанова Ю.В.* Карельская диаспора южных районов Тверского Поволжья: История формирования и историческая судьба // CARELiCA. 2018. № 1 (19). С. 26–37.

Списки населенных мест Российской империи 1862 — Списки населенных мест Тверской губернии: [по сведениям 1859 года]. СПб., 1862. Вып. 43: Тверская губерния / Обраб. ред. И. Вильсоном.

Тимошенкова 1996 — *Тимошенкова З.А.* Приходские церкви и крестьянский мир на Северо-Западе России во второй половине XVII – начале XVIII в. // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей к 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996. С. 474–493.

Топографический межевой атлас Тверской губернии 1853 — Топографический межевой атлас Тверской губернии, составленный в 1848 и 1849 гг. членами межевого корпуса и топографии военного ведомства под наблюдением ген.-майора Менде. М.: Б.и., 1853.

Фишман 1990 — *Фишман О.М.* К изучению этнической культуры карел Верхневолжья // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы / Под ред. О.М. Фишман, Е.А. Рябинина, И.В. Дубова. Л., 1990. С. 158–163.

Фишман 2003 — *Фишман О.М.* Символизация локальной культуры: старообрядческие группы тихвинских и тверских карел // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV международной научной конференции «Рябининские чтения – 2003». Петрозаводск, 2003. С. 260–262.

Фролов, Голубинский 2016 — *Фролов А.А., Голубинский А.А.* Веб-картографический ресурс «Источники по исторической географии Бежецкого Верха» // Историческая география / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2016. Т 3. С. 440–455.

Фролов, Пиотух 2008 — *Фролов А.А., Пиотух Н.В.* Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли. М.; СПб., 2008. Т. 1: Исследования и таблицы.

Селин 2015 — *Селин А.А.* Тесовская дворцовая волость XVII века и проблема верхнеоредежских ижорцев // Новгородский исторический сборник. 2015. № 15 (25). С. 201–216.

Salohejmo 1976 — *Saloheimo Veijo.* Pohjois-Karjalana historia: II: 1617–1721. Joensuu, 1976.

Salohejmo 2010 — *Saloheimo Veijo.* Entisen esivallan alle, uusille elosijoille: Ortodoksikarjalaisten ja inkeroisten poismuutto 1500 – ja 1600-luvuilla. Tampere, 2010.

В.А. Арутюнова-Фиданян

«СЕВЕРНЫЕ ПЛЕМЕНА» РАННЕЙ АРМЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация: В статье рассматриваются представления раннесредневековых армянских авторов о «северных племенах» и анализируется содержание этого термина как географо-культурно-бытового концепта, включавшего в себя информацию о среде обитания, образе жизни и нравах «северных» народов. Несмотря на то, что представления армянских авторов о «северных племенах» в определенной степени типологически сходны с понятиями о «варварах» и «скифах» греческих, эллинистических, римских и византийских писателей, в армянской историографии образ «северных варваров» не стал частью бинарной модели «свой — чужой» и не получил устойчивых негативных коннотаций. Образ «северных варваров» в армянской средневековой историографии был гораздо более сложным и многогранным, чем у греко-римских и византийских писателей, поскольку его формировали не только представления о врагах, несущих «меч, голод и плен», но и сведения о многовековых соседских, военно-политических, торговых, династических и культурных связях, а также близость мифологических представлений «северных народов» и дохристианской Армении. Длительное взаимопроникновение культур на Армянском нагорье, в причерноморских и прикаспийских регионах способствовало тому, что ираноязычные кочевые «северные племена» органично вошли в этногенез армянского народа. В оппозиции «свои» — «чужие» этноним «армяне» (протоармяне, *hayk'*, хаи, что бы этот этноним ни означал на протяжении столетий и даже тысячелетий) безразличен ко времени и пространству, в то время как «чужие» в устной, а затем и в письменной традиции меняются вместе со временем (вавилоняне, ассирийцы, мидяне, сирийцы, персы, арабы и т.д., но редко «северные народы»). Таким образом, негативный образ «северных варваров» не был актуален для утверждения идентичности армянского этноса, прошедшего пик этногенеза в конце первого тысячелетия до новой эры. Са-

мосознание армян основывалось на общности происхождения, языка и территории, преемственности государственно-политических образований, на верованиях, культурных традициях, обычаях и исторической памяти.

Ключевые слова: «северные племена», скифы, варвары, этногенез, идентичность, армянская историография.

«Северные племена» армянской историографии — не этникон, но географо-культурно-бытовой концепт, в котором заложена информация об этих народах (среда обитания, нравы и образ жизни, способы ведения войны и т.п.)[1]. Представления средневековых армянских авторов о «северных племенах», в определенной степени, корреспондируют с понятиями о «варварах» и «скифах» греческих, эллинистических, римских и византийских писателей и основываются на тех же критериях, главными из которых были локативные параметры, дополненные социокультурными характеристиками (кочевники-скотоводы южных, северных и северо-восточных областей Причерноморья и Прикаспийского региона, наездники и лучники, язычники со странными нравами и обычаями и т.д.). Политико-культурный концепт «варвар» имел негативный смысл и был дополнительным к концепту «римлянин», «ромей» (базовая бинарная модель: свои — чужие). «Скифы» — это обычно часть внешнего мира по отношению к эллинам, римлянам и византийцам[2].

Скифы, одно из кочевых племен Евразии, стали обобщающим символом кочевых народов, важным образом-архетипом в связанных с античной традицией европейских и евразийских культурах, в которых скифы оказались необходимыми для ста-

---

[1] О толковании этнонима как концепта, содержащего культурную информацию, см.: Бибиков 1982: 155–156; Шукуров 2010: 138–144; Арутюнова-Фиданян 2012: 266–296.

[2] Lechner 1954: 10–37 sq. Р.М. Шукуров отмечает, что представления о косности византийской этнографии и хорографии и об ее закрытости для новой информации преувеличены, показывая, что реальная (этническая и географическая) номенклатура циркулировала в византийских текстах, перемежаясь с традиционными, общими наименованиями, призванными показать место той или иной единичности в таксономической иерархии (Шукуров 2010: 152–163).

новления их базовых идентичностей — «иными и другими»[3]. Эта распространенная в науке аксиома удивительным образом «не работает» в армянской культуре, хотя или, может быть, потому, что «скифы», ираноязычные кочевые «северные племена» органично вошли в этногенез армянского народа[4].

На западе Армянского нагорья находились два протоармянских племенных союза: Хайаса-Аззи (середина II тыс. до н.э.) и Арме-Шубриа (XII–VII вв. до н.э.)[5], последнее вошло в состав царства Урарту, слившись с федерацией племен Сокхми[6]. Урарту или Ванское царство возникло в IX в. до н.э. и включило в себя бóльшую часть территории протоармян. В этот период продолжается процесс этнокультурных взаимовлияний урарто-хурритских, хетто-лувийских и протоармянских индоевропейских племен.

Ряд исследователей полагает, что в IX–VIII вв. до н.э. в областях Армянского нагорья (верховья Евфрата и окрестности оз. Урмия) было распространено ираноязычное население, которое проникло в Переднюю Азию с севера через Кавказ (как ранее индоевропейские племена), и в пределах Урартского государства ираноязычное население существовало до включения областей их обитания в состав Урарту. Исследователи считают также, что древнейший пласт иранизмов в южном и северном Причерноморье, в частности, в Приурмийском районе и соседних областях, был результатом распространения в регионе ранних (до X в. до н.э.) иранских племен[7]. На изделиях из археологических комплексов Западного Ирана и Армянского нагорья IX–VIII вв. до н.э. изображены андрогинные или парные божества, принадлежащие к ирано-урартскому койне[8].

Второй этап иранского вмешательства в этногенез армян происходит в VII в. до н.э., когда в Переднюю Азию вторгаются

---

[3] Замятин 2015: 381.

[4] Вяч. Вс. Иванов выделяет в дописьменной истории армянского языка наряду с периодами интенсивного иранского влияния и более раннее воздействие северо-кавказских диалектов и еще более древнего диалектного армяно-индо-иранского единства после вычленения этого единства из общеиндоеропейского (Иванов 1983: 22–43; Иванов 1981).

[5] Джаукян 1964; Джаукян 1988: 60–88.

[6] Еремян 1971: 230–245 (там же — литература).

[7] Грантовский 2007: 383–403, 417 и сл. (там же — литература).

[8] Грантовский 2007: 348–349, 352.

киммерийцы, а затем скифы из степей Северного Причерноморья, создавшие во второй половине VII в. до н.э. царство ираноязычных скифов[9]. Киммерийские и скифские вторжения (750–620 гг. до н.э.) способствовали упадку Урарту и Ассирии и создали условия для выдвижения на историческую арену мидян, персов и армян. Войны и массовые переселения, смешения и скрещивания племен на Армянском нагорье привели к созданию на «варварской окраине» Урарту и Ассирии армянских государственных образований (653–624 гг. до н.э.) и усилили процесс этногенеза армян[10]. В восточных источниках появление скифов в Передней Азии трактуется не как переселение, а как военный поход. Колаксай — младший из сыновей Таргитая (первочеловека скифской генеалогической легенды) — по преданию, праотец воинского сословия[11]. Урартская цивилизация была разрушена «северными варварами», и в результате взаимодействия народа-войска с местным населением военное божество становится универсальным богом формирующегося скифского государства. Господство скифов на большей части Малой Азии, Армении и северного Ирана закончилось их разгромом в 20-х годах VII в. до н.э. силами мидян, персов и армян, тот же союз нанес сокрушительный удар царствам Ассирии и Урарту[12]. Б.А. Арутюнян считает, что в начале VII в. до н.э. Закавказье было наводнено скифскими племенами, которые постепенно растворялись в армянской или грузинской среде, в частности, бассейн реки Чорох в VII–VI вв. до н.э. был населен скифскими племенами, подчинившими местное население, а во второй половине I тысячелетия они были арменизированы в процессе этногенеза[13].

Присутствие скифов на Армянском нагорье отразилось и в мифологии, и в топонимике, и в антропонимике, и в фольклоре[14].

---

[9] Тер-Саркисянц 2008: 35 и сл. (там же — литература). О путях проникновения киммерийцев и скифов в Южное и Северное Причерноморье, в Закавказье и на территорию современных Грузии, Армении, Турции см.: Доватур, Каллистов, Шишкова 1982: 218–220. Прим. 179, 180.

[10] Еремян 1958; Еремян 1970.

[11] Абаев 1989: 247–248; Раевский 2006: 35–147 (Гл. I: «Скифская генеалогическая легенда»).

[12] Капанцян 1956: 5–265.

[13] Арутюнян 1998: 233–246.

[14] Капанцян 1947: 147–153.

Армянские историографы называли армян «родом асканазовым» (то есть скифским). Первый (после разгрома Ассирии) армянский царь именовался Паруйром Скайорди (сын сака-скифа), Мовсес Хоренаци упоминает его в связи с двумя братьями Санасаром и Адрамелеком, сыновьями царя Ассирии Сенахериба (704–681 гг. до н.э.), которые убили отца и «спаслись бегством у нас»[15]. Исследователи рассматривали связь генеалогического древа народов Кавказа у Леонтия Мровели со скифской легендой о первопредке Таргитае. Л.А. Ельницкий полагает, что предание закавказских горцев о Таргамосе — либо отголосок скифской легенды о Таргитае, либо доказывает доскифское происхождение самой легенды[16].

В древнеармянском пантеоне было два основных слоя: первый восходит к периоду раннего этногенеза, к созданию протоармянских племенных союзов. Второй пласт древнеармянского пантеона отмечен влиянием иранского мира, в который была погружена Армения с первого тысячелетия до н.э., не прерывая связи с ним на протяжении столетий, если не тысячелетий[17]. Страбон и Тацит говорят о близости обычаев, нравов и священных обрядов у армян, мидийцев и парфян. Имя Арамазда — верховного бога армянского государственного пантеона — восходит к иранскому Ахурамазде (Бог премудрый), а «великой госпожой», главным женским божеством была Анаит (иранская Анахита). Гр. Капанцян считает, что культы Арамазда, Анаит и других богов с иранскими именами вобрали в себя множество древних представлений, что и привело к созданию собирательных образов общеармянского пантеона[18]. В дохристианское время в Армении существовали протоармянские иранизированные (иногда еще и эллинизированные[19]) языческие пантеоны[20].

---

[15] Мовсес Хоренаци 1991: Кн. I, гл. 23; Мовсес Хоренаци 1990: 38–39.

[16] Ельницкий 1977: 128, 177.

[17] Арутюнян 1998: 233–246; Капанцян 1947: 147–153.

[18] Капанцян 1956: 311–312; Есаян 1976.

[19] Мовсес Хоренаци 1991: Кн. I, гл. 12; Мовсес Хоренаци 1990: 70–71.

[20] Иранское влияние на армянскую культуру и том числе на мифологию изучалось Г. Хюбшманом, А. Мейе, Х. Гельцером, Й. Марквартом, М. Абегяном, Р. Ачаряном, Ж. Дюмезилем, К. Мелик-Оганджаняном, Н. Г. Гарсоян, Дж. Расселом и др. (Петросян 2002: 4–5, 134–146, 150–158, 164–170).

Степные народы североиранского ареала — племена скифского круга в широком этноисторическом понимании — остались в стороне от религиозно-реформаторской деятельности, связанной со становлением зороастризма, которая существенно трансформировала исконные иранские (даже индо-иранские) мифологемы[21], к последним принадлежит божество Куар.

Древнее имя бога, упомянутого в гимне о Ваагне, сохраненном в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци, могло быть образовано либо от и.-е. *trHon* (то есть Тарон) либо от корня *-kur* или *-hur* — это божественный эпоним области Тарон, вобравший в себя черты древнейших местных богов, его имя можно сопоставить и с теонимом *Kur* южных соседей Армении (шумеро-вавилонский регион) и с урартским *Quera*[22]. Близ восточного берега оз. Ван найдена плохо сохранившаяся урартская надпись царя Ишпуини (около 823–810 гг. до н.э.) в которой упоминается божество Куэра сделанная на древнем мегалите — вишапе, который является охранителем вод и гораздо древнее Урарту.

Мегалиты — изображения рыб-вишапов, открытые Н.Я. Марром и Я.И. Смирновым высоко в горах на летних кочевьях Армении, впоследствии были обнаружены в Грузии, на Северном Кавказе, в Северной Монголии и других регионах. Эти колоссальные (до 4,5 м) каменные рыбы находились в горах, на летних кочевьях и были связаны с горной ирригацией, имеющей целью увеличение воды в реках, а также для нужд скотоводства[23]. Эти божества впервые возникли у скотоводческих народов как хранители скота, водопоев, пастбищ и источников. Вишапы высечены из целого камня, изображения в рельефе одного типа представляют рыбу, другого — символическое изображение жертвоприношения в виде буйволовой, воловьей или бараньей головы со шкурою, причем на одних вишапах этот рельеф находится ниже пасти или на груди, на других шкура перекинута через голову. Изо рта жертвенного животного обычно извергаются струи воды, вода изображается и ломаной линией сбоку от шкуры. Среди волнистых линий, обозначающих воду, иногда находится и змея. Один из вишапов из Токман-гёль несет на себе изображения

[21] Раевский 2006: 270–271.
[22] Арутюнова-Фиданян 2012: 273–276.
[23] Марр, Смирнов 1931; Пиотровский 1939; Меликсет-Беков 1947.

шкуры животного с рельефной головой, двух голов змей и двух фигур длинноногих птиц, журавлей или аистов. Птицы олицетворяют небо — верхний мир, рыба, или змея — мир нижний, хтонический, животные — срединный мир (землю).

В основе скифских фантастических синкретических образов, объединяющих черты разных животных, лежит попытка моделирования космоса посредством соединения в одном персонаже элементов тех зооморфных существ, которые маркируют разные космические зоны[24]. Исследователи обсуждают способы систематизации составляющих модели мира, то есть метафорический код моделирования мира[25]. В этом контексте можно предположить, что вишап — первоначально некая космограмма, модель, демонстрирующая единство космоса. На золотых ножнах кинжалов (акинаков) из Мельгуновского и Келермесского курганов (начало VI в. до н.э.) изображены львы с головами грифонов, быков и баранов, с крыльями в виде рыб, напоминающие образы вишапов кавказского фольклора.

Вишапы были установлены не только у водоемов, где поили скот, но вблизи сложной системы каналов, так как виноградники и пашни вокруг Арташата, Двина и других больших городов могли существовать только благодаря сложной ирригационной системе, начинающейся почти у самой снеговой линии и состоявшей из ряда каналов и искусственных водохранилищ.

Представления о вишапах в фольклоре Армении разновременны и потому диаметрально различны, чаще всего вишапы — чудовища (огромные змеи или драконы), с которыми сражается герой, но иногда в них проявляется и древний образ вишапа — доброго божества плодородия и воды[26]. В армянских преданиях вишапами называются также мидийцы (тотемом племени была змея), а имя последнего мидийского царя Астиага передается как Аждахак. Мовсес Хоренаци пишет, что существуют песни «рассказывающие об Арташесе и его сыновьях и упоминающие также потомков Аждахака, называя их иносказательно драконород-

[24] Раевский 2006: 410.
[25] Мелетинский 1976: 172 и след.; Раевский 2006: 289–292.
[26] Пиотровский 1939: 3–18.

ными (вишапазунк), ибо Аждахак на нашем языке означает дракона (вишап)»[27].

Первые каменные вишапы с вероятностью датируются XVIII–XVI веками до н.э., то есть доурартским временем[28]. Урартская надпись на вишапе из Гарни, с одной стороны, подчеркивает древность каменных мегалитов, а, с другой) указывает на их связь с божеством Куэра[29]. Один из искусственных источников, сооруженный царем Менуа (810–786 гг. до н.э.) в провинции Нор Ширакаван, на берегу оз. Урмия, и посвященный божеству Куэра, позже именовался Эждаха булаки — «родник Аждахака»[30]. Это еще раз подтверждает сходство функций вишапов — охранителей родников и пастбищ, культ которых восходит к индоевропейской мифологии, и урартского божества Куэры. Ряд иссследователей считает, что *Quera* (Куэра, Куар, Куэр) — урартское божество[31]. С.Г. Амаякян полагает, что культ Куэры более древний, чем боги Урарту связан с почитанием воды и существовал на Армянском нагорье до раннего средневековья[32].

В двух армянских средневековых сборниках конца X в., относящихся к разным регионам Армянского нагорья и разным политическим образованиям: княжество Тарон (на западе) и царство Алуанк (на востоке) — упоминается не встречающийся в других памятниках армянской историографии теоним Куар. И в «Истории Тарона» Псевдо-Иоанна Мамиконяна, и в «Истории страны Алуанк» Мовсеса Каланкатуаци (Дасхуранци) этот теоним помещен в церковные предания о христианизации, в пер-

---

[27] Мовсес Хоренаци 1991: 84; Мовсес Хоренаци 1990: 45. И если Н.Я. Марр и Я.И. Смирнов провели все возможные параллели между атрибутами вишапов-мегалитов и вишапов армянских преданий, эпоса и сказок, то Б.Б. Пиотровский задавался вполне резонным вопросом, были ли статуи в горах «вишапами» устной традиции или это их позднее осмысление? (Пиотровский 1939: 9).

[28] Аракелян, Арутюнян 1966: 291–293.

[29] Там же.

[30] Амаякян 1990: 152–166. С.Г. Амаякян полагает, что божество Куэра могло восприниматься и как антропоморфное и в образе дракона (Амаякян 1990: 167).

[31] Меликишвили 1953; Меликишвили 1960: № 27; Амаякян 1990: 158–164 (на арм. яз.); Меликишвили 1954: 370; Арутюнян 2006: 274, 298.

[32] Амаякян 1990: 152–167 (там же — литература).

вом случае в рассказе о христианизации Армении Григорием Просветителем (IV в.), во втором — в рассказе о миссии к «хонам» (хазарам) епископа Мец Колманка Исраэла (VII в.), и в обоих случаях Куар и его эквиваленты — главные противники христианских миссионеров.

В послеурартское время и до христианизации Армении (то есть до начала IV в. н.э.) на Армянском нагорье сменяли друг друга протоармянские эллинизированные и иранизированные языческие пантеоны, но ни один из армянских богов или представитель синкретических армяно-ирано-греческих культов не стал антагонистом Христа. Им стал бог-громовник Куар-Гисанэ (таронская легенда) или Куар-бог молний («История страны Алуанк»).

В легенде из первой части «Истории Тарона» рассказывается, что два брата «из страны индов» Деметр и Гисанэ бежали от своего царя и прибыли в Армению, где получили во владение Тарон. После их смерти (от руки нового сюзерена) Тарон унаследовали их сыновья: Куар, Мелтес и Хор, которые построили аван Куар, аван Мелти и аван Хореан в гаваре Палуник.

> И по прошествии времени, посоветовавшись меж собой, Куар, Мелтес и Хореан поднялись на гору Каркэ, на которой и увидели это место, где был простор для охоты и было прохладно и [оно] было богато травами и деревьями. И построили там дастакерт и воздвигли двух идолов, имя одного было Гисанэ, а другого — Деметр, и отдали им на служение свой род[33].

Громыхающие тучи, острое оружие длинноволосого сияющего божества, поражающее на расстоянии (то есть молния), и, наконец, слепота, насылаемая Гисанэ на врагов, — все эти атрибуты, перешли от бога-громовника к св. Карапету, занявшему место покровителя Тарона[34]. Сакральная топография Тарона демонстрирует преобладание церквей в честь св. Карапета, заме-

---

[33] Иоанн Мамиконян 1941: $107_{11–12}$–$109_{1–10}$.

[34] Иоанн Мамиконян 1941: $218_{2–5}$. Рядом с источником Гисанэ, издавна исцеляющим больных, Григорий Просветитель воздвиг Крест, мощи св. Карапета он поместил на месте капища Гисанэ (монастырь св. Карапета), Просветитель сохранил обычай жертвоприношения на горе Карке (Айвазян 1976: 274–275).

нявших храмы бога-громовника[35]. Деметр в одном месте источника назван братом, а в другом — «сыном Гисанэ» (статуя Гисанэ была сделана из меди, а Деметра — из камня), то есть Деметр был младшим из «парных» богов[36].

Сюжеты о близнецах часто сплетаются со схемой индоевропейского распространения и освоения новых территорий, а Гисанэ и Деметр — очевидные эпические версии божественных близнецов[37]. Они основывают город Вишап в центре культа Вахагна — покорителя драконов, то есть подобно другим «старшим» близнецам, Гисанэ восходит к образу бога грозы[38], и одним из его атрибутов (переданных св. Карапету) было пребывание в «громыхающих тучах», то есть связь с «небесной» водой, Гисанэ исцелял больных с помощью «земной» воды целебного источника. Бесспорным атрибутом Гисанэ была его воинская функция, он не только вдохновляет своих сторонников, но и лично сражается с врагами[39]. Жрецы узнав о намерении Просветителя уничтожить «великого бога» Гисанэ и Деметра, «ночью отправились в помещение идолов и наполнили сокровищами подземный дом, а сами известили жрецов Аштишата:

> Соберите всех мужчин-воинов и спешно к завтрашнему дню доберитесь до нас, ибо великий Гисанэ поднимется на войну против отступников-князей. И также войско Куара начало устраивать засады за оградой виноградников, а другие устроили засаду в лесу. И [тот] кто был главным жрецом по имени Ардзан и сын его Деметр, собрав войско, которое они привели из дома Куара, поднявшись на гору, [которая находится] напротив Куара остались там, пока не прибудут им на помощь другие войска из разных мест. А армянские войска, встав на следующий день, прошли у подножия горы обыч-

---

[35] Во многих христианских конфессиях можно проследить генетическую связь святых с образом Громовержца или его противника. См.: Успенский 1982: 112, 117 и сл. (там же — литература); Арутюнова-Фиданян 2012: 270–284.

[36] О близнецах и «парных богах» в армянской мифологии см.: Петросян 2002: 18 и сл., 78–81.

[37] Исраелян 1980: 216–228.

[38] Петросян 2002: 72–84, 127. Исследователь полагает, что армянская (индоевропейская) мифология сохранилась в некоторых именах и образах этногонического мифа и их поздних трансформациях (Петросян 2002: 135–136).

[39] Иоанн Мамиконян 1941: $85_{1–15}$, $86_{1–7}$.

> ной дорогой набегов[40]. Так началась первая война с язычниками, и Ардзан перед сражением назвал армянских князей «потерявшими веру» и «отступниками от родных богов»[41]. Слушайте нас, князья армянские, уже сорок лет как мы служим великим богам и знаем их силу и то, что они сами сражаются с врагами своих служителей. А мы не можем воевать с вами, так как это тун Армянского царя, а вы — князья армянского царя. Ныне пусть будет вам известно, что хотя мы не можем вас одолеть, но лучше умереть за наших великих богов, чем увидеть их поверженными вами[42].

Автор этого раздела противопоставляет «армянское» войско, войску жрецов и отмечает, что последнее было поддержано «сельскими мужами», то есть местным населением. Отчуждение князей армянского царя от «родных богов», произошло, очевидно, после принятия ими христианства.

Примечательна география населенных пунктов, откуда пришла помощь жрецам Гисанэ: город Вишап (или Одз — змея), некогда построенный племенем Гисанэ и Деметра, долго существовал в Тароне. Г. Инчичян обнаружил посёлок Одз недалеко от монастыря св. Карапета. С.Т. Еремян помещает город Вишап (Одз — Авдз) на месте нынешнего селения Авзут у подножия Хутских гор[43]. Топография Тарона и соседнего Аштеанка вновь возвращает нас к основному индоевропейскому мифу. Образ Гисанэ включает в себя черты и бога-громовника, и противника бога грозы — вишапа, вместе с тем сопоставление Гисанэ и Спандарамет (земли)[44] закрепляет за первым позицию бога неба.

Куар в «Истории Тарона» назван не богом, а «спасавором», хранителем культа предков, жрецом «великого бога Гисанэ». Однако с Куаром лингвистически прочно связаны атрибуты бога грома, в их числе сохранение связи между нарицательными существительными (кар — камень, Каркэ — гора) и именем собственным. Общеиндоевропейские представления о связи бога грозы с камнем подчеркиваются их этимологически сходными име-

---

[40] Иоанн Мамиконян 1941: $79_{9–11}$, $80_{1–13}$.
[41] Иоанн Мамиконян 1941: $84_{11–14}$.
[42] Иоанн Мамиконян 1941: $85_{10–15}$, $86_{1–4}$ (Пер. мой).
[43] Еремян 1965: 156–157.
[44] Иоанн Мамиконян 1941: $36_{1–5}$.

нованиями[45], а согласно иранской традиции, при разделении людей на сословия местопребыванием жрецов были определены горы[46]. В тексте «Истории Тарона» перед теонимом Гисанэ употреблено слово *kroc'* — от *kurk'* — (идол), созвучное с именем Куар[47]. И, скорее всего, Гисанэ — это не имя, а постоянный эпитет бога «волосатый», «длинноволосый»[48]. Можно предположить поэтому, что речь идёт об одном боге-громовнике Куаре Гисанэ. Эта гипотеза находит подтверждение во взаимозаменяемых топонимах: одни и те же аваны, села, дастакерты именуются то «домом» Гисанэ, то «домом» Куара[49]. Бог грома Тешшуб в одном из хурритских городов северной Месопотамии выступает под именем *Kurwe* (возможно, индоевропейское заимствование)[50]. Жрец бога грозы Куар в «Истории Тарона» — очевидное земное соответствие самого бога.

Иранское имя *Hvardâta с разной передачей *hvar-*, *hur-* означает «данный Солнцем», (арийское, или индийское *S(u)vardata, как следует из документов II тыс. до н.э.[51]), а в имени Куар явно звучит *Hwar* — солнце. Поклонение богу-солнцу в иранской среде (индоиранской, скифо-сарматской, сармато-аланской) достаточно хорошо исследовано. В.И. Абаев толкует имя Κολάξαϊς (Колаксай — сын Таргитая) из скифской генеалогической легенды как соответствие иранскому *Hwar-xšaya — владыка Солнце, Солнце-царъ[52]. Ряд исследователей армянского эпоса (Г. Срвандзтянц, К. Патканян, Г. Халатян, М. Абегян, Н.Я. Марр и др.) отождествляют Мгера из эпоса «Сасна Црер» с солнцем-Митрой. В этом же эпосе мы находим отражение борьбы древнего бога солнца Hware — Куара с новым богом солнца Митрой (предупреждение Гоар Мгеру, чтобы он «опасался солн-

---

[45] Иванов, Топоров 1974: 32, 69, 85, 94 и след.

[46] О единстве космологического и социального аспектов скифской мифологической модели мира см.: Раевский 2006: 85 и след.

[47] Иоанн Мамиконян 1941: $111_{1–2}$.

[48] Обычный эпитет бога грома.

[49] Иоанн Мамиконян 1941: 79–109 (passim); Арутюнова-Фиданян 2008: 23.

[50] Петросян 2002: 37, со ссылкой на статью И.М. Дьяконова (Diakonoff 1981: 84).

[51] Грантовский 2007: 110–111.

[52] Абаев 1989: 247–248.

ца»)[53]. Ипостась бога неба, как божества Солнца несомненно древнее его ипостаси бога грозы.

В «Истории страны Алуанк» (X в.) приведены два источника VII в., перенесенные в текст, по-видимому, без изменений[54], так как стиль этих сочинений разительно отличается от суховатого изложения самого Мовсеса Дасхуранци. Это — «История католикоса Вироя» и источник по истории Алуанка 30–80-х годов VII в., условно именуемый «Историей 684 г.», автор которого писал изысканно и приподнято, демонстрируя великолепное знание греческого языка, Библии и раннехристианских писателей. Это рассказ о миссии Исраэла, епископа Мец Колманка в страну «хонов» «для заключения перемирия»[55].

В их столицу Варачан делегация прибыла в 684 г.[56] с целью заключить мир, так как «набеги полчищ гуннов из года в год разоряли страну», а затем следует рассказ о том, как миротворческая миссия перешла в миссионерскую, ибо Исраэл увидел «суеверие несчастного народа», преданного «языческим обрядам» «по северной холодной глупости своей»[57].

> Если громогласное огненное сверкание молнии, обжигающее эфир, поражало человека или животное, то они считали, что это жертва, посвященная богу Куару и служили ему. И еще почитаемому ими идолу, какому-то огромному и безобразному богу Тангри-хану, которого персы называют Аспандиат, приносили в жертву коней на кострах». Они поклонялись огню и воде, богам дорог и луне[58].

---

[53] Мелик-Оганджанян 2006: 52–53.

[54] Акопян 1987: 167, 169, 177–242. Обзор литературы, посвященной «Истории Алуанка» см.: Акопян 1987: 150 и след.

[55] Мовсес Каланкатуаци 1983: 237.

[56] Еремян 1939: 137.

[57] Мовсес Каланкатуаци 1983: 240.

[58] Мовсес Каланкатуаци 1983: 240–241; Мовсес Каланкатуаци 1984: 124. Ш. Смбатян отмечает, что конные жертвоприношения были приняты у сарматов (Мовсес Каланкатуаци 1984: 212, коммент. 153). Н. Адонц упоминает, что в Персии конницей командовал род Спандиата и предполагает связь этой фамилии с Камсараканами, так как имя Спандиат часто встречается в их роду. А.П. Новосельцев отмечает, что древнеиранское имя Спандиат встречается и в форме Сфендотат, а в «Шахнаме» фигурирует в форме Исфендийара, героя общеиранского эпоса (Новосельцев 1990: 146). Новосель-

Куар — бог молнии Мовсеса Каланкатуаци был, по мнению С.Г. Кляшторного, «унаследованным гуннами богом местного иранского населения», слившийся с образом громовержца — Тенгрихана (Аспандиата)»[59]. Автор «Истории 684 г.», для которого бог грома был главным противником Христа, описывает языческие храмы, где были установлены идолы, и священные рощи, в которых самые высокие деревья олицетворяли бога. Исраэл повелел срубить самое большое дерево — дуб, посвященный Аспандиату[60,] и тогда жрецы «с простолюдинами» пришли к князю гуннов и его вельможам и потребовали ответа за разрушение капищ и жертвенников, построенных «нашими предками».

> Цари и князья, и весь наш народ по сей день почитали эти капища и получали от них и от деревьев священных добрые дары и умножение народа в нашей стране, [они] давали силу и победу в битвах с нашими врагами... Ведь когда вы поклонялись и приносили жертвы и дары деревьям, посвященным колоссальному богатырю Аспандиату, вы получали все, просили и находили добро: больные получали исцеление, неимущие — состояние, во время засухи палящей и в знойные, жаркие дни мы силою их вызывали дожди, которые охлаждали сильный зной, поили растения и саженцы, наполняли [соками] плоды на пищу вам и в наслаждение. А также для вас мы прекращали ливневые дожди и усмиряли громогласное возмущение и сверкание молний с облаков»[61].

Исраеэл обратился с проповедью к Алп-Илитуеру, его вельможам и воинам и обратил их в христианство, князь повелел срубить священные рощи, разрушить капища богов (дэвов) и разбить их идолов, а жрецов схватить, некоторых сжечь на костре, а других бросить в темницы[62].

События христианизации Армении в IV в. («История Тарона») и небольшой сюжет о попытке обращения в христианство «хонов» в VII в. («История страны Алуанк») демонстрируют ти-

---

цев считает, что Аспандиат — общеиранское божество было сарматским (массагето-аланским) божеством, связанным с культом лошади (аспа) у кочевников (Новосельцев 1990: 81, 145–146).

[59] Кляшторный 2000: 123.

[60] Мовсес Каланкатуаци 1983: 250.

[61] Мовсес Каланкатуаци 1984: 128.

[62] Мовсес Каланкатуаци 1983: 248–259.

пологическое сходство ситуативной канвы и персонажей. Главным противником Христа в борьбе за утверждение новой религии выступает бог грозы. Служители его — низшие божества (дэвы) и жрецы активно сопротивляются низвержению «родных богов». На их стороне сражается местное население: «сельские мужи» (в «Истории Тарона») и «простолюдины» (в «Истории 684 г.»), в то время как князья Тарона и окружение Алп-Илитуэра поддерживают новую веру. Миссионеры при содействии властей разрушают языческие храмы, срубают священные деревья, убивают или отправляют в тюрьму жрецов.

Анализ двух источников демонстрирует их сходство в деталях при разнице в масштабе, времени и результатах: триумф новой веры в Тароне при Григории Просветителе и оставшийся без последствий эпизодический успех миссии Исраэла у «северного» племени. В обоих случаях, однако, зафиксировано противостояние новой религии приверженцев древнего бога индоиранских племен, культ которого пережил много веков на Армянском нагорье. Исследователи, и в основном, справедливо полагают, что смена религий — это переворот прежде всего терминологический, ономастический, так как под новыми именами продолжают своё функциональное существование древние боги (в культах и обрядах). Однако Куар — бог неба, бог Солнца, бог грозы, покровитель воды земной и небесной и потому божество плодородия, участник основного индоевропейского мифа и индоиранское военное божество более тысячи лет сохранял и имя и функции на Армянском нагорье.

Лики Куара, сменявшие друг друга или совмещавшиеся на том или ином отрезке времени и пространства, сделали его главным богом иранских племен, которые активно участвовали в этногенезе армянского народа.

Легенда о Куаре — это инвариантное ядро концептуального индо-иранского мифа, продолжающего функционировать в системе новых осмыслений, «когда исчезает породившее миф мировоззрение»[63].

В армянской историографии отмечены топонимы происходящие от скифских страт и этнонимов: палы (от скифского *bala* — воины) — гавар Палуник или область Сакасена — земля ски-

[63] Фрейденберг 1936: 118–119.

фов. Сакасена — Сисакан — Сюник, по Мовсесу Хоренаци, была наследственным доменом Сисака «отличного лучника». Впоследствии Валаршак, первый царь Армении парфянского происхождения «поставил потомков Сисака владетелями [этой] земли»[64] — это нахарарский род Сисаканов. Среди армянской знати были и другие фамилии со скифскими корнями. Мамиконяны — самая известная фамилия средневековой Армении, по «Бузандарану, Мовсесу Хоренаци и Себеосу, происходили из страны «Чен», «Ченастан», то есть «из Китая». Н. Адонц полагает, что под «ченами» подразумеваются не китайцы, а население Джаники — области соседней с Тайком (родовая вотчина Мамиконянов), в регионе, где обитали арменизированные скифские племена. По мнению других исследователей, «Ченастан» — это Бактрия (Бактриана) область Средней Азии по среднему течению Аму-Дарьи. Багл или Багл-Шахастан — столица Бактрии был важным пунктом в международной караванной торговле и на путях миграции кочевых народов, Парфянские Аршакиды, по Себеосу, происходили из Багла[65].

Античная традиция связывает происхождение парфян и династии Аршакидов со скифским миром, иконография парфянских царей — лучник на монетах Аршакидов — подтверждает эту традицию. Д.С. Раевский считает, что сопоставление всех изображений лучника на этих монетахт приводит к выводу, что на них зафиксирована передача лука — то есть сюжет скифской генеалогической легенды (испытание сыновей Таргитая и вручение лука, как символ власти, младшему из них). Исследователь предполагает, что появление такого сюжета служило прокламированию богоданного характера царской власти по скифской легенде. Иными словами, изображение вручения лука «может рассматриваться как доказательство общности мотива передачи лука, как инвеститурного акта, для широкого круга скифо-сакских племён и, следовательно, близости свойственных им мифологических представлений»[66].

---

[64] Мовсес Хоренаци 1991: Кн. I, гл. 12.

[65] Арутюнова-Фиданян 2003: 11–12.

[66] Раевский 2006: 158. Об иранских корнях (скифо-сакские мифологические изоглоссы) рельефа из гробниц армянских Аршакидов в Ахце (IV в.) — воин с двумя собаками, поражающий копьем дикого кабана, см.: Раев-

Христианство в Армении долго было «новой религией», ранние историографы-вардапеты армянской Церкви жаловались на то, что армяне сохраняли «древние языческие обычаи и искусства», «они любили свои мифические песни, свои сказания, на них воспитывались, им верили». Они совершали культовые обряды, посвящённые богам, ночью, «предавались беззаконию, блуду, мужеложеству и кровопролитию». Один из авторов «Бузандарана» сетует на «дурной пример», подаваемый Аршакидами, что сделало борьбу за христианскую веру и мораль делом долгим и мучительным (гонения на священнослужителей, убийство католикоса Иусика и старца Даниила по приказу царя и т.п.)[67]. Языческие нравы в Армении при Тиране Аршакиде, обличаемые в «Бузандаране», и обычаи «хонов» в рассказе о миссии епископа Исраэла в «Истории страны Алуанк» имеют несомненное сходство.

Автор источника (возможно, участник миссии) осуждает языческие обряды «хонов», которые «трубили в трубы и били в барабаны над трупами», наносили себе раны «на щеках, руках и ногах», нагие мужчины бились на мечах у могил, состязались в конной езде и предавались разврату. Он отмечает также многоженство принятое у «хонов» и странные брачные формы (братья имеют общую жену, сыновья берут жен отца, один человек имеет много жен и т.д.) Языческие обычаи и нравы, осуждаемые автором «Истории 684 г.», напоминают описание нравов древних скифов у Геродота[68].

В первой части «Истории Тарона» предводитель войска армянского царя, победив отряды жрецов бога Куара Гисанэ, приказал отрезать им волосы: жрецы бога Гисанэ «были черны, длинноволосы и безобразны «ибо родом были из индов»[69], «Гисанэ был длинноволос, поэтому и они, служители его имели длинные волосы»[70]. Внешний облик жрецов Гисанэ напоминает

ский 2006: 158–159. Аршакиды царствовали в Армении, у мазкутов (массагетов) и в Бактрии и после парфянской династии Аршакидов Сасанидами в Иране.

[67] Фавстос Бузанд 1953: Кн. III, гл. 12–14.

[68] Мовсес Каланкатуаци 1983: 241.

[69] Иоанн Мамиконян 1941: $107_{8–10}$.

[70] Иоанн Мамиконян 1941: $109_{10–11}$.

облик «северных кочевников»[71]. Даже обращенные жрецы не вызывали доверия:

> Ибо этот род, когда обратился к Христу, был безупречен в вере, они не смели открыто соблюдать обычай отцов. И тогда они коварно умыслили это: они оставляли на голове детей волосы, ибо видя это они могли вспомнить прежнее дело своей скверны[72].

Однако обычай сохранять косу и хохолок долго сохранялся в Армении как напоминание о языческих временах[73].

Артавазд Мамиконян, получив приказ спарапета Манвела уехать с битвы против изменника Меружана Арцруни, ослушался и вступил в сражение, хотя «был еще в отроческом возрасте и по армянскому обычаю, как поступали с детьми, голова отрока была обрита, и оставлены были только хохолок и коса»[74].

Существуют определенные параллели в описаниях войн с язычниками и «северянами» в первой части «Истории Тарона»: повествование о войне с «северянами» так же складывается из отдельных эпизодов, «сельские мужи» применяют ту же тактику (засады в садах, метание камней в конницу и т.п.), сражение с «северными племенами» длится много часов и только с помощью св. Карапета происходит перелом, и армянские войска одерживают победу[75]. Поединок между царем Севера и Трдатом в «Истории Тарона» описан Мовсесом Хоренаци: Трдат сражается с царем Басилов и, возможно, тот эпизод боя, где царь северян набрасывает аркан на Трдата, а богатырь, подтянув к себе врага тем же арканом, убивает его, относится не к Трдату I, а к Трдату III и его войне с аланами[76].

---

[71] См. о представителях «северных народов», союзников императора Ираклия: Мовсес Каланкатуаци 1983: 135–136.

[72] Иоанн Мамиконян 1941: $110_{1–7}$. О сакральной функции волов (связь с деревьями, растительным миром и т.д.) см.: Ернджакян 1980: 272. Сам эпитет Гисанэ от «гес» — коса.

[73] Айвазян 1976: 266.

[74] Фавстост Бузанд 1953: Гл. XLIII.

[75] Айвазян 1976: 312–313.

[76] Мовсес Хоренаци 1991: 230–231; *Иосиф Флавий.* История Иудейской войны. Кн. VII, гл. 7; Манандян 1978: 122. Ср.: возражения К.В. Айвазяна (Айвазян 1976: 315–316).

Аланы (ираноязычное племя сарматского происхождения) кочевали в степях между Доном и Аральским морем, осели на Южнорусской равнине и обитали восточнее Дона до проникновения в Предкавказье в IV в., вошли в состав гуннского союза племен и приняли участие в Великом переселении народов[77]. В степных районах Восточной Европы финноугорские и прототюркские племена, которые хлынули из Сибири, Алтая и Монголии, застали иранское население — сарматов, аланов, роксоланов[78]. Мовсес Хоренаци рассказывает о нападении аланов на Армению, об их поражении, о заключении мира и женитьбе царя Арташеса на аланской царевне Сатиник[79]. Родственники царевны Сатиник Аравелеаны «аланского племени» вошли в состав армянской государствующей элиты, получив сан нахараров[80]. Иными словами, военные конфликты и последующие мирные отношения[81] возобновляют этнические контакты армян с «северным» (ираноязычными) племенами на пороге первого тысячелетия Новой эры.

«История страны Алуанк» (X в.) — История Кавказской Албании написана на древнеармянском языке и входит в круг армянской средневековой литературы[82]. Этот источник содержит уникальные сведения о «северных» племенах VII в. (их военных походах, быте, верованиях), что объясняется географическим положением Алуанка. Северные племена проходили Алуанк, Грузию и Армению через врата Чора, или Чола, которые именовались в армянских источниках «вратами врат», «Каспийскими вратами», «вратами гуннов или хазар» или «вратами Алуанка» — это оборонительные укрепления между Кавказским хребтом и

---

[77] Буданова 2000: 130.

[78] Новосельцев 1990: 81.

[79] Мовсес Хоренаци 1991: 177–179.

[80] Мовсес Хоренаци 1991: 187.

[81] Арташес высказывает желание «взять в жены аланскую царевну и заключить договор и союз с храбрым народом» (Мовсес Хоренаци 1991: 178).

[82] Упоминая о дискуссии по поводу возможной принадлежности «Истории страны Алуанк» к албанской историографии, А.П. Новосельцев отметил, что трудно установить связь между существующим на древнеармянском языке памятником и полностью утраченной литературой на албанском языке (Новосельцев 1990: 31).

Каспийским морем (араб. *Дарбанд* или *Бāб ал-Абвāб*)[83]. В «Истории страны Алуанк» «северные племена» упоминаются иногда как союзники, чаще как враги.

В ранних трудах армянских историографов появляются булгары, басилы, «хоны» и «хазиры» (хазары), аланы и маскуты и другие «северные племена», которые рассматриваются как старые насельники «северных стран». О «северянах» рассказывают Мовсес Хоренаци (V в.), авторы «Бузандарана» (V в.), Себеос (VII в.), «Армянская география» («Ашхарацуйц») Анании Ширакаци (VII в.), Левонд (VIII в.). Себеос именует хазарского хана царём «северных стран» и упоминает, что его «азги» (племена) находятся за Каспийскими воротами[84]. «Армянская география» представляет список народов и племен, связанных с Булгарским и Хазарским союзами (сведения 60–80-х гг. VII в.)[85]. Историк VIII в. Левонд описывает арабо-хазарские войны[86].

Основными источниками Мовсеса Каланкатуаци были памятники V в., Мовсес Хоренаци рассказывает, что при царе Валарше[87]

> …орды объединившихся горцев, а именно хазиров и басилов[88], во главе со своим царем, неким Внасепом Сурхапом, выйдя из ворот Чора, выплеснулись через р. Кур на эту сторону… И хотя армянские храбрецы опрокинули их и обратили в бегство, сам Валарш погиб от рук искусных лучников[89].

На третьем году правления Артабана V (213–226) (последнего представителя парфянской династии Аршакидов в Иране) сын Валарша Хосров совершает поход на эти «могучие племена», побеждает их и берет заложников[90]. А когда Трдат III (287–

---

[83] Мовсес Каланкатуаци 1984: 184–185. Примеч. 45.

[84] История Себеоса 1979: 104; Новосельцев 1990: 30.

[85] Еремян 1963: 55; Новосельцев 1990: 30.

[86] Новосельцев 1990: 30, 139, 167 (примеч. 524).

[87] Собирательный образ царя-устроителя земель, объединяющий нескольких армянских правителей: Арташес I, Тигран II, Трдат I (Новосельцев 1990: 42).

[88] Хазиры и басилы. Хазиры — хазары (здесь возможна интерполяция), басилы — скифские племена из приволжских степей.

[89] Мовсес Хоренаци 1990: 114–115.

[90] Мовсес Хоренаци 1991: 199–200.

330) отправился в Рим, персидский царь Шапух побудил «северян напасть на Армению»[91]. Трдат по прибытии в Армению собрал войско, «спустился на равнину гаргарейцев»[92], где и встретился «с северянами». Именно здесь приведен эпизод с арканом, который позже повторят автор первой части «Истории Тарона» и Мовсес Каланкатуаци: «Царь басилов подбирается к государю [Трдату] вынимает аркан из жил, покрытый кожей и набрасывает на его левое плечо», однако не может сдвинуть исполина, а тот, подтянув к себе царя басилов разрубает его[93]. И «рать его обратилась в бегство», а Трдат, хотя также потерял много воинов гнал «северян» до страны гуннов[94] и, победив, взял заложников. После победы он «объединяет весь Север», и собрав своё войско и сведя «северные» и армянские отряды в единую армию (то есть сделав «варваров» союзниками) он двинулся «на Персидскую страну»[95]. Мовсес Хоренаци вновь рассказывает о нашествии северных племен в 335 г. в дни царя Хосрова (330–338):

> Жители севера Кавказа, узнав о его [Хосрова] малодушии и лености и особенно поддавшись подстрекательствам Санатрука [Санесана], совершившимся по тайному повелению персидского царя Шапуха, объединившись, выступили в поход и огромной толпой до двух десятков тысяч человек достигли середины нашей страны.

Их встретили и разгромили «восточные и западные войска» во главе с Багратом Багратуни и Ваханом Аматуни[96].

Об этой же военной кампании, но гораздо детальнее, в особенности в отношении этниконов различных северных племен,

---

[91] Мовсес Хоренаци 1991: 227; Мовсес Хоренаци 1990: 129. Шапух (Шапур) II (309–379).

[92] В низовьях Аракса и Куры.

[93] Мовсес Хоренаци 1990: 130.

[94] Гунны (арм. *хоны*) — конгломерат иранских, тюркских, финно-угорских и других племен. Во II–IV вв. образовался племенной союз гуннов, которые, разбив готов, заняли территорию от Дона до Карпат. Наибольшего владычества они достигли при Атилле, в V в. угрожали Римской империи. Поражение на Каталаунских полях в 451 г. остановило их продвижение на Запад. В середине V в. союз племен распался (Буданова 2000: 209–210).

[95] Мовсес Хоренаци 1991: 230–231.

[96] Мовсес Хоренаци 1991: 266–267.

пишет и один из авторов «Бузандарана»: «О разбойничьем набеге царя мазкутов на землю, подвластную армянскому царю, о происшедшей большой войне и о том, как он погиб вместе со своим войском». Источник называет «гуннов, похов, таваспаров, хечматаков, ижмахов, гатов и глуаров, гугаров, шичбов и чилбов, и баласичиев и егерсванов, и несметное множество других разношерстных кочевых племен»[97]. Составитель «Истории страны Алуанк» должен был быть хорошо осведомлён о племенах так называемой Азиатской Сарматии, так как они были непосредственными соседями Алуанка[98].

В IV в. племена Гуннского союза финно-угорские и прототюркские пришли в Восточную Европу, где было иранское население и где на протяжении IV–IX вв. шло взаимовлияние и смешение иранского, угорского и тюркского элементов. А.П. Новосельцев отмечает, что гуннские кочевники, занимая удобные для скотоводства земли, не могли и не хотели полностью согнать с этих земель аланов и роксоланов. Аланы сохранились в центральной части Северного Кавказа, а массагеты — в приморской полосе современного Дагестана[99].

«История страны Алуанк» является и политической историей и историей Церкви (церковные предания, которые к X в. образовали концепцию автокефальной Церкви Алуанка). Взаимоотношения с северными племенами — это не только военные конфликты (с басилами, мазкутами, хазарами, гуннами и др.[100]), занимающие значительную часть повествования, но и миссионерская деятельность среди них, а подвиги и страдания проповедни-

---

[97] Фавстос Бузанд 1953: 15. Царь Санесан (Аршакид) правил мазкутами (маскутами или массагетами) — народом скифского происхождения, проживавшим на западном берегу Каспийского моря. Остальные упомянутые в «Бузандаране» племена обитали к северу от Кавказского хребта, на равнине, простиравшейся до Каспийского моря. При царе Трдате II Санесан был правителем ряда областей Великой Армении и как Аршакид мог претендовать на армянский трон (Тер-Саркисянц 2008: 298, коммент. 7–8).

[98] В «Армянской географии» к северу от Кавказа упомянуты басилы, хазары, бшихи (Новосельцев 1990: 30, 80 и след.).

[99] Новосельцев 1990: 81.

[100] Мовсес Каланкатуаци 1983: Кн. I, гл. XIII, XX, XXVII–XXX; Кн. II, гл. IV, IX, XII, XIV–XVI, XXIII, XXVI, XXXVI.

ков составляют основную канву истории алуанкской Церкви[101]. Католикос Григорис погиб от руки мазкутов, которые приняли проповедь христианства за хитрый политический ход, предпринятый для того, чтобы «они не грабили Армению»[102]. После его смерти мазкуты «вновь погрузились в идолопоклонство, совершая поклонение в капищах и начали гонения против христиан». Далее следует рассказ о проповеднической деятельности Месропа Маштоца, который «создал [письмена] для трех народов — армян, алуанцев и иверов» и который будто бы был «апостолом для диких племен горцев»[103], и о его учениках, которые приняли мученическую смерть от тех же варварских племен[104]. Источник называет среди этих племен «росмосоков»[105] и гуннов. Составитель «Истории страны Алуанк» сообщает, что император Ираклий решил «призвать на помощь войска [севера], подрыть великие Кавказские горы, которые защищают Восточный край с севера, открыть врата Чора, провести через них разные восточные народы варварские и с их помощью отбросить персидского царя Хосрова»[106]. А в 626–628 гг. «варварскими» войсками союзников Ираклия, взявшими Тбилиси, командовал Шат, «племянник царя севера». В войске Шата были гунны, хазары (хоны), аланы, роксоланы, мазкуты и, возможно, славяне[107].

Резюмируя вышеизложенное, можно повторить, что армяне дохристианского периода, погруженные в иранский мир как и соседние северные племена были близки к ним по нравам, обы-

---

[101] Мовсес Каланкатуаци 1983: Кн. I, гл. XX, XXII, XXVII–XXX; Кн. II, гл. IV, V, XIV, XV, XXIX, XXXIX–XLIII.

[102] Мовсес Каланкатуаци 1983: 37–40 (Кн. I, гл. XIV).

[103] Мовсес Каланкатуаци 1983: 95–97 (Кн. I, гл. XXVII).

[104] Мовсес Каланкатуаци 1983: 97–99 (Кн. I, гл. XXIX–XXX).

[105] Росмосоки — возможно рос-мосохены. Первая часть этникона (рос) требует уточнения. Мосохены (моссинойки — моссиники) — мощный племенной союз в лесистой горной области на юго-восточном побережье. Понта к юго-востоку от Трапезунда в соседстве с тибаренами и халибами (Буданова 2000: 296–297); Б.А. Арутюнян считает моссинойков и их соседей, соседствующих с Арменией на севере, в бассейне р. Чорох скифскими племенами (Арутюнян 1998: 238, 248).

[106] Мовсес Каланкатуаци 1983: 140–141.

[107] Мовсес Каланкатуаци 1983: 150–160. См. коммент. Ш. Смбатяна (Мовсес Каланкатуаци 1984: 202, коммент. 77).

чаям, методам ведения войны и т.д. Скифы (саки) органично входили в мифологический, топонимический и культурный контекст собственно армянской истории.

В начальной истории Мовсеса Хоренаци отражен комплекс сюжетов и образов доэтногенетического периода и эпохи генезиса армянского народа. Ряд основных мифологем — это борьба астрального лучника и охотника с демоном тьмы; умирающее и воскресающее божество; герой, заключенный в пещеру; легенды о близнецах. Метаистория, существующая вне времени, преобразовывается в историю героического эпоса, а хтонические демоны трансформируются в конкретных врагов, и борьба между Космосом и Хаосом превращается в противостояние «своих» и «чужих». Миф о борьбе астрального героя Хайка против солярного бога семитов Бела переходит в эпос о войне первопредка армянских племен против вавилонского деспота. Миф о войне Арама из потомства Хайка с Баршамином, богом неба и солнца семитов трансформируется в войну эпического героя Арама с сирийцем Баршамином, а затем в борьбу протоармян с Ассирией, Каппадокией, Мидией. Миф об Ара Прекрасном и Шамирам — эпопея о войне царства Урарту (в которое входили и протоармянские племена) с Ассирией. Миф о борьбе бога грома с драконом переходит в эпос об Артавазде и вишапидах (драконидах), то есть о войне армян с мидянами. Основные противники армянских этногонических, а затем и эпических героев — это южные соседи Армении, и потому Армянский Тавр, южная граница Тарона, в то же время отделяет от всей Армении враждебный ей мир. В армянской устной традиции, вошедшей в армянскую историографию, отражена бинарность армянской мифологии и эпоса. В оппозиции «свои» — «чужие» этноним «армяне» (протоармяне, *hayk'*, хаи, что бы этот этноним ни означал на протяжении столетий и даже тысячелетий) безразличен ко времени и пространству в то время как «чужие» в устной традиции, а затем и в письменной меняются вместе со временем (вавилоняне, ассирийцы, мидяне, сирийцы, персы, арабы и т.д.)[108], но редко «северные народы».

«Северные племена» ранних армянских историографов не помещались в жесткие рамки бинарной модели — слишком дли-

[108] Арутюнян 2006: 57–65; Арутюнова-Фиданян 2016: 318–319.

тельным было взаимопроникновение культур на Армянском нагорье, в причерноморских и прикаспийских регионах. Образ «северных варваров» в армянской средневековой историографии был гораздо более сложным и многогранным, чем у греческих, римских и византийских писателей, поскольку его формировали не только представления о врагах, несущих «меч, голод и плен», но и сведения о многовековых соседских, военно-политических, торговых, династических и культурных связах, а также близость мифологических представлений «северных народов» и дохристианской Армении.

Иными словами, негативный образ «северных варваров» не был актуален для утверждения идентичности армянского этноса, прошедшего пик этногенеза в конце первого тысячелетия до н. э. Самосознание армян основывалось на общности происхождения, языка и территории, преемственности государственно-политических образований, на верованиях, культурных традициях, обычаях и исторической памяти.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абаев 1989 — *Абаев В.И.* Нартовский эпос осетин // Нарты. М., 1989.

Айвазян 1976 — *Айвазян К.В.* «История Тарона» и армянская литература IV–VII веков. Ереван, 1976.

Акопян 1987 — *Акопян А.А.* Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1987.

Амаякян 1990 — *Амаякян С.Г.* Культ божества Куэра-Куар на Армянском нагорье // Историко-филологический журанл. 1990. № 1. С. 152–167 (на арм. яз.).

Аракелян, Арутюнян 1966 — *Аракелян Б.Н., Арутюнян Н.В.* Урартская клинописная надпись из Гарни // Историко-филологический журнал. 1966. № 2. С. 290–297.

Арутюнова-Фиданян 2003 — *Арутюнова-Фиданян В.А.* Родовое предание и ранняя историография: «вторичный эпос» // ДГ. 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2003. С. 9–27.

Арутюнова-Фиданян 2008 — *Арутюнова-Фиданян В.А.* Божество грома в Тароне // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2008. Сер. III. № 4 (14). С. 11–25.

Арутюнова-Фиданян 2012 — *Арутюнова-Фиданян В.А.* Божество Куар и «северные племена» // Цивилизация и варварство: Трансформация понятий и региональный опыт / Отв. ред. В.П. Буданова. М., 2012. С. 266–296.

Арутюнян 1998 — *Арутюнян Б.А.* К вопросу об этнической принадлежности населения бассейна реки Чорох в VII–VI вв. до н.э. // Историко-филологический журнал. 1998. № 1–2. С. 233–246.

Арутюнян 2006 — *Арутюнян Н.В.* Биайнили — Урарту. Военно-политическая история и вопросы топонимики. СПб., 2006.

Бибиков 1982 — *Бибиков М.В.* К изучению византийской этнонимии // Византийские очерки: Труды советских ученых к XVI международному конгрессу византинистов. М., 1982. С. 148–156 (9).

Буданова 2000 — *Буданова В.П.* Варварский мир эпохи великого переселения народов / Отв. ред. В.И. Уколова. М., 2000.

Грантовский 2007 — *Грантовский Э.А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 2007.

Джаукян 1964 — *Джаукян Г.Б.* Хайасский язык и его отношение к индоевропейским языкам. Ереван, 1964.

Джаукян 1988 — *Джаукян Г.Б.* О соотношении хайасского и армянского языков // Историко-филологический журнал. 1988. № 1. С. 60–79.

Доватур, Каллистов, Шишова 1982 — *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М., 1982 (Древнейшие источники по истории народов СССР).

Ельницкий 1977 — *Ельницкий Л.А.* Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977.

Еремян 1939 — *Еремян С.Т.* Моисей Каланкатуйский о посольстве к хазарскому хакану Алп-Илитверу // Записки Института востоковедения АН СССР. М.; Л., 1939. Т. VII. С. 129–155.

Еремян 1958 — *Еремян С.Т.* Раннефеодальные государства Закавказья в III–VII вв. // Очерки истории СССР: Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III–IX вв. / Отв. ред. акад. Б.А. Рыбаков. М., 1958. С. 167–242, 303–330.

Еремян 1963 — *Еремян С.Т.* Армения по «Ашхарацуйцу» (Армянская география VII в.). Ереван, 1963 (на арм. яз.).

Еремян 1965 — *Еремян С.Т.* Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. Киев, 1965. С. 151–160.

Еремян 1970 — *Еремян С.Т.* Процесс формирования армянского народа // Историко-филологический журнал. 1970. № 2. С. 27–56 (на арм. яз.).

Еремян 1971 — *Еремян С.Т.* Союз армянских племен в стране Арме-Шуприя // История армянского народа. Ереван, 1971. Т. I. С. 230–245 (на арм. яз.).

Ернджакян 1980 — *Ернджакян Н.В.* О некоторых космологических представлениях армян // Историко-филологический журнал. 1980. № 3. С. 268–273.

Есаян 1976 — *Есаян С.А.* Древняя культура племен северо-восточной Армении. Ереван, 1976.

Замятин 2015 — *Замятин Д.Н.* Образ Скифии: Пространство и наследие // Скифия: Образ и историко-культурное наследие. Материалы конференции 26–28 октября 2015 года / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М., 2015. С. 37–41.

Иванов, Топоров 1974 — *Иванов В.И., Топоров В.Н.* Исследование в области славянских древностей. М., 1974.

Иванов 1981 — *Иванов Вяч. Вс.* Славянский, балтийский и раннебалтийский глагол. М., 1981.

Иванов 1983 — *Иванов Вяч. Вс.* Выделение разных хронологических слоев в древнеармянском и проблема первоначальной структуры текста гимна Ва(х)агну // Историко-филологический журнал. 1983. № 4. С. 22–43.

Иоанн Мамиконян 1941 — *Иоанн Мамиконян.* История Тарона. Ереван, 1941 (на арм. яз.).

Исраелян 1980 — *Исраелян А.Р.* Следы культа близнецов в древней Армении // Историко-филологический журнал. 1980. № 3. С. 216–228 (на арм. яз.).

История Себеоса 1979 — История Себеоса. Сводный критический текст, предисл. и коммент. Г.В. Абгаряна. Ереван, 1979 (на арм. яз.).

Капанцян 1947 — *Капанцян Г.А.* Хайаса — колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. Ереван, 1947.

Капанцян 1956 — *Капанцян Г.А.* К начальной истории армян. Древняя Малая Азия // Историко-лингвистические работы. Ереван, 1956. Т. 1. С. 5–265.

Кляшторный 2000 — *Кляшторный С.Г.* «Народ Аспаруха», гунны Кавказа и древнетюркский Олимп // ДГ. 1998 год: Памяти чл.-корр. РАН А.П. Новосельцева / Отв. ред. Т.М. Калинина. М., 2000. С. 120–125.

Маняндян 1978 — *Манандян Я.* Труды. Ереван, 1978. Т. II (на арм. яз).

Марр, Смирнов 1931 — *Марр Н.Я., Смирнов Я.И.* Вишапы. Л., 1931 (Труды Государственной академии истории материальной культуры. Т. 1).

Мелетинский 1976 — *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М., 1976.

Мелик-Оганджанян 2006 — *Мелик-Оганджанян К.* Армянская народная эпическая поэзия. Ереван, 2006.

Меликишвили 1953 — *Меликишвили Г.А.* К интерпретации урартской надписи Мхер-капуси // Сообщения АН Грузинской ССР. 1953. Т. XIV. № 3.

Меликишвили 1954 — *Меликишвили Г.А.* Наири — Урарту. Тбилиси, 1954.

Меликишвили 1960 — *Меликишвили Г.А.* Урартские клинописные надписи. М., 1960.

Меликсет-Беков 1947 — *Меликсет-Беков Л.М.* Вишапы и вишапоиды Грузии // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1947. Вып. 15. С. 27–37.

Мовсес Каланкатуаци 1983 — *Мовсес Каланкатуаци*. История страны Алуанк / Критич. текст и предисл. В.Д. Аракеляна. Ереван, 1983 (на др.-арм. яз.).

Мовсес Каланкатуаци 1984 — *Мовсес Каланкатуаци.* История страны Алуанк / Пер. с др.-арм., предисл. и коммент. Ш.В. Смбатяна. Ереван, 1984.

Мовсес Хоренаци 1990 — *Мовсес Хоренаци*. История Армении / Пер. с др.-арм., введение и примеч. Г.Х. Саркисяна. Ереван, 1990.

Мовсес Хоренаци 1991 — *Мовсес Хоренаци*. История Армении / Критич. текст и предисл. М. Абегяна и С. Арутюняна. Факсимильное изд. с доп. А.Б. Саргсяна. Ереван, 1991.

Новосельцев 1990 — *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Петросян 2002 — *Петросян А*. Армянский эпос и мифология. Истоки. Миф и история. Ереван, 2002.

Пиотровский 1939 — *Пиотровский Б.Б.* Вишапы. Каменные статуи в горах Армении. Л., 1939.

Раевский 2006 — *Раевский Д.С.* Мир скифской культуры. М., 2006.

Тер-Саркисянц 2008 — *Тер-Саркисянц А.Е.* История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в. М., 2008.

Успенский 1982 — *Успенский Б.А*. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.

Фавстос Бузанд 1953 — *Фавстос Бузанд*. История Армении / Пер. с др.-арм. и коммент. М.А. Геворгяна / Под ред. С.Т. Еремяна. Ереван, 1953.

Фрейденберг 1936 — *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы. Л., 1936.

Шукуров 2010 — *Шукуров Р.М.* Земли и племена: византийская классификация тюрок // Византийский временник. 2010. Т. 69 (94). С. 132–163.

Diakonoff 1981 — *Diakonoff I.M.* Evidence on the Ethnic Division of the Hurrians // Studies on the Civilization and Culture of the Hurrians. In Honor of E.R. Lacheman. Winona Lake (Indiana), 1981. P. 77–89.

Lechner 1954 — *Lechner K.* Hellenen und Barbaren im Weltbild der Byzantiner. München, 1954.

А.В. Акопян

О ЛОКАЛИЗАЦИИ НЕКОТОРЫХ МОНЕТНЫХ ДВОРОВ В АРМЕНИИ И КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

VIII – НАЧАЛО XIV ВЕКА*

Аннотация: В статье обобщаются сведения о новых локализациях и чтениях названий монетных дворов, работавших на территории исторической Армении и Кавказской Албании с VIII в. до начала XIV века. Чтение монетного двора на омейядском дирхаме 89/708 г. как *Албанāḳ* и отнесение его к Кавказской Албании указывается как возможное, но требующее дополнительного подтверждения из других письменных источников, надежно соотносимых с этим регионом. Приводятся пять локализаций для монетного двора *Арминиййа* омейядского и аббасидского времени. Это Дамаск (монеты 78/697–98 г.; возможно, в Дамаске были сделано только штемпели для этих монет), Двин (в 81–256/700–870 и 277–332/890–944 гг.), возможно, Амида (или где-то в области Алдзникʿ, в 261–277/874–891 гг.), скорее всего, Бардаʿа (в 265–277/878–891 гг.) и, возможно, где-то в области Васпуракан (замок Даройнкʿ или о. Ахтамар?, в 355/966 г.; более точная локализация затруднительна ввиду мобильности столицы Васпураканской Армении). Исправлено общепринятое, но неверное чтение монетного двора *Маʿдин Бāджунайс*: его корректное чтение — *Маʿдин Бāḫунайс*, а локализация — в армянской области Апаhунес. Констатируется отсутствие уверенности в отождествлении раннемонгольского монетного двора *Бӯбӯ* с топонимом Бавонкʿ в области Арагацотн. Доказывается, что локализация хулагуидского монетного двора *Пол-и Āрас* («Мост через Аракс») должна связываться не с Нахичеваном, но с двумя крупнейшими инженерными сооруже-

* Я благодарен В.Н. Настичу (ИВ РАН), А.Р. Варданяну (ИВ НАН РА) и П.Б. Лурье (Государственный Эрмитаж) за ознакомление с рукописью статьи и сделанные ими дополнения. Тем не менее, за все ошибки в статье ответственность несет только автор.

ниями через эту реку — Ходаферинскими мостами, интенсивно использовавшимися в указанное время.

Ключевые слова: нумизматика, топонимика, монетный двор, Армения, Кавказская Албания, арабские источники.

Особенности классической исламской монетной практики, связанные с аккуратным датированием монет, указанием на них монетного двора (иногда и его регионального подчинения), а также богатой просопографической информацией на монетах, делают мусульманские монеты уникальными по своей информативности источниками. Однако специфика средневекового арабского монетного письма, в котором никогда не использовались смыслоразличительные точки при буквах (*и'джāм*), существенно затрудняет задачу восстановления чтения топонимов. В то же время, особое внимание к корректному чтению монетных топонимов связано с потенциалом их использования в качестве важнейшего инструмента при определении границ государств с развитой монетизированной экономикой (или валютных зон внутри него) и даже наблюдения за погодовой динамикой этих границ, что достигается очерчиванием области суперпозиции эмиссионных центров[1]. Важность и уникальность информации, полученной из анализа географического положения монетных дворов, является причиной давнего и пристального интереса к критическому исследованию монетных топонимов и их каталогизации.

Длительная традиция списков такого рода, разрозненных по изданиям, посвященным нумизматике различных мусульманских династий, была впервые подытожена Э. фон Цамбауром в специальном исследовании 1968 года[2]. Эту работу продолжил Г.И. Джапаридзе, выпустивший в 1982 и 1984 гг.[3] дополнения к работе фон Цамбаура. Недавнее трехтомное издание "Islamic Mints", опубликованное О. Дилером в 2006 г.[4], систематизировало накопленные знания о монетных дворах в исламском мире, об их местоположении и продукции. Однако с момента выхода этого издания (содержащего, к сожалению, немалое число неточно-

[1] См. пример такого исследования: Акопян 2010.
[2] von Zambaur 1968.
[3] Japaridze 1982; Джапаридзе 1984.
[4] Diler 2006.

стей и пробелов) появилась необходимость в обобщении уточнений для чтений и новых локализаций монетных дворов. Предлагаемая работа ограничена географическими рамками территории исторической Армении и кавказской Албании и охватывает период от арабского завоевания до коллапса монгольского государства Ильханов, последовавшего за смертью Абу Саʿида Хулагуида в 1336 году[5].

Омейядский монетный двор *Албанаḳ*?

Интересная версия не идентифицированного ранее монетного двора السى *ан-Нӣḳ* на омейядском дирхаме 89/708 г.[6] (Илл. 1) была предложена С. Албумом, который — в отличие от предыдущих исследователей — предложил читать этот монетный двор

Илл. 1.

Омейяды, время ал-Валида I, дирхам (2,82 *г*),
монетный двор السى, 89 г.х.[7].

---

[5] Уместно упомянуть здесь и другие новые работы по локализации монетных дворов в Закавказье и прилегающих регионах, посвященные раннемонгольским дворам *Ḳарабāг* и *Лачӣн* (Akopyan 2015), позднехулагуидским дворам *Аджанāн* / *ал-Джанāна*[m], *Алāкӣз* / *Алакӣз*, *Алатāḳ*, *Гарнӣ*, *Ḳарабāг*, *Ḳара Āгāч* / *Ḳара Аг̣āч*, *Кāрбӣ* и *Маʿдан* (Акопян 2010; Акопян 2015; Akopyan, Mosanef 2015; надо отметить, что несколько монетных дворов позднехулагуидского времени — *Ḳарх̣ӣ* / *Ḳарджӣ*, *Ḳарджӣн*, *Кулиставāн*, *Лиḳахӣн*, чья продукция частотна именно в закавказских кладах, все еще не имеют подтвержденного чтения и никак не локализованы), сефевидским монетным дворам *Кāхед* (Акопян, Алексанян 2015) / *Кāхетāбāд* (Paghava 2017) и *Дāдӣāн* (Пагава 2013; Akopyan 2016).

[6] Здесь и далее через дробь приведены года лунной хиджры и соответствующие им года н.э.

[7] Baldwin's Auctions Ltd, Islamic Coin Auction 27, lot 45.

как *Албанак* и отождествил его с названием Кавказской Албании[8]. Чтобы выяснить, так ли это, необходимо обратиться к тому, как название Кавказской Албании могло передаваться в раннеарабскую эпоху.

По всей видимости, самой ранней формой корня слова *Албания* являлась форма **aL^{w} (где L^{w} — некий лабиализованный латеральный, частый среди нахско-дагестанских языков)[9], которая позднее была оформлена при помощи иранского суффикса в виде *aL^{w}-an. Такая форма была отражена в армянском как Աղուանք (*Алӯ-ан-к'*)[10], а в парфянском, не различавшем на письме *л* и *р*, — как ’RD’N (*Ард-ān* или *Арδ-ān*)[11]. Эти две передачи дали начало двум отдельным «ветвям» эволюции топонима. Одна ветвь начинается от парф. *Ард-ān* / *Арδ-ān*[12], от которого произошли сир. ܐܪܢܐ (*Ārān*) и перс. ’R’N (*Ārān*)[13]. После раздела Армении в 387 г. в состав Кавказской Албании были включены восточные земли Армении (края Арцах, Утик и частично Пайтакаран), которые позднее назывались армянским историками *Арʼан* (арм. Առան), в противоположность старой территории Албании, называвшейся в армянских источниках Собственно Албанией — арм. Բուն Աղուանք (*Бун Алӯанк'*)[14]. Персидская форма *Ārān* была скопирована арабами (اران *Ārān*, позднее орфографически оформ-

[8] Album 2010: 40.

[9] Муравьев 1997: 40.

[10] Армянские летописцы традиционно возводят этот топоним к эпониму арм. Աղու (*Алӯ*) со значением «сладкий», однако такое личное имя неизвестно в армянском ономастиконе.

[11] KKZ; KSM; KNRu; ŠKZ, строка 2. В надписи Накш-е Ростам шах Шапур I (239–270) упоминается как правитель (наряду с прочими) областей «до Кавказских гор и ворот Албании» (эти же ворота известны были Тациту как *claustra Casparum*; это — дербентские проходы, но не Дарьял, *contra* Тревер 1959: 122–125). В этой надписи Албания написана как ’LD’N (Арδān) в парфянской части и ’Αλβανία — в греческой.

[12] См. KSM 18 (в надписи Картира конца III в. топоним *Албания* указан в формах ’L’N и ’LD’N) и KNRb 39. Форма ’LD’N использована и на сасанидской печати *зарбеда* Армении, Албании, Вирузана (Восточная Грузия), Сисагана (Сюник') и области Несаван (Гулʼарк'?); см.: Gyselen 2002: 79; Хуршудян 2003: 230.

[13] Монетный двор ’L’N указан на монете Кавада I (488–531) 35 года правления (496/7); см. Хуршудян 2003: 190.

[14] Еремян 1963: 105.

лен артиклем как الران *ар-Рāн* или ارّان *Аррāн*) и использовалась для наименования части арабской провинции *Арминийя* с центром в Партаве (араб. *Бардa‘a*^{m}).

В свою очередь, арм. Աղուանք *Алуанк‘* было заимствовано в греч. ’Αλβάνοι (продолжено в лат. *Albani*), из которого с проникновением христианства в Закавказье вернулось сюда в форме перс. ’LB’N (*Āлбāн*)[15]. По всей видимости, именно эта форма дала начало таким местным арабографическим вариантам как البن *Алпан* (в «Дарбанд-наме»)[16] и البان *Албāн* (у ал-Балазури и Ибн Хордадбеха)[17]. Возможно, местный вариант البن *Алпан*, производный от ближайшей ко времени арабского завоевания персидской формы ’LB’N, мог послужить основой для названия монетного двора البنق. Финальный формант *-к* (или *-ка*?) может быть здесь не столько отражением армянского продуктивного суффикса множественного числа *-к‘*, сколько передачей раннеперсидского суффикса *-к(а)*, участвовавшего в образовании разных местных топонимов — например, названия столицы Албании *Кабалака* (*Cabalaca* у Плиния, арм. Կապաղակ *Капалáк*), или же арабского названия Кавказа القبق[18]. Однако однозначное прочтение монетного двора السو в виде *Албанак* (или *Албанака*) до находки каких-либо других письменных источников, фиксирующих именно такую форму топонима и надежно относимых к Кавказской Албании, как нам кажется, пока преждевременно.

Впрочем, если البنق действительно является раннеарабским названием Кавказской Албании, то в качестве локализации этого монетного двора можно указать только на столицу Албании — упоминавшуюся выше Кабалаку[19]. Примечательно, что на ближайших к Кабалаке монетных дворах Закавказья денежная эмис-

---

[15] Именно такое написание топонима приведено в титулатуре Великого католикоса Албании и Баласагана, датирующейся VI–VII вв. (Колесников 1985; Гаджиев 2004).

[16] Klaproth 1829: 443.

[17] Аликберов 2003: 81.

[18] Аликберов 2003: 119. Надо отметить, что самоназвание Кавказской Албании не известно.

[19] В 15 *км* от города Габала (Qəbələ) на севере Азербайджана. Монетный двор в Кабалаке работал и в античности — здесь в II–I вв. до н.э. чеканились монеты, подражавшие выпускам Александра Великого и Лисимаха (Бабаев, Казиев 1971).

сия началась в те же годы: в Двине в 81/700–01 г. (монетный двор *Армӣнийя*, см. далее), в Тбилиси в 85/704 г. (монетный двор *Тифлӣс*), в Партаве в 89/707–08 г. (монетный двор *Аррāн*), в Гандзаке в 90/708–09 г. (монетный двор *ал-Джанза*^{m}) и в Дербенде в 93/711–12 г. (монетный двор *ал-Бāб*). В этой хронологически и территориально выстроенной схеме продвижения арабской экспансии и послереформенных монет из Двина до Дербенда логичными могут выглядеть и появление монетной чеканки в Кабалаке в 89/707–08 г. (одновременно с чеканкой в Партаве), и выбор для указания монетного двора областного наименования, как это было сделано для монетных дворов *Армӣнийя* и *Аррāн*.

Пять локализаций монетного двора *Армӣнийя*

В работе А.Р. Варданяна, посвященной анализу местонахождения монетных дворов *Армӣнийя* омейядского и аббасидского времени, впервые были разделены пять разных мест чеканки монеты с обозначением этого монетного двора.

1) Штемпели для исключительно редких монеты *Армӣнийя* 78/697–98 г. (Илл. 2) и для монет других монетных дворов этого года, обладающих одинаково своеобразными эпиграфическими признаками (ср. Илл. 2 и 3), скорее всего, были произведены в столице халифата Дамаске в качестве образцов для утверждения нового типа, который был введен в следующим году по всему халифату. Где были чеканены сами монеты — неясно, поскольку высказаны сомнения в обладании арабами Двином в 697 году[20].

2) Монеты 81–256/700–870 и 277–332/890–944 гг. с указанием монетных дворов *Армӣнийя* (Илл. 3) или *Дабӣла* (Илл. 4), которые чеканились в Двине.

3) Монеты 261–277/874–891 гг. с указанием монетного двора *Армӣнийя* и именем претендента на престол ал-Муфаввида чеканились, скорее всего, в Амиде или где-то в области Алдзникʿ (Илл. 5).

4) Монеты 265–277/878–891 гг. с указанием монетного двора *Армӣнийя* (в том числе со словом *Барда'а*^{m} под центральной

[20] Vardanyan 2014: 9–10.

легендой оборотной стороны) и именем претендента на престол ал-Муваффаḳа чеканились предположительно в Барда‘а (Илл. 6).

5) Монета 353/964 г. с указанием монетного двора *Армӣниййа* (Илл. 7), выпущенная Саларидом Абӯ Исḥаḳом Ибрāхӣмом б. Марзубāном с указанием имени фатимидского халифа ал-Му‘изз ли-Дӣн Аллāха предположительно могла быть отчеканена где-то в области Васпуракан (крепость Даройнкʿ или о. Ахтамар; более точная локализация чеканки в Васпураканской Армении невозможна ввиду мобильности ее столицы). Основанием для такого предположения может служить то, что в 960–965 гг. Ибрāхӣм укрывался у васпураканского царя Дереника Арцруни (943–958), в то время как Двин был в руках другой ветви Саларидов, упоминавшей на монетах багдадских халифов[21].

Илл. 2.

Омейяды, время ‘Абд ал-Малика, дирхам (2,77 *г*), Армӣниййа, 78 г.х.[22].

Илл. 3.

Омейяды, время ‘Абд ал-Малика, дирхам (2,62 *г*), Армӣниййа, 81 г.х.[23].

[21] Vardanyan 2014: 9–14.
[22] Morton & Eden Ltd, Auction 79, lot 28.

Илл. 4.

Омейяды, время ‘Абд ал-Малика,
дирхам (2,83 *г*), Дабӣл, 85 г.х.[24].

Илл. 5.

Аббасиды, ал-Му‘тамид, дирхам (4,69 *г*)
с именами претендента ал-Муфаввида и наместника Аḥмада,
Армӣнийя, 276 г.х.[25].

[23] The New York Sale, Auction XIV, lot 507; Morton & Eden, Auction 69, lot 12.

[24] Stephen Album Rare Coins, Auction 28, lot 249.

[25] https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=109002.

Илл. 6.

Аббасиды, ал-Му‘тамид, дирхам (3,11 *г*)
с именем претендента ал-Муваффаḳа и со словом *Бардӯа‘а*[m] на об.с.,
Армӣнийя, 277 г.х.[26].

Илл. 7.

Салляриды, Абӯ Исх̣аḳ Ибрāхӣм б. Марзубāн, динар (3,77 *г*)
с именем фатимидского халифа ал-Му‘изз ли-Дӣн Аллāха,
Армӣнийя, 353 г.х.[27].

[26] https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=23512.
[27] Morton & Eden Ltd, Auction 27, lot 296.

Ма‘дин Бāḫунайс в Апаhунесе (Апаhуник‘е) и четыре его названия

В недавней работе М. Бейтса[28] была предложена единая локализация для четырех монетных дворов — *Хāрӯнāбāд* (168–169/784–786 гг.), *ал-Хāрӯнийййа* (169–171/785–788 гг.), *ал-Муḥаммадийййа*-«Вторая» (171–190/787–806 гг.)[29] и *Ма‘дин Бāджунайс* (190–216/805–832 гг.) (Илл. 8–11). Первые два названия монетного двора обязаны своим появлением наместнику Харуну — правителю северо-западных областей халифата, сыну ал-Махди и будущему халифу ар-Рашиду (786–809), название же *ал-Муḥаммадийя* было дано Харуном монетному двору в честь рождения наследника — Мухаммада, будущего халифа ал-Амина (809–813), и только последнее название является отражением оригинального топонима.

Илл. 8.

Аббасиды, время ал-Махди, дирхам (2,88 *г*)
с указанием престолонаследника (Хāрӯна), именем наместника
Ḥасана и названием провинции *Армāнийййа* на об.с.,
Хāрӯнāбāд, 169 г.х.[30].

[28] Bates 2011.

[29] Названной так для ее отличия от давно известной *ал-Муḥаммадийййи*-«Первой», как именовался *ар-Райй* (Рей, совр. Тегеран).

[30] Stephen Album Rare Coins, Auction 19, lot 361.

Илл. 9.

Аббасиды, время ал-Хади, дирхам (2,86 *г*),
с указанием престолонаследника (Хāрӯна)
и именами наместников Ибрахӣма и Джарӣра,
ал-Хāрӯнийййа, 170 г.х.[31].

Илл. 10.

Аббасиды, время ар-Рашида, дирхам (2,79 *г*)
со словами *салāм* и *ḏард* на об.с.,
ал-Муҳаммадийййа-II, 174 г.х.[32].

[31] Stephen Album Rare Coins, Auction 19, lot 361.
[32] Stephen Album Rare Coins, Auction 22, lot 246.

Илл. 11.

Аббасиды, время ал-Ма’муна, дирхам (2,88 *г*)
с именем наместника Ҳалида б. Йазӣда,
Ма‘дин Бāҳунайс, 216 г.х.[33].

Впрочем, чтение монетного двора *Ма‘дин Бāджунайс*, традиционно используемое нумизматами[34], требует уточнения. Такое чтение базируется на графической передаче топонима без указания *и‘джāма* при третьем *харфе* (باحنس) в «Словаре стран» Йā’ḳӯта ал-Ҳамавӣ (XIII в.)[35]:

باجنيس: بفتح النون والسين مهملة؛ كذا وجدته بخط أبي الفظل العباس بن علي الصولي المعروف بابن برد الحيار مضبوطا: وهو بلد قديم يذ كر مع أرجيش من أعمال خلاط وهو من أرمينية الرابعة؛ فتحها عياض بن غنم ، وهي في الإقليم الجمس؛ طولها سبعون درجة ونصف ، وعرضها أربعون درجة وسدس. وقال مسعر بن مهلهل: باجنيس بلد بني سليم، بها معدن الملح الأندراني ومعدن مغنيسيا ومعدن نحاس، وبها منبت الشيخ الذي يستخرج الدود والحيات من الجوف، إلأ أن التركي خير منه. وبها أبسنتيس أستوخودوس.

[33] Stephen Album Rare Coins, Horizon Auction 1, lot 306.

[34] Leggett 1885: 14; Vasmer 1931: 56–75; von Zambaur 1968: 244; Vardanyan 2011: 92–102. У О. Дилера (Diler 2006) этот монетный двор пропущен.

[35] Йā‘кут ал-Ҳамавӣ 1977: 314.

> Бāджунайс: *нӯн* с фатḥой, а *сӣн* без точек; вот что я нашел в писании Абӯ-л-Фадла ал-ʿАббāса б. ʿАлӣ аṣ-Ṣӯлӣ, известного как Ибн Бард ал-Ḫийар: это древняя страна, упоминаемая вместе с Арджӣшем [арм. Арчʿеш] из области вокруг Ḫилāṭа [арм. Хлатʿ] из Четвертой Армӣнийии; она была завоевана арабами под предводительством ʿАйāда б. Ґанама; она лежит в пятом климате, ее протяжённость 70½ градусов, а ширина $40^1/_6$ градусов. Масʿар б. Мухалхил сказал: Бāджунайс — земля Бану Сулайм, [здесь] копи (معدن) соли *ал-андарāнӣ*[36], рудник (معدن) магнезии, рудник (معدن) меди, и здесь живут старики, которые [добывают] экстракт [из] червей[37] и змей из пещер, однако тюркский [экстракт] лучше этого; а также здесь [собирают] полынь[38] и лаванду.

Известно, что одним из основных источников информации Йāʾḳӯта была «Книга налогов» Ḳудамы б. Джаʿфара (ок. 259/872 – 320/932 или 336/948 гг.), где рассматриваемый пункт упомянут среди *провинций* (sic!) *Армӣнийии*[39]. По-видимому, именно *lapsus calami* Ḳудамы мы обязаны появлению топонима в форме *Бāджунайс*.

Простое сопоставление делает очевидным, что армянское название провинции **Ապահունեաց** *Апаhунес* (или, чаще, в форме **Ապահունիք** *Апаhуник*ʿ)[40], находящейся как раз к северу от озера Ван (как и Арчʿеш и Хлатʿ), должно было быть выбрано историками и нумизматами для чтения монетного двора, передаваемого на монетах куфическим письмом без диакритики. Эта ошибка присуща и общегеографическим работам — так, несмотря на то

---

[36] Вид столовой соли (ат-Тамӣмӣ: «… и о соли — есть разновидность, известная как *ал-андарāнӣ*, и она же называется *тоборзад* в Ираке. Люди говорят, что она привозится из деревни в аш-Шаме [Сирия], известной под названием Андара. Она блестяще-белого [цвета] и включает в себя множество блестящих и липких [крупинок]»; см.: Amar 1998: 3).

[37] Здесь речь идет о знаменитой армянской кошенили *Porphyrophora hamelii* (*арм.* **որդան կարմիր** *вордан кармир*), веками использовавшейся для получения красного пигмента.

[38] Важная добавка в пасты, клеи и лаки, использовавшиеся при написании манускриптов (Gacek 2008: 6).

[39] Ḳудама б. Джаʿфар 1981: 326.

[40] Акопян, Мелик-Бахшян, Барсегян 1986: 305. Армянский топоним восходит к урартской форме Апуни (орфогр. Apu-uni), см.: Капанцян 1975: 65, 75.

что еще А.Н. Тер-Гевондян (возможно, впервые) указал на тождество *Апаhунис* = *Бāхунīс* = *Бāхунайс*[41], авторы словаря армянских топонимов некритически привели две статьи — «Апаhуникʿ» и «Баджунайс»[42]. На самом деле необходимость замены диакритической точки в сообщениях Ḳудамы и Йāʾḳута является очевидной, и в названии монетного двора معدن باحنس топоним следует читать не как باجنيس *Бāджунайс*, но как باحنيس *Бāхунайс* (см. далее), на что без сомнения указывает исходный армянский топоним Ապահունես *Апаhунес*.

Связь названий *Апаhунес* и *Бāхунайс* прозрачна, а правила образования этой арабографической формы обычны для передачи армянских и ираноязычных слов. Кажущаяся нетривиальность в отсутствии начального [а], который должен был бы передаваться *алифом*, имеет широкие аналогии в арабском отражении хорасанских топонимов — например, *Абīвард* (известен в формах ابيورد, بيورد и باورد) или *Абаркат*, писавшихся как с начальным *алифом*, так и без него[43]. Армянское и персидское [п] могло передаваться буквами ب *бā* или ف *фā*[44], и выбор первого варианта также предсказуем[45]. Несколько необычным является отражение на монетах армянского [h] не через ه, как следовало бы ожидать, а посредством графемы ح — то есть либо ح *ḥā*, либо خ *ḫā*. Второй вариант весьма маловероятен, поскольку буква خ в то время уже систематически использовалась для отражения армянского խ [χ] (Խլաթ *Хлатʿ* < خلاط, Կամախ *Камах* < كمخ, Խարբերդ < *Харберд* خربرت и т.п.) и аналогичного персидского звука [χ] (например, خراسان *Ḫурāсāн*). В тоже время фонема, сопоставимая с араб. ح *ḥā*, в армянской традиции передавалась через [h], напр.: Ջահապ *Джаhап* < جحاف *Джаḥḥāф*[46] (аналогично и в персидском, ср. отражение перс. *беh* на аббасидских монетах

[41] Ter-Ghewondyan 1977: 41.

[42] Акопян, Мелик-Бахшян, Барсегян 1986: 305.

[43] Lurje 2001: 24.

[44] Lurje 2001: 23.

[45] Возможно, выбор этот был сделан под воздействием лабиальности в произношении *Апаhунис* / *Абаhунис*, учитывая переход [п] < [б] в западноармянских диалектах.

[46] Canard 1975–1976: 204.

в виде بح, что в совр. орфографии به)[47], что делает возможным и обратную связь. Поэтому, выбор между ح и خ, использовавшимися для передачи հ [h], скорее всего будет в пользу первой буквы. Что же касается дифтонга [ай], то это обычное отражение [е], как во множестве арабско-согдийских аналогий[48].

Таким образом, все говорит в пользу того, что единственно верной должна быть признана форма باحنيس *Бāḫунайс*, практически точно отражающая армянский топоним Ապահունեն *Апаһунес* — область с центром в Маназкерте (араб. منازجرد, греч. Μανζικέρτ, совр. тур. *Malazgirt*). Любопытно, что Йāʼḳут, перечисляя рудники *Бāḫунайса*, не называет среди них серебряных. Однако имеется сообщение армянского историка VIII в. Гевонда о том, что во время халифа ал-Махди (775–785) «в армянском крае были обнаружены серебросодержащие горы»[49] (первые монеты в *Хāрӯнāбāде* начинают чеканиться именно в 168 г.х. / 784–785 г.), а также указание ал-Иṣṭаḫрӣ на существование рудников золота, серебра, меди и железа в Тароне (область, сопредельная *Апаһунесу*)[50]. Возможно, именно из таронского рудника добывалось серебро для монет *Маʼдин Бāḫунайса*, поскольку никаких следов от рудников именно в *Апаһунесе* не сохранилось[51].

В конце наместничества Харуна здесь был размещен военный гарнизон для охраны границы с Византией, а также вылазок на ее территорию (известны два византийских похода Харуна до его восшествия на халифский престол — в 780 и 782 гг.)[52]. Здесь же был организован монетный двор, по всей видимости, исключительно для выплаты жалования военным. О такой цели созда-

---

[47] Nastich 2010: 2.

[48] Lurje 2001: 24.

[49] Гевонд 1982: 123.

[50] Цит. по: Vryonis 1962: 7.

[51] А.Н. Тер-Гевондян уверенно локализовал *Бāḫунайс* в Маназкерте (Ter-Ghewondyan 1977: 207), но надо отметить, что ни работы археологов, ни современные геологические разыскания не фиксируют в области Маназкерта рудников металлов; см., например, сайт Генеральной дирекции исследования и разведки минеральных ресурсов Турции: http://www.mta.gov.tr/v2.0/eng/maps.php?id=mineral-maps-provinces.

[52] М. Бейтс прямо указывает на размещение здесь хорасанских военных, с которыми связывает первую (персидскую) форму названия монетного двора *Хāрӯнāбāд*.

ния монетного двора говорит и практически полное отсутствие чеканки на нем медных монет: несмотря на упоминание Йāʾкута о медном руднике здесь, фельсы, предназначенные для обслуживания внутрирегиональной торговли, производились здесь только в самом начале деятельности монетного двора (монеты *ал-Хāрӯнийийи*, 169–171/785–787 гг.).

В период чеканки аббасидских монет (784–832 гг.) *Апаһунес*, проход к нему из Джазиры и далее в Арзарум / Карин, был одним из трех субрегионов провинции *Армāнийийа*, располагавшихся на территории исторической Армении (наряду с долинами Аракса и куро-араксинским междуречьем), где прочно закрепились арабы и куда распространялась власть халифского наместника[53]. Местными эмирами были представители арабского рода Джахха́фидов[54]. Однако, несмотря на то что сама область *Апаһунес* была во владении джаххафидских эмиров, во главе монетного двора *Маʿдин Бāхунайс* стояли лица иного происхождения. За сорок восемь лет выпуска монет в *Апаһунесе* только один джаххафидский амир был упомянут на них — это ʿАбд ал-Малик б. ал-Джаҳ̣ҳ̣āф (монеты *Маʿдин Бāхунайса* 196/811–12 г.). Все же остальные руководители монетного двора были либо «назначенцами» из других мест, либо же на монетах упоминались правители всей халифатской области *Армāнийийа*. Такая обособленность руководства монетного двора от власти местных эмиров указывает на важную деталь организации монетного дела халифатского времени — субрегиональные монетные дворы подчинялись напрямую наместнику провинции, но не правителю субрегиона (местному эмиру).

Бӯбӯ — Бӯнḳ (Бавонкʿ)?

Монетный двор بوبو «читался» ранее как بوبو *Бӯбӯ* без какой-либо локализации[55]. Его продукция известна только по анонимным монгольским монетам, чеканенным в 645/1247–48 г., в период регентства ханши Туракины (Илл. 12). Монеты этого типа, скорее всего, были выпущены могущественным нойоном

---

[53] См.: Акопян 2016.

[54] Подробнее об истории Джаххафидов см.: Ter-Ghewondyan 1977: 126–128.

[55] Например: Mübarek Mehmed 1318: 4, no. 1.

Илл. 12.

Монгольское государство, время Туракины,
анонимный выпуск наместника Аргун-Аки, дирхам (2,89 *г*),
Бӯнḳ (?), [645] г.х.[56].

Аргун-Акой и несут на себе надпись الغ منقل الوس بيك *улуг монḳол улӯс-бек* (великий монгольский наместник). Благодаря новому каталогу монет этого типа, составленному А.Р. Варданяном[57], стало возможным очертить географические границы его производства (Илл. 13).

Выбирая возможные комбинации среди топонимов указанной территории, мною было предложено прочтении двора بونق как بونق *Бӯнḳ* (*Бавунḳ*), то есть арм. Բաւոնք *Бавонкʿ*. Бавонкʿ был небольшим селением рядом с г. Арагац. Он упоминается армянским хронистом начала X в. Ованнесом Драсханакертци как место рождения католикоса Сиона (767–775 гг.)[58]. Ранее считалось, что Бавонкʿ находился в области Даснаворкʿ (край Туруберан)[59], лежащей к северо-западу от оз. Ван. Однако последние исследования доказывают, что Бавонкʿ располагался недалеко от подножья горы Арагац[60]. При обеих локализациях Бавонкʿ оказывается внутри области, где чеканились монеты при Туракине; впрочем, большой временной разрыв между упоминаниями Бавонкʿа (пять столетий отделяют время жизни католикоса Сиона от чеканки

[56] Forschungsstelle für Islamische Numismatik, Universität Tübingen, inv. no. GA2F4.

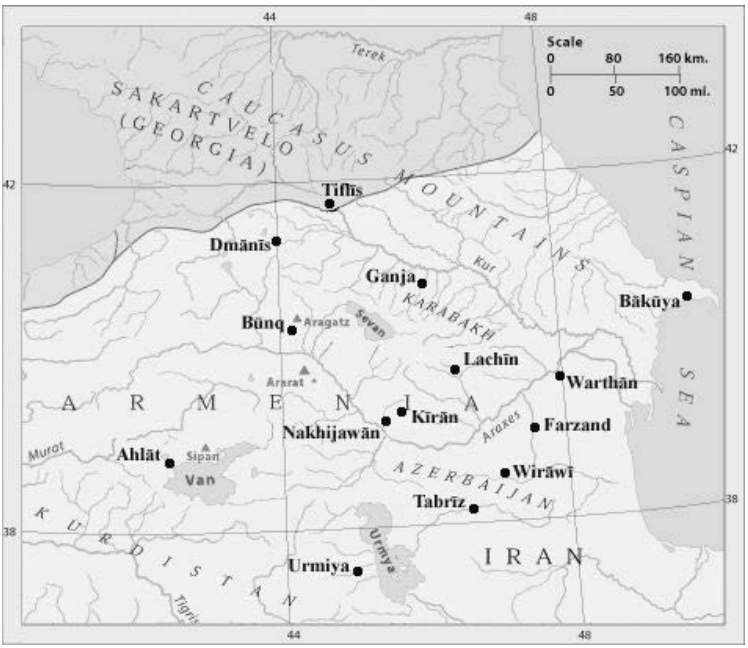
[57] Vardanyan 2007.

[58] Ованес Драсханакертци 1986: 100.

[59] Ованес Драсханакертци 1986: 302.

[60] Акопян, Мелик-Бахшян, Барсегян 1986: 614, 757.

монет монгольского времени), а также отсутствие монет Бавонкʿа, датируемых периодом расцвета локального чекана в позднехулагуидское время (середина XIV в.), заставляют пока оставить вопросительный знак при идентификации двора بونق как بونق.



Илл. 13.

Монетные дворы, на которых выпускались анонимные монеты с легендой *улуг монḳол улӯс-бек*[61].

Пол-и Āрас

Монеты кратковременно работавшего двора *Пол-и Āрас* پل ارس («Мост [через] Аракс») чеканились от имени ильхана Абу Саʿида в 719–724/1319–1324 гг. Чекан этого монетного двора давно известен нумизматам (Илл. 14).

[61] Vardanyan 2007: 19.

Илл. 14.

Хулагуиды, Абу Саʿид, двойной дирхам (3,55 *г*),
Пол-и Āрас, 723 г.х.[62].

Первоначально название двора было разобрано Ст. Лэн-Пулем, который предложил чтение تلارس *Tell Larus* (букв. ‘холм Ларус’) с вопросительным знаком[63], и позднее повторено в такой форме Э. фон Цамбауром[64]. Позже М.Р. Брум привел данные о монете Абу Саʿида типа *C* (721 г.х.), несущей на себе два монетных двора — تلارس и نخجوان *Нахиджавāн*. В связи с находкой этой монеты название монетного двора было прочитано публикатором заново как تل ارس *Талл Арас* с локализацией холма-*телля* между Нахичеваном и «ближайшим мостом через Аракс», в крепости «Аланджиḳ» (по всей видимости, имелась в виду крепость Алинджāḳ, находящаяся, впрочем, в горах и сильно в стороне от дороги Нахичевань — Аракс)[65]. О. Дилер предложил чтение پل ارس *Pul-i Āras* с уточнением: «Это мост Зийā’ ал-Мулк на дороге Нахичеван–Маранд, разрушенный в 833 г.х.»[66]. Полностью разделяя такое чтение названия монетного двора, я должен отметить,

---

[62] Stephen Album Rare Coins, Auction 16, lot 597.

[63] Lane-Poole 1881: 82.

[64] von Zambaur 1968: 90.

[65] Broome 1977.

[66] Diler 2006: 362. В нумизматической литературе часто высказывается мнение, что *Пол-и Āрас* — *лаḳаб* (почетный эпитет) Нахичевана, что также не отражает действительности, поскольку в Нахичеване никогда не было моста через Аракс. Так, Ибн ал-Аcīр прямо указывает, что Алп-Арслану в 1074 г. пришлось строить лодки, стоя напротив Нахичевана (Ibn al-Athīr, X, 25).

что мост *Дийā' ал-Мулк* находился рядом со знаменитой Джульфой (а сегодня стоял бы в черте этого города), так что сложно предположить, что при его наиименовании было бы проигнорировано имя этого крупного торгового города. Поэтому название پل ارس *Пол-и Āрас* должно относиться к монетному двору, расположенному при мосте, находящемся вдалеке от городов (которые могли бы дать этому монетному двору свое имя) и единственно ассоциировавшемся как «мост через Аракс», так что выбор *ближайшего* к Нахичевану моста должен быть пересмотрен в пользу *важнейшего* моста через Аракс. Наличие на монете 721 г.х. указания двух монетных дворов, в том числе и Нахичевана не должно смущать: известны монеты Абу Саʿида, несущие на себе названия двух или трёх монетных дворов, зачастую расположенных во многих сотнях километров друг от друга[67].

В 170 *км* от Нахичевана вверх по течению находится два огромных Ходаферинских моста. Ходаферинское ущелье — наиболее важное стратегически и издревле использовавшееся место переправы через бурную реку, которую Вергилий называл *pontem indignatus Araxes* «Аракс, над собой мостов не терпящий»[68]. Именно здесь были построены каменные мосты, использующие естественные скальные выходы с обеих сторон[69]. Старый мост — 15-пролетный, длиной 200 *м* и шириной 4,5 м, возможно, был построен Фадлом б. Муḥаммадом Шаддāдидом в 421/1030 году[70]. Этот мост, скорее всего, был возведен на осно-

---

[67] Например, известны монеты Сулṭāнийи и Тифлӣса, между которыми около 1000 *км* (Diler 2006: 403), Табрӣза и Тифлӣса, между которыми около 750 *км* (Diler 2006: 402), Арджӣша, Хилāṭа и Тӯḳāта, последний из которых отстоит от первых двух городов почти на 770 *км* (Diler 2006: 79); и т.д. Причины такого нумизматического казуса пока что неясны.

[68] Энеида, кн. 8, ст. 727 (пер. С. Ошерова).

[69] На стратегическую важность этих мостов указывают и события двухвековой давности, когда шушинский хан Ибрагим-Халил, разрушив в 1795 г. 15-пролетный мост, предотвратил продвижение в Карабах войск Ага-Мухаммад-хана Каджара, которому затем пришлось восстанавливать мост в 1797 г. (Бакиханов 1991: 174). Аббас-Кули Бакиханов часто употребляет выражение «Худаферинский мост» как эпитет Аракса вообще.

[70] По мнению В.Ф. Минорского (Minorsky 1953: 27). Более ранняя датировка строительства первого моста VII веком — временем арабского завоевания Закавказья (согласно сообщению Ḳазвӣнӣ) — сейчас признается неверной. Возможно, в VII в. арабы использовали остатки ахеменидского

ваниях еще ахеменидского времени. Строительство второго моста в 800 м от первого археологически датируется хулагуидским временем (начало XIV в.). У этого моста 11 пролетов, его длина составляет 130 м, а ширина — шесть метров. Техника постройки мостов кардинально различается — архаичная у старого моста и средневековая у моста XIV века. Интересно отметить, что, по археологическим данным, новый мост стал возводиться при еще исправном старом, который, в свою очередь, был в это время подновлен[71]. Строительная активность в первой трети XIV в. на ключевых между Азербайджаном и Арраном Ходаферинских мостах отражает возросшую интенсивность перемещений по дороге Тебриз — Ширван между хулагуидским Ираном и Золотой Ордой. Перемещения эти были не только торговые, но и военные, поскольку Куро-Араксинская долина (Муган) была ареной частых хулагуидско-джучидских столкновений, ввиду чего встала необходимость в частой переброске крупных военных подразделений через Аракс. Поскольку никаких других значительных мостов на Араксе не было, и только на Ходаферинских мостах велись строительные работы в хулагуидское время, естественно предположить именно эти мосты в качестве имярек для монетного двора پل ارس. По всей видимости, крупные строительные работы, а также интенсификация торговли через Ходаферинское ущелье потребовали организации в районе мостов отдельного монетного двора, выпускавшего не только серебряные, но также, как стало известно совсем недавно, золотые и медные монеты[72].

моста для наведения переправы через Аракс (*EIr*, Araxes II).

[71] Мамед-заде 1983: 88–94. Ḳазвӣнӣ, будучи современником постройки второго моста, не упоминает о нем, говоря только о подновлении старого моста.

[72] Золотой динар этого двора опубликован в каталоге аукционного дома «Мортон и Иден» (Morton & Eden, Important coins of the Islamic World, Auction 54, lot 149). Медную монету Пол-и Āраса я видел в нумизматической экспозиции Банка Сепах в Тегеране (стенд 6, № 110); к сожалению, сфотографировать ее не удалось. И медная, и золотая монеты однотипны с серебряной (Илл. 14) и выпущены в 723 г.х.

БИБЛИОГРАФИЯ

Акопян 2010 — *Акопян А.В.* К реконструкции маршрутов торговых путей кавказского региона в XIV в.: Локализация монетного двора «Алагир» (= Алагиз = Элегис) // ДГ. 2009 год: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен / Отв. ред. Т.Н. Джаксон. М., 2010. С. 137–152.

Акопян 2015 — *Акопян А.В.* Ильханы и ишханы. Монеты армянских княжеств периода заката Хулагуидского государства (736–759 гг.х. / 1336–1358 гг.) // Нумизматика и эпиграфика. М., 2015. Вып. XIX / Ред. Г.А. Кошеленко, Н.М. Смирнова. С. 123–160.

Акопян, Алексанян 2015 — *Акопян А.В., Алексанян Д.А.* Гянджинский клад и медный чекан Кахетинского царства // Эпиграфика Востока. М., 2015. Вып. XXXI / Ред. В.В. Наумкин, Д.Д. Васильев, Е.А. Давидович и др. С. 147–170.

Акопян 2016 — *Акопян А.В.* Денежное обращение в армянских государствах эпохи Багратидов (750–1064 гг.). Еще раз о монете Давида Куропалата // *Պատմական Տայք. Պատմություն, մշակույթ, դավանանք. Հիմնադրույթներ* / Historical Tayk. History, Culture, Confession. Abstracts. *Երևան*, 2016. Էջ. 29–31.

Акопян, Мелик-Бахшян, Барсегян 1986 — *Акопян Т.Х., Мелик-Бахшян Ст.Т., Барсегян О.Х.* Словарь топонимов Армении и прилегающих областей. Ереван, 1986. Т. I. (на арм. яз.).

Аликберов 2003 — *Аликберов А.К.* Эпоха классического ислама на Кавказе. М., 2003.

Бабаев, Казиев 1971 — *Бабаев И.А., Казиев С.М.* Кабалинский клад монет эллинистической эпохи // Нумизматика и эпиграфика. М., 1971. Вып. IX / Отв. ред. Д.Б. Шелов. С. 16–32.

Бакиханов 1991 — *Бакиханов Аббас-Кули-ага*. Гюлистан-и Ирам / Ред. З.М. Буниятов. Баку, 1991.

Гаджиев 2004 — *Гаджиев М.С.* Атрибуция геммы-печати Великого католикоса Албании и Баласакана и вопрос очередности патриаршества владык Албанской церкви // Проблемы истории, филологии и культуры. 2004. Вып. XIV. С. 465–479.

Гевонд 1982 — *Гевонд*. Армянская история / Под ред. А.Н. Тер-Гевондяна. Ереван, 1982 (на арм. яз.).

Джапаридзе 1984 — *Джапаридзе Г.И.* Новые добавления к работе Э. Цамбаура “Die Münzpärgungen des Islams” // Эпиграфика Востока. Л., 1984. Вып. XXII / Ред. Б.Б. Пиотровский. С. 80–83.

Еремян 1963 — *Еремян С.Т.* Армения по «Ашхарацуйц»-у. Ереван, 1963 (на арм. яз.).

Йāʻкут ал-Ҳамавī 1977 — *Йāʻкут б. ʼАбдаллах ар-Рӯмī ал-Ҳамавī*. Китāб муʼджам ал-булдāн. Бейрут, 1397/1977. Т. I (на араб. яз.).

Капанцян 1975 — *Капанцян Г. А.* Историко-лингвистические работы. М., 1975. Т. II.

Ḳудама б. Джаʻфар 1981 — *Ḳудама б. Джаʼфар*. Ал-ẖарадж ва синаʼат ал-китаба. Багдад, 1981 (на араб. яз.).

Колесников 1985 — *Колесников А.И.* Административные топонимы на сасанидских печатях // Письменные памятники и проблемы истории народов Востока. XVIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). 1983–1984 / Ред. П.А. Грязневич, Н.В. Елисеева, Г.А. Зограф и др. М., 1985. Ч. 1. С. 180–185.

Мамед-заде 1983 — *Мамед-заде К.М.* Строительное искусство Азербайджана (с древнейших времен до XIX в.). Баку, 1983.

Муравьев 1997 — *Муравьев С.Н.* Новый труд по древней истории Кавказа и Закавказья. The Geography of Ananias of Širak (Ašxarhacʻoycʻ) // ВДИ. 1997. № 2. С. 224–234.

Ованес Драсханакертци 1986 — *Ованес Драсханакертци*. История Армении / Пер. М.О. Дарбинян-Меликян. Ереван, 1986.

Пагава 2013 – *Пагава И.К.* Чеканка сефевидской монеты в восточном Причерноморье // Восточная нумизматика в Украине. Киев, 2013. Ч. III: Улус Джучи, Крымское ханство и сопредельные государства в XIII–XVIII вв. / Ред. К. Хромов. С. 125–142.

Тревер 1959 — *Тревер К.В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н.э. – VII в. н.э. М.; Л., 1959.

Хуршудян 2003 — *Хуршудян Э.Ш.* Армения и сасанидский Иран (Историко-культурологическое исследование). Алматы, 2003.

Akopyan 2015 — *Akopyan A.V.* About earliest coins of Khachen (Qarabāgh) // Journal of the Oriental Numismatic Society. 2015. Vol. 222. P. 6–11.

Akopyan 2016 — *Akopyan A.V.* More About the Very Rare Georgian Coins from Megrelia with the Mintname Dadiyan // Journal of the Oriental Numismatic Society. 2016. Vol. 226. P. 9–11.

Akopyan, Mosanef 2015 — *Akopyan A.V., Mosanef F.* Between Jūjīds and Jalāyirids: the Coinage of the Chopānids, Akhījūq and their Contemporaries, 754–759/1353–1358 // Der Islam. 2015. Bd. 92 (1). P. 197–242.

Album 2010 — *Album St.* Checklist of Islamic Coins. Santa Rosa (CA), 2010.

Amar 1998 — *Amar Z.* The Production of Salt and Sulfur from the Dead Sea Region in the Tenth Century according to at-Tamimi // Palestine Exploration Quarterly. 1998. Vol. 130. P. 3–7.

Bates 2011 — *Bates M.L.* A second Muhammadiyya, and the four mints of the Bājunays mine // Journal of the Oriental Numismatic Society. 2011. Vol. 209. P. 14–17.

Broome 1977 — *Broome M.R.* “Tell Larus” Identified // The Numismatic Circular. 1977. Vol. 85 (12). P. 543.

Canard 1975–1976 — *Canard M.* Les principautés arabes d’Arménie // Revue des Études Arméniennes 1975–1976. Vol. XI. P. 183–204.

Diler 2006 — *Diler Ö.* Islamic mints. İstanbul, 2006. Vols. 1–3.

Gacek 2008 — *Gacek A.* The Arabic manuscript tradition: a glossary of technical terms and bibliography. Leiden; Boston, 2008.

Gyselen 2002 — *Gyselen R.* Nouveaux matériaux sigillographiques pour la géographie administrative de l’empire sassanide. Collection A. Saeedi. Paris, 2002

Japaridze 1982 — *Japaridze G.* Nouvelles additions a l’ouvrage de Zambaur, Die Münzprägungen des Islams // Bulletin d’Études Orientales. 1982. Vol. XXXII–XXXIII. P. 89–97.

Klaproth 1829 — *Klaproth M.* Extrait du Derbend-nameh, ou de l’Histoire de Derbend // Nouveau Journal Asiatique. 1829. Vol. III. P. 439–467.

Lane-Poole 1881 — *Lane-Poole St.* Catalogue of Oriental Coins in the British Museum. London, 1881. Vol. VI.

Leggett 1885 — *Leggett E.* Notes on the Mint-towns and Coins of the Mohamedans from the Earliest Period to the Present Time. London, 1885.

Lurje 2001 — *Lurje P.B.* Arabosogdica: place-names in Transoxiana as written in Arabic script // Manuscripta Orientalia. 2001. Vol. 7 (4). P. 22–29.

Minorsky 1953 — *Minorsky V.* Studies in Caucasian History. London, 1953.

Mübarek Mehmed 1318 — *Mübarek Mehmed.* Müze-yi Hümâyûn Meskûkât-i Kadime-yi İslâmiye Kataloğu. İstanbul, 1318 [AH].

Nastich 2010 — *Nastich V.N.* Persian Legends on Islamic Coins: from Traditional Arabic to the Challenge of Leadership (доступно онлайн: https://www.academia.edu/501990).

Paghava 2017 — *Paghava I.* K'ak'i (Kākhed, Kākhetābād): One More Georgian Coin-Minting Urban Center (доступно он-лайн: https://www.academia.edu/28604821).

Ter-Ghewondyan 1977 — *Ter-Ghewondyan A.* The Arab Emirates in Bagratid Armenia. Lisbon, 1977.

Vardanyan 2007 — *Vardanyan A.R.* Some Additions to the Coins with the Inscription "Ulugh Mangyl Ulus (Ulush) Bek" // Journal of the Oriental Numismatic Society. 2007. Vol. 190. P. 7–20.

Vardanyan 2011 — *Vardanyan A.R.* Islamic Coins Struck in Historic Armenia. Yerevan, 2011. Vol. 1: Armīniya, Arrān (Madīnat Arrān), Bardaʿa, Dabīl, Hārūnābād/al-Hārūniya and Maʿden Bājunays. Early ʿAbbāsid Period (142–277 AH / 759–891 AD).

Vardanyan 2014 — *Vardanyan A.* Where was the mint "Arminiyya" located? A case for provincial mint organization // Journal of the Oriental Numismatic Society. 2014. Vol. 221. P. 9–14.

Vasmer 1931 — *Vasmer R.* Chronologie der arabischen Statthalter von Armenian unter den Abbasiden, von as-Saffach bis zu Krönung Aschots I., 750–887. Wien, 1933.

Vryonis 1962 — *Vryonis S.* The question of Byzantine mines // Speculum. 1962. Vol. XXXVII/1. P. 1–17.

von Zambaur 1968 — *von Zambaur E.* Die Münzprägungen des Islams. Wiesbaden, 1968. Bd. I.

А.К. Шагинян

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ ЮЖНОГО КАВКАЗА (ЗАКАВКАЗЬЯ)

Аннотация: В настоящем исследовании на основании сведений из литературных памятников античной и раннесредневековой географии, а также многочисленных статей из ведущих справочных изданий мира XIX–XX вв. представлены и проанализированы термины, касающиеся исторической географии Южного Кавказа (Закавказья) и смежных областей Армянского нагорья. Автор критикует устоявшееся в отечественной литературе, официальной документации и СМИ мнение о южных границах Южного Кавказа (Закавказья). Он показывает, что политические границы Южного Кавказа (Закавказья) на юге значительно шире географических границ, охватывая северо-восточные регионы обширной физико-географической области Армянское нагорье, которые в первой трети XIX в. были включены в состав Российской империи, а после оказались в составе Советского Союза.

Ключевые слова: Южный Кавказ (Закавказье), Большой Кавказ, Малый Кавказ, Армянское нагорье, «Закавказское нагорье», Великая Армения, Малая Армения, Албания, Иберия, Колхида

Азербайджан, Армения и Грузия — три союзные республики бывшего СССР, расположенные в Закавказье (англ. *Transcaucasia, Transcaucasus*), — в настоящее время являются единственными общепризнанными в этом регионе субъектами международного права. В постсоветский период их стали называть странами Южного Кавказа (англ. *Southern Caucasus, South Caucasus*), что, на наш взгляд, с географической точки зрения является более нейтральным определением, так как на политической карте Евразии нет уже ни советской, ни тем более российской имперской метрополии, когда данный регион воспринимал-

ся как «Транскавказ»[1]. В настоящей статье мы задались целью показать, насколько уместно использование политического тер-

---

[1] Точно так же к понятию «Транскавказ» можно отнести регион Северного Кавказа или даже Предкавказья РФ, так как до начала их российского завоевания здесь, начиная с античных времен, геополитическое движение шло, как правило, по направлению с юга на север. Любопытно заметить, что географические и / или административные термины с русской приставкой *за-* так же, как и в случае с английской приставкой *trans-*, получили широкое распространение на просторах Российской империи, отражая вновь приобретенную территорию либо в отношении к метрополии, либо к уже освоенной периферии. Поэтому подобные термины после крушения «имперского тела» считались устаревшими и полностью или частично выходили из употребления в литературе, официальных документах и СМИ. К примеру, среднеазиатские земли, расположенные на восточном побережье Каспийского моря и локализующиеся сегодня в Туркменистане, западных районах пребывающей в составе Узбекистана Республики Каракалпакстан и Мангистауской области Казахстана, в ходе российских завоеваний во второй половине XIX в. были названы Закаспийским краем, так как отражали территории «по другую сторону Каспия» по отношению к давно уже освоенному Кавказу. Поэтому и учрежденная на этих землях в 1881 г. Закаспийская область с центром в Асхабаде изначально была определена российскими властями в составе Кавказского наместничества со столицей в Тифлисе. В 1921 г. Закаспийская область, из состава которой в 1920 г. в Киргизскую (Казахскую) АССР советская власть определила Мангышлакский уезд, была переименована в Туркменскую область Туркестанской АССР, преобразованной в 1924 г. в Туркменскую ССР. Таким образом, понятие «Транскаспий» полностью сошло на нет уже в начале советского времени. В данном контексте приведем еще один известный случай на примере Ближнего Востока. Территории современного Иорданского Хашимитского королевства, расположенные на левом берегу р. Иордан, со времен Первого крестового похода и формирования в Западной Палестине в 1099 г. Иерусалимского королевства получили обозначение «Заиорданье» (фр. *Oultrejourdain*). Дело в том, что по отношению к метрополии этого латинского государства, расположенной на правом берегу Иордана, они локализовались на другой, левой стороне священной реки. После передачи в 1920 г. всей Палестины под британский мандат земли Восточной Палестины, находившиеся под протекторатом Великобритании, в 1921 г. были объединены в рамках эмирата, получившего наименование «Трансиордания», так как резиденция верховного комиссара Великобритании в Палестине располагалась в Иерусалиме. Однако уже после аннулирования в 1946 г. британского мандата, хашимитские власти не только провозгласили эмират королевством, но и в 1950 г. убрали приставку *транс-*, получив современное наименование страны.

мина «Южный Кавказ» и его устаревшего эквивалента «Закавказье» в географическом плане, в отношении территорий этих суверенных государств Ближнего Зарубежья.

Дело в том, что в современной отечественной литературе по историографии и географии, а также в официальной документации и СМИ вот уже около двух столетий присутствует неточное представление о южном участке географических границ Закавказья (Южного Кавказа). Все остальные границы данного региона имеют естественный характер, определяясь без особого труда. Так, северные пределы четко определяются по Главному, или Водораздельному, хребту Большого Кавказа, простирающемуся на 1100 км с северо-запада на юго-восток — от Черного моря (в районе Анапы) до Каспийского (к северо-западу от Апшерона). Западные пределы омываются водами Черного моря, а восточные — водами Каспийского.

Что же касается южных географических пределов Южного Кавказа (Закавказья), то они царским правительством России еще в первой трети XIX в. были искусственным образом подогнаны под политические границы региона. Мы имеем в виду тот общеизвестный факт, что все подвластные шахскому правительству Персии и Высокой Порте и ограниченные на севере Большим Кавказом малые государства Передней Азии, которые достались Российской империи по итогам двух войн с Каджарами (1804–1813 и 1826–1828 гг.) и еще двух — с Османами (1806–1812 и 1828–1829 гг.), по отношению к уже освоенной кавказской периферии стали с тех пор обозначаться новым политическим термином «Закавказье»[2].

Среди этих небольших государств, располагавшихся в пределах античной Иберии (совр. Восточная Грузия, включая «час-

[2] Поэтому после распада Российской империи провозглашенное в Закавказском крае 22 апреля 1918 г. единое суверенное государство (просуществовавшее, правда, чуть более месяца) получило наименование «Закавказская Демократическая Федеративная Республика», и поэтому после советизации суверенных государств Азербайджана, Армении и Грузии, 12 марта 1922 г. сформировалась Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика, вошедшая 30 декабря того же года в состав СССР и просуществовавшая до 5 декабря 1936 года.

тично признанную» Республику Южная Осетия[3]) и Колхиды в Восточном Причерноморье (совр. Западная Грузия, включая Аджарскую Автономную Республику, «частично признанная» Республика Абхазия[4], наконец, три северо-восточные илы Турецкой Республики — Ардахан, Артвин и Ризе), были Картли-Кахетинское царство (груз. ქართლ-კახეთის სამეფო) со столицей в Тбилиси, Имеретинское царство (груз. იმერეთის სამეფო) со столицей в Кутаиси, а также вассальные от последнего полуавтономные княжества Абхазии (груз. აფხაზეთის სამთავრო), Сванетии (груз. სვანეთის სამთავრო), Мингрелии (груз. სამეგრელოს სამთავრო) и Гурии (груз. გურიის სამთავრო)[5]. А среди малых государств на востоке региона, доставшихся Петербургу по итогам русско-персидских войн, были мусульманские ханства, которые существовали с 1747 г. в пределах античной Албании (территории Азербайджанской Республики на Левобережье Куры) и северо-восточной части античной Армении (территории Республики Армения, Азербайджанской Республики в междуречье Куры и Аракса и южнее устья Куры[6], а также ее

---

[3] Государственная независимость провозгласившей суверенитет 20 сентября 1990 г. и независимость 21 декабря 1991 г. Республики Южная Осетия была признана де-юре со стороны РФ 26 августа 2008 года. Заявленная в Конституции 1993 г. площадь составляет 3,9 тыс. кв. км, занимая территорию бывшей Юго-Осетинской АО Грузинской ССР.

[4] Государственная независимость провозгласившей суверенитет 25 августа 1990 г. и независимость 23 июля 1992 г. Республики Абхазия была признана де-юре со стороны РФ 26 августа 2008 года. Заявленная в Конституции 1999 г. площадь составляет 8,66 тыс. кв. км, занимая территорию бывшей Абхазской АССР Грузинской ССР.

[5] Государственная граница между подвластным Каджарскому Ирану Картли-Кахетинским царством в Восточной Грузии и подвластным Османской империи Имеретинским царством в Западной Грузии проходила по Лихскому (Сурамскому) хребту.

[6] В данном контексте считаем необходимым отметить, что в результате провозглашения в бывших российских владениях в Восточном Закавказье в 1918 г. государства с названием «Азербайджанская Республика» возникла путаница с использованием политических и географических терминов данного региона, что уже в 1920-е гг. отмечал выдающийся отечественный иранист и тюрколог академик В.В. Бартольд: «...Если нужно было бы придумать термин для всех областей, которые объединяет сейчас Азербайджанская Республика, то, скорее всего, можно было бы принять (иранизи-

эксклава — Нахичеванской Автономной Республики[7], и, наконец, территория «непризнанной» Нагорно-Карабахской Республики[8]): Бакинское (перс. خانات باکو), Гянджинское (перс. خانات گنجه), Дербентское (перс. خانات دربند), Джавадское (перс. خانات جاواد), Кубинское (перс. خانات قوبا), Нахичеванское (перс. خانات نخجوان), Шекинское (перс. خانات شکی) и Эриванское (перс. خانات ایروان) с одноименными столицами, Карабахское (перс. خانات قرهباغ) со столицей в Шуше, Талышское (перс. خانات تالش) со столицей в Ленкорани и Ширванское (перс. خانات شروان) со столицей в Шемахе[9].

В числе вновь приобретенных Российской империей переднеазиатских земель оказалась таким образом и северо-восточная периферия историко-географической области, которая в официальных документах, литературных памятниках со времен глубокой древности обозначалась как «Армения» (др.-греч. Ἀρμενία, лат. *Armenia*). Вот как еще Страбон (64/3 до н.э. – 23/4 н. э.) оп-

---

рованное и арабизированное. — *А. Ш.*) название (античной Албании. — *А. Ш.*) Арран, но термин Азербайджан избран потому, что, когда устанавливалась Азербайджанская Республика, предполагалось, что персидский и этот Азербайджан составят одно целое, так как по составу населения они имеют очень большое сходство… теперь, когда слово Азербайджан употребляется в двух смыслах — в качестве персидского Азербайджана и особой (суверенной. — *А. Ш.*) республики, приходится путаться и спрашивать, какой Азербайджан имеется в виду: Азербайджан персидский или этот Азербайджан?» (Бартольд 1963: 703).

[7] Образована в составе Советского Азербайджана 9 февраля 1924 г. на территории площадью 5502,75 тыс. кв. км, которая по Договору о дружбе между Армянской ССР, Азербайджанской ССР и Грузинской ССР, с одной стороны, и Турцией — с другой, заключенному при участии РСФСР в Карсе 13 октября 1921 г. (статья 5 и приложение III) была передана под покровительство Азербайджана (полный текст документа см.: Азатян 2000: 94–100). Эксклавное положение Нахичеванской АР связано с тем, что с северо-восточной стороны она граничит с Республикой Армения, а с юго-западной — с Исламской Республикой Иран, будучи в то же время соединена с Турецкой Республикой узким коридором шириной в 15 км.

[8] Декларация о государственной независимости принята 2 сентября 1991 г., референдум о независимости проведен 10 декабря того же года. Заявленная в Конституции 2005 г. площадь самопровозглашенной республики составляет 11432,7 кв. км, которая занимает территории Нагорно-Карабахской АО и семи смежных районов бывшей Азербайджанской ССР (Атлас НКР 2009: 9–11).

[9] О них см.: Шагинян 2015: 46–64.

ределял северные пределы Армении в своей «Географии»: «…северные части — это горы… лежащие над Каспийским морем, Албания, Иберия и (наконец. — *А. Ш.*) Кавказ, который окружает эти народности и примыкает к Армении; он примыкает также к Мосхским и Колхским горам…»[10]; «…самые северные (провинции Армении. — *А. Ш.*)… находятся на границе с Кавказскими горами, с Иберией и Колхидой»[11].

Не менее авторитетный древнегреческий географ, Клавдий Птолемей (ок. 90–168), в своем географическом сочинении также свидетельствует о том, что «Великая Армения ограничивается с севера частью Колхиды, Иберией и Албанией по вышеуказанной линии, проходящей через реку Кир (Кура. — *А. Ш.*)»[12]. Наконец, в крупнейшей энциклопедии античного мира — в «Естественной истории» Плиния Старшего (23/4–79) читаем: «Теперь будут перечислены жители пограничных с Арменией (с южной стороны. — *А. Ш.*) областей: всю равнину, начиная от реки Кура, заселяют племена албанов, а затем иберов…»[13].

Армянские земли и горы от Кавказских четко выделяются и в памятнике армянской географической школы раннего Средневековья «Ашхарацуйц» (букв.: «Показ мира»)[14]. Так, если в «Ашхарацуйц»-е, в статьях про Эгер (Колхида), Вирк (Иберия) и Алуанк (Албания) говорится, что три эти страны расположены в смежности с Сарматией (Азиатской) у Кавказа[15], то в статье, озаглавленной «Великая Армения», сказано, что она граничит с Алуанком, Вирком и Эгером на севере[16].

Итак, в результате российских завоеваний в первой трети XIX в. и интенсивного освоения земель малых государств к югу от Большого Кавказа, произошла трансформация южного участка географических границ Южного Кавказа (российского Закав-

---

[10] Страбон 1964: XI, XIV, 496.

[11] Страбон 1964: 497.

[12] Птолемей 1948: V, 12, 1.

[13] Плиний Старший 1949: VI, 28–29.

[14] В современной арменистике считается, что «Ашхарацуйц» принадлежал перу «отца древнеармянской историографии» Мовсэса Хоренаци (ок. 410 – 490-е гг.), но дошел до нас в редакции древнеармянского математика, астронома и географа Анании Ширакаци (ок. 612–685).

[15] Ašxarhacʻoycʻ 2003: 2150–2151; 2171.

[16] Ašxarhacʻoycʻ 2003: 2171.

казья): они были отодвинуты в глубь исторических великоармянских земель до долины реки Ахурян, Араратских гор и нижнего течения Аракса, то есть до новых южных границ Российской империи с Каджарским Ираном, окончательно демаркированных по Туркманчайскому трактату 1828 г., и с Османской Турцией, окончательно демаркированных по Адрианопольскому миру 1829 года[17].

По итогам последней русско-турецкой войны XIX в. географические границы Закавказья на юго-западе, как это представлялось в отечественной научной и / или дипломатической литературе, еще более расширились за счет земель исторической Великой Армении, так как официальный Петербург, по Берлинскому трактату от 1 (13) августа 1878 г., одновременно распространил свой суверенитет не только на Аджарский санджак с центром в Батуме, но и на населенные армянами санджаки Ардаган и Карс Эрзерумского вилайета[18]. Отныне политический термин «Закавказье» охватил и эти районы, таким образом отодвинув юго-западные границы физико-географической области Кавказа еще более в глубь великоармянских территорий, до тогдашних южных границ России с Турцией.

Получается, что если бы царское правительство России не возвращало Высокой Порте остальные вилайеты и санджаки Османской Армении (осм. ارمنستان)[19], которые русская армия при поддержке местного христианского населения в ходе каждой турецкой кампании XIX в., а также в годы Первой мировой вой-

---

[17] Поэтому ведущие ученые из США в энциклопедии «Британника» писали, что “Armenia is now divided between Persia, Russia and Turkey, and the three boundaries have a common point on Little Ararat” (Britannica 1910: 564).

[18] Шагинян 2015: 67–70.

[19] По указу османского султана Махмуда II (1808–1839) в 1834 г. был преобразован обширный вилайет с центром в Эрзеруме, с тюркским вариантом передачи наименования страны армян — *Эрменистан*. После его реорганизации в 1864 г., данный административный термин приобрел политическое значение, употребляясь, как в османской литературе и официальной документации (см., например, статью XVI Сан-Стефанского прелиминарного мира от 19 февраля / 3 марта) 1878 г.: Азатян 2000: 34–37), так и в западной — в форме *Turkish Armenia* (см., например: Reclus 1891b: 162–191; Britannica 1910: 564). В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона отмечается, что эта Турецкая Армения составляет две трети от всех исторических армянских земель (ЭСБЕ 1890: 121).

ны, занимала, включая такие крупные города, как Ван, Трапезунд и Эрзерум, то сегодня понятие «Южный Кавказ» («Закавказье») включало бы в себя практически всю остальную территорию античной Великой Армении, то есть так называемую «Восточную Анатолию» (тур. *Doğu Anadolu* — букв.: «Восточный Восток») современной Турецкой Республики[20].

Итак, одновременно с российскими завоеваниями к югу от Большого Кавказа в рамки политических границ Закавказья (Южного Кавказа) оказалась включена и территория северо-восточных окраин физико-географической области, которая с тех времен в западноевропейской научной литературе именуется научным термином «Армянское нагорье» (нем. *Armenisches Hochland*, фр. *Haut-plateau arménien*, англ. *Armenian Highlands*, зап.-арм. Haykakan leṙnašxarh).

Впервые это понятие обнаруживается в капитальных трудах основоположников современной школы научной географии из Германии и Франции: в 19-ти томном сочинении “Erdkunde im Verhältnis zur Natur und zur Geschichte des Menschen” заведующего кафедрой географии Берлинского университета (в 1820–1859 гг.), иностранного почетного члена Императорской Санкт-Петербургской АН (1835) Карла Риттера (1779–1859)[21]; в шеститомном сочинении “L’Homme et la Terre” члена Парижского Географического общества Элизе Реклю (1830–1905)[22]; наконец, в сочинении “Asien” профессора географии Вюрцбургского (в 1891–1903 гг.) и Гиссенского (в 1903–1921 гг.) университетов, Фридриха Вильгельма Зиверса (1860–1921)[23]. Подобное обозна-

[20] В данном контексте следует отметить, что по Московскому и Карсскому договорам 1921 г. Карсская область бывшей Российской империи была отторгнута от советизированной к тому времени Республики Армения и вместе с южной частью Аджарии, принадлежавшей другой советизированной республике — Грузии, возвращена в состав Турции. В результате географическое понятие «Закавказье» было вновь ограничено новыми политическими рубежами с Турцией (по Месхетскому хребту, долинам рек Ахуряна и Среднего Аракса), на этот раз ССР Грузии и ССР Армении.

[21] Ritter 1843: 285–645.

[22] Reclus 1891a: 130–149; Reclus 1891b: 162–173, 180–191.

[23] Sievers 1892: 1–664.

чение нагорья эти[24] и многие другие авторитетные ученые-историки и географы XIX–XX вв. мотивировали тем, что именно в пределах данной физико-географической области на рубеже Бронзового и Железного века шел многовековой процесс этногенеза древнеармянского народа[25].

Несмотря на отмеченный перенос российскими имперскими властями южного участка географических границ Закавказья (Южного Кавказа) в глубь территории Армянского нагорья, в ведущих энциклопедических изданиях мира XIX – начала XX в. давалось четкое и детальное определение географических пределов Армянского нагорья, в том числе и интересующих нас его северных и северо-восточных границ с Южным Кавказом — по долине среднего течения Куры. Например, в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона читаем: «Армения лежит между 55 и 67° восточной долготы (от Ферро) и 37½ и 41¾° северной широты. Большая длина ее от Востока до Юго-Запада равняется 975–1050, большая ширина от Севера до Юга 525 км. Она занимает площадь в 357900 кв. км и тянется от Каспийского моря и персидской провинции Азербайджан (античной Атропа-

---

[24] Вот что, к примеру, писал Э. Реклю: «Ararat, “historical center of the Armenian plateau” <…> The term Armenia, of Aramæan origin and probably meaning “highlands”, is extremely vague, and applied in a general way to all the region of plateaux overlooked by Ararat. Armenia proper, or Hayasdan — that is, land of the Haïk…» (Reclus 1891a: 132, 140), который у Мовсэса Хоренаци назван родоначальником армян (Xorenacʻi 2003: 1763).

[25] Поэтому в статье “ARMENIA and IRAN: i. Armina, Achaemenid province” из популярной энциклопедии «Ираника», в которой подробно представлено зарождение цивилизации не только на Иранском нагорье, но и во всех смежных регионах, ареал расселения древних носителей индоевропейского армянского языка начиная с конца VII в. до н.э., со ссылками на свидетельства «отца истории» Геродота (ок. 490/80–425 г. до н.э.) и «Киропедию» другого древнегреческого историка Ксенофонта (440-е – 350-е гг. до н.э.), четко размещается на обширном нагорье, получившем наименование «Армянское»: “Bordering on Media, Cappadocia, and Assyria, the Armenians settled, according to classical sources (beginning with Herodotus and Xenophon), in the east Anatolian mountains along the Araxes (Aras) river and around Mt. Ararat, Lake Van, Lake Rezaiyeh (то есть Урмия. — *А. Ш.*), and the upper courses of the Euphrates and Tigris; they extended as far north as the Cyrus (Kur) river. To that region they seem to have immigrated… about the 7th century B.C.” (Schmitt 1986: 417). Подробно об этногенетических процессах на этом нагорье с XII–VI вв. до н.э. см.: Шагинян 2012: 8–36.

тены. — *А. Ш.*) на Востоке, до Малой Азии на Западе, и от реки Куры на Севере до Курдистана и Месопотамии на Юге»[26].

Аналогичная трактовка географических границ Армянского нагорья изложена и в энциклопедии «Британника»: «Армения (др.-перс. *Armina*, арм. *Hayasdan*, или *Hayq*), популярное современное название региона, к югу от Кавказа и Черного моря, который являлся частью древнеармянского царства <…> В самом широком месте Армения простирается от 37° до 49° восточной долготы и от 37½° до 41½° северной широты <…> Географически Армения является продолжением западного района великого Иранского нагорья. На севере она резко опускается к Черному морю; на юге она прерывается, в скалистых террасах, низменностями Месопотамии; а на востоке и на западе она более плавно опускается к более низким плато Персии и Малой Азии»[27].

Авторитетные американские авторы данного издания справедливо подчеркивали, что «эта (обширная. — *А. Ш.*) территория никогда не была, даже на короткий период, объединена под властью единого (армянского. — *А. Ш.*) царя»[28]. Дело в том, что «Настоящая Армения или Великая Армения», — как мы продолжаем читать в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, — «разделенная на 15 провинций, 190 округов… занимала большую, восточную часть всей страны (Армянского нагорья. — *А. Ш.*) до самого (Верхнего. — *А. Ш.*) Евфрата и Антитавра… К Западу от нее лежала Малая Армения, доходившая до Малой Азии…»[29]. Тот факт, что на Армянском нагорье в эпоху античности существовали два самостоятельных политических образования — «Великая Армения» (др.-греч. Μεγάλη Ἀρμενία) и

---

[26] ЭСБЕ 1890: 121.

[27] “Armenia (old Persian Armina, Armenian Hayasdan, or Hayq), the popular modern name of a district south of the Caucasus and Black Sea, which formed part of the ancient Armenian kingdom <…> In its widest extend Armenia stretched from 37° to 49° Eastern longitude, and from 37½° to 41½° Northern latitude <…> Geographically, Armenia is a continuation westward of the great Iranian plateau. On the north it descends abruptly to the Black Sea; on the south it breaks down in rugged terraces to the lowlands of Mesopotamia; and on the east and west it sinks more gradually to the lower plateaus of Persia and Asia Minor” (Britannica 1910: 564).

[28] Britannica 1910: 564.

[29] ЭСБЕ 1890: 121.

«Малая Армения» (др.-греч. Μικρα Ἀρμενία), разделенные долиной Верхнего Евфрата, подтверждается, в первую очередь, многочисленными свидетельствами античных писателей[30].

Во всех ведущих справочных изданиях мира и сегодня встречаются описанные выше определения относительно географических пределов Армянского нагорья. «Армянское нагорье, — читаем в одноименной статье из нового издания «Британники», — горный регион Закавказья. Оно расположено в основном в Турции, занимает целиком (Республику. — *А. Ш.*) Армения, включает также южную Грузию, западную (часть Республики. — *А. Ш.*) Азербайджан и северо-западный Иран. Площадь нагорья составляет почти 154,400 кв. миль (400,000 кв. км)»[31]. В статье «Арминийа, Армения, страна в Передней Азии» в «Энциклопедии ислама» сказано, что «окруженная двумя горными хребтами, Понтийским хребтом с севера и Таврским хребтом с юга…, ле-

---

[30] Вот как характеризуются границы Великой Армении у Страбона: «Южные части Армении прикрывает Тавр, отделяющий ее от всей области между Евфратом и Тигром, которую называют Месопотамией; восточные части граничат с Великой Мидией и Атропатеной; северные части — это горы… лежащие над Каспийским морем, Албания, Иберия и (наконец. — *А. Ш.*) Кавказ… на западе находятся горы… до Малой Армении и речной области Евфрата, которая отделяет Армению от Каппадокии и Коммагены» (Страбон 1964: XI, XIV, 496). Границей же между двумя Армениями служила долина Верхнего Евфрата: «Течет Евфрат», — продолжает Страбон, — на запад через так называемую Великую Армению до Малой Армении, причем последняя находится на правом его берегу, а (приграничная с ней великоармянская область. — *А. Ш.*) Акилисена — на левом. Затем река делает поворот на юг, касаясь при этом изгибе границ Каппадокии. Оставив эти границы и область Коммагены справа, а слева Акилисену и Софену в Великой Армении, Евфрат течет до Сирии…» (Страбон 1964: XI, XII, 492). Схожие сведения о границах Малой Армении и Великой Армении можно обнаружить и у Плиния Старшего (Плиний Старший 1949: VI, 9), и у Клавдия Птолемея (см., например, главу 12 «Положение Великой Армении» из книги V его «Руководства по географии»: Птолемей 1948: V, 12, 1–3, 5–6, 9). Естественно, о них знает и древнеармянский автор «Ашхарацуйц»-а (см. многочисленные статьи о малоармянских и великоармянских провинциях: Ašxarhacʻoycʻ 2003: 2148; 2151–2154; 2170; 2171–2173).

[31] “Armenian Highland… mountainous region of Transcaucasia. It lies mainly in Turkey, occupies all of Armenia, and includes southern Georgia, western Azerbaijan, and northwestern Iran. The highland covers almost 154,400 square miles (400,000 square km)” (Britannica 1974: 566).

жит (Армения. — *А. Ш.*) между Малой Азией, на западе от Евфрата, Азербайджаном[32] и районом к юго-западу от Каспийского моря (до места слияния Куры и Аракса) на востоке, Понтийским регионом на северо-западе, Кавказом (от которого ее отделяет линия Риони и Куры) на севере, и Месопотамской низменностью на юге (район Верхнего Тигра) <…> Таким образом, Армения охватывает почти всю территорию, простирающуюся между 37° и 49° восточной долготы и 37,5° и 41,5° северной широты»[33].

Здесь уместно процитировать также слова известного американского специалиста в области исторической географии Армении и Кавказа нашего времени, Р. Хьюсена: «К югу от (Армянского нагорья. — *А. Ш.*) лежат низменные степи Арабского мира — Сирия и Месопотамия; к северу — траншеи и равнины Южного Кавказа — Западной Грузии, Восточной Грузии и Азербайджана, — поддерживаемые большой стеной Кавказского хребта, которая протянулась по диагонали между Черным и Каспийским морями…»[34].

В то же время, сформированная в первой трети XIX в. та неверная трансформация юго-западного участка географических границ Закавказья (Южного Кавказа), о которой говорилось в начале нашей статьи, сохранилась в отечественной литературе по историографии и географии, а также в официальной документации и СМИ до наших дней. Более того, в советское время, с целью, видимо, обоснования политического термина «Закавка-

---

[32] Āдзарбайджāн — арабская форма передачи античного топонима «Атропатена».

[33] “Encompassed between two mountain chains, the Pontic chain to the north and the chain of the Taurus to the south… [Armenia] lies between Asia Minor to the west of the Euphrates, Ādharbaydjān and the region south-west of the Caspian sea (on a level with the confluence of the Kur (Kura) and the Araxes) to the east, the Pontic regions to the north-west, the Caucasus (from which the line of the Rion and the Kur separates it) to the north, and the plain of Mesopotamia to the south (area of the Upper Tigris) <…> Armenia thus embraces almost the whole of the territory extending between longitude 37° and 49° East and latitude 37,5° and 41,5° North” (Canard 1986: 634).

[34] “To the south lie the lowland steppes of the Arab world — Syria and Mesopotamia; to the north, the trenches and plains of South Caucasus — West Georgia, East Georgia, and Azerbaijan — backed by the great wall of the Caucasus range running diagonally between the Black and the Caspian seas…” (Hewsen 1997: 2).

зье» географическими реалиями, было выдвинуто новое географическое понятие — так называемое «Закавказское нагорье».

В статье под названием «Армянское нагорье» из «Большой советской энциклопедии» сказано: «Армянское нагорье, среднее из трех переднеазиатских нагорий. Расположено главным образом в Турции, частично в СССР и в Иране. Часть Армянского нагорья, находящаяся в СССР (так называемое “Закавказское нагорье”), занимает всю территорию Армянской ССР, южную часть Грузинской ССР и западную часть Азербайджанской ССР. В широком смысле слова Армянское нагорье включает также Малый Кавказ, Армянский Тавр и Курдские горы. Площадь Армянского нагорья (в широком смысле) около 400 тыс. км^2»[35].

В постсоветский период в «Большом энциклопедическом словаре» появились две противоречащие друг другу статьи. В одной из них очень кратко написано: «Армянское нагорье в Турции (б. ч.), Иране, Армении и Азербайджане. Около 400 тыс. кв. км. Высота до 5165 м (г. Б. Арарат)»[36]. Как видно, тут ничего не сообщается о так называемом «Закавказском нагорье», в то время как в другой статье — под названием «Закавказское нагорье» — говорится, что в его состав входит «…северная часть Армянского нагорья, Малый Кавказ и котловина среднего течения реки Аракс»[37]. Еще в одной статье из того же справочного издания, озаглавленной «Кавказ», говорится, что он «делится на Северный Кавказ, Предкавказье и Закавказье <…> В центре и на Западе Закавказья среднегорный рельеф: Закавказское нагорье состоит из хребта Малого Кавказа (выс. до 3724 м) и Армянского нагорья (выс. до 5165 м — Большой Арарат)»[38]. При этом не очень ясно, каким образом часть одного нагорья может войти в состав другого, или одно нагорье состоять из другого?!

Как следует из процитированных статей, в советское время сформировался еще один новый топоним «Малый Кавказ», сохранившийся в отечественной литературе и после распада СССР. В одноименной статье из «Большого энциклопедического словаря» сказано: «Малый Кавказ, горная система в Закавказье,

---

[35] БСЭ 1970: 249.
[36] БЭС 1997: 70.
[37] БЭС 1997: 408.
[38] БЭС 1997: 474.

окаймляющая с Севера и Северо-Востока Армянское нагорье. Соединяется с Большим Кавказом Лихским (Сурамским) хребтом, на Западе отделяется от него Колхидской низменностью, на Востоке Куринской (или Кура-Араксинской. — *А. Ш.*) впадиной. Протяженность ок. 600 км»[39]. А в соответствующей статье из «Большой советской энциклопедии» перечисляются «сменяющие друг друга по простиранию» и образующие «пологую дугу, обращенную выпуклой стороной к северо-востоку», семь складчато-глыбовые хребты, которые составляют систему так называемого Малого Кавказа: Месхетский, Триалетский, Сомхетский, Мургузский, Шахдагский (Севанский), Муровдагский (Мравский) и Карабахский (Арцахский)[40].

Следует отметить, что на физико-географической карте региона первые три хребта простираются по южным, приграничным с Турецкой Республикой и Республикой Армения, областям современной Республики Грузия. Мургузский хребет тянется по северо-восточным областям Республики Армения, Севанский — по армяно-азербайджанской государственной границе, восточнее бассейна одноименного озера. Наконец, последние два хребта находятся на заявленной в Конституции территории Нагорно-Карабахской Республики. Из контекста же процитированных отрывков античных писателей прямо следует, что все эти хребты не окаймляют Армению (=Армянское нагорье) с Севера и Северо-Востока, как уверяют нас советские и постсоветские авторы энциклопедических статей, озаглавленных «Малый Кавказ», а являются его естественными рубежами на Севере и Северо-Востоке! Не случайно один из тех трех хребтов на юге Республики Грузия — Сомхетский — в переводе с грузинского языка буквально означает «Армянский».

Поэтому другие отечественные авторы процитированной выше статьи «Армянское нагорье» из «Большой советской энциклопедии» были абсолютно правы, когда утверждали, что «часть Армянского нагорья, находящаяся в СССР… занимает всю территорию Армянской ССР, южную часть Грузинской ССР и западную часть Азербайджанской ССР. В широком смысле слова Армянское нагорье включает также Малый Кавказ…».

---

[39] БЭС 1997: 684.
[40] БСЭ 1974: 293.

Правы были и западные авторы процитированных статьей «Армянское нагорье» из нового издания «Британники» и «Арминийа» из «Энциклопедии Ислама», говоря, что «Армянское нагорье… включает также южную Грузию, западную (часть Республики. — *А. Ш.*) Азербайджан…», или «… лежит (Армения. — *А. Ш.*) между… Кавказом (от которого ее отделяет линия Риони и Куры) на севере…». Наконец, абсолютно справедлив Р. Хьюсен, когда писал, что «…к северу (от Армянского нагорья лежат. — *А. Ш.*) траншеи и равнины Южного Кавказа — Западной Грузии, Восточной Грузии и Азербайджана — поддерживаемые большой стеной Кавказского хребта, которая протянулась по диагонали между Черным и Каспийским морями…».

Итак, Армянское нагорье, как его четко определяли еще западноевропейские основоположники научной школы географии XIX — начала XX в., расположено в Передней Азии, между Иранским и Малоазиатским нагорьями, с одной стороны, и Месопотамской низменностью, и Южным Кавказом (Закавказьем) — с другой. Северный участок географической границы Армянского нагорья с Южным Кавказом (Закавказьем) проходит по северным подножьям тех семи хребтов, которые, образуя пологую дугу протяженностью 600 км от Колхидской низменности до Кура-Араксинской, составляют, по представлениям советских и постсоветских географов, единую систему так называемого Малого Кавказа.

Таким образом, в географические границы Южного Кавказа (Закавказья) входят территории современной Азербайджанской Республики (без эксклава — Нахичеванской Автономной Республики, и без земель «непризнанной» Нагорно-Карабахской Республики и вокруг нее), Республики Грузия (без южных, приграничных с Турецкой Республикой и Республикой Армения областей, расположенных в системе хребтов так называемого Малого Кавказа), а также частично признанных мировым сообществом республик Абхазии и Южной Осетии. Территории же Республики Армения, Нахичеванской Автономной Республики, самопровозглашенной Нагорно-Карабахской Республики вместе со смежными районами в междуречье Куры и Аракса, наконец, южных, приграничных с Турецкой Республикой и Республикой Армения, областей современной Грузии, расположенных в системе хребтов так называемого Малого Кавказа, составляют севе-

ро-восточную периферию Армянского нагорья. Последние поэтому вместе со всеми остальными территориями перечисленных выше (признанных и «частично признанных») государств входят в политические, но ни в коем случае не в географические границы Южного Кавказа (Закавказья).

БИБЛИОГРАФИЯ

Азатян 2000 — *Азатян Г.Г.* Судьбоносные договора. Ереван, 2000.

Атлас НКР 2009 — Атлас Нагорно-Карабахской Республики / Под ред. М. Варданяна. Ереван, 2009.

Бартольд 1963 — *Бартольд В.В.* Сочинения: В 9 т. М., 1963. Т. 2. Ч. 1: Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы.

БСЭ — Большая советская энциклопедия / Под ред. А.М. Прохорова. 3-е изд.: В 30 т. М., 1969–1978.

БЭС — Большой энциклопедический словарь / Под ред. А. М. Прохорова. 2-е изд., перераб. и доп. М.; СПб., 1997.

Плиний Старший 1949 — *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1949. № 2. С. 839–893.

Птолемей 1948 — *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. № 2. С. 458–484.

Страбон 1964 — *Страбон.* География в 17 книгах / Пер., статья и коммент. Г.А. Стратановского. Под общ. ред. проф. С.Л. Утченко. Ред. пер. проф. О.О. Крюгер. М., 1964.

Шагинян 2012 — *Шагинян А. К.* Армения, Азербайджан и Южный Кавказ в древности и средние века: Учебник. СПб., 2012.

Шагинян 2015 — *Шагинян А. К.* Армения, Азербайджан и Южный Кавказ в Новое время: Учебник для вузов. СПб., 2015.

ЭСБЕ 1890 — Энциклопедический словарь / Под ред. Брокгауза, Ефрона: В 86 т. СПб., 1890. Т. 2 (3).

Ašxarhacʻoycʻ 2003 — Ašxarhacʻoycʻ // ACA. 2003. Vol. II: 5th Century. P. 2123–2192.

Britannica 1910 — The Encyclopaedia Britannica: In 29 vols. 11th ed. / Ed. by H. Chisholm and F.H. Hooper. New York, 1910. Vol. 2.

Britannica 1974 — The New Encyclopaedia Britannica (Britannica 3): In 30 vols. 15th ed. 1st version. Chicago, 1974. Vol. 1.

Canard 1986 — *Canard M.* Arminiya, Armenia, a country of Hither Asia // The Encyclopaedia of Islam, new edition prepared by a number of leading orientalists: In 12 vols. Leiden, 1986–2004. Vol. 1. P. 634.

Hewsen 1997 — *Hewsen R.* The Geography of Armenia // The Armenian People from Ancient to Modern Times / Ed. by R. Hovannisian: In 2 vols. New York, 1997. Vol. 1. P. 1–17.

Reclus 1891a — *Reclus É.* The Earth and its inhabitants. Asia: In 4 vols. New York, 1891. Vol. 1: Asiatic Russia: Caucasia, Aralo-Caspian Basin, Siberia.

Reclus 1891b — *Reclus É.* The Earth and its inhabitants. Asia: In 4 vols. New York, 1891. Vol. 4: Southwestern Asia.

Ritter 1843 — *Ritter C.* Die Erdkunde im Verhältnis zur Natur und zur Geschichte des Menschen: In 19 vols. Berlin, 1843. Vol. 10: 3. Buch, West-Asien; Bd. 7, Das Stufenland des Euphrat und Tigris Systems; 1. Abth.

Schmitt 1986 — *Schmitt R.* ARMENIA and IRAN: i. Armina, Achaemenid province // Encyclopædia Iranica: In 45 vols. Vol. II. fasc. 4. P. 417.

Sievers 1892 — *Sievers W.* Asien. Eine allgemeine Landeskunde. Leipzig; Wien, 1892.

Xorenacʻi — 2003 Movsēs Xorenacʻi. Hayocʻ Patmutʻiwn // ACA. 2003. Vol. II: 5th Century. P. 1741–2121.

Ар. А. Улунян

ГЕОИСТОРИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ В ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ДОКТРИНАХ КОММУНИСТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ РУМЫНИИ, БОЛГАРИИ И АЛБАНИИ

КОНЕЦ 60-х – 70-е ГОДЫ XX ВЕКА*

Аннотация: Коммунистические режимы Румынии, Болгарии и Албании активно использовали концепции появления и развития народов этих стран в своих идейно-политических целях как для реализации внутриполитических установок, так и внешнеполитических задач. Историческая география и этногенез румын, болгар и албанцев превращались в инструмент формирования национальной идентичности при активном участии властей в этом процессе. В конце 60-х – начале 70-х годов XX в. он активизировался в силу объективных общественно-политических причин. Научные концепции становились основой геоисторических конструктов, призванных объяснить и закрепить в общественном сознании этих стран, а также в международном мнении вполне конкретные представления как о государствах, имеющих историческое прошлое, тесно связанное не только с Балканским регионом, но и Европой в целом. Несмотря на особенности выдвигавшихся концепций, все они подчеркивали автохтонный характер народов трех стран и их особый вклад в европейское историческое развитие.

Ключевые слова: Албания, Болгария, Дардания, Иллирия, Румыния, Фракия, Т. Живков, Э. Ходжа, Н. Чаушеску, геоисторический концепт, дако-римский концепт, дако-фракийский концепт, протохронизм, фракийско-римский концепт, фракийская теория, иллирийский концепт, этнополитические концепции.

---

* Статья подготовлена по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление».

Классифицируя геоисторические конструкты, получавшие распространение в публичном и академическом дискурсе Балканских стран на протяжении XIX–XX вв., можно условно выделить две основные группы. Первая из них базируется на концепции территориального разделения Балканского пространства по принципу преимущественного влияния культурно-языковой и культурно-политической традиции, наложившей отпечаток на последующее развитие обществ и государств полуострова. К их числу, к примеру, относится вошедшая в историографию так называемая «линия Иречека», получившая свое название по имени известного чешского ученого-историка и министра образования Болгарии (в 1881–1882 гг.) К. Иречека, — концепция разделения Балкан на северную и южную части с соответствующим преимущественным романским и греческим влиянием. Это разграничение проводилось им по линии, проходившей от г. Лачи (в совр. Албании) вдоль Балканских гор и заканчивалась на черноморском побережье Варны в современной Болгарии. Таким образом, являясь первоначально преимущественно лингвистической по своему содержанию, эта концепция, тем не менее, стала основой для более серьезных в политическом плане построений, связанных с этногенезом народов региона и их происхождения, в частности, румын.

Другая концепция, также представляя «линейно-именной» тип, носит название «линии Феодосия I» в честь последнего императора единой Римской империи Феодосия I (347–395). В 395 г. он разделил свое государство на западную часть, императором которой стал его малолетний сын Гонорий, и восточную, вошедшую в историю как Византийская империя, во главе с его сыном Аркадием. Граница между двумя частями — «линия Феодосия» — заняла центральное место в общественном дискурсе Албании. Используя историко-географический фактор, она служит для объяснения сложностей общественно-политического развития страны, ее одновременной принадлежности Западу и Востоку, порождающей трудности в реализации «западного» вектора развития в современных условиях[1].

Вторая группа геоисторических конструктов, несмотря на то что является тесно связанной с первой, тем не менее, имеет

[1] Улунян 2016.

собственные характерные черты. Главными из них выступают лежащие в их основе концепции исторической локализации прародины и миграционных путей существующих ныне этносов и этногенеза народов. Сочетая данные археологии, гражданской и политической истории, а также лингвистики и этнокультурной традиции, они призваны концептуализировать в целостном виде теории происхождения тех или иных народов, создавая комплексную картину, в которой историческая география занимает важное, часто вообще центральное место. Содержательная часть подобных геоисторических конструктов носит дискуссионный характер, а высокая вероятность ее мифологизации усиливают противоречивый характер выдвигаемых концепций. Концептуализация этих теорий, основывавшихся как на научных данных, так и на гипотетических допущениях, а иногда и на мифологизированных представлениях, отражала одну из характерных особенностей тоталитарных режимов, апеллирующих в своих идеологических построениях к архаике[2]. Основным методом их формулирования был конструктивизм, составной частью которого является теория «воображаемых сообществ», артикулированная британским исследователем Б. Андерсоном в одноименной работе, написанной им в начале 80-х гг. XX в. и выдержавшей несколько изданий уже в XXI веке[3].

К их числу относятся помимо ряда других, распространенных в балканском научном дискурсе, румынская дако-римская (фракийско-римская) и дако-фракийская, болгарская фракийская, албанские иллирийская и дарданская концепции.

Первая из них, так называемая дако-римская (фракийско-римская), сочетающая лингвистический и геоисторический элемент, впервые в четкой форме была сформулирована известным румынским лингвистом, историком и культурологом О. Денсусяну в 1901 г. в первом томе книги «Истории румынского языка», изданной в Париже на французском языке[4]. В соответствии с этой концепцией население северной части Фракии, то есть той части, которая впоследствии определялась К. Иречеком

---

[2] О роли мифа в формировании румынского национального самосознания см.: Boia 2001.

[3] Anderson 1983.

[4] Densusianu 1901; Densusianu 1938.

как зона латинского влияния, было романизировано в языковом отношении и составило основу для формирования румынского этноса в лингвистическом и культурно-историческом плане. В историко-географическом контексте фракийское романизированное население — дако-римляне, то есть жители римской провинции Дакии — рассматривались как ее автохтоны. В то же время еще в конце XIX в. известный румынский историк И. Богдан подчеркивал сильное лингвистическое славянское влияние на формирование румынского языка[5]. Этот факт, ставший впоследствии — во многом по политическим причинам — одним из дискуссионных в румынской историографии, также повлиял на дако-римский (фракийско-римский) конструкт. Особенное значение в данном контексте стало приобретать определение самой исторической области Дакия, ставшей основой Дакийского царства (82–106), уничтоженного Римской империей, и в территориальном отношении являвшейся намного шире, чем одноименная римская провинция (Илл. 1).

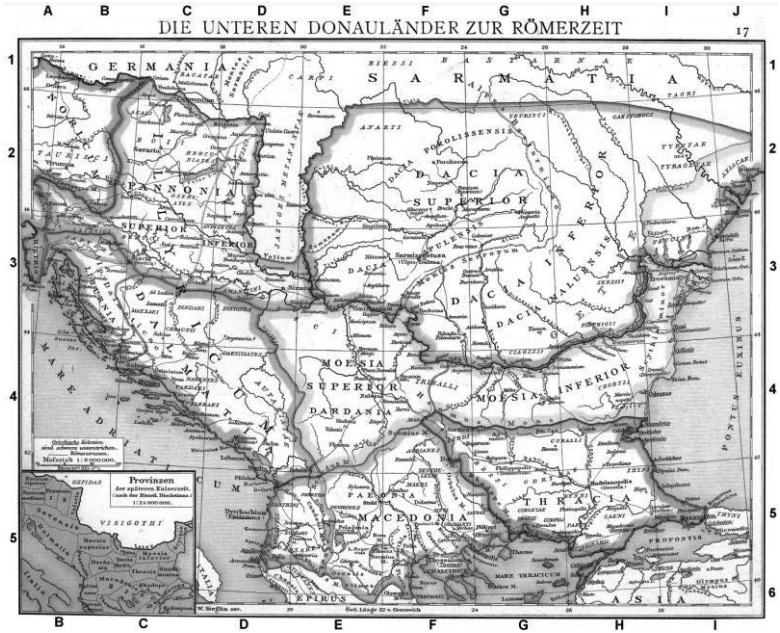
Таким образом, дако-римская (фракийско-римская) концепция происхождения румын «сузила» в историко-географическом смысле более широкий по сравнению с нею «дакийский проект», что повлияло на его последующую реинтерпретацию и популяризацию[6] в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. в условиях укрепления коммунистического режима под руководством Н. Чаушеску, преследовавшего политические цели укрепления личной власти и обращавшегося к истории как аргументу в противостоянии с советским руководством[7]. Наряду с дако-римской (фракийско-римской) концепцией выдвигалась идея существования уникальной дако-фракийской цивилизации и ее особой, даже ведущей роли в древнем мире. В немалой степени этому способствовало обнаружение в 1961 г. во время раскопок около деревни Тэртерия, недалеко от города Алба-Юлия (Трансильвания), трех

---

[5] Подробнее об этом: Михаила 2008.

[6] В 1967 г. в прокате появился совместный румыно-французский фильм «Даки», режиссером которого являлся известный румынский кинематографист С. Николаеску, а автором сюжета сценарист и литератор, член-корреспондент Румынской академии наук и член ЦК румынской компартии Т. Попович. Картина была представлена на Московском кинофестивале в 1967 году.

[7] Ulunyan 2014.



Илл. 1.

Римские провинции Иллирия, Македония, Дакия, Мёзия, Паннония и Фракия (по: Droysen 1886: 16).

табличек с неизвестными письменами. Данная археологическая находка стала активно использоваться властями для продвижения теории о протодаках, занимавших обширное пространство Балканского полуострова. Романтизация даков и пропаганда на государственном уровне гето-дако-фракийского наследия современных румын стали частью и этно-исторического конструкта так называемого протохронизма[8]. Его суть была изложена литературным критиком и специалистом по классической литературе Э. Папу в 1974 г. в статье «Румынский протохронизм», опубликованной в журнале «XX век»[9]. Автор выдвинул идею о том, что

[8] Подробнее об этом явлении в культурной и политической жизни Румынии см.: Tomiţă 2007.

[9] Papu 1974.

именно румынская историко-культурная традиция воздействовала на развитие Запада, а не наоборот. Этот тезис о значении румынского вклада в мировое развитие, наряду с утверждением о малой значимости иностранного влияния на румынскую политическую и культурную традицию как более древнюю, чем западноевропейская, активно использовались режимом Н. Чаушеску. Обращение к гето-дако-фракийскому наследию имело и для него лично большое значение, так как фигура легендарного героического царя Буребисты (82–44 гг. до н.э.), объединившего гетские и дакийские племена в единое государство с центром в южной Трансильвании и противостоявшего внешнему врагу – Риму, с конца 70-х гг. XX в. все больше оказывалась в центре научного дискурса страны[10], поскольку в идейно-политическом плане и на уровне пропаганды была призвана ассоциироваться с главой коммунистической Румынии, подчеркивая его роль «объединителя» нации, выступающего против внешнего давления в лице сверхдержав, включая и союзный с Румынией СССР. Судьба гето-дакийского правителя, ставшего жертвой внутригосударственного заговора, составленного противниками единовластия царя при возможном участии в нем Рима, лишь подчеркивала «дидактический характер» гето-дакийской истории для Румынии. Современные румынские публицисты отмечали в этой связи, что коммунистическая пропаганда существовавшего в стране режима изобрела новую «биографию Буребисты, с тем, чтобы создать его мифическую связь с Чаушеску, исходя из необходимости его харизматическо-мифической легитимности» с помощью выдвижения идеи наследования им «подлинного автохтонного древнего “героя”», и была настолько эффективной, что культ Буребисты продолжал сохраняться даже после падения коммунистического режима в 1989 году[11] (Илл. 2).

Одновременно «дакийский проект» в геоисторической и этнополитической конструкции режима Чаушеску имел еще одно измерение. Он выделял исторические события, способные создать коннотации с современностью, так как обращал внимание на то, что гето-дакийское пространство в ходе восстания населения римской провинции Дакия и действий даков, переселившихся

[10] Crişan 1977.
[11] Manea 2014.

Илл. 2.

Территория государства во время правления Буребисты
(по: Tatomirescu 2001: 63).

из нее и бежавших от римлян в Карпатские горы и к востоку от них под руководством считающегося в румынской историографии даком римского военачальника в придунайских областях империи Регалиана, объявившего себя к тому же императором, было освобождено от римской администрации и стало колыбелью так называемого дако-романского государственного образования — Дако-Румынии (258–268) (Илл. 3).

К середине 1975 г. в «гето-дакийском» конструкте усилилась «фракийская» составляющая, что постепенно трансформировало его в гето-дакийско-фракийский. Начавшееся в 1976 г. в Крайове издание научно-популярного журнала «Мы, фракийцы: многовековая история румынского народа» (*Noi, tracii: istoria multimilenară a neamului românesc*), главным редактором которого стал И. Дрэган — проживавший в Италии бизнесмен румынского происхождения, — являлось знаковым, так как издание занималось пропагандой этой концепции.

Илл. 3.

Территория дако-романского государственного образования (Дако-Румыния) (по: https://romanianhistoryandculture.webs.com/daciaharta.png)

В начале 80-х гг. XX в. в русле официальной политики режима была опубликована книга уже покойного к тому времени известного румынского историка В. Папакости «Румынская цивилизация и балканская цивилизация»[12], состоявшая из его лекций по отдельным аспектам истории Румынии и Балкан с особым акцентом именно на значении румынского фактора в регионе и его «цивилизационной» значимости. Обращаясь к особой роли наследия даков, он отмечал, что «Трансильвания — это физическое, этническое и экономическое пространство румынского народа, находящееся между двумя степями — русскими и венгерскими, корона Карпатских гор выступает как ядро орографической системы, части которой органично сочетаются. Это привело

[12] Papacostea 1983.

к тому, что во все времена Дакия должна рассматриваться как имеющая свою географическую индивидуальность»[13].

Не меньшей по масштабу своего присутствия в научном и общественно-политическом дискурсе и относящейся к геоисторическим конструктам, основывавшимся на концепциях исторической локализации прародины и миграционных путей современных этносов и этногенезе, являлась болгарская версия автохтонности болгар, актуализированная в конце 60-х гг. XX в. болгарским коммунистическим режимом, в связи с чем происходило продвижение и так называемого «фракийского» концепта.

Его присутствие в болгарской «политической» повестке дня отмечалось на протяжении второй половины XIX в. и вплоть до конца Второй мировой войны[14]. В то же время, получившая распространение и поддерживавшаяся в 20-30-е гг. XX в. на официальном уровне доктрина происхождения болгар и болгарского государства, в соответствии с которой протоболгарский элемент, родственный гуннам и угро-финнам, имел более значимое влияние, чем славянский, была призвана подчеркнуть индоевропейский характер болгарского этноса и его арийское происхождение[15].

Установление после Второй мировой войны «особых отношений» с СССР восстановило в научно-историческом и политическом пространстве Болгарии тезис о превалирующей роли славянского компонента и ассимиляции им тюркоязычного булгарского элемента, рассматривавшегося в новых условиях как малозначащий при формировании современной болгарской нации. Фракийский конструкт, тем не менее, не исчез из научного дискурса, а теория об автохтонности болгар продолжала развиваться рядом ученых, которые не были репрессированы коммунистическим режимом, видевшем в их деятельности определенную пользу для себя[16]. В известной степени на судьбу этого концепта и на сам факт возможности их работы в новых условиях повлияли выдвигавшиеся в советском славяноведении и развивавшиеся в болгаристике идеи о происхождении болгар, к тому же «озву-

---

[13] Papacostea 1983: 225.

[14] Ценов 1907; Ценов 1908; Ценов 1910; Йонков-Владикин 1911; Йонков-Владикин 1912; Юруков 1926; Попов 1938.

[15] Съсълов 1935; Съсълов 1936.

[16] Попов 1959.

ченные» на болгарском языке. К их числу относился вышедший в 1946 г. в Софии первый том работы советского академика Н. Державина «История Болгарии. Происхождение болгарского народа и образование Первого болгарского государства на Балканском полуострове». В ней утверждалось, что болгары не являются тюрками, угро-финнами или славянами, а принадлежат к одному из древнейших доиндоевропейских народов[17].

Ближе к концу 60-х – началу 70-х гг. XX в. в контексте формирования коммунистическим режимом политико-идеологической концепции этногенеза болгар и истории болгарской государственности, а также в условиях обострившейся полемики с югославской стороной об этногенезе населения одной из союзных республик СФРЮ — Македонии, как один из важных элементов этногенеза и политогенеза болгар все большее внимание обращался на так называемый «фракийский» проект. Он приобретал особую значимость в политике официальной Софии как на международном, так и на национальном уровне. В 1971 г. вышла фундаментальная в этом смысле работа болгарского академика Д. Ангелова «Образование болгарской народности», в которой фракийскому элементу формирования болгарского этноса придавалось большое значение[18].

Формальная институализация фракологии (болг. тракология) произошла в начале 70-х гг. в виде создания в структуре Болгарской Академии Наук в 1972 г. Института фракологии (Институт по тракология) во главе с известным болгарским ученым А. Фолом. Ему была оказана активная поддержка на государственном уровне со стороны властей, а впоследствии в его работе проявляла заинтересованность лично Л. Живкова — дочь главы НРБ Т. Живкова, член Политбюро ЦК БКП, «курировавшая» культурную политику НРБ. Следует отметить, что коммунистический режим в Болгарии достаточно серьезно относился к теме национально-культурной истории, свидетельством чего стало создание в 1970 г. XIV-го отдела (культурно-историческая разведка) в структуре Первого главного управления болгарского

[17] Державин 1946: 203-207.
[18] Ангелов 1971.

КГБ (КДС), деятельность которого приобрела в ряде случаев откровенно криминальный характер[19].

Сама фракология рассматривалась как особая комплексная дисциплина, изучающая историко-географические, лингвистические и этнокультурные аспекты балканской исторической области Фракия. Примечательным фактом в данном контексте стало назначение первым директором Института А. Фола — сторонника именно идеи формирования автохтонной этнокультурной общности фракийцев в седьмом тысячелетии до н.э. на основе внутреннего развития, а не в результате внешних миграционных процессов, как предполагали сторонники «миграционной теории», датировавшие появление в регионе фракийцев в результате миграции с северо-востока в 3500–1500 гг. до новой эры. Во многом свою аргументацию он строил на тезисах другого болгарского ученого, историка и археолога П. Детева[20]. Не исключено, что дальнейшее покровительство А. Фола, занимавшего пост министра культуры (1974–1979) и министра просвещения (1979–1986), со стороны Л. Живковой, заинтересовавшейся в 70-е гг. мистицизмом и эзотерическими практиками, включая индийские, объяснялось, помимо неофициального политического заказа на фракийские исследования, еще и тем, что ученый активно занимался исследованиями в сформулированной им самим области «фракийского орфизма» — мистического учения о бессмертии фракийской знати. Разработка «фракийского» концепта в контексте этногенеза, исторической лингвистики и исторической географии проходила в научном дискурсе Болгарии особенно активно в 70-е гг. XX в., что было отмечено большим количеством работ[21]. В одной из них недвусмысленно отмечалось, что «фракийский язык — это язык древнего населения наших земель, а более точно — современной Фракии с некоторыми соседними с нею регионами»[22] (Илл. 4).

Несмотря на подчеркнутую деполитизированность фракийских исследований, демонстрировавшуюся официальными представите-

---

[19] См. сборник документов: Държавна сигурност 2014. Также: Думанов 2010.

[20] Наиболее важные работы по этой теме: Фол 1970; Фол 1972; Фол 1975.

[21] Например см.: Влахов 1976; Георгиев 1977; Дуриданов 1976; Теодоров 1972.

[22] Дуриданов 1976: 11.

лями режима, а также учеными, власти, вероятно, все-таки преследовали вполне определенные задачи, которые обуславливались объективными внешне- и внутриполитическими обстоятельствами.

Илл. 4.

Древняя Фракия и Одринское царство (V–III в. до н. э)
(по: http://svetimesta.com/)

Во-первых, используя «фракийский» конструкт, они предпринимали попытку противопоставить идею автохтонности болгар и подчеркнуть их имманентную связь с Балканским полуостровом в противовес официальным политико-идеологическим концепциям этногенеза и становления государственности в соседних государствах региона (Албании, входившей в СФРЮ союзной республики Македония и, в определенной степени, Румынии), которые прямо или косвенно — по мнению руководства Болгарии, использовавшего определенные национальные чувства в болгарском обществе, — минимизировали или даже подрывали вклад болгар как народа и Болгарии как государства в регио-

нальную и мировую историю. Во-вторых, обращение к фракийскому наследию было призвано подчеркнуть важное значение местного, исторически подтвержденного, этнического праболгарского элемента, участвовавшего в формировании этноса и государственности при официально признаваемой большой роли славянства и минимальной тюркоязычного, порождая своего рода не объявляемое открыто, но явно подразумеваемое «равновесие» между ними. Более того, сам факт исторической преемственности болгар как наследников фракийцев — соседей древних эллинов и других народов древнего мира — фактически обеспечивал им равное с ними место в истории, что было важно для коммунистического режима Т. Живкова с внешнеполитической точки зрения, имея в виду его стремление усилить свои позиции в регионе. В определенной степени «фракийский» конструкт являлся и отзвуком существовавшего в памяти болгар «фракийского вопроса» — исторической принадлежности восточной части Фракии, когда на протяжении конца XIX в. и вплоть до 20-х гг. XX в. шла ожесточенная борьба за контроль над ней Болгарии, что делало эту проблему частью так называемого «болгарского» национального вопроса.

Историко-географическая концепция региональной автохтонности албанцев и их тесная этноисторическая связь с древними народами — иллирами и пелазгами — на протяжении второй половины XVIII в. и в начале XX в. являлась преимущественно предметом научных дискуссий и, прежде всего, среди европейских ученых. С установлением коммунистического режима в Албании в 1945 г. как сама история, так и ее исследования, в полном соответствии с примером других коммунистических стран, превратилась в идеологический инструмент и постоянно манипулировалась ими в собственных интересах[23].

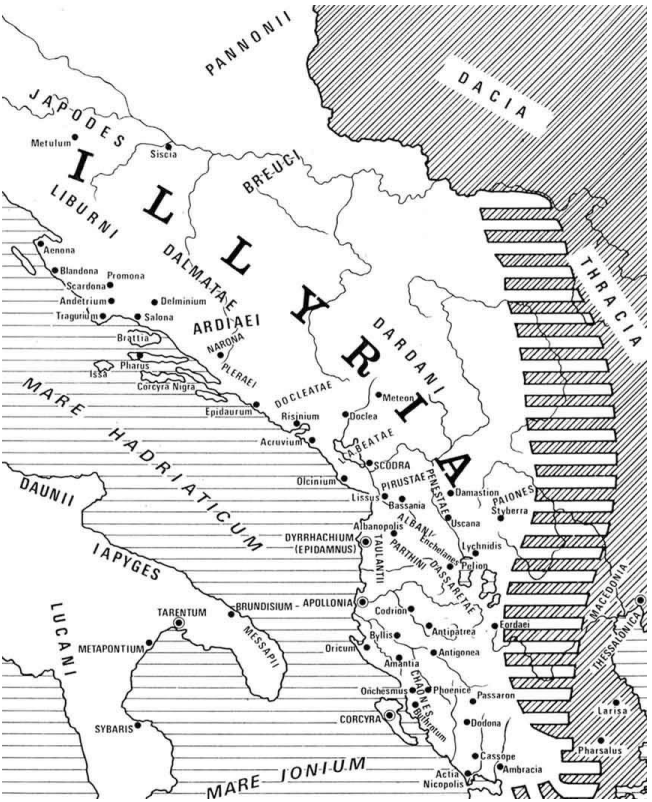
Иллирийская теория происхождения албанцев и их лингвокультурной связи с этим древним народом не стала исключением. Основополагающим тезисом существовавшего «иллирийского» конструкта был историко-географический фактор, так как подавляющая часть исследователей выдвигала предположение об индоевропейском характере иллирийцев, которые пришли на Балканский полуостров из Центральной Европы через средний

[23] Pettifer 2015.

Дунай, смешавшись с местными племенами. Однако в условиях существования коммунистического режима (1945–1990) и особенно в годы правления его главы Э. Ходжи (1945–1985) эта концепция претерпела существенные трансформации, а в ряде «новых» интерпретаций вообще приобрела черты мифологизированного конструкта. Инициирующая роль лично Э. Ходжи при формулировании государственной национальной доктрины способствовала тому, что были исключены иные, нежели «иллирийский», подходы к этногенезу албанцев и формированию их государственности. Суть концепции заключалась в признании за современными албанцами исключительного права на иллирийское наследие с точки зрения их древнего происхождения, культурно-исторической традиции и историко-географических реалий. Являясь современниками древних греков и римлян, кельтов, фракийцев и даков и обладая собственной государственностью, иллирийцы выступали равным с ними, а в некоторых отношениях даже более древним народом с собственной политической организацией (Илл. 5).

Характерной особенностью процесса закрепления этой теории на официальном уровне было обращение к работам иностранных авторов, особенно публицистов, которые подчеркивали древний характер албанского этноса не только в масштабах Балканского региона, но и Европы в целом. Уникальность и историческое значение «иллирийского концепта» отчетливо проявилось в ходе работы проведенной при явной политической и идеологической поддержке коммунистических властей Первой международной конференции по иллироведению (*Kuvendi I i Studimeve Ilire*), состоявшейся в Тиране 15–20 сентября 1972 года. Обращаясь к теме древней урбанизации на Балканах, известный албанский археолог С. Ислами, приводя слова немецкого антиковеда XIX в. Т. Моммзена о неразвитости иллирийцев по сравнению с римлянами и греками, указывал на влияние, оказанное на немецкого исследователя, древнегреческой цивилизации, рассматривая его как преувеличенное, и подчеркивал наличие «другого мнения» – болгарского специалиста по древней Фракии А. Фола. С этой целью он приводил слова своего болгарского коллеги о том, что «во Фракии, Македонии и Иллирии городские агломе-

рации обладают почти полным сходством типов и видов, а также путей их исторического формирования»[24].



Илл. 5.

Иллирия

(по: https://www.deviantart.com/chr1salbo/art/Illyria-Map-197320536)

В планах режима Э. Ходжи важную роль в построении иллирийского конструкта, сочетавшего исторические факты и их мифологизированную интерпретацию, была призвана играть археология. Сама концепция имела двуединую задачу. Во-первых,

[24] Islami 1978: 7, 8.

она обосновывала «особый» характер этнополитического развития албанцев как древнего автохтонного этноса Балканского полуострова, что было важно при обращении к конъюнктурным вопросам современного государственно-территориального размежевания на полуострове, и, во-вторых, обосновывала наличие перманентной исторически обусловленной внешней угрозы, обращаясь к судьбе иллирийского государства, павшего в результате его захвата римлянами и превратившегося в римскую провинцию. В тесной связи с этой концепцией и практически параллельно с нею получал распространение политизированный этнополитический и геоисторический «конструкт Дардании» как составной части «иллирийской доктрины». В его основу был положен научный факт существования древнего государства Дардании (IV в. – 44 г. до н.э.), населенного, по одной из научных академических версий, дардами — протоалбанским племенем. Оно включало территорию современного Косово, северные районы современной Республики Македонии, южные части современной Сербии и отдельные части Санджака. Как и собственно Иллирийское государство, Дардания была завоевана римлянами и превращена ими в провинцию. Примечательным фактом реанимации «идеи Дардании» было обращение к высказывавшимся в XIX в. рядом зарубежных европейских ученых предположениям относительно возможного родства между дарданами и иллирийцами. Следует отметить, что в период существования СФРЮ исследователи-албанологи из Косово также занимались темой Дардании, становившейся все более популярной. Примером может служить защита в Университете Загреба в 1972 г. докторской диссертации «Дарданы и Дарданиия в древности» (*Dardanët dhe Dardania në antikë*) впоследствии ставшим широко известным косовским албанологом академиком З. Мирдитой[25].

В начале 70-х гг. XX в. концепт дарданов-иллирийцев был расширен в идеологической политике коммунистических властей Албании и по личной инициативе Э. Ходжи за счет приобщения к нему еще и наследия древних народов пелазгов и этру-

[25] О попытках политической интерпретации этнополитического и геоисторического концепта Дардании в современном Косове, признанном как независимое государство Республика Косово 111 государствами-членами ООН из 193, см. в: Улунян, Кулешов 2007; Ломоносов 2010.

сков. С этой целью в Албанию был приглашен З. Маяни — французский публицист и автор сомнительной с научной точки зрения книги «Этруски начинают говорить», опубликованной в 1961 г. на французском языке[26], а в 1962 г. и на английском[27]. В ней он доказывал родство между этрусским, иллирийским и албанским языками. В 1970 г. эта теория была представлена в завершенном виде в его новой книге «Конец этрусской тайны», изданной в Париже[28], которая, вероятно, привлекла внимание Э. Ходжи, хорошо владевшего французским языком. Примечательным фактом в данном контексте было то, что этрусско-пелазгийский концепт, апеллируя к малоизученности данной проблемы, создавал образ таинственного древнего народа, обладающего великим богатым наследием. В историко-географическом отношении албанский иллирийский и дардано-иллирийский концепты, к которым добавился еще и очень важный с точки зрения «пространственного» охвата пелазгский элемент, оказался широким геоисторическим и этнополитическим проектом. Он распространялся в историко-географическом плане не только на территорию западной части Балканского полуострова, имевшего традиционные связи с Европой, но и что было особенно важно — даже на Апеннины и Иберийский полуостров, превращаясь в значимую часть исторического европейского средиземноморского «проекта». Таким образом, поддержанная и активно пропагандировавшаяся властями политизированная, но использующая научную основу концепция иллирийского происхождения албанцев становилась важным элементом внешнеполитической пропаганды режима и подчеркивала историческую значимость Албании и албанцев для Европы в его конкретных конъюнктурных целях.

Практически для всех трех геоисторических и этнополитических концептов — румынского, болгарского и албанского периода существования в этих странах коммунистических режимов — характерны широкий территориальный охват и взаимопроникновение. Дако-фракийский/дако-римский/дако-фракийско-гетский конструкт занимает значительную часть геоисторическо-

[26] Mayani 1961.
[27] Mayani 1962
[28] Mayani 1970.

го пространства болгарского фракийского концепта, а территория албанского иллиро-дарданского включает отдельные части двух предыдущих. При этом одна из версий болгарского фракийского конструкта, базирующаяся на лингвоисторической теории, охватывает помимо Фракии пространство исторических областей Аттики и Македонии, но при этом, собственно Фракия в различных сочетаниях, либо ее отдельные районы выступали либо ядром, либо частью древних государственных образований и пространством, заселенным родственными народами. Еще одной характерной чертой трех «ретрогеографических» концептов являлась их ориентированность на доказательство автохтонности населения и его «европейскости». Особый смысл в данном контексте приобретало включение в него «общеевропейского» водного пространства в виде Средиземного моря. Формулирование этих конструктов, в которых историческая география играла роль «территориальной основы» для обоснования не только расселения народов, но и их древней государственности, в условиях коммунистических режимов преследовала идеологические цели внутри страны, а на внешней арене была призвана обеспечить в политическом плане равный с другими странами статус в системе международных отношений. Гибкая модель политизированной архаики позволяла развивать конструкт и реинтерпретировать его при необходимости, дополняя новыми элементами.

Общественно-политические изменения в бывших коммунистических странах региона, а также создание на Балканах новых государств в 90-х гг. XX и начале XXI в., общественно-политические трансформации в бывших членах Восточного блока, а также не входивших в них, актуализировали обращение к историко-географическому фактору в публичном и научном дискурсах. Во многом с его помощью и при явном объективном характере процесса предпринималась попытка легитимации произошедших этно-территориальных изменений. Отказ Словении и Хорватии от «географической» принадлежности к Балканам, и, соответственно, их попытка выхода из его политического поля, явились одним из наиболее очевидных примеров этого. Образ Балканского полуострова как конфликтного региона, сам факт пребывания в котором мог негативно восприниматься внешним миром, сыграл определяющую роль в предпринятых двумя государствами шагах. Для «оставшихся» в нем было важно подчерк-

нуть, во-первых, несправедливость сформировавшихся во внешнем мире представлений о регионе как источнике проблем для Европы, и, во-вторых, его тесную связь с ним. Появление определения «Западные Балканы» и активное использование для обозначения полуострова уже давно существующего широкого понятия «Юго-Восточная Европа», включающего нередко и небалканские страны, были призваны микшировать негативный образ, а при определенных условиях вообще избегать любых коннотаций «балканского» характера полуострова. В известной степени это являлось продолжением существовавшей и обострившейся в 70-х – 80-х гг. XX в. дискуссии о соотношении понятий «Восточная Европа» и «Центрально-Восточная Европа», когда первое из определений рассматривалось не как географическое, а как политическое, подчеркивающее принадлежность расположенных там государств к так называемому советскому Восточному блоку, либо коммунистических стран, включая и не входящие в блок государства. В то же время, тема именно исторической географии стала одним из важных элементов балканского общественно-политического и научного академического дискурсов этнополитической и культурно-исторической идентичности общенационального образа стран и государств региона. Научные теории и концепции исторического развития конкретных народов и их культур, геоисторических пространств их обитания являлись на протяжении XIX–XX вв. предметом не только академических исследований, но и инструментами формирования национального самосознания народов Балканского полуострова. При этом особое значение получали либо политически интерпретированные и селективно подобранные факты и данные, которые становились частями более общего конструкта, либо исторические геомифологемы, построенные на основе воспринимаемых как историческая данность мифах о территориальной автохтонности конкретных народов и о миграционных процессах, в которых они участвовали.

В условиях, создавшихся после ликвидации коммунистической общественно-политической системы в тех странах региона, где она существовала, и их переориентации на вхождение в общеевропейское политическое пространство, существовавшие на протяжении истории концепции и теории этногенеза и географической распространенности этносов в прошлом актуализирова-

лись. Это было во многом обусловлено поиском новой этнической и даже геопространственной идентичности. Несмотря на предпринятые с участием европейского научного сообщества, и во многом успешные, шаги, направленные на развитие невраждебного историописания[29], тем не менее, как геоисторические концепты в целом, так и отдельные факты исторической географии, в частности, нередко отражают высокую степень политизированности национальной историографии, влияющей на восприятие подобных теорий внутри и вне государств региона. В отличие от споров в научных академических изданиях по проблемам этногенеза и вопросам исторической географии Балканского региона, средства массовой информации стран полуострова помещают на своих страницах материалы, которые порой бывают выдержаны в жестко-полемической тональности. Нередко суть дискуссии сводится к противопоставлению автохтонности/аллохтонности и эндогенности/экзогенности соответствующих современных балканских этносов, что, в свою очередь, обуславливает интерпретацию влияния историко-географического фактора на их развитие и на сам процесс формирования наций, а по сути, на современную политико-географическую картину «регионального мира».

БИБЛИОГРАФИЯ

Ангелов 1971 — *Ангелов Д.* Образуване на българската народност. София, 1971.

Влахов 1976 — *Влахов К.* Тракийски лични имена, фонетико-морфологични проучвания // Studia Thracica. 1976. № 9.

Георгиев 1977 — *Георгиев Вл.* Траките и техния език. София, 1977.

Державин 1946 — *Державин Н.С.* История на България. Произход на българският народ и образуване на Първата българска държава на Балканския полуостров. София, 1946. Т. 1.

Думанов 2010 — *Думанов Б.* Класовите основи на идеята за древнотракийския елемент в българската народност и опозицията на археолозите — Электронный ресурс [режим доступа: http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksBG/Boyan_Dumanov%20_TRAKI.pdf; дата обращения — 15.10.2018].

[29] Улунян 2012.

Дуриданов 1976 — *Дуриданов И.* Езикът на Траките. София, 1976.

Държавна сигурност 2014 — Държавна сигурност и културно-историческото разузнаване (1970–1989). Документален сборник. София, 2014.

Йонков-Владикин 1911 — *Йонков-Владикин Н.* История на древните траки. Отъ новокаменния периодъ до царя Бориса. (Начало 8000 години преди Христа). Зачатки и растежъ на арийската цивилизация. Пловдив, 1911. Т. I. Ч. 1.

Йонков-Владикин 1912 — *Йонков-Владикин Н.* История на древните траки. От новокаменния период до царя Бориса. (Начало 8000 години преди Христа). Тракийските разселвания до Индия и до Англия. Пловдив, 1912. Т. 1. Ч. 2.

Ломоносов 2010 — *Ломоносов М.Ю.* Возрожденная Дардания: История новопровозглашенного государства в экспозиции Музея Косово // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 59–68.

Михаила 2008 — *Михаила Г.* Иоанн Богдан — основоположник славяно-румынских исследований в Бухарестском университете // Al XIX-lea Congres Internaţional al Slaviştilor (Ohrid, Macedonia, 10–16 IX). Bucureşti, 2008.

Попов 1959 — *Попов М.* Антропология на българския народ. Физически облик на българите. София, 1959. Т. I.

Попов 1938 — *Попов М.* Българският народъ между европейските раси и народи. София, 1938.

Съсълов 1935 — *Съсълов Д.* Неизменниият антропологичен изглед на българите. София, 1935.

Съсълов 1936 — *Съсълов Д.* Пътят на България. София, 1936.

Теодоров 1972 — *Теодоров Е.* Древнотракийско наследство в българския фолклор. София, 1972.

Улунян 2012 — *Улунян Ар.* Опыт невраждебного историописания: Балканские войны в контексте «новой историографии» региона // Модернизация vs война: Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012. С. 46–58.

Улунян 2016 – *Улунян Ар.* «Линия Феодосия I»: Историческая география в современной албанской общественно-политической публицистике // Историческая география / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2016. Т. 3. С. 385–404.

Улунян, Кулешов 2007 — *Улунян Ар., Кулешов С.* Фактор Косово: балканское экспертно-аналитическое сообщество на фоне этнополитического кризиса (1996–2007 гг.). М., 2007.

Фол 1975 — *Фол А.* Тракия и Балканите през ранно-елинистическата епоха. София, 1975.

Фол 1970 — *Фол А.* Демографска и социална структура на древна Тракия. София, 1970.

Фол 1972 — *Фол А.* Политическа история на траките. София, 1972.

Ценов 1908 — *Ценов Г.* Българите са по-стари поселници на Тракия и Македония от славяните. София, 1908.

Ценов 1907 — *Ценов Г.* Праотечеството и праезикът на българите. София, 1907.

Ценов 1910 — *Ценов Г.* Произходът на българите и начало на българската държава и българската църква. София, 1910.

Юруков 1926 — *Юруков Д.* Размишления върху произхода на българите. София, 1926.

Anderson 1983 — *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. New York, 1983.

Boia 2001 — *Boia L.* History and Myth in Romanian Consciousness. Budapest, 2001.

Crişan 1977 — *Crişan I.H.* Burebista şi epoca sa. Bucureşti, 1977.

Densusianu 1901 — *Densusianu O.* Histoire de la Langue Roumaine. Les Origines. Paris, 1901. T. 1.

Densusianu 1938 — *Densusianu O.*Histoire de la Langue Roumaine. Le Seizième siècle. Paris, 1938. T. 2.

Droysen 1886 — *Droysen G.* Allgemeiner historischer Handatlas in sechsundneunzig Karten mit erläuterndem Text. Bielefeld; Leipzig, 1886.

Islami 1978 — *Islami S.* Lindja dhe zhvillimi i jetës qytetare në Iliri // Iliria. Studime Ilire. Qyteti Ilir. Botim i veçantë me rastin e «Kuvendit të parë të studimeve Ilire» mbajtur në Tiranë me 15–21 Shtator 1972. Prishtinë, 1978. V. 2.

Manea 2014 — *Manea I.-M.* Dacomania sau cum mai falsificăm istoria. 15.01.2014 — Электронный ресурс [режим доступа: https://www.historia.ro/sectiune/general/articol/dacomania-sau-cum-mai-falsificam-istoria; дата обращения — 15.10.2018].

Mayani 1970 — *Mayani Z.* La fin du mystère étrusque. (Fundi i misterit etrusk). Paris, 1970.

Mayani 1961 — *Mayani Z.* Les Etrusques commencent a parler. Collections signes de temps. Paris, 1961.

Mayani 1962 — *Mayani Z.* The Etruscans Begin to Speak. London, 1962 .

Papacostea 1983 — *Papacostea V.* Civilizație românească şi civilizație balcanică. Ediție îngrijită de Cornelia Papacostea-Danielopolu. Introducere de Nicolae-ŞerbanTanaşoca. Bucureşti, 1983.

Papu 1974 — *Papu E.* Protocronismul romanesc // Secolul XX. 1974. № 5–6.

Pettifer 2015 — *Pettifer J.* Si u manipulua historia e shqiptarëve nëpër dekada. 12.12.2015 — Электронный ресурс [режим доступа: http://www.observatorikujteses.al/si-u-manipulua-historia-e-shqiptareve-neper-dekada/; дата обращения — 15.10.2018].

Tatomirescu 2001 — *Tatomirescu I.* Istoria religiilor. Timişoara, 2001. Vol. 1: Din paleolitic / neolitic până în mitologia pelasgo-daco-thracică (sau valahică / dacoromână).

Tomiță 2007 — *Tomiță A.* O istorie "glorioasă". Dosarul protocronismului românesc. Bucureşti, 2007.

Ulunyan 2014 — *Ulunyan Ar.* Nationahood under the Eastern Bloc: Romanian Communist Mode of Ethno-Political Construction as Response to the "Elder Brother" (late 60s–70s). Analysts' Assessments and Historians' Views // Codrul Cosminului. 2014. Vol. 20 (1).

И.Ю. Окунев, Б.А. Барабаш

ГОРОД-ГОСУДАРСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ, ПРЕИМУЩЕСТВА И ПРОБЛЕМЫ

Аннотация: Статья посвящена феномену «города-государства»: соотношению города и государства, а также отличительным характеристикам города-государства с точки зрения современного подхода к его изучению. В статье произведена попытка провести классификацию современных городов-государств наряду с микрогосударствами, объединенными общим понятием «малые политии», осуществлен анализ статусно-ролевых наборов, функциональных ниш и интересов трех типов малых политий: микрогосударства, города-государства и зависимого города на примере Бутана, Сингапура и Гонконга.

Ключевые слова: город-государство, пространственная организация, государство, территориальное государство, государство-нация, микрогосударство.

Государство является системообразующим элементом политико-географической структуры современного мира. Именно на данном уровне территориальной организации общества возможно достижение максимальной организованности элементов более низкого порядка (поселений, регионов, экономических районов и т.д.), максимальной независимости от влияния элементов этого же порядка (в первую очередь, других государств) и максимального влияния на формирование элементов более высокого порядка (надгосударственные образования, геополитические системы и т.п.). Таким образом, именно на уровне государства в политике появляется оптимальная возможность конвертировать ресурсы внутренней организации во внешнеполитическое могущество.

Появление города и процесс его разрастания (урбанизация), как правило, происходит перед появлением государства

и процессом его развития — государственным строительством. Город в качестве самостоятельного государственного образования как форма организации людей не является уникальной для современной международной политической системы, а наоборот, имеет глубокие корни в истории, представляя древнюю форму социальной общности людей. После так называемой «городской революции», ставшей одним из ключевых факторов становления человеческих цивилизаций, наличие городов является неотъемлемой частью любого развитого социума[1].

Подавляющее большинство современных государств мира относится к национальным государствам, или, по-другому, государствам-нациям (*nation-state*). Редкие исключения составляют города-государства Сингапур, осколки феодальной раздробленности: Андорра, Сан-Марино и Лихтенштейн и государство-юрисдикция Ватикан. Однако путь к такому состоянию был долгим и сложным. Идея о том, что власть с территорией связывается через народ, совсем не является ни очевидной, ни естественной. До закрепления универсальности принципа национального государства политические системы прошли эволюцию через целый ряд других форм территориальной организации государства.

Современная политическая карта мира характеризуется высокой качественной и количественной дифференциацией политических образований, обладающими неповторимыми отличительными характеристиками. Ведущую и доминирующую роль в современной международной политической среде продолжают играть государства, являющиеся самостоятельными и независимыми политическими единицами. Несмотря на все разнообразие политических систем, форм правления, организации административно-территориальных единиц и режимов, подавляющее большинство политий мира представляют собой традиционно понимаемый институт политико-социальной организации общества, упрощенно называемым «контейнером власти с границами»[2] — государством-нацией, или территориальным государством, — которое обладает широкими территориальными, материальными, финансовыми и человеческими ресурсами.

---

[1] Gordon Childe 1950.
[2] Bekus 2010: 21–37.

В результате исторического генезиса и территориальных изменений, вызванных событиями XX века, на современной политической карте мира оказались политии, имеющие особый отличительный признак, выделяющий их на фоне остальных государств, — весьма ограниченную площадь территории. Речь идет о так называемых *городах-государствах*, административно-территориальное устройство которых представляет собой небольшую территорию с управляющим городом, как правило, единственным, а также так называемых *микрогосударствах* — политических единицах, значительно отличающихся в меньшую сторону от других государств по двум основным параметрам: величине площади и количеству населения. Обладание чрезвычайно малой территорией ставит подобные политии в жесткие рамки функционирования, так как для выживания на политической арене мира в окружении других политических образований от них ожидается нахождение наиболее эффективных способов использования ограниченных ресурсов. Несмотря на существование двух параллельных терминов, которые в разном контексте могут применяться к одной и той же политической единице, на современном этапе за ними стоит ярко выраженная проблематика дефиниций — что считать городом-государстом, а что микрогосударстом. Каковы их функциональные ниши, общие и различные черты? Представляется релевантным рассмотреть оба феномена, начав с микрогосударства как политической единицы более низкого порядка.

Микрогосударство и город-государство: общее и различное

Микрогосударство (англ. *micro state*), иногда называемое в российской традиции *карликовым государством*, — в классическом понимании есть политическое образование на карте мира, обладающее суверенитетом, которое по сравнению с остальными государствами значительно отличается в меньшую сторону по размеру территории или количеству населения. Ключевая морфема слова «микро-» дает представление о том, что политии, принадлежащие к данной категории, являются крайними объектами классифицирующей измерительной шкалы государств, будучи ее самым меньшим звеном. Когда речь заходит о микрогосударствах, как правило, внимание концентрируется на таком аспекте как размер их территории. Действительно, большинство

микрогосударств мира занимают не более одной десятитысячной от размера всей поверхности Земли. На политической карте мира подобные государства выглядят как небольшие еле различимые территории, а порой и вообще изображаются в виде точек. Второй показатель, по которому определяют, является ли полития микрогосударством, связан с количеством населения. Логика здесь связана с тем, что, как правило, государства, обладающие малым населением в числовом выражении, будут также малы и по площади, а два этих показателя в синтезе позволят определить данную страну как микрогосударство с гораздо большей уверенностью.

На этих двух показателях, позволяющих определить, являются ли государства микрогосударствами, всеобщее согласие ученых исчерпывается. Необходимо упомянуть, что единого определения, устраивающего всех исследователей данного вопроса, не существует. Так, некоторые считают, что для классификации страны в качестве микрогосударства необходимо учитывать не только ее площадь и количество населения, но и ее место в системе международных отношений, удельный политический вес, а также способность влияния на мировые экономические и политические процессы и взаимодействие с международными организациями. Однако классификация, учитывающая данные параметры, не поддается количественному и числовому измерению, а ориентирована скорее на эмпирическую оценку положения конкретных государств. Другой аспект, который часто подвергается обсуждению, — можно ли признавать политии, не обладающие полными суверенными правами, микрогосударствами. В данном контексте бывает сложно определить, была ли у какой-либо территории в историческом контексте интенция к обособлению и созданию собственного государственного образования, которое пришлось «отложить», передав часть своих суверенных прав бóльшему соседу, или же территория изначально считалась частью большего государства. Приходится признать, что в первом случае говорить о зависимой территории как о микрогосударстве вполне справедливо, а во втором — подобная полития с большей долей вероятности будет рассматриваться в качестве составной части бóльшего государства.

Еще один проблемный вопрос, соотнесенный с определением микрогосударств, связан с трактовкой их «силы» на международной арене и способности к продвижению своих инициатив

в контексте международных отношений. Могут ли являться микрогосударствами значимо важный с точки зрения проведения финансовых операций Сингапур, являющийся четвертым[3] в мире крупнейшим финансовым центром, который обладает территорией в 710 км^2, или весьма отсталый в модернизационном плане Бутан, являющий одним из беднейших государств на планете, который занимает примерно 38 тыс. км^2? Если «да», то могут ли они считаться равнозначными? Безусловно, оба государства совершенно не похожи друг на друга, но большинством исследователей причисляются к категории микрогосударств. Стоит заметить, что среди признаков, по которым эти два государства определили в категорию «микро-», существенным, наравне с относительно малой территорией, будет являться тот факт, что сами по себе эти государства просто не в состоянии повлиять на международную политику вследствие недостатка политических ресурсов. Забегая вперед, следует сказать, что для продвижения своих собственных интересов они оба также «пользуются услугами» проводников — международных организаций.

Часто понятие «микрогосударство» признают тождественным понятию «малое государство». Несмотря на то, что оба термина, на первый взгляд, кажутся идентичными, многие исследователи данного вопроса, тем не менее, истолковывают их поразному. Так, известный американский исследователь Роберт Кохэйн предлагает следующий подход к типологии государств: «Великая держава — это государство, лидеры которого считают, что оно может в одиночку осуществлять широкое, возможно решающее, воздействие на международную систему; … средняя держава — это государство, чьи лидеры считают, что оно не может эффективно действовать в одиночку, но может быть способно оказывать системное воздействие в составе малых групп или через международный институт; малая держава — это государство, чьи лидеры считают, что оно никогда, в одиночку или в малой группе, не может оказывать значимое воздействие на систему»[4].

Подобная классификация, действительно, отражает картину мира в любой исторический период времени и оказывается релевантна, когда речь заходит об определении потенциальной силы

---

[3] Francken 2014.

[4] Keohane 1969: 296.

государств на мировой арене. Однако возникает проблема, связанная с тем, что термин «малое государство» (англ. *small state*) имеет две коннотации — относительно его размера и, как это определил Р. Кохэйн, в связи с его неспособностью реализации собственных интересов на мировой арене. Если принять во внимание, что существуют малые государства по площади, которые также являются малыми государствами и в контексте своего политического веса (например, Лесото и Свазиленд) и малые государства по площади, вовлеченность которых в мировую политику достаточно очевидна (например, Сингапур и Бахрейн), может возникнуть настоящая путаница. Тем не менее, следует признать, что обе классификации весьма полезны для выполнения конкретных типов задач, поэтому их следует стараться не смешивать. Справедливости ради стоит отметить, что в российской традиции понятия «малое государство» и «микрогосударство», а также «карликовое государство» являются синонимичными, в то время как *small power* и *small state* в зарубежной научной литературе обозначают различные понятия, смысл которых объяснен выше. Сложность и размытость понятия «малое государство» также демонстрируется тем фактом, что в научной литературе его применяют к различным государственным образованиям, что является неочевидным на первый взгляд. Например, вышеупомянутый Р. Кохэйн в соавторстве с Дж. Наем предложили определение Австралии и Канады в качестве малых государств по отношению к Соединенным Штатам Америки[5]. Несмотря на это, если рассматривать оба государства по абсолютным показателям, они совершенно не могут быть классифицированы таким образом.

Одно из современных определений понятия микрогосударств раскрывает их в качестве «защищенных государств в современной трактовке», то есть суверенных государств, которые в одностороннем порядке делегируют определенные атрибуты своей суверенности бóльшим государствам с целью обеспечения собственной политической и экономической жизнедеятельности. Важно отметить, что функционирование микрогосударств в подобных институциональных отношениях, прежде всего, обуславливается их реальным или предполагаемым географическим малым размером и значимостью.

---

[5] Keohane, Nye 1977: 12–13.

Наряду с термином «микрогосударство» существует особый концепт, имеющий долгое историческое развитие и большое количество измерений — город-государство.

Город-государство (англ. *city-state*) — в классическом понимании представляет собой политическое образование на карте мира, состоящее из суверенного управляющего города и окружающих его зависимых территорий. В современном дискурсе термин «город-государство» используется прежде всего для особой группы государственных образований, которые обладают полной независимостью и отличаются гораздо меньшими — по сравнению с другими — размерами территории и населения. Данный подход к трактовке города-государства не отражает всю его специфику и колоссальный исторический прогресс его становления, уходящий в глубину веков, однако является отправным шагом для понимания города-государства как такового. Ввиду возникновения подобной трактовки во второй половине XX в., во многом благодаря экономическим и политико-организационным успехам Сингапура, являющимся хрестоматийным примером города-государства в современной политической реальности, данный подход представляется уместным называть *современным*.

Очевидно, что понимание города-государства с точки зрения современного подхода представляется релевантным только для текущей международной политической системы. Кроме того, он распространяется на весьма ограниченное количество государственных образований, так как в действительности подобные политии на карте мира встречаются редко и представляют собой скорее исключение из правил. Согласно современному подходу (который может быть описан как «формальный» в противовес «цивилизационному», где город-государство представляется в качестве особой формы пространственной социально-политической организации социума), города-государства вследствие большого отклонения от показателей среднестатистических стран являются особой категорией микрогосударств (см. Схему 1)[6].

Прежде всего речь идет о трех городах-государствах, полностью соответствующих критериям формальной и фактической независимости, а также обладающих территорией города как единственной административной единицы: экономически высо-

[6] Warrington 1994.

Схема 1

СООТНОШЕНИЕ ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА И ГОСУДАРСТВА

	Формальный подход	*Цивилизационный подход*
Категория	государство	государство — город-государство
Подкатегория	микрогосударство ↓ город-государство	Микрогосударство

коразвитая азиатская республика Сингапур, средиземноморское княжество-полуанклав Монако и самое малое официально признанное государство в мире, резиденция Папы Римского Ватикан[7]. При этом важно понимать, что Ватикан обладает особым статусом, будучи Папским престолом, а Монако не состоит из одного города, но является группой небольших городов. Следует отметить, что в отечественной и зарубежной литературе публицистического толка и в новостных лентах существует тенденция по большей степени использовать данный термин по отношению к средиземноморской и восточноазиатской республикам; подобное описание резиденции главы Католической церкви распространено гораздо реже[8]. Кроме того, некоторые периодические издания аналитического характера упоминают Сингапур в качестве единственного в мире полностью функционирующего города-государства. Применительно к Сингапуру данное обращение, в первую очередь, призвано привлечь внимание к его уникальности по сравнению с остальными государствами и подчеркнуть особый характер его экономической модернизации и критически важную роль в мировых торговых и финансовых операциях, происходящих на территории столь малого размера. Подобный интерес к Сингапуру как к городу-государству неслучаен, хотя бы ввиду того, что модель развития, предложенная им, обогатила теорию функционирования микрогосударств и заложила новые теоретические положения в современный подход к пониманию «города-государства».

Понимание «города-государства» с точки зрения современного подхода, которое включает три вышеперечисленные поли-

[7] Schliff 2010: 170.
[8] Peters 2014.

тии, наиболее часто встречается в научной литературе, и с ним соглашается большинство исследователей. Тем не менее, это не отменяет проблему определения объема понятия современного города-государства. Так, некоторые исследователи подходят к критерию независимости минималистически и полагают, что в мире помимо полностью независимых городов-государств также целесообразно выделять подгруппу политий, которые обладают ограниченным суверенитетом, но внешне и внутренне не отличаются от «настоящих» городов-государств[9]. Так, в данную категорию попадают специальные административные районы КНР Гонконг и Макао, обладающие, как и Сингапур, высоким экономическим потенциалом, а также автономные города Испании Сеута и Мелилья[10]. Дополнительным критерием выделения данной группы городов служит тот факт, что все они так или иначе способны на проведение собственной политики и подконтрольны центру не в полном объеме. В этом случае исследователи выводят на первый план не независимость как таковую, но самоуправление. Кроме того, исторически, многие города-государства были составными частями федераций.

Отдельной группой стоят политии, чей размер превосходит размер города, но из-за диспропорций в размещении населения и формировании столичных центров такие микрогосударства все еще напоминают города-государства (Бахрейн, Сан-Марино, Катар и др.[11]).

Наконец, некоторые исследователи применяют термин «город-государство» к городским территориям, являющимся полноправными составными (а иногда еще и столичными) частями единой, достаточно крупной страны. Это оправдывается тем, что при анализе поведения подобных городов в качестве обособленных игроков на внешнеполитической арене в действительности можно заметить признаки, сближающие их с настоящими городами-государствами. В первую очередь, здесь имеются в виду столицы эмиратов ОАЭ, между которыми нередко можно наблюдать конкуренцию, несмотря на то, что они все вместе входят в одно государство[12]. Другие исследователи вспоминают истори-

---

[9] Chong, 2010.
[10] Parker 2004.
[11] A Comparative Study 2002: 91.
[12] Kotkin 2010.

ческое развитие и статус «вольных городов» Германии Бремена и Гамбурга, а также приводят в качестве примера территории с автономным статусом — Москву, Лондонский Сити, Канберру. Следует заметить, что данное понимание термина деформирует общую тенденцию современного подхода, так как поднимается слишком высоко по лестнице абстракции, в результате чего город-государство как особая форма государства теряет свои сущностные признаки. Кроме того, для изучения подобных единиц большое число исследователей используют другие теории, в частности, теорию глобальных столиц (англ. *global capital*)[13], и именно поэтому их изучение позиции городов-государств представляется нецелесообразным. Общие направления классификации города-государства с точки зрения современного подхода приведены в Таблице 1.

Важно понимать, что город-государство определяется таковым как структурными факторами (количество населения, территория, расположение административных единиц), так и поведенческими (например, стремление увеличить свое значение на международной арене, достичь приемлемого уровня безопасности или оказать влияние на соседей).

Представляется, что понимание сущности города-государства в целом с точки зрения современного подхода носит несколько поверхностный характер и неполно отражает его суть, так как полностью игнорирует исторические казусы, существующие на протяжении различных эпох — начиная от первых шумерских протогородов Урук и Ур, древнегреческих полисов и заканчивая искусственными городами-государствами XX века, которые обладали своими особенностями и даже уникальными характеристиками. Всестороннее понимание концепта «города-государства» и его сущности на современном этапе невозможно без принятия во внимание исторических и социальных аспектов появления подобной категории, на что прямо указывает исследователь культуры городов-государств М. Хансен[14]. Тем не менее, именно данный подход функционирует в рамках современной системы международных отношений, отражающей релевантные отношения между всеми акторными единицами, их интересы и опасения, что важно для понимания поведения малых государств.

---

[13] Hall 1993: 69–84.

[14] A Comparative Study 2000.

Таблица 1

Город-государство с точки зрения современного подхода. Примеры

Территории, имеющие высокую плотность населения в одной точке	*Суверенные государства*	*Несамоуправляющиеся территории*	*Автономные территории*	*Город-микрогосударство*
Примеры	Сингапур Ватикан* Монако**	Гонконг (КНР) Макао (КНР) Сеута (Испания) Мелилья (Испания)	Дубаи (ОАЭ) Гамбург (ФРГ) Канберра Москва Лондон-Сити Бразилиа	Катар Бруней Кувейт Бахрейн
* Не является городом в традиционном смысле. ** Является сетью небольших городов, почти слитых воедино.				

В самом термине «город-государство» заключены два понятия, диалектическая зависимость между которыми — что является подчиняющим понятием, а что подчиненным, — несмотря на кажущуюся очевидность, до сих пор не может быть установлена окончательно. Для того чтобы понять сущность данного термина в более глубоком ключе, важно разобраться, что таит в себе каждая его составляющая.

Второе, цивилизационное, представление о городе-государстве и государстве как о двух различных формах пространственной организации привело к появлению так называемой унилатералистической теории (от англ. *unilateralism* «односторонность»), согласно которой современное государство (территориальное, или государство-нация) оказалось единственной жизнестойкой формой организации людей, пережившее и город-государство, и империю — устаревшие формы пространственной организации, объективно обреченные на исчезновение. Критики

этой теории (которые и дали ей название «односторонней») отвергают идею о том, что «государство» является более совершенной и прогрессивной формой по сравнению с другими; и город-государство, и империя составляли серьезную конкуренцию этой форме организации людей и распались в результате исторической случайности[15]. По мнению критиков теории, существование современных городов-государств является доказательством несостоятельности тезиса о том, что город-государство как форма организации людей устарела. В качестве контраргумента защитники теории говорят, что Сингапур, Монако и другие современные казусы в строгом смысле не являются той самой исторической формой города-государства, а скорее представляют *нео-города-государства*, что отражает современный формализованный подход к их изучению. Таким образом, подводя краткий итог рассмотрения вопроса о соотношении города и государства, необходимо признать, что часто урбанизация и процесс государственного строительство идут рука об руку.

С точки зрения цивилизационного подхода, город-государство является одной из первоначальных форм общественно-политической организации общества, которая зародилась в глубоком прошлом и, пройдя через важнейшие качественные этапы, сохранилась до сегодняшних дней. Несмотря на мнения о том, что город-государство является чисто историческим концептом, исчезнувшим в глубине веков[16], представляется уместным говорить о его трансформации, вызванной как изменением международной среды, так и появлением новых движущих сил в самих государствах. Разумеется, современные города-государства имеют множество различий с историческими казусами, которые сами по себе неоднородны, но все они так или иначе являются проявлением одного феномена.

В Новое и Новейшее время на протяжении XVII–XX вв. в мире существовало большое количество городов-государств, однако в общем по сравнению с другими формами пространственной организации они стали встречаться реже. Во времена Священной Римской империи имперские города-государства процветали с относительной автономией, права на которую закрепил Вестфальский мир 1648 года. Города Ганзейского союза

---

[15] Spruyt 1996.
[16] The Archaeology of City-States 1997.

Бремен, Гамбург и Любек использовали все свое экономическое могущество, будучи равнозначны с государствами-нациями и оказывая внушительное дипломатическое влияние. Пик расцвета этих городов-государств пришелся на период после распада Священной Римской империи и до объединения Германии и Италии, когда появилась острая необходимость образования единых государств для возможности конкурентного существования с более сильными соседствующими нациями-государствами.

В XX веке появились новые специфичные примеры искусственных городов-государств, начиная от городов под наблюдением международных организаций (Данциг, Триест[17]) и заканчивая Западным Берлином, которому также приходилось функционировать в режиме жесткой экономии имеющихся ресурсов[18]. Возвращение в свои изначальные территориальные единицы являлось лишь вопросом времени, однако их практика радикального изменения направления политики является важным дополнением к теории микрогосударств и городов-государств.

Рост внимания к городам-государствам на современном этапе связан с достижением Сингапуром независимости от Федерации Малайзия во второй половине XX века. Именно с этого момента и начинается формирование нового, современного, подхода к изучению феномена этого вида политии. Начиная с XVI–XVII веков, города-государства становятся изолированными, так как вынуждены функционировать в политической среде, где доминируют другие, более сильные, государственные формы, что не могло не повлиять на их дальнейший путь развития, так как опасность быть захваченными возросла многократно. Современные города-государства находятся в полном окружении территориальных государств, что вынудило их найти свое место среди конкурентов. Так, Ватикан является центром Католической церкви, княжество Монако стало значимым туристическим местом, в то время как Сингапур занял важное место в торговых, финансовых и банковских операциях.

Возвращаясь к теме микрогосударств, было бы неправильно не упомянуть, что определение объема данного понятия также ненамного проще. Микрогосударства — это условная категория,

---

[17] Loew 2011: 189–203.
[18] The Cold War in Berlin.

в которую попадают государства, соответствующие определенным характеристикам, чаще всего выраженные в числовом значении (например, по размеру площади). Важным замечанием является тот факт, что общепризнанной числовой «границы», переступив которую, государство автоматически становится микрогосударством, нет. Традиционно к микрогосударствам по площади относят все страны, размер которых меньше государства Люксембург (2 586,4 км²). Исходя из такой формулировки, ученые насчитывают 26 государств, которые подпадают под такое определение, и, таким образом, являются микрогосударствами. Другие способы классификации микрогосударств представлены в Таблице 2.

Важно отметить, что указанные классификации не слишком идеальны и потенциально могут не включать в себя страны, которые действительно должны числиться среди микрогосударств, и наоборот, зачислить те государства, которые исходя из общей картины, не могут считаться микрогосударствами. Так, например, полноценное город-микрогосударство Сингапур обладает территорией в 714 км^2, но его население равняется почти 5,5 млн. жителей, ставя его в один ряд с такими государствами как Финляндия (5,5 млн. жителей) и Словакия (5,4 млн. жителей), которые ни по какой классификации не могут быть отнесены к категории микрогосударств. Именно поэтому, несмотря на то, что использование простых количественных признаков может показаться справедливым и наименее сложным, многие исследователи критикуют такие классификации за противоречивость, субъективность, неопределенность и неспособность осмысленно отделить качественно различные между собой политические единицы[19].

Таким образом, понятие «микрогосударство» не имеет четкого определения и жестких правил классификации. Для того чтобы такой статус действительно отражал содержание понятия, каждую страну, которая имеет характеристики для зачисления ее в категории микрогосударств, необходимо рассматривать отдельно и весьма внимательно.

Интересы малых политий

Несмотря на существование весомых различий между государствами «обычными» и «микро-», а также городами-государствами,

[19] Dumienski 2014.

их политические и экономические интересы, как правило, имеют одни и те же основания. Прежде всего, целью их деятельности — в масштабе как собственной территории, так и на международной арене — является стремление к сохранению собственного существования, культурной и национальной идентичности, удовлетворения потребностей собственного населения. Правительства карликовых государств, так же как и официальные представители

Таблица 2

Некоторые способы классификации стран в качестве микрогосударств по размеру территории или количеству населения

Микрогосударства **по территории** (из 193 государств-членов ООН + Ватикан)		
Признак классификации	*Количество микрогосударств*	*«Верхний порог»*
Площадь менее 50 000 км^2	69	Словакия (48 845 км^2)
Меньше Люксембурга (2 586,4 км²)	27	Коморские Острова (2 235 км^2)
Площадь менее 1 000 км^2 (без морских территорий)	23	Сингапур (778 км^2)
Площадь менее 500 км^2	16	Андорра (468 км^2)
Микрогосударства **по населению** (из 193 государств-членов ООН + Ватикан) [По состоянию на 2014 год]		
Признак классификации	*Количество микрогосударств*	*«Верхний порог»*
Население менее 1 000 000 чел.	41	Джибути (900 000 чел.)
Население менее 500 000 чел.	29	Бруней (422 675 чел.)
Население менее 100 000 чел.	13	Сейшельские о-ва (89 949 чел.)

других стран, стараются достичь стабильного экономического роста своих государств, а также наладить международные отношения с другими политическими акторами.

Тем не менее следует признать, что малые политии в силу своей специфики, помимо вышеприведенных «универсальных» стремлений, имеют и свои определенные политические притязания. Из-за своего, как правило, незначительного политического веса на международной арене микрогосударства перманентно стремятся к обеспечению собственной безопасности. В условиях анархичной мировой системы, когда не существует единого центра, который может следить за ситуацией в мире и санкционировать нарушение мирового порядка (например, когда одно государство стремится нарушить суверенитет другого), карликовые государства всеми способами стараются доказать международному сообществу собственную независимость. Целью малых политий является признание их в качестве равноправных субъектов международных отношений со стороны государств более высокого уровня, а также продвижение собственных интересов с целью достижения экономического и политического равновесия.

Если взглянуть более подробно на деятельность некоторых малых политий на международной арене, можно выделить их особые функциональные ниши и статусно-ролевой набор, отличающие их от других малых политий.

Так, для государства Бутан, которое обладает достаточно большой площадью, малым населением, но весьма выраженной отсталостью в экономическом развитии, первостепенным интересом является безопасность. Низкая заинтересованность мирового сообщества, в том числе из-за исключительно низкого экономического развития, слабая обороноспособность и соседство с на порядок более мощной Индией являются определяющими факторами Бутана в стремлении к обеспечению собственной безопасности. Членство в международных организациях, которые гарантируют сохранение баланса сил на время деятельности организации, предоставляют возможность Бутану снизить степень своего беспокойства. Кроме того, подобная деятельность также позволяет ему разрешить свои экономические и продовольственные проблемы посредством займов и получением гуманитарной помощи.

Для Сингапура, являющимся хрестоматийным примером города-государства и обладающим малой площадью, большим

населением и вовлеченностью в мировые экономические процессы, одним из первостепенных критериев деятельности, который определяет его поведение, является стремление оказывать влияние на сильнейшие государства. Будучи активным сторонником южно-азиатского регионализма, Сингапур стремится построить баланс сил без участия Индии, Китая и Японии и не допустить их определяющего присутствия в регионе. Исторически обеспечение собственной безопасности было наиболее важной целью деятельности Сингапура в международных организациях. Уже через два года после обретения независимости Сингапур вместе с пятью другими развивающимися государствами основал АСЕАН с стратегической задачею оказания сопротивления могущественным государствам развитого Запада и коммунистического блока СССР-Китай. Однако в контексте становления Сингапура мощной экономикой Азии аспект безопасности перестал быть для него наиболее важным. С обретением экономической самостоятельности и возможностью влиять на мировые инвестиционные и производственные процессы, Сингапур более не видит опасности в потере собственного суверенитета, вызванной экспансией сопредельных государств. Если аспект безопасности для Сингапура с течением времени ушел на второй план, то стремление повлиять на сильнейшие государства Азии до сих пор остается для него важнейшим. Так как Сингапур является сторонником регионализации Юго-Восточной Азии, он всеми своими силами старается не допустить в поле деятельности АСЕАН таких мощных игроков как Китай или Индия, для того чтобы сохранить существующий баланс сил. Стремление повлиять на более мощных акторов можно рассматривать в качестве эволюционной ступени от ориентации на обеспечение собственной безопасности. Кроме того, подобная заинтересованность Сингапура может быть объяснена тем фактом, что он обладает нужным количеством экономических ресурсов, а также кредитом доверия. Представляется, что и в дальнейшем Сингапур будет стремиться к стабилизации внешнеполитической обстановки в рамках стран Юго-Восточной Азии, построению более тесных экономических связей, а также сведению противоречий, прежде всего исторических, между государствами внутри альянса на нет. Стоит заметить, что в одиночку Сингапур, пусть и обладая огромным экономическим потенциалом, не способен особо повлиять на обстановку на Азиат-

ском континенте. Именно деятельность в АСЕАН, которая объединяет 10 государств Юго-восточной Азии, позволяет ему делать это. Демонстрацией этого тезиса может послужить всеобщее запрещение ядерного оружия в регионе, которое было инициировано АСЕАН со стороны Сингапура, несмотря на нарекания некоторых государств вне коалиции.

Для третьего государственного образования, Гонконга, который представляет собой группу политий фактически не являющихся суверенными государствами, особо важен критерий формального равенства. Он стремится достичь статуса равноправного партнера в международных отношениях из-за статуса зависимой территории, используя экономические ресурсы в деятельности международных организаций с целью повышения политического авторитета. Аспект формального равенства в контексте деятельности Гонконга в международных организациях является для него определяющим. Этот вывод можно сделать, если принять во внимание стремление Гонконга к установлению отношений с ООН и другими организациями, членами которых могут быть только суверенные государства. Понимая невозможность прямого вступления в подобные организации, Гонконг старается достичь этого косвенным путем, например, через создание институтов, ассоциаций и представительств, основываемых как внутри города, так и на территории других государств. Правительство Гонконга понимает, насколько экономический потенциал города-государства возрос за последние десятилетия в связи с проведением масштабной модернизации, превратившей Гонконг в финансовый центр третьей величины, и поэтому не беспокоится в экономическом плане. Возможные претензии на полную ликвидацию автономии со стороны Китая и недооценивание Гонконга как политического партнера со стороны остальных государств — вот проблемы, решения которых Гонконг всеми своими силами старается найти. Именно поэтому стратегической целью Гонконга является достижение хотя бы формального равенства с другими полноценными государствами. Членство в таких организациях как ВТО и АТЭС дают возможность Гонконгу построить отношения со своими партнерами на подобной основе.

Как видно из сопоставительного анализа моделей трех малых политий, все они имеют большое количество различий. Смещение акцентов по различным параметрам прямо или косвенно связано

с историческим прошлым, экономико-географическим положением и степенью экономического развития, а также непосредственным размером территории и количеством населения. Высокий экономический потенциал Гонконга и Сингапура позволяет им не беспокоиться за свою безопасность. Критерий формального равенства является намного менее выраженным для Сингапура и Бутана по сравнению с Гонконгом, так как они оба являются полностью суверенными государствами. Для Бутана и Гонконга, в свою очередь, фактор влияния на сильнейшие государства уходит на второй план, так как они имеют более весомые проблемы безопасности и достижения равенства. Наконец, все указанные государства заинтересованы в обеспечении своих собственных интересов, достичь которые они могут посредством агитации на мировых площадках международных организаций. Несмотря на различия в интересах, все они, так или иначе, связаны с проблемами, с которыми сталкиваются большинство современных микрогосударств.

Проведенный выше подход к анализу трех типов современных малых политий может использоваться и для других кейсов, чтобы объяснить основные движущие силы в их поведении, функциональные ниши, которые они занимают, а также основные структурные различия и сходства.

Модель города-государства. Качественная характеристика структурных факторов модели

Несмотря на все многообразие проявлений форм города-государства на протяжении истории человечества, начиная с древнейших африканских городов и греческих полисов и заканчивая свободными итальянскими городами эпохи Возрождения и современными городами-государствами, в целом возможно выделение общих признаков, оказывающихся релевантными для большинства исторических казусов. Выделение подобных признаков позволяет составить так называемую «идеальную» гипертрофированную модель города-государства, которую невозможно встретить в реальности, однако которая наиболее полно отражает феномен избранной модели общественно-политического устройства.

Важнейшими *структурными* факторами, выделяемыми М. Хансеном[20], являются следующие:

[20] A Comparative Study 2000.

Размер. Город-государство представляет собой особенную разновидность микрогосударства по двум определяющим параметрам:

Территория. Отсутствие ограничений в меньшую сторону. (например, площадь Ватикана — 0,44 км^2). Более важным является определение верхних границ. Так как вся территория города-государство должна по определению полностью состоять из ближайших прилегающих районов к его городскому центру, при слишком больших размерах город-государство теряет важнейшую территориальную характеристику. Традиционно, в исторической перспективе большинство городов-государств своей крайней точкой имели границу, до которой его жителю можно было дойти из центра за сутки, то есть примерно 30 км. Таким образом, средний максимум площади города-государства составляет примерно 3000 км^2.

Население. Применительно к малым городам-государствам исследователи говорят о среднем числе населения, составляющем около 1000 человек, а для больших городов-государств это число доходит до 100 тыс. жителей с исключениями. Подобный размах в 90 тыс. человек и составляет границы города-государства по данному критерию.

Этническая и политическая идентичность. В отличие от современного государства-нации, политическая идентичность города-государства не совпадает с этнической. Он разделяет культурные особенности (язык, культура, религия и т.д.) с другими городами-государствами, в то время как его политическая идентичность (в том числе местный патриотизм) в своей основе сфокусирована на самой политической единице.

Название. Название города-государства совпадает с названием городского центра и происходит от него.

Модель расселения. Как правило, абсолютное большинство населения проживает в центральном внутреннем районе города, в то время как малая его часть может быть рассредоточена по остальной территории.

Урбанизация. Центром города-государства является город, где располагается его правительство. Поэтому город-государство обладает единственным урбанистическим центром, являющимся религиозным, военным и политическом центром страны (исключение могут составлять островные города-государства, где порт является вторым подобным центром).

Экономика. Исторически города-государства возникали на основе натурального хозяйства, сочетающего разделение труда и специализацию, так как внутренний рынок имел важное значение, будучи ярмаркой, на которую могли попасть все жители города, прошедшие путь в один день.

Оборона. У города-государства имеется своя армия, кроме того, в прошлом центр страны, как правило, фортифицировался. Город-государство имеет высокие расходы на содержание армии и относительно развитый военный сектор.

Управление. Город управляется, как правило, из одного центра, в то время как система управления характеризуется высокой институционализацией по сравнению с «обычным» городом. Как правило, город имеет республиканский строй, иногда демократический режим, а процентное участие населения в управлении страной высокое.

Самоуправление. Город-государство обладает внутренним суверенитетом, имея полный контроль над своей территорией. М. Хансен полагает, что город-государство не обязательно должен обладать внешним суверенитетом, являясь частью федерации, монархии или составной частью другого государства. Город-государство прежде всего характеризуется самоуправлением, а не независимостью, — констатирует он[21].

Нехватка самодостаточности. Несмотря на высокий уровень урбанизации и вовлечение большинства населения в экономические процессы внутри страны, города-государства полностью зависят от торговли с соседями и не в состоянии выжить без активной деятельности по экономическим, дипломатическим и военным каналам, так как имеют ограниченные материальные ресурсы.

Вышеперечисленные признаки характеризуют прежде всего структурные элементы города-государства как формы государственно-политического устройства на первых четырех этапах его развития.

Проблема эффективности городов-государств в сравнении с территориальным государством

Как и любая форма пространственной организации общества, город-государство обладает своими достоинствами и недостатками, которые могут не проявляться на определенных этапах

[21] A Comparative Study 2000; A Comparative Study 2002.

развития как самой политии, так и мировой среды в целом. Если достоинства возможно подчеркнуть, обратив внимание на роль, которую города-государства играли для становления современной политической и экономической систем (в историческом плане), то недостатки являются основаниями для исчезновения этой формы устройства с карты мира. Другими словами, в результате развития мировой системы и производительных сил недостатки городов-государства стали играть настолько существенную роль, что превратились в некое подобие атавизма, что и предопределило фактическое исчезновение этой формы устройства и замену ее на более прогрессивную — территориальное государство. Сравнение города-государства с территориальным государством (под которым, в первую очередь, понимают нацию-государство) с точки зрения недостатков является важным шагом на пути нахождения ответа на вопрос «что заставило города-государства исчезнуть». При этом важно понимать, что любые факторы в указанном сравнении не будут играть чисто историческую роль, ведь они являются релевантными и для современных городов-государств, которые, возможно, именно благодаря разрешению данных проблем выжили в нынешних условиях (Таблица 3).

Таблица 3

НЕДОСТАТКИ ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА

Сфера	*Основная проблема*	*Содержательные проблемы в виде целей*
Экономика	Ограниченные ресурсы	Формирование основных статей дохода
		Обеспечение собственных нужд
Военный сектор	Недостаточный уровень безопасности	Оформление внешних гарантий
		Формирование оборонных сил
Политика	Низкий политический авторитет	Влияние на весомых внешних игроков
		Достижение равенства с соседями
		Проведение собственной политики

Целесообразным представляется выделить три главные сферы жизнедеятельности любого государства — экономическую, военную и политическую — с целью найти основные проблемы, которые присущи городу-государству.

Экономика. Еще в самой приближенной модели города-государства подчеркивается его несамодостаточность, прежде всего, экономическая. Основная проблема любого города-государства в этой сфере — ограниченные ресурсы, связанные как с малыми территорией и населением, так и с недостаточно развитиями производительными силами, а также институтами распределения. В прошлом это негативное проявление нивелировалось тем фактом, что экономическое развитие всего мира в целом было не настолько развито, и тем, что подобная проблема, которая была релевантной для всех государств, не вызывала «расслоение» между более скудными в плане ресурсов государствами и более богатыми. С появлением мирового хозяйства и мировой торговли зависимость городов-государства стала особенно очевидной. Эта проблема разделяется на две более содержательные: во-первых, просто обеспечение своих нужд для выживания и стабильного развития, и во-вторых, необходимость в формировании собственных статей дохода для проведения модернизации. Даже богатейшие города-государства эпохи свободных городов Германии полностью зависели от торговли с другими государствами, что никоим образом не делало их положение стабильным в долгосрочной перспективе. Экономическая проблема по праву является наиболее насущной, так как без ее разрешения город-государство просто не сможет функционировать.

Военный сектор. Центральная проблема военной сферы города-государства — недостаточный уровень безопасности. Историческое развитие городов-государств показывает, что многие из них даже несмотря на свое высокое экономическое развитие теряли свою независимость из-за невозможности дать отпор более сильным соседям. При этом данная проблема имеет как внешний, так и внутренний аспект: с одной стороны, городу-государству необходимо иметь развитию систему гарантий, выраженную в виде союзов или договоров с другими городами-государствами и остальными соседями, с другой — любой город-государство должен иметь развитые оборонные силы, насколько это представляется возможным. К примеру, достижение статус-

кво между итальянскими городами-государствами стало возможным именно благодаря развитию военного дела и социальной группы профессиональных военных.

Политическая сфера. Проблемы в данной сфере покрывают отсутствие возможностей городов-государств влиять на внешних игроков, обладающих большим политическим весом, достичь формального равенства с соседями (прежде всего, с территориальными государствами), а также проводить собственную политику, будучи ими окруженными. Все эти проблемы являются следствием центральной политической проблемы города-государства — низкого авторитета перед лицом мировой общественности. Формально будучи наименее острой среди трех выделенных, политическая проблема играет важную роль для стабильного и прогрессивного развития любого города-государства, так как она стала намного важнее в современных условиях.

***

Город-государство как форма организации людей не является уникальной для современной международной политической системы, а наоборот, имеет глубокие корни в истории, представляя намного более древнюю форму социальной общности людей.

Нахождение отличительных черт городов-государств как в историческом плане, так и в современной ситуации, а также определение характера их функционирования, способов мобилизации ресурсов и организации внутренних и внешнеполитических действий, посредством которых они компенсируют свои недостатки и максимально используют сильные стороны, позволяет не только понять суть функционирования подобного исключительного вида политии, но и в целом дополнить теорию государства как такового и глубже понять феномен его деятельности.

БИБЛИОГРАФИЯ

Bekus 2010 — *Bekus N.* Struggle Over Identity: The Official and the Alternative “Belarusianness”. Budapest, 2010.

The Archaeology of City-States 1997 — The Archaeology Of City-States: Cross-Cultural Approaches / Ed. by Deborah L. Nichols and Thomas H. Charlton. Washington DC, 1997.

Gordon Childe 1950 — *Gordon Childe V.* The Urban Revolution // The Town Planning Review. 1950. Vol. 21. No 1. P. 3–17.

Chong 2010 — *Chong A.* Small State Soft Power Strategies: Virtual Enlargement in the Cases of the Vatican City State and Singapore // Cambridge Review of International Affairs. 2010. Vol. 23 (3). P. 383–405.

Dumienski 2014 — *Dumienski Z.* Microstates as modern protected states: Towards a new definition of Micro-Statehood. URL: http://ams.hi.is/wpcontent/uploads/2014/04/Microstates_OccasionalPaper.pdf.

Francken 2014 — *Francken N.* Singapore: The World's Fourth Largest Financial Centre, 12.03.2014. URL: https://www.archive.shorex.com/index.php?option=com_k2&view=item&id=69:singapore-as-an-international-financial-centre&Itemid=547 &lang=en.

Hall 1993 — *Hall P.* The Changing Role Of Capital Cities: Six Types of Capital City // Capital Citie / Les Capitales: Perspectives Internationales / International Perspectives / Ed. By J. Taylor, J.G. Lengellé, C. Andrew. Ottawa, 1993. P. 69–84.

A Comparative Study 2000 — A Comparative Study of Thirty City-State Cultures: An Investigation Conducted by the Copenhagen Police Centre / Ed. by Mogens H. Hansen. Copenhagen, 2000.

A Comparative Study 2002 — A Comparative Study of Six City-State Cultures: An Investigation Conducted by the Copenhagen Police Centre / Ed. by Mogens H. Hansen. Copenhagen, 2002.

Keohane 1969 — *Keohane R.O.* Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // International Organization. 1969. Vol. 23 (2). P. 291–310.

Keohane, Nye 1977 — *Keohane R.O., Nye J.S.* Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston, 1977.

Kotkin 2010 — *Kotkin J.* A New Era for the City-State? // Forbes, 23.12.2010. URL: https://www.forbes.com/sites/joelkotkin/2010/12/23/a-new-era-for-the-city-state/#200ee7a67a20.

Loew 2011 — *Loew P.O.* Danzig: Biographie einer Stadt. München, 2011.

Parker 2004 — *Parker G.* Sovereign City: The City-state Through History. London, 2004.

Peters 2014 — *Peters E.* Is the Vatican really a country? // Catholic Answers. 2014. URL: https://www.catho-lic.com/qa/is-the-vatican-really-a-country-0.

Schiff 2010 — *Schiff P.D.* The Little Book of Bull Moves: How to Keep Your Portfolio When the Market is Up, Down, or Sideways. Hoboken NJ, 2010.

Spruyt 1996 — *Spruyt H.* The Sovereign State and Its Competitors: An Analysis of Systems Change. Princeton NJ, 1996.

The Cold War in Berlin — The Cold War in Berlin / J. F. Kennedy Library. URL: http://www.jfklibrary.org/JFK/JFK-in-History/The-Cold-War-in-Berlin.aspx

Warrington 1994 — *Warrington E.* Lilliputs Revisited // Asian Journal of Public Administration. 1994. Vol. 16 (1). P. 3–13.

А.М. Авраменко

ПРЕДМЕТ, ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В МОНОГРАФИИ ПОЛЬСКОГО ИСТОРИКА ЯНА ТЫШКЕВИЧА

Институт истории Польской Академии Наук (ПАН) в новой серии «Вспомогательные исторические науки» издал монографию Яна Тышкевича «Историческая география: очерк проблематики»[1]. Ее автор — профессор Института истории Варшавского университета и Гуманитарной академии в Пултуске, известный солидными исследованиями в области исторической географии, демографии, исторической хронологии, средневековой истории и культуры славян и кочевников Европы, средневековой военной истории и др.[2].

Книга состоит из трех частей, а также содержит полезные приложения, в частности, выборочный список исторических, географических и прочих атласов, списки каталогов картографических собраний, историко-географических словарей Польши, список иллюстраций (в книге 92 иллюстрации, среди которых 38 картосхем и планов, значительную их часть выполнил автор книги), указатель географических и этнических названий и предметный указатель.

В первой части книги автор объясняет концепцию исследования и дефиниции исторической географии. Содержание этой научной дисциплины чрезвычайно обширно и Я. Тышкевич

[1] Tyszkiewicz 2014.

[2] Mórawski, Tyszkiewicz 1970–80; Tyszkiewicz 1974; Tyszkiewicz 1975a; Tyszkiewicz 1975b; Tyszkiewicz 1981; Tyszkiewicz 1983; Tyszkiewicz 1989; Tyszkiewicz 1991; Tyszkiewicz 2003a; Tyszkiewicz 2003b; Tyszkiewicz 2008.

справедливо утверждает, что «даже исследование в несколько сотен страниц не может охватить и исчерпать проблематику» (с. 7), поэтому в сжатом очерке он посчитал целесообразным сосредоточиться главным образом на том, что связано с историей Польши и соседних стран, от бассейна Одера до Днепра. Он сделал попытку обобщить состояние развития исторической географии вплоть до настоящего времени. Предыдущая подобная обобщающая работа в Польше была издана в 1951 году[3].Кстати, с того же года начались работы над археологическим, историческим и этнографическим атласами Польши, а впоследствии возникли новые научные дисциплины, изучающие разные аспекты взаимодействия человека и природной среды. По словам Тышкевича, еще в 1930-е годы в Польше представители антропогеографии и исторической географии соперничали между собой в деле установления точного соответствия между топографическим положением, планировкой и функциями поселений (с. 79).

Автор монографии напоминает, что в прежние времена историко-географические исследования медиевиста В. Семковича были направлены главным образом на изучение изменений территории и границ Польши. Сам Тышкевич отдает приоритет исследованиям так называемого коммуникационного ландшафта, а также экономического и военного ландшафтов, анализу стихийных бедствий в истории общества. Последним аспектом пренебрегали поколения польских историков, если не считать выборочные исследования по инициативе Францишека Буяка. Актуальной проблемой остается разработка учебника исторической географии, но важно уточнить дефиницию и содержание этой научной дисциплины на основе современных исследований.

Тышкевич пишет, что дифференциация географии на протяжении XX в. привела к тому, что в конце столетия ученые даже начали употреблять термин «географические науки» (с. 72). На самом деле это произошло намного раньше, и когда московский географ В. Анучин во время защиты докторской диссертации отстаивал единство географии[4], его воспринимали практически как еретика. Для специалистов в области исторической географии дискуссия между сторонниками единой географии или сово-

[3] Arnold 1951.
[4] Анучин 1960.

купности географических наук означала решение вопроса: можно ли считать историческую географию единой, либо это комплекс разных научных дисциплин. В частности, сторонник последней точки зрения М.И. Белов насчитал полтора десятка историко-географических дисциплин[5], а его оппонент и личный друг Л.А. Гольденберг был сторонником единства исторической географии.

Определить место исторической географии среди прочих наук, ее ядро, структуру и связи с иными науками, действительно, непросто. В конце своей книги Тышкевич дал схему места исторической географии среди других наук (с. 329), но она не очень убедительна: там отсутствуют некоторые науки, которые анализирует сам автор, неудачно объяснено соотношение между науками и дисциплинами (в частности, получается, что смысловые поля исторической картографии и географии поселений никак не сходятся, а это на самом деле не так).

С точки зрения Тышкевича, существенным является принципиальное деление географии на две части: физическую (природную) географию и социально-экономическую (или географию человека). В польской науке Семкович еще в 1946 г. видел перед исторической географией три задачи: 1) воссоздание древней географической среды, то есть природного ландшафта, 2) исследование изменений в ландшафте, которые происходят вследствие заселения и хозяйственной деятельности человека и 3) исследование так называемого историко-политического ландшафта, то есть делений и границ, обозначенных в географическом пространстве вследствие деятельности людей.

В понимании Тышкевича, «историческая география — вспомогательная историческая наука, накапливающая и развивающая знания о прежней природной среде и ее взаимосвязях с человеческими обществами в прошлом, на основе широкого междисциплинарного сотрудничества» (с. 10). Такое определение удовлетворяет историков, но не географов, для которых историческая география является частью географических исследований, где история развития природной среды или гуманитарных аспектов географии будет приоритетной. Но автор добавляет, что историческая география дополняет наши знания природной среды в

[5] Белов 1976.

прошлом, форм и условий прежнего расселения человечества, позволяет рассмотреть особенности этих двух комплексов в исторической перспективе. Такое понимание уже в большей мере удовлетворит и географов.

Согласно Тышкевичу, историческая география также исследует историю географических знаний, географических горизонтов и географических открытий, историческую картографию и стихийные бедствия. Частично с этим можно согласиться, но за исключением исторической картографии данные аспекты скорее являются объектами исследований географов, историки же тут, как правило, участвуют на любительском уровне, либо в сотрудничестве с географами определенной специализации. Что касается исторической картографии, то понимание ее предмета до сих пор вызывает большие разногласия. Известный московский историко-географ и специалист в области картографического источниковедения Л.А. Гольденберг еще в 1970-е годы призывал четко отличать историческую картографию от истории картографии[6], но большинство исследователей по-прежнему путает эти понятия. Кстати, о подобной путанице относительно понятий «историческая география» и «история географии» предупреждал еще советский учебник в 1973 году[7].

Польская наука столетиями имела и имеет тесные связи с немецкой наукой. Анализируя истоки современных направлений польской исторической географии, Тышкевич пишет, что в конце XIX в. в Германии доминировала практика использования картографического метода, создания исторических карт и атласов отдельных земель и округов. Это повлияло на изучение разного типа границ, типов колонизации, реконструкцию прежней географической среды. Уже тогда немецкие исследователи акцентировали внимание на изменениях, происходивших в природном, культурном и историко-политическом ландшафте, а на рубеже XIX–XX вв. антропогеография изучала взаимодействие географической среды и человеческого общества. Позже представитель польской науки Станислав Арнольд понимал историческую географию как составную часть антропогеографии, которая должна рассматривать все историко-географические вопросы

[6] Гольденберг 1974: 34.

[7] Дробижев, Ковальченко, Муравьев 1973: 4.

прошлого: воссоздание географической среды, развитие культурного и историко-политического ландшафта; вследствие чего можно оценить влияние литосферы, гидросферы, атмосферы и биосферы на жизнь людей.

В польском учебнике вспомогательных исторических дисциплин 1946 г. В. Семкович определил историческую географию как вспомогательную науку, которая «исследует пространство, где происходят исторические события и процессы», по его словам, «историк исследует и описывает великую драму истории человечества, географ — сцену, на которой разворачивается драма». Он видел основные задачи исторической географии в реконструкции географической среды определенной эпохи, исследовании процесса преобразования природного ландшафта в культурный ландшафт в процессе колонизации, в определении старых территориальных подразделений, возникавших в результате организационных потребностей человечества (политических, церковных, военных и т.д.), а также в развитии картографического источниковедения. Итогом исследования должны быть исторические карты, которые являют собою графическое отображение исследованных явлений и процессов в масштабе.

Следует добавить, что в советской исторической географии длительное время господствовала точка зрения В.К. Яцунского, который содержание этой научной дисциплины делил на четыре части: физическую географию, географию населения и населенных пунктов, экономики, и политическую географию определенной исторической эпохи. Такое ограниченное понимание не предусматривало изучение церковной географии или культурного ландшафта. Но авторитет В. Яцунского был настолько велик, что его видение исторической географии вошло даже в шеститомную «Краткую географическую энциклопедию», где она трактовалась как вспомогательная историческая (не географическая!) дисциплина[8]. Когда позже Л.Н. Гумилев выступил с серией публикаций, где обосновывал историческую географию с точки зрения этнологии и ландшафтоведения, его считали еретиком и подвергали гонениям.

Поэтому не удивительно, что в 1951 г. С. Арнольд в книге «Историческая география Польши» попытался приспособить

[8] КГЭ 1961: 158.

задачи этой дисциплины к требованиям марксистской методологии. В его толковании историческая география была наукой, которая изучает историю культурного и историко-политического ландшафта в связи с географической средой прошлого и развитием «производительных сил и соответствующих им производственных отношений отдельных человеческих обществ». Последняя часть полностью соответствовала дефиниции Яцунского. Обратим внимание также на то, что, согласно Яцунскому и Арнольду, историческая экономическая география должна была изучать географию производства, в то время как география потребления оставалась вне поля зрения ученых.

Интересно, что еще недавно в составе экономической географии изучали географию транспорта, а ныне в книге Тышкевича употребляется термин «коммуникационная география», который намного шире и включает также все средства передачи информации: прессу, телефон, телеграф, радио, телевидение, сеть Интернет (с. 123). В частности, ныне Я. Тышкевич настаивает на том, что необходимо обеспечить дальнейшее развитие исторической демографии, изучение географии расселения, здоровья и человеческих болезней, эпидемий прошлых времен и иных вопросов, которыми до сих пор пренебрегали.

Отметим, что научно-популярная книга английского географа Лоуренса Дадли Стампа (1898–1966) «География жизни и смерти», посвященная вопросам медицинской географии в исторической ретроспективе, была издана в Лондоне и Нью-Йорке в 1964–65 гг. и быстро была опубликована в русском переводе в Москве[9], но, к сожалению, не способствовала развитию исследований географии человеческих заболеваний и эпидемий прошлых времен ни в бывшем СССР, ни в Польше (по крайней мере, в открытой печати). Более того, информация о географии заболеваний в СССР была секретной, отчего ее объективное исследование было невозможным. Можно вспомнить также о практике засекречивания картографических источников, что делало невозможным нормальное развитие картографического источниковедения (особенно карт и планов после XVIII в.), способствовало фальсификациям в исторической картографии.

---

[9] Stamp 1964; Стамп 1967.

Сейчас не вызывает сомнения, что исследователь должен использовать все типы источников и материалов, а также методы иных наук. Чрезвычайно расширился теперь и круг проблем, которые изучает историческая география. Тышкевич подчеркивает, что исследования стихийных бедствий и катастроф разных исторических периодов осуществляют ныне географы, историки, археологи, а также представители разных естественных наук, что требует проведения междисциплинарных исследований, геологических (сейсмических), астрономических, эпидемиологических и прочих. По его наблюдению, историческая география сейчас превратилась в междисциплинарную область знания, в которой сотрудничают представители разных наук, изучающих взаимосвязи человеческих обществ с окружающей средой в прошлом (с. 14). Еще Семкович констатировал, что историческая география не имеет хронологических ограничений: где мы находим жизнь и деятельность человека, есть вопросы о его связях с окружающей природной средой. Это не вызывает сомнения и у Тышкевича.

Третья глава первого раздела рассказывает о традициях преподавания историко-географической тематики в польских учебных заведениях с середины XVIII века. Тут идет речь также о развитии разных отраслей исторической географии, о представлениях относительно методологических основ и предмета историко-географических исследований в трудах польских ученых. Кроме того, повествуется об организации исследований в области исторической географии в университетах и академических учреждениях Польши. Особенно подчеркивается выдающаяся роль И. Лелевеля, З. Глогера, В. Семковича. Последний создал первую программу исторического атласа Польши, которая была реализована (1923). Отображен также важный вклад в историческую географию и историческую картографию Польши С. Арнольда, К. Бучека, А. Гейштора, С. Гербста, а также самого автора монографии.

Следующая глава представляет собой краткий обзор источников польских историко-географических исследований (с. 24–50). Автор отдельно рассматривает основные группы письменных, картографических, археологических, ономастических (антропонимических, топонимических, этнонимических, гидронимических и т.д.) и иконографических источников в связи с разнообразной проблематикой исследований и указывает основные

публикации, что делает его книгу полезным справочником. Имея собственный большой опыт, автор пишет: «Результаты анализа текста зависят в исторической географии от эрудиции и мастерства исследователя и его внеисторических знаний» (с. 27).

Под иконографическими источниками Тышкевич понимает все виды искусства, изображающие остатки прошлого в виде картин, рисунков, скульптур, а также дагерротипы, фотографии, видео и т.п. Такой широкий диапазон предусматривает сотрудничество с исследователями в области истории искусства, архитектуры (в том числе ландшафтной), культуры, ботаники, фотографии, кинематографии. В каждом случае важно определить время и местонахождение памятника. Особенным типом иконографии, который несет послания из прошлого, являются иллюстрации на старинных картах (рисунки, декоративные кромки, украшения и др.).

Автор книги справедливо утверждает, что «историческая наука не может развиваться без использования карт» (с. 29), «наука история не существует без карт» (с. 51). Но Тышкевич под исторической картографией понимает старинные карты (что, согласно Л.А. Гольденбергу, на самом деле является предметом не исторической картографии, а истории картографии), а также отдельно называет «исторические карты, созданные историками» (именно это и есть историческая картография в нашем понимании). Это распространенное явление: в англоязычной литературе *historical atlas* может быть и собранием старинных картографических источников, и старинным атласом (какой-либо тематики, не обязательно исторической), и настоящим историческим атласом — современной картографической реконструкцией исторических событий[10]. Такая терминологическая путаница очень дезориентирует читателя, но есть устоявшаяся научная традиция, от которой непросто отказаться. Наконец, Тышкевич рассматривает вопросы картографического источниковедения, а также историко-географические словари, преимущественно на польских примерах.

---

[10] Например: Shepherd 1911; PHAMaM 1927; Magocsi 1985; Morkot 1996; RHAPE 2001; Konstam 2003; Ruthven, Nanji 2004. В то же время понятие *history atlas* относят действительно к историческим атласам в нашем понимании (например: CMHA 1925; Gilbert 1966; Gilbert 1968; DKWHA 2005).

Отдельная глава книги имеет странное название: «Графическая документация» (с. 50–56). Это можно понимать как любой чертеж, техническую документацию в виде схем, собрание рабочих эскизов художника (что следует относить к иконографическим источникам, следуя Тышкевичу), однако тут, как ни удивительно, речь идет об исторической картографии в нашем понимании. Но Тышкевич в начале главы напоминает толкование авторитетного польского специалиста в области истории картографии С. Александровича: «Историческая картография — дисциплина, исследующая старые карты» (с. 50). Еще более запутывая читателя, автор монографии после этого пишет: «Одним из результатов исследования исторической географии являются исторические карты, которые представляют собой графические разработки, созданные историками в сотрудничестве с картографами». Последнее не вызывает сомнения, ибо именно так мы понимаем историческую картографию, в отличие от истории картографии. Однако автор относит к категории «графическая документация» также любые картограммы, схемы, диаграммы, рисунки и иные разновидности документации, создающиеся графическими способами для отображения явлений, фактов и процессов. Такая мысль неубедительна: тут смешаны картографические и некартографические документы. К первым можно добавить, кроме картограмм, также картодиаграммы, картосхемы. Но рисунки, скорее, относятся к иконографическим документам в понимании автора книги. Возможно, понимая искусственность такого объединения, автор пишет, что «наибольшее внимание следует посвятить историческим картам» (с. 51).

Не вызывает сомнения, что «хорошая историческая карта, помещенная в исторической публикации, дает читателю текста дополнительную информацию», но создание исторической карты может быть также самостоятельным методом исследования, что убедительно доказал московский историк-картограф Б.Г. Галкович еще в 1970–80-е годы[11]. Впрочем, автор монографии делит карты на три типа, в том числе называет аналитические (проблемные) карты, которые позволяют обосновывать гипотезы.

Следует согласиться с Тышкевичем, что «исторические карты, особенно с богатым содержанием и развернутой легендой,

[11] Галкович 1974; Галкович 1980; Галкович 1983; Галкович 2007.

должны, как правило, подлежать специальной рецензии. Этим требованиям подлежит каждый научный текст перед печатью, всегда с пользой для темы и формы его подачи» (с. 51). К сожалению, такая практика отсутствует в России, поэтому исторические карты и атласы часто не учитывают итоги новых исследований, содержат ошибки или существенные погрешности. В значительной мере это последствие крайне неудовлетворительного состояния преподавания исторической географии в университетах (а подготовка специалистов в области исторической картографии вообще не существует). Объем учебных дисциплин лишь в ничтожной мере предусматривает изучение географических аспектов истории. Так же как изучение географии невозможно без географической карты, так и историю нельзя изучать без привязки к исторической карте. Кроме того, историческая карта отображает субъективную точку зрения ее автора и определенную историческую концепцию (в этом ее историографическое значение)[12], поэтому именно историк в сотрудничестве с картографом должен разрабатывать содержание карты, но чаще всего ему не хватает соответствующей специальной подготовки. Эти проблемы хорошо понимает автор монографии, когда пишет, что даже самый выдающийся картограф и географ Эугениуш Ромер не умел уравновесить выбор между географическими и историческими элементами на исторических картах.

Вторая часть книги — «Проблемы и методы» — наибольшая по объему (147 страниц). Она состоит из восьми глав: естественный ландшафт, культурный ландшафт («культуральный»), историко-политический ландшафт, экономический (хозяйственный) ландшафт, коммуникационный ландшафт, военный ландшафт, стихийные бедствия и катастрофы, а также осведомленность об окружающем мире — так называемый географический горизонт. Этот перечень нацелен именно на проблемы, а методы упоминаются лишь в связи с проблемами. Кстати, В.В. Самаркин уверял, что «в отличие от основной массы вспомогательных исторических дисциплин историческая география не обладает специальными методами и приемами исследования»[13]. На мой взгляд, таким методом является картографический (согласно

[12] Гольденберг 1974: 34.
[13] Самаркин 1976: 4.

Б.Г. Галковичу — историко-картографический). Картографию называют вторым языком географии. Именно такая связь существует между картографическим методом исследования и исторической географией — результаты использования каких-либо методов в историко-географических исследованиях должны картографироваться и только после привязки к определенной территории они могут быть понятными.

Важнейшим делом для историка, который изучает историческую географию, всегда было установление размеров и характера пространства, на котором происходили события и исторические процессы (географической среды), начиная с реконструкции природного ландшафта. И автор сжато излагает понимание терминов «ландшафт» в биогеографическом, культурно-географическом и ином разумении, акцентируя внимание на поиске материалов и методов познания ландшафтного комплекса около избранной даты или определенного времени. Однако «в результате, современных преобразований природной среды реконструкция естественного ландшафта (первоначального) и исторического (поселенческого) становится все более трудной» (с. 257). В современной исторической географии, которая опирается на междисциплинарное сотрудничество со многими естественными науками, необходимо принять за основу, что это единая природно-культурная реальность (с. 57).

Еще в 1930-х годах польские палеоботаники делали акцент на реконструкции состояния растительности, в том числе лесных пространств, что было показателем климатических условий прошлого. Но учебники вспомогательных исторических дисциплин 1946 и 1976 годов, написанные историками, мало внимания уделяли специализированному обучению палеопалинологическому анализу (установлению характера древней растительности на основе анализа пыльцы выявленных образцов цветковых растений), пишет Тышкевич (с. 59). Учебные пособия по исторической географии 1970-х годов, существовавшие в СССР для исторических факультетов, даже не упоминали этот метод[14], хотя его хорошо знали и использовали представители естественных наук. Яцунский ошибочно полагал, что физическая география несущественно изменялась на протяжении столетий и потому почти не

[14] Дробижев, Ковальченко, Муравьев 1973; Самаркин 1976.

обращал внимания на данную проблематику. Тышкевич дает начальную информацию, касающуюся изучения изменений климата, гидрографии, растительности — он верно утверждает, что реконструкция экосистем прошлого (леса, луга, болота и др.), — одна из важнейших задач современной исторической географии.

К. Бучек в свое время создал гипотетическую реконструкцию ландшафта раннесредневековой Польши (до XIII в.) в масштабе 1:3 000 000, где были представлены пущи, болота, леса, пахотные поля. Используя его методику, как пишет Тышкевич, можно расширить исследование на территорию до Днепра. Важным шагом к этому стала «Историческая карта Русь-Украина» Ю.И. Лозы на четырех листах масштабом 1:750 000, изданная как приложение к его атласу[15]. Она впервые показывает на территории современной Украины все известные поселения X–XIII вв. (с вариантами локализации) с элементами местности (древние леса, исчезнувшие не позже XIX в., болота по состоянию на начало – середину XIX в. и т.д.).

Тышкевич дает классификацию типов первичных и антропогенных ландшафтов, каждый из которых должен подлежать исследованию и реконструкции путем создания соответствующих карт реальных ландшафтов, а на их основе – карт первичных ландшафтов, потенциальных ландшафтов и карт прогнозов эволюции ландшафта (с. 70). Конечно, это возможно только при условии сотрудничества ученых разных специальностей, реализация которого должна найти соответствующие организационные формы, а также необходимого специализированного дополнительного обучения исследователей (с. 64). Это не вызывает сомнения, как и то, что историки, работающие над реконструкцией древнего ландшафта, должны пользоваться консультациями экспертов, заказывать у них соответствующие палеогеографические, палеоэкологические, палеоботанические, палеоклиматические исследования (с. 69–70), но как это можно финансировать в современных условиях? На это ответа нет.

Вторая глава данной части рассматривает культурный, или «культуральный» ландшафт, который автор понимает как поселенческий, сформированный поколениями людей на определенной территории путем преобразования природы. Но на самом

[15] Лоза 2012.

деле «культуру можно признать способом приспособления людей к окружающей ей среде, географической и социальной», это явление подлежит исследованию многих наук, особенно культурной антропологии, социологии, истории культуры, философии и т. д. (с. 72). К составным частям культурного (поселенческого) ландшафта относится широкий круг вопросов: политический, хозяйственный, коммуникационный, военный ландшафты, памятники старины и даже сакральный ландшафт. При этом существует взаимосвязь всех компонентов, в частности, нельзя исследовать хозяйственные проблемы отдельно от общественный проблематики и юридического устройства (с. 79).

Опыт польских археологов показал, что одна карта городищ, созданная для многих хронологических периодов, не даёт очевидной картины заселения какой-либо эпохи. В 1966 г. они признали невозможность самостоятельных попыток синтеза палеогеографических данных. Я. Тышкевич пишет: «всякие знания о прошлом являются только более или менее вероятной реконструкцией» (с. 81), что не подлежит сомнению. На основе многочисленны исследований, он констатирует, что существует зависимость между типом культуры, типом расселения и типом антропогенного ландшафта, но важными факторами взаимного влияния являются также: 1) тип окружающего мира; 2) численность и демографический потенциал общности; 3) характер культуры; 4) общественный строй и его институты (с. 81). Эти факторы Я. Тышкевич поясняет на примерах: 1) доступ и достаток воды, климат, типы растительности, природные ресурсы, рельеф местности; 2) численность племени или поселения, состояние здоровья, угроза эпидемий, генетические дефекты, модель семьи, антропологические характеристики; 3) например, степное кочевничество, горное пастушество, мотыжное полеводство, тягловое земледелие, развитое ремесло, развитый внутренний и внешний товарообмен, техника инструментария и т.д.; 4) создание и функционирование семьи, вид родовой системы, социальное расслоение, правовые институты, системы принятия решений и обороны, принципы избрания вождя или начальника, типы монархии или республики и др. К этому он добавляет также факторы, негативно влияющие на формирование культурного (культурального) ландшафта: перенаселение, антропогенное опустошение среды, стихийные бедствия и катастрофы. Все это сжато поясняется на

конкретных примерах, в частности на картах «Исторического атласа Польши», которые публиковали отдельными тетрадями. Для некоторых городов Польши (Торунь, Вроцлав, Краков та др.) уже созданы специальные исторические атласы.

В отдельной главе автор рассматривает историко-политический ландшафт, обращает внимание на многозначность термина «граница», который имеет большую емкость и богатую историю, дает схематичную классификацию границ как части политического ландшафта (с. 94). Попытка общего обзора историографии границ средневековых славянских государств, от Урала до Эльбы (Лабы) и от Балтики до Эгейского моря, произошла на Втором съезде польских медиевистов в Люблине (2005 г.). К сожалению, эти материалы практически неизвестны российским исследователям. Я. Тышкевич вполне логично утверждает, что наиболее эффективно изменения международных границ могут исследовать группы сотрудничающих ученых соответствующих смежных государств. И хотя у России в настоящее время общая граница с Польшей есть только в изолированной Калининградской области, в прошлом изменения границ между нашими странами происходили на протяжении веков, а потому замечание автора можно рассматривать как призыв к сотрудничеству.

Особое внимание автор уделил проблеме исследования границ религиозных провинций разных конфессий — проблемы, которая начала детально изучаться российскими учеными сравнительно недавно. Я. Тышкевич справедливо требует от авторов картографических реконструкций границ прошлого объяснять свою методику и комментировать использованные источники, ибо ошибки в данных вопросах могут быть небезопасными, например когда они используются националистами (с. 100).

В то же время, он поместил как иллюстрацию схематичную карту (с. 96), отображающую территории разных племен в бассейнах Вислы и Днепра по источникам IX–XI вв., не объясняя сами источники. Тогда непонятно, на каких основаниях Я. Тышкевич показывает тут расселение кочевых печенегов на запад от тиверцев, племенные названия *Russe* на запад от дреговичей и древлян, а также *Ruzzi* на юг от древлян и на запад от полян. Информация Баварского географа второй половины IX в. в этом вопросе не может считаться достоверной, в списке восточнославянских племен Нестора *Russe* и *Ruzzi* вообще не упо-

минаются. А хазары поселены почему-то на правом берегу Ингульца, который по воле автора картосхемы превратился в нижнее течение Днепра. Кроме того, Рижский залив не обозначен как акватория. Но в целом схемы и другие иллюстрации в книге очень интересны и полезны для читателя.

Экономический (хозяйственный), коммуникационный и военный ландшафты Я. Тышкевич рассматривает в отдельных главах как части культурного (культурального) ландшафта, хотя и понимает, что не все исследователи будут убеждены в правильности такого решения (с. 106). Действительно, некоторые ученые представляют себе, что историческая география культуры — это часть данной научной дисциплины, остающаяся после отделения физической, экономической, этнической, социальной и политической исторической географии. Такой механический взгляд необходимо отбросить, если вспомнить, что культура — совокупность всех достижений человечества в материальной и духовной сфере. Тогда подход Я. Тышкевича будет понятным. Естественно, совокупность надо изучать как систему. В монографии есть очень удачные схемы, которые можно считать образцами системного подхода. Например, это польское село XIII–XIV вв. как поселенческая и хозяйственная система (с. 114), или типы и подразделения коммуникационного ландшафта (с. 122). Все это имеет конкретную цель — дать исследователям ориентиры и подтолкнуть к новым идеям.

Автор называет несколько течений британской и шесть главных тематических сфер российской исторической географии, но отмечает, что в англосаксонской и российской исторической географии стержнем заинтересованности является хозяйственная (экономическая) история (на самом деле в СССР так было во время жизни В.К. Яцунского (1893–1966), а ныне тематика очень разнообразна). Конечно, главное внимание уделяется достижениям современной польской науки в этой области, которую автор начинает с трудов Ф. Буяка. Свою исследовательскую программу Ф. Буяк еще в начале XX в. реализовал путем разработки исторических монографий сел и местечек. Богатый опыт польских ученых позволил Я. Тышкевичу сделать вывод: «Хорошая хозяйственная история должна иметь в своем распоряжении соответствующий историко-хозяйственный атлас, который шире документирует хозяйственные вопросы, отрывочно разработанные в тет-

радях “Исторического Атласа Польши”. Подобных разработок ожидает история промышленности, промышленных работников, кредита и банковского дела в XIX–XX вв.» (с. 120). Это не вызывает сомнения, но в России лишь сейчас стали появляться атласы такого типа[16].

Согласно Я. Тышкевичу, «военный ландшафт как раздел исследований исторической географии может быть признан главным стержнем военной географии относительно отдаленного прошлого [...]. Целью географическо-военных исследований в сфере военного ландшафта является установление прежних условий ведения вооруженных операций» (с. 139). В то же время военный ландшафт в исторической географии является синтезом элементов природного и культурного (поселенческого, хозяйственного и коммуникационного) ландшафтов (с. 147). Не вызывает сомнения, что воссоздание всех этих элементов позволяет лучше понять действия воюющих сторон. Однако подобранные автором картографические аргументы не всегда убедительны. В частности, схема начала битвы под Кирхольмом 1605 г. никак не объясняет замысел польского командования и причину победы над шведским войском (с. 150). Но надо согласиться с автором, что к анализу важных битв необходимо возвращаться, и научная реконструкция компонентов ландшафта времени боевых действий, исследование старинных техник строительства укреплений (даже типа и качества кирпича, использованного в строительстве оборонных объектов), новые археологические исследования места битвы могут привести к новым результатам и выводам (с. 151–154).

Ян Тышкевич правильно обращает внимание на то, что реалии, отображенные на географической или топографической карте, могут по разным причинам соответствовать ситуации существенно более ранней, чем дата публикации этого источника (с. 157). Использование какого-либо источника требует критического анализа и его качество зависит от эрудиции, опыта и творческого подхода исследователя. Интересно, что среди многих задач изучения военного ландшафта автор монографии называет, в частности, необходимость выявить места дислокации казачьих полков и кавказской (так называемой «черкесской») конницы (с. 155), что раньше не привлекало внимания польских исследо-

[16] Атлас 2015; Атлас 2016.

вателей. Естественно, тут необходимо сотрудничество с российскими и украинскими историками.

Очень интересный материал содержит седьмая глава второй части книги — «Стихийные бедствия и катастрофы» (с. 158–182), где идёт речь об историко-географическом анализе природных и антропогенных катаклизмов (эпидемии, голод, землетрясения, чрезвычайные морозы, продолжительные засухи, пожары, наводнения, ураганы, град, саранча, последствия войны). Такие явления иногда существенно влияли на численность населения и состояние экономики, вызывали массовые миграции. Изучение данной проблематики должно объединять историков, социологов, эпидемиологов, сейсмологов, географов (особенно климатологов и гидрологов). Добавим, что порою исследование старинных текстов невозможно без помощи лингвистов, палеографов, астрономов. Однако ключевое значение в этих вопросах для историка имеют достижения специалистов в области естественных наук (с. 162).

Интересно, что известное исследование экстремальных природных явлений по данным летописей XI–XVII вв. российских авторов — геофизика Е. Борисенкова и историка В. Пасецкого[17], как установил Тышкевич, является сознательным или несознательным возвращением к широкой программе исследований стихийных бедствий, сформулированной в Вене в 1906 г. и ценным дополнением к публикациям львовской польской школы Ф. Буяка 1930-х гг. (с. 166–167), но в последние полстолетия эта тематика редко встречается в польской исторической географии.

Последняя глава второй части (с. 182–204) рассматривает вопрос о так называемом «географическом горизонте»: знания о собственной стране, об окружающих ее и далеких странах в разные времена (знакомство с миром), представления о форме Земли, ее месте в Космосе. По моему мнению, эта тематика хотя и близка (например, диапазон пространственной ориентации может объяснить направления и характер торговых связей, миграций), но относится не столько к исторической географии, сколько к истории географических знаний (в том числе развитие ментальной географии), а поэтому требует рассмотрения в отдельной монографии.

---

[17] Борисенков, Пасецкий 1983; Борисенков, Пасецкий 1988.

Третья часть книги носит название «Вспомогательные науки и дисциплины». В шести главах рассматриваются вопросы взаимодействия исторической географии с археологией, лингвистикой и ономастикой (топонимикой, гидронимикой, этнонимикой и др.), климатологией, гидрологией, ботаникой, антропологией и экологией человека. Естественно, автор сосредоточился лишь на главных направлениях научных исследований, понимая, что дифференциация наук будет продолжаться и в дальнейшем. Он считает, например, возможным появление новых отдельных субдисциплин, в частности исторической географии морей и океанов (или исторической океанографии) (с. 277).

Я. Тышкевич объясняет историкам, как использовать результаты исследований перечисленных наук, приводит варианты сотрудничества с учёными-естественниками и филологами (лингвистами, ономастами) на примерах польской исторической географии за последние сто лет. При этом он пишет, что исследователь исторической географии (имеется в виду историк) «теперь имеет четырёх основных союзников: географа, эколога, археолога и картографа» (с. 205). Конечно, историку необходимо внимательно ознакомиться с методами и правилами их работы, знать соответствующую терминологию и публикации.

Автор настаивает на том, что в историографии и профессиональной подготовке историка должны развиваться естественно-географические и биологические знания (с. 281). Среди глав последней части книги наибольшая посвящена вопросам ботаники (с. 280–305), хотя это только часть биосферы. В жизни человека не меньшую роль играют также ареалы и численность животных, птиц, рыб, но это уже не ботаника. Однако данные ботаники, безусловно, дают большой материал для понимания трансформации географической среды е её деградации вследствие деятельности человека. Поэтому Я. Тышкевич подчёркивает необходимость сотрудничества историков особенно с ботаниками (с. 281). Отдельно он выделяет ценное пособие в области археоботанических исследований (Познань, 2005), где подробно объясняются методы полевых и лабораторных исследований, интерпретация результатов.

Считается перспективным новый метод генетического исследования растений — автор монографии надеется, что он позволит обозначить области одомашнивания разных видов расте-

ний, а впоследствии — их пути и приблизительную хронологию распространения этих культур в Европе (с. 303–304). Несмотря на огромный вклад именно российских учёных в изучение данной проблематики (Н.И. Вавилов, Е.В. Вульф, Е.Н. Синская и др.), она остаётся весьма актуальной, в том числе для России. Среди эффективных методов Я. Тышкевич называет палинологический анализ (исследование ископаемый пыльцы цветковых растений), который позволяет реконструировать экосистемы прошлого, что важно и для изучения фауны минувших времён. Недавно был реализован метод тестирования пыльцы, содержащейся в меди сосудов, раскопанных археологами.

Интересно, что в Польше собранные археологические материалы оформляются как «Карта документации археологического положения», содержащая 10 разделов: 1) локализация и название местности; 2) положение в границах физико-географической единицы; 3) доступность (застройка и собственность); 4) культурная и хронологическая характеристики; 5) тип почвы; 6) характер местности; 7) выявленные угрозы; 8) предложения для служб консервации; 9) аннотация того, кто сделал инвентаризацию; 10) верификация воеводского консерватора и хозяина этой местности. Культурная характеристика и хронология памятника могут быть изменены и уточнены в процессе дальнейших исследований, либо сделаны повторно другой группой археологов. На второй странице документа помещается топографический план масштабом 1: 10 000 или 1: 5 000. Все такие документы (метрики) находятся в распоряжении воеводского консерватора (хранителя) археологических объектов, а их копии — в Центре документации памятников в Варшаве. И теперь главное: историк может ознакомиться с этими источниками и использовать в своих исследованиях (с. 218–219).

Автор отмечает, что даже остатки полевых укреплений XIX–XX вв. — позиции пушек, окопы и сети бункеров, систем телефонной связи и т.д. — могут быть исследованы методом раскопок в соединении с камеральной работой, а также работой в библиотеках, архивах и картохранилищах. Однако новейшие публикации, имеющие название «исторических атласов», очень часто дают расплывчатую информацию, которая не имеет надлежащей источниковой ценности и не отсылает пользователя к картографическим первоисточникам (с. 220). Добавим, что тут необходи-

мо различать исторические атласы, которые являются авторской реконструкцией исторических событий, и публикации аутентичных картографических источников, что является предметом истории картографии и картографического источниковедения.

В любой книге можно найти определенные недостатки, тем более, когда книга охватывает колоссальную тематику, которую необходимо изложить очень сжато. В книге Я. Тышкевича иногда встречаются технические ошибки. В частности, упоминается, что в 1667 г. король Владислав IV заменил древнюю обязанность поставлять лошадей для почты на соответствующий налог (с. 133). Но этот король умер в 1648 г. Упоминая войну поляков с крестоносцами 1519–1520 гг., автор пишет о московском царе Иване Василевиче как союзнике великого магистра Альбрехта (с. 278), однако в то время правителем Москвы был великий князь Василий III. Удивительно, что в книге указаны годы Первой мировой войны с 1914 по 1919 г., хотя она была закончена в 1918 г. (с. 156), а так называемый «Потоп» автор датирует 1648–1660 годами (с. 150), тогда как традиция связывает этот термин со шведским вторжением в Польшу (*Potop Szwedzki*) и войной 1655–1660 годов. Вероятно, это технические ошибки.

Эрудиция, научный авторитет и огромный опыт Я. Тышкевича давно известны. Автор справедливо критикует американского ученого Питера Боулера (*P.J. Bowler*), который в большом исследовании по экологии растений и животных, а также развитию экологического знания за последние полстолетия не использует польские исследования и «даже о российской науке он знает мало» (с. 306–307). В Польше оперативно переводят немало интересных иностранных изданий, хотя среди них не особенно много российских. Это очень важно для развития науки, ибо даже в эпоху распространения Интернета невозможно найти всю необходимую информацию. Особенно это относится к картографическим источникам (прежде всего к атласам и картам большого формата).

Выборочный список исторических атласов Я. Тышкевича скорее показывает недостаточное владение информацией (в чём нет его вины). Тут можно найти собрания репродукций старинных или старых картографических источников (преимущественно не исторических по содержанию), что на наш взгляд является предметом не исторической картографии, а истории картогра-

фии[18]. Среди перечисленного иногда встречаются атласы детского уровня; неизвестно для чего тут весьма схематичный английский атлас М. Гилберта, который даже для школьника дает недостаточную информацию, но мы не найдем фундаментальный советский «Морской атлас» огромного формата (издание Главного Штаба ВМФ СССР), третий том которого (фактически состоящий из четырех томов) посвящен военной истории[19] — по объему информации он до сих пор не имеет аналогов. Не упомянуты здесь некоторые уникальные новейшие российские исторические атласы, которые необходимо изучать специалисту[20]. Среди белорусских атласов в списке есть «Атлас гісторыі Беларусі ад старажытнасці да нашых дзён» (Мінск, 2004. 160 с.), но нет намного большего академического атласа Беларуси (ко времени появления книги Я. Тышкевича вышли два тома из четырех запланированных)[21]. Среди украинских исторических атласов случайно указан лишь один маленький школьный[22], но не упоминаются наибольшие научные атласы Ю.И. Лозы[23]. Из целой серии английских исторических атласов издательства *The Times* указан лишь один (не самый интересный).

Все это — следствие плохих научных коммуникаций между государствами даже в эпоху использования Интернета: полные и качественные электронные версии научных изданий (особенно атласов), как правило, отсутствуют, по межбиблиотечному абонементу получить их невозможно, книгообмен между странами происходит редко и бессистемно, поэтому полное знакомство с необходимыми атласами и картами требует научных командировок в другие государства, тем более, когда целью является сравнительный анализ развития исторической географии и исторической картографии в разных странах.

Если российские учебные пособия по исторической географии для историков почти не дают представления об использова-

---

[18] Ширяев 1991; Борисовская 1992; Zieliński 1998; и др.

[19] Морской атлас 1958–1966.

[20] Максимов 2003; Цуциев 2006; История войн 2007; Атлас 2008; Фролов 2008; и др.

[21] ВГАБ 2009–2013.

[22] Атлас 2000.

[23] ІАУ 2010; Лоза 2012.

нии источников и методов естественнонаучного цикла, а пособия для географов (за исключением книг И. Витвера и В. Максаковского[24]) ориентированы преимущественно на историческое ландшафтоведение или экологию, то книга Я. Тышкевича дает гармоничное представление о всех структурных частях исторической географии. Поэтому она, безусловно, полезна для специалиста в этой области, независимо от его узкой специализации. Книга убедительно доказывает необходимость коренной реорганизации учебных планов исторических факультетов России (и на всём постсоветском пространстве) в пользу увеличения преподавания исторической географии и исторической картографии, а также знакомства с методами естественных наук. Книгу целесообразно перевести на русский язык и рекомендовать для изучения в университетах в качестве дополнительного пособия. Необходимо осуществить также аналогичное исследование по истории развития, состоянии и перспективных направлениях изучения исторической географии России. Его нужно дополнить аннотированной библиографией.

БИБЛИОГРАФИЯ

Анучин 1960 — *Анучин В.А.* Теоретические проблемы географии. М., 1960.

Атлас 2000 — Атлас з історії України (1914–1939 рр.). 10 клас / Упоряд. О.В. Гісем, Д.В. Ісаєв, О.О. Мартинюк. Київ, 2000.

Атлас 2008 — Атлас объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) города Москвы. М., 2008.

Атлас 2015 — Атлас железных дорог России. М., 2015.

Атлас 2016 — Атлас истории зарождения и развития строительного комплекса государства Российского. Тюмень, 2016.

Белов 1976 — *Белов М.И.* Проблемы изучения историко-географической среды // Известия Всесоюзного географического общества. 1976. Т. 108. Вып. 6. С. 512–515.

Борисенков, Пасецкий 1983 — *Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.* Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. Л., 1983.

Борисенков, Пасецкий 1988 — *Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988.

[24] Витвер 1963; Максаковский 1997.

Борисовская 1992 — *Борисовская Н.А.* Старинные гравированные карты и планы (XV–XVIII веков): Космографии, карты земные и небесные, планы, ведуты, баталии. М., 1992.

Витвер 1963 — *Витвер И.А.* Историко-географическое введение в экономическую географию зарубежного мира. М., 1963.

ВГАБ 2009–2013 — Вялікі гістарычны атлас Беларусі. Мінск, 2009. Т. 1; Мінск, 2013. Т. 2.

Галкович 1974 — *Галкович Б.Г.* К вопросу о применении картографического метода в исторических исследованиях // История СССР. 1974. № 3. С. 132–141.

Галкович 1980 — *Галкович Б.Г.* К вопросу об историко-картографическом методе исследования // Кавказ и Византия. Ереван, 1980. Вып. 2. С. 48–67.

Галкович 1983 — *Галкович Б.Г.* Историческая картография: предмет, метод и возможности // Historická geografie, 22: Vývoj a výsledky historickogeografického výzkumu v ČSSR. Praha, 1983. S. 137–168.

Галкович 2007 — *Галкович Б.Г.* Историческая картография: предмет, метод и возможности // Историко-географический сборник. Краснодар, 2007. Вып. 1. С. 74–89.

Гольденберг 1974 — *Гольденберг Л.А.* Развитие отечественной исторической картографии // Вопросы истории. 1974. № 7. С. 33–48.

Дробижев, Ковальченко, Муравьев 1973 — *Дробижев В.З., Ковальченко И.Д., Муравьев А.В.* Историческая география СССР: Учебное пособие. М., 1973.

ІАУ 2010 — Історичний атлас України: Найдавніше минуле. Русь (Київська держава, Галицько-Волинська держава). / Кер. проекту і авт.-упор. Ю. Лоза. Київ, 2010.

История войн 2007 — История войн. Россия. Иллюстрированный атлас / Авт.-сост. К.А. Залесский, О.В. Сухарева, А.А. Фетисов. М., 2007.

КГЭ 1961 — Краткая географическая энциклопедия. М., 1961. Т. 2: Евлах — Миллибар.

Лоза 2012 — *Лоза Ю.І.* Територіяльний устрій Русі — України (X–XIII ст.). Атлас. Київ, 2012.

Максаковский 1997 — *Максаковский В.П.* Историческая география мира. М., 1997.

Максимов 2003 — Военно-исторический атлас России. IX–XX века. / Авт.-сост. И.И. Максимов. М., 2003.

Морской атлас 1958–1966 — Морской атлас. [Л.], 1958. Т. III: Военно-исторический. Ч. 1. Листы 1–45.; [Л.], 1959. Ч. 1. Описания к картам; [Л.], 1963. Т. III. Ч. 2. Листы 1–59; [Л.], 1966. Ч. 2. Описания к картам.

Самаркин 1976 — *Самаркин В.В.* Историческая география Западной Европы в средние века: Учеб. пособие. М., 1976.

Стамп 1967 — *Стамп Д.* География жизни и смерти. М., 1967.

Фролов 2008 — *Фролов А.А.* Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 годов). СПб., 2008. Т. 1–3.

Цуциев 2006 — *Цуциев А.А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006.

Ширяев 1991 — *Ширяев Е.Е.* Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах. Минск, 1991.

Arnold 1951 — *Arnold S.* Geografia historyczna Polski. Warszawa, 1951.

CMHA 1925 — Cambridge modern history atlas / Ed. by W. Ward. Second edition. Cambridge, 1925.

DKWHA 2005 — DK World History Atlas. Second edition. 2005.

Gilbert 1966 — *Gilbert M.* Recent History Atlas: 1870 to the Present Day. London, 1966.

Gilbert 1968 — *Gilbert M.* British History Atlas. London, 1968.

HGE 1998 — An Historical Geography of Europe / Ed. by R.A. Butlin, R.A. Dodgshon. Oxford, 1998.

Konstam 2003 — *Konstam A.* Historical Atlas of Ancient Greece. 2003.

Magocsi 1985 — *Magocsi P.R.* Ukraine: A Historical Atlas. Toronto, 1985.

Mórawski, Tyszkiewicz 1970–80 — *Mórawski K., Tyszkiewicz J.* Krzyżacy. Warszawa, 1970; 2-е изд. - Warszawa, 1973; 3-е изд. - Warszawa 1980.

Morkot 1996 — *Morkot R.* The Penguin Historical Atlas of Ancient Greece. Penguin Books, 1996.

PHAMaM 1927 — Philip's Historical Atlas Medieval and Modern. London; Liverpool, 1927.

RHAPE 2001 — The Routledge Historical Atlas of Presidential Elections. New York; London, 2001.

Ruthven, Nanji 2004 — *Ruthven M., Nanji A.* Historical atlas of Islam. Cambridge, 2004.

Shepherd 1911 — Historical Atlas by William R. Shepherd. New York, 1911.

Stamp 1964 — *Stamp L.D.* The geography of life and death. London; Glasgow, 1964.

Tyszkiewicz 1974 — *Tyszkiewicz J.* Mazowsze północno-wschodnie we wczesnym średniowieczu. Historia pogranicza nad górną Narwią do połowy XIII w. Warszawa, 1974.

Tyszkiewicz 1975a — *Tyszkiewicz J.* Środowisko naturalne i antroporegiony dorzecza Narwi przed 1000 lat. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1975.

Tyszkiewicz 1975b — *Tyszkiewicz J.* Terytorium Jaćwieży w starszej historiografii // Prace Instytutu Historycznego Uniwersytetu Warszawskiego. 1975. T. 1. S. 99–207.

Tyszkiewicz 1981 — *Tyszkiewicz J.* Człowiek w środowisku geograficznym Polski średniowiecznej. Związki i uwarunkowania przyrodniczo-kulturowe. Warszawa, 1981.

Tyszkiewicz 1983 — *Tyszkiewicz J.* Ludzie i przyroda w Polsce średniowiecznej. Warszawa, 1983.

Tyszkiewicz 1989 — *Tyszkiewicz J.* Tatarzy na Litwie i w Polsce. Studia z dziejów XIII–XVIII w. Warszawa, 1989.

Tyszkiewicz 1991 — *Tyszkiewicz J.* Ostatnia wojna z Zakonem Krzyżackim: 1519–1521. Warszawa, 1991.

Tyszkiewicz 2003a — *Tyszkiewicz J.* Geografia historyczna Polski w średniowieczu. Zbiór szkiców. Warszawa, 2003.

Tyszkiewicz 2003b — *Tyszkiewicz J.* Mazowsze jako kraina historyczna // Przyroda Mazowsza i jej antropogeniczne przekształcenia / Red. A. Richling. Pułtusk, 2003. S. 9–25.

Tyszkiewicz 2008 — *Tyszkiewicz J.* Tatarzy w Polsce i Europie. Fragmenty dziejów. Pułtusk, 2008.

Tyszkiewicz 2014 — *Tyszkiewicz J.* Geografia historyczna: zarys problematyki. Warszawa, 2014.

Zieliński 1998 — Śląsk na dawnej kartografii. Obraz Śląska na mapach XVI–XVIII w. / Ed. A. Zieliński. Wrocław, 1998.

XIII КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ЦИФРОВЫМ ПОДХОДАМ К ИЗУЧЕНИЮ КАРТОГРАФИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

МАДРИД, 18–20 АПРЕЛЯ 2018 ГОДА

18–20 апреля 2018 г. в Мадриде (Испания) прошла очередная конференция *Digital Approaches to Cartographic Heritage*, собравшая специалистов по исторической географии, истории картографии и смежным дисциплинам, а также картографов, географов и библиотекарей. Организатором мероприятия выступила «Комиссия по картографическому наследию в цифровом мире» Международной картографической ассоциации (*International Cartographic Association Commission on Cartographic Heritage into the Digital*) и Национальный географический институт Испании (*Instituto Geográfico Nacional*). Мероприятие традиционно было сравнительно небольшим, все 45 докладов представлялись на общем заседании, без разделения на секции.

В представленных докладах обсуждались различные аспекты изучения культурного наследия в области картографии и географических знаний — в основном на базе цифровых технологий: исследования письменных и картографических исторических источников, проблемы преподавания соответствующих дисциплин и публикации цифровых данных. Много внимания было уделено обсуждению новых технологий и цифровых приложений, способных без ущерба для самих документов облегчить доступ к картографическим ресурсам различных учреждений всего мира как профессионалам, так и широкой общественности.

Одной из самых популярных тем стала проблема цифровой публикации старинных карт. Обзор важнейших интернет-ресурсов, предоставляющих доступ к этим источникам, был сде-

лан С. Саэнс-Лопес Перес (*Sandra Sáenz-López Pérez*). И. Вардакоста (*Ifigenia Vardakosta*) и С. Капидакис (*Sarantos Kapidakis*) проанализировали политику распространения геоизображений из 136 библиотек мира. Деятельности Национального географического института Испании был посвящен специальный доклад, подготовленный М. Паво (*Marcos Pavo*), Э. Рохо (*Enrique Rojo*), Х. Санчес (*Judith Sánchez*) и А. Руис (*Ángela Ruiz*). О документации и используемых средствах публикации, применяемых в Техническом архиве и Картографической библиотеке Национального географического института Испании, речь шла в докладе Х. Моусо Трильо (*Javier Mouzo Trillo*).

Об использовании сотрудниками Испанского национального географического информационного центра протокола *Web Map Services* (WMS и WMST) при веб-публикации карт Национального географического института Испании говорилось в презентации А. Бачильер (*Álvaro Bachiller*), К. Сотерес (*Carolina Soteres*), Х. Санчес (*Judith Sánchez*), А. Санчес (*Alejandra Sánchez*), П. Абад (*Paloma Abad*), Г. Кано (*Guadalupe Cano*), Г. Андрес (*Gloria Andrés*), К. Руис (*Cristina Ruiz*) и Э. Лопеса (*Emilio López*). Предметом специального рассмотрения в докладе А. Цорлини (*Angeliki Tsorlini*), Х. Вутура (*Chrysoula Boutoura*), Е. Наста (*Aikaterini Nasta*) и Е. Ливьератоса (*Evangelos Livieratos*) стала проблема учета в электронных библиотеках карт, опубликованных в составе книг и других текстовых изданий.

Т. Панецкий (*Tomasz Panecki*) на материалах польского исторического атласа поднял вопрос о возможных техниках публикации старинных карт. О представлении старых карт Мадрида средствами веб-комплекса речь шла в докладе Х. Санчес (*Judith Sánchez*), А. дель Кармен Руис (*Ángela del Carmen Ruiz*), С. Наварро (*Santiago Navarro*) и А.И. Мартинес (*Ana Isabel Martínez*). В презентации М. Хайтцлер (*Magnus Heitzler*), Х. Гонос (*Charalampos Gkonos*), А. Цорлини и Л. Хурни (*Lorenz Hurni*) на обсуждение был вынесен алгоритм геопривязки Топографического атласа Швейцарии 1870–1926 годов. Г. Салим Мохаммед (*G. Salim Mohammed*) описал работу Картографического центра Дэвида Рамси как сложной модели развития цифровой публикации картографического наследия. Инструменты поиска топонимов на исторических картах и подготовки онлайн-публикации карт, используемые в Национальной библиотеке Шотландии, бы-

ли представлены в докладе Криса Флита (*Chris Fleet*). Г. Бителли (*Gabriele Bitelli*) и Дж. Гатта (*Giorgia Gatta*) поделились опытом популяризации картографического наследия средствами ГИС, осуществляемой на базе Болонского университета. Как площадка для публикации картографического наследия были рассмотрены и современные социальные сети — в докладе М. Бидни (*Marcy Bidney*).

На конференции разговор шел не только о публикации, но и об изучении карт различными методами. Изучению карты Богемии 1518 г. Микуласа Клавдиана и ее воспроизведений в различных редакциях был посвящен доклад Е. Новотной (*Eva Novotná*). Х. Вутура, А. Цорлини и Е. Ливьератос представили результаты изучения комплекса французских карт островов Кикладского архипелага 1685–1687 гг. с точки зрения картографии. К. Дон Ю (*Clara Dong Yu*), Лу Хуэйчжун (*Lu Huizhong*), Р. Ранци (*Roberto Ranzi*), А. Цорлини и Е. Ливьератос сравнили картографические параметры двух карт мира — Маттео Риччи конца XVI в. и Джулио Алени первой половины XVII века. Для оценки искажений на исторических картах Греции XIX в. М. Тассопулу (*Maria Tassopoulou*), А. Стамнас (*Anastasios Stamnas*), О. Георгула (*Olga Georgoula*) и П. Патиас (*Petros Patias*) были использованы данные о сети прибрежных маяков. Исследователи из Дании С.Р. Свеннингсен (*Stig Roar Svenningsen*) и М.Л. Пернер (*Mads Linnet Perner*) рассказали об использовании ГИС-технологий, геокодированных материалов аэрофотосъемки и исторических карт для анализа советских военных карт Дании, составленных в период Холодной войны.

Относительно многочисленными оказались доклады, в которых исторические карты использованы для изучения ландшафта. Ян Трахет (*Jan Trachet*) предложил результаты реконструкции ландшафта Брюгге в XVI в. по данным детального изображения окрестностей города художником-картографом Петером Пурбусом. Коллега из Латвии И. Лявиньш (*Imants Lavins*) представил данные морской карты Олауса Магнуса 1539 г. о замерзании Балтийского моря. Д. Аноятис Пеле (*Dimitrios Anoyatis Pele*), М. Камначо (*Maria Kamonachou*), А. Аидонидис (*Alexandros Aidonidis*) и И. Атанасопулу (*Ioanna Athanasopoulou*) с помощью кадастровых описаний и картографических материалов исследовали сельский ландшафт острова Корфу XVIII–XIX веков. Т. Яната (*Tomáš Janata*) и И. Цайтгамл (*Jiří Cajthaml*) рассмотре-

ли антропогенное воздействие на динамику изменений исторического ландшафта берегов реки Влтавы. М. Самора Мерчан (*Mar Zamora Merchán*) выступил с докладом об изменениях сети дорог XIX в., выявляемых путем анализа исторических карт окрестностей Мадрида. Н. Дараньи (*Nikoletta Darányi*), М. Геде (*Mátyás Gede*) и М. Биро (*Marianna Biró*) рассказали о возможностях использования исторических карт для изучения природных ландшафтов Венгрии XVIII–XIX веков.

Перспективным направлением исследований представляется создание 3D моделей, построенных на основе анализа исторических карт. Такой опыт реконструкции городского ландшафта Барселоны по картам 1823–1827 гг. представили Р. Росет (Rafael Roset) и Ф. Надаль (*Francesc Nadal*). 3D технологии также могут быть использованы при изучении карт звездного неба и небесных глобусов, что было продемонстрировано в докладе К. Олах (*Krisztina Oláh*) и М. Геде на материалах 1600–1999 годов.

В настоящее время широко практикуется отображение на современной карте не геокодированного растрового изображения старых карт, а лишь тем или иным способом обозначенных объектов, взятых с них, а также исторических объектов, известных по свидетельствам письменных и других источников. Этот подход применили в своем исследовании по истории испанских королевских земель в XVI–XX вв. П. Чиас (*Pilar Chías*), Т. Абад (*Tomás Abad*) и К. Камареро (*Concepción Camarero*); К. Масетти (*Carla Masetti*) и А. Галлия (*Arturo Gallia*) применили его при картографировании окрестностей Рима в XIX в., Т. Вангьял Шейва (*Tsering Wangyal Shawa*) — для Принстона по данным переписи населения 1900 года. Якуб Гавличек (*Jakub Havlicek*) и его коллеги представили интернет-версию и печатный исторический атлас Чехии.

Исследование о координатах городов Причерноморья по сочинению арабского ученого Абу-л-Фиды (первая треть XIV в.), выполненное в том же ключе, было представлено российскими исследователями (А.А. Фролов, И.Г. Коновалова). В докладе А. Стамнас, М. Тассопулу, О. Георгула, П. Патиас речь шла о картографическом изучении сакральных мест Фессалоник с XV до XXI века. О методических проблемах, связанных с этим подходом, говорил Д.А. Щеглов, опираясь на свой опыт изучения координатных данных Птолемея. Вопрос об использовании для веб-карт различных картографических «подложек» или «базовых

карт» был поднят К. Сломской (*Katarzyna Slomska*).

Сообщество исследователей, развивающих цифровые подходы в изучении картографического наследия, проявляет интерес и к развитию академической инфраструктуры геоданных. Об одном из таких порталов (пространственные данные по Швейцарии) речь шла в докладе Р. Уолта (*Roman Walt*).

Одним из способов расширения доступности картографической информации, который в последние годы становится все более популярным, является создание в среде Интернет географических указателей (*gazetteers*), представляющих на веб-карте топонимику отдельного исторического источника или целого комплекса источников, охватывающих определенный исторический период. На конференции прозвучали доклады Л. Зентаи (*Leslo Zentai*) и Г. Гершака (*Gabor Gershak*) о геоуказателях по венгерской топонимике на англоязычных картах, С. Данн (*Stuart Dunn*) по историческому наследию Кипра. О картографировании топонимов венецианского города Кандия в описаниях XIV–XVII вв. речь шла в докладе А. Куссулаку (*A. Koussoulakou*), Т.М. Маркомихелаки (*T.M. Markomihelaki*), Й. Мициас (*Y. Mitzias*) и К. Цаирели (*C. Tsaireli*). О специальном инструменте для аннотации виртуальных глобусов, доступном через интернет-браузер зарегистрированному пользователю Виртуального музея глобусов, говорилось в презентации М. Геде.

Технически более сложные задачи решались Г. Гёрцем (*Günther Görz*) и его коллегами, поделившимися опытом когнитивно-семантического анализа текста сочинения итальянского историка XV в. Флавио Биондо *Italia Illustrata* с использованием целого набора доступных в сети Интернет геоуказателей исторических топонимов. Создание указателя, объединяющего результаты работы по нескольким исследовательским проектам, стало необходимым этапом в изучении связей между картами и картографами Ренессанса, предпринятом К. Портер (*Catherine Porter*), К. Лилли (*Keith Lilley*), К. Ллойдом (*Christopher Lloyd*), Ш. Макдермотт (*Siobhán McDermott*) и Р. Миллигэн (*Rebecca Milligan*). Аналитические возможности геоинформационных технологий были использованы Д. Гусевым и С. Стафеевым для анализа списка населенных пунктов Индии в «Географии» Птолемея. Анализ подробной цифровой модели рельефа нашел применение в работе П. де Сото (*Pau de Soto*), который исследовал

эволюцию транспортной сети Иберийского полуострова с римского времени до XIX века.

Другой технологией, пока почти не известной историкам, работающим в *Digital Humanities*, является передача изображения географических объектов на веб-карте с помощью векторных тайлов. Передача на компьютер пользователя через обычный интернет-браузер векторной графики практикуется уже давно — она удобна тем, что векторные изображения требуют значительно меньшего интернет-трафика, а потому значительно быстрее могут быть загружены, чем растровые картинки. Главное же преимущество заключается в возможности передать вместе с очертаниями еще и любые текстовые атрибуты, характеризующие картографированный объект. Но при передаче сложных объектов, занимающих большую территорию, трафик значительно возрастает, что снижает скорость работы веб-ГИС. Технология векторных тайлов позволяет пользователю загружать в браузер не весь слой, а только ту его небольшую часть, которая необходима. Описанию этой технологии для создания исторической веб-карты был посвящен доклад Д. Янака (*Dalibor Janák*).

Про веб-технологии на службе географического и картографического образования в Венгрии рассказали К. Ираш (*Krisztina Irás*) и Ж. Унгвари (*Zsuzsanna Ungvári*).

Все представленные доклады опубликованы в сборнике материалов конференции[1], некоторые из докладов были впоследствии перепечатаны в электронном журнале *e-Perimetron: International Web-Journal on Sciences and Technologies Affined to History of Cartography and Maps*[2].

И.Г. Коновалова, А.А. Фролов

БИБЛИОГРАФИЯ

Digital Approaches 2018 — Digital Approaches to Cartographic Heritage: 13th Conference of the International Cartographic Association Commission on Cartographic Heritage into the Digital. Conference Proceedings 2018. Madrid, 18–20.4.2018 / Ed. by Crysoula Boutoura and Angeliki Tsorlini. Thessaloniki, 2018.

[1] Digital Approaches 2018.
[2] URL: http://www.e-perimetron.org/

XVII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

ВАРШАВА, 15–20 ИЮЛЯ 2018 ГОДА

15–20 июля в Варшаве (Польша) состоялась семнадцатая международная конференция историко-географов[1]. Она собрала ученых из 39 стран мира, представивших на 108 тематических сессиях 363 доклада. Каждая сессия длительностью 1,5 часа состояла из трех-четырех (редко пяти) докладов, так что, как правило, участникам заседания хватало времени не только выслушать доклад, но и задать вопросы и выступить в прениях. Постерные доклады были представлены на девяти секциях, на которых на презентацию отводилось по пять минут, после чего задавались вопросы докладчикам, а продолжить обсуждение постера можно было уже непосредственно возле соответствующего стенда.

Хочется отметить ряд новых элементов в организации мероприятия, пока не получивших распространения на научных конференциях гуманитарного профиля. Помимо раздаточных материалов, включавших напечатанную программу конференции, каждый участник получил возможность скачать на смартфон или компьютер специальное приложение, которое помогало организовать каждому свое присутствие на мероприятии. Накануне каждого дня в этом приложении на вкладке *Agenda* появлялся перечень докладов дня с указанием времени начала сессии. Пользователь имел возможность отмечать заинтересовавшие его доклады. Специальный раздел приложения позволял проголосовать за понравившийся постерный доклад — для победителей этого конкурса был объявлен небольшой поощрительный приз. Кроме того, приложение позволяло просматривать списки участников и

---

1 О предыдущих конференциях (в Праге в 2012 г. и в Лондоне в 2015 г.) см.: Коновалова, Проскурякова, Рассказов, Фролов 2014; Коновалова, Фролов 2016.

руководителей сессий, писать свои отзывы, общаться в чате. Другие разделы приложения так или иначе соотносятся с обычными опциями сайта современной международной конференции.

Тезисы докладов в бумажном варианте опубликованы не были, но они доступны для скачивания[2].

Помимо сессий в программу конференции были включены пять часовых лекций «ключевых спикеров» (*keyspeakers*). Тематика этих лекций в значительной степени соответствует делению всего ассортимента тематических секций на несколько кластеров. Открыл конференцию в воскресенье вечером Феликс Драйвер (*Felix Driver*) лекцией о роли персональных обстоятельств и биографий в передаче географических знаний. Она в какой-то степени обозначила традиционно многочисленный кластер исследований, связанный с историей науки (11 сессий), географией знаний (9), путешествий (9), старыми картами (7) и применением историко-географического знания в истории (6). Остальные три лекции отделяли тематические сессии от постерных в один из рабочих дней конференции (кроме среды, которая была отведена под экскурсии, и пятницы — лекция была отменена).

Много внимания на конференции было уделено «цифровой» компоненте исторической географии. Это направление было маркировано лекцией Хамфри Саутхолла (*Humphrey Southall*), посвященной развитию методологических подходов в организации базы данных, положенной в основу национальной исторической геоинформационной системы Великобритании. Четыре секции было проведено по базам данных, две — по методам создания и использования карт. На двух круглых столах произошел обмен мнениями об исторической географии в цифровую эпоху — ее будущему в целом и важным направлениям развития, в частности. Кроме того, воспользовавшись приездом на конференцию зарубежных специалистов, ее организаторы в дни проведения мероприятия организовали два небольших семинара, посвященных обсуждению онтологии историко-географических баз данных и специальных технических решений, применяемых в работе с историческими ГИС. Такое пристальное внимание к данной проблематике обусловлено тем, что команда польских

[2] Электронный ресурс [режим доступа: http://ichg2018.uw.edu.pl/programme/, дата обращения — 15.10.2019].

историков, географов и картографов, составляющих местный оргкомитет конференции, в настоящее время активно развивают польскую национальную историческую ГИС, фундаментом которой служит «Исторический атлас Польши XVI века»[3].

В пленарной лекции Дьогу ди Карвалью Кабрала (*Diogo de Carvalho Cabral*) исследовались социо-экологические изменения в доиндустриальной Бразилии и их связь с грамотностью населения, а лекция Карен Морин (*Karen M. Morin*) была посвящена «тюремной» исторической географии. Соответствующий этим пленарным лекциям тематический кластер оказался представлен на конференции сравнительно небольшим числом сессий: социальная (5), конфессиональная (5), политическая (3), военная (2), экономическая (1) историческая география.

Лекция Галины Маниковской (*Halina Manikowska*) о городском пространстве как носителе географической информации не состоялась. Но данный тематический кластер был вторым по численности сессий: проблемы исторической географии окружающей среды (12) и климата (10), исторической география систем расселения (9) и городов (9).

Россия на форуме была представлена 20 докладчиками и 15 докладами. Почти все они в большей или меньшей степени могут быть отнесены к «гуманитарной» исторической географии, исследующей развитие географических представлений: исландцев о материковой Европе (Т.Н. Джаксон), античных ученых о Восточной Европе (А.В. Подосинов), арабских средневековых географов о Юго-Восточной Азии (А.А. Янковская), голландских картографов XVII в. о Сибири (С.В. Рассказов; О.С. Романова, О.А. Лазебник, А.Г. Хропов), русских картографов об Америке (А.А. Костин и Т.И. Смолярова), а также характеризующей масштаб русско-японского обмена картографическими знаниями в XVIII – начале XIX в. (В. Щепкин) и круг представлений английских инженеров XIX в. о Сибири (Ф.С. Корандей), восприятие городской среды XIX в. иностранными гувернантками в Москве (О.Ю. Солодянкина). В более традиционном для отечественной исторической географии ключе были подготовлены доклады о картографировании русско-китайского пограничья в середине XIX в. (Т.Ю. Феклова), пространственных аспектах го-

[3] Подробнее об издании см.: Фролов 2016; Frolov 2016.

сударственных поземельных описаний XV–XVII вв. (Д.А. Хитров, А.А. Фролов) и организации Чигиринских походов русской армии в 1677–1678 гг. (М.Р. Яфарова), о древнейшем русском административном справочнике расстояний середины XVI в. (А.А. Фролов).

В целом мероприятие оказалось весьма представительным и плодотворным. Следующая конференция по исторической географии состоится в Рио-де-Жанейро 11–16 июля 2021 года, см. конференционный сайт: https://ichg2021.redebrasilis.net/.

А.А. Фролов

БИБЛИОГРАФИЯ

Коновалова И.Г., Проскурякова М.Е., Рассказов С.В., Фролов А.А. XV международная конференция по исторической географии: Прага, 6–10 августа 2012 г. // Историческая география / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2014. Т. 2. С. 520–525.

Коновалова И.Г., Фролов А.А. XVI международная конференция по исторической географии (Лондон, 5–10 июля 2015 г.) // Историческая география / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2016. Т. 3. С. 491–501.

Фролов А.А. [Рец.]: Historical atlas of Poland in the 2nd half of the 16th century: Voivodeships of Cracow, Sandomierz, Lublin, Sieradz, Łęczyca, Rawa, Płock and Mazovia / Ed. by Marek Słoń; transl. by A. Staszewska and M.A. Brozyna. Frankfurt am Main: Peter Lang Edition, 2014. 4 vol., xxix + 1597 p. (Geschichte — Erinnerung — Politik, 6) // Историческая география / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2016. Т. 3. С. 472–482.

Frolov A. [Rev.]. Historical atlas of Poland in the 2nd half of the 16th century: Voivodeships of Cracow, Sandomierz, Lublin, Sieradz, Łęczyca, Rawa, Płock and Mazovia / Ed. by Marek Słoń; transl. by A. Staszewska and M.A. Brozyna. Frankfurt am Main: Peter Lang Edition, 2014. 4 vol. (xxix + 1597 pages): illustrations, 27 folded maps // Studia Geohistorica: Rozhnik Historyczno-geographiczny. 2016. № 4. P. 163–168.

СОКРАЩЕНИЯ

ВДИ — Вестник древней истории. М.

ВЕДС — Восточная Европа в древности и средневековье: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции. М.

ДГ — Древнейшие государства Восточной Европы. М.

КБН — Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.

ACA — Armenian Classical Authors. Antelias–Lebanon, Armenian Catholicosate of Cilicia

CIL — Corpus inscriptionum Latinarum.

IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae / Ed. B. Latyschev. Petropoli, 1885-1901. Vol. I, II, IV (I^2 – 1916).

RE — Paulys Real-Enzyclopädie der classischen Alterstumwissenschaft / Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa, hrsg. von Kroll. Stuttgart

ABSTRACTS

ALEXANDER V. AKOPIAN

On the localization of several mints in Armenia and Caucasian Albania (8th – early 14th century)

The new localization and reading for mints located on the territory of historical Armenia and Caucasian Albania generalized and discussed in the article. The reading of the mint for the Umayyad dirham 89 AH / 708 AD as *Albanāq* and its identity with (Caucasian) Albania proposed to be possible, but requires confirmation in other written sources, reliably attributed to the this region. The five localizations of mint Arminiyya of Umayyad and ʻAbbāsid time are listed. They are Damascus (78 AH / 697–98 AD; possibly in Damascus only dies of this year were produced), Dvin (81–256 AH / 700–870 AD and 277–332 AH / 890–944 AD), perhaps Amida (or somewhere in Ałjnikʻ, in 261–277 AD / 874–891 AD), presumably Bardhaʻa (265–277 AH / 878–891 AD) and possibly somewhere in the region of Vaspurakan (castle of Daroinkʻ or island of Ałtʻamar?, in 355 AH / 966 AD; more precise localization of coinage in Vaspurakan Armenian impossible in view of the mobility of its capital). The longstanding erroneous reading of the mint *Maʻdin Bājunays* was corrected — the mintname should be read as *Maʻdin Bāḥunays* with localisation in the Armenian region of Apahunikʻ (Apahunes). Still not a definitive the identification of the Mongol time mintplace *Būbū* with the village Bawonkʻ in the Aragacʻotn region of Armenia. The localization of Īlḫānid time mint *Pol-i Āras* ("Bridge over the Araxes") proved to be bonded not with Nakhjawān, but with the largest bridges on this river — Khodā Āferīn bridges, heavily used at the specified time.

Armenia, Caucasian Albania, numismatics, toponymy, mintname, Arabic sources

VIADA A. ARUTIUNOVA-FIDANIAN

"Northern tribes" of the early Armenian historiography

The paper discusses the representations of early medieval Armenian authors about the "northern tribes" and analyzes the content of this term as a geographic, cultural and everyday concept, which included information on the habitat, lifestyle and mores of the "northern" peoples. Despite the fact that the ideas of Armenian authors about the "northern tribes" are to some extent typologically similar to the concepts of "barbarians" and "Scythians" of Greek, Hellenistic, Roman and Byzantine writers, in Armenian historiography the image of the

"northern barbarians" did not become part of the binary model "friend" — "stranger" and did not receive stable negative connotations. The image of the "northern barbarians" in Armenian historiography was much more complex and multifaceted than that of the Greco-Roman and Byzantine writers, since it was formed not only by ideas about enemies carrying "a sword, famine and captivity", but also information about centuries-old neighbors, military-political, commercial, dynastic and cultural ties, as well as the proximity of the mythological representations of the "northern peoples" and pre-Christian Armenia. The long interpenetration of cultures on the Armenian Highlands, in the Black Sea and Caspian regions contributed to the fact that the Iranian-speaking nomadic "northern tribes" organically entered the ethnogenesis of the Armenian people. In opposition of "friends" are "strangers" ethnonym "Armenians" (proto-Armenians, *hayk'*, hai, whatever this ethnonym means for centuries and even millennia) is indifferent to time and space, while "strangers" in the oral and then in written tradition are changing with time — Babylonians, Assyrians, Medes, Syrians, Persians, Arabs, etc., but rarely "northern peoples". Thus, the negative image of the "northern barbarians" was not relevant for confirming the identity of the Armenian ethnos, which passed the peak of ethnogenesis at the end of the first millennium BC. The identity of the Armenians was based on a common origin, language and territory, the continuity of state-political entities, on beliefs, cultural traditions, customs and historical memory.

"Northern tribes", Scythians, barbarians, ethnogenesis, identity, Armenian historiography

ANATOLII L. GRIAZNOV

Northern border of the Belozersky princedom according to the acts of the 15^{ht}–16th centuries

The article analyzes information about the political and diocesan affiliation of territories and individual points in the north of Belozer'e. Clarification of the diocesan borders and explanation of their changes during the 16th–17th centuries reveal traces of colonization waves from the Rostov and Novgorod lands in the Old Russian period and determine the Novgorod-Belozersk border in the 13th–14th centuries. The systematization of information about the administrative structure of the Charonda district and about the intersection of church jurisdiction in its territory shows that the provisions of the Yazhelbitsky agreement on the refusal of Novgorodians of acquisitions at Beloozero were related to the penetration of Novgorod landowners into Beloozero, which by the middle of the 15th century became quite tangible. Sources provide an opportunity to reveal the mechanism, form and geography of such acquisitions. The location of administrative and political borders in the north of Belozer'e is associated with the history of the development of the region and the formation of transport arteries in the Old Russian period. Despite the relative stability of the borders, they are moving at the local

level, which was associated both with the political situation and with the successes of one of the parties in the economic sphere.

Belozer'e, Novgorod, Kargopol, Charonda, administrative system, territorial jurisdictions

TATJANA N. JACKSON

"He gave a name to this land and called it Greenland, saying that men would desire much more to go there if the land had a good name"

The paper discusses ideas concerning Greenland reflected in a large number of works of Old Norse-Icelandic literature. Sharing the opinion of the Icelandic scholar Gísli Sigurðsson that in the sagas we are dealing not with a continuous oral tradition about Greenland, but with the reflection in the texts of local knowledge relating to different periods of time and having different sources, the author demonstrates that in Icelandic collective memory there still are two points related to Greenland. Firstly, this is an idea that the island was discovered and settled by Eiríkr Þorvaldsson (better known as Eiríkr rauði) fourteen or fifteen years before the Christianization of Iceland. Secondly, this is a geographic idea related to the spatial position of Greenland in the far north of the oecumene: Greenland is seen not as an island, but as part of the European mainland, stretching as far as Africa across the North American lands discovered by Scandinavians.

Greenland, Adam of Bremen, *Historia Norwegie*, Ari the Wise, Icelandic sagas, geographical ideas

IGOR IU. OKUNEV, BOGDAN A. BARABASH

City-state in the modern world: Distinguishing features, advantages and problems

The paper is devoted to the phenomenon of a "city-state": the correlation of the city and the state, as well as the distinguishing characteristics of the city-state from the point of view of the modern approach to its study. The paper attempts to classify modern city-states along with micro-states united by the general concept of "small polities", analyzes the status-role sets, functional niches and interests of three types of small polities: microstates, city-states and dependent cities using the example of Bhutan, Singapore and Hong Kong.

City-state, spatial organization, state, territorial state, nation-state, microstate

ALEXANDER V. PODOSSINOV

Northern Eurasia on the Peutinger map

This paper investigates a unique Latin map of the first centuries AD (the so-called *Tabula Peutingeriana*), which covers the entire world known to the Romans — from Britain to the Eastern Ocean. The most poorly studied is the part

of this map that contains the territory of Northern Eurasia. This paper is devoted to its image on the map. By Northern Eurasia we mean the European territory located north of the Rhine and Danube, the Northern Black Sea Region and part of Asia, located north of the Taurus mountain range, stretching on the map south of the Caspian Sea through Central Asia to the Pacific Ocean. The paper analyzes the contours of Northern Eurasia, its content — seas, rivers, mountains, cities, roads, countries and peoples. On a map that is stretched in latitude and narrowed in longitude, many toponyms and ethnonyms are located in a significant offset relative to their actual location, which requires an analysis of the cartographic technique used in this map. It is also important to determine the time of the appearance of a particular onomastic material on this map, which can show the time of creation of the map or the stages of its evolution. The cartographic picture of Northern Eurasia is an important, but little studied, historical source of modern science. Some map information reflects a very ancient geographical tradition, some owe their origin to very recent events. So, for example, the territory east of the Caspian Sea with a large number of "Scythian" tribes, localized in an early geographical tradition in the Northern Black Sea region, reflects the fact that Great Scythia fell in the 3rd–2nd centuries BC under the blows of the Sarmatian tribes and ceased to exist here. A special task is to analyze reports of ancient authors about the same territory (Herodotus, Eratosthenes, Strabo, Pomponius Mela, Pliny the Elder, Claudius Ptolemy) in order to determine the sources of cartographic transmission of literary texts.

Ancient cartography, Peutinger map, Northern Eurasia, nature and population of Northern Eurasia

ALEXEI V. POSTNIKOV

Foreign evidence on the waterways by which foreigners first came to Russia (16th to the beginning of the 17th century)

The paper is devoted to the analysis of reports of foreign travelers from the 16th to the beginning of the 17th century, who arrived in Russia by water. The notes of these travelers, as well as the maps compiled by them, are a valuable source not only for the history of geographical knowledge and cartography, but also for the history of the development of the inland waterways of the Russian state — the most important transport arteries connecting the basins of the White and Baltic Seas with the Caspian Sea. The paper discusses data on travels to Muscovy in the 16th century by representatives of the English *Muscovy Company* — Richard Chansellor, the Borough brothers, Thomas Southam, John Sparke, Anthony Jenkinson — who made a great contribution to the geographical description and mapping of Eastern Europe. The evidence of the activities of Dutch merchants and sailors traveling to Russia in the 16th century — Simon von Saling and Cornelius de Meyer — is investigated, as well as a 1589 map of the Baltic Sea by Cornelius Duts. The geographical information contained in the Notes on Muscovy by Heinrich von Staden (second half of the 16th century) is analyzed in detail.

"A drawing to Ukrainian and Cherkassky cities from Moscow to Crimea" (the first half of the 17th century), which shows the hydrography of the southern part of the Russian state, is considered in the context of the work on mapping of the Russian lands carried out in Russia from the second half of the 16th to the beginning of the 17th century.

Russian state, 16th–17th centuries, inland waterways, foreign travelers, international trade, cartography

EVGENII E. RYCHALOVSKY

St. Petersburg Academy of Sciences in 1779–1780s and maps of the Third Expedition of James Cook

By the end of the 1770s the St. Petersburg Academy of Sciences published a series of maps of the northern part of the Pacific Ocean with adjacent parts of Eurasia and North America, the shortcomings of which were recognized by Russian scientists. Magazines and maps of the Third Voyage of Captain-Commander James Cook of 1776–1779, who used more advanced instruments and methods of shooting, significantly supplemented the geographical representations of this region. The paper discusses the ways in which information about Cook's journey reached St. Petersburg, the nature of this information and the first responses of Academy members to them. The subject of a separate study is the first maps of industrialists and Siberian surveyors using data from the English expedition, including almost unknown in historical and geographical science. The possibility of transferring any of the Third Voyage maps depicting the North Pacific to Russian officers or industrialists has been called into question. Considerable attention is paid to the history of publications of the St. Petersburg Academy of Sciences — from the map of 1781 by P.S. Pallas to the "New Map of the Russian Empire" (1786), which to some extent interpreted the data of the English navigator.

James Cook Third Voyage, St. Petersburg Academy of Sciences, cartography, map publishing

ANNA I. SAVINOVA, JULIA V. STEPANOVA

Settlement of "Foreign offsprings" on palace lands in the Derevskaia and Bezhetskaia *piatina*s of the Novgorod land

The paper is devoted to the problem of population migration from territories left to the Swedish state after the end of the Time of Troubles to the central regions of the Russian state. The settlement of *Koreliane* on the palace lands in the Derevskaya and Bezhetsky *piatina*s of Novgorod land is considered according to the census book of 1668 from the Russian State Archive of Ancient Acts. An analysis of the text of the census book using computer technology made it possible to determine the territorial origin of the groups of "foreign immigrants" and compare them with the *pogost*s of Derevskaia and Bezhetskaia *piatina*s. The palace lands obtained for rent by the *Koreliane* in the Bezhetskaia *piatina* are local-

ized in its southern part: in the basin of the Volchina, Tikhvinka, Vorozhba rivers (a total of 20 *pogosts*). A separate enclave is the Zaborovsky *pogost* of Derevskaia *piatina*. It was found out that the group of immigrants from the Korel *uezd* and Shelonskaia *piatina*, as well as *pogosts* of the northern part of the Bezhetskaia *piatina*, received the wasteland in these microregions. Based on the sources studied, it can be concluded that the process of settling the considered *volosts* by the *Koreliane* began in the late 1650s, and the most widespread was the resettlement in the late 1660s. The resettlement was carried out in stages, including temporary accommodation in the central and eastern parts of Novgorod land, including in the vicinity of Valdai and Tikhvin.

Settlement, *Koreliane*, palace land, *piatina*, *pogost*, wasteland, 17th century

ARSEN K. SHAGINIAN

Political and geographical boundaries of the Southern Caucasus (Transcaucasia)

In the paper, based on information from the literary sources of ancient and early medieval geography, as well as numerous articles from leading reference books of the world of the 19th–20th centuries, the terms applied to the historical geography of the South Caucasus (Transcaucasia) and adjacent areas of the Armenian Highlands are presented and analyzed. The opinion on the southern borders of the South Caucasus (Transcaucasia), which has been established in Russian literature, official documentation and the media is criticized. The author shows that the political borders of the South Caucasus (Transcaucasia) in the south are much wider than geographical borders, covering the northeastern regions of the vast physical and geographical area of the Armenian Highlands, which were included in the Russian Empire in the first third of the 19th century, and later became part of the Soviet Union.

Southern / South Caucasus (Transcaucasia), Greater Caucasus, Lesser Caucasus, Armenian Highlands, Transcaucasian Highlands, Greater Armenia, Lesser Armenia, Caucasian Albania, Iberia, Colchis

Aleksei S. SHCHAVELEV

"Blind Zones" of imaginary ethnogeography of the Primary Chronicle: Methodological and polemic notes on the localization of communities of Dulebes, Dregovichi, Radimichi, Tivertsi, and Croats

The paper sets the task of analyzing complex cases of localization of some Slavic communities of the 10th century. In most cases, this complexity is due to a lack of information, the inability to reconstruct the original text of a particular text-item, and the difficulties of interpreting and identifying onomastic units, which are geographical markers. The paper proves the impossibility of the exact localization of Dregovichi, Radimichi and Tivertsy. The mention of Dulebes in the Primary Chronicle is an anachronism; this community no longer existed in the

10th century. There was never a community of Croats on the borders of Rus', and Prince Vladimir Sviatoslavich went on a campaign against Croatia in the Balkans.

History, historical geography, archeology, localization, Eastern Europe, Early Middle Ages, Slavic communities, 10th century

ARUTIUN A. ULUNIAN

Geohistorical components of ethnopolitical concepts in the ideological doctrines of the communist regimes of Romania, Bulgaria and Albania (late 1960–1970s)

The communist regimes of Romania, Bulgaria and Albania actively used the concepts of the emergence and development of the peoples of these countries for their ideological and political purposes both for the implementation of domestic political objectives and foreign policy tasks. The historical geography and ethnogenesis of the Romanians, Bulgarians, and Albanians turned into an instrument of forming a national identity with the active participation of the authorities in this process. In the late 1960s – early 1970s it became active for objective socio-political reasons. Scientific concepts became the basis of geohistorical constructs designed to explain and consolidate in the public consciousness of these countries, as well as in international opinion, ideas about them as states having a historical past, closely connected not only with the Balkan region, but also with Europe as a whole. Despite the particularities of the concepts put forward, they all emphasized the autochthonous nature of the peoples of the three countries and their special contribution to European historical development.

Albania, Bulgaria, Dardania, Illyria, Romania, Thrace, T. Zhivkov, E. Hodja, N. Ceaușescu, geohistorical concept, Daco-Roman concept, Daco-Thracian concept, protochronism, Thracian-Roman concept, Thracian theory, Illyrian concept, ethnopolitical concepts

CONTENTS

HISTORY OF GEOGRAPHY AND CARTOGRAPHY

E.E. Rychalovsky
St. Petersburg Academy of Sciences in 1779–1780s
and maps of the Third Expedition of James Cook..... 7

PRIMARY SOURCES

A.V. Podossinov
Northern Eurasia on the Peutinger map…….. 77

T.N. Jackson
"He gave a name to this land and called it Greenland, saying that men would desire much more to go there if the land had a good name"..... 141

HISTORICAL GEOGRAPHY OF THE RUSSIAN MIDDLE AGES

A.S. Shchavelev
"Blind Zones" of imaginary ethnogeography of the Primary Chronicle: Methodological and polemic notes on the localization of communities of Dulebes, Dregovichi, Radimichi, Tivertsi, and Croats..... 167

A.L. Griaznov
Northern border of the Belozersky princedom according to the acts of the 15^{ht}–16th centuries..... 199

A.V. Postnikov
Foreign evidence on the waterways by which foreigners first came to Russia (16th to the beginning of the 17th century)..... 236

A.I. Savinova, Ju.V. Stepanova
Settlement of "Foreign offsprings" on palace lands in the Derevskaia and Bezhetskaia *piatinas* of the Novgorod land..... 277

HISTORICAL GEOGRAPHY OF THE CAUCASUS AND TRANSCAUCASIA

V.A. ARUTIUNOVA-FIDANIAN
"Northern tribes" of the early Armenian historiography……. 297

A.V. AKOPIAN
On the localization of several mints in Armenia and Caucasian Albania (8th – early 14th century)..... 326

A.K. SHAGINIAN
Political and geographical boundaries of the Southern Caucasus (Transcaucasia)……... 351

HISTORICAL GEOGRAPHY AND THE PRESENT

AR.A. ULUNIAN
Geohistorical components of ethnopolitical concepts in the ideological doctrines of the communist regimes of Romania, Bulgaria and Albania (late 1960–1970s)…….. 368

I.JU. OKUNEV, B.A. BARABASH
City-state in the modern world: Distinguishing features, advantages and problems..... 391

SURVEY

A.M. AVRAMENKO
The subject, problems and methods of historical geography in the monograph by the Polish historian Jan Tyszkiewicz……. 416

CHRONICLE

13th Conference "Digital Approaches to Cartographic Heritage", Madrid, April 18 to 20, 2018 (*I.G. KONOVALOVA, A.A. FROLOV*)……. 441

17th International Conference of Historical Geographers, Warsaw, July 15 to 20, 2018 (*A.A. FROLOV*)……. 447

ABBREVIATIONS……. 451
ABSTRACTS…… 452
CONTENTS…….. 459
AUTHORS…… 461

ОБ АВТОРАХ

АВРАМЕНКО Анатолий Михайлович — кандидат исторических наук, доцент, руководитель научно-исследовательского центра Краснодарской региональной организации «Содружество Кубань-Украина», avramenkoam@rambler.ru

АКОПЯН Александр Владимирович — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, alexakopyan@gmail.com

АРУТЮНОВА-ФИДАНЯН Виада Артуровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, ceeama.igh.ras@gmail.com

БАРАБАШ Богдан Алексеевич — магистрант МГИМО МИД России, bogdan.barabash.mgimo@gmail.com

ГРЯЗНОВ Анатолий Леонидович — старший научный сотрудник некоммерческого партнерства «Научно-исследовательский центр “Древности”», rubicon-2@yandex.ru

ДЖАКСОН Татьяна Николаевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Tatjana.Jackson@gmail.com

КОНОВАЛОВА Ирина Геннадиевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заместитель директора Института всеобщей истории РАН, irina_konovalova@mail.ru

ОКУНЕВ Игорь Юрьевич — кандидат политических наук, доцент, директор Центра пространственного анализа международных отношений Института международных исследований МГИМО МИД России, iokunev@mgimo.ru

ПОДОСИНОВ Александр Васильевич — доктор исторических наук, заведующий кафедрой древних языков исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, podossinov@mail.ru

ПОСТНИКОВ Алексей Владимирович — доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, академик Международной академии истории науки (Париж), apostnik@ihst.ru

РЫЧАЛОВСКИЙ Евгений Евгеньевич — начальник Отдела научной информации и публикации документов Российского государственного архива древних актов, Evgeniy-Rich@yandex.ru

САВИНОВА Анна Игоревна — аспирант Тверского государственного университета, nuta_savinova@mail.ru

СТЕПАНОВА Юлия Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Тверского государственного университета, m000142@mail.ru

УЛУНЯН Арутюн Акопович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, mirditahavlar21@gmail.com

ФРОЛОВ Алексей Анатольевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, npkfrolov@rambler.ru

ШАГИНЯН Арсен Карапети — доктор исторических наук, профессор кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, a.shaginyan@spbu.ru

ЩАВЕЛЕВ Алексей Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, alexis-schavelev@mail.ru

DIGITAL OBJECT IDENTIFIERS (DOI)

Авраменко А.М.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.4.52878

Акопян А.В.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.4.52865

Арутюнова-Фиданян В.А.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.4.52866

Грязнов А.Л.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.4.52869

Джаксон Т.Н.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.4.52870

Коновалова И.Г., Фролов А.А.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.4.52879

Окунев И.Ю., Барабаш Б.А.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.4.52871

Подосинов А.В.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.4.52872

Постников А.В.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.4.52893

Рычаловский Е.Е.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.4.52873

Савинова А.И., Степанова Ю.В.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.4.52874

Улунян Ар.А.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.4.52875

Фролов А.А.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.4.52880

Шагинян А.К.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.4.52876

Щавелев А.С.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.4.52877

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

ТОМ 4

●

Ответственный редактор
Ирина Геннадиевна Коновалова

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН

Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Корректор *М.М. Горелов*

Подписано в печать 18. 12. 2019
Формат 60 x 90/16. Бумага офсетная № 1
Гарнитура Таймс
Усл. печ. л. 29. Тираж 500

Издательство «Аквилон»
Тел.: +7 (916) 384 94 91
Электронная почта: aquilopress@gmail.com
Адрес в Интернете: aquilopress.com

Отпечатано в типографии
Onebook.ru ООО «Сам Полиграфист»
109316, Москва, Волгоградский просп., д. 42, Технополис МОСКВА
Телефон: +7 (495) 545 37 10
Электронная почта: info@samprint.ru
Адрес в Интернете: www.samprint.ru

ISSN 2307–8200